Д Б Д-Вост.
30 т. 37.
Т-98 И. 2.
Тюшов.
По заподному
берегу...

ЭБ D-Вост
30
Т98

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОБЩЕЙ ГЕОГРАФІИ.
ТОМЪ XXXVII, № 2-й,
изданный подъ редакціею и съ предисловіемъ д. чл. К. И. БОГДАНОВИЧА.

ПО ЗАПАДНОМУ БЕРЕГУ КАМЧАТКИ.

1384/3

В. Н. ТЮШОВА.

(съ картой).

LE LONG DE LA CÔTE OCCIDENTALE DE KAMTCHATKA.

Par W. N. Tuchoff.

Avec une préface par M. Ch. Bogdanowitch et une carte.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1906

Содержаніе предшествовавшихъ томовъ
„ЗАПИСОКЪ ПО ОБЩЕЙ ГЕОГРАФІИ

Звѣздочкою обозначены изданія, которыхъ больше нѣтъ въ продажѣ.

Т. I*, 1867 г., ц. 2 р.—Ладожское озеро и гидрографическія работы, пр
на немъ въ настоящее время (съ картами); А. Андреева.—Географическія замѣ
ной части Закубанскаго края (1864 г.) (съ картою); І. Стебницкаго. — Объ
Девдоракскаго ледника въ 1864 г. (съ планомъ); Гр. Хатисіана.—Общій обзор
жащей къ западу отъ Заилійскаго края между р. Чу и р. Сыръ-Дарьею (съ кар
торацкаго. — Объяснительная записка къ картѣ Киргизской степи; Полт
Ильина.—Поѣздка въ западную часть Тянь-Шаня (съ геологическою картою и
Н. А. Сѣверцова.—Поѣздка изъ Вѣрнаго на озеро Иссыкъ-куль въ 1856 г.; Г
нова.—Алматы или укрѣпленіе Вѣрное, съ его окрестностями; Н. А. Абрамов
раталъ, съ ея окрестностями; Н. А. Абрамова.—Городъ Копалъ съ его округом
Н. А. Абрамова.—Станица Верхлепсинская съ окрестностями, въ 1864 г.; Н
мова.—О ходѣ топографическихъ изслѣдованій оз. Балхаша и его прибрежій
Бабкова.—Ала-куль (съ картою); А. Голубева.—Путешествіе на оз. Зайсанъ
область Чернаго Иртыша до оз. Марка-куль и горы Саръ-тау, въ 1863 г.; К
Г. Потанина.—Зимняя поѣздка на оз. Зайсанъ (1863 - 64 г.); Г. Потанина.
восточному Тарбагатою, лѣтомъ въ 1864 г.; К. Струве и Г. Потанина.—Запи
въ китайскій г. Хобдо въ 1863 г. (съ картою); А. Принтца.—Каменщики, ясач
Бухтарминской волости, Томской губ., и поѣздка въ ихъ селенія въ 1863 г; А.

Т. II, 1869 г., ц. 2 р.—Изслѣдованія о Кубанской дельтѣ (съ картою);
левскаго.—Нѣсколько мыслей о русской географической терминологіи по пово
манъ и ильмень; Н. Я. Данилевскаго.—Извлеченіе изъ письма Н. Я. Дани
результатахъ поѣздки его на Манычъ.—По вопросу о предполагаемомъ обмелені
Гельмерсена.—Туруханскій край; П. Третьякова.—Очеркъ промысловъ Ени
сѣверной и южной системъ (съ картою); Н. В. Латкина.

Т. III*, 1873 г., ц. 3 р.—Отчетъ объ Олекминско-Витимской экспеди
поткина и И. Полякова.

Т. IV, 1873 г., ц. 2 р. 50 к.—Гора Богдо; И. Б. Ауэрбаха и Г. Тра
Наши свѣдѣнія о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи; Р. Э. Ленца. — Свѣдѣнія о
уѣздѣ; А. А. Кушакевича. — Геологическія наблюденія во время Заравшан
ціи; Д. К. Мышенкова. — Объ изборожденныхъ и шлифованныхъ льдомъ вал
сахъ по берегамъ Енисея, къ С. отъ 60° с. ш.; И. А. Лопатина — Дорожны
пути отъ Пекина до Благовѣщенска черезъ Маньчжурію въ 1870 г.; архиман
дія.—Отчетъ о работахъ въ экспедиціи къ Мурманскому берегу въ лѣто 187
Майделя.

Т. V, 1875 г., ц. 3 р.—Общій очеркъ орографіи Восточной Сибири;
кина.—Матеріалы для орографіи Восточной Сибири; орографическій очеркъ Ми
Красноярскаго округа Енисейской губ.; П. Кропоткина. — Дневникъ Фань-Ш
путешест... перевод П. Попова.—Гипсометрическія и географическ
точекъ ... 1868 - 72 г. въ 12 путе
С. Ки ... у краю архим
гг. Пр ... ритше.—Мате
графі ... барономъ А. Е
сомъ

Воей ... осадковъ въ Р
А. И ... (съ картами і
темп ... . Вильда.—С
чева ... чертежами); М
кина ... ія въ 59 пункт
С.-П ... Екатеринбург
Кры ... ѣ осадковъ въ
188 ... роды; В. Кеппе
М. А ... бургѣ, 20-го

... едниковомъ періо
нико ... ледниковаго пер
пот

... къ теоріи посте
ски ... ительная запи
Пер ... ц. 1 р. 50 к
скій ... ; Палладія.
над ... . (съ картою)
сто ... еской экспед.
187 ... —Журналъ бай

„Записки по Общей Географіи“ до тома XXVI включительно и тома: XXIX, XXXI, XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXV и XLII закончены и къ нимъ изданы оглавленія и обложки. Тома: XXVII, XXVIII, XXX, XXXVI, XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XL и XLI еще не закончены.

Предсѣдатель Отдѣленія Географіи Физической
д. чл. Ю. М. Шокальскій.

Мартъ, 1906 г.
СПБ.

Les „Mémoires de Géographie générale“ de la Société Impériale Russe de Géographie, publiés par les Sections de Géographie Mathématique et de Géographie Physique de la Société sous le titre de „Zapiski po Obchtchei Guéographii“, paraissent par livraisons séparées et numérotées. Ces livraisons se réunissent en tomes, pour chacun de ces derniers une couverture et une table de matière sont issues et jointes à la dernière livraison.

Actuellement sont complets les tomes jusqu'au t. XXVI inclusivement, ainsi que les t.: XXIX, XXXI, XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXV et XLII. Les tomes: XXVII, XXVIII, XXX, XXXVI, XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XL et XLI sont en cours de publication.

Président de la Section de Géographie Physique
J. de Schokalsky.

Mars, 1906.
St.-Pétersbourg.

ДБ D-Вост.
30
T98

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОБЩЕЙ ГЕОГРАФІИ.
ТОМЪ XXXVII, № 2-й,
изданный подъ редакціею и съ предисловіемъ д. чл. К. И. БОГДАНОВИЧА.

ПО ЗАПАДНОМУ БЕРЕГУ КАМЧАТКИ.

1384/3

В. Н. ТЮШОВА.

(СЪ КАРТОЙ).

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 139502

LE LONG DE LA CÔTE OCCIDENTALE DE KAMTCHATKA.

Госуд. публичн. историческая библиотека РСФСР
139502

Par W. N. Tuchoff.

Avec une préface par M. Ch. Bogdanowitch et une carte.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1906

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
ПРЕДИСЛОВІЕ	VII—XII
ВВЕДЕНІЕ	1—3
ГЛАВА I. Отъ Петропавловска до Апачи. Сел. Авача 5.—Путешествіе на батахъ по р. Авачѣ 7.—Сел. Хуторъ 11.—Старый Острогъ и Машихины 13.—Видъ съ Авачи на Камчатскую вершину и Гональскіе Востряки 15.—Сел. Коряцкое 17.—Разспросныя свѣдѣнія о вершинахъ р. Авачи 18.—Горячія источники Камчатки 19.—Описаніе устройства „запора“ 20.—Ловля рыбы „марикомъ“ 27.—Свѣдѣнія о лекарственныхъ растеніяхъ около Коряцкаго остр. 28.—Путь до сел. Начики 30.—Гипсометрическія данныя 34.—Сел. Начики 36.—Начикинскіе горячіе ключи 38.—Путешествіе на паромѣ внизъ по р. Начикѣ 40.—„Снѣнка 41.—Путь отъ Начики черезъ Чирельчикъ 43.—Свѣдѣнія о земледѣліи и огородничествѣ въ Начикахъ 46.—Свѣдѣнія о ходѣ рыбы около Начики 49.—Р. Чирельчикъ 51.—Косогоръ 53.—Путь отъ Начики въ Апачу черезъ Халзанъ 56. .	1—60
ГЛАВА II. Апача и его окрестности. О языкѣ жителей Камчатки 61.—Церковно-приходскія школы 63.— Свѣдѣнія о ходѣ рыбъ, лощаніи и т. д. 64.—Свѣдѣнія о вершинахъ Апачинской рѣки 67.—Температурныя данныя для Апачи 70.—Устройство камчатской нарты 73.—Запряжка собакъ 76.—Путь отъ Апачи до Каримчинскихъ горячихъ ключей 79.—Еще о каюрствѣ 81.—Хребетъ и сопки Толмачевскія 84.—Обѣднѣніе Камчатки цѣннымъ звѣремъ 87.—Астрономія камчадаловъ 94.—Выдѣленіе газовъ на Каримчиной 95.—Устройство плавежнаго запора 99.—Метаніе икры гольцами 101.—Примѣръ разговора камчадаловъ 103.—Каримчинскія горячія ключи 105.—Охота на барановъ 107	60—109
ГЛАВА III. Большерѣцкъ и путь до сел. Воровскаго. Дорога до Большерѣцка 110.—Высокія тундры 113.—Большерѣцкъ, какъ русское селеніе 115.—Переправа на батахъ 117.—	

СТРАН.

Кочковатыя тундры 118.—Растительность тундръ 120.—Окнища 121.— Торфяники и слѣды моря 121.—Топкія тундры 123.—Дикіе олени на Камчаткѣ 124.—Профиль равнины-тундры между Большерѣцкомъ и Уткой 126.—Селеніе Утка 127.—Промысловый надзоръ на Камчаткѣ 129.—Путь до Кихчика 130.—Способъ доставки административныхъ распоряженій 132.—Террасы р. Мухинчика 135.—Кошка при устьи Кихчика 138.—Образованіе прибрежныхъ озеръ Камчатки 140.—Разсказъ о морскомъ медвѣдѣ 142.—Затяжные дожди на Камчаткѣ 144.—Передвиженіе по топкимъ турдрамъ 145.—Измѣненія морскихъ кошекъ 146.—Сел. Колъ 149.—Сифилисъ на Камчаткѣ 151.—Путь по морской кошкѣ до сел. Воровскаго 152. . . . . 110—155

ГЛАВА IV. Сел. Воровское и путь до Облуковиной. Камчатскій балаганъ 155.—Голословность обвиненія камчадаловъ въ лѣни 157.—Незнакомство мѣстной администраціи съ бытомъ инородцевъ 158.—Запасные магазины юколы 161.—Заготовленіе камчадалами кореньевъ (сарана) 163.—Толкуша 164.—Огородничество около Воровского острожка 165.—Рѣка Воровская и перемѣщенія устій рѣкъ 167.—Тяжесть для инородцевъ натуральной повинности каюрства 170.—Сел. Колпаковское 178.—Вершины р. Колпаковской 179.—Перечисленіе рѣкъ между сел. Воровское и Колпаковское 180.—Свѣдѣнія о ходѣ рыбы въ этихъ рѣкахъ 182.—Уйки 183.—Дѣтскія игры камчадаловъ 185.—Народныя лекарственныя средства 185.—Ѣзда по тундрѣ на нартахъ 190.—Тундровыя озерки 196.—Селеніе Крутогоровское 199.—Еще объ осеннемъ промыслѣ сараны 200.—Свѣдѣнія о ходѣ рыбы по р. Крутогоровой 201.—О камчатскихъ совахъ, летучей мыши 203.—Желѣзная руда и растительные остатки при устьѣ р. Шадашха 204.—Прибыль населенія Крутогоровскаго за время съ 1853 по 1896 г. 206.—Перечисленіе рѣкъ между Крутогоровой и Облуковиной 207.—Террасы Крутогоровой рѣки 209.—Тнумлевъ и давнайки 213.—Сел. Облуковинское 213.—Занятія жителей 215.—Выдра и способы ея промысла 216.—Промыселъ соболей 219.—Свѣдѣнія о пушномъ промыслѣ въ 1890 и 91 гг. 224.—Одежда инородцевъ 225.—Огородничество въ Облуковинѣ, кушанья 227.—Время замерзанія и вскрытія Облуковинской рѣки 230 . . . . 155—231

ГЛАВА V. Отъ Облуковиной до Ичи. Зимніе мосты черезъ Камчатскія рѣки 232.—Промыселъ на росомаху 234.—Различныя повѣрья камчадаловъ 235.—Замѣчаніе о языкѣ камчадаловъ 237.—Свѣдѣнія о прилетѣ птицъ 239.—Сказаніе о медвѣдѣ 241.—Разсказы о Кутхѣ (божество) 244.—Пихляхчъ (божество) 246.—Жалобы населенія о трудности заготовки рыбы 249.—Тундры около р. Кокопокъ 253.—Разсказъ о мизгирѣ 256.—Сказка про Ивана-царевича 257.—Русскій языкъ у тнумленъ и давнайковъ 263.—Профиль тундры между Облуковиной и Ичей 265 . . . . 231—266

СТРАН.

ГЛАВА VI. Селеніе Ича и путь до Сопочнаго. Занятія ичинцевъ 268.—Сказаніе о Хальхинту 272.—Разсказы о войнахъ древнихъ камчадаловъ 277.—Сказки о Кутхѣ и его дѣтяхъ 278.—Убогая обстановка современныхъ камчадаловъ 282.—Перечисленіе рѣкъ между Ичей и Сопочной 286.—Еще о трудности произношенія камчадальскихъ словъ 288.—О медвѣдяхъ 290.—Неудобства осеннихъ путешествій по Камчаткѣ 293.—Обнаженія по р. Шаичику 296.—Сопка Тхлоайянъ 297 . . . 266—299

ГЛАВА VII. Селенія Сопочное, Морошечное и Бѣлоголовое. Начало области камчадаловъ давнайкъ 300.—Отношеніе камчадаловь къ русскимъ 301.—Забитость камчадаловъ 303.—Исторія объ Облуковинскомъ попѣ 313.—Разсказы Павлуцкаго 320.—Сел. Сопочное 322.—Ходъ рыбы по Сопочной рѣкѣ 325.—Камчатская трактовая юрта 327.—Камчадалы въ переходной стадіи между осѣдлымъ и кочевымъ состояніемъ 330.—Пади на Камчатскихъ тундрахъ 333.—Замедленность рѣчи камчадаловъ 336.—Освѣщеніе камчадальскихъ жилищъ 341.—Уходъ за дѣтьми, одежда ихъ 345.—Домашній обиходъ 346.—Нерпичій промыселъ сѣтками 347.—Уменьшеніе промысла пушнаго звѣря 350.—Сборъ кемчиги 352.—Огородничество въ Морошечномъ сел. 353.—Ламуты и коряки 356.—Ѣзда на оленяхъ 357.—Разсказы о корякахъ 358.—Бугристыя тундры между Морошечной и Бѣлоголовой 360.—Кучигуры 365.—Селеніе Бѣлоголовское 369—Еще о каюрствѣ, какъ натуральной повинности 370.—Ходъ рыбы по Бѣлоголовской рѣкѣ 372.—Каменныя орудія въ бытѣ Бѣлоголовскихъ камчадаловъ 375.—Путь до Харьюзовскаго сел. 377 . . . . 300—379

ГЛАВА VIII. Отъ сел. Харьюзоваго до Тигиля. Дорога изъ Харьюзоваго въ долину р. Камчатки 379.—Причины зажиточности въ сел. Харьюзовомъ 380.—Осенній промыселъ на соболя 382.—Зимній промыселъ на соболя 383.—Сопка Эльвэликъ 385.—Сказанія о потопѣ 388.—Черемуха на Камчаткѣ 390.—Островъ Ачаванчь 393.—Вершины р. Тигиля 399.—Описаніе камчатской полевой мыши 400.—Огородничество въ Ковранѣ 402.—Необходимость метеорологическихъ наблюденій на Камчаткѣ 403.—Положеніе сел. Ковранъ 403.—Свѣдѣнія о скотоводствѣ въ Ковранѣ 404.—Лошади на Камчаткѣ 405.—Свѣдѣнія о скотоводствѣ вообще на Камчаткѣ 406.—Причины его недостаточнаго развитія 408.—О морскомъ промыслѣ 411.—Промыселъ нерпъ отгономъ 412.—Промыселъ спицей 413.—Устройство спицъ лахтажьей и нерпичьей 414.—Промыселъ ружьемъ 418.—Отсутствіе средствъ передвиженія по морю 419.—Разсказы о періодическомъ появленіи талыхъ мѣстъ на Бѣлой сопкѣ 420.—Устройство юрты 425.—Жизнь камчадаловъ въ юртѣ, на стану 426.—Береговыя террасы между Ковраномъ и Утхолокой 429.—Сел. Утхолокъ 430.—Цѣны различныхъ товаровъ въ Утхолокѣ 432.—Перечисленіе рѣчекъ между Утхоло-

СТРАН.

комъ и Ковраномъ 433.—Передвиженіе по уброду 435.—Камчадалы не осѣдлые 435.—Тундры около р. Квачены 439.—Еще объ астрономіи камчадаловъ 442.—Выносливость камчадаловъ 443.—Кучигуры 445.—Сел. Напана 446.—Вредное вліяніе на инородцевъ русскаго населенія 447.—Нарѣчіе камчадаловъ Аманинскихъ и Седанковскихъ 448.—Путь до Тигиля 452. . . . 379—455

ГЛАВА IX. Замѣтки о камчадальскомъ языкѣ. Трудность записи 456.—Измѣненіе говора русскихъ 458.—Происхожденіе названія Камчатка 461.—Запись словъ въ сел. Сопочномъ 462.—Въ сел. Морощечномъ 472.—Въ сел. Бѣлоголовскомъ 482.—Въ сел. Утхолока 485.—Въ сел. Напана 485.—Въ сел. Харьюзовскомъ, Аманинскомъ и Седанкѣ 492.—Въ сел. Утхолока (1894 г.) 493.—Въ сел. Ковранъ и Харьюзовомъ (1894 г.) 494.—Въ сел. Бѣлоголовскомъ (1896 г.) 495.—Въ сел. Ковранъ (1897 г.) 504. — Въ сел. Воровскомъ 507. — Въ сел. Колпакова 510.—Въ сел. Крутогоровомъ 511. . . . . 456—512

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ . . . . 513—521

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ настоящаго труда, врачъ по своей спеціальности, болѣе десяти лѣтъ находится почти безвыѣздно на Камчаткѣ, удерживаемый тамъ своей врожденной страстью къ путешествіямъ, какъ къ одному изъ средствъ для изученія природы. Когда автору, послѣ окончанія имъ Дерптскаго университета, предстояло избрать мѣсто для своей дальнѣйшей дѣятельности, выборъ его остановился на Камчаткѣ не случайно, а какъ на области, представляющей въ географическомъ отношеніи самый разнообразный матеріалъ для наблюденій и изслѣдованій.

Болѣе или менѣе всѣмъ, вѣроятно, извѣстны, по крайней мѣрѣ по названіямъ, только такіе колоссальные дѣйствующіе вулканы Камчатки, какъ Ключевская сопка, Шивелучъ, Авачинская; затѣмъ кой-какія свѣдѣнія о Камчаткѣ, распространенныя среди широкой публики, связаны съ представленіями о какой-то далекой странѣ, омываемой водами непривѣтливыхъ сѣверныхъ морей, странѣ—съ угрюмой природой, жалкимъ населеніемъ и богатой только соболемъ, медвѣдями и рыбой. Такое представленіе есть краткое и въ общихъ чертахъ вѣрное выраженіе географическихъ свѣдѣній, разсѣянныхъ въ описаніяхъ рѣдкихъ путешественниковъ по Камчаткѣ. Яснаго неба, потоковъ теплыхъ солнечныхъ лучей,

богатой и разнообразной растительности, жизнерадостнаго и энергичнаго населенія—всего этого на Камчаткѣ нѣтъ, и нужно быть натуралистомъ, чтобы непривѣтливая природа Камчатки пробудила къ себѣ тотъ глубокій интересъ, съ какимъ авторъ этой книги совершалъ свои отдаленныя и продолжительныя странствованія по Камчаткѣ. Рукопись настоящаго описанія, представляющаго путевые дневники автора, была доставлена въ Геогр. Общество Н. Л. Гондатти [1]) еще въ 1900 г., но къ сожалѣнію къ ея изданію можно было приступить только въ 1905 г. Военныя дѣйствія на Дальнемъ Востокѣ отразились, какъ извѣстно, очень тревожно и на Камчаткѣ; продолженіе, задуманнаго авторомъ, систематическаго описанія другихъ частей Камчатки было прервано, и въ настоящее время въ моихъ рукахъ находится только, составленное авторомъ, топографическое описаніе долины р. Камчатки и ледниковъ группы Ключевскихъ вулкановъ.

Въ формахъ поверхности Камчатки преобладаютъ пространства трехъ категорій—сопки, т.-е. вулканическія горы, хребты, какъ образованія частью невулканической природы, и низменныя тундры; иногда ландшафты этихъ формъ, совершенно различныхъ по ихъ происхожденію, находятся въ тѣсномъ сочетаніи, но въ общемъ они распредѣлены болѣе или менѣе регіонально, подавляя каждый разъ тѣмъ или инымъ характеромъ другіе ландшафты. Путешественникъ, попадая въ область одного изъ такихъ пространствъ, находится всецѣло подъ впечатлѣніемъ подавляющаго однообразія природы, и только опытный глазъ географа-морфолога съумѣетъ различить и на такомъ однообразномъ фонѣ черты ихъ прошлой жизни. Западный берегъ Камчатки, описанію котораго шагъ за шагомъ главнымъ образомъ и посвящена настоящая книга, представляетъ область безконечныхъ тундръ. Авторъ съ такимъ вниманіемъ и такой подробностью останавливается

---

[1]) Благодаря совѣтамъ и указаніямъ Н. Л. Гондатти, авторъ и приступилъ къ обработкѣ своихъ дневниковъ.

на всѣхъ особенностяхъ камчатскихъ тундръ, что едва ли еще что либо можно было бы прибавить къ его описанію внѣшняго вида и характера этихъ тундръ. Авторъ останавливаетъ свое вниманіе на отношеніяхъ между тундрами и моремъ, на распредѣленіи низкихъ и высокихъ тундръ, приблизительно на одинаковой абсолютной высотѣ, и на террасахъ тундровыхъ рѣкъ. Суммируя замѣчанія автора, разсѣянныя въ различныхъ мѣстахъ его книги, можно видѣть, что образованіе рельефа тундровыхъ пространствъ западнаго берега Камчатки онъ приписываетъ дѣятельности отступавшаго моря, а для высокихъ тундръ дѣятельности ледниковъ въ эпоху ихъ болѣе значительнаго развитія. По поводу этихъ соображеній автора необходимо сдѣлать нѣсколько оговорокъ.

Поверхность тундръ, для опредѣленія рельефа которыхъ авторъ часто затрудняется подыскать соотвѣтствующія выраженія, опредѣляется лучше всего понятіемъ почти-равнина, пенепленъ, расчлененность которой происходитъ на счетъ углубленія современныхъ рѣчныхъ долинъ, а съ другой стороны обусловливается присутствіемъ изолированныхъ вулканическихъ сопокъ и грядъ какъ вулканическаго, такъ и не вулканическаго происхожденія, напр. сопки Мухина, Ктуохта, Кхучень, По-ая, Ткоингей, Элюэликъ, Красная, гряды Килькзы, Минчвентынъ и друг. Выравниваніе поверхности западнаго побережья Камчатки началось послѣ времени постпліоценовой дислокаціи, создавшей гряды изъ пліоценовыхъ слоевъ, напр., между Бѣлоголовой и Аманиной, и послѣ времени окончанія главной фазы вулканизма Камчатки, создавшаго и тѣ высоты въ срединномъ хребтѣ, которыя были покрыты ледниками въ эпоху конца постпліоцена. Распространеніе подъ тундрами континентальныхъ пліоценовыхъ и болѣе новыхъ отложеній на части побережья между Голыгиной и Харьюзовой и наоборотъ морскихъ пліоценовыхъ на сѣверъ отсюда, причемъ гипсометрическій уровень высотъ почти-равнины въ области морскихъ образованій нѣсколько больше, чѣмъ въ

области континентальныхъ, а берегъ моря сопровождается крутыми обрывами и мысами,—показываетъ, что степень выравниванія тундровыхъ пространствъ неодинакова и что отступаніе моря въ этомъ процессѣ, если и принимало какое-либо участье, то во всякомъ случаѣ не путемъ прямого отложенія морскихъ осадковъ. Фактовъ, которые бы указывали на большее распространеніе моря въ эпоху современную и постпліоценовую, на Камчаткѣ до сихъ поръ не извѣстно. Если при устьяхъ многихъ рѣкъ замѣчается приростъ суши на счетъ моря, то онъ связанъ съ непрерывнымъ выравниваніемъ страны дѣятельностью рѣкъ. Нѣтъ пока никакихъ фактовъ, которые позволяли бы намъ представить себѣ постпліоценовое море, распространявшимся до подножія срединнаго хребта; напротивъ, болѣе вѣроятно, что все пространство низменнаго теперь побережья почти въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ современное, было въ началѣ постпліоценовой эпохи болѣе повышеннымъ и болѣе расчлененнымъ, а съ теченіемъ времени всѣ неровности сглаживались дѣйствіемъ размыванія проточными водами и отложенія ими осадковъ. Террасы въ нижнихъ частяхъ рѣкъ обнаруживаются гораздо отчетливѣе на сѣверной части побережья, въ области уступа изъ морского пліоцена, и вѣроятнѣе, что нѣкоторое оживленіе размыванія происходило по всему побережью, а въ особенности въ сѣверной его части, не столько подъ вліяніемъ опусканія уровня моря, которое дѣйствительно было, сколько главнымъ образомъ отъ неравномѣрнаго поднятія какъ побережья, такъ въ особенности въ срединномъ хребтѣ въ связи съ проявленіями вулканизма. Вліяніе поднятія водораздѣловъ и ихъ перемѣщенія обнаруживается очень ясно на распредѣленіи верховій нѣкоторыхъ рѣкъ, напр., Тигиля, Харьюзовской, Облуковиной, Колпаковской, именно въ рѣзкомъ отклоненіи верховій этихъ рѣкъ къ югу; такое отклоненіе, вслѣдствіе поднятія въ верховіяхъ рѣкъ новыхъ вулканическихъ массивовъ, должно было послѣдовать послѣ того, какъ

въ ихъ нижнихъ теченіяхъ, согласныхъ съ господствующимъ западнымъ уклономъ, страна была почти выравнена и гидрографическая сѣть, казалось, достигла до состоянія равновѣсія. Быть можетъ, болѣе высокія междурѣчныя пространства низменнаго западнаго побережья, въ видѣ уваловъ и гривъ съ „березниками", представляютъ собою поверхность такой почти-равнины, подвергшейся послѣдующему размыванію; современная конфигурація западнаго побережья снова близка къ состоянію почти-равнины, а ея рѣки къ состоянію полнаго равновѣсія. Всѣ эти колебанія происходили въ узкихъ предѣлахъ постпліоценовой и современной эпохъ.

Что касается до участья ледниковъ въ созданіи современнаго рельефа какъ побережья, такъ и горнаго пространства, то нужно обратить вниманіе, что, насколько извѣстно до сихъ поръ, ледники на Камчаткѣ имѣли только мѣстное нѣсколько большее развитіе, и время это совпадало съ концомъ главной фазы вулканизма на рубежѣ съ современной эпохой; ледники могли играть нѣкоторую роль въ только что упомянутомъ измѣненіи гидрографической сѣти, способствуя оживленію размыванія.

Положеніе высокихъ тундръ приблизительно на высотахъ 2000—2500 ф. представляетъ явленіе климатическаго порядка, въ зависимости отъ положенія границы древесной растительности, а не вслѣдствіе развитія на этихъ высотахъ поверхности какой-либо древней высокой почти-равнины. Если и можно отмѣтить на этихъ высотахъ остатки равнинныхъ пространствъ, то такіе остатки связаны обыкновенно съ распространеніемъ обширныхъ вулканическихъ образованій, въ распредѣленіи которыхъ до сихъ поръ еще не уловлено какой-либо гипсометрической законности. Вулканизмъ и различная степень его напряженности управляли созданіемъ рельефа горныхъ пространствъ послѣ складчатости древнихъ метаморфическихъ отложеній срединныхъ частей Камчатки; измѣненія въ рельефѣ горныхъ пространствъ неизбѣжно отражались на

процессахъ размыванія низменныхъ побережій. Выяснить зависимость между фазами вулканизма и исторіей развитія низменныхъ тундровыхъ пространствъ является, конечно, одной изъ интереснѣйшихъ задачъ дальнѣйшаго геологическаго изслѣдованія Камчатки, а образованіе камчатскихъ тундръ ожидаетъ еще геоботаническихъ изслѣдованій.

Настоящими оговорками я хочу только оттѣнить присущую автору наблюдательность, которая заставляетъ его обращать вниманіе на такія черты топографіи страны, которыя въ большинствѣ случаевъ совершенно ускользаютъ отъ вниманія путешественниковъ.

Главное содержаніе настоящей книги составляетъ описаніе населенія Камчатки, и въ этомъ отношеніи авторъ даетъ настолько интересную картину быта камчадаловъ, ихъ занятій и промысловъ, что послѣ классической книги Крашенинникова это описаніе составляетъ первую попытку дать обликъ камчадала, какъ человѣка. О природѣ Камчатки, даже о ея геологіи, мы знали до сихъ поръ гораздо больше, чѣмъ о ея жителяхъ; передъ читателемъ настоящей книги проходятъ, какъ живые, обитатели всѣхъ этихъ однообразныхъ острожковъ, и видъ камчадала, сосредоточеннаго на непрестанной борьбѣ съ природой и боязливо ожидающаго, вмѣсто помощи, только новой обиды отъ всякаго человѣка „изъ-за рѣки“, можетъ служить одной изъ яркихъ иллюстрацій нашего вниманія къ окраинамъ Россіи.

Для поясненія текста приложена карта Камчатки, составленная мною и Н. Н. Лелякинымъ еще въ 1901 г.; исключительно только ради простоты техническаго исполненія карты, на ней удержана, принятая нами, транскрипція мѣстныхъ названій, хотя не можетъ быть никакого сомнѣнія, что географическія названія Камчатки въ передачѣ ихъ авторомъ настоящаго описанія являются наиболѣе вѣрными.

К. Богдановичъ.

Январь 1906 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Описаніе всякаго предмета, тѣмъ болѣе цѣлой страны, которое заслуживало-бы научнаго интереса, требуетъ со стороны составителя, помимо научной подготовки,— энергіи, любви къ дѣлу, свободы времени, извѣстной независимости отъ мѣстной администраціи и достаточной обезпеченности въ матеріальномъ отношеніи. Авторъ предлагаемыхъ замѣтокъ не обладаетъ перечисленными качествами истиннаго изслѣдователя, поэтому самому не претендуетъ и на какое-либо научное значеніе своихъ замѣтокъ о Камчаткѣ; онѣ составлялись постепенно за время многократныхъ поѣздокъ по дѣламъ чисто служебнаго характера по этой, столь еще мало извѣстной странѣ.

Кромѣ стариннаго описанія Камчатки Крашенинникова и трудовъ Эрмана (1829) и Дитмара (1854), другихъ описаній этой страны нѣтъ, и къ тому же оба послѣдніе труда изданы на нѣмецкомъ языкѣ [1]).

Внѣ сомнѣнія, въ скоромъ времени литература о Камчаткѣ сразу обогатится трудами посѣтившихъ ее изслѣдователей, пребываніе которыхъ въ Камчаткѣ надолго останется въ памяти туземныхъ жителей.

---

[1]) Въ настоящее время сочиненіе Дитмара издано Академіей Наукъ на русскомъ языкѣ.

Высказавъ предположенiе объ обогащенiи русской литературы о Камчаткѣ въ скоромъ времени подробными отчетами спецiалистовъ-изслѣдователей, откуда вытекаетъ какъ бы безполезность настоящаго труда, я, тѣмъ не менѣе, рѣшаюсь издать свой трудъ, полагая, что всякое правдивое изложенiе предмета можетъ и должно быть полезно для лицъ, желающихъ ближе ознакомиться съ излагаемымъ предметомъ; такъ какъ оно, даже если отбросить все рисующее только душевное настроенiе автора въ моментъ составленiя описанiя, все же прибавитъ нѣкоторыя новыя данныя для болѣе полнаго и основательнаго сужденiя о предметѣ описанiя. Вотъ почему, повторяю, я рѣшаюсь на изданiе настоящихъ замѣтокъ о Камчаткѣ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что всякое, хотя бы и строго научное, описанiе заключаетъ въ себѣ много субъективнаго; оно не можетъ не отражать всю совокупность влiянiй, проходящихъ незамѣченными нами, тѣмъ не менѣе, направляющихъ въ каждый данный моментъ нашу душевную дѣятельность въ ту или другую сторону и придающихъ ей тотъ или иной характеръ, называемый въ обыденной жизни „душевнымъ настроенiемъ".

Тѣмъ болѣе личнаго субъективнаго носятъ въ себѣ общiя описанiя мало или вовсе не изслѣдованныхъ странъ. Этимъ объясняются зачастую дiаметрально противоположныя впечатлѣнiя, произведенныя однимъ и тѣмъ же видомъ или явленiемъ на двухъ различныхъ путешественниковъ, что, въ свою очередь, выражается въ кажущемся разногласiи описанiй. Предвидя подобныя разногласiя, спѣшу еще разъ заявить, что авторъ нижеизложеннаго въ каждомъ данномъ случаѣ описываетъ только то, что́ видѣлъ и въ чемъ убѣждался лично.

Собравшись подѣлиться имѣющимися у меня о Камчаткѣ свѣдѣнiями съ желающими что-нибудь узнать объ этой странѣ, я черпаю необходимый для того матерiалъ въ своихъ днев-

никахъ, веденныхъ въ разное время года въ каждую поѣздку. Это затрудняетъ меня, которымъ изъ нихъ воспользоваться, и рѣшаюсь воспользоваться, главнымъ образомъ, дневникомъ, веденнымъ мною въ поѣздку 1896—1897 г., присоединяя сюда же собранныя данныя прежнихъ лѣтъ и весны 1898 г. Для полноты описанія въ настоящемъ очеркѣ пути отъ Петропавловска до Облуковины по западному берегу Камчатки, я привожу здѣсь многое изъ статьи, помѣщенной мною въ изданіи Приамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Занесенныя въ дневникъ свѣдѣнія не систематизированы, а потому настоящія замѣтки не представляютъ собою какого-либо дѣйствительно цѣльнаго описанія Камчатки, давая читателю только сырой матеріалъ для болѣе полнаго и строго систематическаго изложенія.

ГЛАВА I.

Отъ Петропавловска до Апачи.

20-го сентября 1896 года я выѣхалъ изъ Петропавловска, чтобы проѣхать западнымъ берегомъ Камчатки совмѣстно съ помощникомъ Окружнаго Начальника до селенія Облуковинскаго. Передъ нами лежала зеркальная поверхность Авачинской бухты; въ воздухѣ уже чувствовалась бодрящая свѣжесть. Было такъ тихо, что даже ряби не было видно на обширной водной площади бухты, сливающейся прямо на югъ между отвѣсныхъ утесовъ ея входа съ безбрежнымъ океаномъ. На небѣ ни облачка; все кольцо, замыкающихъ бухту горныхъ цѣпей, рѣзко вырисовывалось на голубомъ фонѣ сентябрьскаго неба.

Сигнальный мысъ, которымъ обязана своимъ существованіемъ Малая Авачинская губа или „Ковшъ", какъ ее называютъ въ городѣ, оканчивается крайне интереснымъ образованіемъ горъ Никольской и Сигнальной, выдавшимся въ губу приблизительно на одну версту при ширинѣ не болѣе 100 саженъ и наибольшей высотѣ въ 400 футовъ; образованіе это сложено, повидимому, изъ метаморфическихъ сланцевъ, слои которыхъ ясно замѣтны вслѣдствіе различія ихъ окраски; обогнувъ Сигнальный мысъ, наша шлюпка взяла курсъ на NNW прямо по направленію къ селенію Авачѣ, расположенному въ сѣверо-западномъ углу названной бухты. На сѣверѣ, на высокомъ кряжѣ горъ вздымаются три конусообразныя вершины—сопки: Коряцкая, Авачинская и Козельская. Самая

высокая изъ нихъ—это Коряцкая или Стрѣлочная. Вглядываясь, можно замѣтить на нижнемъ краю ея вершины, какъ бы срѣзанной нѣсколько косо, небольшое облако бѣлыхъ паровъ, поднимающихся столбомъ изъ оставшейся еще трещины на мѣстѣ бывшаго кратера. Тоже и на вершинѣ Авачинской сопки, а послѣдняя изъ названныхъ горъ не проявляетъ вовсе никакихъ слѣдовъ вулканической дѣятельности. Не только верхнія половины этихъ сопокъ, но и гребни виднѣющихся горныхъ хребтовъ, ярко блестятъ на солнцѣ свѣжимъ снѣжнымъ покровомъ. Петропавловскъ съ его убогими лачугами и самодовольными ихъ обитателями, не желающими ничего видѣть далѣе своего носа, остался назади. Еще нѣсколько дней, уйдетъ и „Якутъ", послѣднее военное судно, оживляющее городъ, и жители Петропавловска, еще не пробудившіеся совершенно отъ прошлогодняго сна, снова погрузятся въ совершенную духовную спячку. Наблюдая ежегодно это явленіе духовнаго усыпанія, я невольно чувствую себя особенно въ хорошемъ расположеніи, покидая городъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Здѣсь, внѣ его такъ чудно хорошо: хочется движенія, работы; мысль работаетъ быстро и ясно. Будь матеріальное обезпеченіе, кажется, отказался бы отъ всякой службы, отдавшись исключительно изученію Камчатки въ естественно-историческомъ отношеніи.

Но вотъ и Авача... Шлюпка, быстро пройдя мимо упомянутыхъ горъ, почти совершенно отвѣсными кручами уходящихъ своею восточною стороною въ воду, и перерѣзавъ бухту Сѣроглазочную, въ глубинѣ которой расположено у подножія Мишенной горы (куполообразнаго, по Дитмару, андезитоваго возвышенія, до 1300 ф. высотою) небольшое селеніе Сѣроглазка, основанное въ 1853 г., и бухту Моховую, вошла въ заливъ, образуемый рѣкою Авачей.

Селеніе Авача расположено, какъ сказано, въ сѣверозападномъ углу Большой Авачинской бухты по низменному берегу мелководнаго залива. Заливъ этотъ отдѣляется отъ губы

узкой и длинной косой—„кошкой“, какъ называютъ здѣсь подобныя образованія, на которой находится длинный рядъ незатѣйливыхъ построекъ, служащихъ для сушки добываемой рыбы (вѣшала или сушила). Типъ устройства этихъ вѣшалъ остается одинъ и тотъ же по всему полуострову съ очень незначительными измѣненіями въ деталяхъ. Это—четыре, до $1^{1}/_{2}$ саженъ длиною, стойки, воткнутыя въ землю и соединенныя на верху попарно двумя жердями, на которыхъ укрѣпляется перпендикулярно къ нимъ рядъ болѣе тонкихъ палокъ (карбасовъ), служащихъ собственно для подвѣшиванія рыбы. Сверху эта примитивная рѣшетка прикрывается (иногда) крышей изъ травы или древесной коры для защиты отъ дождей. Маленькіе и бѣдные домики селенія, если только можно назвать домиками эти жалкія обитаемыя лачуги, съ окнами, нерѣдко затянутыми полотнищами изъ сшитыхъ медвѣжьихъ кишекъ вмѣсто стеколъ, всегда сырые и крайне грязные,—въ безпорядкѣ разбросаны частью по болотистому лѣвому прибрежью упомянутаго залива, частью стоятъ на увалѣ, поросшемъ далѣе кустами ольховника, поднимающемся постепенно къ Мишенной горѣ, склоны которой покрыты березовымъ лѣсомъ. Жители нижней части селенія ежегодно страдаютъ отъ наводненій и потому думаютъ выбрать другое болѣе удобное мѣсто для поселенія. Помимо рыбной ловли, которая, главнымъ образомъ, обезпечиваетъ существованіе Авачинскихъ обитателей, послѣдніе занимаются также въ зимнее и весеннее время поставкою дровъ для города. Охотниковъ-промышленниковъ изъ нихъ нѣтъ. Я не ошибусь, если скажу, что многіе уже взрослые авачинцы не только не добывали соболя, но даже и не видали его никогда въ лѣсу на свободѣ.

Прямо на западъ отъ селенія взору открывается наносная равнина, прорѣзываемая многочисленными устьями рѣкъ Авачи и Паратунки,—равнина, поросшая невысокимъ тальникомъ и ольховникомъ. На горизонтѣ виднѣется цѣпь горъ разнообразнаго очертанія, поросшихъ до самыхъ вершинъ лѣсомъ.

Въ Авачѣ намъ пришлось остаться на ночь, чтобы дождаться своего спутника, который долженъ былъ прибыть сюда только на другое утро. Единственной, сколько-нибудь сносной квартирой въ этомъ селеніи считается домъ ветхой старушки Карандашевой. Кто когда нибудь бывалъ въ Петропавловскѣ, тотъ навѣрно знаетъ эту сгорбленную годами и тяжелымъ трудомъ словоохотливую старушку, бывшую свидѣтельницей и даже участницей памятной обороны Петропавловска въ 1854 г. и излагавшей охотно въ живомъ разсказѣ подробности этого событія, вѣроятно, въ тысячный разъ, всякому желающему. Взрослыхъ мужчинъ въ селеніи не было; они ловили рыбу (кижуча) въ Николаевской рѣкѣ, т.-е. Паратункѣ, потому что въ Авачѣ кижучъ болѣе не поднимается, такъ какъ весь прошелъ вверхъ; говорятъ, что и въ Старомъ Острогѣ рыба ловится худо по той же причинѣ. Интересно было бы объяснить эту разницу во времени прохожденія рыбы по этимъ двумъ рѣкамъ, у которыхъ устья такъ близко одни отъ другихъ.

На другой день, часовъ въ 8 утра пріѣхалъ мой спутникъ, а въ 10 мы уже сидѣли въ разныхъ батахъ, готовые двигаться вверхъ по теченію рѣки до ближайшаго селенія Стараго Острога. Длинные и валкіе, благодаря свой узкости, баты суть выдолбленные и нѣсколько развернутые стволы тополя или ветлы обыкновенно сажени въ три длиною; каждый батъ управляется двумя каюрщиками (проводниками), которые, стоя, одинъ въ задней части бата, другой въ передней, и упираясь длинными шестами возлѣ самаго берега въ дно рѣки, подвигаютъ батъ со значительной скоростью впередъ. Это передвиженіе на шестахъ требуетъ помимо физической силы еще большой ловкости и точнаго знанія рѣчного русла. Баты почти беззвучно скользятъ по свѣтлѣющей впереди водной глади залива.

Перерѣзавъ его прямо на западъ, вошли въ знакомое первое сѣверное устье рѣки Авачи, однако едва не сѣвъ на

мель; оно не шире 15 саж. Какая разница въ уровнѣ воды теперь и весной. Тогда въ этомъ мѣстѣ шесты не доставали до дна, а теперь батъ, несмотря на то, что сидитъ не болѣе какъ 3 вершка, задѣваетъ то и дѣло о дно. Черезъ полчаса прошли другую протоку „капужикъ". На рѣкѣ тихо; впередъ вижу только широкую спину коренастаго передового или носового каюра, ловко и мѣрно наклоняющагося при управленіи шестомъ, а по сторонамъ низкіе берега, поросшіе пожелтѣвшимъ тальникомъ и ольховникомъ. Нѣтъ-нѣтъ да и покажется вдали, при поворотѣ бата, въ излучинѣ рѣки, сверкающая вершина гигантскаго конуса Коряцкой сопки и опять скроется, оставивъ только видъ на тѣ же глинистыя берега и на тотъ же склонившійся надъ рѣкою лѣсъ. Пользуясь тихимъ теченіемъ рѣки, когда не надо напрягать особенныхъ усилій, чтобы подвигать батъ впередъ, каюрщикъ затягиваетъ пѣсню, мотивъ которой, по неумѣнію записать его, остался для меня потеряннымъ. Вотъ слова пѣсни: „Пріѣзжалъ майоръ-полковничекъ, привозилъ указъ не милостивъ, да и не жалостливъ: изъ трехъ братьевъ въ солдаты брать, изъ четырехъ-то въ казаки писать. А у крестьянина то у богатаго три сына были родимые да и любимые... Перваго-то сына жаль отдать, а второго-то не хочется, а третьяго-то Богъ велѣлъ... Малый сынъ расплакался, передъ матерью разнѣжился. „Вѣрно, я тебѣ мать не сынъ родной, вѣрно я тебѣ пасынокъ".—„Ахъ, вы дѣтушки, дѣтушки, вы кровные да и утробные, вы подите вдоль по улочкѣ, вы зайдите въ нову кузницу, вы скуйте-ка по ножичку; вы пойдите-ка во чисто поле, вы отрѣжьте-ка по прутику, да и сдѣлайте по жеребью, отпустите-ка на Дунай рѣку". Старшій-то сынъ отпустилъ, какъ соколъ по воздуху, а второй-то пустилъ, какъ легкая шлюпочка плаваетъ, а третій-то пустилъ, какъ тяжелъ камень ко дну ушелъ... Значитъ, на роду написано, отцемъ матерью наказано".

Разспрашивать о значеніи и происхожденіи пѣсни без-

полезно, поющій ничего не можетъ сообщить относительно этого. Знаютъ только, что былъ когда-то, говорятъ, какой-то майоръ на Камчаткѣ и вотъ память о немъ и сохранилась въ унылыхъ напѣвахъ немногихъ инородческихъ и русскихъ пѣсенъ имѣющихся на полуостровѣ. Чтобы скоротать медленно тянущееся время, разспрашиваешь проводниковъ о томъ или о другомъ и всегда получаешь обстоятельные и охотно даваемые отвѣты; нужно только умѣть спрашивать. При этомъ часто удается подмѣтить какое-нибудь выраженіе или слово, которыя почти совершенно уже вышли изъ употребленія въ остальной Россіи. „Покатился я, значитъ... (разсказываетъ одинъ изъ проводниковъ). Лыжи-то были новыя—осенéсь, значитъ, нерпу добылъ, шкура была настояще добрая (т.-е. очень хорошая)... ружье-то было на перевязи за плечами... хлёстко такъ (т.-е. быстро) покатился да по ольховнику-то, братецъ ты мой, должно быть, и задѣлъ... какъ оно у меня лунетъ“...

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, разсказывали мнѣ ранѣе, они по ночамъ промышляютъ рыбу—чавычу (*Salmo orientalis*), которая первая поднимается изъ моря въ вершины рѣкъ для метаніи икры или „лощанія“. Ловятъ сѣтями или, какъ они говорятъ, плавятъ рыбу, обыкновенно соединяясь въ партіи по четыре человѣка на два бата, и за одну ночь добываютъ (уплавляютъ) до 20—30 штукъ, съ сожалѣніемъ замѣчая при этомъ, что рыбы стало куда какъ меньше противъ прежнихъ лѣтъ. Чавыча самая крупная изъ добываемыхъ на Камчаткѣ рыбъ вѣситъ среднимъ числомъ до 30 фун., нѣкоторые экземпляры бываютъ вѣсомъ до 1½ пудовъ. Къ концу лова цѣна на нее въ городѣ бываетъ отъ 30—75 коп. за штуку.

Небо только надъ горами покрыто густыми тучами; лѣвый берегъ, подъ которымъ идемъ теперь, затѣненъ склонившимся надъ водою лѣсомъ изъ ивъ и ольхи; идемъ такъ близко отъ него, что то и дѣло приходится нагибаться, чтобы пройти подъ нависшими деревьями. На правомъ берегу виднѣется чуд-

ная панорама приближающихся горъ; общее направленіе нашего пути—NW. Изъ болѣе значительныхъ рукавовъ—протокъ Авачи прошли еще такъ называемую Хламовитку. По берегамъ масса шаломайнику (*Spirea* или *Filipendula Kamtschatica*): высокое травянистое растеніе, далеко превышающее ростъ человѣка, съ крупными лапчатыми листьями, очень чувствительнаго вяжущаго вкуса и съ запахомъ, встрѣчающейся по всей средней Россіи и Сибири, вязолистной таволги (*Spirea ulmaria*). Нѣкоторые изъ жителей, сообщаютъ проводники, запасаютъ эту траву и даютъ ее коровамъ отъ поносу, и даже дѣтямъ, и остаются результатомъ лѣченія весьма довольны, что очень возможно, благодаря значительному содержанію дубильной кислоты. Теченіе съ каждой минутой становится быстрѣе; каюрщики напрягаютъ свои усилія, чтобы подвигаться впередъ. Въ два часа горы на правомъ берегу еще болѣе приблизились, и становится ясно виденъ даже лѣсъ, которымъ густо поросли онѣ до верху; только немногія изъ нихъ, наивысшія, уходятъ мшистыми вершинами за предѣлы растительности. Все чаще и чаще стали попадаться по рѣкѣ утки различныхъ породъ. Берега остаются все еще низменными, глинистыми, мѣстами обваливающимися въ рѣку. Въ 3½ ч. открылся величественный видъ на гигантскій конусъ Коряцкой (Стрѣлошной) сопки, опоясанный по срединѣ поясомъ тучъ, надъ которымъ ярко блещетъ на солнцѣ ея вершина выпавшимъ за ночь снѣгомъ. Въ одномъ мѣстѣ виденъ столбъ паровъ, вырывающихся изъ кратера. Нѣсколько далѣе на востокъ чуть виднѣется надъ облакомъ вершина Авачинской сопки съ обширнымъ воронкообразнымъ кратеромъ. Козельской, третьей изъ ряда сопокъ, составляющихъ обособленный горный кряжъ, совсѣмъ не видно, она закрыта тучами. По берегамъ, кромѣ ольхи, виднѣется береза Эрмана, рябина и бузина. Въ одномъ мѣстѣ къ самому берегу подступилъ кустарникъ такъ называемаго кедроваго сланца (*Pinus cembra-pumila*). Многія изъ деревьевъ носятъ на себѣ слѣды недав-

няго огня, это гулялъ по лѣсу весенній палъ, погубившій далѣе по берегу довольно порядочное количество лѣса. Общее названіе такихъ, пострадавшихъ отъ огня, мѣстъ есть „горѣлое", и при поѣздкахъ мнѣ приходилось нерѣдко встрѣчать ихъ. Удивительно, какъ возможны здѣсь лѣсные пожары, когда камчадалы и коряки, сколько я могъ наблюдать ихъ, всегда такъ крайне осторожны съ огнемъ въ лѣсу, что залить кострище до послѣдняго угля въ немъ — обратилось у нихъ въ привычку. Позднѣе я слышалъ, впрочемъ, что пожаръ, погубившій массу лѣса въ долинѣ рѣкъ Авачи и Паратунки вплоть до самыхъ горныхъ хребтовъ, относится ко второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, когда одинъ житель, русскій по происхожденію, точно выполняя наставленія бывшаго военнаго губернатора Завойко относительно выжиганія сухой травы на сѣнокосныхъ лугахъ, позволилъ неосторожно огню распространиться и охватить весь окрестный лѣсъ.

Въ 4 ч. дня лѣвый берегъ сталъ нѣсколько выше — до двухъ саженъ. Верхній слой, толщиною до сажени видимо—песокъ, ниже—все та же глина, смѣшанная съ пескомъ, изъ которой состоятъ берега пройденнаго до сихъ поръ нижняго теченія Авачи; въ слояхъ этихъ видны круглые, окатанные камни краснаго и бураго цвѣтовъ. По берегамъ встрѣчаются массы оторванныхъ и снесенныхъ теченіемъ деревьевъ; нѣкоторыя изъ нихъ, задержавшись за дно по срединѣ рѣки, образовали, путемъ постепеннаго наплыва другихъ деревьевъ, миніатюрные островки. То и дѣло здѣсь, лѣтомъ, попадаются выводки крохалей, которые, не будучи еще въ состояніи летать, быстро убѣгаютъ отъ бата по водной поверхности и скрываются въ береговыхъ вымоинахъ, заросшихъ густой травой, или же исчезаютъ изъ глазъ, ныряя на далекое разстояніе. Шесты шуршатъ, упираясь въ галечное дно; до сихъ поръ дно было иловатое. Теченіе рѣки стало еще сильнѣе. Проводники утомились, почему, не много не дойдя до селенія „Хутора", стоящаго на правомъ берегу Авачи, была сдѣлана

остановка. Послѣ чаю отправились далѣе и черезъ полчаса стали приближаться къ названному выше селенію. Не останавливаясь въ Хуторѣ, можно было съ рѣки сосчитать всѣ постройки, которыхъ вмѣстѣ съ вѣшалами и скотными дворами, оказалось семнадцать штукъ. Жилыхъ домовъ только два. Въ этомъ селеніи живутъ только двѣ семьи. Малороссійское названіе поселенія объясняется, можетъ быть, легче всего тѣмъ обстоятельствомъ, что въ немъ нѣкоторое время проживала семья Завойко вмѣстѣ съ семьей Губарева и Ворошилова въ теченіе военныхъ дѣйствій 1854 и 1855 гг. къ каковому времени, а именно къ 1851 г. нужно отнести и самое возникновеніе поселка, долженствовавшаго быть, по плану Завойко, образцовой фермой по скотоводству и землѣдѣлію. Семья Ворошилова и до сихъ поръ живетъ въ этомъ хуторѣ-фермѣ, ничѣмъ не отличающемся отъ другихъ камчадальскихъ поселеній. Вмѣстѣ съ перенесеніемъ порта въ 1855 г. изъ Петропавловска въ Николаевскъ окончились и всѣ благія начинанія бывшаго военнаго губернатора.

Выше Хутора теченіе стало еще быстрѣе, вскорѣ прошли небольшой перекатъ, гдѣ паденіе воды замѣтно на глазъ; идти на шестахъ стало очень затруднительно. Въ берегахъ виденъ пластъ окатаной гальки разнообразнаго состава; оба берега стали, хотя и очень мало, но выше; вдали постепенно приближается конецъ горной цѣпи, у котораго находится Старый Острогъ. При выходѣ изъ одной излучины рѣки внезапно открылся восхитительный видъ на сопки Коряцкую, Авачинскую и на непосредственно къ нимъ примыкающій горный кряжъ съ изрѣзанными вершинами. Въ одномъ мѣстѣ рѣки, въ лѣвомъ берегу, до 4-хъ саж. высотою, виднѣются гнѣзда стрижей, а немного далѣе выступаетъ на дневную поверхность пластъ торфа, мощностью отъ одного до 2—3 аршинъ. Рѣка здѣсь течетъ обширною тундрой; по лѣвому берегу яръ. Около 6 ч. вечера, наконецъ, мы прибыли къ мѣстечку Старый Острогъ. Первое, что бросилось въ

глаза—это рыбныя сушила, выстроенныя длиннымъ фронтомъ по берегу, отчасти еще съ навѣшанной на нихъ юкалой. Подъ ними и вокругъ нихъ по берегу, куча собакъ обыкновеннаго камчатскаго типа поѣдаетъ оставшіеся отъ чистки рыбные отбросы. Обоняніе непривычнаго къ тому человѣка непріятно поражается отвратительнымъ запахомъ гнилой рыбы, „кислой", находящейся тутъ же въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ жилыхъ строеній въ особыхъ ящикахъ, устроенныхъ на четырехъ стойкахъ и называемыхъ „шайбами". Спутникъ мой, совершавшій первую поѣздку въ округъ, вызванную событіемъ исключительнымъ, увидавъ нѣсколько чистенько выглядѣвшихъ съ берега домиковъ съ крашенными тесовыми крышами, каковое обстоятельство обращаетъ на себя вниманіе и въ городѣ, полюбопытствовалъ спросить, кому они принадлежатъ, на что и получилъ въ отвѣтъ: этотъ—Машихину Григорью, тотъ—Машихину Ивану, третій — Машихину Василью, потомъ — Нестору, Александру, еще Нестору и т. д., словомъ, оказалось, что большая часть домовъ въ селеніи принадлежитъ роду Машихиныхъ. Замѣчательно то обстоятельство, что всѣ Машихины являются самыми зажиточными людьми въ этомъ селеніи, да и вообще въ Камчаткѣ. Какимъ путемъ досталась имъ эта зажиточность, неизвѣстно. Знаютъ только, что одинъ изъ родоначальниковъ ихъ, по имени Николай, сравнительно еще недавно безслѣдно исчезъ, отправившись на охоту за соболями въ Кроноки,—мѣсто для этой охоты закрытое. Посланные на его розыски нашли въ какой-то юртѣ въ названной мѣстности нѣсколько десятковъ собольихъ шкурокъ, добытыхъ, очевидно, исчезнувшимъ охотникомъ. Предполагаютъ, что самъ онъ былъ заѣденъ медвѣдями; нѣкоторые-же допускаютъ возможность, что онъ на какой-нибудь шхунѣ ушелъ въ Америку. Другой изъ нихъ (нынѣ живущій) былъ замѣшанъ будто бы въ дѣлѣ также запрещенной охоты въ мѣстности Асачѣ. Наконецъ, третій въ зиму 1895—96 г. былъ уличенъ въ такой же охотѣ въ последней мѣстности. Это событіе сильно возбудило инородческія

общества ближайшихъ къ Асачѣ селеній. Какъ бы то ни было, въ селеніи Машихины считаются самыми лучшими промышленниками-охотниками и хозяевами. Послѣднее доказывается всѣмъ ихъ домоводствомъ. Крыша крыта на домѣ и на амбарахъ черепицей или тесомъ, выкрашена. Даже на конькѣ крыши протянута на гвоздяхъ проволока въ предупрежденіе могущаго произойти загрязненія крыши садящимися иногда на нее птицами. Въ комнатахъ вездѣ чисто прибрано, выметено и т. д. Особенно благопріятное впечатлѣніе производитъ небольшой домикъ Василія Машихина, въ которомъ найдете и крашеные полы, и вѣнскую мебель.

Въ общемъ, небольшіе домики и здѣсь, какъ и въ Авачѣ, разбросаны безъ всякаго плана; и здѣсь можно видѣть въ окнахъ вмѣсто стеколъ сшитыя медвѣжьи кишки, хотя въ нѣкоторыхъ домахъ, какъ сказано, имѣются и рамы со стеклами. Всѣ жители этого острожка считаются Петропавловскими мѣщанами. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтенъ инородческій типъ; однако ни одинъ не знаетъ по-камчадальски ни слова.

Переночевавъ въ Старомъ Острогѣ въ домѣ старосты Заочнаго, живо помнящаго В. С. Завойко,—знаменитаго военнаго губернатора Камчатской области, мы часовъ въ 12 дня опять порознь, на батахъ же отправились дальше въ слѣдующее селеніе—Коряки, расположенное по правому берегу Коряцкой рѣчки, впадающей съ правой стороны въ р. Авачу, верстахъ въ двухъ отъ впаденія ея въ послѣднюю. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось на лошадяхъ и пѣшкомъ проходить этотъ путь отъ Стараго Острога до Корякъ черезъ раздѣляющій оба селенія хребетъ. Путь этотъ мною ранѣе описанъ и потому я его не касаюсь, упомянувъ только, что высшая точка отрога сбѣгающаго тутъ хребта, въ мѣстѣ перевала, лежитъ надъ уровнемъ океана, на высотѣ около 1000 ф. Путь рѣками въ это селеніе чрезвычайно затруднителенъ вслѣдствіе крайней быстроты ихъ; идти здѣсь батомъ мнѣ еще ни разу не приходилось и потому я воспользовался всемогуществомъ

моего спутника (какъ сказано, это былъ не кто иной, какъ помощникъ Начальника Округа), чтобы пройти этотъ трудно доступный участокъ рѣкъ водою.

Теченіе Авачи стало замѣтно быстрѣе, и положительно удивительно, какъ жители рѣшаются идти на батахъ противъ такого сильнаго теченія. Перекаты, такъ называемыя здѣсь „шиверы", попадаются на каждомъ шагу. Рѣка образуетъ много протокъ; острова, ихъ раздѣляющіе, частью наносные, т.-е. образованные задержавшимися деревьями, снесенными рѣкою сверху и забитыми пескомъ и дресвой, частію размывные, т.-е. образованные самой рѣкою при прорывѣ новой протоки. Рѣка весною при разливѣ не рѣдко пробиваетъ себѣ путь прямо черезъ лѣсъ (цѣлиной), и отрѣзанный ею кусокъ материка образуетъ островокъ. Русло значительно мѣняется съ каждымъ годомъ; одна протока преграждается наноснымъ лѣсомъ „хламомъ", и на ея мѣсто образуется новая. На правомъ берегу рѣки, гдѣ проходитъ отрогъ вышеназваннаго Коряцкаго хребта, выступаетъ на дневную поверхность сланцевая порода, прикрытая мощнымъ пластомъ валуновъ. Ближе къ Коряцкому селенію сланецъ опять скрывается, уступая мѣсто высокому береговому увалу, приблизительно 140 фут., образованному валуннымъ наносомъ. Съ этого увала открывается чудный видъ на освѣщенные солнцемъ и покрытые снѣговымъ покровомъ, причудливо изрѣзанные скалистые гребни и массивы восточнаго главнаго хребта, постепенно исчезающіе изъ глазъ въ дымкѣ дали. Почти прямо на сѣверъ высится надъ всѣми окрестными гребнями, такъ называемая, Камчатская вершина, теперь потухшій вулканъ, нѣкогда бывшій, по Дитмару, центромъ окрестныхъ поднятій, упоминающійся и у Крашенинникова, какъ Бакенингъ и подъ этимъ же названіемъ описанный Дитмаромъ. Въ настоящее время никому незнакомое преданное забвенію названіе!

По разстилающейся у ногъ обширной долинѣ, поросшей крупнымъ тополевымъ, ветловымъ и ольховымъ лѣсомъ, год-

нымъ для построекъ, виднѣлась вдали, извивающаяся сверкающей лентой, быстрая Авача. Прямо на востокъ, заслоняя собою остальныя сопки, красовался во всемъ обаятельномъ величіи гигантскій, конусъ Коряцкаго вулкана, выпускавшій изъ вершины бѣлые клубы пара. На западѣ горизонтъ замыкался также горнымъ кряжемъ, непосредственно переходившимъ и сливавшимся на сѣверѣ въ Камчатской вершинѣ. Въ одномъ мѣстѣ его гребень островерхими пиками и зубцами самыхъ разнообразныхъ формъ и очертаній, уходившій своей вершиной за облака, представлялъ также прекрасную и грандіознѣйшую картину; онъ виденъ и изъ Петропавловска и называется Ганальскими Востряками — очень удачное, вполнѣ выражающее характеръ кряжа названіе. На югъ шла до самой бухты та же широкая и ровная долина Авачи и только на SW, въ верстѣ отъ селенія начинается Коряцкій хребетъ, покрытый березовымъ лѣсомъ. Разстояніе между Старымъ Острогомъ и Коряками, говорятъ, какъ сухопутьемъ, такъ и рѣкою равняется приблизительно 15 в. и на прохожденіе ихъ потребовалось ровно 6 ч. усиленной работы шестами, въ то время какъ, не говоря уже о переѣздѣ на лошадяхъ, пѣшкомъ нужно не болѣе 3—4 ч. Благодаря своему живописному мѣстоположенію и, можетъ быть, тому не маловажному обстоятельству, что здѣсь обоняніе путешественника не поражается прежде другихъ чувствъ тѣмъ невыносимымъ запахомъ прокисшей „кислой“ рыбы, о чемъ было уже упомянуто выше и который присущъ почти всѣмъ камчадальскимъ поселкамъ, Коряцкое селеніе производитъ болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ лежащія ниже по рѣкѣ. На обширной луговой равнинѣ, отдѣльно отъ всѣхъ другихъ построекъ, стоитъ убогая часовенка съ окрашенною въ красную краску дощатою крышею; жилые дома, казалось, свидѣтельствуютъ своими нѣсколько большими размѣрами, сравнительно съ домами Авачи и Стараго Острога, о большемъ богатствѣ жителей строевымъ лѣсомъ. Породы деревьевъ,

изъ которыхъ дѣлаются всѣ постройки, и здѣсь опять были преимущественно тополь, ветла и та же эрмановская береза. Селеніе расположено, какъ замѣчено, на правомъ берегу р. Коряцкой (берущей свое начало многими истоками въ снѣговыхъ падяхъ скалистыхъ хребтовъ вблизи селенія Начикинскаго) верстахъ въ двухъ выше впаденія этой рѣчки въ Авачу. Отъ этого острожка начинается собственно горная страна до селенія Апачи, расположеннаго въ долинѣ рѣки Начики на другой сторонѣ хребтовъ, прорѣзывающихъ весь полуостровъ съ SW на NO и разобщающихъ оба упомянутые острожка другъ отъ друга.

Домъ старосты по размѣрамъ селенія, въ которомъ насчитывается всѣхъ жителей не болѣе 70 душъ (вмѣстѣ съ малолѣтними), довольно просторный, даже, можно сказать, большой; содержится чисто, что къ сожалѣнію очень рѣдко бываетъ въ грязномъ и нечистоплотномъ хозяйствѣ камчадаловъ. Типъ жителей, по преимуществу, инородческій; сами себя обитатели этого селенія называютъ камчадалами, и подъ этимъ же именемъ они извѣстны и оффиціально. Странное названіе селенія и вблизи него находящейся сопки, въ мѣстности, гдѣ на памяти живущихъ теперь, и даже по преданіямъ отцовъ и дѣдовъ ихъ, никогда не было коряковъ, находитъ свое объясненіе въ упоминаніи, сдѣланномъ Крашенинниковымъ въ его классическомъ описаніи Камчатки, что у подножія называемой теперь сопки „Коряцкой“ жила гдѣ-то семья Коряковъ.

Необходимость заставила насъ переночевать въ этомъ селеніи, такъ какъ время было слишкомъ позднее для того, чтобы сейчасъ же можно было ѣхать въ Начики, да и лошадей-то надо было еще ловить въ полѣ. Прежде чѣмъ описывать дальнѣйшій путь, я приведу здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся этого селенія и его окрестностей, сообщенныя мнѣ старостой Дьяконовымъ и другими жителями.

Рѣка Авача, одна изъ наиболѣе многоводныхъ и рыбныхъ

рѣкъ Камчатскаго полуострова, въ своемъ верхнемъ теченіи распадается на три образующихъ ее истока: среднюю, правую и лѣвую. Изъ нихъ Средняя Авача беретъ начало изъ озера, находящагося у подножія Камчатской вершины, неподалеку отъ истоковъ р. Камчатки. Правая Авача впадаетъ въ Среднюю съ Западной стороны, беря начало въ падяхъ хребта „Ганальскихъ Востряковъ", лѣвая же Авача—(всѣ три слисливаются почти въ одномъ мѣстѣ) течетъ съ восточной стороны долиной между главнымъ хребтомъ и хребтомъ, начинающимся такъ называемою „Сарайной горой" и продолжающимся далѣе на востокъ въ гряду Авачинскихъ вулкановъ; по теченію средней рѣки, не доходя ея истоковъ, находятся горячіе ключи, въ Тимановской пади. Падь эта названа такъ по имени когда-то жившаго Тиманова, какъ бывшая его любимымъ мѣстомъ охоты за баранами (*Ovis Argali*); она находится по лѣвую сторону Средней Авачи, выше мѣста ея сліянія съ Лѣвой, верстахъ въ восьми отъ берега. О существованіи этихъ ключей узнали лѣтъ 15 тому назадъ отъ двухъ женщинъ, знавшихъ о нихъ еще ранѣе. Ключи находятся между двухъ яровъ, въ узкой пади, по которой течетъ Тимановская же рѣчка—въ Среднюю Авачу. Ключей два—одинъ бьетъ прямо изъ яра, другой—снизу. По количеству доставляемой ими воды они не очень обильны. Измѣренія температуры при помощи термометра, конечно, не производилось никѣмъ. О значительной же теплотѣ ихъ судятъ однако по тому, что рука не терпитъ ихъ горячей воды, хотя „настоящаго кипятку" нѣтъ. По берегамъ ключей находится ржавчина, вода пахнетъ и отзываетъ на вкусъ „селитрой". По замѣчанію Дьяконова вода эта должна быть полезна отъ глазныхъ болѣзней, въ доказательство чего имъ приведено то обстоятельство, что онъ самъ былъ боленъ одно время глазами, два раза пополоскалъ ихъ тою водой, и они стали здоровы.

Мнѣ удалось позже видѣть нѣкоторые другіе ключи, о

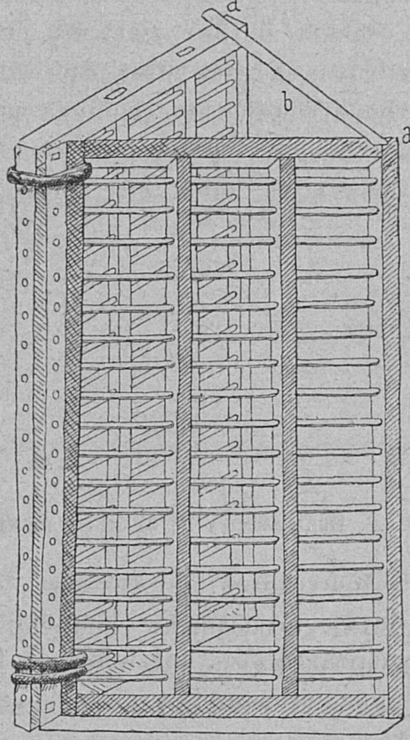
которыхъ жители говорили также, что они пахнутъ и отзываютъ (сластятъ) „селитрой", между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ, чувствовался очень сильно выраженный запахъ сѣроводорода, присутствіе котораго, помимо обонянія, было обнаружено и другими характерными реакціями, почему съ большимъ вѣроятіемъ можно предполагать, что и упомянутые Тимановскіе ключи принадлежатъ къ сѣрнымъ источникамъ. Во всякомъ случаѣ было бы желательно ихъ посѣщеніе, болѣе подробное описаніе и изслѣдованіе выносимой на дневную поверхность воды здѣшнимъ врачемъ или инымъ лицомъ, знакомымъ съ этимъ дѣломъ. Никѣмъ до сихъ поръ непосѣщенныхъ, а потому и неизслѣдованныхъ горячихъ ключей на Камчаткѣ великое изобиліе. Мнѣ лично пришлось слышать сообщеніе объ одиннадцати и даже болѣе таковыхъ, не считая въ томъ числѣ извѣстныхъ почти каждому живущему на полуостровѣ — Паратунскихъ, Начикинскихъ, Банныхъ, Малкинскихъ, Апачинскихъ, Явинскихъ, Голыгинскихъ, Налычевскихъ, Вершинскихъ или, неправильно называемыхъ, Двухъ-юртенскихъ, Киреунскихъ, Ухинскихъ. Ключи Вершинскіе находятся въ вершинѣ рѣки Вершинной, впадающей въ озеро того же имени, изъ котораго уже вытекаетъ рѣка Двухъ-юртенная, изливающаяся въ свою очередь въ рѣку Еловку. Извѣстный ученый Дыбовскій, занимавшійся собираніемъ свѣдѣній о горячихъ ключахъ на Камчаткѣ, упоминаетъ, вѣроятно, именно объ этихъ, называя ихъ Сѣданкинскими. Точное изслѣдованіе всѣхъ этихъ ключей можетъ быть привело бы къ раціональному пользованію ими ради лечебныхъ цѣлей и такимъ образомъ принесло бы неоцѣнимую услугу страждущему населенію Камчатки, вознаградивъ тѣмъ самымъ и труды изслѣдователя.

Однимъ изъ болѣе значительныхъ лѣвыхъ притоковъ Авачи является рѣчка Пинечева, берущая свое начало въ углу, образованномъ сопкой Коряцкой и упомянутымъ Сарайнымъ хребтомъ, и вливающаяся въ Авачу нѣсколько выше

селенія Старый Острогъ; рѣчка эта, шириною саженъ до 10, очень рыбная.

Жителей Коряцкаго селенія можно назвать, какъ и всѣхъ вообще жителей Камчатки, однимъ общимъ именемъ „рыбоѣдовъ". Рыба для нихъ все, это ихъ насущный хлѣбъ, составляющій почти единственную пищу одинаково въ дни праздничные, будничные, постные и скоромные. Рыбою же питается ихъ рабочій скотъ — собаки. Сообразно съ этимъ приноровлено и все хозяйство, наполняющее воздухъ ужасными ароматами и тучами мухъ, кладущихъ свои яички въ развѣшиваемую для просушки рыбу. Вылупившіяся въ рыбѣ, прожорливыя личинки падаютъ на землю и тутъ представляютъ собою небольшія кишащія кучки, служащія пищей цѣлой стаѣ черныхъ весьма, надо сказать, дерзкихъ воронъ. Несмотря на то, что рыба представляетъ собою существеннѣйшую и почти исключительную пищу камчадала, ловля ея ведется крайне не раціонально, постепенно отучая рыбъ отъ захода въ рѣки и приводя страну къ медленному, но вѣрному обѣднѣнію рыбой. Жалобы жителей на меньшій, въ среднемъ, уловъ нынѣ противъ старыхъ лѣтъ, можетъ быть, совершенно справедливы и указываютъ лишь на печальные результаты ихъ недальновиднаго хозяйничанья. Главное занятіе жителей составляютъ рыболовство, звѣроловство и охота. Орудіями и снарядами рыбной ловли служатъ такъ называемые „запоры", сѣти, марики и дрыгалки. Наиболѣе сложнымъ снарядомъ по своему устройству является „запоръ", который дѣлается нижеизложеннымъ образомъ. Выбравъ на рѣкѣ подходящее мѣсто, не очень глубокое, что̀ очень важно для облегченія работы, отправляются туда на батахъ со всѣми принадлежностями для постановки запора. Прежде всего вколачиваютъ посрединѣ рѣки одинъ крѣпкій колъ, долженствующій служить опорнымъ пунктомъ для ловушки. Потомъ нѣсколько выше по теченію приблизительно въ полусажени, вбивается въ дно рѣки другой колъ — „колпачный", впро-

чемъ, колъ этотъ не имѣетъ особаго названія, первый же всегда называется „переднимъ“. На „колпачный“ надѣвается такъ называемый, „пеуль“ или „колпакъ“. Пеуль представляетъ собой деревянную рѣшетку, сдѣланную изъ круглыхъ (до двухъ пальцевъ толщиною), длиною до аршина, палокъ, неподвижно укрѣпленныхъ ветловыми лыками, въ деревянной



Фиг. 1. Пеуль.

рамѣ, составленной изъ брусковъ, не толще человѣческой руки, и представляющей прямоугольникъ вышиною приблизительно до сажени, что зависитъ отъ глубины рѣки, такъ какъ пеуль долженъ нижнимъ концомъ своимъ достигать до дна, и шириною до аршина, что находится въ зависимости отъ длины употребленныхъ на его устройство круглыхъ палокъ. Для большей наглядности устройства пеуля, я привожу здѣсь

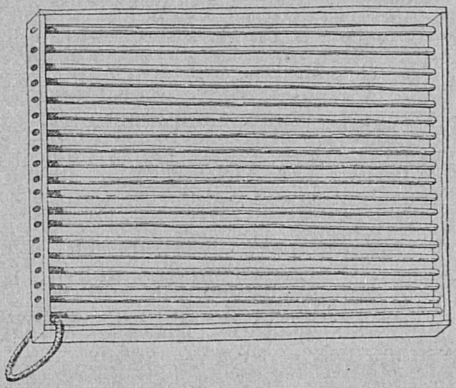
его изображеніе (фиг. 1). Двѣ такихъ рѣшетки, скрѣпленныхъ другъ съ другомъ по длинѣ (съ одной стороны) и образуютъ собственно „пеуль“ или „колпакъ“. Оставшіеся свободными концы пеуля *a* и *a* соединяются вверху „перекладиной“ или „разводомъ“, — палкой также до аршина длиною — *b*. Такъ что пеуль, если смотрѣть на него сверху, имѣетъ видъ правильнаго треугольника. Надо замѣтить, что на глубокихъ мѣстахъ запоры не ставятъ потому уже, что его было бы очень трудно въ такихъ мѣстахъ закрѣпить при той значительной быстринѣ, какая наблюдается въ здѣшнихъ рѣчкахъ. Угломъ, образованнымъ соединеніемъ рѣшетокъ между собою, пеуль надѣвается на второй колъ такъ, что концы его, скрѣплен-

Фиг. 2. Видъ сверху пеуля съ кольями.

ные „разводомъ“, приходятся, по теченію, нѣсколько ниже второго кола. У двухъ свободныхъ концевъ пеуля вколачивается два такъ называемыхъ, „кольцевыхъ“ или „атырныхъ“ кола, оба съ внутренней стороны пеуля; причемъ одинъ вколачивается непосредственно возлѣ одного, а другой на разстояніи ширины человѣческой ладони отъ другого конца (*a* и *b* на фиг. 2). Съ внѣшней стороны пеуля, у его концовъ, также вбивается по одному колу, называемому „аттольнымъ“ (фиг. 2 *cc*).

Когда колья вколочены, то на оба кольцевыхъ надѣваются „атыры“ (фиг. 3). Атыра по устройству и по виду своему представляетъ совершенное подобіе пеульной рѣшетки съ тою лишь разницею, что длина употребляемыхъ атырныхъ палокъ

доходитъ до одной сажени, такъ что атыра кажется квадратной, потому что и вышиной она, какъ и пеуль, дѣлается до сажени, сообразуясь съ глубиной рѣки. Къ одному концу атырной рамы прикрѣпляется кольцо, сдѣланное изъ веревки; этимъ кольцомъ атыры и надѣваются на названные выше одноименные колья, при томъ такимъ образомъ, что тотъ конецъ атыры, на которомъ находится кольцо, опускается на дно, а другой, выступающій на рѣчную поверхность, привязывается къ тому же колу особой веревкой, чѣмъ достигается совершенная, въ вертикальной плоскости, неподвиж-



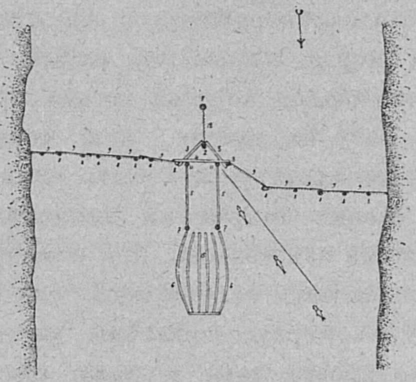
Фиг. 3. Атыра.

ность атыры. По числу кольцевыхъ кольевъ и атыръ въ запорѣ только двѣ (на каждую морду). Далѣе вколачивается „косой“ колъ, приблизительно еще на одинъ или полтора метра по теченію ниже кольцевыхъ кольевъ и нѣсколько къ берегу относительно того атырнаго кола, который, какъ сказано, укрѣпляется на ширину ладони отъ конца пеуля. Отъ „косого“ кола перпендикулярно къ берегу вколачивается цѣлый рядъ кольевъ, называемыхъ „аттольными“, такъ какъ всѣ они служатъ для удержанія собою „аттола“. Къ вколоченнымъ наклонно къ теченію кольямъ привязываются поперекъ на верху ихъ „карбаси́ны“—длинныя жерди сажени 2—3.

Такой рядъ кольевъ устанавливается и по другую сторону пеуля въ одной линіи съ внѣшними аттольными кольями. Когда карбасины привязаны, на нихъ спускается „аттолъ“, представляющій собою подвижную изгородь, сдѣланную изъ круглыхъ палокъ длиною до трехъ метровъ, которыя, смотря по ширинѣ запираемой рѣки числомъ до 200—300, связываются другъ съ другомъ по длинѣ въ трехъ мѣстахъ, оставляя между ними промежутки не болѣе пяти сантиметровъ. Одинъ конецъ такой изгороди при помощи веревки понемногу притягивается народомъ по теченію съ берега къ аттольному, у пеуля, колу. Когда аттолъ поровняется, сплывая внизъ по теченію, съ аттольнымъ коломъ, веревку ослабляютъ и аттолъ силою теченія самъ налегаетъ на карбасины и колья. Послѣ всего этого у свободныхъ концовъ атыръ вколачивается еще по одному, такъ называемому, „прижимному“ колу, которые служатъ для укрѣпленія на нихъ „морды“, главнаго рыболовнаго снаряда.

Опуская всѣ подробности устройства „морды“, можно сказать, что она есть, обыкновенно, почти цилиндрическая или нѣсколько боченкообразной формы коробка, сдѣланная изъ палокъ, скрѣпленныхъ между собою съ промежутками пальца въ два шириною. Одинъ конецъ этой коробки закрытъ переплетомъ изъ такихъ же палокъ, а другой оставляется открытымъ для свободнаго входа туда идущей рыбы. Упомяну еще о такъ называемыхъ „шаглахъ“, остроумномъ двустворчатомъ клапанѣ, изъ болѣе тонкихъ и гибкихъ таловыхъ прутьевъ, укрѣпляемаго вблизи входнаго отверстія морды такимъ образомъ, что, раскрываясь очень легко при слабомъ надавливаніи на него движущейся рыбой, онъ, по проходѣ ея внутрь „морды“, силою собственной упругости снова смыкается и преграждаетъ совершенно обратный выходъ. Ближе къ заднему концу „морды“ продѣлывается на верхней сторонѣ ея четыреугольное отверстіе, достаточное для того, чтобы изъ помѣщенія доставать рукою попавшуюся

рыбу. Отверстіе это также плотно запирается, открываясь только на время опоражниванія „морды“. Такая-то цилиндрическая коробка при помощи веревочныхъ колецъ, подобныхъ атырнымъ, надѣвается на „прижимные“ колья и по нимъ спускается на самое дно рѣки. Остающееся открытымъ водное пространство между атырами поверхъ морды также закрывается небольшой рѣшоткой изъ прутьевъ, опускаемой какъ въ пазахъ между прижимными кольями и нижними (по теченію) концами атыръ, плотно на верхнюю поверхность „морды“.



Фиг. 4. Разрѣзъ поставленнаго запора.

1. Первый колъ. 2. Колпачный. 3. Пеуль. 4. Перекладина. 5. Атыра. 6. Морда. 7. Прижимной колъ. 8. Аттольные колья. 9. Аттолъ. 10. Берегъ рѣки. 11. Атырной колъ. 12. Веревка удерживающая запоръ. Стрѣлка направленія теченія рѣки. Прямая линія показываетъ остающееся видимо открытымъ пространство, куда заходитъ рыба.

Таковъ въ общихъ чертахъ планъ устройства запоровъ. Разъ запоръ установленъ, какъ надлежитъ, то проникновеніе рыбы, идущей въ силу непреодолимаго естественнаго побужденія все дальше и дальше вверхъ по рѣкѣ (до самыхъ послѣднихъ источниковъ ея, для совершенія акта метанія икры или „лощанія“, и гибнущей, въ концѣ концовъ, если не отъ иныхъ причинъ, то отъ изнеможенія въ борьбѣ съ усиливающимся въ верховьяхъ теченіемъ и, можетъ быть,

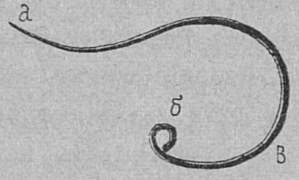
отъ недостатка потребнаго количества пищи) — невозможно никуда, какъ только въ узкую щель въ ладонь шириною, остающуюся, повидимому, открытой и потому представляющую рыбѣ единственный проходъ вверхъ, между атырой и концомъ пеуля (фиг. 4). Заходя массою въ эту щель, рыба, понятное дѣло, скучивается въ небольшомъ пространствѣ, ограниченномъ пеулемъ и атырами, и постепенно при увеличивающейся между рыбами тѣснотѣ проскакиваетъ черезъ входное отверстіе или „ротъ" морды и шаглы внутрь ея. Иногда количество поднимающейся рыбы бываетъ такъ значительно, что морду приходится опоражнивать по нѣскольку разъ въ день; при этомъ морда набивается рыбой вплотную. Освобождается наполнившаяся коробка весьма просто: для этого подплываютъ на бату къ запору, при чемъ батъ ставятъ какъ разъ возлѣ долженствующей быть приподнятой на поверхность воды своимъ закрытымъ концомъ морды и, привязавъ его къ одному изъ кольевъ, при помощи длинной палки сперва стараются загнать остающуюся еще между атырами и пеулемъ рыбу въ морду; и затѣмъ уже приподнимаютъ ее постепенно до уровня воды и даже нѣсколько выше, и укрѣпивъ въ такомъ положеніи за колъ, вколачиваемый послѣднимъ у конца морды, открываютъ верхнее отверстіе и, хватая рыбу по одной, слегка приподнимая ее и ударяя по головѣ дрыгалкой [1]), чтобы рыба не билась и не выпрыгивала изъ бата, бросаютъ въ послѣдній. По очищеніи морда снова закрѣпляется, какъ и раньше, а добытая рыба поступаетъ на берегу въ распоряженіе женщинъ, которыя приступаютъ къ ея „пластанію".

Для этого острымъ ножомъ ловкимъ движеніемъ дѣлается сперва продольный разрѣзъ по животу, а вторымъ и третьимъ движеніемъ снимается вся мясистая часть тѣла до самаго хвоста, который вблизи своего окончанія переламывается

---

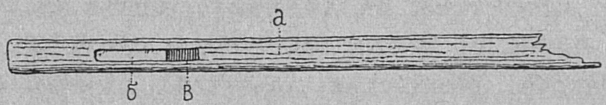
[1]) Такъ называется всякая палка служащая для избиванія рыбы.

и такимъ образомъ изъ рыбы получается двѣ части: одна содержитъ обѣ мышечныя половины, удерживаемыя вмѣстѣ только въ хвостовой части, другая представляетъ собою весь костный скелетъ рыбы за исключеніемъ оконечности хвоста. И та, и другая часть подвѣшивается въ сушилахъ или вѣшалахъ для сушки. Мясистая часть, смотря по получающемуся качеству, идетъ подъ названіемъ „юколы“ въ пищу или людямъ, или собакамъ, костная же часть исключительно только въ кормъ собакамъ.



Фиг. 5. Крюкъ.

Кромѣ описаннаго способа улова рыбы существуетъ, какъ сказано, еще нѣсколько другихъ. Изъ нихъ я сообщу здѣсь только о „крючканьѣ“ или ловлѣ „марикомъ“. Марикъ—это



Фиг. 6. Конецъ древка марика (*а*).
б—гнѣздо для желѣзнаго крюка. *в*—желобокъ, въ который ложится часть *в* крюка.

длинный до 6 метровъ шестъ, на концѣ котораго продѣлывается отверстіе съ небольшимъ углубленіемъ сзади, или желобкомъ, называемое „гнѣздомъ“ и служащее для помѣщенія въ немъ желѣзнаго крюка, имѣющаго форму нѣсколько напоминающую серпъ, фиг. 5 и 6. Гнѣздо продалбливается или прорѣзается сантиметрахъ въ 10—15 отъ оконечности шеста. Одинъ конецъ крючка оттянутъ и заостренъ, а другой завернутъ въ кольцо. Кольцо это укрѣпляется въ гнѣздѣ ремнемъ, концы котораго и обматываются позади крюка на

древкѣ шеста (фиг. 7). Самый процессъ крючканья состоитъ въ томъ, что человѣкъ, вооруженный марикомъ, стоя на берегу рѣки или на бату, смотря по количеству рыбы, дожидается пока рыба не пройдетъ къ марику, который держится съ отогнутымъ назадъ крючкомъ въ водѣ, или самъ осторожно подводитъ его къ рыбѣ и быстрымъ движеніемъ ударяетъ ее концомъ шеста, вслѣдствіе чего рыба отбрасывается на крюкъ, который и прокалываетъ ее, а тяжестью рыбы опускается назадъ къ древку, не позволяя такимъ образомъ рыбѣ соскочить съ него.

Въ осеннее время года жители селенія, преимущественно, женщины занимаются собираніемъ по полямъ луковицъ сараны, которая бываетъ тутъ двухъ сортовъ: одна болѣе низкая съ цвѣтками красно-бураго цвѣта, называемая „кругляш-

Фиг. 7. Марикъ.

кой“ по нѣсколько шарообразному виду ея луковицъ (*Fritillaria kamtschatica* по Дитмару); другая съ болѣе высокимъ стеблемъ, съ весьма крупнымъ и красивымъ оранжевымъ цвѣткомъ, называемая „овсянкой“ (*Lilium Martagon* Dit.), по воображаемому жителями сходству отдѣльныхъ листковъ ея луковицы съ сѣменами овса. Тотъ и другой видъ луковицъ сараны употребляется въ пищу. Изъ нихъ варится на молокѣ очень вкусная каша. Сарану кладутъ также вмѣсто крупы въ супъ, въ щи, жарятъ съ жаркимъ, съ рыбой. Вкусъ ея свѣжей—сладковатый, мучнистый.

Относительно другихъ растеній чѣмъ-нибудь извѣстныхъ жителямъ я узналъ отъ Дьяконова слѣдующее. *Баранникъ* (*Senecio cannabi folius*) листья этой травы, очень похожіе на листья конопли, кладутъ иногда по осенямъ въ супъ, такъ такъ они положенные въ рыбный супъ придаютъ послѣднему вкусъ похлебки, приготовленной изъ бараньяго мяса. *Девя-*

тильникъ (родъ *Orchis*) употребляется въ лѣкарство противъ жара, противъ ломоты и отъ другихъ многихъ болѣзней. Его засушиваютъ, настаиваютъ на водѣ и пьютъ, какъ чай. Жареный употребляется противъ родимца на дѣтяхъ, для чего заставляютъ послѣднихъ вдыхать дымъ, даваемый сожигаемой травой. *Копытникъ* (*Majanthemum*) употребляется противъ вередовъ. *Бузина красная* (*Sambucus*): цвѣтъ ея настоенный пьется, какъ чай, отъ кашля. *Пьяная трава* (*Rododendron chrysanthum*), растущая только по хребтамъ у с. Начикинскаго, цвѣтетъ въ іюнѣ мѣсяцѣ и употребляется противъ внутреннихъ кровотеченій; имѣетъ вяжущій вкусъ.

Утро 23-го сентября было пасмурное, холодное и туманное, но скоро туманъ разсѣялся и въ 9 ч., когда мы выѣхали изъ Корякъ, стоялъ ясный осенній день. Переѣздъ до Начики мнѣ очень понравился, благодаря живописности мѣстности и какой-то особенной легкости, съ которою его совершаютъ верхомъ или пѣшкомъ, все равно. Особенно красивы тутъ цѣпи хребтовъ, покрытыхъ теперь на своихъ голыхъ вершинахъ снѣгомъ и чернѣющихъ только своими подножіями, покрытыми оголеннымъ березовымъ лѣсомъ. Всѣ хребты чрезвычайно ясно вырисовываются на фонѣ неба. Красивый крупный березовый лѣсъ стоитъ удивительно безжизненно; вспуганный глухарь былъ единственнымъ живымъ существомъ, нарушившимъ гробовую тишину лѣса. Лѣтомъ здѣсь во множествѣ виднѣется цвѣтущая княженика, герань, сарана, незабудка, багульникъ, шаломайникъ, скрывающій въ своихъ заросляхъ совершенно всадника, крупные ирисы, лютики, очень многія изъ зонтичныхъ.

Какъ уже было замѣчено раньше, дорога въ Начики отъ самаго селенія Корякъ медленно, почти незамѣтно, поднимается въ гору, придерживаясь, въ главномъ, теченія р. Коряцкой. Подъемъ этотъ, собственно говоря, начинается уже отъ с. Авачи, отъ котораго путь идетъ вверхъ по теченію одноименной рѣки. Впечатлѣніе этого непрерывнаго

поднятія нарушается только сбѣгающимъ къ р. Авачѣ отрогомъ Половиннаго хребта, черезъ который приходится переваливать и отъ верхней точки котораго до самаго с. Корякъ путь идетъ замѣтно подъ гору, внизъ по теченію р. Гаванки. Около 11 ч. дня мы пріѣхали къ рѣчкѣ Тополовой. Рѣчка эта, берущая начало въ снѣговыхъ падяхъ между хребтами Тополовымъ и Ольховымъ, обыкновенно быстрая и въ сухое время года, теперь, благодаря стоявшему передъ этимъ ненастью, представляла настоящій бѣшено-несущійся потокъ, который, будь бы немного глубже, являлся бы непреодолимымъ препятствіемъ для переправы. Нѣсколько большихъ стволовъ тополей, растущихъ по ея берегамъ (отчего и названіе), подмытые теченіемъ, упавши, образовали естественные мосты, дрожащіе отъ страшной силы, съ которою ударяется о нихъ быстро несущаяся рѣка и переливающая свои воды каскадами черезъ эти преграды. Шумъ отъ теченія настолько силенъ, что совсѣмъ не слышно голоса недалеко стоящаго человѣка. Почти всѣ видимыя вокругъ деревья обнажились; рѣдкія березы еще не уронили совершенно пожелтѣвшей листвы; трава также посохла. Высокія стебли шаломайника точно обвѣшаны грязными скомканными тряпицами: такое впечатлѣніе производятъ его сморщенныя и побурѣвшія отъ утреннихъ холодовъ большіе лапчатые листья. Только по берегу рѣчки попадаются еще кое-гдѣ ивы и ветлы да рѣдкое деревцо ольхи съ листвою, представляющею смѣсь желтой и зеленой красокъ. Въ руслѣ Тополовой рѣчки окатаный галечникъ исключительно кристаллическихъ породъ, осадочныхъ совсѣмъ незамѣтно. Перейдя вбродъ эту рѣчку, мы остановились, чтобы дать нѣсколько отдохнуть лошадямъ. Начиная отъ селенія, послѣдовательно были пройдены два лѣвые притока Коряцкой: небольшой ручеекъ „Дымримецъ“ и такой же „Сухая Тополовая“, названный такъ по причинѣ очень крупнаго тополоваго лѣса, растущаго не широкой полосой по теченію этого ручейка, совершенно пересыхающаго въ осеннее время года. Въ его вер-

шинѣ, отдѣльно отъ хребта, находятся двѣ близко стоящія другъ къ другу довольно высокія сопки, называемыя „Тополовыми", одна изъ которыхъ — почти правильный конусъ — очень напоминаетъ своимъ видомъ сопку Коряцкую. На правомъ берегу перейденной нами „Тополовой" находится охотничья юрта, — въ $2^1/_4$ □ сажень срубъ съ входнымъ отверстіемъ безъ всякой двери, безъ окна, безъ пола; почти посрединѣ, ближе къ одному углу находится глинобитный очагъ съ вколоченными по двумъ противоположнымъ концамъ стойками, на которыя кладется поперечная палка, служащая для подвѣшиванія на нее, при помощи деревянныхъ крючковъ, чайниковъ и котелковъ для варки чаю и другой пищи. Надъ очагомъ въ крышѣ, такъ какъ срубъ этотъ покрытъ крышей, продѣлано четырехугольное отверстіе для болѣе свободнаго выхода дыма. Потолокъ и всѣ стѣны совершенно чернаго, лоснящагося цвѣта отъ продолжительнаго дѣйствія на нихъ образующихся при горѣніи дровъ газовъ и мелкихъ частицъ угля. Такія юрты, говорятъ каюрщики, можно оцѣнить вполнѣ лишь во время зимнихъ поѣздокъ, когда на дворѣ бушуетъ т.-наз. „пурга" (снѣжная мятель). До юрты этой, именуемой Коряцкой въ отличіе отъ другой, имѣющейся на томъ же пути далѣе „Начикинской", считается 15 верстъ. Пройдя чрезвычайно густыми зарослями шаломайника, скрывающими въ себѣ совершенно человѣка, придерживаясь, въ общемъ, юго-западнаго направленія, мы вошли опять въ крупный березовый лѣсъ. По лѣвую сторону дороги, саженяхъ въ 50, начинается лѣсистый мысъ, у подножія котораго и находится юрта; онъ далѣе переходитъ скалистыми вершинами въ главный кряжъ Тополоваго хребта.

Впереди виднѣются сквозь чащу оголенныхъ вѣтвей и корявыхъ стволовъ эрмановской березы снѣжныя вершины хребта, одинъ гребень котораго, сбѣгающій скалистымъ мысомъ къ Топаловой рѣчкѣ, образуетъ такъ называемое Узкое мѣсто. Высота мѣста отъ юрты начинаетъ уменьшаться; это значитъ,

что отъ нея путь идетъ нѣсколько подъ гору, пересѣкая увалъ упомянутаго мыса.

Очевидно, что юрта находится на высшей точкѣ этого по тракту увала. Дорога идетъ все тѣмъ же крупнымъ березникомъ; мѣстность замѣтно неровная. Мысъ значительно отступилъ влѣво (вѣрнѣе сказать, дорога отклонилась вправо), зато теперь справа тянется шагахъ въ 40 отъ тропы низкая гряда, поросшая березникомъ. Мѣстность покрыта увалами; приходится то подниматься, то опять спускаться. Но вотъ кончилась справа гряда и открылся болѣе обширный видъ на западную цѣпь горъ. Чудная картина. Снѣгъ покрылъ уже болѣе половины высоты горъ; постепенно снѣжная бѣлизна вершинъ переходитъ сначала въ сѣрый и далѣе въ темный цвѣтъ подножія ихъ. Красиво выдѣляются изъ снѣжнаго покрова кое-гдѣ вблизи болѣе низкихъ гребней зеленые кусты ползучаго кедровника. Отъ небольшого ручейка, протекающаго около мыска, кончающагося утесомъ и поросшаго густымъ кедровникомъ, верстахъ въ пяти отъ Тополовой, открывается видъ на падь, по которой протекаетъ Коряцкая рѣчка. Здѣсь тропа спускается снова внизъ, ведя въ ея долину. По этой долинѣ приходится идти совершенно такою-же мѣстностью, какъ и тотчасъ отъ юрты, т.-е. такой же лѣсистый мысъ слѣва, почти въ такомъ же разстояніи отъ дороги, переходящій далѣе постепенно въ сплошный хребетъ и цѣпь хребтовъ справа и прямо впереди. Верстахъ въ 10 отъ юрты тропа проходитъ самымъ берегомъ Коряцкой рѣчки, протекающей здѣсь подъ крутымъ уваломъ. Живописный видъ на широкую падь въ хребтахъ съ правой стороны. Пройдя еще немного—бродъ черезъ правый притокъ Коряцкой рѣчки, представляющій маленькій ручеекъ. Вотъ и такъ называемое „Узкое мѣсто". Оно заслуживаетъ на самомъ дѣлѣ свое названіе, такъ какъ горы съ той и съ другой сторонъ подступаютъ почти къ самымъ берегамъ рѣки. Здѣсь тропа идетъ самымъ берегомъ, заросшимъ ольховникомъ и тальникомъ и низко-

рослою тонкою ветлой. Слѣва прямо отъ тропы поднимается невысокій увалъ, покрытый непролазной чащей кедровника и ольховника, справа—рѣчка, а за ней, также густо покрытое ольховникомъ и тѣмъ же непролазнымъ кедровникомъ-сланцомъ, подножіе высокой шатрообразной горы, приблизительно въ 2000′ высоты. Миновавъ „Узкое мѣсто“, тропа ведетъ снова на увалъ, черезъ ольховыя заросли котораго выходитъ опять въ крупный березовый лѣсъ. Горы слѣва отступили, оставивъ неширокую долину до одной версты, занятую, какъ сказано, березнякомъ. Перейдя далѣе рѣчку Ольховую, мы остановились среди мелкаго ольховаго лѣсочка, на ея лѣвомъ берегу, любуясь открывающимся отсюда прелестнымъ видомъ на восточные и западные хребты.

За Ольховой, до которой отъ Тополовой считается 15 в., мы перешли еще рѣчку Поперечную, вытекающую изъ глубокихъ падей высокаго Поперечнаго хребта, и выѣхали на чистое луговое мѣсто, извѣстное у жителей подъ названіемъ „Луковой“ тундрочки, потому что на ней они собираютъ дикій лукъ. Слѣва вдали виднѣется живописная изрѣзанная скалистая масса хребта Вацкажацъ. Прошли еще одну изъ вершинокъ Коряцкой рѣчки. Тропа ведетъ высокимъ уваломъ съ зарослями пьяной травы; отсюда открывается видъ на хребетъ Ипукыгъ и Халзанъ. Вотъ и „Зеркало“ близко (такъ называется высокая гора, находящаяся какъ разъ противъ домовъ Начикинскаго селенія); впереди лежитъ мокрая тундрочка, поросшая низкими кустарниками карликовой березы и многочисленными ягодными растеніями, высшая точка перевала въ Начики. На этой тундрочкѣ приходится переѣзжать еще одну вершину все той же Коряцкой рѣчки. Лошади идутъ трудно: мягко и вязко. Около 6 ч. вечера пріѣхали, наконецъ, и въ Начики, перейдя рѣчку Начику въ бродъ немного выше селенія. Вблизи самаго селенія былъ пройденъ еще ручеекъ „Гремучка“, питаемый этою же тундрой и текущій уже въ рѣку Начику. Чтобы можно было судить объ

измѣненіи высотъ пройденной мѣстности между Коряками и Начикой, я привожу здѣсь отсчеты по анероиду, записанные мною въ одну изъ такихъ поѣздокъ.

					анероидъ	высоты въ фут.
С. Коряки при выѣздѣ	2	ч.	15	м.	29.76	
мелкій березнякъ . .	3	„	—	„	29.68,	= 75
крупный березнякъ .	4	„	—	„	29.46,	h=250
р. Сухая Тополовая . .	4	„	—	„	29.45,	h=280
р. Большая Тополовая .	5	„	—	„	29.38,	h=350
въ Юртѣ Тополовой . .	6	„	—	„	29.35,	h=375
тамъ же.	7	„	—	„	29.36,	h=380
1-го октября та же юрта	7	„	—	„	t^0 2^05 R 29.54	
выѣздъ съ мѣста . .	8	„	—	„	29.55,	h=0
крупный березнякъ .	8	„	30	„	29.62,	h= —
увалы	9	„	—	„	29.43,	h=110
рѣчка	9	„	10	„	29.45,	h= 75
„Горѣлое“	9	„	30	„	29.55,	h=0
противъ пади . . .	10	„	—	„	29.44,	h=100
I-й притокъ р. Кор.	10	„	30	„	29.39,	h=140
II-й прит. р. Коряц.	11	„	—	„	29.36,	h=170
рѣка Ольховая . .	11	„	45	„	29.35,	h=170
выѣздъ съ Ольховой .	12	„	50	„	29.36,	h=0
р. Поперечная. . .	12	„	30	„	29.36,	h= 70
тундрочка Луковая .	2	„	—	„	29.12,	h=200
красный яръ	2	„	30	„	28.95,	h=380
тундра	2	„	45	„	28.82,	h=410
„	3	„	—	„	29.04,	h=320
„	3	„	15	„	28.92,	h=200
С. Начики . .	4	„	—	„	29.16,	h=180

Такимъ образомъ, принимая превышеніе Корякъ надъ уровнемъ моря, приблизительно въ 260 ф., опредѣлимъ высшую точку перевала въ Начику на мокрой тундрочкѣ въ 1220 ф.:

С. Коряки	260	1225
Юрта на р. Тополовой .	380	
Р. Ольховая	175	
Мокрая Тундра . . .	410	

Эрманъ опредѣляетъ высоту этого перевала отъ 2000 до 2500 ф. на томъ основаніи, что „von einem dichtem Gürtel aus Berg-Elsen der zu unseren Rechten die Abhänge der Korjakischen Kette einnahm sahen wir zuletzt die obere Grenze nur noch durch vereinzelte Büsche ganz nahe über der Ebene, auf der wir uns befanden, bezeichnet. Weiter nach oben fehlte jedes Gesträuch“... стр. 531. Я полагаю, что только туманъ, случайно скрывшій отъ Эрмана дѣйствительную границу древесной растительности, могъ ввести такого опытнаго наблюдателя, какимъ проявилъ себя онъ, судя по самому точному въ общемъ описанію Камчатки, въ столь значительную ошибку по опредѣленію высоты этого перевала.

24-го сентября. Раннее утро въ Начикѣ въ домѣ стараго моего знакомаго Евгенія Слободчикова, радушнымъ гостепріимствомъ котораго не разъ приходилось пользоваться, равно какъ и различнаго рода свѣдѣніями, охотно сообщаемыми имъ мнѣ относительно Начикинскихъ окрестностей и промысловъ. Утро холодное, ясное. Все покрыто изморозью; земля подмерзла и день обѣщаетъ быть теплымъ. Горизонтъ замыкаютъ безмолвные массивы хребтовъ, со всѣхъ сторонъ окружающихъ Начику, рѣзко вырисовывающихся на свѣтлой полосѣ неба своими причудливо изрѣзанными зубчатыми гребнями, покрытыми сплошнымъ снѣжнымъ покровомъ; даже на вершинѣ Зеркала бѣлѣетъ выпавшій на-дняхъ снѣгъ. Вотъ островершинный хребетъ Вацкажацъ, у подножія котораго находится небольшое, но глубокое озеро, дающее начало рѣкѣ Начикѣ, принимающей далѣе внизъ нѣсколько притоковъ и извѣстной отъ Большерѣцкаго селенія подъ именемъ Большой рѣки. Высшая точка этого хребта видна подъ угломъ 121^0 SO. Вотъ ска-

листый Се́мидэкъ, еще выше только что названнаго, поднимающійся почти прямо на 190^0 SSW; Халзанъ, описанный ранѣе (230^0), Ипукигъ (255^0), пройденный вчера хребетъ Поперечный, виденъ теперь подъ угломъ 101^0 OSO; между названными Вацкажацъ и Семидэкъ виденъ еще хребетъ Красный (145^0) и др. Вчера было рѣшено и отсюда ѣхать по рѣкѣ на батахъ до селенія Апачи, до котораго считаютъ рѣкою не менѣе 100 в., хотя, по заявленію опытныхъ людей, въ одинъ день этого пути не сдѣлать.

Начикинское селеніе, расположенное среди хребтовъ, считается, если не самымъ, то во всякомъ случаѣ, однимъ изъ самыхъ высоколежащихъ селеній, приблизительно на 1000 ф. надъ уровнемъ моря. Въ немъ съ 1894 г. все тѣ же—семь маленькихъ домовъ тѣхъ же домохозяевъ: Евгенія Слободчикова, Григорія Бурнашева, Феодора Бурнашева, Василія Командорскаго, Гаврилы Маркова, Ухова Ивана и Димитрія Уваровскаго. Это нагорное селеніе находится на площади, со всѣхъ сторонъ окруженной высокими горами, на лѣвомъ берегу Начики, долина которой, замѣтно понижаясь съ теченіемъ, представляетъ естественный выходъ изъ этой горной области и служитъ дорогой въ с. Апачу, расположенное, какъ сказано, на той же рѣкѣ. Маленькіе Начининскіе домики также разбросаны безъ всякаго плана; при каждомъ изъ нихъ имѣются еще ме́ньшія и еще болѣе убогія, необходимыя во всякомъ хозяйствѣ постройки, въ родѣ скотныхъ дворовъ, амбарушекъ и т. п. Домъ нашего гостепріимнаго хозяина, одинъ изъ лучшихъ въ селеніи, содержится, несмотря на многочисленную семью въ немъ помѣщающуюся, весьма опрятно и чисто. Убогость всѣхъ вообще построекъ острожка находитъ себѣ, легче всего, оправданіе и объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что строевого лѣса вблизи селенія нѣтъ. Долина единственной болѣе или менѣе значительной здѣсь рѣки Начики—далеко вверхъ и внизъ кромѣ негоднаго никуда ольховника да тальника никакого иного лѣсу

не даетъ. Годный для постройки лѣсъ находится только еще въ верховьѣ рѣчки Узедца, впадающей верстахъ въ трехъ ниже селенія въ р. Начику съ лѣвой стороны, но лѣсу такого тамъ очень мало; почему весь лѣсъ, необходимый для стройки жилья, вырубается въ долинѣ рѣки Коряцкой, верстъ за 20 — 30 внизъ по ней, гдѣ обрабатывается въ срубы и уже по зимѣ на собакахъ вывозится въ селеніе, такъ какъ лѣтомъ, за отсутствіемъ колеснаго сообщенія и за быстриной и мелководіемъ рѣки, доставленъ быть не можетъ. Возлѣ самаго селенія и здѣсь виднѣются привязанныя на цѣпяхъ неизбѣжныя собаки, и тутъ же длиннымъ рядомъ по берегу рѣки тянутся такія же неизбѣжныя сушила, на которыхъ висятъ безчисленныя выпластанныя рыбины до превращенія ихъ при помощи солнечныхъ лучей и вѣтра въ „юколу". Какъ и въ Старомъ Острогѣ, и здѣсь на землѣ подъ вѣшалами можно было бы видѣть въ іюнѣ мѣсяцѣ живыя кучи мушиныхъ личинокъ, куски свалившейся юколы, икру и др. отбросы. Нѣсколько труповъ рыбы валялось на берегу и въ водѣ возлѣ берега, по которому разгуливали собаки, съ видимымъ равнодушіемъ проходившія мимо готовой и обильной пищи. Немного ниже селенія виднѣлся идущій черезъ всю рѣку „запоръ".

За короткое время нашего пребыванія въ Начикахъ всѣ свѣдѣнія, полученныя отъ жителей, главнымъ образомъ отъ Евгенія Слободчикова, сводятся къ слѣдующему: Начика вытекаетъ изъ очень большого, до 2-хъ верстъ въ поперечникѣ, почти круглаго озера, весьма глубокаго, окруженнаго почти отвѣсными скалами и находящагося у подножія хребта Вацкажацъ. Въ это озеро жители Начикъ иногда проходятъ на батахъ въ лѣтнее и осеннее время года для охоты за мѣдвѣдями, водящимися тамъ въ большомъ количествѣ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ, какъ полагаю, то сообщеніе, что въ озерѣ этомъ находятся большія черныя раковины и трава, которыя можно встрѣтить только еще въ

морѣ и которыя ни въ какомъ иномъ озерѣ жителями не найдены. Можетъ быть, это озеро представляетъ интересный обособившійся въ давно минувшіе вѣка водный бассейнъ съ реликтовыми морскими формами. Сколько извѣстно, озеро это также ни однимъ ученымъ изъ посѣщавшихъ Камчатку не удостоено вниманіемъ.

Начикинскіе горячіе ключи, находящіеся на правомъ берегу Начики, верстахъ въ полуторыхъ ниже селенія, у подошвы небольшого увала, въ которомъ выступаютъ на дневную поверхность конгломераты, по Дитмару, прикрытые сверху не толстымъ слоемъ сѣро-желтой и красноватой глины. Площадь, занимаемая ключами, топка и приблизительно на нѣсколько сотъ □ саженъ, покрыта высокою болотною травою. Главный источникъ ихъ, вытекающій маленькимъ ручейкомъ въ Начику, который извѣстенъ собственно подъ названіемъ „ключей", выступаетъ на поверхность очень слабыми струйками изъ подъ каменистой почвы въ четырехъ мѣстахъ, и уже на разстояніи м. б. какихъ-нибудь двухъ аршинъ всѣ четыре ключика сливаются въ одинъ ручеекъ, усиливающійся по мѣрѣ теченія отъ впадающихъ въ него безчисленныхъ еще болѣе мелкихъ струекъ горячей воды, текущихъ съ того и другого берега. Измѣренія t воды въ началѣ источниковъ дало $64^0,2$ R, $64^0,5$, $55^0,0$ и $57^0,0$ R.

Въ 10-ти шагахъ отъ главнаго ключа въ самомъ ручейкѣ измѣреніе дало $55^0,0$ R, а въ 22-хъ шагахъ—еще $48^0,0$ R. Въ мѣстѣ, гдѣ купаются, я нашелъ $t = 30^0,2$ R.

При впаденіи въ рѣку еще $29^0,0$ R.

Вблизи этой горячей площади почва въ теченіе зимы никогда не промерзаетъ, почему у жителей неподалеку находятся картофельные огороды, на которыхъ картофель, разъ посаженная, выростаетъ сама собою и на другое и т. д. лѣто, если въ землѣ оставить ея клубни. Растительность вокругъ очень сочная и пышная. Особенно бросаются въ глаза крайне крупные цвѣтки фіалки (*Viola*) на длинныхъ, сравнительно,

стебляхъ и съ крупными листьями. Увалъ, по которому течетъ горячій ключъ, называется жителями „зеленцо", вѣроятно благодаря болѣе раннему появленію на этой площадкѣ весною зелени. Объ этихъ ключахъ Сарычевъ, въ „Путешествіи флота капитана Сарычева по сѣверо-восточной Сибири въ 1785 по 1793 г. Спб. 1802" на страницѣ 174 ч. I, пишетъ въ декабрѣ 1789 г.: „въ 30 верстахъ отъ него въ Начикинскомъ острогѣ ночевали. Отсюда въ 2 верстахъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, есть горячіе ключи, называемые Начикинскими. Мы съ Берингомъ ѣздили къ онымъ. Вода въ текущемъ изъ нихъ ручьѣ довольно горячая, хотя въ то время и были ужасные морозы; запахъ имѣетъ она сѣрный, а вкусъ горьковатый. Положенныя въ нее монеты черезъ нѣсколько часовъ дѣлаются какъ бы вылуженными и получаютъ свѣтло-сѣрый цвѣтъ. Камчадалы часто моются въ этомъ ручьѣ вмѣсто бани, и для того сдѣланы на немъ огороженныя досками мѣста, одно вверху ручья, другое для лѣта пониже перваго. Мы хотѣли видѣть самые ключи, но не могли близко подойти къ нимъ, потому что земля вокругъ нихъ самая вязкая и топкая".—Въ настоящее время никакихъ досками огороженныхъ мѣстъ для купанья нѣтъ; сѣрнаго запаха я также не могъ чувствовать, равно какъ и горьковатаго вкуса. Изъ анализа воды этихъ ключей, присланной профес. Б. Дыбовскимъ и произведеннаго профес. К. Шмидтомъ, видно, что ключи вовсе не содержатъ сѣроводорода и крайне ничтожное количество вообще сѣрныхъ соединеній, почему можно думать, что или составъ воды со временъ Сарычева и Беринга сильно измѣнился, или что сѣрный запахъ, достигавшій органа обонянія знаменитыхъ мореплавателей, былъ только въ ихъ воображеніи.

Впрочемъ и К. Дитмаръ, посѣтившій ихъ въ сентябрѣ 1852 г., чувствовалъ также запахъ сѣроводорода. При 10^0 наружнаго воздуха имъ въ ключѣ найдена t 62^0 R.

Въ Начикѣ даже картофель родится не всякій годъ,

благодаря высокому положенію селенія надъ уровнемъ моря.

Черезъ полчаса паромъ былъ готовъ, и мы, на этотъ разъ уже вмѣстѣ, понеслись внизъ по теченію быстрой Начики. Такъ называемый паромъ есть ни что иное, какъ два бата (три или даже четыре какъ рѣдкое исключеніе), крѣпко связанные другъ съ другомъ при помощи двухъ поперечныхъ палокъ, принайтовленныхъ къ передней и задней части батовъ нерпичьимъ или медвѣжьимъ ремнями. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится на такомъ паромѣ сплавлять куда-нибудь начальство, какъ теперь, или по приказу какихъ-нибудь рѣдкихъ именитыхъ путешественниковъ, кромѣ упомянутыхъ связей средняя часть батовъ застилается поперекъ или досками, въ лучшемъ случаѣ, или просто палками, поверхъ которыхъ еще настилается трава. На такомъ помостѣ важно возсѣдали теперь мы.

Черезъ нѣсколько минутъ мы проплыли уже устье горячаго Начикинскаго источника, до котораго считается отъ селенія не менѣе двухъ верстъ. Берега рѣки поросли кустарникомъ ольхи и тальника. По рѣкѣ попадаются то и дѣло крохали, каменушки, гоголи, чирки, селезни или кряквы.

По правому берегу тянется мощный пластъ торфа. Вонъ тихо, не замѣчая опасности, крадется въ высокой травѣ самымъ берегомъ волкъ. Одинъ изъ проводниковъ, Иванъ Уховъ, осторожно достаетъ берданку, наводитъ на сѣраго и стрѣляетъ, но неудачно. Въ нѣсколько большихъ прыжковъ волкъ скрылся въ береговыхъ заросляхъ.

По берегамъ горныя тропы, продѣланныя медвѣдями лѣтомъ къ рѣкѣ для ловли рыбы.

Теперь медвѣдей не видно, такъ какъ они приходятъ къ рѣкѣ уже рѣдко, находя довольно для себя пищи въ это время года и по горнымъ рѣчкамъ, высоко въ хребтахъ, гдѣ и живой и уснувшей рыбы еще больше. Упомянувъ о рыбѣ,

нельзя не сказать объ одномъ характерномъ, кажется, для всей Камчатки явленіи—это о „снёнкѣ“.

Снёнкой называется всякая уснувшая рыба, масса тѣлъ которой, полуистлѣвшихъ уже, виднѣется около самыхъ береговъ. Гніющая масса рыбы распространяетъ далеко крайне непріятный нестерпимый запахъ, заражая не только воздухъ, но и воду до такой степени, что жители селеній не могутъ пользоваться водою изъ рѣчекъ для домашнихъ своихъ потребностей и бываютъ вынуждены доставать воду изъ какихъ-нибудь ключиковъ.

Еще черезъ часъ времени батъ проносился по безлѣсной открытой съ обѣихъ сторонъ мѣстности, занятой обширной тундрой. Тундра праваго берега прорѣзывается тремя небольшими рѣчками, устья которыхъ были пройдены одно за другимъ. Направленіе теченія этихъ рѣчекъ можно хорошо прослѣдить по тремъ извивающимся зеленымъ лентамъ низкорослаго ольховника и тальника. Верстахъ въ пятнадцати отъ берега виднѣются живописныя массы хребта Щокочъ, отъ подножія котораго простирается названная тундра, а въ ущельяхъ — находятся первые истоки рѣчекъ: Димитріевой, Щокоча и Хребтичной; изъ нихъ Щокочъ самая большая. Рѣчка Дмитріева или Дмитріевка названа, будто бы, по имени теперь никому неизвѣстнаго Дмитрія, занимавшагося тамъ рыбнымъ промысломъ. Ея истоки находятся собственно подъ „Зеркаломъ“,—неособенно высокій хребетъ, поднимающійся прямо противъ селенія Начики съ вышеописанными горячими ключами у своего подножія и переходящій безъимянными кряжами въ скалистый Щокочъ. По лѣвому берегу было пройдено устье маленькой рѣчки Йпукыгъ.

По минованію тундры, внезапно кончающейся у основанія увала, которымъ начинаются отъ этого мѣста непрекращающіяся болѣе горы, стѣсняющія долину Начики, батъ еще быстрѣе понесся мимо отвѣсно поднимающихся отъ воды скалъ очень темнаго, мѣстами зеленоватаго цвѣта, которые

сплошной каменной стѣной, метровъ въ 10 вышиною, тянутся по правому берегу рѣки на протяженіи полуторыхъ или двухъ верстъ. Характеръ залеганія ихъ и самый видъ не оставляютъ сомнѣнія на счетъ принадлежности ихъ къ породамъ кристаллическимъ. Склоны мелькающихъ уваловъ и горъ поросли большимъ березовымъ лѣсомъ (*Betula Ermani*). Мѣстами подступающія къ водѣ, скалы красиво оттѣнены темнозелеными кустами ползучаго кедровника. Холмы лѣваго берега отстоятъ отъ рѣки приблизительно на версту. То и дѣло мелькаютъ почти отвѣсные каменные утесы. Паденіе рѣки замѣтно очень хорошо; приходится задерживать слишкомъ быстрое движеніе бата, чтобы не разбиться о подводные камни, встрѣчающіеся очень часто по рѣкѣ, ниже которыхъ вода клубится и пѣнится какъ въ котлѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти внезапное пониженіе рѣчного ложа образуетъ такъ называемые шиверы. Прямо на западъ открылся чудный видъ на хребетъ Обѣщàный. Горы подошли ближе къ берегу съ обѣихъ сторонъ. Прошли устье лѣваго притока, Терентьевки. Хребетъ Обѣщаный приблизился болѣе. Все теченіе рѣки и берега сплошь усѣяны камнями весьма солидныхъ размѣровъ. Въ берегахъ, ставшихъ на нѣкоторое время низменными, виденъ пластъ округленныхъ каменьевъ различной величины. Въ лѣвомъ берегу въ одномъ мѣстѣ, видны пропластки гальки и глины, мощностью до 5 саж. Совершенно подобнаго строенія берегъ былъ мною замѣченъ при впаденіи Коряцкой рѣчки въ Авачу. Подходимъ къ главному хребту, перерѣзывающему полуостровъ въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Берега поросли тѣмъ же тальникомъ и ольховникомъ.

Около 6 ч. вечера остановились на берегу небольшой рѣки Тойонской, лѣваго притока Начики верстахъ въ 25 отъ Апачи. Рѣчка эта до 4—6 аршинъ шириною, мелкая, какъ и многія ей подобныя, справедливо можетъ быть названа потокомъ; начинаясь не особенно далеко отсюда въ тѣсномъ

ущельѣ, она имѣетъ очень быстрое теченіе, образуя много перекатовъ и каскадовъ вслѣдствія большого паденія ея русла. На мѣстѣ впаденія этой рѣки въ Начику и рѣшено было переночевать, такъ какъ продолжать путь при наступающей темнотѣ было невозможно. Палатки были быстро поставлены, усталые проводники вскорѣ послѣ обильнаго чаепитія отошли ко сну. Костеръ погасъ и наступила мертвая тишина. Какъ ни старался прислушиваться, чтобы уловить живые звуки, я не слышалъ ничего, кромѣ немолчнаго плеска бурныхъ рѣчекъ. Не знаю о чемъ, но мнѣ казалось, что рѣчки о чемъ-то говорятъ другъ съ другомъ, говорятъ о дѣлѣ неотложномъ, давно наболѣвшемъ и до сихъ поръ еще не высказанномъ. Говорятъ горячо, перебивая одна другую.

Пока мой спутникъ и проводники мирно спятъ, я позволю себѣ вернуться обратно въ Начику, чтобы пройти оттуда въ Апачу, другой испытанной мною ранѣе дорогой „черезъ Чирельчикъ".

Стоялъ пасмурный день, когда я выѣхалъ годомъ позже на лошадяхъ 3-го октября по этому пути изъ Начикъ. Предполагавшійся выѣздъ раннимъ утромъ не состоялся изъ-за наступившаго ненастья: повалилъ-было густой мокрый снѣгъ, который однако вскорѣ пересталъ, давъ возможность выѣхать около 1-го часа дня. Черезъ нѣсколько минутъ мы прошли уже рѣчку „Уздецъ", лѣвый притокъ Начики, берущій начало между хребтами Халзаномъ и Ипукыгъ и впадающій въ нее верстахъ въ двухъ ниже селенья. За этой рѣчкой начинается сухое луговое ровное мѣсто, ограниченное съ одной стороны берегомъ Начики, съ другой крутымъ уваломъ, представляющимъ собою несомнѣнно древній берегъ рѣки. Правый берегъ соотвѣтствующій этому по древности происхожденія, находится по правую сторону теперешней Начики, образуя послѣднюю террасу правобереговой цѣпи горъ. Проѣзжая берегомъ рѣки, невольно чувствуешь сильный запахъ гнилой

рыбы (снёнки), которая, видно, валяется тутъ же на берегу на дресвѣ и въ водѣ, покрытая плѣсенью.

Ѣдемъ шагомъ. Тальникъ, одѣвающій берега Начики, оголенъ, березникъ также. Выпавшій днемъ и державшійся ранѣе снѣгъ сошелъ весь, внизу на горахъ еще держится и, конечно, останется тамъ до будущаго лѣта. Обыкновенно снѣгъ устанавливается въ Начикѣ въ среднихъ числахъ октября. Измѣненія въ срокахъ очень незначительныя. По проѣзжаемому теперь лугу видны готовые стога сѣна. Я спрашиваю, когда убираются съ рѣки рыбные запоры, устройство которыхъ ранѣе было описано, и мнѣ говорятъ, что опредѣленнаго срока для этого нѣтъ, но что обыкновенно въ то время, когда по рѣкѣ пройдетъ шуга, что бываетъ около средины-же октября; что въ настоящее время запоры еще не сняты, хотя рыба (кижучъ) идетъ уже плохо.

За часъ ѣзды по равнинѣ переѣхали еще двѣ маленькихъ рѣчки, называемыхъ „Ближній" и „Дальній" Кохаичъ. Между ними находится небольшая мокрая тундра. Рѣчушки чрезвычайно извилисты, съ крутыми берегами, заросшими высокой травой. Представляется, что тундра эта была когда-то мѣстомъ впаденія въ Начику другой болѣе солидной рѣки Кохаичъ, чѣмъ два современныхъ ручейка. Мнѣ кажется, что тутъ именно была тихая спокойная заводь съ болѣе спокойнымъ отложеніемъ песковъ и другихъ осадковъ сносившихся прежней рѣкой съ древнихъ болѣе высокихъ горъ теперь размытаго хребта Ипукыгъ. Вотъ снова выѣхали въ небольшой (не крупный) березовый лѣсъ. Противъ этого мѣста на правомъ берегу Начики залегаетъ также тундра, прорѣзываемая тремя рѣчками: Дмитревской, Хребтичной и Щокочемъ. Здѣсь находится первое скалистое обнаженіе праваго берега Начики. Отсюда она, стѣсненная горами, протекаетъ сравнительно узкой падью до самой Апачи. Какъ разъ противъ только что названнаго скалистаго мыса обнаженія, находится устье рѣчки Ипукыгъ, теченіе которой можно далеко

прослѣдить въ горы по сѣрой лентѣ обезлиственнаго теперь тальника. Немного ниже приходится переходить маленькую рѣчку Охманку. Дорога ведетъ все еще древнебереговымъ иваломъ. Пересѣкаемъ многочисленныя медвѣжьи тропы. Около 5 часовъ остановились, перейдя ручеекъ „Перевозную падушку", на берегу Начики у того мѣста, гдѣ зимою трактъ съ одного берега ея переходитъ на другой. Пошелъ дождь, который смѣнился мокрымъ густымъ снѣгомъ. Хорошо, что во-время добрались до ночлега. Говорятъ, что въ это время года иной разъ случается, что за одинъ разъ снѣгъ выпадаетъ глубиною въ колѣно и по поясъ взрослаго человѣка, и сразу прекращаетъ возможность дальнѣйшаго передвиженія на лошадяхъ, которымъ тогда трудно находить достаточное количество корма. Вотъ и теперь, чтобы дать возможность лошадямъ получше покормиться, ихъ отводятъ по дальше отъ мѣста нашей остановки на „хвощи" (*Equisetum*). Осенью хвощъ считается самой лучшей пищей для лошадей, которую онѣ видимо поѣдаютъ съ удовольствіемъ; поэтому жители стараются, по возможности, остановиться во время переѣздовъ на охотѣ или когда отбываютъ каюрство, на такихъ мѣстахъ, гдѣ растетъ хвощъ, и который у нихъ называется прямо „хвощниками, хвошниками или просто хвощемъ". Въ мѣстѣ сегодняшней остановки „у деревца" хвощниковъ нѣтъ, и заявленіе каюровъ о томъ, что они отвели лошадей на „хвощъ", было сдѣлано только, какъ говорится, для пущей важности. Къ вечеру снѣгъ пошелъ сильнѣе. Трава, на которой теперь приходилось расположиться на ночлегъ, была мокрая; палатка также и, къ довершенію всего, температура едва достигала 0^0R. Тѣмъ не менѣе дѣлать было нечего, приходилось волей-неволей мириться съ неожиданнымъ заключеніемъ въ палаткѣ.

Утромъ на другой день идетъ попрежнему мокрый снѣгъ при $t^0 = 0{,}5^0$R. Относительно селенія Начики мѣсто „у перевоза" ниже приблизительно на 140′. Вся поверхность земли

покрыта тонкимъ снѣжнымъ покровомъ, изъ котораго торчатъ только стебли высокой травы. Снѣгъ подъ ногами хруститъ. Падая, крупными хлопьями, онъ прилипаетъ къ одеждѣ и таетъ на васъ. Благодаря полному безвѣтрію, снѣгъ задерживается на сучьяхъ, на вѣтвяхъ деревьевъ, отчего они кажутся гораздо толще чѣмъ въ дѣйствительности и точно серебряными. Выѣхать въ такую погоду совершенно невозможно, тѣмъ болѣе, что отсюда, судя по состоянію дороги, въ одинъ день опять не удастся доѣхать до селенія, и приходится цѣлые сутки сидѣть безвыходно въ полаткѣ, предаваясь размышленіямъ на тему о безсмертіи души.

Рѣчь зашла о возможности или невозможности занятія земледѣліемъ въ Начикахъ. Такъ какъ вопросъ этотъ не могъ быть рѣшенъ ни въ ту, ни въ другую сторону, то я, чтобы что-нибудь сказать объ этомъ ограничусь тѣмъ, что приведу здѣсь немногія свѣдѣнія по этому вопросу, полученныя мною въ селеніи. Въ этотъ разъ въ домѣ вышеназваннаго старосты находилось одно новое лицо, взятое имъ въ селеніи Мильковѣ (с. Мильково находится на лѣвомъ берегу р. Камчатки въ ея среднемъ теченіи) — молодая жена. Это была очень молодая женщина русская по происхожденію, родившаяся и выросшая въ названномъ селеніи. Узнавъ ее, я сталъ разспрашивать, давно ли она въ Начикѣ, гдѣ ей больше нравится и т. д.; на что она мнѣ отвѣчала приблизительно слѣдующее: „По пріѣздѣ сюда, слышала я все только разговоры одни, когда заговоришь другой разъ объ огородахъ да о хлѣбѣ, что тутъ не Камчатка (подъ Камчаткой подразумѣвается на Камчатскомъ полуостровѣ почти всегда только мѣстность расположенная въ долинѣ р. Камчатки), что хлѣбъ (ячмень) тутъ не можетъ родиться и т. д.“ Желая въ этомъ убѣдиться лично и опытнымъ путемъ, она посѣяла въ это лѣто немного ячменя и конопли. И результаты получились, по ея словамъ, удовлетворительные. Ячмень былъ собранъ, и эта семья ѣла кашу изъ крупы, собранной съ собственнаго поля. — „Уродилась,

говоритъ, и конопля“. Послѣдней я не видѣлъ, а потому и не скажу о ней ничего; что же касается до ячменя, то родиться-то онъ родился, но что всхожихъ сѣмянъ въ немъ очень мало, если они только вообще еще есть. Сѣмена мелкія, по большей части неполныя и слабыя. Рѣдкій колосъ имѣетъ твердыя, налитыя сѣмена, похожія на вполнѣ созрѣвшія. Какъ бы то ни было, но и одна каша изъ ячменя, взрощеннаго въ Начикѣ, составляетъ уже нѣкоторый прогрессъ. И начало этого прогресса, къ моему огорченію, положено женщиной?! Далѣе она разсказывала: „пріѣхала это я сюда, мнѣ и огороды-то ихніе (т.-е. Начикинскіе) не поглянулись: маленькіе ужъ больно, въ нихъ и разсадиться-то некуда“. Мужъ, слыша такую хозяйственную критику, при этомъ замѣчаетъ солидно и совершенно справедливо, что для того, чтобы сдѣлать огородъ больше, нужно поднимать земли больше; а поднимать землю трудно.

Основаніе для малой величины огородовъ, стало быть, есть и исканіе объясненія причинности этого явленія совершенно удовлетворено. Женщина на время замолчала, видно, что-то обдумывая, и потомъ продолжала: „вотъ тоже, какъ пріѣхала я, мнѣ и говорятъ, что и капуста-то здѣсь не родится... Попробовала я посадить, тоже вышла, только въ кочни не завивается, какъ у насъ въ Мильковѣ, а только въ листъ идетъ“... Слушая такіе разсказы объ успѣхахъ земледѣлія, достигнутые въ такомъ селеніи, какъ Начики, энергичной женщиной, можно было бы думать, если не принять во вниманіе другіе, что въ Начикѣ огороды малы и хлѣба нѣтъ только потому, что народъ тамъ — лѣнтяй и что, будь тамъ побольше энергичныхъ людей, какъ разсказчица, то тамъ не только бы всѣ кашу съ масломъ каждый день ѣли, бѣлымъ хлѣбомъ закусывали, но и пожалуй, что хлѣбъ можно было бы, чего добраго, и въ Америку еще вывозить. Я знаю, что есть и такіе, которые могутъ такъ думать, и думаютъ, стараясь объяснить матеріальную недостаточность инородцевъ—

ихъ лѣнью, и потому тутъ же привожу разсказы другой жительницы того же Начикинскаго селенія, въ немъ состарившейся, но родившейся гдѣ-то въ Иркутской губерніи. Она говорила мнѣ гораздо раньше, что когда она пришла вмѣстѣ съ другими, еще маленькой дѣвочкой, изъ Иркутской губерніи и поселилась въ Начикѣ, то при губернаторѣ Завойко заставляли всѣхъ рѣшительно заниматься опытами земледѣлія: садили картофель, сѣяли ячмень и т. п. Но черезъ короткое время уже все это прекратилось, прекратилось не потому, что среди нихъ не было желающихъ заниматься этимъ дѣломъ, напротивъ, многіе родились земледѣльцами, на хлѣбѣ выросли и не хотѣлось отказываться отъ хлѣба, а потому, что ранніе инеи не давали времени вызрѣвать хлѣбу, а что, если иной разъ и случалось, что ячмень вызрѣвалъ (уходилъ), то это было чрезвычайно рѣдко и тогда снимали меньше, чѣмъ сѣяли. Да вотъ и теперь, хотя бы нынѣшній годъ взять, картофель, единственная овощь, который садятъ ежегодно и безъ котораго трудно обходиться, родился совсѣмъ плохо потому, что былъ побитъ инеемъ въ самомъ цвѣту, а въ Корякскомъ селеніи, которое расположено, казалось бы, еще выгоднѣе, такъ какъ и ниже надъ уровнемъ моря, и ближе къ нему, собрали нынче картофеля меньше, чѣмъ посадили.

При такихъ фактахъ трудно ждать успѣха отъ занятія земледѣліемъ, по крайней мѣрѣ, въ Приморской полосѣ. Впрочемъ, какъ знать; чтобы сказать что-нибудь положительное по этому вопросу, прежде всего необходимо произвести систематически метеорологическія наблюденія въ данной мѣстности, по крайней мѣрѣ, хотя бы въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, а этого-то до сихъ поръ и не было никѣмъ сдѣлано, да, видимо, администрація и не думаетъ объ этомъ. На будущее лѣто старостиха думаетъ опять сѣять и садить по уваламъ около горячихъ ключей. Почва тамъ круглый годъ

талая. Можетъ быть, тамъ будутъ болѣе успѣшны ея земледѣльческіе опыты.

— Одинъ изъ проводниковъ, выйдя изъ палатки, чтобы перевязать на другое мѣсто лошадей, черезъ короткій промежутокъ времени, возвратился, сообщивъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ палатки есть совсѣмъ свѣжій слѣдъ медвѣдя, прошедшаго тутъ несомнѣнно раннимъ утромъ на другую сторону рѣки. Наскучившись сидѣніемъ, охотники рѣшились, несмотря на густой и мокрый снѣгъ, все еще не переставшій, отправиться не на долгое время на розыски этого медвѣдя... Вотъ они вбродъ переправились черезъ Начику, поднявшись на противоположный береговой увалъ и перехвативъ („перехватить слѣдъ" значитъ то же, что „встрѣтить, найти слѣдъ". Гнать слѣдъ — слѣдовать слѣдомъ, идти по слѣду), очевидно, слѣдъ, направились въ виднѣющійся березовый лѣсъ, пересѣкая широкую падь. Оставшись одинъ, я занялся въ промежутокъ, когда снѣгъ и дождь перестали, ловлей гольцовъ (*Salmo Salvelinus*), которыхъ удалось добыть къ возвращенію охотниковъ три штуки. У двухъ изъ нихъ я нашелъ на языкѣ по нѣскольку видимыхъ паразитовъ, вѣроятно изъ *Caligidae*. Всѣ они были одинаковой совершенно величины и вида. Спросивши охотниковъ, какъ называютъ они этихъ животныхъ, узналъ, что „букàрки" эти у нихъ особаго названія не имѣютъ, но что д-ръ Дыбовскій называлъ ихъ вошками; изъ этого слѣдуетъ, что ему было извѣстно о ихъ нахожденіи у камчатскихъ рыбъ. Особенно много, говорилъ Марковъ, вошекъ этихъ на языкѣ кижуча (*Salmo lagocephalus* Pall.), встрѣчается также и у красной рыбы.

Изъ разсказовъ я узнаю, что чавыча (самая большая изъ камчатскихъ рыбъ) доходитъ до Начикинскаго селенія, но въ очень ограниченномъ количествѣ, такъ въ лѣто обыкновенно ловится штукъ 10 этой рыбы, а нынче, противъ обыкновенія, поймали около одной сотни. Хайко тоже бываетъ. Кижучъ

встрѣчается, но еще рѣже. Нынче попалъ только одинъ. Харьюзъ, говорятъ, до Начики не доходитъ.

5 Октября. Въ 6 h a t нар. возд. 0,2 R. Вѣтеръ отъ W. Облака поднялись выше и порѣдѣли. Дождя и снѣгу нѣтъ. Кое-гдѣ межъ облаками виднѣется голубое небо. Кони сѣдлаются, вяжутся вьюки. Выѣхали въ $8^1/_2$ часовъ при $\beta = 29'',16$. Высота мѣста ночлега принята опять за $0'$. По первой открывавшейся пади поднялись на древній (лѣвый) берегъ Начики, о которомъ говорилось уже нѣсколько разъ ранѣе, $H = 80'$. На верху онъ представляетъ собою, какъ у Начики, луговую равнину, простирающуюся вплоть до самыхъ горъ, которыя въ данномъ мѣстѣ отстоятъ отъ этого берега приблизительно въ 150 саж. Лугъ этотъ — чистое мѣсто, ровное, покрытое невысокою травой, теперь, конечно посохшей, поблекшей и отчасти почернѣвшей. Среди травы попадаются рѣдкіе кустики *Lonicera coerulia* и *Rosa canina*, ца мелкія березки. Въ виду того, что мѣстность, которой мы должны слѣдовать,—крайне не ровная, я, чтобы можно было, до нѣкоторой степени, судить о ея неровности, привожу здѣсь всѣ показанія анероида съ часомъ наблюденія, какія только дѣлались въ это время. По промежуткамъ времени можно также судить приблизительно и о разстояніи между упомянутыми пунктами, принимая скорость передвиженія, крайне затруднительнаго, отъ 3 до 4 верстъ.—8 h 40 m a $\beta = 29'',07$ $H = 80'$. Ѣдемъ, пересѣкая лугъ, по направленію къ горамъ; встрѣтили еще одно старое русло, на днѣ котораго протекаетъ маленькая рѣчка, совсѣмъ прижавшаяся къ горѣ. По теченію ея растетъ небольшой тальникъ. Рѣчка эта называется Перевозной, потому что устье ея находится вблизи перевоза черезъ Начику, откуда мы сегодня выѣхали. Вершина находится подъ хребтомъ Ипукыгъ. Перейдя черезъ рѣчку на ея лѣвый берегъ, ровно въ 9 часовъ, стали подниматься въ гору крупнымъ березовымъ лѣсомъ. Подлѣскомъ здѣсь, какъ и всюду почти по Камчаткѣ, служитъ кустар-

никовый рябинникъ да шиповникъ. Почти на самомъ верху неособенно высокой горы съ лѣвой стороны видны голыя скалы сѣраго цвѣта, частію заросшія темнозеленымъ кедровникомъ. Нечего и говорить, что лошади идутъ шагомъ, такъ какъ дорога идетъ въ гору, 9 h 15 m a β=29,02 H=140′. Я только что сказалъ—„дорога". Не надо однако думать, что тутъ въ самомъ дѣлѣ проходитъ дорога, или даже что-нибудь похожее на дорогу. Ничуть не бывало. Я употребляю это выраженіе въ смыслѣ направленія. Въ дѣйствительности здѣсь нѣтъ не только дороги, но и тропы. Впрочемъ, извиняюсь, вотъ сейчасъ выѣхали и на тропу, конечно, медвѣжью. Проходитъ падушкой между горъ. Въ 9 h 30 m достигли, очевидно, высшей точки перевала =350′. β = 28,77. Отсюда замѣтно спускаемся подъ гору. Направленіе SW. Все тотъ же крупный березовый лѣсъ. Въ пади, по которой проходимъ, находятся истоки рѣчки Ближняго Чирельчика. И эта рѣчка хорошо замѣтна по ольховнику, покрывающему ея берега. Съ одного чистаго мѣстечка этой пади открывается прекрасный видъ на горы, изрѣзанныя глубокими ущельями и покрытыя снѣгомъ, изъ котораго темнозелеными пятнами выдѣляется кедровникъ и грязно-желтая трава, еще не прикрытая снѣгомъ. Мы слѣдуемъ лѣвымъ берегомъ и косогоромъ Ближняго Чирельчика, все время между горъ. Въ лѣсу замѣчательно тихо, — слышно только, какъ внизу шумитъ рѣчка, сбѣгая по каменистому неровному ложу. Порою на вершинѣ горъ набѣгаютъ облака, — скроютъ ихъ на короткое время изъ виду, чтобы перенестись на слѣдующія. Почти всѣ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ—ближнія, покрыты лѣсомъ до самыхъ вершинъ; только впереди виднѣется какой-то довольно высокій хребетъ съ голыми гребнями. Въ 10 h 30 m a β = 28,75 H = 375′. Мы все еще ѣдемъ падушкой, слѣдуя вверхъ по теченію Чирельчика. Дорога скверная: то и дѣло приходится перескакивать черезъ безчисленныя рытвины, по дну которыхъ протекаютъ маленькіе ручейки; нѣкоторыя сухи. Рыт-

вины эти крайне узкія и разной глубины завалены часто крупными камнями, почему переходъ черезъ нихъ съ перескакиваніями для ногъ лошади не совсѣмъ безопасенъ. Снѣгу лежитъ дальше, приблизительно, на одинъ вершокъ. 11 h a, $\beta = 28'',65$ $H = 455'$. Та же падь нѣсколько расширившаяся.—Здѣсь истоки Ближняго Чирельчика кончились, давая начало вершинкамъ Дальняго. Отмѣтивъ ранѣе $350'$ какъ высшую точку перевала, очевидно, я ошибся. Въ этомъ мѣстѣ на водораздѣлѣ двухъ Чирельчиковъ высшая точка $= 455'$, т.-е. выше селенія Начики, приблизительно на $315'$. На краю глубокаго лога, по дну котораго протекаетъ Дальній Чирельчикъ. Надо спускаться. 11 h 30 m a $\beta = 28,95$, $H = 200'$. 12 часовъ дня $\beta = 29,08$, $H = 80'$. Пройдя еще немного, въ 12 часовъ остановились на берегу названной рѣчки, чтобы дать нѣсколько отдохнуть усталымъ лошадямъ, а самимъ за это время поохотиться на медвѣдей, слѣды которыхъ только-что перехватили. Слѣды вели по узкой пади, по которой протекаетъ небольшая, очень быстрая рѣчка, извѣстная у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ—„въ пади пониже Стѣны". Ее можно разсматривать или какъ одну изъ вершинъ, или какъ одинъ изъ притоковъ Дальняго Чирельчика. Поднимаясь по ея теченію, переходя нѣсколько разъ съ одного берега на другой, до высоты $400'$, мы дошли до того мѣста, гдѣ она образуется въ свою очередь изъ нѣсколькихъ ключей, берущихъ свое начало въ многочисленныхъ ущельяхъ и падяхъ высокаго, одѣтаго снѣгомъ, хребта. Догнать медвѣдя не удалось.—Въ 2 h 30 m p, стало совершенно ясно; $\beta = 29,03$ $h = 125'$. Выѣхали съ мѣста въ 2 h 4 m. Въ 3 h 30 m p $\beta = 29,17$ $H = 10'$; въ виду впаденія Чирельчика въ Начику, оставили вправо отъ себя его долину, ставшую уже довольно широкой и опять пошли въ гору по широкой медвѣжьей тропѣ съ свѣже отпечатавшимся на покрывающемъ ее снѣгу громаднымъ слѣдомъ медвѣдя, видимо незадолго, прошедшаго внизъ по рѣкѣ. Здѣсь мѣстность еще болѣе неровная,—чѣмъ пройден-

ная до сихъ поръ; все — бугры и бугры, пади, котловины какія-то и т. д., а кругомъ густыя заросли кедровника. Мѣсто это дикое и утесистое называется—„На перевалѣ къ Косогору“. Всюду по дорогѣ скалы и отдѣльные камни. Приходится сойти съ лошадей и осторожно вести ихъ въ поводу, такъ какъ подъемы на эти бугры и спуски съ нихъ очень круты. Лошади ступаютъ осторожно, пробуя предварительно копытомъ почву, боясь провалиться въ глубокія трещины между камнями. Мѣстность очень живописная въ своей дикой красотѣ. Въ 4 h 10 m p, $\beta = 29{,}26$, $H = 100'$.

Вошли въ березовый лѣсъ, тутъ также бугры, но скалъ и отдѣльныхъ глыбъ каменныхъ не видно. Падь стала шире, по ней течетъ журчащій ручеекъ. Заросли хвоща. Черезъ лѣсъ виднѣется долина Начики. Въ 4 h 20 m; мы ѣдемъ опять древней правобереговой террасой ея, представляющей какъ и раньше, луговое мѣсто, покрытое высокою травой и частью крупнымъ березовымъ лѣсомъ. Справа за рѣкой виденъ отрогъ высокаго Обѣщанаго хребта, идущій до самой Апачи подъ разными именами. Слѣва начинается т. называемый Косогоръ, самое живописное, какъ оно представлялось мнѣ, мѣсто на переѣздѣ изъ Начики въ Апачу. Сколько разъ не случалось проѣзжать здѣсь, всякій разъ мѣсто это кажется одинаково красивымъ. Каменныя твердыни, тамъ и здѣсь поднимающіяся по крутому склону высокой горы, выпертыя нѣкогда страшною силою изъ нѣдръ земли, кажется, сразу застыли въ самыхъ причудливыхъ очертаніяхъ, какъ только показались на дневной свѣтъ. Вотъ, на самомъ верху горы, вѣнчающіе ее, массивные утесы представляются какими-то гигантскими развалинами сказочнаго замка, съ уцѣлѣвшими еще кое-гдѣ по стѣнамъ зубчатыми бойницами. Безмолвно смотрятъ съ недосягаемой высоты, опустѣлыя-покинутыя своими хозяевами-богатырями, величественныя развалины царственнаго замка. Стѣны его, какъ и запустѣвшая, ведущая къ нему дорога, по сторонамъ съ нечеловѣческими силами обставлен-

ная каменными столбами, кое-гдѣ упавшими, распавшимися на цѣлыя скалы, заросли непролазной чащею кедровника, какъ бы ревниво охраняющей отъ человѣка эти чудные нѣмые памятники древнѣйшей исторіи Камчатки. Только одинъ медвѣдь бродитъ по веснамъ по этимъ опустѣлымъ руинамъ-утесамъ съ косолапой своей подругой, любуясь открывающимся оттуда роскошнымъ видомъ на далекія окрестности, да орелъ смѣло садится на недоступные человѣку камни—столбы, зорко высматривая отсюда свою добычу, или, распластавъ въ воздухѣ свои могучія крылья, любовно паритъ надъ этими высотами, смѣясь надъ прикованными къ землѣ людьми, не хотящими за мелочными житейскими заботами и дрязгами вникнуть въ поражающее величіе явленій, происходившихъ на землѣ, о которыхъ безъ словъ, но краснорѣчивѣе всякихъ словъ, говорятъ эти утесы и скалы.

Вотъ и еще замокъ, еще больше, еще прекраснѣе. Дорога не позволяетъ долго любоваться этими красотами, спускаясь внизъ въ лѣсъ къ берегу рѣчки Косогорной, у которой и остановились, пройдя по подножію Косогора торной медвѣжьей тропой.

6 h p $\beta = 29{,}24$ H = — 150.
8 h 30 m p $\beta = 29{,}26$ H = — 100.

На другой день двинуться въ дальнѣйшій путь возможно стало только въ 1 часъ дня, когда пересталъ идти дождь, начавшійся еще съ вечера и продолжавшійся все время. Я говорю пересталъ, а на самомъ дѣлѣ дождь шелъ, но не такъ сильно только, какъ до этого. Дождь шелъ все время до 5 часовъ, когда мы вновь остановились на самомъ берегу Начики, немного выше такъ называемой протоки Хайковой. Такъ какъ все время до остановки шелъ, какъ сказано, дождь и приходилось переѣзжать многочисленныя рытвины и рѣчки, то записывать во время самаго пути рѣшительно невозможно было, почему пришлось записать путь только по

остановкѣ:—Ровно черезъ 1 ч. 20 минутъ мы доѣхали отъ мѣста нашего становья до рѣчки Тойонской. Дорога до нея шла сначала крупнымъ березовымъ лѣсомъ, а далѣе лугомъ, покрытымъ большими стволами такъ называемаго Медвѣжьяго корня (*Angelica?*). Лугъ этотъ называется „Тойонской тундрой", хотя это не тундра, а именно *лугъ*. По нему ѣдутъ ввиду теченія Начики. Вскорѣ за Тойонской, пересѣкши второй березникъ, выѣхали къ самому берегу рѣки и поѣхали вблизи послѣдняго, пользуясь широкою „трактовой" медвѣжьей тропой. Тропа эта ведетъ иногда по самому краю высокаго увала, направляясь къ рѣкѣ, куда медвѣди очевидно ходили и еще ходятъ на кормежку.—Слѣдовать все время этой тропой невозможно на лошадяхъ, такъ какъ мѣста спусковъ и подъемовъ на увалѣ и съ него бываютъ часто такъ круты, что лошади взобраться по нимъ или спуститься совсѣмъ невозможно, отчего приходилось отклоняться отъ этой единственной здѣсь дороги и ѣхать „цѣлиной". За Тойонской переѣхали еще какую-то рѣчушку, протекающую въ крайне глубокой, какъ трещина и круто-береговой пади. Чаёчканъ—имя этой проломины.—Передъ тѣмъ какъ остановиться проѣхали еще довольно порядочную „мокроватую" тундру съ серединой болѣе возвышенной и понижающуюся къ периферіи, при этомъ надо сказать, что граница тундры очень рѣзко замѣтна по разницѣ въ растительности на ней и кругомъ ея. Тундра покрыта, кромѣ мха еще голубикой и шикшей (*Empertum nigrum*); много большихъ порослей кедровника. Въ разныхъ направленіяхъ пересѣкается нѣсколькими медвѣжьими тропами, одной изъ которыхъ мы и пользовались. Перейдя эту тундру, выѣхали снова въ березовый лѣсъ и черезъ нѣсколько минутъ были у края увала, подъ которымъ здѣсь справа находится еще сухое мѣстечко, поросшее шиповникомъ, жимолостью, шаломайникомъ, мелкимъ березникомъ—луговое мѣсто, не широкое и далѣе Начика. Мы спустились, ведя лошадей въ поводу подъ крутой и высокій увалъ и

остановились на самомъ берегу въ 5 часовъ вечера. Разсѣдлавши лошадей, пустили ихъ кормиться на хвощъ, который росъ здѣсь въ изобиліи. Палатка быстро поставлена, чай готовъ.—Оставалось вооружиться терпѣніемъ, чтобы, можетъ быть, завтра, наконецъ, добраться до Апачи.

7-го октября въ 11 часовъ пріѣхали, наконецъ, и въ селеніе, выѣхавъ въ $8^1/_2$ часовъ. Погода сносная. Отъ мѣста вчерашней остановки сперва ѣхали берегомъ, поросшимъ тальникомъ и изрытымъ многочисленными промоинами, пока не достигли до увала, съ котораго сюда вчера спустились и къ которому въ этомъ мѣстѣ такъ близко прижалась рѣка, что проѣхать берегомъ было невозможно и потому пришлось взбираться на верхъ. Съ трудомъ взошли и поѣхали поверху, но и тамъ дорога была не лучше: заросли шаломайника, кусты рябинника, валежникъ; все способствовало тому, чтобы подвигаться только медленно. Наконецъ, добрались до рѣчки Усананъ, примѣтной по крупному тополевому лѣсу по ея берегамъ и чрезвычайно густымъ порослямъ хвоща. Пришлось переѣхать и эту рѣчку, правда, не глубокую, но съ берегами изрытыми весенними водами и загроможденными хламникомъ, валежникомъ, заросшими высокою крапивою и шаломайникомъ. Вблизи впаденія въ Начику, перешли на ея лѣвый берегъ, проѣхали тамъ еще порядочное разстояніе, слѣдуя береговому увалу Начики и, наткнувшись на торную тропу, спускавшуюся къ лѣтнему Апачинскому перевозу, перебрели рѣку и правымъ ея берегомъ добрались и до Апачи, находящейся, приблизительно, на $200'$—$300'$ надъ уровнемъ моря...

Для полноты описанія всѣхъ путей отъ Начикъ въ Апачу привожу описаніе пути черезъ т. наз. „Халзанъ", помѣщенное въ упомянутой выше первой статьѣ моей изъ Камчатки.—21-го іюня 94 г. Въ семь часовъ утра мы были уже на мѣстѣ перевоза. Отсюда дорога пойдетъ правымъ берегомъ р. Банной почти до самаго мѣста впаденія въ нее рѣчки

Халзана. Черезъ полчаса переправились черезъ рѣку, для чего были при помощи ремней и двухъ палокъ связаны вмѣстѣ два бата, „споромлены“, сѣдла и весь багажъ, какъ и люди, помѣстились на паромъ, а лошадей держали въ поводьяхъ, заставивши ихъ такимъ образомъ переплыть рѣку. Устье р. Банной (Бааню-Крашенинникова) осталось немного ниже нашей переправы. Вскорѣ мы въѣхали въ крупный березовый лѣсъ, которымъ и шли все время до перевала, иногда выѣзжая на самый берегъ р. Банной и сохраняя въ общемъ NO направленіе.

Первое время ѣхали равниной, имѣя съ правой стороны теченіе Банной, съ лѣвой—рѣчки Усананъ, впадающей также въ Начику выше впаденія въ нее первой. Попадалось очень много большихъ куликовъ, которые, издавая всѣмъ знакомое посвистыванье, выпархивали изъ травы и, садясь на поразительно высокія зонтичныя (до пяти аршинъ) и раскачиваясь всѣмъ изящнымъ тѣльцемъ своимъ на длинныхъ ножкахъ, долго оставались такъ, пока мы не скрывались изъ вида въ густыхъ зарosляхъ шаломайника. Черезъ нѣсколько времени мы перешли черезъ такъ называемый „Маленькій Хребтикъ“, оставивъ съ тѣмъ вмѣстѣ и теченіе Банной, и пошли отсюда къ рѣчкѣ Халзану, сбѣгающей, какъ упомянуто, съ хребта того-же имени, черезъ который мы и должны были перевалиться. Перевалъ черезъ „Маленькій Хребтикъ“ далеко не изъ удобныхъ. Приходится проходить узкой лощиной, по обѣ стороны которой высятся высокія горы. Видъ поразительно живописный, величественный. Невольно чувствуется мощь изломавшая залегавшую тутъ нѣкогда горную породу на милліоны обломковъ всевозможныхъ величинъ и видовъ, и во всевозможныхъ положеніяхъ нагроможденныхъ другъ на друга. Такія же груды камней и по склонамъ горъ до самыхъ вершинъ ихъ. Между колоссальными плитами и глыбами этой изломанной породы виднѣется масса пустотъ, а мѣстами камни прикрыты непролазными кустами ползучаго кедровника—

пріютъ соболя и медвѣдя. Лошади подвигаются крайне медленно, пробуя легкими ударами копытъ подъ собою почву и только удостовѣрившись въ крѣпости лежащаго подъ ногами камня или острымъ ребромъ выдавшейся плиты, рѣшаются сдѣлать слѣдующій шагъ. Этой лощинѣ пристало бы названіе „чортовой мостовой“.—Благодаря непревычной для меня ѣздѣ на лошади, неумѣнію держаться въ сѣдлѣ, а также и очень жаркому дню, у меня скоро страшно разболѣлась голова, почему я принужденъ былъ уже въ 4 часа дня остановиться, пройдя „Маленькій Хребтикъ“, на берегу р. Халзанъ въ ущельѣ между хребтами Ипукыгъ и Халзанъ, верстахъ въ 10 отъ начала перевала въ Начику.—22 іюня 5 ч. утра. Падь, въ которой протекаетъ только что названная рѣчка. День сѣрый ненастливый, начинаетъ моросить. По лѣвому берегу рѣчки—высокій до 2000′ откосъ, колоссальная каменная осыпь хребта Халзана. Впереди, направо и налѣво, виднѣются конусообразныя скалистыя массы, называемыя „Столбами“. Говорятъ, что въ этихъ мѣстахъ жилъ когда-то охотникъ Халзанъ (въ то время Камчадалы не были окрещены, „нехристи были“), который въ одну изъ охотъ на барановъ, оборвался съ отвѣснаго утеса въ этихъ столбахъ и безслѣдно исчезъ, разбившись при паденіи объ острые уступы скалъ и оставивъ хребту свое славное имя.

По случаю неисправности въ сѣдлѣ мы пошли дальше только въ 7 часовъ. Взбираемся все выше и выше, слѣдуя теченію заваленнаго камнями потока. Неоднократно приходится переходить съ одного берега на другой или же идти самымъ русломъ, обходя такимъ образомъ преграждающія дорогу каменныя стѣны. Халзанъ въ этомъ мѣстѣ падаетъ каскадами, точно по гигантской лѣстницѣ, вышина ступенекъ которой достигаетъ аршина и болѣе. Мѣстами тропа идетъ, лѣпясь почти по отвѣснымъ кручамъ, у подножія которыхъ съ оглушительнымъ грохотомъ бѣшено мчится покрытый пѣною бурный потокъ. Мѣстами встрѣчаются массы снѣгу.

Растительность становится бѣднѣе и бѣднѣе. Березовый лѣсъ давно замѣнился рѣдкими и низкими кустами кедровника да ольховаго сланца (*Alnus incana*). Зеленой травы почти еще совсѣмъ нѣтъ, только кое-гдѣ начинаютъ показываться завитки развертывающихся листьевъ папоротника (*Pteris*), да рѣдкіе экземпляры купальницы (*Trolleus*). Ущелье Халзана сдѣлалось еще уже. То съ той, то съ другой стороны виднѣются низвергающіеся серебряной пѣной потоки съ вершинъ, покрытыхъ снѣговыми массами.—Грохотъ отъ падающей воды настолько силенъ, что нельзя, или лишь очень трудно, слышать даже весьма громкій разговоръ ѣдущаго тотчасъ впереди или позади человѣка. По твердому снѣговому мосту, подъ которымъ прорылъ себѣ путь Халзанъ, мы перешли эту рѣчку, чтобы подняться на послѣднюю высоту, откуда дорога, быстро опускаясь, берегомъ упоминавшагося выше Уздеца ведетъ въ Начику. 12 часовъ дня. Наивысшая точка перевала. Грандіозный, незабвенно прекрасный видъ!

Медленно поднимаясь на эту высоту, нами были послѣдовательно пройдены, какъ бы различные, климатическіе пояса. Въ то время какъ тамъ, далеко внизу, среди роскошныхъ крупныхъ березовыхъ лѣсовъ, все цвѣло, говоря о жизни, полной молодыхъ силъ, здѣсь все вокругъ представляло мертвую пустыню. На неширокой площадкѣ, на которой мы теперь находились и которая, понижаясь на обѣ стороны, открывала поразительный чудный видъ на вытекающія съ этого хребта на ту и на другую сторону рѣчки Уздецъ и Халзанъ, не видно было болѣе ни одного, даже маленькаго кустарника. Большими пятнами лежалъ всюду снѣгъ. Вся убогая растительность ограничивалась немногими экземплярами только-что распускавшейся морошки, изрѣдка попадались красивые синіе цвѣточки одного вида, кажется *Pulmonaria*, да едва въ нѣсколько дюймовъ вышиною стебли не распустившейся *Potentilla fruticosa*. Зато гораздо большимъ распространеніемъ пользовались здѣсь различные представители мховъ и лишаевъ.

Прямо передъ нами, какъ сказано, виднѣлась красиво освѣщенная солнцемъ долина Уздеца, который серебряной лентой извивался между зеленыхъ кустовъ, обрамлявшихъ его береговые утесы, пока не скрывался отъ взора, затерявшись въ очень крупномъ ветловомъ и тополевомъ лѣсѣ. Позади такая-же глубокая и прекрасная, залитая зеленью, лощина буйнаго Халзана, который только-что былъ пройденъ. Только по сторонамъ все выше и выше, далеко на югъ и на сѣверъ, высились черные неприступные столбы, лишенные всякаго признака растительности. Въ утесахъ бушевалъ вѣтеръ, отъ котораго, казалось, дрожали въ воздухѣ эти каменныя твердыни. Иногда, проносившіяся съ порывомъ вѣтра, облака вдругъ скрывали изъ вида все окружающее, едва позволяя различать путь.—3 h р. Начика. Скоро мы достигли каменныхъ береговъ быстро несущагося Уздеца, по теченію котораго и слѣдовали, нѣсколько разъ переправляясь черезъ эту рѣчку то на ту, то на другую сторону, и только вблизи селенія отклонились, оставивъ ее по лѣвую отъ себя руку.

ГЛАВА II.

Апача и его окрестности.

Селеніе Апачинское или Апача находится на низменномъ, частью затапливаемомъ по веснамъ водою, правомъ берегу Начикинской рѣки, въ какой нибудь сотнѣ саженъ отъ болѣе возвышеннаго, ровнаго и сухого на верху увала. Рѣка противъ селенія довольно быстрая, раздѣляется островками на нѣсколько протокъ, перегораживаемыхъ въ лѣтнее время рыбными ловушками или—запорами. Небольшіе домики его, числомъ до 20, разбросанные безъ всякаго видимо порядка, крыты травой, какъ и въ каждомъ другомъ селеніи, и выстроенные

главнымъ образомъ изъ тополеваго лѣса, доставляемаго жителями съ верхняго и нижняго теченія Начики, недалеко отъ селенія. Тутъ, же въ селеніи, по самому берегу рѣки тянется рядъ рыбныхъ балагановъ и ямъ, необходимыхъ атрибутовъ всякаго камчатскаго селенія, наполненныхъ кислой рыбой, отчего и называемыхъ,—„кислыхъ ямъ", распространяющихъ острый, весьма непріятный запахъ, по которому уже можно издали знать о близости селенія. Эти рыбные балаганы и вѣшала рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ таковыхъ же другихъ поселковъ.—Подъ крышами нѣкоторыхъ изъ вѣшалъ устроены помѣщенія для складыванія уже готовой „юколы". Такія чердачныя помѣщенія на стойкахъ, и въ то же время „сушила", называются „балаганами".

Жителей въ Апачѣ считается болѣе ста душъ; такимъ образомъ селеніе это является однимъ изъ болѣе населенныхъ пунктовъ полуострова; почти всѣ они по своему происхожденію камчадалы, что можно знать по сохранившемуся среди нихъ инородческому типу, хотя отъ постояннаго продолжительнаго и болѣе тѣснаго, чѣмъ по другимъ селеніямъ, сношенія съ русскими (такъ какъ Апача находится между чисто русскими селеніями Большерѣцкомъ и Петропавловскомъ), нѣкоторые изъ жителей представляютъ скорѣе смѣшанный типъ. Во всякомъ случаѣ свой языкъ они совершенно утратили, усвоивъ странно искаженный — русскій; изъ всѣхъ жителей Апачи, только двое стариковъ, это Федоръ Антоновъ и его жена, немного „слышатъ", т.-е. понимаютъ камчадальскую рѣчь, хотя сами не могутъ объясняться на этомъ языкѣ. Считаю нужнымъ сказать здѣсь, что немногіе русскіе, которымъ случается на короткое время побывать въ Камчаткѣ, т.-е. въ Петропавловскѣ, а въ особенности же, которые еще побывали и въ ближайшихъ къ нему селеніяхъ, какъ-то: въ Сѣроглазкѣ, Авачѣ, Калахтыркѣ, Паратункѣ и др. уѣзжаютъ оттуда съ полной увѣренностью, что они слышали Камчадальскій языкъ и даже могутъ на немъ объясняться, оставаясь при этомъ

не только сами, но и вводя тѣмъ другихъ въ ложное представленіе объ языкѣ. Если бы языкъ этотъ былъ па самомъ дѣлѣ такъ легокъ для усвоенія, что въ одну недѣлю можно было бы его изучить вполнѣ, то было бы проще, мнѣ кажется, ввести его въ общее международное употребленіе, вмѣсто разныхъ измышленныхъ волапюковъ! Всѣ камчадалы и русскіе, живущіе на Камчатскомъ полуостровѣ, за исключеніемъ селеній,—Сопочнаго, Морошечнаго, Бѣлоголовскаго, Харьюзовскаго, Кавранскаго, Утхолокскаго, Напанскаго и Седанкинскаго, говорятъ на испорченномъ русскомъ языкѣ особымъ говоромъ, употребляя много чисто мѣстныхъ выраженій, часто употребляемыхъ по Сибири. Главной особенностью, сразу замѣтной всякому вновь пріѣзжающему, является въ этомъ говорѣ замѣна шипящихъ свистящими и наоборотъ и частое употребленіе слова „однако" въ смыслѣ, „я думаю", какъ это можно подмѣтить и по остальной Сибири, и слова „пора" въ значеніи „настало время". Напр. камчатскій русскій говоритъ: „Ну, пора, однако, шказать вамъ про это: Цево нашъ ошуздать-то жа наси ражговоры: ражговариваемъ тозе, какъ умѣемъ. Усь эти гошпода пріѣззіи, вшегда ошудятъ только, что ми камчадали да камчадали, а нѣтъ, цтобы цему-нибудь доброму науцить, тозе „гошпода" називаютча, а какая польжа отъ нихъ: только ми и видимъ, цто бабъ да дѣвокъ портятъ... Хоросіе-то люди, однако, такъ не поштупаютъ. Ми хочь и камцадалы, а вше швой штидъ имѣемъ... Да цего впроцемъ говорить: ништоитъ, однако".—Я думаю,—по приведенному примѣру, можно уже достаточно судить о томъ, на сколько камчатскій языкъ различенъ отъ русскаго. Различіе это, конечно, гораздо менѣе, чѣмъ между отдѣльными нарѣчіями русскаго языка и говорить, слыша такую рѣчь, о якобы камчадальскомъ языкѣ, по меньшей мѣрѣ, странно. Обрусѣвшіе камчадалы говорятъ точно такимъ же говоромъ, но рѣчь ихъ отличается отъ русскихъ тѣмъ еще, что въ ней

часто встрѣчаются ошибки противъ согласованія по родамъ, точно такъ, какъ у какого-нибудь русскаго нѣмца.

Въ настоящее время въ селеніи, кромѣ убогой часовенки, имѣется еще содержащаяся на общественныя средства школа, которая временно помѣщается въ домѣ названнаго выше Федора Антонова, а преподаваніе въ ней ведется сыномъ этого старика, камчадаломъ Кирилломъ. Не знаю, какой будетъ имѣть успѣхъ новая школа при веденіи обученія учителемъ, съ трудомъ выцарапывающимъ свою фамилію, притомъ не безъ того, чтобы не поставить на концѣ мягкаго знака; полагаю тѣмъ не менѣе, что успѣхъ будетъ, если не больше, то и не меньше достигаемаго въ такъ называемыхъ церковно-приходскихъ школахъ, изъ которыхъ инородцы часто берутъ обратно своихъ дѣтей, дошедшихъ за нѣсколько лѣтъ ученья до „складовъ", не видя въ этомъ особеннаго толку. Безрезультатность церковно-приходскаго школьнаго ученія обусловливается съ одной стороны полной неподготовленностью лицъ, занимающихся этимъ дѣломъ (большинство такъ же полуграмотные псаломщики изъ мѣстныхъ жителей), съ другой стороны отсутствіемъ любви къ этому дѣлу. Мнѣ припоминается одинъ камчадаленокъ, обучавшійся въ одной изъ такихъ школъ. Онъ съ трудомъ только понималъ кое-что по-русски, слыша въ родной семьѣ родную камчадальскую рѣчь, и былъ заставленъ затверживать урокъ. Онъ твердилъ: „распятаго-же за ны", его поправляли — „рашпята за жаны". Хорошо запомнивъ урокъ и добиваясь, по своему, смысла непонятнаго для него выраженія, ученикъ бойко отвѣчаетъ „за жену распятаго", и т. д. Съ такой версіей, видимо, былъ согласенъ и учитель, ничего на это не возразившій, для котораго, какъ и для ученика древне-церковный языкъ былъ одинаково чуждъ.

Главнымъ занятіемъ жителей, безъ сомнѣнія, является рыболовство, такъ какъ рыба составляетъ существенную и единственную ихъ пищу. Мнѣ кажется, что поэтому самому всѣхъ вообще обитателей Камчатки можно назвать рыбоѣдами или

рыбоядными, желая такимъ названіемъ оттѣнить ихъ исключительный родъ пищи. Рыба у нихъ поѣдается за завтракомъ, рыба идетъ на обѣдъ, съ рыбой пьется чай и рыба же составляетъ ужинъ.

Тутъ вы можете видѣть рыбу на всѣ манеры, во всѣхъ видахъ приготовленную: рыба квашенная, рыба жареная, вареная, вяленая, соленая, сушеная. О способахъ и времени лова рыбы было говорено ранѣе. Въ дополненіе къ приведеннымъ свѣдѣніямъ, я ограничусь лишь слѣдующими сообщеніями, полученными мною отъ выше именованнаго старика Федора Антонова, въ домѣ котораго я находилъ всегда самый радушный пріемъ и разсказамъ котораго я обязанъ многими свѣдѣніями о не столь легкой жизни инородцевъ, какой ее себѣ представляютъ кратковременные путешественники. Вся морская рыба, говорилъ онъ, идущая по веснамъ въ рѣки, какъ то: чавыча, горбуша, кижучъ, хайко, красная, мечетъ икру (лощаетъ) по рѣкамъ и затѣмъ, выметавши икру, утомленная ходомъ противъ теченія, погибаетъ (снетъ). Приведенные виды рыбы, разъ вошли въ рѣку, уже не выходятъ въ море, погибая всѣ до послѣдняго экземпляра. Насколько вѣрно такое наблюденіе, я не знаю, но, судя по массѣ гніющихъ тѣлъ осенью, можно думать, что такъ. Интересно было бы выяснить, отчего происходитъ это явленіе? Родившаяся изъ икры молодь, т. н. гольчики, на слѣдующую весну (пробывъ зиму въ рѣкѣ) уходятъ въ море. Въ морѣ рыба живетъ, будто бы, три года, пока не достигнетъ полной зрѣлости и тогда опять возвращается въ тѣ же рѣки, изъ которыхъ вышла. Изъ рыбъ, держащихся постоянно въ рѣкѣ, Антоновъ назвалъ слѣдующихъ: голецъ, микижа и харьюзъ.

Различаютъ нѣсколько видовъ гольца: бѣлый, васетинецъ или красноперый и коримчинскій (черноватый). Еще особый видъ гольца поднимается въ лѣтнее время по рѣкѣ высоко въ хребты. Микижа и харьюзъ держатся постоянно въ среднемъ и нижнемъ теченіи. Кромѣ того, въ Начикинскомъ

озерѣ водятся, будто бы, зеленые гольцы, которые въ рѣку совсѣмъ не спускаются, почему и должны считаться озерными. Микижа питается исключительно мышами и по той трудности, съ какою, случается, попадаетъ въ запоры, называется, какъ и чавыча, рыбою хитрой (микижа-рыба, чего и говорить, лукавой!).

Гольцы мечутъ икру (лощаютъ) въ сентябрѣ и августѣ, а кончаютъ лощаніе въ ноябрѣ. Процессъ лощанія проходитъ день и ночь въ холодныхъ ключевыхъ водахъ. Икра выпускается понемногу. При этомъ рыба держится парами. Цвѣтъ покрововъ во время лощанія мѣняется. Икру выпускаютъ на пескѣ или на мелкой галькѣ и тутъ же загребаютъ. Окончивши процессъ метанія икры, рыбы удаляются. Вылупившіяся маленькія сносятся теченіемъ въ тихія мѣста. Ловъ гольцовъ происходитъ весною въ маѣ и апрѣлѣ, когда они спускаются внизъ по рѣкѣ, и въ октябрѣ и ноябрѣ при ихъ поднятіи вверхъ. Ловятъ сѣтками и т. назыв. плавежными запорами, въ родѣ бережниковъ. Чтобы дать представленіе о добычливости этой ловли, я скажу, что 10 октября 94 г. шесть человѣкъ выловили за три дня небольшой сѣткой въ верстѣ отъ селенія 120 вязокъ гольцовъ (въ каждой вязкѣ по 30 штукъ) и 360 штукъ кижуча. Такой уловъ называется жителями „порядочнымъ“. Главные запасы корма какъ для себя, такъ и для собакъ доставляются, конечно, при помощи вышеописанныхъ запоровъ. Надо сказать также, что кормъ дѣлится здѣсь, какъ и вообще всюду по Камчаткѣ, на лѣтній и осенній, смотря по времени года его заготовленія; добываемый же поздней осенью, въ особенности, какъ начнутся заморозки, называется „свѣжимъ“ или „свѣжей рыбой“, такъ какъ добытая въ это время рыба сохраняется, благодаря холодамъ въ свѣжемъ состояніи.

Въ общемъ, въ ходѣ рыбы замѣчается какая то странная періодичность: иной годъ рыба идетъ въ бо̀льшемъ количествѣ, иногда въ меньшемъ, въ иной даже въ недостаточномъ;

послѣднее вызываетъ т. назыв. *недоходъ* рыбы и сопряженный съ нимъ голодъ. Мѣстная администрація въ тупомъ страхѣ передъ высшимъ начальствомъ, опасаясь разноса за нераспорядительность въ такомъ случаѣ, не утруждая себя вникнуть въ дѣйствительную причину голода, не задумываясь, взваливаетъ всю вину на тѣхъ же безотвѣтныхъ инородцевъ, обвиняя ихъ въ непомѣрной лѣни, упуская при этомъ совершенно изъ виду, что, по справедливости, въ такой годъ въ лѣни должны быть обвиняемы и медвѣди, часто пропадающіе съ голода. Мнѣ кажется, что было бы проще и ближе къ дѣйствительности со стороны администраціи вмѣсто того, чтобы, охваченной въ такихъ случаяхъ паническимъ ужасомъ передъ миѳическимъ разносомъ, искать оправданія въ нелѣпомъ обвиненіи въ лѣни и медвѣдей,—сознаться въ своемъ предосудительномъ равнодушіи по отношенію къ интересамъ инородцевъ. Въ лѣто 97 года жители Апачи говорили единогласно, что „слава Богу, нонче, можно сказать, рыбы благодать было: всѣ довольно запасли корму. Вотъ только лѣтній кормъ плохо вышелъ: лѣто больно ненастливое стояло—много пропадало корму. Зато теперь (въ октябрѣ мѣсяцѣ)—хорошій. Рыба идетъ жирная. Запоры по четыре раза въ день приходится опоражнивать. Однимъ словомъ—изобиліе рыбы нонче! Всякъ наловилъ сколько хотѣлъ. И кислой довольно наклали (заготовили)!“.

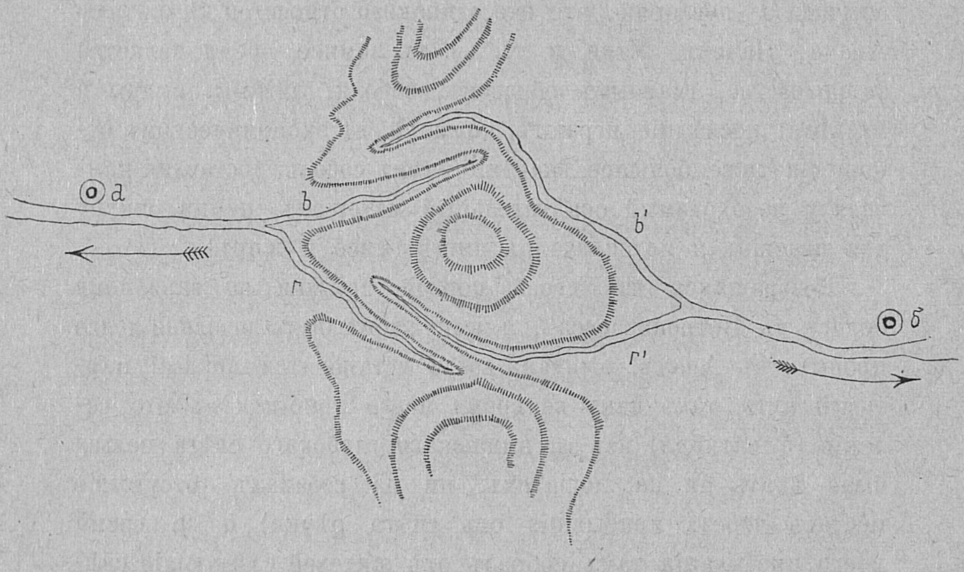
Ранѣе говорилось о тѣхъ лѣкарственныхъ веществахъ, которыя, за неимѣніемъ какой-нибудь аптечки, въ употребленіи, напр., у жителей Коряцкаго. Долженъ сказать, что все, что относится до занятій и вообще до образа жизни обитателей одного селенія,—одинаково приложимо къ каждому Камчатскому острожку (острожкомъ называютъ на полуостровѣ всякое инородческое селеніе, вѣроятно, потому, что въ прежнее время такое селеніе обносилось въ предупрежденіе нападенія—изгородью изъ острыхъ кольевъ, острогъ). Въ добавленіе приведу еще одно средство: для протравленія ранъ употребляется „кимчалъ“, т.-е. мясо рыбы источенное личинками

мясной мухи; кы́мчалъ этотъ прикладывается къ нарываемому мѣсту или „самъ по себѣ“, или же вмѣстѣ съ *краснымъ* ветловникомъ (молодыя деревца). Кору такого ветловника „чавкаютъ“, т.-е. пережовываютъ вмѣстѣ съ кы́мчаломъ (червяточиной) и получающееся тѣсто привязывается также къ больному мѣсту. О существующей медицинской помощи въ округѣ вообще и о желательномъ преобразованіи этой части, мнѣ близко знакомой, я буду говорить въ другомъ мѣстѣ.

Помимо рыболовства существеннымъ и важнымъ занятіемъ камчадала (повторяю, что это одинаково относится къ жителю Апачи, Начики, Утки и т. д.) въ зимнее время является звѣроловство, главнымъ образомъ, соболя, лисицы, выдры и медвѣдя; послѣдніе играютъ, пожалуй, въ экономическомъ отношеніи даже бо̀льшее значеніе, чѣмъ соболь, доставляя камчадалу необходимый освѣтительпый матеріалъ, ремни, шкуру для подошвъ и подспорье въ пищѣ (мясо и жиръ).

Возвращаясь изъ своей первой поѣздки по западному берегу въ Петропавловскъ, я вынужденъ былъ довольно долго пробыть въ Апачѣ, ожидая, когда установится первый нартовый путь, такъ какъ во время моего прибытія въ это селеніе (5 октября) изъ-за выпавшаго глубокаго снѣга нельзя было ѣхать ни на лошадяхъ, ни на собакахъ (отсутствіе мостовъ черезъ прибывшія отъ снѣга рѣчки) и за время моего пребыванія тамъ собралъ отъ жителей слѣдующія свѣдѣнія, касающіяся географіи Апачинскихъ окрестностей, нѣкоторыя изъ которыхъ имѣлъ случай провѣрить лично. Однимъ изъ довольно крупныхъ притоковъ Апачинской рѣки (продолженіе Начикинской) нужно назвать Каримчину, впадающую въ нее съ лѣвой стороны верстахъ въ десяти ниже селенія. Вершина ея находится въ Паратунскихъ хребтахъ, близко подходя къ вершинѣ Каримчивой же (Николаевской), составляющей одну изъ вершинъ р. Паратунки, почему жителями одноименнаго селенія она и называется также часто Правой Паратункой.

По Камчаткѣ рѣки считаются правой или лѣвой, смотря по тому, съ какой стороны онѣ приходятся, если смотрѣть на нихъ отъ селенія. Но было бы несправедливо сказать, что рѣки камчадалами обозначаются, смотря не по теченію ихъ, какъ общепринято, а противъ теченія; хотя, если рѣчь идетъ только о ближайшихъ къ селенію, то послѣднее условіе обозначенія также будетъ примѣнимо. Въ поясненіе приведу такой примѣръ. Пусть *а* и *б* (фиг. 8) будутъ два селенія, расположенныя на двухъ рѣкахъ, берущихъ свое начало каждая двумя вершинами *в*, *г* и *в'*, *г'* въ хребтѣ между селеніями.



Фиг. 8.

Такимъ образомъ житель селенія *а* вершину *в* своей рѣки назоветъ *лѣвой*, а вершину *г—правой* точно такъ же и вершины рѣки селенія *б—в'*--лѣвой, а *г'*—правой, и свой зарѣчный берегъ—правымъ, и селенія—*б*. Это нужно имѣть всегда въ виду.

Съ лѣвой стороны (по теченію) Каримчина принимаетъ снизу вверхъ: Хребтовую рѣчку, Аапчанъ и Толмачеву; съ правой—Шику, по которой находятся горячіе ключи, и Балаганчикъ. Вверху сама она составляется изъ двухъ рѣкъ: Лѣвой и Правой Каримчины. Кромѣ Каримчиной слѣва въ Апа-

чинскую рѣку впадаетъ Данилина рѣчка, Тундровая, Кокоичъ, Ипилька. По рѣкѣ Банной (Бааню - Крашенинникова) также лѣвому притоку р. Начики, справа: Халзанъ, Сарайная; слѣва—притоковъ не имѣетъ. Вершина Банной находится также въ Паратунскихъ хребтахъ, недалеко отъ Каримчиной. Обѣ послѣднія рѣки имѣютъ параллельное теченіе, раздѣляясь высокимъ хребтомъ съ обширной, такъ наз. высокой тундрой наверху. Вершина вышеназванной рѣчки Апчанъ сходится съ верховьями рѣчки Удушъ, дающей начало рѣкѣ Озерной, впадающей въ р. Большую (та же Апачинская или Начикинская ниже с. Большерѣцка). Какъ Апчанъ, такъ и Удушъ берутъ свое начало на тундрѣ вблизи подножія Опальной или Апачинской сопки. Отъ селенія Апачи и до Большерѣцка по подножію Гольцовскаго хребта простирается почти одна сплошная тундра, прорѣзываемая рѣчкой того же названія, впадающей въ Большую близъ селенія Большерѣцка, какъ объ этомъ будетъ сказано далѣе. По тундрѣ этой—нѣсколько островныхъ березняковъ и одна небольшая конусообразная сопочка, хорошо примѣтная съ дороги. Въ вершинѣ Банной, около Сарайной рѣчки, есть крутой откосъ, у подножія котораго находится, будто бы какой-то особенно блестящій песокъ.—„Въ прежнее время одинъ изъ жителей Апачи, Федоръ Пановъ, и коловской камчадалъ Трапезниковъ, собрали этотъ песокъ и привезли домой, но какая-то старуха, увидавъ въ пескѣ этомъ „что-то доброе“, изъ боязни, что начальство узнавши объ этомъ, чего добраго, заставитъ еще народъ скапывать ту гору и вообще начнетъ народъ „мучить“ работами (лестное мнѣніе о начальствѣ), отобрала песокъ и выбросила его вонъ“. Я нарочно привожу разсказъ этотъ о блестящемъ пескѣ и о нахожденіи въ немъ „чего-то добраго“, чтобы предостеречь будущихъ изслѣдователей отъ какихъ-нибудь смѣлыхъ и быстрыхъ заключеній о нахожденіи дѣйствительно чего-то тамъ добраго на основаніи только такихъ сообщеній о блестящемъ пескѣ, какъ это и случалось въ дѣйствительности.

Другое сообщеніе касается каменнаго угля, найденнаго будто бы, менѣе 10 лѣтъ тому назадъ, въ вершинѣ рѣки Утки. Каменный уголь жителямъ хорошо знакомъ, его они не могутъ смѣшать ни съ чѣмъ другимъ, а потому это сообщеніе заслуживаетъ нѣкотораго довѣрія и желательна его провѣрка. Вотъ еще нѣсколько словъ о Курильскомъ озерѣ: „Въ самомъ озерѣ живутъ морскія раковины и растетъ морская капуста. По серединѣ его находится большой камень—Сердце Алаида, къ сѣверу отъ послѣдняго—большой островъ, обитаемый медвѣдями. Островъ этотъ называется Самангъ. Выходъ изъ озера р. Озерной называется Спухчанахчакъ или сокращенно—Спухчакъ. Высокій каменный столбъ по р. Озерной называется Аакъ“. Это тотъ батъ, который, по Крашенинникову, богъ Кýтха воткнулъ въ берегъ Озерной, покидая Камчатку. Привожу нѣсколько отрывочныхъ температурныхъ данныхъ для Апачи, которыя, не давая ничего для научныхъ выводовъ, все-таки позволяютъ обыкновенному смертному видѣть, тепло или холодно тамъ бываетъ въ это время года. Поэтому и t^0 записывались въ самые разные часы:

Октябрь 1894 г.

Числа 6-е	8 h. a.	t^0	$+1^0,5$ R	вѣтеръ W, снѣгъ таетъ.
	6 h. p.		$-1^0,0$	
7-е	6 h. a.		$+0^0,0$	ночью снѣгъ въ I четв.
	10 h. a.		$+2^0,0$	снѣгъ идетъ, таетъ.
	2 h. p.		$+2^0,0$	облачно.
	10 h. p.		$+1^0,8$	
8-е	8 h. a.		$-1^0,0$	снѣгъ.
d. 8-е	10 h. a.		$-0^0,5$	N вѣтеръ.
	5 h. p.		$-1^0,0$	снѣгъ.
	9 h. p.		$-0^0,5$	W вѣтеръ.
9-е	9 h. a.		$-0^0,5$	W снѣгъ.
	5 h. p.		$-1^0,5$	
10-е	7 h. a.		$-1^0,5$	

	11 h. a.		$+1^0,0$	
	1 h. p.		$+0^0,5$	снѣгъ.
	6 h. p.		$-2^0,0$	
11-е	7 h. a.		$-5^0,0$	облачно, туманъ.
	10 h. a.	на солнцѣ	$+5^0,5$	ясно.
	12 h. a.		$+7^0,5$	ясно.
	4 h. p.	тоже	$+5^0,0$	
	6 h. p.		$+1^0,0$	облачно.
	11 h. p.		$+0^0,0$	облачно.
12-е	7 h. a.		$-1^0,0$	снѣгъ, облачно.
	2 h. p.		$+3^0,0$	снѣгъ.
	4 h. p.		$+2^0,0$	снѣгъ.
	9 h. p.		$+1^0,5$	
13-е	7 h. a.		$+0^0,5$	снѣгъ, облачно.
	3 h. p.		$+0^0,0$	облачно.
	4 h. p.		$-0^0,5$	снѣгъ.
	11 h. p.		$-3^0,0$	вѣтрено.
14-е	7 h. a.		$-2^0,5$	W.
	9 h. a.		$-3^0,5$	NW.
	11 h. a.		$-1^0,0$	NW.
	6 h. p.		$-2^0,5$	W.
	8 h. p.		$-4^0,0$	облачно.

Апача находится въ очень живописной мѣстности, располагаясь вблизи подножія Западнаго Камчатскаго хребта. Горныя цѣпи здѣсь нѣсколько отступаютъ, представляя болѣе широкій горизонтъ. Вся сѣверная часть горизонта замыкается здѣсь многими хребтами, изъ которыхъ ближе другихъ Домашній хребтикъ и Гольцовскій, падью между которыми проходитъ зимній путь изъ селенія—въ Начику. На южной сторонѣ прекрасный видъ представляетъ почти правильный конусъ очень высокой сопки, извѣстной подъ именами Апачинской, Опальной и Опальской. Особенно красива она, когда вершина ея закроется, какъ-бы шапкой, нѣжными верхними облаками.

Вышеупомянутый увалъ, подъ которымъ разбросалось селеніе, представляетъ тотъ же древній берегъ рѣки, о которомъ нѣсколько приходилось говорить выше.

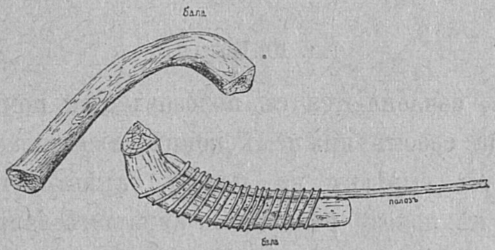
Увалъ этотъ или первая древняя береговая терраса имѣетъ направленіе NO—SW вышиною до 20′; въ полуверстѣ разстоянія отъ нея находится вторая терраса, идущая въ томъ же направленіи. На площади между ними протекаетъ ручеекъ „Камсхила", вершинка его въ ближайшихъ горахъ. Изъ-подъ дальней террасы беретъ свое начало ключикъ, въ руслѣ котораго много обломковъ какой-то сланцеватой породы. Я упоминаю о такихъ мелочахъ, какъ объ обломкахъ какой-то породы въ незначительномъ ключикѣ, на какія обыкновенно не обращается вниманія, въ виду того, что по моему разумѣнію, даже такія мелочи могутъ спеціалиста часто навести на какую-нибудь мысль для дальнѣйшихъ болѣе основательныхъ изслѣдованій. Только что приведенный разсказъ о нахожденіи каменнаго угля въ вершинѣ Уткинской рѣки, не такъ уже далеко находящейся отсюда, конечно, ничѣмъ не доказанъ, но нахожденіе тутъ осадочныхъ породъ, мнѣ кажется, уже служитъ обстоятельствомъ, увеличивающимъ степень вѣроятія такого открытія угля въ этихъ мѣстахъ.

Наскучившись безцѣльнымъ сидѣніемъ въ Апачѣ въ тщетномъ ожиданіи установки зимняго пути въ Петропавловскъ (осенью 94 г.), я воспользовался случаемъ, чтобы съ партіей охотниковъ пробраться на Каримчинскіе горячіе ключи, по слухамъ очень обильные, находящіеся въ самой вершинѣ Правой (по теченію) Каримчины. Поѣздку туда я передамъ согласно сохранившимся у меня, хотя и неполнымъ записямъ, думая тѣмъ увеличить сумму географическихъ именъ на Камчаткѣ—десяткомъ новыхъ.

15-го Октября стояло ясное, но довольно морозное утро (въ 7 h. a. $t^0 - 12{,}0^0$ R), когда рѣшено было выѣхать на охоту. Все кругомъ было покрыто ровнымъ ослѣпительно бѣлымъ снѣжнымъ покровомъ. Неподвижно стояли въ новомъ

серебряномъ уборѣ — деревья, точно привѣтствуя наступающую долгую зиму; только рѣка, — казалось, недовольная подошедшей гостьей и рѣзко выдѣляясь своимъ стальнымъ цвѣтомъ среди ровной бѣлизны наброшеннаго на землю покрова, — громко и неумолкая шумѣла, разбивая на мелкія части и унося внизъ нежеланный и непрошенный новый уборъ свой— ледяную кору, какъ дерзкое посягательство на ея свободу.

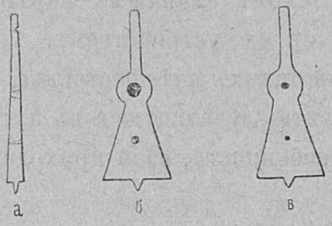
Прежде чѣмъ отправиться въ далекій путь, я остановлю вниманіе на Камчатскомъ экипажѣ—нартѣ, предполагая, что не всякій знакомъ съ ея устройствомъ, а знаніе ея устройства необходимо при такихъ путешествіяхъ, чтобы всегда быть въ состояніи исправить случающуюся въ пути поломку той или другой части, въ особенности, если приходится ѣхать одному.



Фиг. 9. Бала и полозъ.

Желающій „поставить“, какъ говорятъ, т.-е. сдѣлать себѣ новую нарту, отправляется въ лѣсъ (каждый дѣлаетъ обыкновенно самъ для себя, такъ какъ спеціальныхъ для того мастеровъ нѣтъ въ селеніяхъ, да они и невозможны, какъ будетъ ясно изъ дальнѣйшаго изложенія), чтобы тамъ вырубить гладкую (прямую) березовую лѣсину. Изъ этой лѣсины (одной или болѣе) вытесываются: полозья, варжины, бараны, копылья, вязки, подушки (послѣднія изъ-за своей величины уже всегда изъ другой лѣсины). Полозья вытесываются длиною отъ 15—17 четвертей, шириною въ ладонь, толщиною въ два пальца. Передніе концы ихъ загибаются на „балѣ“. Бала—это деревянный дугообразно-загнутый кусокъ

дерева (фиг. 9), шириною также въ ладонь и толщиною въ руку и толще. Къ такой „балѣ“—полозъ привязывается съ конца ремнями въ ея выгибъ и въ такомъ положеніи сушится для приданія извѣстной кривизны. Копыльевъ въ нартѣ бываетъ или 6 или 8, по три и по четыре съ каждой стороны. По числу ихъ паръ нарты называются: „тройка“ или „трехкопыльная“ и „четверка“ или „четырехкопыльная“. Изъ рисунка 10 видно, какую форму имѣютъ копылья. Копылья,



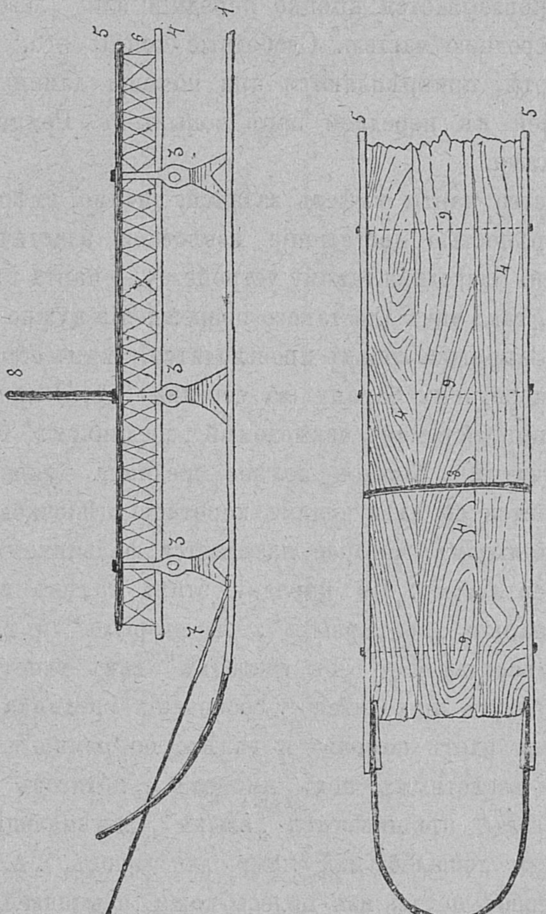
Фиг. 10. Копылья.

такъ сказать, сочленяются съ полозомъ при помощи коническаго зуба на своемъ нижнемъ концѣ, вкладываемаго въ соотвѣтствующую вырѣзку на полозу, крѣпко притягиваясь сверхъ того къ полозу ремнемъ — кинаромъ (кинаръ — множественное число — кинарья). Противустоящіе копылья (копылъ—множественное число—копы́лья) соединяются другъ съ другомъ круглыми палками съуживающимися на концахъ (веретенообразно), длина которыхъ находится въ зависимости отъ той ширины, какую хотятъ дать нартѣ и называемыми вязка́ми (фиг. 11). Для большей прочности, въ мѣстахъ прохожденія вязко́въ, копылья стягиваются ремнями—пояскомъ. Копыльевъ не дѣлаютъ болѣе $2^1/_2$ четвертей вышиною, имѣя въ виду устойчивость нарты. На верхнихъ ихъ концахъ привязываютъ длинныя (въ длину нарты, толщиною $1^1/_2$ пальца) палки—ва́ржины.

Куторга—это ременный переплетъ боковъ нарты—имѣетъ значенія только какъ украшеніе. Нарта такая называется „куторной“ и наличность ея свидѣтельствуетъ о бо́льшемъ достаткѣ владѣльца.

„Смотри-ка, парень, — Федька-то нонѣ тоже куторную нартишку завелъ!“

Точно такое же значеніе имѣетъ и задній баранъ, рѣдко



Фиг. 11. Нарта, сбоку и сверху.

1. Полозъ. 2. Лежачій баранъ. 3. Копылья. 4. Доски (подушка). 5. Варжина. 6. Куторга. 7. Утуги. 8. Стоячій баранъ. 9. Вязки.

два, играющіе роль спинки, на которую при ѣздѣ можно опереться спиной. Съ такими добавочными баранами нарта называется „ѣздовой“ въ отличіе отъ „дровянки“ или рабо-

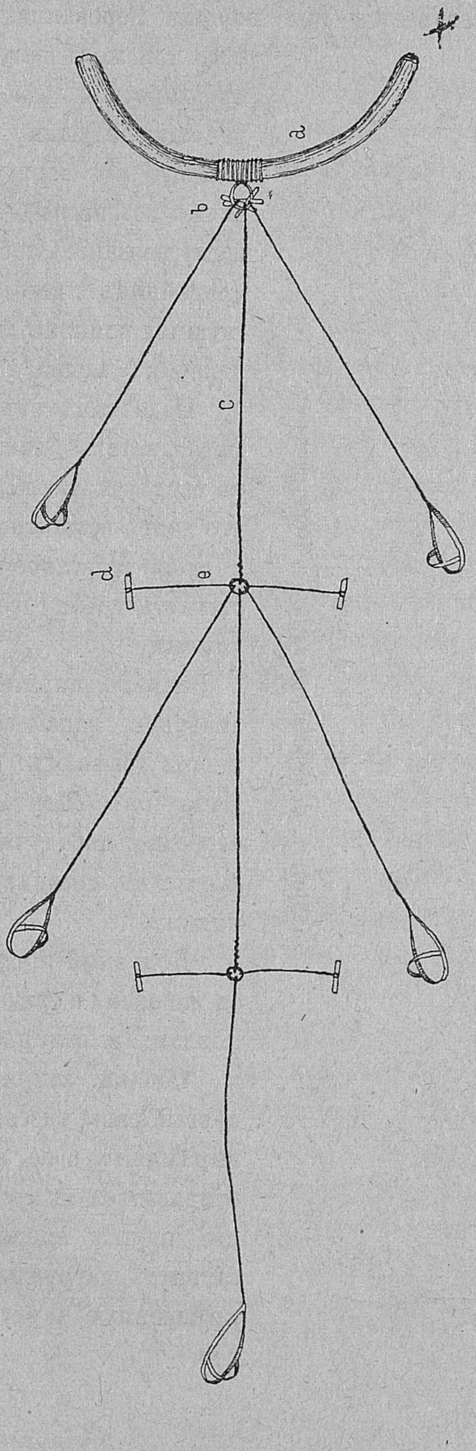
чей нарты, сзади открытой, чтобы можно было положить бревно, дерево и т. д., иначе задній баранъ только мѣшалъ бы. Передняя часть полоза называется „головкой". Къ этимъ „головкамъ" привязывается крѣпко передній или „лежачій" баранъ своею среднею частью. Свободные концы его, обращенные къ нартѣ, прикрѣпляются при помощи длинныхъ и прочныхъ ремней къ передней парѣ копыльевъ. Ремни эти называютъ утýгами.

Все устройство нарты имѣетъ задачей, видимо, вмѣстѣ съ необходимой крѣпостью достиженіе извѣстной эластичности или подвижности. Благодаря такому устройству,—нарта крайне рѣдко ломается, такъ какъ для такого поврежденія нужно очень большую силу. Запряжка собакъ производится такимъ образомъ (фиг. 12): къ переднему барану (за середину дуги) привязывается прочно длинный ремень, называемый „средникомъ" (обыкновенно колѣнчатый). Каждое колѣно средника длиною до сажени соединяется со слѣдующимъ короткою цѣпочкою или просто только кольцомъ, которое называется фальникомъ или хремней или вертлугомъ. По порядку этихъ колѣнъ собаки называются попарно: „въ первыхъ", „во вторыхъ" и т. д.

„Ишь-ты, двоеглазый-то „въ третьихъ" какъ тянетъ!"

Первый вертлугъ находится у основанія средника. Отъ этихъ вертлуговъ идетъ направо и налѣво по ремню длиною аршина въ 2, извѣстнымъ подъ именемъ „пóтяговъ". Къ концамъ „потяговъ" пришиваются „áлыки", замѣняющіе собою хомуты для лошадей или ярмо для воловъ. „Алыкъ" представляетъ собою петлю изъ полосы кожи (нерпичьей, медвѣжьей, очень рѣдко изъ парусины), шириною до 2 дюймовъ, перехваченную посрединѣ такъ называемою „поперечиной", какъ это видно на рисункѣ (фиг. 13). Въ отверстіе петли между „поперечиной" просовывается голова собаки— и собака впряжена.

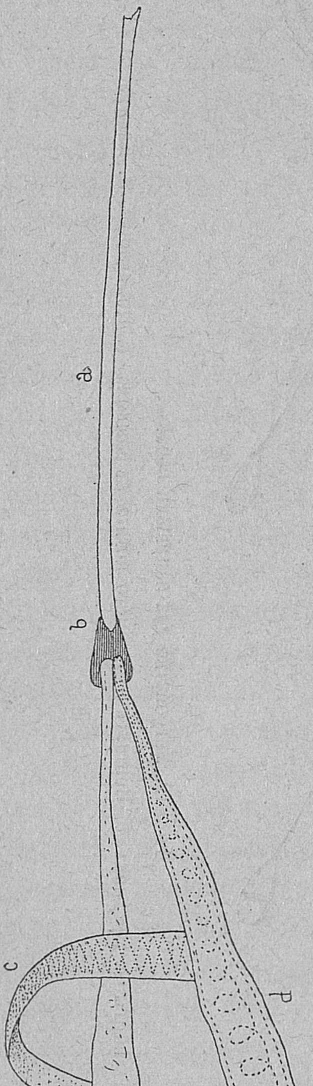
Для большаго закрѣпленія собаки, на нее надѣвается ошейникъ съ маленькою петелькой, за которую собака, кромѣ



Фиг. 12. Устройство для запряжки собакъ.

a. Баранъ парты. *c*. Средникъ. *b*. Вертлугъ и отъ него потягъ съ алыкомъ. *e*. Побѣжникъ. *d*. Клянъ.

„алыка", пристегивается при помощи деревяннаго, костяного или желѣзнаго „кляпа" къ короткой цѣпочкѣ или ремешку, идущему также отъ каждаго изъ вертлуговъ, начиная со „второго" и носящему названіе „побѣжника". „Ошейникъ" всегда пристегивается кляпомъ же къ „поперечинѣ алыка".



Фиг. 13. Алыкъ.
a. Потягъ. *d.* Собственно алыкъ. *c.* Поперечина.

Надо замѣтить, что каждый „потягъ" закрѣпляется въ вертлугѣ также кляпомъ, что даетъ возможность легко и скоро во всякое время выстегнуть собаку совсѣмъ изъ упряжки.

Впередъ запрягается обыкновенно одна собака, но иногда бываютъ и двѣ, и тогда онѣ бѣгутъ все-таки свободно, небудучи притягиваемы къ среднику побѣжниками.

Конечный потягъ есть въ то же время и средникъ, какъ понятно и изъ рисунка.

Собаки, запряженныя въ первый разъ, визгомъ и лаемъ выражаютъ свое нетерпѣніе отправиться въ путь, порывисто рвутся впередъ, чтобы сдвинуть нагруженную и закрѣпленную нарту съ мѣста.

Но вотъ все готово, я неумѣло сажусь на этотъ странный экипажъ,—нарта отвязывается и ловко управляется при помощи нѣсколько искривленной на концѣ палки—„оштола“ или прудѝло, быстро несется мимо домовъ и балагановъ селенія по рыхлому снѣгу къ виднѣющемуся лѣсу, запряженная семеркой сильныхъ и рослыхъ собакъ. Въ 10 часовъ утра мы были уже на берегу Начики у такъ называемаго „Лѣтняго перевоза“.

Здѣсь необходимо было остановиться, чтобы на батахъ переправиться съ нартами и собаками на другой берегъ рѣки. День ясный; снѣгъ на пригрѣваемыхъ солнцемъ стволахъ деревьевъ немного притаиваетъ; по теченію идетъ шуга. Баты связываются для большей устойчивости паромомъ; собаки по командѣ сходятъ въ нихъ, сюда затаскиваются осторожно нарты, которыя ставятся поперекъ этого парома, и мы переправляемся. Черезъ часъ паромъ „распоромленъ“, одинъ изъ батовъ отведенъ обратно на противоположный берегъ (для возможнаго сообщенія на всякій случай).

Собаки, спутавшіяся во многихъ ремняхъ, распутаны, и въ 11 час. мы ѣдемъ дальше. Черезъ густыя заросли шаломайника, частый лѣсъ тальника и топольника мы выбрались на чистое, сравнительно, мѣстечко и ровно въ часъ дня остановились, чтобы дать отдохнуть сильно утомившимся съ непривычки собакамъ (по свѣжей дорогѣ), вблизи рѣчки Шику, на берегу впадающаго въ нее ключика. Поймали въ дуплѣ горностая.

16 Октября 7 h. a. t — 8,0° R.

Облачное небо. Тихо. Вчера въ часъ дня остановились на берегу небольшого озерка, такъ наз. „курчажины“, и разбивши палатку, отправились караулить засидкой утокъ. При закатѣ солнца начали слетаться на „курчажину“ по одной штукѣ, парами и по нѣскольку штукъ заразъ, утки разныхъ родовъ и видовъ, а также и чайки. По увѣренію охотниковъ утки и чайки слетаются сюда спать на ночь, такъ какъ

это озеро почти вовсе не замерзаетъ въ теченіе всей зимы, покрываясь развѣ у береговъ въ самые сильные морозы тонкой ледяной пленкой, которая по днямъ все-таки расходится.

Озеро это имѣетъ истокъ въ р. Шику и два, сколько я могъ видѣть, ключика, текущихъ въ озеро. Холмъ видимый за рѣкой, вѣроятно, наноснаго образованія: слоистость ясно замѣтна. Упомянутая курчажина питается водами не только названныхъ ручейковъ,—въ нее впадающихъ, но и многими другими ключиками, изливающимися туда почти изъ каждой точки его берега и во многихъ мѣстахъ со дна.

Озерко, какъ сказано, почти все время не замерзаетъ, особенно по своему западному берегу, въ которомъ, надо сказать, находится наибольшая часть ключей. Темпер. воды въ этой части $= +4^0$ R. Дно озерка всюду покрыто крупной галькой и кое-гдѣ иломъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, повидимому, въ мѣстахъ выходовъ поддонныхъ родниковъ, илъ кругообразно отсутствуетъ, оставляя на днѣ рѣки только гальку и мелкій песокъ; мѣстечки эти имѣютъ такой видъ, какъ будто тутъ пробивается со дна вода, постоянно удаляющая мелкія илистыя частицы и препятствующая имъ здѣсь осаждаться. Въ прозрачной водѣ его видно много гольцовъ (*Salmo Salvelicus*), поднявшихся сюда по единственному крайне мелкому узкому истоку его въ Шику. Въ 11 h. a. t^0 н. в. $-3^0,0$ R. Выѣзжаемъ далѣе.

Переѣздъ или вѣрнѣе бродъ черезъ Шику. Это очень быстрая рѣчка, шириною саженъ до 4, не болѣе, также какъ и Начика несетъ шугу. Въ 1 часъ дня остановились на второй вершинкѣ рѣчки Печечной, праваго притока Каримчины, о которой выше не упоминалось. Въ мѣстѣ нашей остановки сходятся вершинки названной рѣчки. Вершину образуютъ многіе береговые ключи. Черезъ часъ снова тронулись въ путь и въ 5 час. вечера остановились на берегу р. Каримчиной при впаденіи въ нее р. Балаганчика, шумъ котораго былъ далеко еще слышенъ издали. t^0 въ 6 h. 20 m. p. $-2^0,5$ R.

Здѣсь добавлю, что въ началѣ ѣзды на собакахъ, пока онѣ, какъ говорятъ, еще „не вбѣжались“, т.-е. не освоились, нѣсколько не попривыкли снова къ упряжкѣ, имъ часто и черезъ короткіе промежутки времени даютъ роздыхи,—иначе собаки „запаливаются“ и „обезноживаютъ“.

Изъ изложеннаго описанія нарты и способа запряжки видно, что никакихъ возжей или узды на собакахъ нѣтъ. Бѣгутъ онѣ совершенно свободно, поворачиваясь вправо или влѣво единственно по голосу хозяина, который кричитъ „кахъ, кахъ“, когда желаетъ направить собакъ вправо и „хуги, хугъ“, или „хуй“, когда влѣво. (Надо замѣтить, что х произносится здѣсь съ особымъ придыханіемъ, глубоко горловой звукъ). Чтобы остановить, ѣздокъ или „каюръ“, „каюрщикъ“ (соотвѣтств.—ямщикъ, правильщикъ) вкладываетъ имѣющуюся у него въ рукахъ всегда палку (оштолъ или прудило) въ промежутокъ между первымъ и вторымъ копыломъ и старается, бороздя землю, остановить животныхъ, иногда кричитъ при этомъ „на, на“. Разумѣется, остановка такимъ способомъ не всегда удается, всецѣло завися отъ силы каюра.

Случается иногда, въ особенности, если въ упряжкѣ собакъ 10 и болѣе, когда онѣ встрѣчаютъ свѣжій слѣдъ оленя или увидятъ въ сторонѣ бѣгущую куропатку, то, не обращая вниманія ни на „хуги“, ни на „кахъ“, не слушаясь тормаза, какъ сумасшедшія несутся за звѣремъ по кочкамъ и лѣсной чащѣ, и надо много ловкости, чтобы уберечься тогда отъ паденья съ нарты или отъ ушибовъ. Бываетъ, что каюръ не въ силахъ сдержать разъярившихся животныхъ, свалившись самъ или сброшенный сукомъ дерева, подъ которымъ пробѣжали собаки, бываетъ вынужденъ продолжать путь за отпущенной нартой пѣшкомъ нѣсколько верстъ, пока не найдетъ свою лихую шестерку или восьмерку, страшно перепутавшихся въ какомъ-нибудь кустѣ и другъ съ другомъ.

17-го Октября 7 h. a. $t - 3^0,0$ R.

Идетъ небольшой снѣжокъ. Рѣчка Поперечная вытекаетъ

изъ пади, раздѣляющей хребты: Маленькій и Балаганчикъ. Чтобы добраться до этого мѣста, мы ѣхали отъ Апачи сперва на SSE и только недалеко отъ мѣста остановки, версты за три путь былъ SSW. Днемъ ѣздили на охоту; перехвативши слѣдъ россомахи (*Gulo*), мы стали слѣдовать имъ, но, проѣздивши верстъ 30, безъ успѣха вернулись назадъ.

Къ вечеру ходили за утками по рѣчкѣ Мироновой на лѣвый берегъ Каримчины. Рѣчка Балаганчикъ вытекаетъ изъ Широкой пади между хребтами Балаганчикъ и хребтомъ „Хребтикъ", у подножія котораго Каримчина дѣлаетъ крутой поворотъ на S, огибая этотъ, выдавшійся мысомъ „Хребтикъ". За россомахой ѣхали сперва NNW, переѣхавъ рѣчку Поперечную, свернули на W и далѣе, черезъ березникъ, спустились логомъ на такъ называемый „áшкыгъ" или „ашхымъ";—такъ называется здѣсь сухое кочковатое мѣсто, поросшее высокой травой. Я полагаю, что это слово áшхымъ, употребляемое одинаково камчадалами и камчатскими русскими—есть испорченное камчадальское слово усхкиг, что значитъ „сухая рѣка". Этотъ ашхымъ доходитъ непосредственно до прибрежнаго тальника на р. Каримчинѣ, до которой, ниже мѣста нашей стоянки, доѣзжали.

8 h. p. t — 7^0,0 R.

18-го Октября. 7 h. a. t — 16^0,0 R.

Ясное, тихое утро. На безоблачномъ небосклонѣ отчетливо и рельефно вырисовывается Опальная сопка со всѣми своими почти совершенно правильными барранкосами и отдѣльными утесами. Справа отъ нея видна еще небольшая сопочка, не достигающая своей вершиной и до половины высоты громадной сосѣдки.

На W-ой сторонѣ также хорошо виденъ хребетъ Апчанъ, изъ-подъ котораго беретъ начало вышеупомянутая рѣчка Апчанъ.

Весело потрескиваетъ огонь разложеннаго у палатки костра; первый морозъ слегка пощипываетъ тѣло; ноги на-

чинаютъ при сидѣніи мерзнуть,—невольно приходится постукивать нога объ ногу, чтобы нѣсколько согрѣть ихъ этими движеніями. Холодъ даетъ себя знать, несмотря на теплыя кухлянки, въ которыя одѣты всѣ. По рѣкѣ несется густая шуга. Говорятъ, что Каримчина встаетъ очень поздно, а иной годъ и вовсе не замерзаетъ. Въ 11 часовъ сняли палатки; все снова крѣпко уложили и привязали къ нартамъ и поѣхали далѣе. Прежде всего пришлось переѣхать бурную рѣчку Балаганчикъ, для чего пришлось ее „замостить“ т.-е. устроить нѣчто въ родѣ моста, перебросивши два дерева и положивъ поперекъ нихъ нѣсколько маленькихъ деревьевъ и вѣтвей.

Рѣчка эта, вытекая изъ названной пади, течетъ далѣе подъ хребтомъ того же имени сперва съ О на W, далѣе повертываетъ къ Каримчинѣ, измѣняя теченіе на S и, огибая хребетъ Балаганчикъ, течетъ, сохраняя послѣднее направленіе. Перейдя рѣчку, поднялись на высокій увалъ р. Каримчины, съ котораго открывается чудный видъ на окрестные хребты.

Увалъ этотъ представляетъ собою такой же ашкыгъ, какъ говорилось ранѣе, только кочки здѣсь еще больше и покрыты густымъ брусничникомъ.

Вдоль увала ѣдемъ на E, иногда отклоняемся на SE и даже SSE. Прямо на SE видны Толмачевскія сопки, представляющія собою издали прелестный рядъ конусовъ средней высоты (до 3—4,000′); нѣкоторые съ ясными кратерообразными углубленіями на вершинахъ (фиг. 15). Рядъ этотъ виднѣется между сопкою Опальной и Хребтикомъ, который теперь начинаемъ огибать, т.-е. его выдавшійся мысъ.

Внизу подъ уваломъ, справа,—большая обширная долина р. Каримчины, поросшая большимъ тополевымъ и ветловымъ лѣсомъ. Отсюда Опальная сопка кажется не далѣе 10 верстъ по прямому направленію. Прекрасно виденъ Толмачевскій хребетъ съ конусами-сопками, потухшими вулканами. Я насчиталъ 16 отдѣльныхъ конусовъ. Въ Толмачевскомъ хребтѣ

беретъ начало многими истоками рѣчка Толмачева. Она, имѣя устье не болѣе одной версты выше отъ мѣста стана, покинутаго нами сегодня на Каримчиной, протекаетъ затѣмъ, если слѣдовать вверхъ по ея теченію, на S вблизи сопки Опальной, у самаго подножія, чтобы оттуда повернуть на NE и приблизиться вершиной къ Каримчиной.

Въ 1 h. 30 m. p. остановились на правомъ же берегу Каримчины, въ мѣстѣ, гдѣ Каримчина дѣлаетъ большой изгибъ и которое носитъ у жителей Апачи названіе „Кривляка".

Палатка поставлена саженяхъ въ трехъ отъ берега, среди большого ветловаго и тополоваго лѣса.

Мѣсто очень красивое. Отсюда сопка видна на SSE. За сегодняшній переѣздъ видѣли много медвѣжьихъ слѣдовъ, но это были все старые, свѣжихъ не было ни одного. Я забылъ упомянуть, что сегодня въ 8 ч. утра t воды въ Каримчиной была $+1^{0},8$ R.

Въ 8 h. p. t $-5^{0},5$ R. Облачно.

Стоимъ станомъ на берегу 1-ой Осередечной рѣчки, гдѣ остановились вторично, чтобы завтра ѣхать на рѣчку Толмачеву. Путь сюда: переѣхавши на бату (надо сказать, что четверо изъ моихъ спутниковъ вышли изъ Апачи вверхъ по теченію Каримчины на двухъ батахъ) рѣку, поѣхали сперва на E, ENE, SE, переѣхали вторую (среднюю) Осередешную рѣчку въ ея вершинкахъ и остановились на берегу первой.

19-го октября 7 h. a. t^{0} O, 0^{0} R. Идетъ снѣгъ. Облачно. Въ 2 h. p. t^{0} $+1,^{0}$ 0 R. Снѣгъ продолжаетъ итти. Вѣтеръ W. Новый станъ на берегу рѣчки Толмачевой, куда пріѣхали часовъ въ 12 дня. Ѣхали отъ мѣста предыдущей остановки почти все время на SE и только въ концѣ на SW. Новое мѣсто расположено у самаго подножія Опальной сопки. Вершина ея прямо на SW. Въ этомъ мѣстѣ, уже въ вершинахъ Толмачевой, она течетъ съ NE на SW, чтобы ниже повернуть до впаденія въ Каримчину на NW.—Почти тотчасъ послѣ переправы черезъ Каримчину мѣстность стала неровной,

буквально усѣянной маленькими холмиками, увалами, перерѣзанными падями, котловинами, падушками и т. п. неровностями, и чѣмъ далѣе мы подвигались на SE, тѣмъ поверхность становилась холмистѣе. — Хребетъ Толмачевскій все ближе, особенно одна сопка изъ него. Собакамъ было крайне трудно тянуть нарту на крутые подъемы и поэтому приходилось постоянно при всякомъ подъемѣ соскакивать съ нарты и помогать собакамъ. Рѣчки, черезъ которыя переѣхали, Первая и Вторая Осередочныя,—крайне извилисты и тутъ въ предгоріяхъ съ одной стороны—Толмачевскаго хребта, съ другой—Опальной сопки,—имѣютъ свои источники. Названная рѣчка—Толмачева—носитъ характеръ, въ мѣстѣ нашей остановки, горнаго потока. По всему руслу всюду валуны довольно большихъ размѣровъ, состава ноздреватыхъ (пористыхъ) лавъ различной окраски. Рѣчка шумитъ, стекая каскадами. По берегамъ ветловый лѣсъ и тальникъ. Приходится сожалѣть, видя чудныя сопки и хребты, эти бурные потоки, что нѣтъ ни фотографическаго аппарата, ни другихъ какихъ-либо инструментовъ, чтобы придать записи какую-либо цѣнность.—6 h. p. t^0 $0^0,0$ R. Снѣгъ пересталъ. Охотники вернулись, убивъ одного медвѣдя. 20-го 9 h. a. t^0 — $1^0,0$ R. Порошитъ снѣжокъ. 7 h. p. t^0 — $2^0,0$ R.

21-го 7 h. a. t^0 — $4^0,0$ R. 7 h. p. t^0 — $8^0,3$ R. Сегодня ѣздили на охоту въ вершину праваго истока р. Толмачевой, вытекающаго изъ самаго подножія сопки. Проѣзжая по берегу, видно было далеко теченіе этой рѣчки внизу между скалистыхъ отвѣсныхъ береговъ, крайне живописныхъ. Скалы тѣснятся надъ ея теченіемъ съ обѣихъ сторонъ. Ходили на подножіе сопки.—Замѣтивъ отъ рѣки свѣжій слѣдъ медвѣдя, поднявшагося, видимо, въ ольховникъ, чтобы залечь тамъ на зиму, отправились на лыжахъ за нимъ. Я конечно, въ первый разъ надѣвъ лыжи на ноги, отсталъ, тѣмъ болѣе, что дорога была крайне неровная. Вскорѣ услышалъ выстрѣлы: это охотники стрѣляли по найденному медвѣдю. Я побѣжалъ-

было, но споткнулся и долго поднимался изъ снѣга, глубоко засадивъ свой винчестеръ. Когда поднялся на небольшую сопочку, то увидѣлъ медвѣдя бѣгущимъ по глубокому снѣгу черезъ падь, чтобы потомъ подняться на крутой увалъ, покрытый густымъ ольховникомъ, и самихъ охотниковъ въ верстѣ отъ меня, стоявшихъ на краю того же увала и стрѣляющихъ по медвѣдю. Медвѣдя убили. Ѣздили верстъ за 15. 9 h. p. $t^0 - 4^0,5$ R.

22-го октября. 8 h. a. $t^0 - 4^0,0$ R. Ясное утро. Сегодня остался въ палаткѣ дневать: болятъ ноги отъ непривычной ходьбы на лыжахъ. Сижу передъ палаткою, любуясь чудною картиной, которую представляетъ собою величественный рядъ потухшихъ сопокъ Толмачевскаго хребта съ одной стороны, а съ другой — поднимающійся конусъ сопки Опальной, отъ самаго стана, грядою холмовъ. Все покрыто снѣжнымъ ослѣпительно сверкающимъ на солнцѣ покровомъ. У подножія сопокъ еще чернѣетъ обнаженный лѣсъ-березникъ, а выше непролазный ольховникъ. Въ ледяныхъ берегахъ чернѣетъ бурная шумливая рѣчка (одинъ изъ истоковъ Толмачевой). 7 h. p. $t^0 - 7^0,0$ R.

23-го октября. 8 h. a. $t^0 - 5^0,3$ R. Снѣгъ. Вернувшіеся съ охоты охотники-промышленники разсказывали, что вчера они напали на слѣдъ медвѣдицы (матýхи) и пошли по слѣду (погнали слѣдъ), нашли ее у подножія Опальной сопки за тундрой и тамъ убили съ двумя медвѣжатами. Сегодня трое уѣхали на трехъ нартахъ за убитыми вчера медвѣдями. Одинъ ушелъ ловить для собакъ рыбу: колоть марикомъ (о марикѣ и его устройствѣ было говорено ранѣе); двое остальныхъ занялись устройствомъ такъ называемой шàйбы для сохраненія добытаго мяса. Шайба—это есть наскоро устроиваемое помѣщеніе изъ сырого лѣсу, глубиною въ 2—2½ бревна, четыреугольное, закрываемое сверху горбылями въ предупрежденіе расхищенія поклажи дикими звѣрями и птицами. „Особенно", разсказываетъ охотникъ: „портитъ эти поклажи рос-

сомаха. Нѣтъ лукавѣе этого звѣря! Кажется, — крѣпко закроешь шайбу и на высокихъ столбахъ ее поставишь, и все-таки россомаха достаетъ: — лукавый звѣрь!“ За поклажами, хранящимися въ такихъ шайбахъ съ осенняго времени, ѣздятъ изъ селеній обыкновенно по зимамъ, когда дороги установятся и ѣзда на собакахъ сдѣлается болѣе или менѣе не такъ затруднительной, даже и по лѣсу. Ѣздятъ въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ.

Слушая безконечные разговоры о разныхъ охотничьихъ приключеніяхъ, о блестящихъ пескахъ, о привычкахъ и нравахъ различныхъ звѣрей и птицъ, мнѣ пришлось, между прочимъ, выслушать отъ промышленниковъ ихъ искреннее желаніе и какъ бы сѣтованіе на то, что до сихъ поръ не существуетъ никакихъ сколько-нибудь разработанныхъ раціональныхъ правилъ объ охотѣ. Неимѣніе такихъ правилъ, полный произволъ — охотиться на всякаго звѣря и во всякое время, по мнѣнію охотниковъ, были единственной причиной очевиднаго, особенно за послѣднее время, когда у многихъ промышленниковъ появились скорострѣльныя ружья вмѣсто прежнихъ кремневыхъ и др. заряжавшихся съ дульной части,— обѣднѣнія Камчатки не только такимъ цѣннымъ звѣремъ, какъ соболь, выдра, лисица, но и насущно необходимымъ для поддержанія и такъ неважнаго существованія инородцевъ. „Пора-бы“, разсуждали они, „подумать начальству дать намъ правила объ охотѣ на нужныхъ звѣрей, какъ выдръ, избиваемыхъ во всякое время года“.—Несомнѣнно, что это желаніе вполнѣ законно и поспѣшить его удовлетворить, дѣйствительно, должно составлять одну изъ важныхъ задачъ администраціи, и удовлетворить теперь же, не откладывая выработку соотвѣтствующихъ правилъ въ долгій ящикъ. Чтобы правила эти достигали своей цѣли, т.-е. чтобы исполненіемъ ихъ достигалось бы сохраненіе видовъ животныхъ по всей Камчаткѣ, необходимо, по моему мнѣнію, послать не менѣе какъ на 2 года человѣка, знакомаго съ этою страною, въ особенности съ ино-

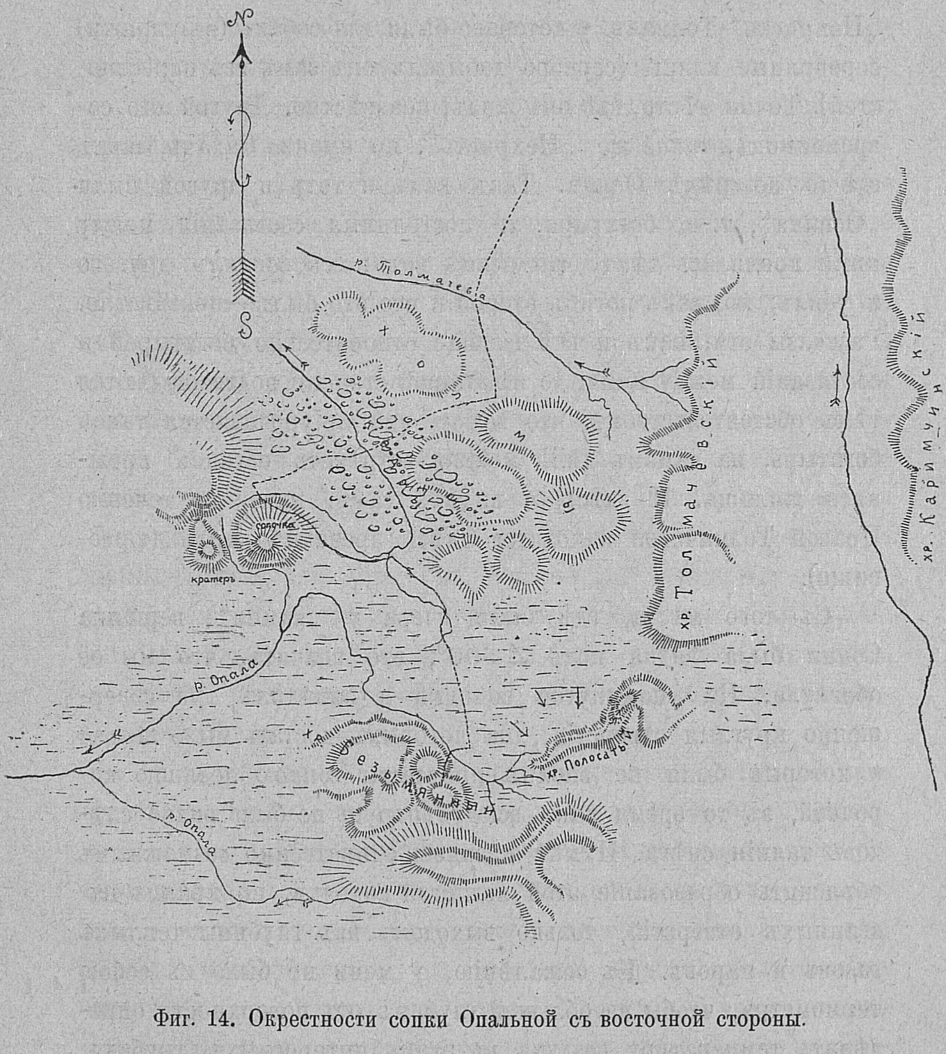
родцами, котораго бы послѣдніе не боялись, какъ какого-нибудь „начальника", а которому бы довѣряли, чтобы, объѣхавши полуостровъ, собрать самыя точныя свѣдѣнія о времени оплодотворенія, возрастѣ половой зрѣлости и др.,—не одного какого-нибудь мѣстечка, а именно всего полуострова, въ зависимости отъ чего можетъ потребоваться и соотвѣтствующее измѣненіе въ тѣхъ или другихъ срокахъ для данной охоты. Повторяю, что, судя по разсказамъ инородцевъ вообще, не довѣрять которымъ нѣтъ основанія, въ особенности, когда о своемъ же ограниченіи они заявляютъ сами, скоро настанетъ время, когда не только соболи, выдры и медвѣди исчезнутъ съ лица Камчатки, но и др. не менѣе важные виды, какъ олени, нерпы, бараны и др. 2 h. p. $t^0—2^0,3$ R. Снѣгъ небольшой. Видно только подножіе сопки. 5 h. p. $t^0 — 4^0,0$ R. Шайба окончена, мясо добытыхъ медвѣдей сложено въ нее и прочно задавлено сверху толстыми полубревнами.

7 h. p. $t^0 — 5^0,3$ R.

26-го Октября 7 h. a. $t^0—3,5^0$ R.

Облачно. Набѣгаетъ шквалами—порывами вѣтеръ отъ NE, называемый здѣсь „Камчаткой". Третьяго дня перемѣнили мѣсто нашего стана, приблизившись къ самому подножію сопки. Отсюда Талмачевская сопка видна подъ $\angle 105^0$, а вершина Опальной $\angle 240^0$. Чудный видъ на сопку озаренную солнцемъ.—Вчера ѣздили на охоту за баранами (въ „Камни" Опальной сопки). Выѣхали падью (фиг. 14), отъ мѣста нашего стана, поднимаясь все время на обширную тундру, съ которой беретъ начало истокъ р. Толмачевой, текущій этою падью, и, въ противоположную сторону, вершины р. Правой Опалы. Когда поднялись на предгоріе сопки—сопочку, намъ открылся чудный видъ на окрестности: далеко-далеко на S виднѣлся такой же гигантъ, какъ и сама Опальная, сопка Хадутинская или „Хадутка", поднимающаяся, по разсказамъ, вблизи Курильскаго озера; въ той же южной и восточной сторонѣ виднѣлись многіе другіе хребты, одинъ красивѣе дру-

гого, особенно прекрасный видъ представлялъ собою совершенно бѣлый подъ снѣгомъ далекій съ зубчатымъ гребнемъ высокій хребетъ Опальскій. Далеко внизу, какъ бы подъ но-



Фиг. 14. Окрестности сопки Опальной съ восточной стороны.

гами, виднѣлась раскинувшаяся равнина-тундра, прорѣзываемая Правой Опалой. Раздѣленная невысокимъ хребтомъ, далѣе къ югу, видѣлась вторая тундра, теперь совершенно

бѣлая подъ снѣгомъ, питающая собою Лѣвую Опалу. На сѣверѣ — рядъ Толмачевскихъ сопокъ, хребты Каримчинскіе, Балаганчикъ, Шику и др., замыкали весь видимый горизонтъ.

Говорятъ, что здѣсь у Толмачевской сопки жилъ когда-то „Нехристь"-Толмачъ, у котораго были для собакъ (въ упряжи) серебряные кляпы́ (серебро добывалъ онъ самъ изъ окрестностей). Точно мѣсто, гдѣ онъ жилъ, неизвѣстно. Другой его современникъ, такой же „Нехристь", по имени Са́хачъ, жилъ гдѣ-то по рѣкѣ Опалѣ. Такъ какъ и тотъ и другой были „Осилки", т.-е. богатыри, то постоянныя состязанія между ними кончились тѣмъ, что одинъ изъ нихъ осилилъ другого и убилъ; но, какъ погибъ второй и кто это былъ—неизвѣстно. Разсказы эти, какъ и всѣ вообще относительно богатырей и состязаній между ними, до нѣкоторой степени подтверждаются тѣмъ обстоятельствомъ, что всюду, гдѣ пріурочивается такой богатырь, на самомъ дѣлѣ можно встрѣтить останки прежняго жилища. И здѣсь, я видѣлъ самъ, внизу по теченію Правой Толмачевой находятся слѣды древнихъ юртъ (юртовище).

Съ того мѣста, гдѣ были вчера у „камня", вершина Сопки была видна подъ $\angle 300^0$, это значитъ, что мы ее обогнули. На упомянутой сопочкѣ я замѣтилъ три совершенно круглыя отверстія, дна которыхъ достать было нельзя и которыя были не вполнѣ прикрыты тонкою ледяною корочкой, въ то время какъ всюду вокругъ не было видно слѣдовъ таянія снѣга. И мнѣ казалось единственно возможнымъ объяснить образованіе этой льдистой корочки, по краямъ названныхъ отверстій, только выходомъ изъ глубины теплыхъ газовъ и паровъ. Къ сожалѣнію, у меня не было съ собою термометра, чтобы на бо́льшей глубинѣ отъ поверхности опредѣлить температуру воздуха въ этихъ интересныхъ трубахъ, стѣнки которыхъ во всякомъ случаѣ, имѣли ясные слѣды оплавленности, и мнѣ казалось даже, что тамъ, въ этихъ трубахъ значительно было теплѣе, чѣмъ наружный воздухъ,

когда я опустилъ, насколько возможно было, туда руку. Какъ я слышалъ, на подножіи этой сопки есть отверстіе, изъ котораго по временамъ идетъ паръ и пахнетъ сѣрой. Разсказы эти и нахожденія указанныхъ отверстій позволяютъ думать, что дѣятельность этого вулкана еще нельзя считать совершенно прекратившейся.

По пути — только лавы и связанный съ ними обсидіанъ; послѣдній здѣсь въ такомъ изобиліи и въ такихъ большихъ кускахъ, какихъ я не видѣлъ болѣе ни на одномъ изъ вулкановъ Камчатки. Въ 4 h. 30 m. p. вернулись, проѣхавши на тундру между сопкой, хребтомъ Полосатымъ и хребтомъ Толмачевскимъ. Хребетъ „Полосатый" называю такъ потому, что онъ издали кажется дѣйствительно полосатымъ.

Мнѣ не удалось посмотрѣть ближе, чѣмъ обусловлена эта полосатость, разностью ли окраски какихъ-нибудь осадочныхъ породъ или изверженныхъ. Направленіе этой полосатости болѣе или менѣе горизонтальное. Линія, соединяющая Опальную сопку съ названнымъ хребтомъ, есть въ то же время — линія водораздѣла между рр. Толмачевой и Опалой. „Полосатый" виденъ отъ мѣста нашего стана подъ $\angle 133^0$. На югъ отъ этого хребта находится еще невысокій хребтикъ; въ пади, раздѣляющей оба эти хребта, находится вершина Правой Опалы.

Намъ пришлось черезъ нее проходить. Съ послѣдняго хребтика, не имѣющаго названія, виднѣлась прямо на востокъ высокая сопка (предполагали, что это Мутновская сопка или Поворотная, что согласуется совершенно съ картою), а прямо на W виднѣлся отдѣльно стоявшій хребетъ „Кичау". У подножія Опальной сопки (съ этого же хребта) былъ видѣнъ нижній побочный кратеръ (?) въ видѣ громадной чаши (гигантской), заполненной миніатюрными лавовыми горками—дикій—хаотическій видъ.

Этотъ кратеръ я видѣлъ и вчера съ подножія сопки, докуда доходили, но сегодня особенно отчетливо видны были

подробности. Съ южной стороны стѣнка кратера какъ бы разорвана; вѣроятно черезъ этотъ разрывъ протекала во время изверженія грязевая рѣка и теперь, повидимому, по этому ущелью течетъ небольшой ключикъ. Видна была также и долина рѣки Опалы, текущей въ общемъ на W, и ея Лѣвая вершина, отдѣляющаяся, какъ сказано выше, отъ Правой невысокимъ хребтомъ.

Лѣвая Опала въ верхнемъ теченіи, говорятъ спутники, образуется, въ свою очередь, также изъ двухъ рѣкъ, одна изъ которыхъ, именно лѣвая, носитъ названіе „Средней Опалы“.—Всюду вулканическія породы и лавы.

4 h. p. t $-4^0,5$ R. Ясно. 7 h. p. t $-8^0,0$ R.—27-го Октября 7 h. p. t $-9^0,8$ R. Ясно. Вѣтеръ NE.

Вчера я забылъ отмѣтить, что съ того же Безымяннаго хребта видно было длинною и узкою полосой Охотское море. Начиная съ долинъ, образованныхъ верхнимъ теченіемъ рр. Опалъ, которыя, надо сказать, на виденной у подножія Опальной сопки тундрѣ, соединяются въ одну, — долина ихъ все болѣе и болѣе расширяется, хребты какъ бы отступаютъ на задній планъ, уступая свое мѣсто обширной равнинѣ вплоть до самаго моря. Только посрединѣ этой обширной равнины виднѣются, какъ бы островками, нѣсколько сопокъ-горъ, изъ которыхъ наиболѣе высокой и большой является упомянутый выше хребетъ Кичау.

Все это такъ прекрасно было видно съ хребта: и равнина, и горы, и извивающіяся между ними змѣи—рѣки.

Такъ какъ отсутствіе даже слѣдовъ медвѣдей и др. звѣрей само-по-себѣ говорило о безполезности здѣсь дальнѣйшаго пребыванія въ смыслѣ охоты, то было рѣшено отправиться въ обратный путь, — сперва на мѣсто предыдущаго стана на Толмачевой и затѣмъ уже въ вершину р. Каримчиной.

Ровно черезъ часъ времени по хорошей дорогѣ мы были на старомъ пепелищѣ на берегу правой Толмачевой, почему

разстояніе между тѣмъ и другимъ можно считать приблизительно въ 10 верстъ.

Отсюда вершина Опальной сопки видна подъ $\angle 216^0$.

Рѣчка попрежнему шумитъ, смѣясь надъ холодомъ, хотящимъ сковать ее ледяными оковами.

Видъ на эту рѣчку, несущуюся съ пѣной по крупнымъ камнямъ то каскадами, то мѣстами черезъ ледяные мосты, образованные сростаніемъ кусковъ льда, наростающаго на камняхъ, въ берегахъ, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ, несущуюся среди высокаго ветловаго лѣса — съ далекой панорамой разнообразныхъ сопокъ и горныхъ хребтовъ на горизонтѣ—восхитителенъ.

Особенно хороши тутъ деревья, сверкающія на солнцѣ подобно брилльянтамъ — ледяными кристаллами. — Продолжается все тотъ же NE вѣтеръ или „Камчатка", который, по замѣчанію охотниковъ, всегда сопровождается ясной и тихой погодой и отличается продолжительностью (перетужій вѣтеръ!)

Чайки еще не улетѣли. Сейчасъ видѣлъ одну.

1 h. p. $t^0 + 2^0{,}0$ R. Ясный день.

Снѣгъ таетъ. — Сегодня опять ловятъ рыбу. На Каримчину предполагается ѣхать завтра, и оттуда вверхъ на ключи. 4 h. p. $t^0 = 0{,}0^0$ R.

Толмачевскій хребетъ отъ этого стана начинается съ 90^0, т.-е. съ востока и тянется до 180^0, занимая уголъ зрѣнія въ 90^0.

Общее направленіе гряды Толмачевскихъ сопокъ NS. Вечеръ. Въ ожиданіи, когда закипитъ вода въ чайникахъ, всѣ собрались вокругъ огня и молчатъ.—Одинъ какъ-то таинственно посматриваетъ на меня, какъ бы стараясь угадать, сказать или нѣтъ, и, рѣшивъ, что сказать слѣдуетъ, говоритъ, ни къ кому, особенно, не обращаясь.

„Однако, сорочьи яйца шибко пользительны?!"

„Почему же это ты думаешь?" спрашиваю тогда его я,

такъ какъ на свое сообщеніе онъ ни отъ кого не получилъ возраженія. „А потому“, говоритъ „что мы ихъ потребляемъ противъ лишаевъ“.

— „Ну, и что же? помогаетъ?“—допытываюсь я дальше.

— „Какъ ужь! больно помогаетъ: только помажь желткомъ лишай, и сойдетъ, — непремѣнно сойдетъ!“ Заканчиваетъ онъ свою лекцію о сорочьихъ яйцахъ. Разъ начавъ разговоръ, они и продолжаютъ дальше сами, стараясь сообщить мнѣ и свои астрономическія познанія:

— „То-же самое ночью, къ примѣру“, такъ продолжаетъ сообщеніе какъ будто о пользѣ сорочьихъ яицъ, „безъ звѣздъ намъ никакъ нельзя, а то все плутать будешь. Вотъ видишь на небѣ, точно песокъ свѣтлый разсыпанъ—это „Огненная рѣка“ у насъ называется (т.-е. Млечный путь), а вотъ эти семь звѣздъ (Большая Медвѣдица) Сохатымъ—называемъ, а вонъ, смотри, повыше, тоже самое—семь звѣздъ—то Сохатченокъ“ или „Сохатикъ“, потому—маленькій (Малая Медвѣдица). Вотъ по нему самому и узнаемъ, гдѣ полдень долженъ быть. У насъ, самъ знаешь, часовъ нѣту; а надо тоже какънибудь помогаться!“—Венеру они называютъ „зарницей“.

5 h. p. t — 6^0,5 R. 6 h. p. t — 7^0,0 R. 8 h. p. t — 10^0,0 R.

Прелестная ночь. Луна почти полная.

28 Октября. 7 h. a. t — 2^0,0 R.

Пасмурный день. Толмачевскія сопки видны хорошо, а у Опальной только подножіе. Хребетъ Апчанъ, разсказываютъ сегодня, имѣетъ непосредственную связь съ Опальной сопкой, соединяясь съ ней невысокой грядой, примыкающей къ Сопочкѣ, находящейся у подножія Сопки съ ея W стороны.

Съ другой стороны Апчанъ переходитъ въ хребетъ Ипильку, примыкая къ послѣднему съ южной стороны. Мѣсто ихъ соединенія по распросамъ, служитъ водораздѣломъ между рр. Апчанъ и Ипилькой.

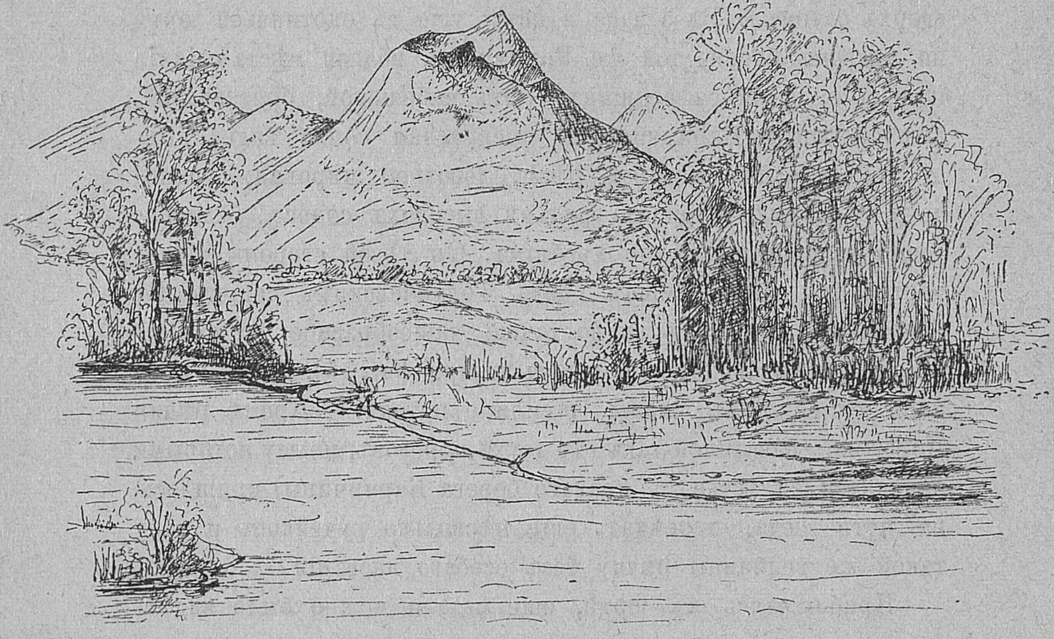
10 h. a. t—2^0,0 R. Въ 1 h. 30 m. p.—снова на правомъ берегу р. Каримчиной.—Отсюда Опальная сопка видна подъ

∠ 194°. Одна изъ Толмачевскихъ сопокъ (ближайшихъ къ Каримчиной) подъ ∠ 118°, другая съ вершиной ясно кратеромъ и двумя большими „камнями" подъ ∠ 131°, и третья (бывшая очень недалеко отъ стана подъ сопкой) теперь видна подъ ∠171°. 3 h. 30 m. p. t + 1,0°R. Тихо. Таетъ. 5 h. p. t 0°,0R. 6 h. p. t—1°,0 R.

29-го октября 7 h. a. t—2°,5 R. Пасмурно. Собираемся ѣхать вверхъ по Каримчиной; двое изъ охотниковъ идутъ вверхъ батомъ.—Въ 3 часа я сижу уже въ охотничьей юртѣ на правомъ берегу той же Каримчины, вблизи мѣста сліянія правой и лѣвой ея вершинъ.—Отъ небольшой, бревенчатой, дымной юрты Каримчинская прекрасная сопка видна подъ ∠ 105°. Долина матерой рѣки, довольно широкая, ограничена съ обѣихъ сторонъ грядами высокихъ сопокъ, безпорядочно разбросанныхъ по хребтамъ. Съ лѣвой стороны начинается отъ самаго берега гряда Толмачевскихъ сопокъ. Въ ближайшей изъ нихъ видно также чашеобразное углубленіе кратера съ выдающимся конусомъ внутри (фиг. 15). Всюду видны чернѣющіе утесы, скалы, шумящіе потоки. — Кромѣ рѣчки Порожной (названной такъ отъ двухъ пороговъ, между которыми находится ея устье съ праваго берега Каримчины) пришлось, на пути сюда, переѣхать еще нѣсколько ручейковъ и одну такой же величины рѣчку безъ особаго названія.

Приближаясь къ юртѣ, еще издали можно было видѣть сквозь высокій тальникъ и ветловникъ, которыми поросли берега Каримчины въ этомъ мѣстѣ, сѣрую полосу дресвы, что очень рѣзко бросалось въ глаза, такъ какъ кромѣ этихъ мѣстъ рѣшительно вездѣ лежалъ довольно глубокій снѣгъ. Объяснить это странное явленіе, т.-е., отсутствіе снѣга на нѣкоторыхъ участкахъ по берегамъ рѣки, я могъ только выходомъ какихъ-нибудь теплыхъ газовъ въ этомъ мѣстѣ и потому тотчасъ же послѣ остановки занялся изслѣдованіемъ, на сколько могъ, этого страннаго для меня явленія.—Палатка на этотъ разъ не была поставлена, потому что, какъ выше

сказано, тутъ находилась выстроенная нѣсколько лѣтъ тому назадъ охотниками Апачинскаго селенія, небольшая юрта, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега Каримчины. Параллельно теченію рѣки (въ этомъ мѣстѣ съ Е на W) тутъ же саженяхъ въ 3—4 отъ юрты, течетъ въ рѣку такъ назыв. Курейка, т.-е. проточка, или иначе „курчажина". Длина этой курчажины, имѣющей, повидимому, свои собственные истоки



Фиг. 15. Толмачевскія сопки.

тутъ же, но независимо отъ рѣки, приблизительно 30—40 саж. Отдѣляется отъ рѣки только грядкой гальки (узкой косой), шириною до 10 саж. На днѣ курчажины замѣтны кучки болѣе крупной гальки. При прохожденіи по берегу, надо думать, отъ легкаго сотрясенія почвы, изъ центра этихъ конусообразныхъ кучекъ гальки, выдѣляются на поверхность пузырьки какого-то газа. Отдѣленіе газа въ этомъ мѣстѣ весьма обильно. Даже стоя совершенно спокойно на берегу,

т.-е. стараясь не вызывать малѣйшаго сотрясенія, можно видѣть концентрическіе круги, расходящіеся на поверхности, производимые вырывающимся газомъ; иногда ясно слышно бульканье того же газа, начинающаго выдѣляться цѣлымъ рядомъ пузырьковъ, непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ. Тутъ на пескѣ мое вниманіе на себя обратило то обстоятельство, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ песокъ этотъ точно приподнятъ извнутри какою-то силою, образуя такимъ образомъ крохотныя возвышенія, въ которыхъ какъ бы внѣдрены попавшіеся туда камни. По наведеннымъ сейчасъ же справкамъ оказалось, что курчажина эта не покрывается льдомъ въ теченіе всей зимы, несмотря на то, что теченія въ ней почти вовсе незамѣтно. Ширина Курчажины не болѣе 2—3 саженъ. Забереговъ, какъ то наблюдалось раньше, здѣсь у рѣки не видно нигдѣ.—30 октября 6 h. a. t—3°,0 R.—Мнѣ разсказываютъ все относительно этого любопытнаго мѣстечка на мои вопросы, что при постройкѣ юрты, когда вкапывали столбы, то изъ ямъ этихъ шелъ паръ. Люди, промерзшіе послѣ неводьбы, чтобы согрѣть ноги, стараются поглубже зарыть ноги въ песокъ на днѣ курчажины. Проходя по правому же берегу Курейки дальше къ такъ назыв. „ярчику“, у котораго изливается въ рѣку ключъ, можно замѣтить въ берегу точно такое же выпираніе (вспучиваніе) песка, какъ и по берегу самой Курейки. Вокругъ этого мѣста снѣгъ лежитъ только очень тонкимъ слоемъ. Въ восточномъ углу Курейки въ берегу видна ржавчина, поэтому и вода имѣетъ желѣзистый вкусъ. Произведенное измѣреніе t° въ различныхъ частяхъ Курейки дало: вверху ея (т.-е. въ концѣ ближайшемъ къ Каримчиной, гдѣ вода рѣки, несомнѣнно, вливается въ нее, охлаждая и усиливая теченіе)— +3°,0 R на поверхности. Нѣсколько шаговъ ниже отъ этого мѣста +4°,0, при ея впаденіи въ Каримчину у берега +5° R, и тутъ же въ пескѣ, покрывающемъ, какъ сказано, дно Курейки +10°,0 R. Въ то же время вода въ рѣкѣ давала

только $+0^0,7$ R. Курейка—длиною въ 220 шаговъ, или приблизительно 73 сажени. Глубина не болѣе ½ аршина.

Для измѣренія въ пескѣ, термометръ былъ поставленъ въ пескѣ не глубже, какъ на одну четверть. Мнѣ кажется, что и этихъ немногихъ данныхъ вполнѣ достаточно для того, чтобы сказать, что причина отсутствія снѣга по берегамъ названной Курейки, на островкѣ отдѣляющемъ Курейку отъ рѣки и на противоположномъ берегу Каримчины заключается дѣйствительно въ выдѣленіи изъ земли нагрѣтыхъ газовъ. Имѣя въ виду массу сопокъ, всюду камни, говорящіе съ несомнѣнностью о происходившихъ здѣсь всюду большихъ катастрофическихъ явленіяхъ вулканической дѣятельности, можно съ большою вѣроятностью предполагать, что подобный выходъ газовъ перегрѣтыхъ и обиліе горячихъ ключей на Камчаткѣ, встрѣчаемыхъ по всему протяженію Камчатскихъ хребтовъ, обусловливается исключительно прохожденіемъ водъ вблизи еще горячихъ породъ.—2 h. p. t $+0^0,5$ R. Облачно. Свѣжій порывистый вѣтеръ иногда наноситъ снѣгъ.

3 h. p. t $+0^0,3$ R. 8 h. p. t $-1^0,0$ R. 31 октября 7 h. a. t $0^0,0$ R. Вѣтеръ Е. Днемъ идетъ мокрый снѣгъ.—Снѣгъ шелъ цѣлый день. 8 h. p. t $+0^0,3$ R.

1-го ноября 7 h. a. t $+0^0,3$ R. Облачно. Снѣгъ пересталъ.—По берегамъ Курейки и на дресвѣ по ту сторону рѣки снѣгу нѣтъ нисколько, несмотря на то, что снѣгъ шелъ вчера цѣлый день и ночь:—весь стаялъ, а по другимъ мѣстамъ, какъ говорилось, всюду лежитъ много снѣгу.—Вчера утромъ ѣздили на мѣсто сліянія двухъ названныхъ Каримчинъ—правой и лѣвой. Въ устьѣ лѣвой (по мѣстному правой) охотники рѣшили поставить такъ назыв. плавежной запоръ съ цѣлью лова рыбы для собакъ. Надо сказать, что охотниками въ осеннее время года въ извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ зимою предполагается главная охота на соболей, всегда заготовляются такимъ образомъ запасы корму для собакъ, чтобы не приходилось брать кормъ съ собою изъ селенія, что крайне было бы

затруднительно, въ особенности, если мѣсто охоты находится вдали отъ селенія. Запасы эти сохраняются такъ же, какъ и вообще вся добыча, которую не желаютъ съ собою взять, въ вышеописанныхъ шайбахъ. Въ виду того, что до сихъ поръ мною не упоминалось объ устройствѣ плавежного запора, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о немъ.

Плавежной запоръ, свидѣтельствующій о присущей камчадаламъ смѣтливости, устраивается такимъ образомъ: сперва (въ удобномъ, т.-е. неглубокомъ мѣстѣ рѣки) вколачиваютъ два ряда кольевъ такимъ образомъ, что, начинаясь отъ береговъ, оба ряда, опускаясь нѣсколько внизъ по теченію, сходятся почти вмѣстѣ на самомъ быстромъ и глубокомъ мѣстѣ, подъ острымъ угломъ. Ниже, въ углу, вколачивается четыре кола, служащихъ для укрѣпленія такъ наз. аттола. Колья вколачиваются другъ отъ друга на разстояніи приблизительно 2-хъ аршинъ; затѣмъ нарубаются деревцы въ палецъ или два толщиною и длиною иногда до 1 сажени или 2-хъ саж. и складываются по длинѣ и завязываются на концахъ, образуя такъ называемые „снопы", которые надѣваются на колья (протыкаясь) и опускаются надавливаніемъ на дно рѣки. Потомъ вяжется аттолъ, изъ палокъ длиною до 2 аршинъ,— шириною до $1^1/_2$ аршинъ. Аттолъ погружается такъ же до дна, но такимъ образомъ, что одинъ конецъ его (по ширинѣ) опускается на дно и укрѣпляется тамъ при помощи камней (задавливается), а другой конецъ приподнимается почти до самой поверхности, иначе сказать, опускается на дно наклонно. Къ приподнятому концу аттола прикрѣпляется „чиручъ" (сѣтка связанная мѣшкомъ). Наконецъ, одинъ человѣкъ съ весломъ становится у аттола, чтобы сплывающую къ аттолу рыбу сталкивать въ чиручъ. Для удобства — этого лица — устраиваются подмостки къ аттолу съ берега. Самый способъ лова заключается въ томъ, что вся рыба, находящаяся въ рѣкѣ, сгоняется постепенно къ запору при помощи сѣтки, заведенной на извѣстное разстояніе вверхъ противъ теченія

и спускаемой тихо внизъ по рѣкѣ; рыба, не находя выхода через сѣтку, все болѣе и болѣе стѣсняется, приближаясь къ аттолу и „рту", т.-е. мѣсту, гдѣ прикрѣпленъ „чиручъ". Устроивши такой запоръ, мы были обезпечены кормомъ, какъ для собакъ, такъ и для себя. Заведши сѣтку вверхъ, въ первый же разъ мы поймали 80 шт. рыбъ, но это считается неудачнымъ. Неудача вызвана была во 1-хъ тѣмъ, что плавежная сѣтка, изъ за оплошности ведшаго ее, одинъ разъ приподнялась со дна и шла нѣкоторое разстояніе наверху, давъ рыбѣ такимъ образомъ свободный выходъ, а во 2-хъ потому, что нижній конецъ аттола оказался плохо закрѣпленнымъ и подошедшая рыба нашла свободный выходъ внизъ по теченію подъ незакрѣпленнымъ концомъ аттола.—На мѣстѣ сліянія рѣкъ (на стрѣлкѣ) замѣтна такая же вспученность песка и вдавленность въ него гальки. Изъ-подъ берега вытекаетъ ключикъ. Можетъ быть и здѣсь есть теплые источники.—Сліяніе рѣкъ происходитъ верстахъ въ трехъ отъ подножія Каримчинской сопки, стоящей по срединѣ рѣкъ. Берега и здѣсь, какъ у юрты покрыты высокимъ тополовымъ, ветловымъ, ольховымъ и таловымъ лѣсомъ. Вода прозрачна и теченіе быстро. Дно покрыто галькой. Много болѣе или менѣе значительныхъ ключей впадаетъ въ лѣвую Каримчину съ правой и лѣвой ея сторонъ. Берега, гдѣ рѣка идетъ срединой долины, наносные.

5 h. p. $t^0 + 0^0{,}2$ R. Снѣгъ весь день таялъ.—Днемъ часа 2—3 шелъ мокрый снѣгъ. Вѣтеръ все тотъ же Е. — Отъ мѣста сліянія Каримчинъ, или „стрѣлки", Каримчинская сопка, начинающая собой новый Каримчинскій хребетъ, видна подъ $\angle 80^0$. Берегъ Каримчины здѣсь до 3 арш. и состоитъ, если разсматривать его строеніе болѣе внимательно изъ семи отличныхъ другъ отъ друга слоевъ, считая сверху:

I. 4 вершка—слой бураго цвѣта съ зернами пемзы (покрытъ луговой растительностью).

II. 4 вершка — слой округленныхъ зеренъ пемзы и др.

породъ (остатки разрушенныхъ породъ), но преобладаетъ пемза. Можно сказать, почти исключительно этотъ слой образуетъ пемза. Слой этотъ пронизанъ корнями теперешней растительности.

III. 3 вершка—слой, почти чернаго цвѣта мелкаго песку, на верху этого слоя какъ бы остатки растительности. Въ немъ самомъ корни.

IV. 4 вершка—слой окатанныхъ зеренъ пемзы и др. породъ.—проникнутъ корнями растительности.

V. Слой 5 вершковъ мелкаго песку.

VI. 3 линіи бураго цвѣта.

VII. 1 аршинъ 12 вер. Слой окатанной дресвы, величиною въ голову человѣка и до орѣха — вмѣстѣ съ крупнымъ пескомъ.

Мнѣ кажется, не можетъ быть ничего удобнѣе для изученія рыбъ, не только въ смыслѣ времени ихъ лощанія, или метанія икры, но и ихъ образа жизни вообще до мельчайшихъ привычекъ,—какъ Камчатскія рѣки мелкія и прозрачныя. Съ берега можно наблюдать жизнь рыбъ здѣсь съ такимъ же, даже съ бо́льшимъ удобствомъ, чѣмъ въ акваріумѣ, съ тѣмъ бо́льшею пользою, что тамъ наблюдаются рыбы въ условіяхъ, какъ бы онѣ не были тщательно обставлены, все-же—искусственныхъ (тѣснота помѣщенія, стѣнки акваріума, паденіе свѣта, пища и т. д.), здѣсь же все вполнѣ естественно, рыбы наблюдаются не въ заключеніи, а на свободѣ, что весьма важно при выводѣ какихъ-нибудь заключеній. Проживши здѣсь не два-три дня, а два-три мѣсяца можно было бы вполнѣ познакомиться съ гольцами, гораздо полнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ это можетъ позволить лабораторія и наилучшій акваріумъ. Здѣсь я убѣдился въ справедливости приведенныхъ мною выше разсказовъ о гольцахъ.—Гольцы мечутъ икру попарно. Самецъ, всегда болѣе ярко окрашенный, ревниво охраняетъ выбранную имъ самку, бросаясь на всякаго другого слишкомъ близко подплывающаго самца. При этомъ онъ

раскрываетъ ротъ, съ намѣреніемъ, повидимому, укусить соперника. Отогнавши, возвращается опять къ самкѣ, которая почти лежитъ на днѣ, описываетъ кругъ около нея и, подплывая къ ней вплоть, нервно вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ и плотнѣе прижимается къ ней; при этомъ онъ немного ложится на бокъ, наклоняя на бокъ же и самку, и выпускаетъ немного сѣменной жидкости. Во рту на языкѣ у нѣсколькихъ гольцовъ здѣсь я замѣтилъ въ первый разъ вышеописанныхъ паразитовъ (вѣроятно изъ *Caligidae*). Изъ упомянутыхъ 80 рыбъ— 50 было кижучей и 30 гольцовъ. Гольцы эти были такъ называемы каменные или краснoперые. Одни изъ нихъ отличаются болѣе яркимъ цвѣтомъ на бокахъ и на брюхѣ [самцы].

2 ноября. 5 h. a. t^0+1^0,0R. Вѣтеръ Е. Облачно. Въ 6 h. пошелъ мокрый снѣгъ. Встали ранѣе обыкновеннаго.—Продолжительное ненастье и сравнительно неудачная охота сдѣлали пребываніе въ юртѣ скучнымъ, всѣ желаютъ перемѣны, но никакъ не могутъ прійти къ соглашенію, куда двинуться пытать бо́льшаго счастья и когда. Проснувшись, каждый принимается за какую-нибудь работу. Жить въ лѣсу нельзя, лежа на боку. Необходимо позаботиться самому о дровахъ для огня, надо развести огонь; часто и это не всегда удается съ такимъ удобствомъ и скоростью, какъ дома. Нужно сходить за водой, что-нибудь приготовить; тамъ нужно зачинить торбасъ (особый родъ обуви), тамъ просушить стельки или тѣ же торбаса́, нужно накормить собакъ и т. д. Все это кажется мелочами, которыя однако занимаютъ для исполненія очень много времени. Такъ и сейчасъ всѣ заняты чѣмъ-нибудь въ юртѣ или около, въ ожиданіи, когда будетъ готовъ завтракъ (варится подкисшее медвѣжье мясо)—соль и хлѣбъ давно уже вышли. Нѣкоторые зашиваютъ торбаса, одинъ дѣлаетъ себѣ ложку, и только одинъ о чемъ-то задумался. Завтракъ готовъ. Сильная непогода заставила всѣхъ собраться все въ той же дымной, грязной и тѣсной юртѣ. Молча принялись за раздѣлываніе завтрака и, покончивши съ нимъ,

начали межъ собою разговоръ. О чемъ они говорили, пусть каждый судить самъ: я нарочно дословно записалъ весь разговоръ въ теченіе ровно получаса времени. Вотъ онъ.

1. Тутъ только два было? (держитъ въ рукахъ косточку-шипъ для лапокъ [особый родъ лыжъ]).

2. Нѣтъ, всего четыре.

1. Вѣрно, что упали. (Помолчавъ). Негодится... Дырка-то есть у него... Упали вѣрно... Ну-тка ужо́, встань, Аверьянъ. (Ищетъ въ соломѣ).

3. Ну, найдешь его теперь, какъ же!

1. Давайте работать шайбу; и (про себя)—шайбушечку.

4. У, суда́ри, какой! (Намекая этимъ возгласомъ на погоду).

5. Вонъ, лѣсъ-то за рѣкой на шайбу!

6. За рѣкой-то добрый лѣсъ да перевозить-то какъ-то!

5. У, суда̀ри, какой пурга. Ай, ай а, ай о ай!

1. Что, Илья, на него смотрѣть-то такъ-то: пожалуй, предайся, такъ онъ еще сильнѣе задуетъ!

5. Чтобы у насъ батъ тамъ не бросило.

7. Бросить-то его не броситъ.

1. Ну,—Петровичъ, станемъ-ка строитъ шайбу.

Тебѣ же будетъ пригождаться, когда пріѣдешь.—

5. На чемъ же обуваться? Я стану на камасахъ. [=Т.-е. Во что мнѣ обуться? — Я ка́масы надѣну (камаса́ми называется обувь, спитая изъ оленьей шкуры съ ногъ].

7. Пожалуй, парень, спорѣе новые заводить! (иронія)

5. Надо сѣни строить.

6. Пожалуй, парень, чего и лѣсу надо: два столба.

4. Нѣтъ, два-то непридется.—Пожалуй, четыре.

7. Кончить-то не кончимъ: Не надо разрушать.

5. Ти ужъ!

1. Худо — это — березнику-то здѣсь нѣту. Мнѣ то же оштолъ надо дѣлать.

3. Какъ его? безъ полу надо шайбу-то.

1. Нѣтъ, ужъ, парень, поди, надо съ поломъ.

4. Надо нартишку изладить: полосъ широко, такъ одинарно и идетъ.

1. А я работать собрался, а топоръ-то и оставилъ тамъ...

5. Ну, а я во снѣ видѣлъ, что топоръ-то ти тамъ оставилъ.

2. Ти, Аверьянъ, собери-ка травки снопика два, — нето траву-то занесетъ.

5. Я, должно быть, сегодня не пойду утокъ караулить.

1. (Беретъ топоръ, чтобы точить). Это гдѣ ти, Петровичъ перепортилъ?

3. Это онъ еще въ Толмачевой перепортилъ.

1. Будетъ баловать-то, Аверка, лучше травки, поди, посбери!

4. Лукъ-то самострѣлъ-то брось!

6. Старину-то брось. Лучше травы нарѣжь!

3. Ти анучки-то надѣлъ?!

Это чьи? Мой!

4. А это не твой?...

И это въ теченіе получаса времени. Каждая фраза сопровождается промежутками продолжительнаго молчанія. Надоѣло и записывать. А между тѣмъ въ этомъ разговорѣ—вся горькая жизнь камчадала со всѣми ея заботами о насущномъ кускѣ и ея мелкими радостями.

9 h. a. t $+0^{0},5$ R. Пурга.

1 h. p. t $+1^{0},0$ R. 4 h. p. t $+0^{0},5$ R. Снѣгъ пересталъ. Мокро.—Начинаютъ чаще и чаще вспоминат о домѣ: нужно ѣхать за провизіей: нѣтъ ни хлѣба, ни соли. 7 h. p. t $+0^{0},5$ R. Къ ночи разъяснѣло и вѣтеръ совершенно стихъ. Не хочется ложиться въ такую ночь. Полный мѣсяцъ такъ ярко свѣтитъ съ безоблачнаго голубого неба, что все вокругъ, до самыхъ мелкихъ предметовъ, видно, какъ днемъ. Тихо въ лѣсу: деревья не шелохнутъ голыми вѣтвями; тишина не нарушается никакими звуками; только рѣка, озаренная полнымъ

мѣсяцемъ, съ шумомъ мчитъ свои чистыя волны, а по обѣимъ сторонамъ ея, почти надъ самыми берегами, стоятъ молчаливые великаны—сопки. Сіяя ровнымъ голубоватымъ свѣтомъ на своихъ вершинахъ, толпятся онѣ къ рѣкѣ, одна выше другой, то островерхія, то зубчатыми гребнями, безстрастно смотрятъ на развернутую подъ ними чудную картину и безстрастно провожаютъ свою рѣзвую питомицу—рѣку вдаль, на западъ, и только, проводивъ ее до старшей сестры Апачи, отступаютъ открывъ широкій просторъ соединившимся сестрамъ, которыя теперь текутъ какъ-бы не́хотя, точно жалѣютъ покинуть свои колыбели—глубокія ущелья, которыми изрѣзаны всѣ эти сопки и хребты, какъ морщинами; медленно текутъ, чтобы поглотиться сердитымъ и холоднымъ Охотскимъ моремъ.

3/xi. 6 h. a. t $+0^0,8$ R., 4 h. p. t $+1^0,5$ R, 6 h. p. t$+3^0,5$ R.

4/xi. 8 h. a. t $-1^0,0$ R. Сегодня, наконецъ, покинули юрту и пріѣхали на горячіе давно желанные ключи. 6 h t $-0^0,5$ R.

7/xi. 7 h. a. t-6^0R. Каримчинскіе горячіе ключи занимаютъ почти всю долину правой вершины Правой Каримчины, находясь одинаково по ту и по другую сторону. Подъѣхавши, мы увидѣли, что ключи, если они здѣсь были прежде, изсякли, оставивъ только мѣстечко, на которомъ, какъ и на многихъ въ этой долинѣ, снѣгъ не держится. Почва на ощупь оказалась теплою. Съ версту вверхъ отъ этой проталины мы встрѣтили обширную площадь также совершенно свободную отъ снѣга, подходящую къ самому берегу Каримчины. На этой площадкѣ находится особый ключъ (до 40^0 R), представляющій собою ниже цѣлую горячую рѣчку (течетъ она не менѣе полуверсты и впадаетъ въ Каримчину). Вода имѣетъ сильный запахъ сѣроводорода, особенно вязкуя грязь на днѣ, и серебрянная монета въ этомъ ключѣ черезъ нѣсколько минутъ совершенно чернѣетъ. Кромѣ этого ключа, съ лѣваго берега

текутъ нѣсколько маленькихъ ключиковъ прямо въ рѣку. Одинъ изъ нихъ имѣетъ t въ $+52^0,0$ R, вытекая изъ чрезвычайно красивой брекчіевидной породы. Производя измѣреніе t этихъ многочисленныхъ ключиковъ, я неосторожнымъ движеніемъ разбилъ единственный имѣвшійся у меня термометръ, лишившись съ тѣмъ возможности опредѣлить наивысшую t. Шагахъ въ полуторастахъ отъ стана, выше по теченію, на правомъ берегу рѣчки, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него, есть небольшое почти круглое озерко (шаговъ 30 въ діаметрѣ), глубиною до 1 арш., также горячее, но настолько, что купаться въ немъ можно совершенно свободно. Съ праваго (по рѣкѣ) его берега почти непосредственно поднимается невысокій, но почти отвѣсный увалъ, сложенный изъ какой-то разрушенной породы. Въ увалѣ этомъ имѣется нѣсколько круглыхъ дыръ, продолжающихся въ немъ, видимо, горизонтально, неопредѣленнаго протяженія. Наибольшее отверстіе діаметромъ приблизительно въ 1 футъ. Приблизившись къ такому отверстію, въ глубинѣ его услышали совершенно отчетливо какой-то шумъ, очень сильный, подобный тому, какой происходитъ при кипѣніи, ключемъ воды въ закрытомъ сосудѣ. Изъ нѣкоторыхъ порывами вырывается только горячій паръ, изъ нѣкоторыхъ же течетъ небольшими струйками горячая вода, питая это озеро,—и частію небольшой ручеекъ, соединяющій озеро съ рѣкою. Ручеекъ этотъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ озера имѣетъ настолько низкую t, что въ немъ могутъ жить рыбки, какихъ я тамъ и видѣлъ. Къ сожалѣнію, болѣе тщательныхъ наблюденій надъ этими интересными ключами сдѣлать было нельзя за неимѣніемъ нужныхъ для изслѣдованій инструментовъ, теперь даже компаса нѣтъ въ рукахъ, который мною потерянъ при устройствѣ рыбнаго плавежнаго запора при сліяніи обѣихъ Каримчинъ. Я рѣшилъ сегодня же ѣхать обратно въ селеніе вмѣстѣ съ Алексѣемъ Антоновымъ, а остальные будутъ продолжать охотиться.

Покидая эти красивыя и чрезвычайно интересныя во мно-

гихъ отношеніяхъ мѣста, я нѣсколько словъ скажу о вчерашней поѣздкѣ за баранами. — Несмотря на туманъ и вообще пасмурную погоду, утромъ на двухъ нартахъ мы выѣхали съ мѣста, чтобы съ лѣвой вершинки правой Каримчиной подняться къ камнямъ высокаго хребта, поднимающагося скалистыми гребнями, между правой и лѣвой Каримчинами и оканчивающагося упомянутой Каримчинской сопкой. Путь на собакахъ отъ становья до лѣвой вершины крайне затруднителенъ, благодаря тому обстоятельству, что ведетъ по подножію хребтовъ, прорѣзываемому глубокими падями и поросшему крупнымъ березникомъ, а въ мѣстахъ, гдѣ находятся ручейки — густымъ ольховникомъ. Наконецъ, собаки остановлены и закрѣплены за кусты. Перейдя рѣчку вбродъ, пришлось надѣть лыжи и подниматься по первой открывшейся пади на хребетъ, вершина котораго была закрыта сплошными облаками. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ мельче и мельче становился ольховникъ, пока, наконецъ, не исчезъ совсѣмъ, и мы не очутились среди какой-то снѣжной пустыни. Сплошная туманная пелена, скрывавшая тамъ внизу отъ насъ небо, теперь значительно порѣдѣла, позволяя мѣстами увидѣть небесную синеву, освѣщенную полуденнымъ солнцемъ.

Наконецъ, трудный и медленный подъемъ оконченъ, — мы оказались на высшей точкѣ намѣченнаго нами хребта. Картина, которая открывалась намъ, была необычайно хороша.

Мы стояли на небольшомъ покрытомъ крѣпкимъ горнымъ снѣгомъ островкѣ, на которомъ поднимались справа и слѣва отъ насъ громадные утесы. Подъ нами вокругъ разстилалось какое-то необыкновенное легкоподвижное море, которое страшно, но безшумно волновалось, точно боясь шумомъ своего волненія и плескомъ прибоя нарушить царившую здѣсь вѣчную тишину.

Странно было видѣть, какъ большая волна, необычной

для моря формы, быстро, но безъ малѣйшаго звука, набѣгала на обрывистый мысъ островка на нѣсколько секундъ, чтобы пронестись также беззвучно далѣе,—какъ волна, разбившаяся въ пѣну о прибрежные утесы, на мигъ останавливается, негодуя на мощь ихъ и на свое безсиліе и, медленно скатившись, катится далѣе. Только здѣсь не было видно никакой страсти, это были легкія, какъ туманъ, холодныя, какъ могила, и безстрастныя и загадочныя, какъ сфинксъ, волны. Надъ нами была безоблачная синева неба. Ярко освѣщенные солнцемъ, тамъ и здѣсь изъ этого волшебнаго безформеннаго моря поднимались отдѣльными группами другіе островки,—на блестящихъ снѣжныхъ склонахъ которыхъ рѣзко обрисовывались вѣнчающіе ихъ утесы своими тѣнями.

Любуясь, очарованный этою волшебною картиною моря и цѣлаго архипелага скалистыхъ острововъ, я неожиданно, еще къ большему изумленію своему, увидѣлъ вдали на поверхности моря тѣни какихъ то гигантовъ, спокойно стоящихъ на тѣни же какого-то изломаннаго гребня горы; гиганты эти были окружены радужною дугой, поднимавшейся изъ-за тѣни гребня какъ разъ надъ ними. Я въ первый разъ наблюдалъ это чудное горное явленіе, и первые моменты, дѣйствительно, не могъ дать себѣ отчета въ немъ, пока одинъ изъ спутниковъ, занятый въ это время не созерцаніемъ роскошной картины, а высматриваніемъ горныхъ барановъ, замѣтивши группу ихъ на одномъ изъ ближайшихъ острововъ, не отдѣлился отъ насъ, чтобы, пройдя по нашему островку дальше, получше разсмотрѣть животныхъ. Всѣ движенія его повторилъ и одинъ изъ гигантовъ; тогда стало очевидно, что тѣнь гребня и тѣни гигантовъ — были наши собственныя тѣни и нашего островка, брошенныя солнцемъ на разстилавшееся море сплошныхъ облаковъ, потому что это именно было море облаковъ. Совершенная увѣренность въ этомъ получилась, когда въ одномъ изъ отдаленныхъ

островов, представлявшем собою правильный, довольно высокій, конусъ, я узналъ знакомую вершину Корякской сопки. Несомнѣнно было, что мы находились надъ поясомъ тучъ.— Вполнѣ насладившись необыкновеннымъ видомъ, мы отправились за баранами, но скоро увидѣли, что достичь до нихъ нѣтъ возможности, такъ какъ отъ нихъ насъ раздѣляла пропасть, начинаясь отвѣсно ниспадавшими утесами нашего островка; обойти ее также представлялось невозможнымъ, потому что весь гребень хребта совершенно обледенѣлъ и, идя по нему, можно было бы на всякомъ шагу соскользнуть и укатиться въ пропасть, дна которой нельзя было видѣть въ туманѣ.

Приходилось начать спускъ внизъ. Добравшись до пади, по которой поднимались вверхъ, спутники мои, надѣвъ лыжи, очень быстро понеслись внизъ; ихъ примѣру послѣдовалъ и я, но не съ такимъ успѣхомъ; прежде чѣмъ я могъ добраться до болѣе или менѣе ровнаго мѣста, гдѣ бы лыжи не могли болѣе катиться, пришлось нѣсколько разъ основательно перевернуться, зарываясь совершенно въ снѣгъ, такъ какъ искусство кататься на лыжахъ, особенно съ высоты 2—3 тысячъ футовъ дается, какъ узналъ на себѣ, не сразу.—Возвращенье изъ вершины Каримчины отъ горячихъ ключей до Апачи заняло почти два дня.—Заночевавъ передъ самымъ селеніемъ, 9-го ноября въ 7 h. a., я былъ вь Апачѣ. t—8^0,5 R.

Чтобы удержать хронологію описанія, необходимо вспомнить, что поѣздка моя начата съ Помощникомъ Окружнаго Начальника, который былъ оставленъ у Тойенской рѣчки. Теперь мы оставимъ Апачу и отправимся дальше въ Большерѣцкъ.

ГЛАВА III.

Большерѣцкъ и путь до сел. Воровскаго.

26-го сентября 1896 г. Изъ Апачи въ Большерѣцкъ ведутъ два пути—водный по рѣкѣ Апачинской внизъ по теченію и сухимъ путемъ,—почти прямо на W, придерживаясь почти все время праваго берега названной рѣки. Разстояніе опредѣляется приблизительно жителями въ 40 верстъ.

Въ видахъ бо̀льшого удобства для насъ, конечно, былъ избранъ путь къ рѣкѣ. И вотъ, утромъ, также на батахъ мы отправились провожаемые на берегъ толпой Апачинскихъ камчадаловъ. День былъ довольно теплый и ясный, когда отправились внизъ по рѣкѣ, которая въ началѣ здѣсь не шире, во всякомъ случаѣ, 50 саженъ. Теченіе ея все еще значительно, я полагаю, что не менѣе 6 верстъ въ часъ; паденіе воды замѣтно на глазъ на такъ называемыхъ шивера̀хъ, или перекатахъ, упоминавшихся ранѣе.

Опять то и дѣло приходится проплывать, наклоняясь часто, мимо многихъ подмытыхъ быстриной и склонившихся надъ рѣкою стволовъ деревьевъ: тополя, талины, ольхи. Лѣсъ густой, но некрупный.

По мѣрѣ сплыванія, или удаленія отъ Апачи, крупные экземпляры деревьевъ начинаютъ попадаться все чаще и чаще. Все больше встрѣчается по берѐгамъ наноснаго лѣсу, который кое-гдѣ образуетъ толщами островки. Этотъ наносный лѣсъ, сплоченный большими массами по берегамъ и въ островкахъ, наводитъ на мысль (особенно его толщина и значительное протяженіе по теченію р. Камчатки), что каменные угли не обязаны ли своимъ происхожденіемъ точно такимъ же толщамъ наноснаго лѣсу, но еще въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ? Мнѣ, кажется, что при необходимомъ существованіи, напр. въ ледниковый періодъ, громадныхъ

рѣкъ, могли легко образоваться наносы въ нѣсколько верстъ длиною и нѣсколько саженъ толщиною и дать собою матеріалъ для находимыхъ теперь углей. Торфяники могли легко образоваться наметываніемъ морскихъ водорослей по прибрежной полосѣ.

На эту мысль наводитъ толща водорослей, выметаемыхъ моремъ въ шторма у селенія Авачи. Составъ теперь встрѣчаемыхъ въ Камчаткѣ торфяниковъ (поверхностныхъ) подтверждаетъ такую мысль: въ нихъ можно видѣть водоросли, листья ольхи, ивы, стволы деревьевъ, насѣкомыя наземныя, чего бы, конечно, не могло быть, если бы торфяники образовывались только въ морѣ; съ другой стороны—морскія водоросли исключаютъ допущеніе образованія торфяниковъ по болотамъ, путемъ наростанія. Другой типъ встрѣчающихся островковъ—намывной. Но подробнѣе объ этихъ различныхъ типахъ островковъ я буду говорить дальше.

Переходъ черезъ шиверы, на которыхъ вода пѣнится, какъ въ котлѣ, требуетъ большой сноровки и точнаго знáнія русла со стороны каюрщиковъ, въ особенности, если шивера такая образована скрытымъ подъ водою стволомъ дерева. Малѣйшая оплошность—и батъ будетъ опрокинутъ. Вслѣдствіе того, что рѣка чѣмъ дальше, тѣмъ разбивается на большее число протокъ, теченіе ея замѣтно слабѣетъ. Кромѣ многочисленныхъ утокъ разныхъ породъ, взлетаютъ нерѣдко съ берега или съ прибрежныхъ деревьевъ — орлы.

Черезъ часъ съ праваго берега показался не очень высокій яръ, подъ которымъ приходится проплывать. Яръ этотъ называется Ухулъ-кигъ. Тутъ же неподалеку прошли одно мѣстечко, которое называется Писечъ, представляющее собственно только продолженіе того же яра — „Ухулъ-кигъ“. Яръ этотъ состоитъ почти изъ совершенно горизонтальныхъ пластовъ дресвы различной крупности, сплоченной пескомъ темной или желтоватой окраски; наверху пласты эти рѣзко оканчиваются пластомъ сѣровато-желтой глины или песку

(по виду съ бата нельзя навѣрное сказать, что это) толщиною до 1 аршина. Увалъ этотъ или яръ, въ зависимости отъ того, подмывается водою или нѣтъ, обросъ—травою и кустами. Вышина его не болѣе 4 саженъ. Обращаетъ на себя невольно вниманіе нѣсколько крупныхъ камней, находящихся въ рѣкѣ, немного ниже Писеча, особенно одинъ большой камень. Нигдѣ болѣе по теченію такихъ камней не встрѣчается, поэтому нахожденіе ихъ дало поводъ назвать это мѣсто „у камня". Никакихъ каменныхъ обнаженій въ берегахъ не видно, да и нельзя вблизи предположить, такъ какъ характеръ береговой линіи совершенно одинаковъ; точно такъ же и встрѣчаемыя обнаженія, несомнѣнно доказывающія сравнительно недавнее образованіе долины этой рѣки, во всякомъ случаѣ не древнѣе третичнаго періода. Ниже камней, верстахъ въ четырехъ опять — яръ „Коткотъ". Составъ изъ тѣхъ же пластовъ гальки до размѣра валуновъ. На такомъ же приблизительно разстояніи отъ камней, какъ „Коткотъ", находится еще мѣстечко, называемое „Японскимъ". Это ровное довольно низменное мѣсто, поросшее тальникомъ и заваленное выкиднымъ лѣсомъ. Названо такъ потому будто бы, что когда-то везли изъ Большерѣцка въ Петропавловскъ японцевъ съ разбившагося гдѣ-то у Большерѣцкаго побережья японскаго судна, и на этомъ мѣстѣ проводившіе ихъ люди должны были переночевать.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что жителями Камчатки, русскими и камчадалами, окрестныхъ, по крайней мѣрѣ, къ Петропавловску селеній, названія мѣстамъ теперь даются, благодаря какому-нибудь часто вовсе незначительному происшествію, или по формѣ какого-нибудь наиболѣе замѣтнаго въ данномъ мѣстѣ предмета. Доказательствомъ этого могутъ служить вышеназванная „Японское", „Степанова падь" въ вершинѣ лѣваго истока правой Каримчиной, названная такъ потому, что въ одну изъ охотъ за баранами по этой пади, сорвавшись, скатился внизъ одинъ изъ охотниковъ, называв-

шійся Степаномъ. Объясненіе происхожденія названія „Халзанъ“ дано ранѣе. „Зубья“—хребетъ въ вершинѣ Правой Каримчины, названъ такъ по характернымъ многочисленнымъ каменнымъ столбамъ, стоящимъ на гребнѣ хребта и представляющимъ собою снизу какую-то щетку громадныхъ зубьевъ и т. п.—Недалеко отъ мѣста Японскаго считается рѣкою половина разстоянія между Апачей и Большерѣцкомъ. Отсюда шиверы становятся все рѣже и рѣже и паденіе ихъ значительно слабѣе. По лѣвую сторону рѣки иной разъ можно видѣть горы хребта „Ипилька“. Хребетъ этотъ, какъ многіе другіе въ Камчаткѣ, разсматриваемый издали кажется почти до самыхъ вершинъ сглаженнымъ, можно сказать, округленнымъ въ своихъ очертаніяхъ, и представляетъ собою высокое плато, на которомъ поднимаются отдѣльными горками голые утесы въ своихъ острыхъ очертаніяхъ. Совершенно такой же характеръ сглаженности представляютъ собою хребты въ вершинѣ рѣки Камчатки. Эти округленныя очертанія хребтовъ, эти высокія плато, называемыя жителями „высокими тундрами“, которыя постепенно переходятъ въ склоны горъ, покрытыя древесной растительностью, и отдѣльныя группы не сглаженныхъ, не округленныхъ утесовъ наводятъ на мысль о томъ, что сглаживанье это было произведено, если не водами, то во всякомъ случаѣ льдами (послѣднее представляется болѣе вѣроятнымъ, почему, я скажу далѣе). Принимая во вниманіе, что всюду по Камчаткѣ такія высокія плато находятся почти на одной и той же высотѣ, приблизительно 2000—2500 (точная нивеллировка дала бы многое для правильныхъ выводовъ въ этомъ отношеніи), невольно представляется время, когда нынѣшняя Камчатка выдавалась изъ моря (льда?) только отдѣльными островками, которые, по мѣрѣ отступленія моря связывались другъ съ другомъ, образуя нынѣшнія цѣпи хребтовъ.

Надѣясь по исполненіи необходимыхъ для того изслѣдованій современныхъ ледниковъ Камчатки, которыхъ очень

много въ хребтахъ, обосновать это положеніе объ отступаніи моря или поднятіи уровня Камчатки, я здѣсь замѣчу, что названіе Ипилька, по моему, есть испорченное камчадальское слово „апькахъ", что значитъ—отлогій, каковое названіе вполнѣ сгласуется съ характеромъ упомянутаго хребта.

Во второй половинѣ пути протоки становятся еще многочисленнѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ, понятно, и островки. Теченіе тише; берега низкіе, въ обнаженіяхъ все только галька. Вслѣдствіе того именно обстоятельства, что протокъ очень много, что острова всѣ покрыты въ нижнемъ теченіи крупнымъ тополовымъ лѣсомъ, можно, не зная очень хорошо всѣхъ этихъ протокъ, мѣняющихся каждый годъ, легко, не замѣтивши Большерѣцка, сплыть внизъ къ открытому морю; но каюрщики хорошо знакомы съ мѣстностью, и вотъ, уйдя нѣсколько ниже селенія, мы поднимаемся вверхъ по теченію очень тихой протоки „Монаковой", на правомъ берегу которой уже виднѣются крыши домовъ и рыбныхъ балагановъ Большерѣцка. Войти въ эту протоку сверху — нельзя, потому, что протока эта въ осеннее время очень мелка, почему и приходится осенью, какъ сказано сплывать ниже селенія, чтобы зайти въ нее снизу. Говоря о пути рѣкой, нельзя не упомянуть еще разъ о неизбѣжномъ явленіи снёнки, валяющейся всюду по отмелямъ и распространяющей страшное зловоніе.—Надо сказать также, что по правому берегу между названными селеніями до самыхъ хребтовъ залегаетъ одна обширная тундра, прорѣзываемая рѣчкой Гольцовкой. На этой тундрѣ, если проѣзжать берегомъ—виднѣется только одна коническая горка, не имѣющая особаго названія, кромѣ общаго „сопочка", которое, впрочемъ, совершенно достаточно, такъ какъ другой, кромѣ этой, сопочки на тундрѣ нѣтъ. Березовый лѣсъ по тундрѣ этой, какъ по другимъ, располагается небольшими островками.

Исторія Большерѣцка, т.-е. его основаніе, развитіе и упадокъ довольно подробно разобрана Дитмаромъ, а по-

тому я не стану останавливаться на ней, ограничусь лишь упоминаніемъ, что о Большерѣцкѣ, какъ о русскомъ поселеніи, говоритъ еще Крашенинниковъ въ своемъ знаменитомъ описаніи земли Камчатки. Въ настоящее время Большерѣцкое селеніе является единственнымъ—съ русскимъ населеніемъ на дорогѣ отъ Петропавловска до Тигиля на западномъ берегу полуострова. Расположено оно крайне невыгодно на островахъ образуемыхъ протоками: Монаковой, Мостовой и Паренчиновой, которыя во время половодья затопляютъ селеніе и жителямъ приходится, чтобы пройти другъ къ другу прибѣгать къ батамъ. Мѣсто низменное и болотистое, покрытое большими кочками. Небольшіе домики и здѣсь, какъ въ Апачѣ, разбросаны безъ всякаго плана, кому гдѣ вздумается, малы, и въ общемъ, селеніе производитъ крайне унылое грустное впечатлѣніе, которое не разсѣевается и при болѣе детальномъ знакомствѣ съ нимъ. Населеніе, какъ замѣчено, русское—потомки казаковъ Большерѣцкой крѣпости и позднѣе пришедшихъ изъ Сибири крестьянъ. Но, кромѣ этого происхожденія, жители Большерѣцка, рѣшительно всѣ, ничѣмъ не отличаются отъ Апачинскихъ, напримѣръ, камчадаловъ. Та же одежда, тѣ же занятія. Въ этомъ селеніи имѣется одна церковь, — ветхое полуразрушившееся зданіе, подпертое со всѣхъ сторонъ бревнами въ предупрежденіе отъ паденія. Тутъ же неподалеку отъ старой церкви строится на томъ же кочковатомъ болотѣ новое зданіе подъ церковь; есть и школа, о которой говорилось уже выше. Маленькія хатки, по обыкновенію, не проконопачены; полы однорядные (такъ называемые одинарные), точно также и оконныя рамы. Большинство оконныхъ рамъ вмѣсто стеколъ имѣетъ полотнища, сшитыя изъ медвѣжьихъ кишокъ. Такое окно пропускаетъ очень мало свѣту, но за то при каждомъ открываніи и закрываніи домовой двери или при вѣтрѣ сильно шумитъ, хлопая. Печи сложены изъ самодѣльнаго необожженнаго кирпича на деревянныхъ опечкахъ;

изъ такого же, обыкновенно, кирпича складывается труба надъ крышей. Понятно само собой, что такую глиняную трубу приходится не одинъ разъ поправлять въ лѣто, на что тратится не мало времени жителями. Чистая комната, или горница, обыкновенно имѣющаяся въ каждомъ домикѣ, содержится при крайней бѣднотѣ жителей въ возможной чистотѣ.

Часто вы найдете, не говоря о печи, стѣны и потолокъ ея окрашенными въ разные цвѣта глинами. Печь—красится всегда. Бѣлая очень хорошая глина добывается немного выше протока р. Быстрой-Роговой, въ берегахъ которой она залегаетъ, по разсказамъ, нетолстымъ слоемъ. Палевая глина привозится или изъ Начикинскаго, или изъ Малкинскаго селенія, въ которыхъ различныхъ цвѣтовъ глины находятся въ мѣстахъ горячихъ ключей. — Упомянувъ выше о школѣ, долженъ сказать, что учителемъ тамъ состоитъ (въ церковно-приходской) полуграмотный камчадалъ Кихчинскаго селенія — Павелъ Уксусниковъ, обязанный своею грамотностью проживающему въ Петропавловскѣ торговцу Петру Косыгину, который за время своихъ долгихъ поѣздокъ по Камчаткѣ по торговымъ дѣламъ въ часы досуга не одного камчадала обучилъ хотя азамъ. Спасибо и за это человѣку, который самъ едва дошелъ самоучкомъ до разбиранія печатнаго и писаннаго.

Пріѣхавъ въ Большерѣцкъ, мы застали въ селеніи не болѣе 6 или 7 человѣкъ мужчинъ, такъ какъ всѣ уѣхали на охоту. Все населеніе не превышаетъ 100 душъ. Надо сказать, что отъ Большерѣцка благополучіе моего непривычнаго къ движенію спутника окончилось безвозвратно, потому что отсюда предстояло путешествіе исключительно на лошадяхъ верхомъ, или только пѣшкомъ, или, наконецъ, еще на собакахъ, но не на бату. Снѣга еще нигдѣ не было, поэтому ѣхать на собакахъ было бы крайне затруднительно и слишкомъ такое путешествіе было бы продолжительно;

оставалось единственно ѣхать верхомъ, но и тутъ встрѣчалось неожиданное препятствіе въ отсутствіи лошадей. Охотники уѣхали и, конечно, взяли лошадей съ собою. Такъ какъ нѣкоторые предполагали, что на завтра одни изъ нихъ должны были уже возвратиться съ охоты, то и рѣшено было завтрашній день провести въ селеніи. На другой день вечеромъ, посѣтивъ нѣсколько домиковъ средней части селенія, я вышелъ на берегъ протоки Мостовой, гдѣ лежало нѣсколько опрокинутыхъ батовъ, чтобы какъ-нибудь попасть на другую сторону рѣчки, гдѣ стояли еще два домика. Въ это же время къ одному изъ батовъ подошла одна изъ мѣстныхъ красавицъ и, быстро перепрокинувъ батъ и столкнувъ его въ воду, любезно предложила меня перевезти на ту сторону, куда она шла „гостить" къ своимъ знакомымъ. Само собой разумѣется, что я, какъ кавалеръ, поблагодарилъ красавицу и предложилъ, въ свою очередь, быть самому ея проводникомъ, на что она скромно согласилась, предварительно, впрочемъ, справившись, умѣю ли я „шестомъ-то орудовать". Переправа черезъ рѣчушку въ какихъ-нибудь пять саженъ шириной совершилась благополучно, и я вмѣстѣ съ спутницей отправился незванымъ гостемъ къ ея знакомымъ. Побывъ тамъ немного времени и еще въ сотый разъ убѣдившись въ крайней бѣдности обитателей и этой лачужки, я отправился опять же вмѣстѣ съ красавицей обратно. Но, увы, я посрамился: какъ разъ на серединѣ протока шестъ, поставленный мною неловко на камень, сорвался, и я, не сохранивъ равновѣсія на валкомъ и узкомъ суденышкѣ - бату, въ одно мгновеніе очутился въ холодной ваннѣ. Вынырнувъ и отплевавшись, я думалъ гдѣ-нибудь по сосѣдству увидѣть и спутницу, но спутница, стоя попрежнему на бату, чуть не до истерики заливалась смѣхомъ. Увидавъ это, я схватилъ плывшій внизъ по теченію шестъ, виновника несчастія, и, почувствовавъ подъ ногами дно, прямо по водѣ добрался до берега. Нечего говорить, что красавица почти моментально

убѣжала, чтобы сообщить своимъ подругамъ о моемъ посрамленіи. Положимъ, что съ батовъ вывертываются и опытные въ хожденіи на нихъ камчадалы, но все-таки я не могу простить себѣ такого скандала. Весь мокрый я побрелъ на квартиру. Было темно. Вдругъ все освѣтилось необыкновенно яркимъ зеленымъ свѣтомъ, я обернулся и увидѣлъ названнаго свѣта полосу, прочертившую небо приблизительно съ NW на SE. Время было около 7 часовъ вечера.

28 сентября не очень рано мы выѣхали, наконецъ, изъ Большерѣцка на лошадяхъ въ селеніе Утку. Небольшой грузъ нашъ былъ отправленъ вчера еще на собакахъ. Тропа,— потому что дороги по всему Камчатскому полуострову нѣтъ ни одной, это надо запомнить разъ навсегда, — ведетъ отъ селенія, большею частію, прямо на N, тальниками сперва упомянутой Мостовой, которую пришлось нѣсколько разъ переѣхать, потомъ переходитъ черезъ протоки Поперечную, Грунчину и частымъ кустарникомъ и посохшими зарослями шаломайника выходитъ на берегъ рѣки Быстрой.

Вблизи селенія, кромѣ того, нужно сказать, тропа эта идетъ между крупными кочками, какія находятся и въ самомъ селеніи. Я останавливаю вниманіе на этихъ кочкахъ потому, что онѣ нѣсколько иного вида, чѣмъ какъ обыкновенно себѣ представляютъ кочки. Эти, — довольно крупныя, имѣютъ совершенно ровную горизонтальную поверхность, и неправильно очерченныя многогранныя стороны, отдѣляясь другъ отъ друга довольно глубокими рытвинами, и почти совершенно голыя. Несомнѣнно, что эти кочки совершенно иного образованія, чѣмъ обыкновенныя болотныя, обыкновенно конической формы, поросшія большой травой и представляющія сами какую-то смѣсь почвенныхъ частицъ съ массою растительныхъ остатковъ и корней болотныхъ растеній.

Отъ селенія до Быстрой, которую приходится переѣзжать изъ-за ея глубины и значительной быстрины на батахъ, не болѣе 20 минутъ не особенно скорой ѣзды, почему я считаю

разстояніе это не болѣе 3 верстъ. Жители считаютъ между 2—3 верстами. Пользуясь небольшой остановкой, потому что здѣсь у „перевоза“ приходится лошадей развьючивать, имѣющійся грузъ складывать въ баты и такимъ образомъ переправлять на другой берегъ (лошадей переправляютъ вплавь, держа обыкновенно за поводья — длинные ремни), хожу по берегу Быстрой и вдыхаю ароматъ, распространяемый „снёнкой“, иначе дышать нечѣмъ. Сосчитать количество разложившихся и еще разлагающихся рыбьихъ труповъ невозможно, — берегъ весь заваленъ этой снёнкой. Въ мѣстѣ „перевоза“ Быстрая раздѣляется на нѣсколько протоковъ, омывающихъ небольшіе островки, поросшіе густымъ тальникомъ. Быстро осѣдлавъ и навьючивъ лошадей, въ 10 h. 15 m. мы поѣхали дальше. Дорога, т.-е. тропа, перерѣзавъ прибрежные тальники, вывела насъ на сухой лугъ, покрытый высокими уже засохшими стеблями зонтичныхъ растеній.

По сторонамъ этого луга березовый крупный, но довольно рѣдкій, лѣсъ. На лугу видно нѣсколько стоговъ сѣна. На выкошенныхъ мѣстахъ видны тѣ же кочки.—Лугъ этотъ называется „тундрочкой“, при томъ „сухой“. Мнѣ кажется, это названіе неправильнымъ, такъ какъ „тундрой“ всюду на Камчаткѣ называютъ мѣста, почвой и подпочвой которыхъ служитъ торфяникъ старый или вновь обрузующійся, чего въ данномъ случаѣ, судя по береговымъ обнаженіямъ, нѣтъ. Правильнѣе, мѣсто это назвать по-мѣстному *ашхыкъ* или *усхыкъ*. Съ этого ашхыка, какъ и изъ самаго селенія виденъ на NE хребетъ „Ганальскіе востряки“. Въ 11 h. a. мы были на берегу рѣчки Начиловой. Рѣчка эта, по сообщенію проводниковъ, имѣетъ одно общее устье съ Большерѣцкою рѣкою (какъ видно изъ изложенія, представляющею лишь нижнее теченіе Начикинской рѣки); сказать точно, гдѣ находится ея вершина, проводники не могутъ, говоря вообще, что она ушла куда-то ко хребтамъ. Берега поросли тальникомъ, на лѣвомъ берегу, кромѣ того, густыя заросли хвоща, почему здѣсь иногда

останавливаются, чтобы дать покормиться лошадямъ. — Въ рѣчку эту заходитъ, т.-е. по ней поднимается, „всякая рыба“: чавыча, хайко, кижучъ и др., но жителями Большерѣцка по самой рѣчкѣ рыба не промышляется, а только въ ея устьѣ. Я еще забылъ упомянуть, что отъ Быстрой, прежде чѣмъ выйти на ашхыкъ приходится перейти еще одну протоку „Лѣтникъ“, гдѣ Большерѣцкіе жители колятъ (мариками) рыбу. Перейдя вбродъ Начилову, вода въ которой кажется совершенно чернаго или очень темнаго цвѣта, мы вышли на первую „Начиловскую“ тундрочку. Тундрочка эта называется „сухой“ на томъ основаніи, что по ней можно проѣхать, не сходя съ лошади, такъ какъ лошадь вязнетъ въ торфяной тундровой массѣ не болѣе, какъ по щетку. Она — только „тундрочка“ потому, что горизонтъ на ней замыкается не небомъ, какъ по „настоящей тундрѣ, а только далекими березняками. Да будетъ мнѣ прощено, что я стану останавливаться на каждой тундрѣ: я полюбилъ ихъ неменьше настоящаго камчадала, которому онѣ дороги также какъ и хребты горъ. Ею начинается нескончаемый рядъ тундръ, раздѣляемыхъ грядами березниковъ, или вѣрнѣе, одна громадная западнобережная Камчатская тундра. Эта „Начиловская“, — какъ и всѣ, съ E на W. Изъ растеній ее одѣвающихъ, можно узнать: *Empetrum nigrum*, *Vaccinium* (голубика), *Ledum palustre*, кажется, *Carex* (?), *Betula nana*, *Lichen*, одинъ тундровый видъ *Salix* (*arctica*?), *Parnassia*, *Oxycoccus* и еще нѣсколько видовъ мховъ. Березники, сказано, видны только далеко на горизонтѣ; съ правой стороны тундры, т.-е. съ восточной, горизонтъ замыкается цѣпью горъ. Мнѣ кажется, что восточный Срединный хребетъ Камчатскихъ горъ выше западнаго, такъ какъ виднѣющіяся части перваго бѣлѣютъ теперь, совершенно покрытыя снѣгомъ, а западный только въ самыхъ высшихъ своихъ точкахъ. — Черезъ $^3/_4$ часа мы пересѣкли тундрочку и стали подвигаться краемъ ея по опушкѣ березняка. Граница тундры, надо

сказать, рѣзко замѣтна по измѣнившейся растительности, въ зависимости, вѣроятно, отъ прорвавшейся подпочвы торфа. Здѣсь встрѣчаются кусты *Pinus cembra pumila*, но березки, растущія какъ разъ на граничной полосѣ тундры — кривыя, низкія, какія-то захирѣвшія. Это тоже общее явленіе и характерное для мѣста перехода тундры въ березникъ. Здѣсь, на переходѣ, гдѣ тундра гибнетъ отъ жадности затопить собою все и уступаетъ мѣсто сухой почвѣ, одѣтой лѣсомъ и богатой травою, видны *Spiraea*, *Iris sibirica (?) vacc. Myrtille*, *Prunela*, *Anus viridis*.—Сохраняя *N W* направленіе, мы черезъ нѣсколько минутъ, оставивъ тундру, пересѣкли березникъ и снова вышли на тундру. На „Начиловой“ тундрочкѣ протекаетъ небольшая тундровая рѣчка, имѣющая теченіе, видимо, въ Начилову. Кромѣ того, на этой тундрочкѣ можно видѣть такъ наз. „окнища“, т.-е. не особенно большіе водные бассейны, почти круглаго очертанія съ обрывистыми берегами и съ водою, почти совершенно чернаго цвѣта. Вода кажется черной вѣроятно потому, что дно такихъ бассейновъ. равно какъ и берега черные, такъ какъ они, то-есть эти бассейны представляютъ собою только вымоины въ торфяникѣ.— Здѣсь уже можно видѣть столь характерные для Западнаго берега Камчатки островки березовыхъ лѣсовъ. И здѣсь уже, глядя на тундру, на рѣзкую полосу ея береговой черты, невольно представляется громадная рѣка, можетъ быть, очень мелководная, занимавшая собою когда-то всю теперешнюю тундровую часть. Можетъ быть и, пожалуй, вѣроятнѣе, что это была и не рѣка, а медленно отступающее море, которое въ прибрежной полосѣ своей, будучи весьма мелководно, заростало водорослями и, отступивъ, оставило эти толщи водорослей на поверхности, которыя дали начало теперешнимъ сплошнымь торфянникамъ Западнаго берега Камчатки. Въ подтвержденіе этого взгляда, который требуетъ, чтобы быть научно обоснованнымъ, спеціальныхъ изслѣдованій, я приведу, напримѣръ, обширную Авачинскую тундру, которая и

теперь, какъ упомянуто, въ осенніе шторма наводняется моремъ и на которой видны очень хорошо оставленныя моремъ дугообразныя концентрическіе береговые валы. Калахтырская тундра, середина которой занята озеромъ того же имени, имѣющимъ истокъ въ море; тундра Маячная такая же съ чрезвычайно мелкимъ озеромъ; тундра Тарьинская, Ягодная, на этой послѣдней слѣды, оставленные моремъ, еще очевиднѣе. По серединѣ стоятъ еще два камня, на нижнихъ частяхъ которыхъ хорошо замѣтно дѣйствіе волнъ. Береговые валы также весьма ясны и многіе др.

Пройдя еще небольшую грядку березника вышли на Амчигачевскую тундру съ рѣчкой того же наименаванія. Амчигачева—это тундровая небольшая рѣчка еще меньше, чѣмъ Начилова, и съ такой же темной болотной водой, какъ въ послѣдней. Въ руслѣ обѣихъ названныхъ рѣчекъ галька, по виду куски какихъ-нибудь глинистыхъ сланцевъ. Тундра Амчигачевская—„мокренькая", несмотря на сухое время года. На этой—не видно шикши (*Empetrum nigrum*), по зато очень много кукушкина льна и клюквы, спѣлыя и крупныя ягоды которой хорошо видны съ лошади среди зелени мха, благодаря своему цвѣту. Въ 12 h. 30 m. p. остановились въ близи также тундровой рѣчки „Красной", впадающей, по словамъ тѣхъ же проводниковъ, въ рѣчку Митагу, изливающуюся своимъ собственнымъ устьемъ въ море на половинѣ разстоянія между Большерѣцкомъ и Уткой.—Въ 2 h. 30 m. p. отправились дальше.—Пересѣкши березникъ (островокъ), опять вышли на тундру. По номенклатурѣ Большерѣцкихъ жителей тундра эта, въ которой лошади вязнутъ по колѣно, не знаю, къ какимъ должна быть отнесена, думаю однако, что еще не къ совершенно мокрымъ, а къ „такъ себѣ". — Тундры—все шире и шире.—Березняки—все рѣже и рѣже.

Иной разъ уже видишь на горизонтѣ, какъ тундра сливается съ небомъ. Жители, видимо, не могутъ сказать увѣ-

ренно, куда и которая изъ тундровыхъ многочисленныхъ рѣчекъ впадаетъ.

Такъ относительно упомянутой Красной говорятъ, что она впадаетъ или въ Митагу, или же вмѣстѣ съ Амчигачевой въ Большую у устья послѣдней.—Въ 3 h. 50 m. p. переѣхали рѣчку Митагу, почти въ ея вершинѣ, находящейся среди обширной болотной, т.-е. топкой тундры. Рѣчка эта, сколько можно видѣть съ лошади, протекаетъ въ сѣдловинѣ тундры, по берегамъ которой растетъ низкорослый кустарниковый кедровникъ. Я говорилъ выше, что тундра имѣетъ столь же рѣзко замѣтные берега, какъ и рѣчка. Разница только въ томъ, что тундра не обнаруживаетъ, какъ рѣчка „теченія". Хотя весною „*тундра плыветъ*", характерное выраженіе камчадаловъ, хорошо знакомыхъ съ этимъ явленіемъ, зависящимъ отъ того, что весною губчатая масса тундры, совершенно напитанная водою отъ таянія снѣга не можетъ принимать воды въ себя болѣе и вотъ невпитанная часть также течетъ по тундрѣ, какъ и въ какой-нибудь рѣчкѣ. — Низкорослый корявый березникъ, выходитъ на окраины тундры.

Одинъ изъ проводниковъ, опытный охотникъ, русскій и Большерѣцкій житель, Николай Селивановъ, сообщаетъ, что упомянутая ранѣе рѣчка Амчигачева имѣетъ очень извилистое по тундрѣ теченіе и что она совершенно окружаетъ вершину Митаги, почему намъ придется вершину Амчигачевой переѣхать еще разъ. — Въ полую воду, продолжаетъ онъ, Амчигачеву нельзя на лошади переѣхать въ ея нижнемъ теченіи, гдѣ переѣхали ее теперь мы, а только въ верхнемъ, слѣдуя березникомъ, виднѣющимся въ вершинѣ Митаги. У мѣста брода черезъ послѣднюю рѣчку виденъ зимній путь, хорошо замѣтный по линіи воткнутыхъ въ тундру высокихъ и тонкихъ палокъ, — вѣхъ, долженствующихъ ѣдущимъ служить указателями направленія. Недалеко отъ рѣчки у опушки березника видна чья-то палатка; возлѣ—на колышкѣ просушиваются торбаса; очевидно, что кто-то изъ Уткинскихъ жи-

телей живетъ здѣсь, бродя днями по тундрамъ и березникамъ, отыскивая „охоты“,—или медвѣдя, или оленей.

Надо сказать, что всѣ эти тундры, имѣющія, какъ выше замѣчено, въ общемъ направленіе съ E на W и отдѣляемыя одна отъ другой грядами островныхъ березниковъ, служатъ мѣстомъ осенняго хода оленей отъ хребтовъ къ морю, а потому и мѣстомъ охоты на оленей.

Какъ извѣстно, дикіе олени Камчатки, водящіеся еще по всему полуострову, спариваются, или, по мѣстному, „порозуютъ“ въ концѣ сентября и въ началѣ октября. Къ этому періоду „порозованья“ олени обыкновенно и идутъ отъ хребтовъ къ морю. Кочеваніе этихъ животныхъ можно объяснить себѣ еще тѣмъ обстоятельствомъ и, можетъ быть, это и есть главная причина кочеванія, что въ хребтахъ, гдѣ олени проводятъ лѣто, по возможности спасаясь отъ тучъ комаровъ въ низменностяхъ, выпадаетъ снѣгъ, закрывающій собою моховища, у моря же въ это время и снѣгу еще нѣтъ, да и комаровъ такъ же. Здѣсь на переѣздѣ можно нерѣдко видѣть группы оленей въ 6—10 штукъ, можно наблюдать и ожесточенную, часто на смерть, борьбу быковъ-соперниковъ, а въ сторонѣ группу оленихъ самокъ—„важенокъ“, робко слѣдящихъ за исходомъ борьбы. Побѣдитель, прогнавъ соперника, возвращается къ своему гарему, состоящему обыкновенно изъ 4—8 важенокъ, и становится ихъ полновластнымъ властелиномъ.

Я не вѣрилъ разсказамъ охотниковъ, пока не убѣдился въ ихъ справедливости лично. Приблизительно въ это же время года мнѣ пришлось проѣзжать здѣсь въ 1897 году. Немного не доѣзжая Митаги, мы замѣтили на опушкѣ одного изъ березовыхъ островковъ табунъ оленей, направлявшихся на небольшую тундрочку между двумя островками. Когда мы доѣхали до березника и привязали лошадей, олени были по серединѣ тундры, спокойно лежали, только одинъ быкъ, очевидно, побѣжденный, печально бродилъ въ

одиночествѣ за версту отъ табуна. Стрѣлять съ мѣста, гдѣ мы стояли, было невозможно изъ-за дальности разстоянія; идти прямо къ табору было бы безполезно, потому что олени тотчасъ же замѣтили бы охотниковъ на чистой тундрѣ и убѣжали; поэтому одинъ изъ двухъ имѣвшихся со мною проводниковъ рѣшилъ къ нимъ подкрасться ползкомъ по тундрѣ (способъ, обыкновенно примѣняемый камчадалами при охотѣ на оленей). Съ ружьемъ въ рукахъ при всякомъ подозрительномъ движеніи каждаго оленя, стараясь какъ можно плотнѣе прижаться къ мокрой тундрѣ и стать незамѣтнымъ въ низкой покрывающей тундру болотной травѣ, подкрадывался охотникъ; тѣмъ не менѣе самки (важенки) его замѣтили и, безпокойно приподнявъ головы, казались готовыми вскочить и убѣжать, но достаточно было выраженнаго самцомъ (быкомъ, порозомъ) недовольства, чтобы онѣ опять остались на мѣстѣ. Камчадалы называютъ это „хорканьемъ". „Хочь бы какъ тебя важенки не примѣтили, хочь и рады бы убѣжать, да боятся: какъ только, значитъ, быкъ *захоркаетъ*, такъ опять и присмирѣютъ: въ строгости, значитъ, онъ ихъ содержитъ! Иди смѣло, только бы тебя быкъ не примѣтилъ, а важенки пущай видятъ—не убѣгутъ, потому, говорю, боятся быка, хорканья одного его и того боятся". Злая пуля заставила остаться на мѣстѣ повелителя. Важенки почти мгновенно скрылись въ березнякѣ, за ними, видно было, понесся побѣжденный, ставшій теперь въ свою очередь властелиномъ ихъ.

Поднявшись, за Митагой, на гряду березника, пошли опять мокрой тундрой.

Отсюда виденъ вдали хребтикъ, стоящій обособленно отъ Западнаго хребта, верстахъ въ 15 отъ селенія выше противъ теченія р. Кихчика, а вправо отъ Кышъ-ёнъ—небольшая конусообразная сопочка Аапча.

Въ 4 h. 35 m. p. переѣхали упомянутую вершинку Амчигачевой.

Все та же мокрая тундра съ островками березника. Въ 4 h. 55 m. p. переѣхали еще одну вершинку той же рѣчки; обѣ текутъ съ W на E. Въ береговыхъ обнаженіяхъ ея нижняго теченія и первой вершинки виденъ пластъ рѣчника. Растительность по тундрѣ та же да нѣсколько кустовъ кедровника. Въ 5 h. 15 m. p. еще одна рѣчка тундровая Тушбакангъ (или Турбакъ); въ этой рѣчкѣ жители селенія Утки промышляютъ осенняго кижуча.

Солнце закатывается. На одной изъ вершинъ Восточнаго хребта, открывшейся изъ-за Западнаго, можно видѣть чудную смѣну освѣщенія (*Alpenglühen*). Такой нѣжный блѣднорозовый цвѣтъ, или, пожалуй вѣрнѣе, малиновый, напоминающій докрасна раскаленный металлъ.

Съ одной стороны безбрежный просторъ тундры съ разсѣянными по ней островками березовыхъ лѣсковъ, а съ другой—зубчатая цѣпь горъ, теперь синѣющихъ вдали, съ вершинами, покрытыми снѣгомъ и ярко окрашенными теперь замирающимъ свѣтомъ лучей заходящаго солнца.

Чудно хорошо, если бы только тундра эта не была такъ мокра, почему и передвиженіе крайне утомительно по своей медленности.

Въ 5 h. 55 m. p. при переѣздѣ черезъ березникъ вдругъ небо опять освѣтилось яркой полосой какого-то красноватаго цвѣта въ NS направленіи. Въ 6 h. 30 m. p. мы добрались, наконецъ, и до селенія Утки. Верстъ за 5 до селенія дорога вела твердымъ грунтомъ, частью березниками, частью чистыми луговыми мѣстами, поросшими высокими зонтичными. Вблизи самаго селенія нагнали двухъ Уткинцевъ, возвращавшихся домой съ добычей въ видѣ одного медвѣдя.

Мѣстность между Большерѣцкомъ и Уткой носитъ общій характеръ волнистой равнины-тундры, покрытой небольшими, какъ бы островками, березниками, имѣющими длинный діаметръ въ WE направленіи. Если бы сдѣлать разрѣзъ пути (фиг. 16) съ обозначеніемъ березниковъ и тундръ въ ихъ относитель-

ныхъ размѣрахъ, мнѣ кажется, совершенно понятнымъ было бы названіе, которое камчадалы даютъ березникамъ — „островковъ“. Въ самомъ дѣлѣ, они являются на обширной равнинѣ тундрѣ возвышенными, сравнительно, островками.

Самое селеніе Утка расположено на лѣвомъ берегу рѣчки того же имени, на чистомъ и сухомъ мѣстѣ, на склонѣ большой (по протяженію) возвышенности, покрытой упомянутыми березниками и луговинами. Всѣхъ домовъ въ селеніи семь, также какъ и въ Начикахъ. И въ этомъ селеніи дома разбросаны безъ всякаго плана, кому гдѣ болѣе казалось мѣсто удобнымъ для стройки. Всѣ дома малы, тѣсны, построены изъ березоваго лѣсу, за которымъ приходится ѣздить отъ селенія довольно далеко. По рѣкѣ хорошаго строевого лѣсу нѣтъ вовсе. Домашняя обстановка крайне убога, и ясно обнаруживаетъ бѣдноту ихъ обитателей. Кроватей нѣтъ ни въ одномъ домѣ, такъ какъ всѣ спятъ на полу.

Я позволю себѣ здѣсь привести нѣсколько строкъ изъ дневника поѣздки въ 97 г. въ началѣ октября. „Грустное, безотрадное впечатлѣніе производитъ и оставляетъ на васъ Уткинское селеніе со своими убогими домишками, въ безпорядкѣ разбросанными по лѣвому берегу рѣки Утки. Жалкія эти хаты, по большей части даже безъ сѣней, неразгороженныя никакими перегородками, представляютъ собою небольшіе квадратные срубы, не-

Фиг. 16. Разрѣзъ отъ Большерѣцка до Утки.

плотно, по неумѣнью, ставленые, покрытые травяной крышей и съ отверстіями для оконъ, затянутыхъ тоже неплотно сшитыми полотнищами изъ рыбьихъ шкурокъ и медвѣжьихъ кишокъ, съ дверями, прикрывающимися неплотно. Очень часто пола въ такомъ помѣщеніи нѣтъ, или, вѣрнѣе, полъ земляной, закрытый сухой травою. Въ такихъ домахъ, до невозможности грязныхъ и тѣсныхъ, влачатъ свое существованіе не только здоровые, но и больные жители. Горе, когда такое селеніе постигается эпидеміей! Больные лежатъ на грязномъ полу, рядомъ съ кучами тутъ же наваленнаго, только что снятаго изъ огородовъ картофеля вмѣстѣ съ землей, на какой-нибудь грязной подстилкѣ, обрывкѣ оленьей шкуры, замѣняющей по всей Камчаткѣ инородцу постель (отчего оленья шкура всюду называется „постелью"), въ грязной, какъ есть одеждѣ, одинаковой днемъ и ночью, зимою и лѣтомъ, прикрытые только какой-нибудь парчёнкой (парченка — это мѣховая одежда изъ оленины, сшитая покроемъ рубахи, но ветхая, на которой шерсть отъ времени вытерта; понятно, что такая „парченка" грѣетъ очень мало) или неважной куклянкой. Мокрота, отхаркиваемая больными, выплевывается тутъ же на полъ, на траву, и, высыхая, распыляется, давая поводъ къ дальнѣйшимъ зараженіямъ. Упомянутыя окна пропускаютъ только полусвѣтъ и, войдя въ такую избу въ зимнее время, не сразу можно разглядѣть, гдѣ и сколько народу находится въ избѣ. Въ такой обстановкѣ окружному врачу приходится оказывать медицинскую помощь. Страшно сказать, въ этомъ селеніи съ 21-го по 24-е сентября 97 г. умерло 14 человѣкъ, гдѣ все населеніе достигаетъ какой-нибудь полсотни! Въ свое время я писалъ о насущной необходимости улучшить медицинскую помощь инородческому населенію Камчатки. Но писанія и на этотъ разъ, какъ и всегда, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Что за дѣло сытымъ и довольнымъ чиновникамъ, получающимъ положенное по штату содержаніе, до того, что населеніе Камчатки во время эпидеміи совершенно безпо-

мощно, что оно за 200-лѣтнее владѣніе Камчаткой не научено ничему хорошему своими покорителями, заплативъ и все еще платя щедрую дань имъ несчетными сорока̀ми соболей, черныхъ и красныхъ лисицъ, морскихъ бобровъ и др. пушнины и получивъ отъ нихъ только сифилисъ. Какое кому дѣло, что это населеніе день и ночь, безпрекословно, везетъ по топямъ, въ дождь и снѣгъ то какого-нибудь начальника, въ лицѣ ли Начальника Округа или его помощника, окружного врача, урядника, или какой-нибудь изъ безчисленныхъ и безтолковыхъ приказовъ;—это, говорятъ, его „натуральная повинность"; какое дѣло до того, что это населеніе, доведенное 200-лѣтнимъ совершенно безконтрольнымъ владычествомъ посылавшихся правителей, вынуждено было забыть родной языкъ, чтобы выучить русскій, но такъ, что нужно долго привыкать къ этой искаженный рѣчи, чтобы что-нибудь понять. А казалось бы, давно слѣдуетъ обратить вниманіе на тяжелое положеніе камчатскихъ инородцевъ. И помочь, хотя бы немного, не все вдругъ, казалось, было бы не трудно при желаніи. Камчадалы—это тѣ же дѣти, но только взрослые; при этомъ, надо сказать, дѣти очень способные отъ природы. Ихъ нужно учить, учить не плетью, какъ дѣлаютъ нѣкоторые мудрые начальники, посылая для обученія въ камчадальское селеніе казака (обучать камчадала ловить рыбу!), а собственнымъ примѣромъ, добрымъ и ласковымъ словомъ и обхожденіемъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что учрежденіе въ Камчаткѣ должности какого-нибудь промысловаго надзора было бы несравненно полезнѣе для камчатскаго населенія, чѣмъ цѣлый штатъ проектируемаго губернаторства, который кромѣ того, что тяжелымъ бременемъ легъ бы на несчастныхъ инородцевъ, никакой бы существенной пользы имъ не принесъ. Я говорилъ выше о томъ, что инородцы ясно сознаютъ преимущества грамотнаго передъ неграмотнымъ, что они поняли также всю безполезность пребыванія своихъ дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ и стараются по селеніямъ откры-

вать свои школы. Имъ нужно въ этомъ помочь. Помочь не присылкою учителей издалека, которые, очутившись въ чуждой для нихъ всѣхъ странѣ, легли бы опять же только бременемъ на инородцевъ, не принеся ожидаемой пользы, и вызвали бы ничѣмъ не оправдываемый расходъ правительству. Нѣтъ, учителей нужно дать изъ этихъ же камчадаловъ, которые явились бы дѣйствительно учителями, которыхъ инородцы, какъ своихъ, не боялись бы, а обращались въ нужныхъ случаяхъ за совѣтомъ. Нужно открыть школу, въ которой бы готовились именно такіе учителя, изъ инородцевъ. Изъ того, какъ они умѣютъ пользоваться тѣми немногими лекарственными растеніями, которыя произрастаютъ на Камчатскомъ полуостровѣ, слѣдуетъ, что они могли бы съ такимъ же успѣхомъ примѣнять, по крайней мѣрѣ, простѣйшія лекарственныя вещества. Инородческія общества согласны содержать въ селеніи на свой счетъ небольшую аптечку простѣйшихъ веществъ на случай оказанія первой помощи. Администраціи не многихъ хлопотъ стоило бы принять выписку этихъ веществъ на себя и разсылку ихъ по селеніямъ, съ печатными или письменными наставленіями врача, какъ и въ какихъ случаяхъ пользоваться ими; устройство такихъ аптечекъ, о чемъ я также неоднократно говорилъ, принесло бы населенію гораздо бо́льшую пользу, чѣмъ круговыя поѣздки врача, не имѣющаго физической возможности взять съ собою достаточнаго количества медикаментовъ на всѣ селенія округа". Но довольно объ Уткинскомъ печальномъ селеніи: надо двигаться дальше.

На слѣдующій день—29-го сентября, получивши на стереотипный вопросъ о благополучіи, что „слава Богу", нонче *запасенія* довольно сдѣлали!", мы отправились въ слѣдующій камчадальскій острожекъ „Кихчикъ". Мой спутникъ нигдѣ медлить не желалъ, а потому въ виду возможнаго случая, что въ Кихчикѣ не нашлось бы для нашего передвиженія лошадей, съ нами шли теперь три лишнихъ лошади и три совер-

шенно лишнихъ человѣка, оторванныхъ однимъ начальническимъ словомъ отъ домовъ, гдѣ нужно въ это время заготовить поскорѣе на недѣлю дровъ да сѣна, да и ѣхать въ лѣсъ на послѣднюю охоту за медвѣдями. Нашъ кортежъ состоитъ изъ трехъ нартъ собакъ, везшихъ нашъ багажъ и изъ пяти лошадей, изъ которыхъ только двѣ были нами заняты, а три остальныхъ шли, какъ сказано, порожнякомъ „на всякій случай". Выѣхали въ 9 h. 30 m. a. Спустившись тутъ же около селенія подъ береговой увалъ, въ обнаженіяхъ котораго нѣсколько выше селенія виденъ пластъ рѣчника, прикрытый не толстымъ пластомъ сѣрожелтой глины, перешли въ бродъ рѣчку Утку и черезъ 1/4 часа, держась ея праваго берега, поросшаго густымъ тальникомъ, подошли къ маленькой рѣчкѣ „Красной", и, перейдя также и ее, вышли на сухую тундру. На ней открылись тѣ же островки березниковъ. За первой небольшой тундрочкой виденъ поднимающійся невысокимъ уваломъ, очевидно древній правый берегъ р. Утки. Растительность проѣзжаемой тундры такая же, какъ и прежнихъ: *Empetrum nigrum*, *Ledum palustre*, *Betula nana*, *Carex*, *Vaccinium* и разные мхи. День обѣщаетъ быть хорошимъ, но тѣмъ не менѣе теплыя рукавицы не мѣшаютъ. Здѣсь по тундрѣ путь идетъ, держась рядомъ съ зимней „дорогой", замѣтной по линіи—упоминавшихся уже ранѣе—вѣхъ-тычекъ. Ѣдемъ, конечно, шагомъ. Лошадямъ итти по тундрѣ трудно, ноги ихъ, надавливая на напитанную водою губчатую тундру,—издаютъ извѣстный звукъ—чвяканья. Въ 10 h. 10 m. a. перешли небольшую рѣчку Шйткошангъ и опять поѣхали тундрой. Отмѣчать дорогою положительно нечего. Видны только все тѣ же островки и вблизи, и вдали, да слышно только чвяканье да расплескиванье тундровой воды подъ копытами лошадей.

Въ 10 h. m. a. поднялись еще на третью большую тундру, пройдя длинную, но не широкую, отъ рѣчки Шйткошангъ. Направленіе, котораго мы теперь держимся, почти N,

очень немного отклоняемся къ W. Эта большая тундра, по счету отъ селенія Утки третья, находится на два невысокихъ увала выше Утки, не считая увальчика — упомянутаго выше древняго берега. На противоположномъ концѣ тундры кого-то видно, но разобрать, лошадь то или олени изъ-за дали невозможно.

Въ 4 h. пріѣхали на тундровую рѣчку безъ особаго названія, „просто логотúна", говорятъ проводники.

Вмѣсто оленей оказались два Кихчинскихъ камчадала, сопровождающихъ одного Тигильскаго казака, ѣдущаго въ Петропавлоскъ съ казенными бумагами. Кратковременная остановка по случаю смѣны Большерѣцкихъ лошадей на Кихчинскихъ.

Пользуюсь этой остановкой, чтобы сказать нѣсколько словъ относительно наблюденнаго теперь явленія и всей его ненормальности и обременительности для населенія. Если спросить, что за особенно важные документы везутъ эти казаки, то узнаешь, что везется какое-нибудь донесеніе такого-же казака-пятидесятника, именуемаго Тигильскимъ Частнымъ Командиромъ или Усть-Камчатскимъ Частнымъ Командиромъ, о томъ, что все обстоитъ благополучно, или что кого-нибудь тамъ-то попортилъ медвѣдь. Почему эти донесенія нельзя отправить, если ихъ такъ нужно отправить тотчасъ же, хотя они и получатся въ городѣ едва черезъ мѣсяцъ, съ тѣми же камчадалами, пересылая отъ селенія до селенія. Почему ихъ долженъ везти казакъ за 900 верстъ, отрываясь и самъ отъ дома на 2 и болѣе мѣсяцевъ, пока онъ вернется обратно, и отрывать отъ дома несчастныхъ камчадаловъ, когда бы они могли отправлять эти „бумаги", какъ, говорю, отъ селенія до селенія съ попутно ѣдущими или идущими. Въ осеннее время — время охоты на оленей, медвѣдей и осенняго соболинаго промысла, каждая лошадь дорога камчадалу, а въ такомъ селеніи, какъ Уткинское, гдѣ всего только три лошади, тѣмъ болѣе. Зачѣмъ же необходимо брать все это въ самое доро-

гое время, когда эту бумагу можно было бы перенести до другого селенія не съ меньшимъ успѣхомъ и не съ меньшей скоростью, если не большей, пѣшкомъ даже.—Однимъ словомъ, предоставить инородцу доставлять эти бумаги, имя которымъ „легіонъ“, своими средствами, и не было бы справедливаго ропоту инородцевъ на полное невниманіе начальства къ ихъ нуждамъ и всѣ нужныя, и ненужныя, чаще, бумаги были бы доставлены своевременно. И опять приходится сказать, что мы сыты и довольны, и намъ нѣтъ дѣла поближе, посерьезнѣе посмотрѣть и вникнуть во внутреннюю жизнь и условія быта инородцевъ.

Скоро пересѣдланы были лошади и мы опять медленно, шагъ за шагомъ, побрели по тундрѣ по направленію къ виднѣющемуся теперь не такъ далеко березнику, до котораго и добрались въ 11 h. 30 m. a. Березникъ не широкій, а за нимъ опять тундра № 4. Пройдя ее, мы остановились ровно въ 12 часовъ на лѣвомъ берегу рѣчки Хомучиной, изливающейся своимъ устьемъ въ море. Вершина этой рѣчки хотя и доходитъ, какъ говорятъ, до подножія хребта, но имѣетъ начало, во всякомъ случаѣ, на тундрѣ. Берега ея покрыты пустыми зарослями тальника, видны сухіе стебли высокаго шаломайника и хвощъ. Спуститься къ рѣчкѣ приходится подъ увалъ, занятый пройденной тундрой,—и на краю котораго растетъ кустарниковый кедровникъ; такъ красиво выглядитъ эта зелень на общемъ свѣтло-желтомъ фонѣ безжизненной теперь тундры! Лошади устали: нужно было дать роздыхъ. Упомянутый тальникъ перемѣшанъ съ ольховникомъ. До этой рѣчки жители Утки считаютъ приблизительно 10 верстъ; а всего до Кихчика 44!!. Въ 1 h. 45 m. p. поѣхали дальше. Перейдя въ бродъ Хомучину, опять побрели по мокрой тундрѣ. Впереди близко виденъ увалъ; поросшій березникомъ. Такимъ образомъ *Хомучина* течетъ въ серединѣ древняго своего русла. По тундрѣ очень много тропъ медвѣдей, пересѣкающихъ тундру во всѣхъ направленіяхъ. Въ 2 h. 10 m. p. пере-

ѣхали рѣчку *Собачью* или по старинному названію „Кжучъ“; Собачьей она называется потому, что здѣсь въ зимнее время обыкновенно ѣдущіе останавливаются, чтобы покормить немного собакъ. Она протекаетъ по мокрой тундрѣ, представляющей какъ бы древнее русло рѣчки, а берега ея образуютъ увалы сажени въ 2 вышиною, идущіе въ направленіи съ E на W. По уваламъ, какъ замѣчено, растетъ березникъ. На правомъ береговомъ увалѣ, по его склонамъ, поросли кедровника. Рѣчка протекаетъ подъ лѣвымъ уваломъ, подмывая его, почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть обнаженія, издали кажется, торфяники. — Берега рѣчки поросли низкими кустами тальника. Въ руслѣ окатанный камешникъ, самаго разнообразнаго состава. По этой рѣчкѣ также поднимается рыба, что доказывается уже тѣмъ, что къ ней съ тундры идутъ очень многіе медвѣжьи слѣды; впадаетъ она въ упомянутую выше Хомучину. Въ 2 h. 30 m. p. поднялись на увалъ, на верху котораго по тропѣ попадаются окатанные камни на самой поверхности, и, пройдя растущій тутъ кедровникъ и рѣдкій березникъ, вышли на „все-таки вотъ порядочную тундрочку“, перейдя до нея еще одну „просто логотину“, которая, впрочемъ, ниже становится также небольшой тундровой рѣчкой, правымъ притокомъ Собачьей или Кжучъ. На днѣ логотины — окница. Красивый видъ: синяя полоса моря съ запада, снѣжные хребты горъ съ востока и, прямо на сѣверъ, замыкаетъ горизонтъ волнистая поверхность тундры.

Далеко-далеко виднѣется впереди эта „все-таки порядочная тундрочка“—волнистой поверхностью убѣгающая къ морю съ полосами чернѣющихъ далѣе березниковъ, а еще далѣе на горизонтѣ — синее море. Хорошо, если бы только не эта мокрая тундра! Вотъ на сѣверо-востокѣ виднѣется снова вышеназванный „Кычъёнъ“ и правильный конусъ сопочки „Аапча“. Въ 3 h. 5 m. p. перешли еще „логотинку“, изливающую свою воду въ рѣчку „Бѣлые Камешки“. Все тоже „все-таки порядочная тундра“.—Порядочная она дѣй-

ствительно, по своей протяженности, но никакъ не по качествамъ для ѣзды по ней! Змѣйкой извивается едва примѣтная тропа-дорога, да длиннымъ исчезающимъ вдали рядомъ виднѣются тычки—вѣхи зимняго „тракта“. Въ 3 h. 40 m. p. пройдена, наконецъ, „порядочная тундра“, Ключикъ, и мы вошли въ березникъ.—Въ 4 h. 10 m. p. еще тундра и по ней рѣчка, въ руслѣ которой видны „бѣлые камешки“, отчего и названіе; посохшій березникъ, мѣсто сухое. Въ 4 h. 20 m. p. спустившись изъ березняка подъ увалъ, перешли еще одну рѣчку—„Косой спускъ“. Увалъ этотъ, опять повторяю, несомнѣнно древній берегъ когда-то существовавшей здѣсь рѣки. Въ обнаженіяхъ увала—глины и галька. На SE виденъ конусъ Опальной сопки. Ровно въ 5 h. p. остановились на ночлегъ на правомъ берегу рѣчки „Маленькой Мухичной“ или „Мухинчика“. Русло галечное. За промежутокъ времени отъ 4 h. 20 m. p. до 5 h. p. прошли еще „просто логотину“.—Я не перечислялъ пройденныя небольшія тундрочки, потому что онѣ были не настолько велики, чтобы заслуживали быть занесенными въ эту лѣтопись, да и недостаточно мокрыми.—Съ правой стороны Мухинчика тянется также увалъ, представляющій здѣсь древній берегъ съ изрѣзанными извилистыми линіями и мысами. По берегамъ—рѣдкій ольховникъ. По склонамъ увала—кедровникъ. Шишекъ не видно. Дальше на W по этому увалу, на которомъ мы и остановились у опушки березника, видно обнаженіе бѣловатаго цвѣта.

Сухое мѣсто, т.-е. луговое, кихчинскіе жители называютъ, какъ и въ Уткѣ—„усхъ“.

30 сентября. Ясное утро. Изморозь. Смотря на долину теченія Мухинчика и на тянущіяся вдоль его береговъ, мѣстами на разстояніи до 50 и болѣе саженъ отъ рѣки, береговыя террасы, опять невольно является мысль о томъ, что рѣчка эта была нѣкогда гораздо больше и что теперешнія террасы суть не что иное, какъ ея древніе берега; и опять

возникаетъ вопросъ объ образованіи этихъ громадныхъ тундровыхъ пространствъ.

Поѣхали лишь въ 9 h. 30 m. a. Сперва переѣзжаемъ гряду березника. Въ 9 h. 55 m. a., пройдя березникъ, вышли на одну изъ многихъ тундръ, пересѣкаемую грядой березника, начинающейся невысокимъ уваломъ. Въ 10 h. 10 m. a. переѣхали текущую подъ уваломъ рѣчку „Мухину“, на днѣ которой галька, а по берегамъ тальникъ. Въ 10 h. 20 m. a., пройдя небольшую мокрую тундрочку, залегающую на правомъ берегу названной рѣчки, выѣхали опять на гряду березника. По склону увала—кедровникъ. Небо совершенно безоблачно.—День для 30/IX довольно теплый. Въ 11 h. 20 m. a., пройдя еще одну мокрую тундру, вышли на твердую почву (сухая тундра-„усхъ“), а въ 11 h. 40 m. a. спустились подъ увалъ, тянущійся по лѣвому берегу рѣки Кихчика, и мокрой тундрой, подъ этимъ уваломъ, стали приближаться къ самому селенію.

На тундрѣ встрѣтили нѣсколько человѣкъ женщинъ и дѣтей Кихчинскаго селенія, занятыхъ сборомъ какой-нибудь ягоды. Селеніе видно съ увала. Здѣсь — по тундрѣ — видны стога сѣна. Съ берега этого увала, несомнѣнно лѣваго древняго берега Кихчика, прекрасно видно теченіе рѣки по зарослямъ ольховаго и таловаго лѣса, одѣвающихъ ея берега. Отсюда до селенія не болѣе 2 верстъ, но и здѣсь благодаря тому обстоятельству, что тундра мокрая, по которой приходится итти до береговыхъ тальниковъ, гдѣ начинается твердая почва, времени требуется на переѣздъ ихъ гораздо больше. Опять медленно шагъ за шагомъ побрели по этой тундрѣ, но, добравшись до торной и твердой тропы по лѣсу лѣваго берега Кихчика, поѣхали рысью и скоро были среди селенія. Жителей не было видно возлѣ домовъ ни одной души, только группы собакъ спокойно лежали тамъ и здѣсь, не обращая ни малѣйшаго вниманія на пріѣзжихъ. Проводникъ указалъ на домъ земской или общественной квартиры, у ко-

тораго мы и остановились ровно въ 12 часовъ дня, у дома, составляющаго собственность старосты этого селенія — Слободчикова, котораго самого не было дома, такъ какъ за нѣсколько дней передъ этимъ онъ уѣхалъ въ хребты на охоту за горными баранами.

Селеніе „Кихчикъ", какъ сказано, расположено по лѣвому берегу рѣки того же имени, въ мѣстности, окруженной мокрыми тундрами, а во время ненастья даже топкими.

Рѣка вверху составляется изъ двухъ вершинъ, соединяющихся вмѣстѣ недалеко отъ упомянутаго хребта „Кышъеонъ", виднаго отъ селенія прямо на E, верстахъ, приблизительно, въ 10 отъ селенія и верстахъ въ 20 (къ западу), по словамъ Кихчинскихъ жителей, отъ Срединнаго хребта. Правая вершина (отъ селенія), $\angle 80^0$ NE, а лѣвая подъ $\angle 120^0$ SE.

Берега Кихчика покрыты невысокимъ тальникомъ, а потому строевой лѣсъ сплавляется сверху или привозится на собакахъ. Повидимому, рѣка отступаетъ все болѣе на востокъ къ селенію, такъ какъ въ берегѣ я замѣтилъ остатки жилья — бревна, также и на поверхности, нависшія надъ водою. Мелкая въ сухое время года, рѣчка эта въ ненастье разливается широко, выступаетъ изъ береговъ и заливаетъ окрестныя тундры, почему жителями держится на противоположномъ берегу ея батъ на тотъ случай, чтобы случайный путникъ могъ во всякое время переѣхать рѣку и попасть въ селеніе. Въ Кихчикѣ имѣется убогая часовня и одиннадцать столь же убогихъ камчадальскихъ домишекъ. Впечатлѣніе, производимое этимъ селеніемъ нисколько не лучше, чѣмъ Утки. Та же непокрытая бѣднота. Дальше.

Между с. Кихчикомъ и Коломъ залегаютъ, мнѣ кажется, самыя большія и самыя топкія тундры изъ всѣхъ западнобережныхъ тундръ.

Чтобы избѣжать ихъ, рѣшили ѣхать сперва къ морю внизъ по рѣкѣ, а затѣмъ по морской кошкѣ. О тундрахъ этихъ я еще скажу нѣсколько словъ потомъ.

Въ 2 h. 50 m. p. выѣхали на батахъ на устье р. Кихчика. Рѣка быстрая, въ берегахъ то и дѣло видны обнаженія торфяниковъ, прикрывающихъ сѣрыя и сѣро-желтыя глины, смѣшанныя ниже съ рѣчникомъ, а ниже еще пластъ чистаго рѣчника, — онъ же и въ руслѣ. Берега поросли таловымъ лѣсомъ,—нѣсколько ветловыхъ деревьевъ.

Правый берегъ мѣстами приярый, лѣвый—низменный.

Много протоковъ, загроможденныхъ отчасти наноснымъ лѣсомъ. Трава по берегамъ потоптана медвѣдями.

Въ 5 h. 30 m. p. остановились на правомъ берегу. На другой день, 1 октября, выѣхали въ 10 h. a.; при устьѣ Кихчика есть довольно большой заливъ, въ который заходятъ нерпы.

Убилъ двѣ, но пока отталкивали батъ, онѣ утонули.

Много оторванныхъ отъ береговъ, вѣроятно, весною льдами, большихъ кусковъ торфа.

Кони были переведены сперва въ бродъ черезъ упомянутый заливъ (устье Кихчика нѣсколько южнѣе перехода лошадей), потомъ черезъ заливъ, на бату, переправились на его лѣвую или морскую сторону.

Морская кошка, отдѣляющая заливъ отъ моря, не широка, думаю, саженъ 50, не болѣе. Составъ ея—наметанные моремъ песокъ и галька. Растительность жалкая; самую видную часть ея составляетъ *Avena maritima*, одинъ видъ изъ толстянковыхъ да изъ сложноцвѣтныхъ.

Очень часто на кошкѣ встрѣчаются поперечныя борозды, направляющіяся отъ моря къ заливу, обязанныя своимъ происхожденіемъ штормамъ, переливающимъ морскую воду черезъ эту кошку въ рѣчной заливъ. Вотъ валяется чисто вымытый китовый позвонокъ. Много выброшеннаго моремъ лѣсу.

По другую, материковую, сторону залива простирается, насколько только можно видѣть вдаль, тундра, ограниченная на горизонтѣ зубчатою цѣпью далекаго Срединнаго хребта Камчатскихъ горъ. Въ обнаженіяхъ залива, также какъ и въ берегахъ рѣки виденъ ровнымъ пластомъ торфъ.

Составъ торфа опредѣлить по внѣшнему виду очень трудно, но, кажется, что въ него входятъ тѣ же растенія, которыя и теперь одѣваютъ собою эту тундру. Нужно упомянуть, что береговой тальникъ Кихчика прекратился версты за двѣ до устья. Съ кошки видна Апачинская сопка, и еще южнѣе ея и дальше виденъ зубчатый хребетъ, даже какъ будто бы два хребта, можетъ быть, Апчанъ и Ипилька. Нашъ путь—прямо на N, чуть замѣтно къ W.

Море шумитъ, и какого то непріятнаго свинцоваго цвѣта.

Волны точно стонутъ, расшибаясь въ бѣлую пѣну о берегъ. Угрюмое, непривѣтливое, холодное и сердитое море! День и ночь шумитъ оно, пѣнится, волнуется и изъ-за чего? Вотъ она вѣчная жизнь! Въ 11 h. а. заливъ, наконецъ, окончился.

По кошкѣ попадаются выброшенныя моремъ рыбы, торфъ и торфъ. Заливъ кончился, но и теперь вблизи кошки по тундрѣ виденъ выкидной лѣсъ и куски торфа. Конечно, лѣсъ могъ быть выкидываемъ штормомъ во всякое время, но какъ попали эти громадной величины куски торфа? Думаю, что онъ могъ бы быть сюда занесенъ только весною издали льдами, или же выворачиваемъ тѣми же льдами тутъ же поблизости изъ береговъ.

Въ 11 h. 10 m. а. мы проѣхали мимо жертвы моря, печальныхъ остатковъ какого-то американскаго судна. Поломанныя и поржавленныя колеса, остатки мачтъ, цѣпи, вотъ все. Проводники говорили, что это судно выброшено сюда лѣтъ двадцать тому назадъ.

Въ 11 h. 17 m. а. опять вышли на „заливъ", но другой уже. Ѣдемъ попрежнему узкой полосой между моремъ и заливомъ, т.-е. „кошкой". За заливомъ видна все-та же тундра.

Въ 11 h. 42 m. а. переѣхали устье рѣчки Утшэлкъ, которая идетъ параллельно кошкѣ упомянутымъ выше заливомъ. Устье ея заметано моремъ. Съ этого мѣста заливомъ тянутся тундровыя озерки непрерывнымъ рядомъ. Такъ что

ѣдемъ опять узкой, болѣе возвышенной частью, кошкой между моремъ и полосой этихъ озерковъ.

Въ 12 h. 15 m. p. опять потянулся заливъ, кончившійся болотомъ, а не рѣкой.

Впереди виденъ еще одинъ заливъ и длинною линіею свѣтлаго цвѣта обнаженія берега рѣчки Укшохъ. Тундра, тундра и тундра...

Та же цѣпь горъ, да глухіе удары волнъ прибоя...

Тихія лужицы воды подернулись ледяной корочкой. Вотъ и заливъ. Въ 12 h. 40 m. p. Холодно; безъ рукавицъ руки мерзнутъ. Небо все заволокло тучами, только еще горы въ свѣту.—Въ 1 h. 40 m. p. ищемъ броду черезъ рѣчку Укшохъ. Мокрая тундра. Выѣхали къ рѣчкѣ, — оказалось слишкомъ глубоко, поэтому пошли лѣвымъ берегомъ вверхъ по ней. Свѣтлыя обнаженія праваго берега — глины. Интересно то, что въ нихъ виденъ также лѣсъ, какъ и по самой поверхности тундры.—Является опять совершенно невольно вопросъ, когда и какими водами отложились здѣсь эти глины съ включенными въ нихъ деревьями, когда образовались и сносились эти пласты рѣчника, прикрытаго глинами? Конечно, для рѣшенія такого вопроса требуются спеціальныя изслѣдованія, но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что въ извѣстный періодъ весь западный берегъ до самыхъ хребтовъ былъ покрытъ водою; прѣсноводный или соленоводный бассейнъ то былъ, это точно такъ же могутъ рѣшить только изслѣдованія ископаемыхъ. Можетъ быть, сплошной ледникъ закрывалъ весь хребетъ Камчатскихъ горъ, изъ котораго только поднимались отдѣльными вершинами гребни да сопки. Можетъ быть, море, отступая, оставляло заливы мелкіе, давшіе начало торфяникамъ. Такими отдѣленными, несомнѣнно отъ моря, бассейнами являются въ настоящее время прибрежныя озера въ бухтахъ, напримѣръ: Раковой—оз. Соленое, Богородское, Кожевинское, Маячное озеро и тундра, озеро въ бухтѣ Вилючинской, Саранной и т. д. Сперва, возможно,

образуется наметываніемъ отмель, м. б. при этомъ большое значеніе имѣютъ подводныя теченія. Мель обращается современемъ въ кошку, и вотъ бассейнъ изолированъ. Сбѣгающими въ него ручейками и рѣчками онъ заполняется; разъ дно бассейна достаточно повысилось, является соотвѣтствующая болотная растительность. Такъ, въ Камчаткѣ, соотвѣтствуя климату переживаемаго періода—хвощи, мхи, и т. п. Годами почва и подпочва утолщаются. Отсюда и залежи торфа. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, такой способъ образованія кажется наиболѣе вѣроятнымъ для нѣкоторыхъ тундръ, напр., около Петропавловска: Калахтырская, Маячная, Ягодная, Паратунская и т. д. — Второй способъ образованія тундры (торфяника), наблюдаемый, напр., какъ о томъ замѣчено было выше, при устьѣ р. Авачи и Паратунки, вблизи устья рѣки Жупановой, состоитъ въ постоянномъ выметываніи и наметываніи моремъ на прибрежную полосу водорослей и др. растительныхъ остатковъ.

Пройдя тундру, въ 2 h. 30 m. p. перешли у березника рѣчку Укшохъ, потомъ еще одну „Половинную", на правомъ (высокомъ) берегу которой и остановились, у опушки березника. Море теперь отъ насъ въ верстахъ 4—6. Слышенъ шумъ его прибоя. Идетъ мелкій холодный дождь. Непріятно.

Въ 4 h. 25 m. p. поѣхали дальше и чрезъ 1 h. 5 m. остановились на лѣвомъ берегу рѣчки Мысовой, у опушки березника, само собой разумѣется, выходящаго на тундру. Вечеромъ пошелъ дождь, который шелъ всю ночь и рано утромъ на слѣдующій день. Холодно. Все небо покрыто тучами. Узкой полосой видно море и также ясно слышенъ грохотъ его волнъ.

Чтобы скоротать текущее медленно при такихъ переѣздахъ по тундрѣ время, каюрщики, особенно старикъ Григорій Трапезниковъ, очень симпатичный, добродушный и словоохотливый камчадалъ, разсказывали разныя исторіи изъ охотничьяго быта.—Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ меня очень за-

интересовалъ разсказъ о „морскомъ медвѣдѣ“, этомъ странномъ животномъ, водящемся будто-бы въ Охотскомъ морѣ и рѣдко выходящемъ на берегъ. Заподозрить неискренность разсказчика нельзя, говорить о томъ, что камчадалы незнакомы съ сѣверными обитателями моря настолько, что не могутъ отличить сивуча (*Phoca leonina*) или нерпу (*Phoca vitulina*) отъ медвѣдя тоже невозможно; поэтому приходится допустить на основаніи только этихъ разсказовъ фактъ существованія въ Охотскомъ морѣ по западному побережью Камчатки какого-то отличнаго отъ другихъ ластоногихъ большого звѣря.—„Да вотъ я тебѣ разскажу случай. Бабы наши, знаешь, изъ Воровскаго селенія, по осени тоже какъ-то возлѣ моря были: ягоды, видишь, тоже собирали. Ну, и не мало ихъ было.—Становье—это у нихъ тоже было, какъ сказываетъ. Не одинъ тоже день живутъ.—Вотъ ночью къ одной женщинѣ на стану-то на этомъ и приходитъ человѣкъ, т.-е. и не человѣкъ-то онъ, ну да какъ тебѣ это по твоему-то сказать, приходитъ къ ней, однимъ словомъ, „мечта“; приходитъ это къ ней „мечта“ и говоритъ: „Уйди ты съ этого мѣста“! Такъ и другой разъ. Она, значитъ, не послушалась и не ушла. А на третій-то разъ ночью медвѣдь этотъ самый и напалъ. Ну, извѣстное дѣло, самъ знаешь, ночное дѣло! Бабы „гольныя“ (т.-е. исключительно) да ребята малыя... Кто куда... Попортилъ тоже много народу тогда.— Послѣ этого, значитъ, мужики пришли и съ собаками, да, вѣдь, и слѣду-то найти даже не могли.—Должно, опять къ себѣ въ море ушелъ“.

За рѣчкой Мысовой идетъ небольшая тундровая же рѣчка Нокочъ, которую приходится переѣзжать, если ѣдутъ, такъ называемой „нижней“ дорогой, т.-е. болѣе близкой къ морю, а когда ѣдутъ „верхней“, то ея не переѣзжаютъ, потому что она остается тогда уже ниже, такъ какъ имѣетъ очень короткое теченіе. Утромъ въ 9 h. 20 m. поѣхали, слѣдуя внизъ по теченію Мысовой, чтобы снова выйти на морскую кошку.

Черезъ полчаса перешли эту рѣчку вблизи кошки; въ рѣчкѣ много „снёнки“, видна также и живая рыба. Отсюда ѣдемъ сухой тундрой, покрытой многочисленными крупными кочками, своимъ видомъ напоминающими муравейники. Кочки эти поросли густо брусничникомъ и шикшовникомъ. Едва въ 10 h 10 m. a. вышли къ заливу, отдѣляющему еще насъ отъ кошки. Еще черезъ полчаса заливъ обошли и мы снова на „кошкѣ“. Рѣчки: Мысовая, Нокочъ и Половинская вливаются всѣ въ одинъ заливъ.—Нокочъ, по словамъ жителей Коловскаго селенія, имѣютъ воду „вредную“: кто выпьетъ изъ него воды, у того „обязательно“ заболѣваетъ горло и всѣ железы горла сильно опухаютъ. Насколько это наблюденіе вѣрно, конечно, неизвѣстно и нуждается въ дальнѣйшей провѣркѣ, но надо замѣтить, что инородцы вообще народъ крайне наблюдательный [1]). Въ упомянутой еще раньше рѣчкѣ Утшэлѣ или Уцшалъ, по словамъ тѣхъ же Коловскихъ жителей, водится очень много раковинъ, содержащихъ въ себѣ жемчугъ.—Огибая упомянутый выше заливъ, чтобы выйти на „кошку“, приходится проѣзжать мимо линіи выкидного лѣса, тянущейся параллельно морскому берегу въ разстояніи отъ него, по крайней мѣрѣ, одной версты. Очевидно, что лѣсъ этотъ занесенъ сюда моремъ въ осенніе штормa. Большія выброшенныя моремъ бревны, годныя для постройки, поставлены въ козлы, какъ на этой тундрѣ, такъ и по самой „кошкѣ“. Видно, что жители пользуются выкиднымъ лѣсомъ. Старикъ Трапезниковъ говоритъ, что видѣнные нами остатки судна принадлежатъ какому-то американскому китобою, что судно это было въ штормъ выброшено на берегъ и пріобрѣтено будто бы бывшимъ камчатскимъ торговцемъ Малованскимъ. На мѣстѣ крушенія былъ построенъ сарай (остатки его и теперь видны были), гдѣ были сложены всѣ вещи; что лѣсъ съ этого судна свозился даже въ Облуковину, напр., Косыгинымъ.

[1]) Въ Коканѣ, какъ извѣстно, вода арыковъ служитъ причиною зобовъ у мѣстныхъ жителей.

По ровной кошкѣ въ 12 h. 10 m. p. мы доѣхали, наконецъ, до послѣдней передъ Коловскимъ селеніемъ значительной рѣчки—Нѣмтика, который и перешли вблизи его устья вбродъ. Рѣчка эта беретъ свое начало въ Западномъ Срединномъ хребтѣ, почти сходясь своими вершинами съ другимъ Нѣмтикомъ, составляющимъ правый притокъ знакомой теперь р. Быстрой, впадая въ нее немного ниже селенія Ганальскаго. Берега Нѣмтика совершенно безлѣсные здѣсь, вблизи моря, выше покрыты большимъ ветловымъ, тополевымъ и ольховымъ лѣсомъ. Среди этого лѣса мнѣ пришлось осенью въ 94 году провести изъ-за ненастья два дня. Вслѣдствіе шедшихъ передъ тѣмъ дождей вода значительно прибывала, такъ что лошади едва не вплавь были переведены на ея лѣвый берегъ (я ѣхалъ тогда изъ Кола въ Кихчикъ). „Шелъ дождь, и еще днемъ я и проводники мои должны были искать убѣжища въ палаткѣ. Всю ночь опять шелъ дождь и шумѣлъ ненастливый SSW вѣтеръ (Курильскій), не переставалъ и утромъ на другой день. Рѣка болѣе и болѣе прибываетъ; берегъ, на которомъ у насъ поставлена палатка, низкій, и казалось, еще немного и мы будемъ плавать въ палаткѣ. 24 сентября 94 г. 2 ч. дня. Все то же сѣрое небо; нѣтъ ни единаго голубого пятнышка на немъ, нѣтъ намека на улучшеніе погоды: все затянуто однообразной сѣрой пеленой. Точно изъ мелкаго-мелкаго сита идетъ и идетъ дождь; какъ мелкая дробь сыплется и стучитъ въ крышу намокшей палатки; порою сильнѣе застучитъ онъ — наносимый порывами южнаго вѣтра; посыплются тяжелыя, крупныя капли съ пожелтѣвшихъ листьевъ и вѣтвей высокихъ ветелъ, полетятъ, закружатся въ воздухѣ сорванные вѣтромъ поблекшіе листья, прошумитъ-пробѣжитъ по лѣсу такой порывъ вѣтра, и снова на минуту все стихнетъ. — Потемнѣла и полегла высокая трава; точно грязныя тряпки висятъ на почернѣвшихъ высокихъ (до 9 ф.) стебляхъ шаломайника (*Spiraea Kamtschatica* Ditmar) красивые раньше лапы —

листы его, теперь побурѣвшіе и свернувшіеся отъ хватившаго ихъ холода.—Сильно прибываетъ вода въ рѣкѣ; съ какимъ-то печальнымъ крикомъ рѣютъ надъ водой суетливыя чайки, зорко высматривая въ быстринѣ свою добычу.—Какъ бы нехотя потрескиваютъ дрова въ кострѣ, разведенномъ съ большимъ трудомъ, дрова также давно намокшіе и дающіе больше дыму, чѣмъ огня.—Вылѣзешь изъ палатки на минутку, посмотришь на безотрадную картину осенней Камчатской непогоды, посмотришь на сложенныя подъ батомъ вещи, не въ водѣ ли уже онѣ, да и опять поскорѣе ползешь въ ту же мокрую палатку и ляжешь тамъ на сырые еще больше намокшіе отъ влажной почвы конскіе потники постели. — Отъ нечего дѣлать грѣется постоянно на огнѣ чайникъ; попьешь чайку съ намокшими сухарями, съѣшь кусокъ юколы и опять находишься въ томительномъ выжиданіи лучшей погоды. — Люблю я Камчатку и съ ея снѣжными хребтами, и съ ея топкими тундрами, но скверно все-таки, когда васъ застигнетъ въ лѣсу такая погода; недаромъ даже сами камчадалы звѣроловы и лѣсовики, привыкшіе къ такимъ непогодамъ, лучше предпочитаютъ сидѣть въ палаткѣ день—два и болѣе, чѣмъ проѣхать нѣсколько часовъ: намокаешь самъ, промокаютъ всѣ вещи, и трудно лошадямъ итти по намокшей тундрѣ. Точно губка, она впитываетъ въ себя всю массу дождевой влаги, и лошади буквально тонутъ въ вязкой тундровой грязи".

Мокрыя въ сухое время года тундры, залегающія между сс. Коломъ и Кихчикомъ, становятся топкими и во многихъ мѣстахъ непроходимыми по „тракту" въ ненастье, и тогда обыкновенно проѣзжаютъ т. наз. „верхней" дорогой, обходящей всѣ тундры и рѣчки ближе къ хребтамъ. Особенно у меня въ памяти остался переходъ черезъ не широкую тундрочку, не болѣе одной версты шириной, верстахъ въ 5—6 передъ Кихчикомъ.

На прохожденіе этой версты потребовалось часа два вре-

мени. Сперва шло все хорошо, т.-е. лошади вязли, конечно, но въ мѣру. Но вотъ скоро пришлось спуститься съ лошади въ жидкую и вязкую грязную массу тундры, такъ какъ лошади уходили въ нее глубже колѣнъ. Еще немного дальше пришлось идти мѣстами по водѣ (окница), ступая на вязкое тинистое дно ихъ и увязая въ немъ выше колѣнъ. Такое путешествіе при холодномъ сѣверномъ вѣтрѣ въ водѣ, мокрому, усугубляемое еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что приходится поправлять то и дѣло сваливающіеся на стороны вьюки, такъ какъ лошади, утомленныя ходьбой по этой трясинѣ, падаютъ на бокъ и грузнутъ въ жидкой тундрѣ, подпруги рвутся,—такое путешествіе очень непріятно въ позднее время года, когда всегда можно ожидать, что вотъ-вотъ пойдетъ снѣгъ и весь обледенѣешь, не дойдя до спасительнаго березника. — Зато, какъ радъ, когда такое болото пройдено и доберешься до какого-нибудь, хотя бы самаго маленькаго, островка-березника! Быстро разводится огонь, быстро ставится палатка, и, пока варится чай, всѣ заняты сушкой перемокшей на васъ одежды. Что за важность, что сидишь теперь у костра босикомъ, такъ какъ торбаса, а иногда и болѣе существенная принадлежность костюма, развѣшиваются для просушки. Холода не чувствуешь, и всѣ испытанныя непріятности перехода черезъ трясину забыты и вызываютъ только веселыя замѣчанія.

Если бы меня спросили, нѣтъ ли иной дороги, кромѣ этихъ трясинъ, то я сказалъ бы, что есть. Во-первыхъ, можно ѣхать по морской „кошкѣ"; во-вторыхъ, объѣзжая тундры и рѣчки въ ихъ вершинкахъ. Что касается до дороги „по морской кошкѣ", то, несмотря на ея болѣе короткое протяженіе и безусловно твердую почву, все же ее нельзя предлагать камчадаламъ этихъ селеній для обязательной ѣзды именно по ней, и вотъ почему: всѣ упомянутыя раньше рѣчки, тундровыя и хребтовыя, какъ Нѣмтикъ, изливаются или самостоятельно, или черезъ посредство

общихъ для нѣсколькихъ рѣчекъ заливовъ въ море. Глубина устьевъ и самое ихъ мѣстоположеніе очень часто измѣняется, что̀ зависитъ отъ штормовъ, которые заметываютъ очень часто устья рѣчекъ, и вода, постепенно накапливающаяся въ заливѣ, наконецъ, продѣлываетъ себѣ новый выходъ въ море въ мѣстѣ наименьшаго, конечно, сопротивленія. Это обстоятельство препятствуетъ поддерживанію постояннаго сообщенія „кошкой", такъ какъ благодаря измѣненію устьевъ рѣкъ невозможно бываетъ держать въ мѣстахъ переѣздовъ черезъ нихъ баты, безъ которыхъ, само собой понятно, обойтись на глубокихъ мѣстахъ нельзя. Кромѣ того, благодаря тому обстоятельству, что „кошка" представляетъ собою лишь только весьма невысокую надъ моремъ полосу земли, во время сильнаго шторма ѣзда по ней становится невозможной, такъ какъ вода непосредственно перекатывается изъ моря черезъ „кошку" въ заливы,—очевиднымъ и несомнѣннымъ доказательствомъ чего служатъ упоминавшійся ранѣе выкидной лѣсъ, встрѣчающійся не только въ изобиліи на самыхъ возвышенныхъ частяхъ кошки, но и далеко по тундрамъ. Почему не провести „тракта" выше, въ обходъ этихъ тундръ и рѣчекъ, не знаю, тѣмъ болѣе что, какъ сказано, послѣ ненастья, когда тундра превращается въ засасывающую топь, и рѣчки представляютъ непреодолимыя препятствія,—все равно, ѣдутъ этой „верхней" дорогой. Правда, это много увеличиваетъ путь, но зато избавляетъ отъ возможности заночевать гдѣ-нибудь на тундрѣ въ грязи и въ водѣ, потерять лошадь и багажъ, или, по меньшей мѣрѣ, все перепортить.—Хорошо совершать эти переходы по топямъ здоровому человѣку, но что дѣлать, если случится ѣхать больному? Часто положительно съ замираніемъ сердца сидишь на конѣ, смотря на лужицы воды на тундрѣ, подернутыя тонкой корочкой льда, смотря, какъ все болѣе и болѣе тундра становится къ срединѣ жиже, какъ глубже вязнутъ въ нее ноги идущей впереди лошади. Но вотъ лошадь провали-

вается въ жижу по брюхо и всадникъ принужденъ идти по колѣно въ грязи, подтягивая за собою съ трудомъ переступающую лошадь. Вотъ и еще увязла одна лошадь. Увы, приходится слѣзать и самому и брести по холодной водѣ.

Одна изъ такихъ топкихъ тундръ и на правомъ берегу устья Нѣмтика, куда мы теперь выѣхали. И немудрено, что лошадь вязнетъ по брюхо и можетъ увязнуть по уши, когда пластъ торфа, видный теперь въ береговомъ обнаженіи достигаетъ толщины четырехъ аршинъ. Видны по берегамъ массивные куски торфа, то же и по тундрѣ. Вѣроятно, это—вывороченный и оставленный всюду весенними льдами.

Сплывая на бату отъ мѣста брода внизъ по теченію Нѣмтика къ „кошкѣ", можно видѣть въ одномъ мѣстѣ возлѣ праваго берега, какъ выходитъ очень сильно откуда-то снизу изъ-подъ воды какой-то газъ, отчего кажется, что вода, какъ говорятъ проводники, „точно въ котлѣ кипитъ". Неподалеку отъ этого мѣста видна такъ же стекающая изъ подъ пласта торфа бѣлая, какъ сметана, глина. Глину эту жители употребляютъ внутрь, говоря, что она вообще „пользительная".

Можетъ быть, Крашенинниковъ, упоминая въ своемъ описаніи Камчатки поѣданіе глины камчадалами, видѣлъ или слышалъ объ этомъ также отъ Коловскихъ камчадаловъ.

Нѣмтикъ образуетъ у моря, также, какъ и другія до сихъ поръ пройденныя рѣчки, заливъ, длиною до 3 верстъ. Видно, какъ волны, не утихнувшія еще послѣ шторма, перекатываются черезъ низкую кошку самаго устья Нѣмтика. У входа въ рѣку стадо нерпъ, любопытно приподнимающихся изъ воды и черезъ нѣсколько секундъ быстро скрывающихся опять. Вблизи самаго берега медленно, точно не хотя, двигается громадная туша кита, видимо трущагося ластами о берегъ, чтобы счистить обрастающія его раковины — *Balanus*. Я все думалъ, что онъ сядетъ на мель, да нѣтъ, китъ благополучно ушелъ. За заливомъ Нѣмтика потянулся параллельно кошкѣ опять рядъ озеръ, озерковъ и болотъ, вытянувшихся длин-

ною линіею. Мѣсто—мокрая тундра.—Проѣхавши по кошкѣ еще немного, отвернулись опять на тундру прямо на E, въ виду тальника Коловской рѣки. Пошли параллельно этому тальнику. Прошли еще двѣ небольшихъ рѣчки: „Кжмичъ“ и „Кодомочъ“ и по глубокой подушкѣ, вырытой весенними водами, спустились въ сумеркахъ уже въ прибрежный тальникъ, и, пройдя имъ еще, приблизительно, одну версту, очутились, наконецъ, передъ самымъ домомъ старосты Коловскаго селенія, отъ котораго до Кихчика жителями считается 50 верстъ, а по таблицѣ, имѣющейся въ селеніи и неизвѣстно кѣмъ составленной, но подписанной губернаторомъ Завойко—только 40 верстъ.

Во всякомъ случаѣ это разстояніе нами было пройдено, не считая остановокъ, въ 15 часовъ; если считать по 3 версты, то и то получится совершенный нами путь=45 верстъ. Колъ или Коловское селеніе въ 1894 году находилось на лѣвомъ низменномъ и тундровомъ берегу рѣки Кола, каждую весну затапливаемомъ разливомъ. Въ виду большого неудобства для жителей, обусловливаемаго ежегодными наводненіями, съ 1896 г. жителямъ было, наконецъ, разрѣшено перенести селеніе въ другое болѣе пригодное для населенія мѣсто. Избранное мѣсто, куда къ веснѣ 1897 года были перенесены всѣ дома прежняго острожка, находится также на лѣвомъ берегу Кола, но въ разстояніи отъ матерой рѣки приблизительно на одну версту, среди густого прирѣчнаго тальника. И здѣсь опять, въ этомъ, такъ сказать, новомъ острожкѣ, дома, какъ во всѣхъ остальныхъ, поставлены безъ всякаго плана. Видимо, всякъ ставилъ тамъ, гдѣ находилъ для себя почему-либо болѣе удобнымъ.

Мѣсто подъ селеніе не расчищено, почему видишь, подъѣзжая, только одинъ-два домика въ лѣсу, и кажется поэтому издали, что это не селеніе, а какая-то кому-то и для чего-то понадобившаяся здѣсь лѣсная сторожка. Дома разбросаны далеко одинъ отъ другого, и всѣ среди упомянутаго

тальника. Всѣхъ жителей около 60 человѣкъ; нечего говорить, что всѣ они такіе же камчадалы, какъ и въ оставшемся на югѣ Кихчикѣ, что несмотря на это всѣ они, какъ о томъ говорилось въ началѣ, не только съ пріѣзжающими случайными посѣтителями ихъ селенія, но и между собою говорятъ на томъ же ломаномъ русскомъ языкѣ, погрѣшая противъ согласованія и окончаній, который тѣмъ не менѣе почему-то даже и администраціей считается за особый „камчадальскій“ языкъ.—Мой спутникъ, отогрѣвшись въ теплой избѣ старосты, предлагаетъ опять твердо заученный вопросъ „какъ рыба?“ и получаетъ столько же опредѣленный отвѣтъ, выработанный годами во избѣжаніе всякихъ дальнѣйшихъ вопросовъ со стороны начальства, столь же безполезныхъ въ смыслѣ улучшенія инородческаго быта, какъ и первый — „рыбы запасли довольно“. Нужно слишкомъ хорошо знать бытъ камчадала, знать его духовную сторону, чтобы замѣтить въ этомъ отвѣтѣ явную, но горькую насмѣшку надъ предлагающимъ этотъ избитый вопросъ. „Ты не первый проѣзжаешь черезъ наше селеніе и не первый предлагаешь этотъ ничего невыражающій вопросъ“. „Всякій начальникъ: и ты, и твой казакъ, и попъ (и докторъ иной) спрашиваютъ всякій разъ о томъ же. Зачѣмъ это? Скажешь тебѣ, что „довольно“ наловили, и ты, и всякій изъ васъ начальниковъ сейчасъ же ѣдетъ дальше, вовсе не справляясь, какъ наловили, когда, чѣмъ; ни ты и никто другой не остановится здѣсь, чтобы научить насъ, какъ лучше сохранять рыбу, какъ удобнѣе и выгоднѣе ловить ее; если отвѣтимъ, что плохо, и ты, и другой, и третій только выругается лишній разъ, по русскому обычаю, хорошо что не побьетъ еще, и обвинитъ насъ въ лѣни и опять сейчасъ же ѣдетъ дальше, но не научитъ, чѣмъ замѣниться при неудачѣ лова рыбы или какъ избѣжать этого несчастія. Лучше не спрашивай о томъ, что для тебя совершенно безразлично, а запиши у себя въ книжкѣ и донеси по начальству, что „все обстоитъ благо-

получно" и поѣзжай въ слѣдующее селеніе. Мы знаемъ, что ты начальникъ, признаемъ тебя, какъ начальника нашего, боимся болѣе, чѣмъ нечаянно встрѣченнаго въ ночное время медвѣдя, готовы тебѣ всѣмъ служить, только оставь насъ въ покоѣ, не заушай, не затрогивай больныхъ вопросовъ о нашемъ дальнѣйшемъ существованіи, для тебя безразличныхъ, которыхъ ты не разрѣшишь, да и не задаешься цѣлью ихъ разрѣшать, или даже выяснить".

Вотъ что слышится въ отвѣтѣ и что выражаетъ просительное выраженіе лица каждаго камчадала.—Въ этомъ селеніи мы должны были переночевать. Пользуясь этой остановкой, я при осмотрѣ селенія нашелъ въ немъ пять сифилитиковъ. Относительно распространенія сифилиса по Камчаткѣ, среди публики, незнакомой вообще со страной, ходятъ самые невѣрные слухи, распространяемые иными кратковременными посѣтителями Петропавловска. На чемъ основаны эти слухи, я не знаю. Но долженъ сказать, что разсказы о чуть ли не поголовномъ зараженіи сифилисомъ всего населенія—совершенно не вѣрны. Помочь имѣющимся по селеніямъ больнымъ, даже болѣе точно зарегистрировать ихъ врачу при его случайныхъ поѣздкахъ въ округъ совершенно невозможно. Останавливаясь на этомъ вопросѣ помощи населенію въ медицинскомъ отношеніи, приходится сказать о неотложной необходимости устройства больницы, хотя-бы только въ г. Петропавловскѣ, если ужъ помириться съ мыслію, что лечебницъ въ такихъ большихъ селеніяхъ какъ Тигиль, Ключевское, лежащихъ центральнѣе къ остальнымъ населеннымъ пунктамъ Полуострова не представляется возможнымъ. Необходимо снабдить всѣ селенія простѣйшими средствами съ толковымъ наставленіемъ къ пользованію ими, о чомъ уже я говорилъ раньше. Но довольно вопіять въ пустынѣ. Чѣмъ дольше живешь на свѣтѣ, тѣмъ больше, приглядываясь къ современнымъ дѣятелямъ, убѣждаешься въ томъ, что русскій чиновникъ еще нескоро отрѣшится отъ воспитаннаго въ

немъ взгляда, что онъ существуетъ на всякомъ мѣстѣ и во всякое время только для того, чтобы 20-го числа получать опредѣленное по штату содержаніе и выпускать возможно большее число №№ бумагъ. Имѣютъ ли смыслъ какой-нибудь выпускаемыя бумаги, это „дѣятеля“ не касается; иной даже, какъ не удивительно, сознается въ безполезности многихъ выходящихъ изъ-подъ его пера №№. Я позволю себѣ указать на разительный результатъ бумажнаго дѣла,—Камчатка находится подъ скипетромъ Россіи болѣе 200 лѣтъ. Сначала владѣнія ею всѣми—посылавшимися туда воеводами, майорами и, кончая современными намъ, начальниками округовъ писались и пишутся №№. Не одна стопа исписана и не одна бочка чернилъ издержана, а что пользы для населенія мѣстнаго и для Россіи?—Ежегодно тратится на содержаніе Управленія извѣстная сумма; населеніе боится болѣе, чѣмъ медвѣдей, каждое лицо этого Управленія; населеніе забыло и забываетъ свой языкъ, не усвоивши себѣ иного; населенія ознакомилось съ сифилисомъ, съ пьянствомъ. Чему мы научили на потраченныя на Камчатку деньги—неселеніе? Ничему, рѣшительно ничему. Мимо, дальше—въ другое селеніе.

Въ виду того, что такія же мокрыя тундры, мѣстами топкія залегаютъ и между сс. Коловскимъ и слѣдующимъ Воровскимъ, отсюда рѣшили ѣхать по морской кошкѣ. Для этого нужно было сплыть сперва внизъ по теченію Кола, имѣющаго вершину въ Хребтахъ, близко подходящую къ вершинѣ рѣчки Лумтэскъ, впадающей съ правой стороны въ р. Быструю. — Добравшись до кошки, сѣли на лошадей и такой же узкой полосой земли между моремъ и безконечнымъ рядомъ озерковъ, заливовъ и болотъ, поѣхали. Дойдя до того мѣста, гдѣ находятся устья рѣкъ, сливающихся, въ одномъ общемъ заливѣ, „Соможна Кынтова“ мы переѣхали черезъ нихъ на батахъ, содержащихся здѣсь жителями Кола и по тундрѣ вышли на довольно высокій увалъ, густо поросшій шикшовникомъ, брусничникомъ и березовымъ довольно круп-

нымъ лѣсомъ, гдѣ за наступившими сумерками остановились на ночь.

4 октября. Далеко съ этого увала видна во всѣ стороны раскинувшаяся слегка волнистой поверхностью мокрая, мѣстами кочковатая, тундра. Видна узкая полоска моря и слышенъ глухой шумъ его прибоя, верстъ за 8 — 10. На горизонтѣ съ одной стороны, гряда березника, съ другой, позолоченная восходящимъ солнцемъ цѣпь горъ. Видъ роскошный. Снѣжныя вершины горятъ, точно облитыя золотомъ, а ниже еще темнѣютъ въ утреннемъ полумракѣ ихъ подножія. Почти по серединѣ тундры, ближе къ упомянутому увалу, тянется змѣйкой линія тальника, растущаго и закрывающаго собой теченіе Соможной. Тальникъ этотъ не доходитъ по берегамъ ея до моря, оканчиваясь отъ него верстахъ въ 4—рѣдкими кустами.

Перечислять всѣ проѣзжаемыя тундры и березники положительно надоѣдаетъ, да и не представляетъ особаго интереса знать, десять или пятнадцать по числу тундръ приходится прошагать. Довольно сказать, что все это пространство до Воровскаго селенія представляетъ собою одну обширную тундру, мѣстами топкую, мѣстами болѣе сухую, пересѣкаемую грядами островныхъ березниковъ, сбѣгающихъ какъ бы мысами къ сторонѣ моря. И жителями эти окончанія грядъ, покрытыхъ наверху березовымъ лѣсомъ, такъ и называются по ихъ сходству „мысами“.

Проѣзжаемъ именно этими мысами, придерживаясь опушекъ березниковъ. Отъ этихъ мысовъ до моря еще версты три, и все это пространство занято ровною совершенно тундрою. Между грядами этими протекаютъ нѣсколько рѣчекъ или просто „рытвинъ“. Изъ рѣчекъ слѣдуетъ назвать, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ, какъ болѣе значительныхъ—Тажмаачъ поросшую тальникомъ. Она протекаетъ на половинѣ разстояній между селеніями; по правому ея берегу тянется довольно высокій увалъ. Часахъ въ двухъ пути отъ послѣд-

ней находится рѣчка Анпожа, потомъ рѣчка Шхóача, замѣчательная своимъ совершенно желтымъ цвѣтомъ воды, вѣроятно отъ ржавчины. Правой приярый берегъ Анножа въ обнаженіяхъ (до 50′) обнаруживаетъ пласты глинъ, но торфа не видно вовсе. У берега ея виденъ былъ снесенный водою и попорченный рыбный запоръ. Изъ этого уже видно, какъ сравнительно, далеко отъ своихъ селеній должны уходить камчадалы для промысла рыбы. Кстати сказать, что названіе упомянутой выше рѣчки Соможной, вѣроятно, происходитъ отъ *семги*, рыбы въ изобиліи заходящей въ эту тундровую рѣку. За рѣчкой Шхоача протекаетъ Удуу, имѣющая устье общее съ р. Воровской, на берегу которой и находится селеніе того же имени. Берега Удуу на довольно широкое пространство поросли таловымъ, ольховымъ и частью, ветловымъ лѣсомъ. Въ мѣстѣ переправы черезъ эту рѣчку держатся жителями Воровского селенія баты. Отъ Удуу до селенія считается жителями около 12 верстъ; послѣднія 6—8 верстъ путь идетъ твердымъ грунтомъ, только, подъѣзжая къ самымъ тальникамъ Воровской рѣки, приходится проѣхать еще одну маленькую мокрую тундрочку. Въ этомъ переѣздѣ я не упомянулъ еще объ одной рѣчкѣ „Агдаачъ“, представляющей собой только протоку р. Коловской, но которую приходится также переѣзжать не безъ затрудненія, когда она прибудетъ отъ ненастья. Протекаетъ она по мокрой тундрѣ и топкой, и въ мѣстѣ брода поросла также, какъ и р. Колъ— тальникомъ. Относительно пройденныхъ рѣчекъ еще надо сказать, что въ Соможной, по словамъ коловскихъ каюровъ, живутъ какія-то крупныя ракушки, какъ и въ р. Утшэлкъ, о чемъ уже говорено.

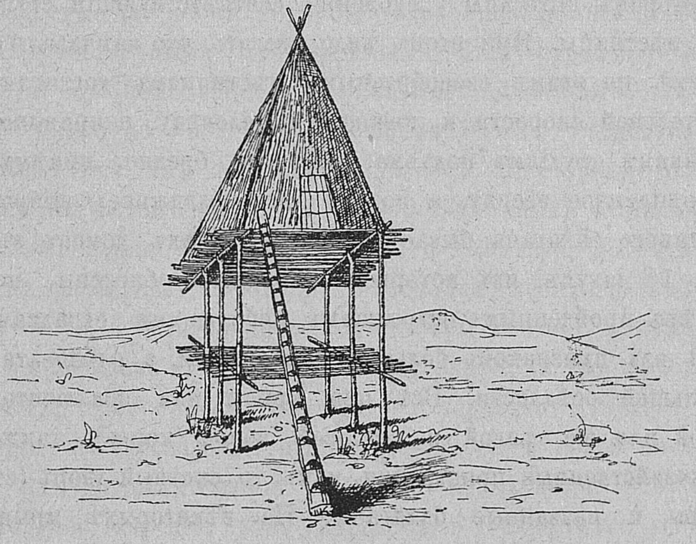
Недоѣзжая версты 3 до селенія, дорога выходитъ на большое луговое пространство, на которомъ жителями Воровского селенія ставится сѣно; и теперь можно видѣть его уже убранное въ стоги. Мелкій тальникъ, пересѣкающій этотъ лугъ, обнаруживаетъ протекающую въ немъ небольшую рѣчку Иткъ,

послѣднюю до селенія, переѣхавъ которую и пройдя черезъ ея береговой тальникъ, намъ открываются и дома селенія.

ГЛАВА IV.

Сел. Воровское и путь до Облуковиной.

Воровской острожекъ расположенъ на большой равнинѣ, сухомъ луговомъ мѣстѣ, на лѣвомъ берегу одноименной рѣки. Можетъ быть, благодаря своему болѣе выгодному мѣстоположенію, селеніе это производитъ на меня и болѣе благопріят-



Фиг. 17. Камчатскій балаганъ.

ное впечатлѣніе, чѣмъ упомянутые передъ нимъ три другихъ камчадальскихъ острожка. Находящемуся въ селеніи невольно прежде всего бросается въ глаза длинный рядъ высокихъ четырегранныхъ пирамидъ, поставленныхъ на нѣсколькихъ столь же высокихъ столбахъ—стойкахъ. Это тянется рядъ

рыбныхъ балагановъ, вдоль самаго берега рѣки. Пирамидальный видъ этихъ балагановъ—очень характеренъ для настоящаго Камчадальскаго острожка (фиг. 17). Устройство балагановъ слишкомъ простое, чтобы здѣсь нужно было еще вдаваться въ подробности его. Довольно сказать, что внутренность пирамиды, крытой обыкновенно, какъ и крыши домовъ, травою, служитъ для храненія тамъ запасовъ юколы, травы и т. п. предметовъ первой необходимости въ домашнемъ обиходѣ камчадала. Въ нижней трети стоекъ устраивается также настилка изъ тонкихъ жердей (корбасинъ), на которой въ лѣтне время пластается рыба передъ ея развѣшиваньемъ и хранятся другіе предметы, какъ нарты, а въ зимнее время года—баты. Подниматься въ эту пирамиду нужно по бревну, на которомъ вытесаны углубленія, соотвѣтствующія ступенькамъ лѣстницы. При этомъ надо сказать, что камчадалы при подъемѣ по этимъ своеобразнымъ лѣстницамъ достигли замѣчательной скорости и ловкости, и человѣку, непривыкшему къ такимъ орудіямъ подъема, какъ это бревно, ничѣмъ ни прикрѣпленное вверху, а потому легкоподвижное, выбраться изъ такого балагана бываетъ нелегко. Всѣхъ домовъ въ селеніи 18 штукъ, изъ которыхъ два даже обнесены, не въ примѣръ пройденнымъ острожкамъ, небольшими оградками—одинъ изъ признаковъ бóльшей домовитости, а слѣдовательно и бóльшей осѣдлости. Всѣ они крыты или исключительно травой или же травой и ветловой корой (корье), также и всѣ хозяйственныя пристройки, какъ то скотный дворъ (стаи), амбары и названные балаганы. На нѣкоторыхъ крышахъ домовъ видны обрубки дуплистыхъ стволовъ деревьевъ, замѣняющихъ собою печную трубу. Надо сказать, что на Камчаткѣ вообще всюду, за исключеніемъ очень немногихъ домовъ въ самомъ Петропавловскѣ, печи складываются жителями изъ самодѣльнаго и необожженнаго кирпича. Само собой понятно, что труба, выведенная изъ такого кирпича, какъ я о томъ уже говорилъ, очень быстро разваливается во

время ненастной погоды въ лѣтнее, особенно, время и требуетъ поэтому частаго ремонта; замѣна верхней части трубы такимъ дупломъ сберегаетъ камчадалу немало времени на другія мелкія, но необходимыя въ хозяйствѣ работы.

Въ оконныхъ рамахъ можно видѣть здѣсь, если не во всѣхъ, то въ нѣкоторыхъ домахъ, стекла, а не одни только полотнища изъ медвѣжьихъ кишекъ и рыбьей кожи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что вообще дома камчадальскихъ острожковъ холодны и угарны, потому что строятся они изъ сырого тополеваго или ветловаго лѣса, съ примѣсью березоваго,—породъ легко пропускающихъ влажность, никогда не проконопачиваются, хотя, если бы кто принялъ на себя заботу поднять по возможности благосостояніе Камчатскихъ инородцевъ на почвѣ хотя бы только пользованія имѣющимися естественными произведеніями этой страны,—можно было бы съ неменьшимъ результатомъ примѣнить для этой цѣли крапивное волокно. За время своихъ странствованій по Камчаткѣ мнѣ пришлось близко и всесторонне ознакомиться съ бытомъ особенно западно-береговыхъ камчадаловъ, и на основаніи всѣхъ наблюденій и свѣдѣній, полученныхъ путемъ разспроса, я убѣдился, насколько несправедливо упомянутое въ началѣ обвиненіе со стороны мѣстной администраціи камчадаловъ въ лѣни. Это голословное, ни на чемъ не основанное, обвиненіе путемъ устной передачи и путемъ канцеляріи, къ сожалѣнію, распространилось и среди большинства изъ интеллигентной публики. Я надѣюсь, что болѣе тщательное изученіе этой народности докажетъ со всей несомнѣнностью ошибочность, и всю неосновательность этого заключенія. Убѣжденный опытнымъ путемъ въ совершенно противномъ, полагаю также, что одно уже то обстоятельство, что наши сѣверные инородцы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь въ силу сложившихся историческихъ условій живутъ въ такой странѣ, какъ Камчатка, гдѣ безъ приложенія личнаго и тяжелаго труда невозможно не только быть одѣтымъ, но и

сытымъ, заставляетъ всякаго вдумывающагося въ роковую силу этого обстоятельства—борьбы съ суровой природой, отрицать лѣнь, какъ характерную особенность этого абсолютно честнаго, весьма способнаго племени. Мнѣ кажется до смѣшного невозможнымъ признать человѣка лѣнивымъ, который занятъ съ ранняго утра и до поздняго вечера тяжелой физической работой, совершенно необходимой для поддержанія своего существованія; работа эта одинаково тяжела, будетъ ли то приготовленіе, постановка и наблюденіе рыбнаго запора, рысканье наравнѣ, и даже болѣе, любой охотничьей собаки за соболемъ, медвѣдемъ, оленемъ,—безъ которыхъ нѣтъ и не можетъ быть у камчадала ни одежды, ни освѣщенія, ни пищи; постановка ли дома или иная другая работа.

Бытовыя условія камчадаловъ представляютъ переходную стадію развитія общественности, приближающуюся къ осѣдлому образу жизни, но заключающую въ себѣ еще такъ много кочевого, что причислить ихъ исключительно къ тѣмъ или другимъ не представляется рѣшительно возможнымъ. Эти условія настолько отличны отъ быта остального населенія Россіи, что и примѣненіе шаблонныхъ формъ управленія этими инородцами является неосновательнымъ. Въ настоящее время начальниками сѣверныхъ округовъ назначаются, какъ и до того, люди совершенно незнакомые съ условіями инородческой жизни; исключеніе составлялъ только Н. Л. Гондатти, явившійся на сѣверъ во всеоружіи имѣющихся о нашихъ сѣверныхъ инородцахъ свѣдѣній; такіе начальники стараются выказать свое усердіе по службѣ только писаніемъ приказовъ.—Написать приказъ и выставить на немъ №,—символъ современнаго чиновника,—легко, но чтобы цѣлью такого приказа было поднятіе и обезпеченіе благосостоянія населенія, для этого требуется нѣчто большее, чѣмъ знаніе веденія журналовъ,—знаніе, именно, *быта и строя экономической жизни управляемаго населенія.* Если разумное управ-

леніе какимъ-нибудь механизмомъ требуетъ полнаго знанія состава и работы отдѣльныхъ частей этого механизма, то тѣмъ болѣе точнаго знанія требуется для управленія такимъ деликатнымъ и необычайно сложнымъ механизмомъ, какимъ представляется общественный организмъ. Чтобы не быть голословнымъ въ своихъ выводахъ по этому предмету, я приведу доказательства. Въ одинъ изъ проѣздовъ моихъ по Камчаткѣ мнѣ пришлось слышать горькую жалобу жителей на свою судьбу: „теперь намъ совсѣмъ хоть помирать!—что будемъ мы дѣлать безъ собакъ?! Самъ знаешь, собачки—для насъ все. Куда мы безъ нихъ дѣнемся? Вотъ пришелъ отъ новаго Начальника приказъ: держать собакъ за двѣ версты отъ селенія. Человѣкъ онъ новый; не знаетъ нашего житья... Какъ это можно за двѣ версты животныхъ держать?! Да ужъ въ такомъ случаѣ легче ихъ совсѣмъ порѣшить: вѣдь ихъ тоже кормить надо, поить надо.—А мѣста-то наши такія, что за двѣ-то версты отъ селенія тоже съ голыми-то руками не вездѣ пойдешь и въ денное время: звѣрь тоже ходитъ, а про ночное ужъ и говорить нечего! Такъ ужъ лучше, чѣмъ собакъ медвѣдь или волкъ задеретъ, мы ихъ сами прикончимъ, да тогда и вовсе конецъ будетъ и собакамъ и намъ безъ нихъ, потому безъ собаки по нашимъ мѣстамъ никакъ нельзя быть! Что намъ дѣлать, какъ быть? А только, сказываемъ исполнить этотъ приказъ значитъ лишиться намъ послѣдняго куска“. Другой случай показываетъ, насколько этотъ народъ дѣтски простодушенъ и дѣтски отзывчивъ на обращеніе съ нимъ. Въ одномъ изъ далекихъ селеній я, спросивъ между прочимъ о томъ, много ли вообще бываетъ черныхъ лисицъ и много ли ихъ ловится, услышалъ такой разсказъ: „бываютъ тоже и черныя... Только ловить-то ихъ мы уже рѣшили не ловить; пускай лучше на волѣ бѣгаютъ: ну, ихъ совсѣмъ, —съ ними только бѣду себѣ наживешь, а добра-то нѣту. Вотъ послушай этого старичка нашего, какъ онъ лисицу добылъ. Давно это онъ лисичёнку примѣтилъ. Лѣтъ-то ему шибко много,—онъ, видишь, и отъ

каюрства давно освобожденъ, да и отъ ясаку тоже. Ну, а пока сила-то еще въ ногахъ есть, все въ лѣсъ тянетъ! Природа, значитъ, наша такая! Запримѣтилъ это онъ лисичёнку и капканъ поставилъ. Ходилъ, ходилъ нашъ старичекъ и скараулилъ-таки лисичёнку. Чья-же она по-твоему будетъ? Сказываемъ тебѣ, что онъ отъ ясаку давно освобожденъ, потому всѣ ему лѣта вышли. Народъ-то мы темный, грамотѣ не обучены и думали-это по простотѣ, что его лисица, потому онъ и отъ каюрства тоже свободенъ. Онъ-то по-своему, по-стариковски, то же полагалъ, что его лисица, потому какъ онъ и ясакъ не платитъ и каюрство не отбываетъ... возьми, да и продай свою добычу торгующему, кажись, за 150 рублей.—Ну, тоже тамъ то—другое по домашности нужно; взялъ это старина у купца товару да лошадь—добрая лошадь, здоровая, т.-е., не хромая, однимъ словомъ—добрая. Селеніе наше, видишь, далеко... откуда намъ что̀ знать... Ну, вотъ такъ живи да поживи, живи да поживи, и старичекъ тоже: то съ капканчикомъ, то по дому что мастеритъ. То-же все самому надо изладить. Жалованье-то наше по лѣсу бѣгаетъ, нанимать-то другихъ для себя не на что,—всякъ про себя заботится. Только, вотъ-тебѣ, пріѣзжаетъ казакъ... Что такое? Какая напасть на насъ? Зачѣмъ это „начальство“ наѣхало?.. Выходитъ, что старика-то велѣно предоставить къ командиру... Испугался старикъ. Много перевидѣлъ онъ страстей на своемъ вѣку, а такой не приводилось... Попрощался это онъ съ нами... и повезли его, сердечнаго, отъ насъ... Пріѣзжаетъ это онъ къ командиру. Тотъ на него: какъ ты безъ докладу лисицу продалъ?! А?! Такой-эдакой! Въ холодную! И что ты думаешь? Старика-то заперли въ холодную (да и время-то холодное—зимнее) да еще и казака къ нему съ ружьемъ приставили, чтобы, надо полагать, не убѣжалъ! А куда ужъ онъ убѣжитъ; у него и ноги-то вовсе отнялись... Такъ онъ три денька и отсидѣлъ. А какъ это дѣло-то вышло? Пріѣхалъ это начальникъ въ Тигиль, ему и докладываютъ, такъ и такъ,

что такой-то старичекъ черную лисицу продалъ. Начальникъ къ купцу. „Вы“, говоритъ, „не имѣли права покупать отъ инородца черную лисицу. Подать ее мнѣ!“ Взялъ и лисицу отъ купца. Видишь, это сказываютъ, онъ будто бы о старикѣ заботился, чтобы его купецъ не обманулъ. Будто и лошадь-то далъ хромую, а лошадь-то мы сами знаемъ, поди, то же глаза имѣемъ,—хромая она или нѣтъ. Вотъ-те и позаботился! Старикъ-то ему лучше бы даромъ эту самую лисицу отдалъ, только бы сраму-то избавиться, къ начальству-то не ѣздить да въ холодной бы не сидѣть за свое же добро; да еще и казака съ ружьемъ къ дверямъ-то приставили. Теперь вотъ спроси-ка старичка-то, будетъ ли онъ еще лисицъ „черныхъ“ промышлять! Да и мы-то не желаемъ, а то еще худо намъ будетъ за наше же добро!!“ Мнѣ неизвѣстно, чѣмъ дѣло окончилось, но фактъ остается фактомъ, и инородцы, какъ видно, очень чувствительны къ обращенію съ ними и принципъ держимордства къ нимъ непримѣнимъ.

Возвращаюсь къ Воровскому селенію. Въ немъ, какъ и въ другихъ, имѣется такъ называемый „запасной магазинъ“, въ которомъ долженъ храниться запасъ юколы, обезпечивающій населеніе на одинъ годъ.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ камчадалами, ихъ юкола не выдерживаетъ годового храненія, превращаясь въ буквальномъ значеніи слова въ *пыль* черезъ 7—8 мѣсяцевъ.

Я видѣлъ остатки такихъ „прошлогоднихъ“ запасовъ; дѣйствительно отъ рыбы, кромѣ кожи, не остается ничего, все мясо превращается въ какой-то порошекъ. Вѣроятно съ наступленіемъ весны юкола пожирается личинками какого-нибудь насѣкомаго. Собаки, накормленныя такой юколой, болѣютъ, худѣютъ, съ ними дѣлается сильный поносъ, и они дохнутъ. Люди также заболѣваютъ разстройствомъ желудка, и поэтому прошлогодней юколы никто ѣсть не рѣшается. Между тѣмъ положеніе въ амбаръ годового запаса требуется обязательно. И мѣра—благая въ

своемъ принципѣ—имѣть годовой запасъ въ селеніяхъ провизіи на случай недохода рыбы, дѣлается лишь излишнимъ обремененіемъ того же инородца, который весною долженъ остатки этихъ запасовъ выкидывать, какъ негодные къ употребленію. Предложенный мнѣ къ разрѣшенію трудный вопросъ, „для чего класть годичный запасъ, когда его приходится все равно по веснѣ выкидывать, какъ вредный для здоровья даже собакамъ", понятно оставленъ мною открытымъ, такъ какъ я и до сихъ поръ не понимаю этой задачи, рѣшеніе которой инородцами провѣряется казакомъ, командируемымъ съ этою цѣлью по селеніямъ округа.

Другое дѣло, если бы эти запасы дѣлались изъ рыбы соленой, копченой, или инымъ способомъ консервированной, но для этого населеніе необходимо опять-таки обучить способамъ консервированія, что въ свою очередь требуетъ особаго надзора за сельскимъ хозяйствомъ и промыслами, а не одной лишь полицейской власти.

Дома въ общемъ и здѣсь содержатся грязно, да и требовать особенной чистоты при царящей недостаточности нельзя; въ домѣ—одна комната или „горница" держится всегда болѣе опрятно. Но сильное стремленіе къ чистотѣ и опрятности видно въ повсемѣстномъ обычаѣ—красить, и очень часто, печь, стѣны и потолокъ бѣлой глиной. Въ этомъ селеніи бѣлая глина очень хорошая достается версты за двѣ отъ селенія, вблизи рѣчки „Иткъ". Пластъ этой глины приблизительно въ 1 футъ толщиною залегаетъ подъ пластомъ „черной земли?".

Прислушиваясь къ говору жителей этого селенія, всякій легко уловитъ многія слова, остатки камчадальскаго языка, перешедшіе и пріобрѣвшіе право гражданства въ новой искаженной русской рѣчи. „Не знаю, куда хляконáйчикъ-то поставили, а вотъ лёбхумъ тутъ, да и тýльтуль въ немъ есть еще". При знакомствѣ съ домашней обстановкой любой камчадальской семьи, всѣ эти слова выясняются сами собой.

Надо сказать, что жители камчатскихъ поселеній вообще, за исключеніемъ развѣ только одного Петропавловска, да нѣкоторыхъ ближайшихъ къ нему русскихъ селеній, стараются разнообразить ихъ существенную и по существу, единственную пищу — рыбу, собирая различныя травы, плоды и коренья произрастающихъ на Камчаткѣ растеній. Заготовленіе всего этого немаловажнаго подспорья въ питаніи камчатскихъ инородцевъ—составляетъ одно изъ осеннихъ занятій женской половины населенія камчадальскихъ острожковъ.

По осенямъ, когда созрѣваютъ плоды ягодныхъ растеній, когда полевыми мышами произведены уже также запасы разныхъ кореньевъ въ своихъ норкахъ, группы женщинъ и дѣтей отправляются ежедневно въ лѣса, или пѣшкомъ поблизости, или на лошадяхъ, и на болѣе продолжительное время—далеко отъ селенія, — для собиранія ягодъ: шикши, клюквы, морошки, брусники (брусница) и голубики (голубель); нѣкоторыми запасается сѣмя дико растущаго аниса (кладется въ тѣсто); собираются запасы сараны.

Сараной на Камчаткѣ называется корневище нѣсколькихъ видовъ лилейнаго растенія (*Lilium Martagon*, *Fritillaria kamtschatica* по Дитмару и др.), различаемыхъ инородцами, какъ: кругляшка, овсянка и однолистка. Корневища эти осенью тщательно собираются нѣсколькими видами камчатскихъ полевыхъ мышей (*Myodes oeconomus* Pall.) и складываются, разсортированными и очищенными въ отдѣленія ихъ подземнаго жилища, которое камчадалами называется „àтнучъ“, а самые запасы саранныхъ корневищъ—„тультуль“. Для сохраненія всѣхъ этихъ запасовъ ягодъ и кореньевъ тѣми же женщинами западно-береговыхъ камчадальскихъ острожковъ выдѣлываются особыя корзинки, плетеныя изъ такъ назыв. „морской травы“, собираемой, нарочно для этой цѣли изготовленія посуды, по морской кошкѣ. Трава эта тотъ же видъ *Avenae maritimae*, извѣстный у камчадаловъ подъ именемъ шхôа. Изъ этой травы приготовляются корзинки, какъ твердыя, такъ и мягкія,

или просто *плетенушки*, различаемыя по формѣ, какъ „хляконайкъ“, „ачалъ“ и „турёсукъ“. Большой ачалъ называется лёбхумъ. — Разыскиваніе по тундрамъ мышьихъ кладовыхъ или атнучей требуетъ извѣстнаго навыка и знанія образа жизни маленькихъ грызуновъ. Промышленницы расходятся по тундрѣ съ ачалами или лёбхумами за плечами и съ длинной палкой—„посошкомъ“—въ рукахъ. На концѣ этой палки имѣется обыкновенно желѣзное остріе, и палка такая называется „шатинокъ“, штыкъ или „теликашка“. По звуку, производимому ударомъ этой палки въ тундру и по ощущенію, онѣ узнаютъ, есть подъ ней атнучъ или нѣтъ.

По осенямъ собираютъ также по рѣчкамъ такъ называемый „лебяжій корень“ или „идаха“. Я не знаю навѣрное, какому растенію принадлежитъ этотъ корень, но по описанію предполагаю, что это корень *Nuphar luteum*, который въ нѣкоторыхъ западно-береговыхъ рѣчкахъ имѣется. Передъ употребленіемъ въ пищу его парятъ въ котлѣ.

Въ лѣтнее время собираютъ, кромѣ того, „кипрей“ (*Epilobium angustifolium*), сладкую траву (изъ зонтичныхъ *Heracleum dulce*) и баранникъ (*Senecio cannabifolius*). О приготовленіи ихъ въ кушанье я буду говорить дальше, а здѣсь только упомяну, что баранникъ называется Воровскими жителями ичичхунъ, стебель сладкой травы—„кыльхомъ“, листовой черешекъ—катха, растеніе—сладкая трава—„умчько“. Тоншичемъ называется мятая и чесаная трава—осока; служитъ для обвертыванія ногъ и колѣнъ во время сильныхъ морозовъ, и особенно при неводьбѣ (осенней) гольцовъ.—Камчадалы—народъ вообще крайне гостепріимный, поэтому угостить всякаго пріѣзжающаго или „гостя“ считается какъ бы долгомъ; и это до такой степени, что почему-либо отказывающійся отъ ѣды невольно обижаетъ радушныхъ хозяевъ. Однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ угощеній служать—кислое молоко и какая-нибудь ягода. Самымъ большимъ лакомствомъ считается такъ называемая толкуша или „шилк-

шилкъ". Кушанье это готовится изъ какого-нибудь жира, который толчется вмѣстѣ съ кипреемъ до тѣхъ поръ, пока не получится совершенно однородная тянучая масса, по цвѣту напоминающая сметану; къ этой массѣ для особеннаго вкуса прибавляется сарана и какая-нибудь ягода. Особенно пріятнымъ вкусомъ отличается шилкшилкъ, приготовленный на оленьемъ салѣ (которое называется сдоромъ); шилкшилкъ-же на нерпичьемъ, особенно немного подкисшемъ, жиру съ непривычки и вкусомъ, и видомъ, и запахомъ вызываетъ рвотныя движенія.

Говоря о толкушѣ, нельзя пройти молчаніемъ такъ называемую „юкольную толкушу". Это кушанье состоитъ и приготовляется такимъ образомъ: хайковую шкуру (*Salmo lagocephalus*, кэта—на Амурѣ) сперва выскоблятъ, чтобы счистить съ нея чешую, потомъ вымоютъ, потомъ кипятятъ для размягченія. Послѣ кипяченія ее толкутъ также съ жиромъ (медвѣжьимъ, нерпичьимъ или инымъ), прибавляютъ мелко нарѣзанной сладкой травы и выносятъ передъ подаваніемъ на столъ на короткое время на улицу, чтобы дать кушанью нѣсколько остынуть. Нерпичій жиръ, какъ вещество вида жидкаго, хранится въ нерпичьихъ желудкахъ, хорошо предварительно вымытыхъ.

Кромѣ сбора ягодъ, сараны, кипрея и др. травъ и ихъ корней на женской половинѣ населенія Воровского острожка лежатъ еще всецѣло заботы объ огородахъ. Эти огороды находятся не въ самомъ селеніи, а вблизи него, въ прирѣчныхъ тальникахъ, почему огородовъ въ селеніи совершенно не видно. Причиною этому служитъ то, что въ селеніи слой почвы слишкомъ малъ, а подпочвою здѣсь является пластъ рѣчника. Кромѣ картофели и рѣпы, не садится ничего по неимѣнію какихъ-либо иныхъ сѣмянъ огородныхъ овощей. Относительно произростанія надо сказать, что картофель въ общемъ родится плохо; такъ, напримѣръ, нынѣшнее лѣто было посажено 15 пудовъ, а снято только 20 пудовъ; была

побита инеемъ еще до цвѣтенія. Рѣпа родится обыкновенно хорошо, достигая нерѣдко до 4 вершковъ въ діаметрѣ. Картофель получается невкусная, очень водянистая, что, вѣроятно, находится въ связи съ почвенными и климатическими условіями. Метеорологическихъ правильныхъ наблюденій для этой части западнаго побережья Камчатки нѣтъ, поэтому здѣсь, чтобы дать хотя бы поверхностное и, такъ сказать, наглядное представленіе о климатѣ, скажу со словъ мѣстныхъ жителей, что снѣгъ начинаетъ падать обыкновенно съ 1 октября; рѣка встаетъ послѣ 26 октября, но зимняя дорога окончательно устананавливается только въ концѣ ноября и началѣ декабря. Тундры замерзаютъ, смотря по холодамъ: достаточно трехъ сильныхъ морозовъ, чтобы тундра „ладо̀мъ закоковѣла“, т.-е. хорошо промерзла. Случается это обыкновенно также въ концѣ ноября мѣсяца. Оттепели начинаются съ марта, но снѣгъ сходитъ окончательно едва лишь къ 1 іюня. Въ іюнѣ же распускается и листва на деревьяхъ. Инеи начинаются въ половинѣ іюля. Листопадъ въ началѣ сентября. Оттаиваютъ тундры „до низу“ только въ іюлѣ, и только нѣкоторыя изъ нихъ въ іюнѣ. Рыбныя ловушки „запоры“ убираются жителями на зиму, т.-е. вынимаются изъ рѣки въ различное время, въ зависимости отъ того, когда начинается большая прибыль воды и сильный листопадъ,—чаще всего въ первыхъ числахъ октября. Въ эту осень запоры были сняты 2-го октября. Снимаются они потому, что рыба въ это время идетъ не въ значительномъ количествѣ, но, главное потому, что прибылой водой и густо нанесенными на атто̀лы листьями—запоры могутъ быть сорваны съ мѣста своихъ прикрѣпленій и унесены внизъ, что весьма было бы невыгодно для жителей, такъ какъ изготовленія новаго запора помимо необходимыхъ для того матеріаловъ требуютъ и значительной потери во времени, котораго при тяжелыхъ условіяхъ существованія инородца—у него свободнаго почти никогда не бываетъ.

Объ устройствѣ запоровъ я ничего не говорю потому, что устройство ихъ совершенно одинаково съ таковымъ же въ селеніи Корякахъ, Начикахъ и т. д., которое было приведено въ описаніи выше. Здѣсь только упомяну, что палка съ поперечиной на своемъ нижнемъ концѣ, служащая для очищенія запорныхъ атталовъ, пэуля, атыръ и т. п. отъ засоренія ихъ наносимыми листьями—называется здѣсь „ы́мжатинъ". Рѣка Воровская, одна изъ болѣе значительныхъ рѣкъ западнаго берега Камчатки, беретъ свое начало въ падяхъ Западнаго хребта, въ той его части, которая соотвѣтствуетъ такъ называемой „Высокой Ганальской тундрѣ". Рѣка Воровская составляется изъ двухъ главныхъ вершинъ; изъ нихъ правая—Пу́нкшуа беретъ свое начало вблизи высокой сопки Кожгумкъ. Какъ сказано было выше, селеніе Воровское, находящееся верстахъ въ семи отъ моря, расположено въ настоящее время въ разстояніи полуверсты отъ рѣчного берега, поэтому жители пользуются водою изъ небольшого ручейка, протекающаго вблизи домовъ и называющагося Кинжа́эчъ. Въ этотъ ручей во время большой воды также заходитъ рыба. Въ зимнее время, когда Кинжа̀эчъ перемерзаетъ, приходится за водой ходить на рѣку.

Возлѣ рыбныхъ балагановъ протекаетъ еще одна рѣчка, впадающая въ Воровскую, Ква̀жуха. По словамъ жителей, рѣка ежегодно значительно отступаетъ къ западу, подмывая правый берегъ. Тамъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ было селеніе, теперь протекаетъ рѣка. У моря рѣка Воровская, какъ и другія рѣки Камчатки (исключенія рѣдки) образуетъ обширный заливъ или такъ называемую „губу", образованіе—характерное, для западныхъ рѣкъ Камчатки и стоящее въ несомнѣнной связи съ строеніемъ Западнаго берега и направленіемъ господствующихъ въ Охотскомъ морѣ NW-ыхъ вѣтровъ. Въ общемъ береговая-тундровая полоса состоитъ въ береговыхъ обнаженіяхъ изъ мощнаго пласта рѣчника,—матеріала, въ высшей степени легко подда́ющагося перемѣще-

ніямъ дѣйствіемъ морскихъ волнъ, — прикрытаго, какъ говорилось ранѣе, пластомъ торфа. Направленіе теченія здѣсь съ E на W.

Благодаря тому, что силою ударовъ морскихъ волнъ, рѣчникъ постепенно перемѣщается по направленію господствующихъ NW-ыхъ вѣтровъ на SE и такимъ образомъ заставляетъ первоначальное устье рѣки все болѣе и болѣе отклоняться къ S, оставляя по направленію своего отклоненія узкую наносную дресвяную полосу, которая и называется „кошкой". Въ сильные шторма—устья многихъ рѣчекъ совершенно заметываются моремъ; въ такомъ случаѣ рѣчная вода медленно накапливается въ заливѣ, переполняетъ его и, преодолѣвъ наконецъ, сопротивленіе, оказываемое кошкой, прорываетъ ее въ томъ или другомъ мѣстѣ, чтобы опять быть медленно отодвинутымъ еще болѣе къ югу.

Почти безъ преувеличенія можно сказать, что весь западный берегъ Камчатки, за исключеніемъ немногихъ мысовъ, представляющихъ собою выходы твердыхъ каменныхъ породъ, сопровождается такою узкою полосою (до 50 саженъ и много менѣе) наметаннаго рѣчника, отдѣленною отъ собственнаго берега губами или заливами рѣкъ.

Очень часто въ одинъ заливъ впадаетъ нѣсколько рѣчекъ, которыя въ такомъ случаѣ всѣ изливаются въ море, посредствомъ этого залива и устья господствующей по величинѣ рѣки. Такъ, напр., рѣка Воровская образуетъ собою заливъ, тянущійся, по крайней мѣрѣ, верстъ на 20 въ ту и другую сторону и всѣ рѣчки, упомянутыя ранѣе, начиная съ Анножа и далѣе по дорогѣ отъ Воровскаго къ Колпаковой до рѣчки Брю́мкиной, имѣющей самостоятельное устье; рр. Ко̀нтунга, Кужахтка, Унтова и Костууныча, вливаются въ этотъ заливъ. Промѣровъ устья р. Воровской никѣмъ не производилось, но говорятъ,—оно настолько глубоко, что въ ея заливъ можетъ войти неглубоко сидящая шхуна. Насколько это вѣрно, я не знаю, но разсказъ о томъ, что въ заливъэтотъ нѣсколько

лѣтъ тому назадъ взошелъ китъ, я слышалъ, и какъ инородцы охотились на это громадное животное и какъ послѣ многихъ усилій, съ ихъ стороны черезъ нѣсколько дней, китъ израненный, наконецъ, издохъ. Китобойнаго промысла камчадалами не производится за совершеннымъ неимѣніемъ ими необходимыхъ для того морскихъ вельботовъ и гарпуновъ, и жители пользуются только такъ называемыми „выкидными" китами. О нахожденіи кита на берегу нашедшій его доводитъ до свѣдѣнія жителей сосѣднихъ острожковъ, чтобы всѣ имѣли возможность воспользоваться частью жира, мяса и сухожилій, которыя идутъ въ кормъ какъ людямъ, такъ и собакамъ и на изготовленіе маутовъ и штокъ. Нижнечелюстныя кости поступаютъ въ собственность нашедшихъ и идутъ на выдѣлку тонкихъ пластинокъ, подбиваемыхъ подъ нартовыя полозья въ весеннее время года для сообщенія нартѣ бо̀льшей каткости, такъ какъ весенній мокрый снѣгъ къ кости не прилипаетъ. Жители Воровского селенія, какъ и другихъ пройденныхъ до сихъ поръ селеній Западнаго берега занимаются, кромѣ рыболовства, какъ самаго существеннаго въ ихъ жизни, и въ зимнее время охоты на соболей, еще и охотою въ осеннее и весеннее время года—на нерпъ, имѣющихъ во многихъ мѣстахъ западнаго берега, въ особенности близъ устьевъ рѣкъ, свои лежбища. Промыселъ этотъ составляетъ весьма важную статью въ домашнемъ обиходѣ Камчатскаго русскаго и инородца, обезпечивая, какъ упоминалось выше,—полученіе освѣщенія, матеріала для обуви и подспорья въ пищѣ. Въ виду того, что это занятіе ведется совершенно одинаковымъ способомъ и такими же орудіями,—и остальными инородцами западныхъ острожковъ—нѣсколько словъ о производствѣ его и объ орудіяхъ будетъ сказано далѣе. Въ концѣ книги приведены и слова, употребляемыя жителями наравнѣ съ русскими и представляющія собою испорченныя камчадальскія, также нѣсколько словъ чисто камчадальскихъ, но сообщенныхъ мнѣ жителями с. Воровского,—чтобы путемъ сравненія

ихъ съ такими же записанными отъ сѣверныхъ камчадаловъ, еще не утратившихъ совершенно своего языка, показать, какъ сильно измѣняются слова.

9-го октября. Перемѣнившійся вѣтеръ съ SSW па NW обѣщаетъ скорое освобожденіе изъ Воровского плѣненія, такъ сказать. Сегодня въ первый разъ за четыре дня открылся видъ на горную цѣпь, видны хребты Воровской вершины, на SE.

Несчастные Кихчинцы все еще сидятъ здѣсь, въ ожиданіи, скоро ли и они отправятся къ себѣ въ селеніе, или еще придется ѣхать съ нами дальше до Колпаковой. Особенно жалко одного изъ нихъ, уже старика, упоминавшагося ранѣе, Григорія Трапезникова, который сопровождаетъ насъ съ 29 сентября, сегодня одиннадцатый день! Необходимо обратить серьезное вниманіе на упорядоченіе отбыванія этой тяжелой „натуральной повинности"—каюрства. Бываютъ случаи, что, если не сами каюрщики, то ихъ лошади, проходятъ черезъ нѣсколько селеній за 150 верстъ. Вотъ и теперь, этотъ самый старикъ сдѣлалъ на своей лошаденкѣ болѣе 100 верстъ! Очень часто „каюрщики" изъ-за ненастной погоды и дальности проходимыхъ разстояній отрываются отъ дому на недѣлю и на двѣ. Если прибавить, что въ большинствѣ семей такой каюръ является въ то же время и единственнымъ работникомъ-мужчиной, то, понятнымъ становится, что семья въ теченіе недѣли и двухъ должна испытывать массу лишеній и часто невознаградимыхъ ничѣмъ упущеній въ хозяйствѣ, такъ, напримѣръ, можетъ быть пропущенъ и пропускается такимъ образомъ ходъ рыбы, пропускается удобное время для охоты за соболемъ (перенога), за медвѣдемъ, за нерпами и т. д. И это страшно тяжелая, обременительная повинность несется инородцами безъ всякаго вознагражденія, „натурально". По расчету, сегодня должны вернуться съ охоты жители Воровского селенія, и вотъ Кихчинцы съ нетерпѣніемъ и съ затаеннымъ опасеніемъ ждутъ, вернутся они дѣйствительно

или опоздаютъ, и тогда придется имъ, несчастнымъ, еще тащиться въ эту осеннюю ненастную погоду съ нами до Колпаковой, такъ какъ день обѣщаетъ быть хорошимъ, и мой спутникъ начинаетъ высказывать нетерпѣніе—выѣзжать. Ему надоѣло сидѣть здѣсь—скучища смертная... И дѣйствительно, какъ я смотрю, бездѣльное сидѣніе по камчадальскимъ острожкамъ, безъ всякаго интереса къ окружающему, должно быть занятіемъ чрезвычайно скучнымъ и теперь мнѣ кажется понятнымъ проѣздъ начальства по округу съ истинно лихорадочною поспѣшностью, приносящій и пользу соразмѣрно съ потраченнымъ временемъ. Я не могу не упомянуть объ одномъ курьезѣ, имѣвшемъ мѣсто въ декабрѣ 97 года въ м. Тигилѣ, картинно иллюстрирующемъ степень интереса „Начальства" къ населенію. Въ то время въ Тигилѣ имѣлъ пребываніе посѣтившій Камчатку извѣстный ученый К. И. Б., оставившій по себѣ среди мѣстнаго населенія самую добрую память своимъ живымъ интересомъ и искреннимъ сердечнымъ отношеніемъ ко всѣмъ къ нему обращавшимся. Съ наивностью ученаго, далекаго отъ міра житейской пустоты, полагая въ каждомъ человѣкѣ, причисляющемъ себя къ „интеллигентамъ", встрѣтить человѣка столь же интересующагося переживаемыми явленіями, какъ и онъ самъ, К. И. спросилъ только что пріѣхавшаго въ Тигиль изъ Петропавловска по западному берегу Камчатки помощника окружного начальника: „много ли такихъ большихъ селеній въ округѣ, какъ Харьюзовское?" На что послѣдній, глубокомысленно приложивъ пальцы сперва къ носу, потомъ ко лбу, отвѣтилъ:— Харьюзовское!? Извините, это по восточному берегу, а я ѣхалъ по западному... — „но, это селеніе находится на западномъ берегу, я самъ не такъ давно оттуда возвратился, я хорошо видѣлъ... говорилъ К. И., пораженный такимъ заявленіемъ.— „А, да... Харьюзовское... совершенно вѣрно, но я его, можно сказать, совсѣмъ не видѣлъ"...

Ожиданіе проводниковъ оправдалось; охотники вернулись,

и мы поѣхали дальше, на этотъ разъ освободивъ отъ „натуральной“ повинности кихчинцевъ.

Надо сказать, что охотники за 18 дней своего пребыванія въ лѣсу убили только двухъ оленей. Я привожу это для того, чтобы тѣмъ болѣе ясно стало значеніе каждаго „даромъ“, т.-е. въ каюрстѣ, проведеннаго дня.

Проѣздъ по кошкѣ, минуя всѣ мокрыя тундры, настолько понравился, что и отсюда было рѣшено продолжать путь сперва на батахъ къ морю внизъ по рѣкѣ и оттуда до самаго Колпаковскаго селенія ровною морскою кошкою. Баты были приготовлены и черезъ два часа мы были на устьѣ Воровской рѣки, куда были приведены и лошади.

Выше я говорилъ о томъ, что всѣ рѣки въ Камчаткѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ морской берегъ образованъ породами рыхлыми, какъ рѣчникъ или торфъ, отдѣляются отъ моря узкою полосою земли, вливаясь предварительно въ такъ назыв. „заливъ“ и только тамъ, гдѣ берега сложены изъ болѣе или менѣе твердыхъ породъ, т.-е. такихъ, которыя не такъ легко подвергаются дѣйствію размыва со стороны морскихъ волнъ, рѣки вливаются въ море, не образуя заливовъ, примѣромъ могутъ служить рр. Ковранъ, Харьюзовская, Тигиль, Кинкиль и мн. др. Поэтому жителями Камчатки различаются въ рѣкахъ „съ заливами“—два устья: одно—мѣсто впаденія рѣки въ заливъ (а́ахчь) и—мѣсто впаденія рѣки въ море (у́нкшужачь). Считаю нужнымъ сказать, что слово ункшужачь есть искаженное а́нкаахчь, что означаетъ собственно „морское устье“. Мы переѣхали заливъ прямо противъ а̀ахчь, оставивъ морское устье или собственно устье въ южную сторону.—Здѣсь, на кошкѣ (на ея рѣчной сторонѣ) нашелся одинъ цвѣтущій экземпляръ *Achillea millifol.*

Лѣсъ не доходитъ до моря.

Путь по кошкѣ не представляетъ собою никакихъ особенностей отъ пройденнаго ранѣе.

Таже узкая полоса земли, наметанная моремъ, до 50 саж.

шириною, мѣстами густо поросшая *Empetrum nigrum*, и представляющая „асхыкъ", мѣстами покрытая высокою, теперь совершенно посохшею травою *Avena maritima*; то тамъ, то здѣсь валяются выброшенные моремъ стволы деревьевъ, позвонки китовъ или цѣлые черепа, иной разъ встрѣтится позвонокъ бѣлухи, та или другая кость нерпы или другого морского животнаго. Пастбищъ, или, лучше сказать, кормовищъ, для лошадей совершенно нѣтъ въ это время года и приходится торопиться, чтобы пройти кошку.

Тѣмъ не менѣе уже въ 5 час. вечера пришлось остановиться на ровномъ мѣстѣ кошки, покрытомъ шикшовникомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ шумитъ восхитительный прибой. Съ рокотомъ, подобнымъ грохоту отдаленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, накатываются на берегъ могучія волны и, разбиваясь въ бѣлоснѣжную пѣну, взбѣгаютъ далеко по отлогому берегу до самаго вала. Эта пѣной забѣгающая на берегъ волна называется въ Камчаткѣ „лизуно́мъ". Мѣстность пустынная. На востокѣ виднѣется однообразной сѣро-желтой равниной тундра вплоть до виднѣющейся вдали цѣпи горъ, покрытыхъ снѣгомъ. По берегу, собственно по валу кошки, видно много выкидного лѣсу, по словамъ каюрщиковъ, приносимаго, можетъ быть, изъ Гижиги или изъ Охотска. Догадка эта основана на томъ, что попадаются стволы хвойныхъ деревьевъ, которыхъ нѣтъ по западному побережью Камчатки. Проводники говорятъ, что черезъ каждыя 10 лѣтъ бываетъ особенно (періодъ наибольшаго количества солнечныхъ пятенъ?) большой приливъ моря, которымъ принесенный ранѣе лѣсъ и др. предметы далеко закидываются на тундру. Насколько вѣрно подмѣчена эта періодичность, конечно, подлежитъ провѣркѣ, но что далеко на видимомъ протяженіи тундры виденъ наносный лѣсъ, — это вѣрно; да и такіе тяжелые предметы, какъ позвонки и др. кости китовъ иной разъ лежатъ вовсе не на самомъ берегу, а за валомъ на тундрѣ.

10-го октября; довольно ясное, но холодное и вѣтренное утро. Вѣтеръ отъ NNW. Прибой также силенъ, какъ и вчера. Чрезвычайно красиво.

Мнѣ доставляетъ большое удовольствіе смотрѣть, какъ громадныя волны, приближаясь къ берегу, становятся все круче и круче, какъ, наконецъ, вся волна какъ бы перегибается, сламывается на свою крутую или береговую сторону и, разбившись въ бѣлую пѣну бѣжитъ далеко на берегъ „лизуномъ", который какъ бы лижетъ берегъ и, отбѣгая назадъ, влечетъ за собою массу дресвы, производя какой-то рокотъ отъ трущихся другъ о друга каменьевъ. Море зеленаго цвѣта, только ближайшая къ берегу полоса какого-то землистаго неопредѣленнаго цвѣта, что, можетъ быть, зависитъ отъ недостаточной глубины его. Палатки убраны, грузъ навьюченъ на лошадей, и на мѣстѣ ночлега остались только—китовый позвонокъ замѣнявшій собою столъ, кострище да нѣсколько колышковъ, служившихъ опорами при закрѣпленіи палатки.

Въ 8 h. 45 a. поѣхали далѣе, держась кошки. Утромъ было настолько прохладно, что теплыя рукавицы нисколько не мѣшали. Черезъ полтора часа ѣзды (верстъ 5—6 въ часъ) заливъ Воровской рѣки, тянувшійся по правую, или восточную сторону, окончился озерками, которыя скоро въ свою очередь уступили мѣсто болотцамъ, отдѣляющимъ все еще кошку отъ тундры, вплоть до того мѣста, гдѣ началась „губа" или „заливъ" рѣчки Брюмкиной, теперь изливающейся самостоятельнымъ устьемъ въ море.

Осенью 94 года я проѣзжалъ изъ Колпаковой въ Воровскую также по кошкѣ, какъ и теперь, только слѣдовательно въ обратномъ направленіи. Жители Колпаковой говорили, что по кошкѣ проѣхать будетъ невозможно, такъ какъ перейти устье Брюмкиной вбродъ нельзя изъ-за его глубины. Въ виду этого изъ Колпаковскаго селенія рано утромъ были посланы двое жителей къ Брюмкиной, чтобы отъ „тракта"

сплавить къ устью для переправы батъ. Каково же было удивленіе проводниковъ, когда, подъѣхавши къ устью этой рѣчки, оно оказалось совершенно заметаннымъ, такъ что мы перешли его посуху, и батъ оказался совершенно излишнимъ.

Устье на тотъ разъ исчезло и замѣнилось обширнымъ озеромъ, растянувшимся параллельно морскому берегу, а теперь вмѣсто этого озера стояли только озерки и тѣ же болота. Здѣсь, на берегу Брюмкиной остановились пить чай въ то время, какъ проводники занялись переправою вещей на понадобившемся на этотъ разъ бату, развьючиваньемъ и переправою вплавь лошадей на другой берегъ. Пріѣхали къ устью Брюмкиной въ 12 h. 15 m., т.-е. черезъ три съ половиною часа. Въ ожиданіи чаепитія сижу на выброшенномъ моремъ китовомъ черепѣ.

Мѣстность, какъ всюду на Западномъ берегу Камчатки—совершенно пустынная: На востокѣ тундра залегаетъ сѣро-желтой равниной и на самомъ горизонтѣ изъ-за облаковъ, закрывающихъ почти все небо, едва виднѣется цѣпь горъ, бѣлѣющихъ снѣговыми пятнами. По берегу видно много выкидного лѣсу, остатки крабовъ, губокъ и др. морскихъ животныхъ. Прислушиваешься къ могучему плеску громаднаго прибоя (послѣ бури), наслаждаешься картиной красокъ, представляемой моремъ въ настоящую минуту. У берега полоса мутной сѣраго цвѣта воды съ бѣлыми гребнями пѣнистыхъ волнъ. Далѣе свѣтлозеленая полоса, потомъ темнозеленая, наконецъ, какъ-будто синяя, а на самомъ горизонтѣ темная полоса моря рѣзко разнится отъ свѣтлыхъ тоновъ облачнаго неба. Сильный NNW вѣтеръ и здѣсь, въ устьѣ Брюмкиной, разогналъ такую волну, что переправа въ бату казалась опасной, почему рѣшено было нѣсколько переждать, пока вѣтеръ стихнетъ и волненіе уляжется. Переправились только въ 4 h. p. на правый берегъ рѣчки, имѣющей ширины здѣсь не болѣе 50 саженъ. Круто подмытый правый берегъ чуть не погубилъ одной изъ нашихъ лошадей, которая, переплывъ рѣку,—

тщетно старалась выскочить на приярый берегъ рѣчки, дрожа отъ холода въ октябрской водѣ, пока, наконецъ, съ большими усиліями со стороны проводниковъ не была направлена на болѣе отмелое мѣсто для выхода. При наступившихъ сумеркахъ мы продолжали путь далѣе по кошкѣ, стараясь добраться до устья или, вѣрнѣе, до мѣста брода черезъ Колпаковскую рѣку, вблизи ея устья, откуда до самого селенія остается не болѣе 4—5 верстъ.

Въ сгустившихся потемкахъ при однообразномъ очертаніи едва виднѣющихся береговыхъ предметовъ трудно было въ этихъ пустыняхъ, и такимъ опытнымъ проводникамъ, какими являются камчадалы, найти мѣсто брода, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что уже въ 6 h. 30 m. p. мы должны были остановиться на ночлегъ снова, не найдя брода, на берегу залива р. Колпаковой. Необходимость провести еще одну ночь подъ открытымъ холоднымъ небомъ въ такомъ уже близкомъ разстояніи отъ селенія вызвала пароксизмъ недовольства въ моемъ спутникѣ, который, желая во что бы то ни стало добраться до селенія, заставилъ въ потемкахъ искать брода.

Съ большимъ рискомъ для себя и для лошадей проводники, не смотря на всю безполезность попытокъ отыскать впотемкахъ бродъ, вошли въ свѣтлѣющую полосу Колпаковскаго залива, но черезъ нѣсколько шаговъ уже вынуждены были повернуть лошадей обратно къ берегу въ виду быстро увеличивающейся глубины залива въ этомъ мѣстѣ. Какъ бы то ни было, пришлось остаться на ночь здѣсь. Опять разбили палатки, развели огонь и скоро готовы были чай и незатѣйливый ужинъ, и крѣпкій сонъ послѣ дневного перехода на холоду.

На слѣдующій день, 11-го октября, проснувшись рано, проводники по немногимъ кустамъ тальника, виднѣвшимся по правую сторону залива, увидѣли, что проѣхали дальше, чѣмъ слѣдовало. Поэтому мы должны были проѣхать небольшое разстоянія отъ мѣста ночлега обратно и, перейдя, въ бродъ

Колпаковку, торной тропой уже въ 9 h. 25 m. a. пріѣхали, наконецъ, въ одноименное селеніе, расположенное на лѣвомъ берегу названной рѣки. Помимо пути по кошкѣ изъ Воровского селенія въ Колпаковское можно пройти или проѣхать болѣе прямымъ путемъ, такъ называемымъ „трактомъ“. Мѣстами, гдѣ такой трактъ проходитъ березниками, встрѣчается масса такъ называемыхъ „накляпинъ“, т.-е. склонившихся надъ путемъ лѣсинъ, проѣзжать подъ которыми приходится, согнувшись, чтобы не разбить себѣ головы; или же путь идетъ мелкимъ кустарникомъ, по которому пробираться даже медленно должно съ великою осторожностью, постоянно то нагибаясь подъ довольно толстыми сучьями, то отклоняясь отъ нихъ въ сторону, невольно порою закрывая глаза отъ массы тонкихъ вѣтвей и прутьевъ.

Какъ бы не было, объ этомъ трактѣ я позволю себѣ сказать еще нѣсколько словъ въ добавленіе къ сказанному о немъ для болѣе подробнаго знакомства съ общими географическими условіями пространства, залегающаго между Воровской и Колпаковой. Почти на цѣлую версту по правому берегу р. Воровской путь идетъ береговыми тальниками этой рѣки, послѣ чего дорога выходитъ на луговое мѣсто и еще далѣе въ березникъ, за которымъ начинается такъ называемая „Большая тундра“. Тундра эта на самомъ дѣлѣ большая и притомъ еще топкая. Нужно очень хорошо знать, въ какомъ направленіи ее переѣхать, чтобы не увязнуть въ жидкой торфяной массѣ. Небольшая упомянутая выше рѣчка Умтова пересѣкаетъ эту тундру; отъ Умтовой до самой Колпаковой тянутся тѣ же тундры и тундры, пересѣкаемыя рѣдкими и мелкими островками—березниками.

Въ мѣстѣ переѣзда черезъ упомянутую также рѣчку Брюмкину имѣется убогое жилье—юрта, служащая пріютомъ въ непогоду Колпаковскимъ жителямъ, пріѣзжающимъ изъ своего селенія сюда для осенняго промысла рыбы—семги и гольцовъ. Тутъ же возлѣ этой юрты есть нѣсколько такъ называемыхъ

шайбъ (см. выше) для храненія добытой рыбы. Годомъ позже, именно въ октябрѣ 1897 года, здѣсь я засталъ нѣсколько семей Колпаковцевъ съ женами и дѣтьми, занимавшихся названнымъ промысломъ. Брюмкина, по тракту, считается жителями отъ селенія въ разстояніи 12 верстъ.

Селеніе Колпаковское или Колпакова, какъ сказано, находится на лѣвомъ берегу рѣки того же имени, верстахъ въ пяти отъ устья. Жителей считается 99,—лошадей 8. Какъ и въ другихъ селеніяхъ и здѣсь видны тѣ же въ безпорядкѣ разбросанные, худо крытые, домишки и рыбные балаганы. Всѣхъ домовъ 16. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ три семьи Колпаковскихъ жителей перешли верстъ за пять вверхъ по рѣкѣ отъ селенія, выстроили тамъ новые домики и образовали новое поселеніе такъ называемый Верхній Острожекъ. Мѣсто, гдѣ находится Верхній Острожекъ называется Упткаякъ. Въ настоящее время тамъ только два дома—Ивана Вагина и Иннокентія Слободчикова. Переносятся выше потому, что мѣсто занимаемое селеніемъ, будто бы, въ прежніе годы затапливалось весенними разливами рѣки. Теперь, какъ говорятъ, тѣже жители, мѣстность гораздо менѣе затапливается по веснамъ, почему и не представляется болѣе необходимымъ къ переносу селенія на другое мѣсто. Отъ чего могло бы зависѣть это явленіе уменьшенія весеннихъ разливовъ Колпаковой, если наблюденіе жителей вѣрно, неизвѣстно. Главное селеніе располагается по обоимъ берегамъ небольшой лѣвой протоки рѣки Колпаковой.

Дитмаръ, проѣзжая это селеніе въ сентябрѣ 1853 г., говоритъ на стр. 639, что въ селеніи 13 домовъ и одна часовня. Жителей 47 мужчинъ и 55 женщинъ, 45 коровъ и 4 лошади; что названіе острожка происходитъ отъ имени древняго героя Компака, который въ до-русскія времена проявлялъ чудеса храбрости и смѣлости; что во время открывшагося морского сообщенія Охотска съ Камчаткой (въ 1716,

Соколовъ и Генрихъ Бушъ) здѣсь, въ устьѣ рѣки, зимовало зашедшее сюда судно.

Долженъ сказать, что мнѣ ничего не удалось узнать относительно героя Компака, былъ ли когда-либо таковой. Въ настоящее время селеніе и самими жителями называется не Компаковой, какъ сказано выше, а *Колпаковой.*

Колпаковская рѣка своими истоками близко подходитъ къ истокамъ рѣки Пущинской или Кунчь, представляющей собою незначительный лѣвый притокъ р. Камчатки; поэтому — пади въ западномъ Срединномъ Камчатскомъ хребтѣ, изъ которыхъ выходятъ истоки Колпаковой, именно — „Кеншина" и „Кунчь" служатъ перевалами изъ Колпаковой въ долину рѣки Камчатки. Кромѣ этихъ двухъ падей имѣется перевалъ по пади „Шанопади", изъ которой, впрочемъ, не выходитъ истока въ Колпаковку. При этомъ надо сказать, что по падямъ „Шанопади" и „Кеншиной" переваливаютъ въ селеніе Шеромы, а по „Кунчь"—въ селеніе Пущину. По послѣдней пади перевалъ можетъ быть совершенъ въ лѣтнее время, т.-е. на лошадяхъ въ пять дней, а зимой на собакахъ по хорошей ѣздѣ, что зависитъ вполнѣ отъ состоянія снѣга, въ шесть дней. Насколько эти опредѣленія скорости перевала неточны и случайны, показываетъ то обстоятельство, что тѣ же жители Колпаковой въ мою первую поѣздку по западному берегу опредѣляли быстроту перевала въ Шеромы зимою — въ три дня.

Перевалъ черезъ Кунчь не долженъ быть особенно высокимъ, во всякомъ случаѣ не выше Ганальскаго, т.-е. въ 2000′, такъ какъ, по словамъ всѣхъ тамъ бывшихъ, путь не поднимается за предѣлы древесной растительности (кустарниковый кедровникъ).

По берегамъ Колпаковой рѣки растетъ тальникъ, невысокій ольховникъ и рѣдкій топольникъ.

Въ ея вершинѣ растетъ березовый лѣсъ „прѣснякъ", изъ котораго жители дѣлаютъ „чума̀ны и колто̀ны", банки

подъ чай и др. Туязьевъ не дѣлаютъ, потому что „прѣснякъ“ хотя и есть, но далеко не такой чистый, какъ въ долинѣ рѣки Камчатки. Напротивъ — этотъ березникъ значительно ниже Камчатскаго и не прямоствольный, а, какъ его называютъ жители, „кудрявый“. Въ 94 году при проѣздѣ черезъ Колпаковку мнѣ передавали, что по вечерамъ даже вблизи селенія по рѣкѣ ходитъ много медвѣдей, такъ что женщины боятся безъ мужиковъ ходить въ лѣсъ за картофелемъ.

Надо сказать, что здѣсь, какъ въ Воровскомъ селеніи и какъ далѣе въ Крутогоровскомъ, картофель садятъ, помимо огородовъ въ селеніи, еще и въ лѣсу, гдѣ она растетъ будто бы лучше. Можетъ быть, это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ лѣсу она болѣе защищена отъ вѣтровъ и отъ выпаденія инеевъ. Здѣсь еще разъ я приведу всѣ рѣчки, находящіяся по порядку между селеніями Колпаковой и Воровской, начиная отъ перваго, такъ какъ о нихъ мнѣ было сообщено жителями Колпаковой: 1) Мастожокъ, вершина этой рѣчки находится на тундрѣ; рѣчку приходится „по тракту“ переѣзжать — верстахъ въ двухъ отъ селенія; устьемъ впадаетъ въ губу или заливъ Колпаковой. Рѣчка Мастожокъ имѣетъ то значеніе для Колпаковцевъ, что въ берегу ея берутъ желтую глину, служащую средствомъ для окрашиванія печей стѣнъ или дверей въ домѣ.

2) Квичальмо, рѣчка, берущая начало, какъ и предъидущая въ тундрѣ, такъ называемая „тундряная“, мѣстами глубокая (глубокой называется всякая рѣчка, достигающая до 1 сажени глубины и даже немного менѣе), устьемъ выходитъ также въ губу.

Отъ селенія верстахъ въ трехъ, по тракту ее приходится переѣхать. Рыба по этой рѣчкѣ не идетъ.

3) Квичана, переѣзжается по лѣтней дорогѣ, впадаетъ въ Брюмкину недалеко отъ губы; также „тундряная“ т.-е. тундровая, мѣстами глубокая; рыба идетъ, но въ незначительномъ количествѣ.

4) Чунухша, „тундряная“; устье въ Брюмкину; начало въ тундрѣ; переѣзжается по лѣтней дорогѣ.

5) Брюмкина, вершина подходитъ близко къ хребту, но начало ея все еще въ тундрѣ. Имѣетъ самостоятельное устье, которое, нерѣдко, во время штормовъ, какъ выше было замѣчено, заносится. По Брюмкиной идетъ рыба въ изобиліи. Въ осеннее время года въ этой рѣчкѣ промышляется, главнымъ образомъ, *семга, кунжа и гольцы*; *микижа* попадается въ Брюмкиной и въ Колпаковской очень рѣдко.

6) Половинная рѣчка „Первая“ и 7) половинная „вторая“ или Костýуныча, обѣ тундровыя, по тракту переѣзжаются, устья въ Воровскую губу. Названіе отъ того, что протекаютъ на половинѣ разстоянія между названными селеніями.

8) Умтова, тундровая, устье въ Воровскую губу.

9) Кужахтно—въ Воровскую губу.

10) Контунга и 11) Кужахтля.

Еще упомяну объ одной, также тундровой рѣчкѣ Квасчикъ, составляющей правый притокъ Колпаковой, впадающій въ нее въ одной верстѣ выше селенія. Въ берегахъ этой рѣчки берутъ глину для выдѣлки кирпича-сырца для кладки печей.

Крайне отрывочныя свѣдѣнія, касающіяся орографіи и вообще географіи, сводятся только къ тому, что въ вершинѣ Воровской рѣки, не въ самой, впрочемъ, вершинѣ, а нѣсколько ниже, находится, изолированная отъ Средняго хребта,—сопка Коктунга. Вѣроятнѣе Кòнтунга—одноименно съ рѣчкой. Вышеупомянутый хребетъ Кичеванъ стоитъ въ вершинѣ рѣки Кихчика, также отдѣльно отъ хребта. Вблизи вершины тундровой рѣчки стоитъ отдѣльно отъ хребта сопка Яконо; говорятъ, что растительность не доходитъ до ея вершины. „Камни“ на этой сопкѣ „слоистые“. Отъ этой сопки въ одномъ днѣ ходьбы на лыжахъ находится вершина р. Крутогоровой.

Дитмаръ говоритъ (стр. 639), что въ рѣчникѣ Колпаковой совершенно нѣтъ вулканическихъ породъ, а почти исклю-

чительно представители болѣе древнихъ формацій, которые несомнѣнно говорятъ за преобладаніе этихъ породъ въ южной части Срединнаго кряжа. Имъ были найдены здѣсь окатанные и угловатые обломки гранита, сіенита, слюдистаго сланца, гнейса и глинистыхъ сланцевъ, проросшихъ бѣлымъ кварцемъ, полевошпатовыя, роговообманковыя и слюдяныя породы. Въ сентябрѣ 1896 г., передаютъ жители, вблизи устья Колпаковой (сѣверная сторона устья Колпаковой называется Чжа̀кчь, а соединеніе рѣки съ губою съ южной стороны—гнучь), въ сторону Чжакчную, выбросило „удивительную" (по мнѣнію жителей) рыбу. „Рыба эта была величиною съ „маленькаго бѣлуженка" [1]) (сажень съ локтемъ). Кожа темная — жесткая наощупь, подобно кожѣ камбалы. По хребту были „шишки", постепенно уменьшающіяся къ хвостовой части. Рыло длинное; ротъ совсѣмъ нанизу, какъ бы на горлѣ, при томъ очень большой и круглый. Нижняя губа коротенькая (зубовъ не было замѣчено). Жабры были, но были не прикрыты: жаберныхъ крышекъ не было,—были простые прорѣзы. Костей не замѣтили, а только хрящи. Въ желудкѣ ничего не нашли, хотя и искали. Молоки были, какъ рыбьи, длинныя, съ человѣческую руку длиной. Хвостъ косорѣзанный, къ спинѣ длиннѣе. Мясо бѣлое. Вкусомъ напоминаетъ камбалу, только болѣе жидкое. Рыба была жирная. Вышиною отъ хребта къ брюху рыба была приблизительно въ $2^1/_2$ четверти; хрящевой позвонокъ до 1 вершка".

Относительно хода рыбы мнѣ было сообщено слѣдующее: семга начинаетъ заходить въ рѣки: Брюмкину, Кунчь и Колпаковку въ сентябрѣ, и ходъ продолжается до ноября. Рыба эта зимуетъ въ рѣкахъ, а весной въ маѣ мѣсяцѣ уходитъ обратно въ море. Въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ семга держится только въ устьяхъ рѣкъ и по глубокимъ плёсамъ, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ поднимается въ самыя вершины рѣкъ для икрометанія (лоща̀нія); въ маѣ, какъ сказано, сплываетъ

---

[1]) *Delphinopterus leucas.*

обратно въ море, но сильно исхудавшей (сухая). Когда рѣка проходитъ еще до „тундряной" воды, т.-е. при раннемъ вскрытіи рѣкъ, семгу промышляютъ такъ называемыми „плавежными запорами" и „сѣтками".

Гольцы начинаютъ заходить въ рѣки въ августѣ, также перезимовываютъ въ рѣкахъ, весной сразу (т.-е. не останавливаясь, не задерживаясь) сплываютъ въ море.

Промышляются по веснамъ и по осенямъ. Въ концѣ октября Колпаковская рѣка встаетъ, вслѣдствіе чего прекращается промыселъ семги,—по неумѣнію жителей промышлять подо льдомъ.

„Раньше" (ближе не опредѣляютъ) море выкидывало много уйковъ. Рыбка, которую мнѣ называли этимъ именемъ въ Петропавловскѣ, есть *Mallotus villosus*, размѣры въ миллиметрахъ:

Длина тѣла 146, длина всего тѣла 154.

Длина головы 30, длина рыла 10,5.

Діаметръ глаза 7,5, наибольшая высота 25, наименьшая 9, длина хвостового стебля 19.

Высота головы у затылка 16.

Высота головы въ срединѣ глаза 13.

Длина средняго луча хвостового плавника 8,5.

Срединная линія (боковая) рѣзко замѣтна, благодаря особенно тому обстоятельству, что на ней находится значительное утолщеніе (закромка), просвѣчивающее изъ сильно разросшихся чешуй. Чешуи крайне мелкія, едва замѣтныя въ лупу, поэтому рыба кажется безчешуйной.

Спина зеленоватаго цвѣта съ неправильными темными рѣдкими полосами.

Черепъ просвѣчивается; поэтому при разсматриваніи сверху виденъ головной мозгъ. Нижняя губа немного длиннѣе верхней. Зубовъ не замѣтно, но нижняя челюсть и языкъ наощупь шероховаты. Спинной плавникъ 13 лучей. Маленькій жировой плавничекъ.

Длиннѣйшій лучъ въ спинномъ 16,5 (IV).

Грудной—18 (длина основанія 12, наибольшій лучъ 17), брюшной—8, подхвостовой—19. Хвостовой—20.

На морскомъ берегу (на кошкѣ) выкидывается иногда „*бамбукъ*“. Его собираютъ жители, употребляя въ качествѣ коробокъ (напр., для свѣчей къ образамъ). Упоминая объ этихъ находкахъ, я вовсе не хочу сказать, что „находки“ эти доказываютъ существованіе по западному берегу какого-либо южнаго теченія. Возможно, что находимый „бамбукъ“ приносится со шхунъ, заходящихъ въ Охотское море, но, сопоставляя этотъ фактъ нахожденія бамбука съ упоминаніемъ Крашенинниковымъ о нахожденіи на Лопаткѣ камфарнаго дерева, о нахожденіи будто бы жителями Карачинскаго селенія по восточному берегу Камчатки какихъ-то необыкновенно крупныхъ орѣховъ и не встрѣчающагося нигдѣ на полуостровѣ особаго дерева, невольно возникаетъ мысль о неслучайности этихъ находокъ (постоянное посѣщеніе камчатскаго побережья иностранными судами или теченіе).

Относительно самого населенія Колпаковой должно сказать, что оно ничѣмъ, существенно, не отличается отъ населенія пройденныхъ острожковъ, пріобрѣтая больше, такъ сказать, самобытности чисто камчадальскаго населенія. Помимо существеннаго занятія рыболовствомъ (рыбу ловятъ въ своей рѣкѣ, т.-е. въ Колпаковой—запорами, кромѣ того, какъ сказано, въ Брюмкиной—семгу, потому что въ Колпаковой этой рыбы мало), старательно занимаются звѣроловствомъ. Такъ: нерпъ промышляютъ на устьяхъ рѣкъ Колпаковой и рѣдко Брюмкиной ружьемъ и спицами, гоньбой и дрыгалками, когда онѣ лежатъ на лайдахъ по мысамъ. Каждое домоводство имѣетъ свой огородъ, въ которомъ разводится, главнымъ образомъ, картофель. Дома здѣсь также крайне сыры; во многихъ можно видѣть растущіе плѣсневые грибки. Окна имѣютъ вмѣсто стеколъ въ рамахъ полотнища изъ медвѣжьихъ кишекъ. Для вентиляціи въ стѣнѣ всегда имѣется отверстіе, называемое всюду

на Камчаткѣ „трубушиной“. Въ болѣе свободное отъ занятій время женщины занимаются шитьемъ корзинокъ и упомянутыхъ ачаловъ изъ морской травы. Эти произведенія продаются желающимъ „на товаръ“—за четыре, пять и даже 10 арш. ситцу, который цѣнится здѣсь отъ 17 до 30 коп. Здѣсь, въ первый разъ, слѣдуя западнымъ берегомъ отъ Большерѣцка на сѣверъ, всякому невольно бросается въ глаза—обычай носить маленькихъ дѣтей женщинами „на заплечкахъ“, какъ японцы, что жителями обозначается особымъ словомъ „зжу́кайё“. Въ домѣ дѣтей кладутъ въ зыбку. Кормятъ часто, дѣлая соску (ти́тьку) изъ выдѣланной оленьей кожи (ровдуги), или изъ какой-нибудь матеріи („товару“), привязывая къ коровьему рогу. Понятно, что такія соски приходится часто перемѣнять, такъ какъ онѣ очень быстро закисаютъ. Какъ дѣти, такъ и большіе, въ праздничное время, время отдыха, играютъ въ самодѣльныя „бирюльки“ и „въ пѣшки“: въ карты, можно сказать, совсѣмъ не играютъ, потому уже что таковыхъ не имѣется въ селеніи. Дѣти по зимамъ играютъ „въ мячъ“, „въ ключки“, пляшутъ, наигрывая „на губахъ“. При моемъ посѣщеніи одного дома, дѣвочка 15 лѣтъ играла въ куклы. Кромѣ того, дѣти и взрослые играютъ „въ ляга̀нье“: двое становятся на средину комнаты, берутся руками и въ тактъ ударяютъ другъ друга по ногамъ (ле́гко), правою — правую и лѣвую — лѣвой. Кто-нибудь третій, въ это время, въ тактъ, наигрываетъ „черви, черви...“ Упомянувъ объ особенности, по моему характерной для камчадала,—носить дѣтей „за спиной“, полагаю нужнымъ сказать, что эта особенность касается не однихъ только колпаковцевъ, но еще болѣе жителей другихъ болѣе сѣверныхъ чисто камчадальскихъ острожковъ. Полное отсутствіе какой-либо медицинской помощи въ селеніи и поблизости, побудило и здѣсь жителей, какъ о томъ было говорено ранѣе, искать какихъ-либо средствъ противъ болѣзней въ травахъ и кореньяхъ. Такъ здѣсь употребляются въ качествѣ цѣлебныхъ средствъ: кута-

гарникъ—отъ кашля (шкѝу),—также пьютъ настой плауна и мха при вообще грудныхъ болѣзняхъ; отъ ломоты въ костяхъ, въ суставахъ,—„когда кости ноютъ"—употребляется такъ называемый „медвѣжій корень", — одно изъ сложноцвѣтныхъ. Относительно „медвѣжьяго корня" A. Erman, одинъ изъ обстоятельныхъ изслѣдователей Камчатки, говоритъ слѣдующее (Reise um die Erde B. III, стр. 531): Meine Begleiter zeigten mir aber dazwischen mehr als armdicke und wahrhaft baumähnliche Schäfte des medwejejji koren d. h. der Bärenwurzel, die jetzt abgeblüht und meist auch entblättert waren. Dieses riesige Gewächs soll, seinem Namen gemäss, von den Bären als ein Stärkungs- und der Heilmittel benutzt werden. Wir funden in der That grosse Flächen auf denen es abgebrochen und zerrissen war, und die gewöhnlichen Spuren von den ruhigen Wanderungen der Bären, welche an diesen Weitungen endeten und sich in sie verliefen, zeigten dann aufs deutlichste wie dieselben theils durch Wälzen, theils durch wildes Hin- und Herlaufen entstanden waren. Ich habe von dem Medwjejji koren leider nur einige Reste der Blätter mitgebracht, in denen ich den Lehm von den Natschikaer Quellen gewickelt hatte und doch ist dieses für die Südspitze von Kamtschatka höchst characteristische Gewächs durchaus nicht so bekannt, wie ich damals glaubte. Es wird weder von Krascheninnikow selbst erwähnt, noch unter den Kamtschatischen Pflanzen, welche Gmelin von diesen ältesten Sammler für seine Flora Sibirica erhalten hatte. Nur Baron Kittlitz hat dasselbe obgleich er es ebenfalls schon durch die ersten Nachtfröste entblättert fand, für eine Angelica erkannt und auf Taf. XXII seiner Vegetationsansichten von Küstenländern des grossen Oceans in einigen schönen und unverkennbaren Gruppen abgebildet".

Дитмаръ въ своемъ сочиненіи о Камчаткѣ говоритъ о томъ же растеніи на стр. 606: „самая сѣверная граница распространенія медвѣжьяго корня, по разсказамъ жителей,

наблюдается только до Сопочнаго селенія и отсюда на югъ растеніе это становится все больше и пышнѣе". На стр. 624 говорится далѣе: Armdicke bis 10 Fuss hohe Schäfte erhoben sich überall auf der Wiese, Kittlitz hat in seinen Vegetationsansichten ein schönes, wenn auch ebenfalls herbstliches Bild dieses prachtvollen Gewächses geliefert und glaubt es für eine Angelica halten zu dürfen. Der Name Medwjejji koren (Bärenwurzel) kommt daher weil die Bären, wie die Leute versichern, bei Verwundungen die Wurzeln dieser Pflanze als Heilmittel benutzen".

Кромѣ этихъ растеній въ большомъ употребленіи листья болотной травы, извѣстной у западнобереговыхъ камчадаловъ подъ именемъ чкàу или цкàвучъ. Листья эти употребляются отъ головной боли и при жарѣ вообще. Относительно этого растенія не находится никакихъ упоминаній, ни у Erman'a, ни у Дитмара; также нѣтъ и у Крашенинникова. За всѣ поѣздки свои мнѣ также не удалось достать ни одного экземпляра этого растенія, почему и не могу о немъ сказать ничего болѣе.

12 октября въ первый разъ, по выѣздѣ изъ Петропавловска, здѣсь, въ Колпаковой, я наблюдалъ снѣгъ, который шелъ цѣлый день. Это обстоятельство побуждало лишній день пробыть въ селеніи въ ожиданіи, не выпадетъ ли снѣгу настолько, что возможно будетъ отправиться въ дальнѣйшій путь уже не на лошадяхъ, какъ до сихъ поръ, а на собакахъ.

На слѣдующее утро, т.-е. 13 октября, все видимое пространство было покрыто ослѣпительно блистающимъ снѣжнымъ покровомъ, приблизительно глубиною въ 1/2 вершка. Легкая изморозь окончательно способствовала тому, что рѣшено было испытать отсюда ѣзду на собакахъ. Прежде всего, необходимо было переправиться черезъ рѣку Колпаковку, такъ какъ она еще не замерзла.

Сперва были на батахъ переправлены собаки, нарты,

грузъ и, наконецъ, сами путешественники.—Въ 11 h. 30 m. переправились на другой берегъ Колпаковой.

Тотчасъ же за рѣкой, въ разстояніи, приблизительно, одной версты отъ селенія, тянется ровной линіей увалъ—въ направленіи съ SE на NW, которымъ оканчивается къ рѣкѣ обширная тундра, послѣдняя, какъ три четверти всѣхъ западнобережныхъ тундръ, въ настоящее время года до такой степени напитывается влагой и становится топкой, что по ней приходится вести лошадей въ поводу.

Такъ было со мной въ поѣздку осенью 94 года.

Въ 12 h. 20 m. p. послѣ долгихъ перекладываній вещей изъ одной нарты въ другую, запряжки и распутываній безконечно путающихся собакъ, при ихъ оглушительномъ воѣ и лаѣ, какой то хаотической сутолокѣ, мы, наконецъ, добрались до только-что упомянутаго увала, съ края котораго потянулись знакомыя „тычки“ или „вѣхи“, показывающія направленіе тракта, исчезающія на горизонтѣ въ N направленіи. Увалъ этотъ извѣстенъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Кӳшклёма. Вся тундра покрыта невысокими кочками, поросшими шикшей, оленьимъ мохомъ и какой-то болотной травой, можетъ быть, изъ *Carex?* Далеко впереди — виднѣется чернѣющая полоса обезлиственнаго березника. Нашъ поѣздъ на ровной поверхности тундры виденъ весь: онъ состоитъ изъ восьми нартъ, которыя тащатъ ни въ какомъ случаѣ не менѣе сотни собакъ. Въ 1 h. 5 m. p. проѣхали мимо небольшого озерка, залегающаго на той же все тундрѣ и представляющаго собой, по всей вѣроятности, сточный бассейнъ для тундровыхъ водъ. Озерко это называется „міднинъ“. Тянется, кажется, безконечная мокрая тундра съ рѣдкими березниками — островами. На W видна узкая полоса моря, приблизительно, верстахъ въ 8 отъ нашего пути. Ясное солнце быстро уничтожаетъ такъ порадовавшій насъ утромъ снѣгъ, теперь только кой-гдѣ остающійся по тундрѣ. Трудно достается собакамъ и не менѣе трудно каюрамъ (проводникамъ)

тащить нарты по мху и по травѣ, одѣвающимъ тундру. Коекакъ въ 3 h. 30 m. p. подъѣхали, или вѣрнѣе, подтащились къ рѣчкѣ Кунчь, впадающей въ Колпаковскую губу. Рѣчка эта не глубокая, но рыбная. По словамъ проводниковъ, „всякой рыбы въ ней довольно", т.-е. много, но относительно чавычи не могутъ сказать того же, замѣчая, что „если чавыча по ней и идетъ, то въ маломъ количествѣ". Параллельно теченію рѣчки въ небольшомъ (нѣсколько десятковъ сажень) разстояніи отъ ея береговъ, идутъ высокіе (относительно общей равнинной поверхности тундры) увалы. Подъ уваломъ до самой рѣчки залегаетъ мокрая же тундра.

Увалъ этотъ представляетъ собою не что иное, какъ террасу древняго берега Кунчь. Вершина ея находится подобно большинству небольшихъ рѣчекъ западнаго берега, — въ тундрѣ.

Берега рѣчки поросли тальникомъ и ольховникомъ.

Чтобы не подмочить багажа и не вымокнуть самимъ при переѣздѣ въ нартѣ черезъ эту (шириною до 3 саж.) рѣчку, такъ какъ въ одномъ мѣстѣ переправы глубина ея доходила до полъ аршина, — каждая нарта поднималась нѣсколькими людьми на „оштала̀" или „пруди́ла" (см. устройство нарты) и такимъ образомъ переносилась на другой берегъ.

Этотъ переносъ 8 нартъ черезъ рѣку занялъ полчаса времени.

Тотчасъ послѣ переправы остановились на правомъ берегу Кунчь въ ея прибрежномъ тальникѣ. Послѣ полудня пошелъ снѣгъ, который, падая, таялъ подъ теплыми лучами солнца,— падая, всѣхъ облѣплялъ и, тая, промачивалъ сильнѣе, чѣмъ хорошій дождь. Чѣмъ ближе мы подвигались къ названной рѣчкѣ, тѣмъ выпавшій снѣгъ становился глубже, и на берегу ея былъ толщиною около $1^1/_2$ вершковъ, что опредѣляется инородцами выраженіемъ „въ обдрину". Обдриной— называются ремешки на обуви, т.-е. на торбасахъ, пришитые сзади надъ пяткой, и служащіе для закрѣпленія торбаса на ногѣ.

Изъ этого проводники заключили, что далѣе по направленію къ Крутогоровскому селенію снѣгу еще больше.

Не испытавши на себѣ всей тяжести — проводить нарту въ это время года по тундровой полосѣ, трудно представить, какъ мучительно-утомительна эта „натуральная" повинность камчадаловъ. Несчастныя собаки, съ хрипомъ, напрягая всѣ силы, тащатъ, едва-едва подвигая впередъ нарту, проваливаясь черезъ тонкую ледяную корку въ прикрытую ею не менѣе ледяную воду, вязнутъ межъ кочками тундры, погружаясь въ грязь и въ воду по лопатки, — и, чтобы не дать опрокинуться нартѣ на кочковатой тундрѣ, проводникъ ежесекудно, не ежеминутно, долженъ вскакивать съ нарты и бѣжать, поддерживая ее, съ нею рядомъ, самъ погружаясь нерѣдко выше колѣнъ въ ту же холодную тундровую грязь. Несмотря на падающій снѣгъ, съ лица его, забрызганнаго грязью, крупными каплями катится потъ. Несмотря, однако, на всю тяжесть этой трудной работы, еще находятся лица, могущія жаловаться на то, что ихъ обрызгиваютъ на тундрѣ грязью, и метать громы и молніи, если нарта, влекомая десяткомъ и болѣе собакъ, въ высокихъ кочкахъ, случайно опрокинется и пассажиръ выпадетъ!

Мой спутникъ остался очень недоволенъ и огорченъ, что мы такъ рано, уже въ 4 h. p. должны были остановиться на ночлегъ. Это сдѣлали каюрщики, совершенно измокшіе и только единственно потому, что „собачки больно пристали", т.-е. собачки сильно утомились. О себѣ они ничего не говорятъ: всѣ довольны, хотя всѣ мокры и, конечно, всѣмъ имъ холодно.

Названные выше увалы, до 5 саж. высотою, поросли высокой травой, обнаженій въ нихъ нигдѣ не видно. Идутъ, какъ сказано, параллельно теченію рѣки. Рѣчка крайне извилиста. Въ одной излучинѣ, въ мѣстѣ, гдѣ берегъ яромъ подходитъ къ рѣкѣ, можно было видѣть цѣлую стѣну ледяныхъ сосулекъ, образовавшихся здѣсь отъ стока воды въ рѣку съ мокрой прибрежной тундры.

14 октября. Въ 8 h. 37 m. a. мы выбрались изъ тальниковъ Кунчь на ея правобереговой увалъ, такой же приблизительно высоты, какъ и лѣвый. Выѣхали съ мѣста остановки въ 8 h. 30 m. a. поднялись на увалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ съ него притекаетъ еще одна маленькая тундровая рѣчка. Въ обнаженіяхъ этого увала и рѣчки съ очень крутыми (приярыми) берегами нельзя было съ увѣренностью различить, что именно залегаетъ, но, кажется, что торфъ. Во всѣхъ этихъ ярàхъ, какъ въ ярý самой Кунчь, можно видѣть ледяныя сосулки отъ тундровой воды, стекающей и питающей эти рѣчки.

Съ увала опять открылся видъ на безбрежный просторъ тундры, покрытой сегодня совершенно свѣжимъ снѣговымъ покровомъ ослѣпительной бѣлизны. Тундровая трава прикрыта, однако, не совсѣмъ. Тамъ и тутъ торчатъ болѣе высокіе стебельки своими поникшими верхушками, сверкая точно милліонами брилліантовъ. Какъ красивъ этотъ снѣговой покровъ и особенно на необъятной для глаза ровной поверхности тундры при утреннемъ солнечномъ освѣщеніи! Чѣмъ дальше вы слѣдите своимъ взоромъ тундру, тѣмъ болѣе и болѣе выступающіе стебли травы, сгущаясь къ горизонту, придаютъ сѣрожелтый цвѣтъ тундрѣ, совершенно скрывая пока еще слишкомъ тонкій снѣжный покровъ. Съ возвышеннаго мѣста тундры, какой-то однообразной сѣрой пеленой представляется эта пустыня.

Ни звука не слышно на ней, точно всякая жизнь вымерла. Куда ни посмотришь, всюду только видишь небо да тундру, и такъ до самаго горизонта. Только далеко на востокѣ чуть виднѣется изъ-за идущаго рѣдкаго снѣга длинная цѣпь горъ, покрытыхъ снѣжнымъ покровомъ.

Всякая растительность давно уже поблекла и померзла.

Проѣзжая этими мѣстами 16 сентября 94 г., я видѣлъ также всю растительность поблекшей, рѣдкое деревцо еще зеленѣло тогда померзшей листвой.

Съ каждымъ порывомъ вѣтра все больше и больше обнажались деревья. Иными мѣстами можно было видѣть голые стебли „медвѣжьяго корня“ съ своими зонтиками-соцвѣтіями, да столь же высокіе, почернѣвшіе стебли баранника, и только. Не могу не упомянуть о слѣдующемъ обстоятельствѣ, подмѣченномъ и записанномъ въ ту же первую поѣздку. Интересно часто наблюдавшееся тогда явленіе замерзанія воды на тундрѣ: пропитанная водою, почва тундры, стягиваясь отъ ночныхъ холодовъ, вѣроятно, заставляетъ выступать воду на поверхность, гдѣ она и застываетъ, но не коркой, какъ это бываетъ обыкновенно, а тонкими игольчатыми кристаллами, направленными перпендикулярно къ поверхности почвы, при чемъ иглы эти (ледяныя группы) располагаются какъ бы кучками, раздѣляясь между собою свободными промежутками, позволяющими видѣть почву.

Медленно подвигаемся впередъ вдоль линіи трактовыхъ тычекъ. Путь идетъ почти прямо на сѣверъ. Сегодня, начиная съ 7 часовъ утра, когда начались тѣ же сборы къ отъѣзду, т.-е. складываніе вещей, запряжка и распутываніе собакъ и т. д., и до самаго момента выѣзда, т.-е. до 8 h. 30 m. a., раздавался, не умолкая ни на минуту, радостный лай и вой сотни намерзнувшихся за ночь собакъ, готовыхъ въ путь.

Лай этотъ и вой—оглушительны. Какихъ тоновъ и голосовъ не отмѣтило бы въ этомъ утреннемъ концертѣ музыкальное ухо! Каковы бы ни были входящіе въ него голоса и тоны, меня занимаетъ въ этомъ только производящая его причина, иначе говоря, непріятная для путешественника привычка собакъ—концертировать ранними утрами, на разсвѣтѣ. Этотъ, дѣйствительно, концертъ или хвалебная пѣснь богу дня рѣзко отличается отъ того безпорядочнаго гама, какимъ сопровождается всякій выѣздъ со стороны собакъ. Обыкновенно, еще въ полудремотѣ, вы услышите сперва отдѣльный голосъ, такъ сказать, запѣвалы, можетъ быть, первой проснувшейся собаки, которая о своемъ пробужденіи

даетъ знать отчаяннымъ завываніемъ. Пробужденныя ею, надо предполагать, начинаютъ по одной присоединяться къ солисткѣ и остальныя собаки, и вотъ, черезъ какихъ-нибудь одну-двѣ минуты раздается душу раздирающій протяжный вой сотни собачьихъ глотокъ! Концертъ (чтобы онъ не выражалъ по идеѣ), поистинѣ ужасенъ для человѣческаго уха, тѣмъ болѣе, что исполненный въ какомъ-то минорномъ тонѣ, онъ наводитъ, положительно, уныніе. Невольно проснешься, какъ бы крѣпко ни спалъ. Эти концерты при пробужденіи мнѣ представляются слезной жалобой къ Творцу на горькую, истинно „собачью" участь. Изливъ всю скорбь въ воѣ, собаки успокаиваются, какъ бы примирившись съ своей судьбой, и только при выѣздѣ съ мѣста—веселымъ лаемъ, какъ бы выражаютъ живое нетерпѣнье поскорѣе отбыть опредѣленное имъ рокомъ наказаніе.

Въ 9 h. 45 m. a. проѣзжаемъ берегомъ какого-то тундрового безъименнаго озера. День совершенно ясный; надъ нами нѣтъ ни одного облачка; только на NW, надъ моремъ, тянется узкая полоса тумана, да надъ горами, на E, видны рѣдкія облачка. Солнце свѣтитъ, но, если и грѣетъ, то во всякомъ случаѣ, очень и очень мало. Въ 10 h. 20 m. a. проѣхали озеро „Бѣлое", названное такъ по цвѣту (мутнобѣловатому) его воды. Самымъ берегомъ этого озера ѣхали нѣсколько минутъ. Озеро—довольно большое, съ низкими крутыми кочковатыми берегами; оно остается по восточную сторону отъ дороги, какъ зимней, такъ и лѣтней, которая идетъ вплоть самаго берега озера потому, что эта береговая часть представляетъ собою болѣе крѣпкую для ногъ лошадей почву, чѣмъ далѣе въ тундру. Воду изъ этого озера, несмотря на муть, берутъ и пользуются ею при проѣздахъ для варки чая и рыбы. Говорятъ, что по вкусу ничѣмъ не отличается отъ всякой другой. Попадаются изрѣдка на безконечной тундрѣ знакомые березовые островки.

Въ 11 h. 15 m. a. подъѣхали къ „Ближней“ (отъ Колпаковой) Половинной рѣчкѣ.

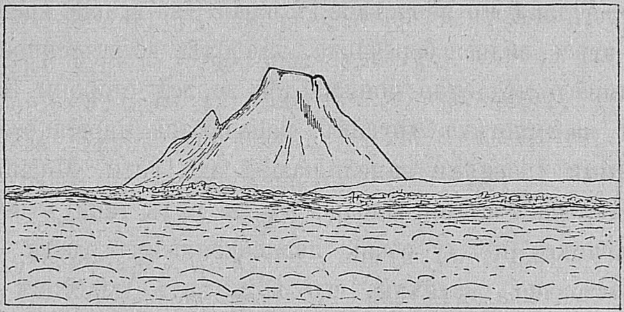
Рѣчка эта небольшая, тундровая, впадающая въ рѣчку Коконокъ. Послѣдняя еще съ болѣе короткимъ теченіемъ, чѣмъ первая, почему ее и не приходится переѣзжать. Коконокъ изливается самостоятельнымъ устьемъ. Почти прямо на востокъ, очень мало къ сѣверу, виднѣется отъ Ближней Половинной небольшая хребтообразная гора — сопка Якана, вся, какъ видно, покрытая растительностью, за исключеніемъ небольшой площадки на ея сѣверной вершинѣ, сплошь бѣлѣющей снѣгомъ. Остальная часть чернѣетъ растущимъ по ней березовымъ лѣсомъ. Поэтому, можно предполагать, что ея приблизительная высота будетъ не болѣе 2000′ — 2500′. Вотъ протащились еще мимо двухъ тундровыхъ озерковъ, — одно по восточную, другое по западную стороны отъ дороги, и въ 12 h. остановились на отдыхъ на лѣвомъ берегу рѣчки „Дальней“ Половинной. Чтобы не впасть въ ошибку, повторяю, что часто встрѣчающіяся названія „дальняя и ближняя“ — опредѣляются отъ пункта отправленія; поэтому „Дальняя“ отъ Колпаковой — въ то же время есть „Ближняя“ отъ Крутогоровой, и наоборотъ.

Отъ мѣста остановки, среди маленькаго островка березника, видна подъ ∟ 120° SE выдающаяся часть хребта, — сопка Кожгумкъ. Вблизи нея беретъ начало „правая“ вершина рѣки Воровской—Пункшуа, какъ объ этомъ было уже говорено выше.

Устье этой Половинной рѣчки выходитъ въ губу рѣчки Кшукъ или Кшуа, изливающейся самостоятельнымъ устьемъ въ море.

Относительно хода рыбы по обѣимъ названнымъ Половиннымъ рѣчкамъ проводники не знаютъ достовѣрно, предполагая только, что рыба въ нихъ бываетъ въ нижнемъ теченіи. Давши нѣсколько отдышаться утомившимся по безснѣжью собакамъ, въ 1 h. 10 m. p. двинулись въ дальнѣйшій путь. Поднявшемуся,

по переѣздѣ рѣчки, на ея правый береговой увалъ открывается видъ на колоссъ Камчатскихъ горъ—сопку Ичинскую или Бѣлую въ направленіи приблизительно 50° NO. Фиг. 18 даетъ нѣкоторое представленіе о томъ, какъ представляется Камчатскій Mont-Blanc съ Половинной рѣчки. Изъ-за гряды березника, тянущагося на горизонтѣ ровной темной полосой, не видно хребта на довольно большое разстояніе ни на N, ни на S отъ одиноко стоящаго колосса. Какъ и

N

S

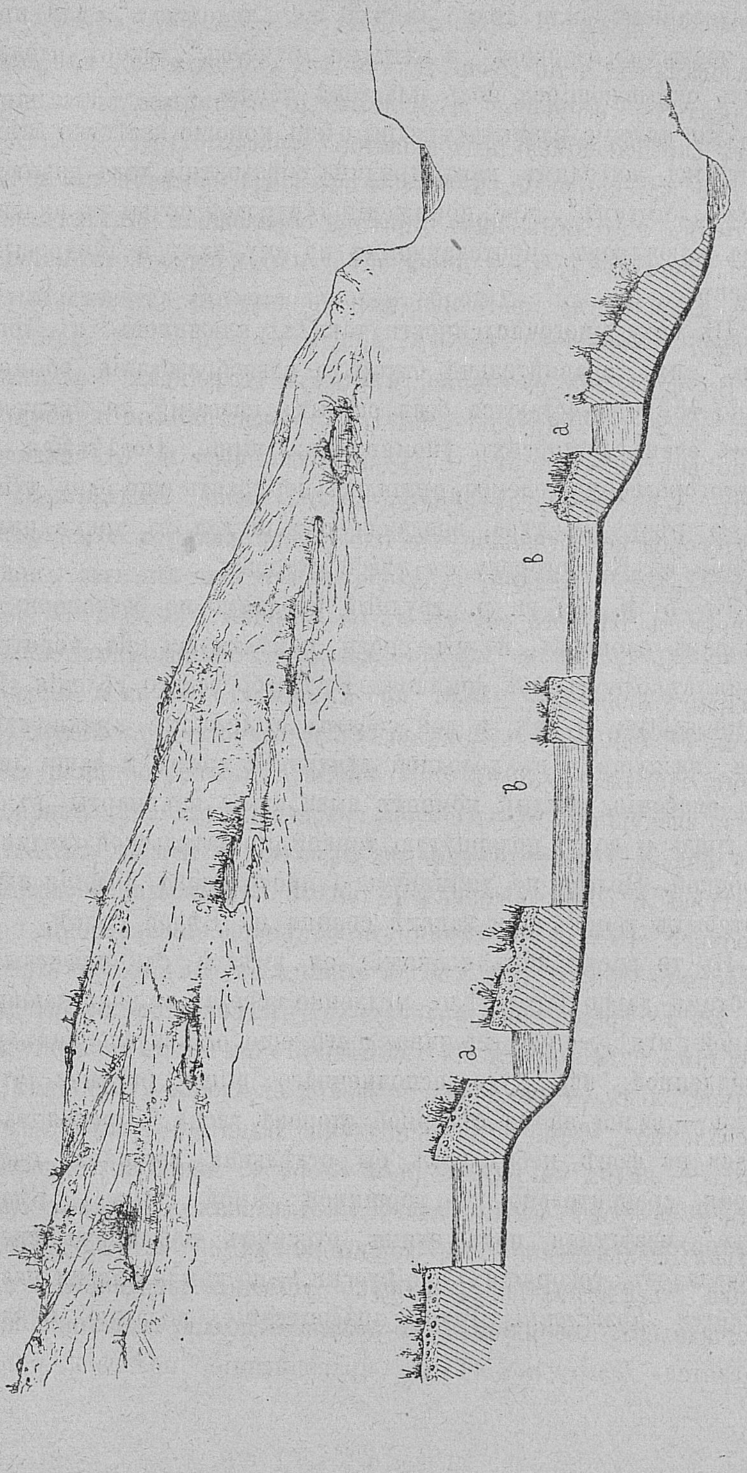
Фиг. 18. Ичинская сопка съ Половинной рѣчки.

весь остальной хребетъ, сопка покрыта снѣгомъ, только мѣстами виднѣются темныя пятна, это гребни ея реберъ. Она еще очень далека отъ насъ, но уже отсюда видно, на глазъ, на сколько она превышаетъ всѣ остальные пики и гребни, выдающіеся изъ общей цѣпи горъ. Отъ названной Половинной до слѣдующей рѣчки Кшуа или Кшукъ, до которой мы добрались ровно въ 3 h. p., залегаетъ одна мокрая тундра, на которой нѣтъ ни одного деревца. Рѣдкіе березники виднѣлись только далеко отъ пути то съ правой, то съ лѣвой стороны.

Непосредственно у самыхъ береговъ Кшуа, высокая пожелтѣвшая давно трава рѣзко оттѣняетъ теченіе этой рѣчки отъ тундры, зеленѣющей какъ по ту, такъ и по другую сторону ея. Тутъ же у мѣста переѣзда черезъ рѣчку растетъ рѣдкій березникъ, пересѣкшій путь подъ прямымъ угломъ.

Отсюда „Бѣлая сопка“ видна въ напр. 53° NO. Вершина Кшуа находится въ тундрѣ, нѣсколько выше мѣста переправы черезъ нее. Изливаясь, какъ сказано выше, самостоятельно въ море, рѣчка эта образуетъ передъ устьемъ небольшой заливъ или губу.

Рыба, по сообщенію проводниковъ, идетъ „всякая“. Въ 4 h. 40 m. p. громадная тундра окончилась, сошедшимися на нашемъ пути вмѣстѣ, березниками, опушкой одного изъ которыхъ пришлось ѣхать въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Эта тундра—топкая въ ненастное, мокрая—во всякое время года, имѣетъ здѣсь, вблизи березника, наиболѣе возвышенное мѣсто, отъ котораго медленно понижается во всѣ стороны. На ней, какъ и на многихъ другихъ, попадаются многія озерки съ различными уровнями наполняющей ихъ воды. Можно часто встрѣтить, какъ было и теперь, цѣлый рядъ такихъ озерковъ, сообщающихся между собою подпочвенными ходами. Уровни воды настолько различны, что вода подъ пластомъ торфа, одѣвающаго тундру, съ шумомъ или каскадомъ переливается изъ одного бассейна въ другой. Мѣстами попадаются на тундрѣ какъ бы трещины, также заполненныя водой, мѣстами почти правильно круглыя отверстія, какъ бы „колодцы“, нарочно вырытые здѣсь, съ краями совершенно отвѣсными, проникающіе всю толщу торфяного покрова и имѣющіе стокъ водъ, какъ и въ озерахъ, подъ этимъ покровомъ въ другія нижележащія мѣста (фиг. 19). Въ эти колодцеобразныя промоины со всѣхъ сторонъ стекаетъ съ поверхности тундры накапливающаяся отъ дождей и снѣговъ вода. Нерѣдко отъ такого колодца можно бываетъ прослѣдить какъ бы небольшую падь, или линію осѣданія почвы, идущую и вверхъ и внизъ отъ „колодца“. Что такая линія, замѣтная по болѣе или менѣе значительному осѣданію тундровой поверхности, дѣйствительно представляетъ собою направленіе стока водъ, несомнѣнно, такъ какъ, идя по такой линіи осѣданія почвы, встрѣчаешь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окончательные „провалы“ почвы съ



Фиг. 19. Видъ и разрѣзъ части тундры около рч. Кшуя.

образованіемъ, или точно такихъ же „колодцевъ“, или продолговатыхъ „озерковъ“, а мѣстами „ручеекъ“, вскорѣ, однако, опять скрывающійся подъ пластомъ торфа.

Это явленіе размыва тундры очень хорошо извѣстно всѣмъ мѣстнымъ жителямъ, какъ причина образованія такъ называемыхъ „логотинъ“, т.-е. пониженій тундровой почвы съ маленькимъ ключикомъ, протекающимъ по дну ихъ, и тундровыхъ рѣчекъ.

Въ виду многочисленности такихъ „ключиковъ“ и „логотинъ“, ихъ сравнительно быстраго новообразованія, обыкновенно всѣ они остаются безъ особыхъ названій, за исключеніемъ очень немногихъ упомянутыхъ выше. Подъѣзжая къ Крутогоровскому селенію, пришлось переѣхать еще одну тундровую рѣчку Щàахча, впадающую верстахъ въ трехъ ниже селенія въ Крутогорову съ лѣвой стороны.

Въ 5 h. 10 m. p. трудный переѣздъ по безконечнымъ тундрамъ оконченъ, и мы снова помѣстились на короткое время въ одномъ изъ домиковъ Крутогоровскаго селенія. На время забыты и лай, и вой собакъ, и хриплые крики каюровъ, вязнущихъ въ холодной тундровой грязи, и ваши личныя опасенія каждый моментъ вывалиться изъ нарты въ ту же грязь и воду, подернутую тонкой предательской ледяной корочкой. Нельзя не упомянуть о прекрасномъ явленіи игры свѣтовыхъ тоновъ при закатѣ солнца на Бѣлой сопкѣ.

Въ то время какъ подножіе ея вмѣстѣ съ окрестными хребтами давно потемнѣло, медленно исчезая въ наступающей ночной мглѣ, — ея вершина долго еще оставалась какъ бы раскаленной; изъ худо исполненнаго выше рисунка этой сопки — видна на ея сѣверной сторонѣ ясно вырисовывающаяся на фонѣ неба, какъ бы отдѣльная вершина, очень острая сравнительно съ вершиной самой сопки. „Бѣлая сопка“, извѣстная подъ этимъ русскимъ названіемъ среди камчадаловъ, говорящихъ по-русски,—по-камчадальски называется *Котхлонга.* Такое правописаніе, полагаю, ближе,

т.-е. вѣрнѣе, передаетъ трудное названіе. Звукъ тх вставленный здѣсь не точно, во всякомъ случаѣ, передаетъ произношеніе: здѣсь слышится и чистое т, и ф, и х и ш.

Селеніе Крутогоровское или, просто Крутогорова, расположено на лѣвомъ берегу одноименной рѣки, — точнѣе, на лѣвомъ берегу небольшой протоки, приблизительно, въ разстояніи одной версты отъ самой рѣки и того мѣста, гдѣ жителями ставятся рыбные запоры; верстахъ въ 25—30 отъ ея устья въ море. Населеніе инородческое-камчадальское, утратившее свой родной языкъ настолько, что даже дѣти пользуются исключительно русскимъ языкомъ, своеобразно коверкая его на свой ладъ.

Одиннадцать небольшихъ домиковъ, большею частью обнесенныхъ оградками, съ надворными постройками, какъ то амбары, скотные дворы или „стàи“, отчасти также крытые травою отъ заноса снѣгомъ и для тепла, длинный рядъ высокихъ пирамидальныхъ балагановъ для сушки и сохраненія рыбныхъ запасовъ, стоящихъ по краю селенія на берегу упомянутой протоки, встрѣчаемый по селенію, сравнительно съ другими острожками рослый и сытый, скотъ, — все это невольно заставляетъ отдать преимущество крутогоровцамъ въ смыслѣ развитія домовитости передъ жителями другихъ острожковъ западнаго берега, пройденныхъ до сихъ поръ. Это сравнительное обиліе скота, наличіе въ каждомъ домѣ свѣжаго масла, молока и сметаны на столь выдѣляетъ, повторяю, Крутогорову отъ другихъ селеній, какъ лежащихъ на югъ, такъ и далѣе на сѣверъ, что въ первую свою поѣздку по западному берегу, проѣзжая это селеніе, я записалъ 14 сентября 1894 года: „жители Крутогоровой—скотоводы. У каждаго имѣется по нѣскольку головъ рогатаго скота, у нѣкоторыхъ до десяти и даже болѣе. Всего же скота въ селеніи штукъ 80“. Такая характеристика крутогоровцевъ, какъ скотоводовъ, конечно, ошибочна, выведенная на основаніи слишкомъ поверхностнаго и кратковременнаго знаком-

ства съ жителями. Существенно-главное занятіе и этихъ жителей, занятіе обезпечивающее существованіе, составляетъ, какъ всюду на Камчаткѣ — рыболовство, занятія же скотоводствомъ и огородничествомъ являются лишь второстепенными.

Раньше я упоминалъ относительно того, что камчадалы разнообразятъ свой незатѣйливый столъ различными травами и кореньями, придающими какой-нибудь вкусъ. Здѣсь еще разъ позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о такъ называемомъ осеннемъ промыслѣ сараны, описанномъ выше. Промышленники тщательно отыскиваютъ такіе запасы по тундрамъ, руководясь многочисленными кучками земли, выгребаемой маленькими грызунами, при устройствѣ своихъ подземныхъ ходовъ, на дневную поверхность. Судятъ о томъ, есть ли въ данномъ мѣстѣ запасъ сараны или нѣтъ, по особому звуку, производимому вкалываемой въ землю палки съ желѣзнымъ наконечникомъ, называемой здѣсь „теликàшкой". Въ настоящее время производство этого промысла отличается отъ времени Крашенинникова только тѣмъ, что тогда часть запаса оставлялась обязательно сборщиками для зимняго питанія мышей, а теперь выбирается весь запасъ, не разсуждая, какъ отнесутся къ этому мыши. Крашенинниковъ въ своемъ классическомъ описаніи Камчатки говоритъ, ч. II, стр. 229: „И будто мыши по вынятіи изъ-норъ ихъ зимняго запаса безъ остатку отъ сожалѣнія и горести давятся, ущемя шею въ развилину какого-нибудь кустика: чего ради камчадалы и никогда всего запаса у нихъ не вынимаютъ, но оставляютъ по нѣскольку, а сверхъ того кладутъ имъ въ норы сухую икру въ знакъ попеченія о ихъ цѣлости. Но хотя всѣ означенныя обстоятельства самовидцы утверждали за истину, однако оно оставляется въ сумнѣніи до достовѣрнѣйшаго свидѣтельства: ибо на камчатскихъ скаскахъ утверждаться опасно".

На стр. 194 и 195 того же произведенія приводится

описаніе обыкновенной сараны или кругляшки, которую Крашенинниковъ называетъ *Lilium flore atro-rubente*, и другой видъ овсянки — *Lilium radice tunicata, foliis spartis, floribus reflexis corollis revolutis.*

„Камчатскія бабы и казачьи жены коренье сей травы копаютъ въ осеннее время, но больше вынимаютъ изъ мышьихъ норъ и, высуша на солнцѣ, въ кашу, въ пироги и въ толкуши употребляютъ, а за излишествомъ продаютъ пудъ отъ четырехъ до шести рублевъ“. Среди жителей, ничѣмъ въ своихъ занятіяхъ не отличающихся, какъ сказано, отъ жителей пройденныхъ острожковъ можно еще болѣе, чѣмъ въ Колпаковой, встрѣтить лицъ, особенно изъ женской половины населенія, которыя отличаются своимъ болѣе консервативнымъ характеромъ, понимающихъ камчадальскій языкъ. И здѣсь, какъ въ только-что оставленной Колпаковой, привычка женщинъ носить маленькихъ ребятъ „на заплечкахъ“ обращаетъ на себя невольно вниманіе.

Относительно хода рыбы по рѣкѣ Крутогоровой и др. ближайшихъ привожу слѣдующее, сообщенное главнымъ образомъ старшиной Крутогорскаго селенія, Петромъ Трапезниковымъ, или, какъ его знаютъ болѣе, Федосычемъ, однимъ изъ лучшихъ промышленниковъ селенія, весьма толковымъ человѣкомъ. Самой первой рыбой, поднимающейся по Крутогоровой рѣкѣ, является такъ называемая „каюрка“, рыбка по величинѣ немного меньше горбуши. Каюрка очень походитъ по формѣ на чавычу и на кижуча. Одновременно съ этой рыбкой появляется „чавыча“. Вслѣдъ за чавычей идетъ такъ называемая „густая рыба“, — названіе дапо по количеству идущей рыбы, въ составъ которой входятъ: хайко, горбуша, лѣтній кижучъ (кижучъ различается какъ лѣтній и осенній), красная рыба (*S. Lycaodon* Pall.), кунжа, упомянутая выше каюрка и голецъ (*S. Callaris* Pall.). Далѣе идетъ такъ называемый осенній кижучъ и ходъ рыбы заканчивается — „семгой“ (*S. trutta*). Весной, начиная съ

20-го мая, развившіеся изъ икры, мальки (общее для мальковъ по всему полуострову названіе „гóльчики") сплываютъ въ море, не будучи по величинѣ болѣе одного вершка. Передаютъ, что горбуша, зайдя по ошибкѣ въ другую рѣку, большею частью погибаетъ (устываетъ). Послѣ процесса выметыванія икры или „лощанія" рѣдкая только рыба, т.-е. единичные экземпляры, выплываютъ обратно въ море, но большая часть погибаетъ, не возвратившись въ море. Семга начинаетъ заходить въ рѣку обыкновенно въ концѣ августа, въ теченіи зимы держится по всей рѣкѣ, только въ небольшомъ количествѣ достигая вершины рѣки. Начинаетъ метать икру или „лощать" съ 1-го мая, какъ только вскроется рѣка, заходя для этого въ небольшія тундровыя рѣчки. Періодъ лощанія оканчивается въ концѣ мая, иногда въ началѣ іюня. Въ противоположность другимъ лососевымъ, какъ-то: чавыча, хайко, кижучъ, горбуша, погибающимъ, какъ сказано, почти до послѣдняго экземпляра въ рѣкѣ послѣ лощанія, только рѣдкая семга снетъ послѣ икрометанія, оставаясь, въ громадномъ большинствѣ совершенно здоровой послѣ этого процесса, какъ и до него, и съ окончаніемъ его въ началѣ же іюня уходитъ обратно въ море. *Голецъ* (*Salmo callaris* Pall. мальма), подобно семгѣ, заходитъ въ рѣки въ концѣ августа, зимуетъ тамъ, мечетъ икру, и въ концѣ мая сплываетъ постепенно въ предъустьевыя пространства рѣкъ и дальше въ море. Кунжа заходитъ въ составѣ вышеназванной „густой" рыбы, зимуетъ въ рѣкѣ и сплываетъ обратно въ море вмѣстѣ съ гольцами. Относительно срока лощанія гольцами и кунжей—достовѣрно неизвѣстно. Несомнѣнно только то, что кунжа, по словамъ жителей, по веснамъ, когда развившаяся изъ икры рыбья молодь идетъ въ море, пребываетъ въ губѣ, т.-е въ устьевомъ, можно сказать, пространствѣ рѣки, сплывая сюда и оставаясь здѣсь, очевидно, чтобы питаться „гòльчиками". Микижа живетъ въ рѣкѣ постоянно.

Изъ разговоровъ съ жителями выяснилось, что словомъ

„кунчь" опредѣляется всякая промоина въ высокихъ увалахъ или горахъ, всякій распадокъ, падь или падушка. Вотъ почему и рѣчкамъ, протекающимъ по крутоберегимъ падушкамъ, какъ вышепоименованныя, дается это общее названіе „кунчей". Сравнивая тундру съ моремъ и встрѣчающіеся по ней березники съ островами, получающіеся межъ такими островками-березниками промывы, или съуженная часть тундры, т.-е. какъ бы тундровой перешеекъ, называется мѣстными жителями „ýважичь". Вообще нужно сказать, что, начиная съ Воровскаго селенія далѣе на сѣверъ — среди словъ разговорнаго русскаго языка, употребляемыхъ инородцами—все чаще и чаще встрѣчаешься съ чисто камчадальскими, сохранившимися во всей неприкосновенности и пріобрѣтшими, такъ сказать, право гражданства, какъ объ этомъ говорилось ранѣе. Такъ, птица, встрѣчающаяся очень часто на тундрахъ, принадлежащая къ совинымъ, вѣроятно, *Nictea nivea* Tacz., называется одинаково и „мышеловкой" и „бплокъ". Другая птица изъ дневныхъ совъ, попадающаяся часто по березникамъ, надо полагать, *Surnia ulula* Dyb., называется по-русски „филиномъ", по мѣстному „чэхчэхъ". Птица эта кричитъ, издавая звукъ, похожій на „чэхъ". Существуетъ повѣріе, что когда чэхчэхъ кричитъ рѣдко, т.-е. два или три раза, то это предвѣщаетъ счастье, т.-е. случается, конечно, хотя и не всегда, что, отправляясь по тому направленію, откуда слышался ея крикъ, на охоту, глядишь, что-нибудь и добудешь—или оленя, или медвѣдя. Наоборотъ, если она кричитъ, подлетая къ какому-нибудь дому, сильно и часто, то это предвѣщаетъ всегда несчастіе, или болѣзнь, или даже смерть. Живетъ она, по словамъ тѣхъ же разсказчиковъ, по березовымъ лѣсамъ въ дуплахъ. Приводя всевозможныя свѣдѣнія, передаваемыя инородцами относительно звѣрей и птицъ, помѣщаю дословное описаніе летучей мыши. „По лѣтамъ летаетъ въ сумеречное время птица—не птица, звѣрь—не звѣрь, а съ мышьими зубками и носикомъ; крылья на

немъ кожаныя; настоящихъ ногъ только двѣ. Птица-то она птица, а все-таки, по нашему-то, она—звѣрь. Называемъ мы ее „медвѣженкомъ“. Раньше тоже было повѣріе, что „настояще“ большой медвѣдь, звѣрь надъ звѣрями, превращался въ такого маленькаго. Туша у него покрыта шерстью, точно такой же, какъ и у обыкновенныхъ мышей“.

Верстахъ въ двухъ по рѣкѣ ниже селенія находится устье праваго притока Крутогоровой — Ша́дашха, мѣсто хорошо примѣтное еще далеко отъ селенія, благодаря своему высокому правому берегу, круто поднимающемуся отъ самой рѣки саженъ на двадцать въ вышину. Пользуясь дневной остановкой въ Крутогоровой, я вмѣстѣ съ названнымъ старостой Федосычемъ отправился на бату къ этому мѣсту, чтобы поближе посмотрѣть на представляемыя этимъ яромъ обнаженія. Черезъ нѣсколько минутъ мы были подъ яромъ.

По правому берегу Шадашха и далѣе отъ его устья по правому же берегу Крутогоровой тянется ровной линіей этотъ яръ или увалъ, высотою, какъ сказано, до 20 саженъ. Въ обнаженіи его, какъ разъ при впаденіи Шадашха въ Крутогорову, видно, что весь онъ, отъ вершины до самаго нижняго края, состоитъ изъ перемежающихся пластовъ песку, въ которомъ попадаются не крупные окатанные круглые камни (галька), уплотненнаго и сцементированнаго желѣзными окислами почти до степени песчаника. Это не вполнѣ уплотненный песчаникъ въ водѣ очень легко размокаетъ и становится мягкимъ; въ сухомъ видѣ легко разламывается руками и разсыпается на мелкіе куски. Приблизительно на половинѣ высоты всего обнаженія проходитъ небольшой пластъ чистой гальки (рѣчника), мало смѣшанной съ тѣмъ же пескомъ. Какъ ниже, такъ и выше этого пласта встрѣчаются въ пескахъ сравнительно крупные и тяжелые камни. При расколѣ они оказываются свѣтлаго цвѣта съ отпечатками растительныхъ остатковъ — желваками желѣзной руды. Пластъ гальки окрашенъ желѣзными же окислами. При самомъ устьѣ р. Ша-

дашха нижнiй пластъ состоитъ изъ глины, окрашенной въ красный цвѣтъ, выше этого пласта межъ песковъ залегаетъ небольшой, до одного аршина, пластъ бураго угля, который, однако, нѣсколько уже саженъ ниже совершенно исчезаетъ, обнажаясь вновь, какъ говорятъ, только еще ниже по теченiю. Въ пластахъ уплотненной глины находится масса отпечатковъ листьевъ, и даже самыхъ листьевъ, еще не успѣвшихъ вполнѣ исчезнуть, и другихъ растительныхъ остатковъ, напоминающихъ ольховыя соплодiя. Нѣсколько ниже устья Шадашха въ томъ же увалѣ видно нѣсколько ключей. Осадокъ ключей — желѣзные окислы. Вода на вкусъ сильно отзываетъ желѣзомъ. Въ общемъ въ обнаженiяхъ попадается много лигниту. Лигнитъ, кажется, остатки лиственницы. Въ одномъ изъ камней попались, между прочимъ, отпечатки и остатки, видимо, трехъ шишекъ какого-то хвойнаго дерева. Верхнiй пластъ—довольно крупный сѣрый песокъ. Въ дополненiе привожу описанiе Дитмара, относящееся, несомнѣнно, къ обнаженiю близъ Шадашха, хотя въ описанiи ошибочно говорится о Колпаковой; стр. 633: „Nur an einer Stelle, nahe vom Ort Kompakowa, erhob sich das rechte Ufer bis zu einer Hohe von etwa 100 Fuss. und zeigte eine grosse Felsentblossung, in welcher die tertiären Schichten fast genau wie bei Sedanka zu Tage treten zuunterst graubrauner Lehm mit Steintextur, darauf 3 Fuss Braunkohlen, bedeckt von einer schmalen Schicht von Spherosideriknollen mit Pflanzenresten, dann mächtige Schichten vom hellem Sandstein und zuoberst grosse Massen von Grand und Grus.—Es schien hier der letzte Abfall tertiärer Schichten zu Tage zu treten, die schon von Itscha an in immer geringeren Massen sich zeigten“.

Возвращаясь въ селенiе, я еще разъ испыталъ на себѣ, какъ трудно управлять батомъ, въ особенности идя противъ теченiя, и сколько нужно ловкости и разсчетливаго приложенiя мышечной силы на такъ называемыхъ шиверахъ или перекатахъ, чтобы, не говоря уже о сообщенiи бату поступа-

тельнаго движенія, сохранить стоя равновѣсіе, не выпасть самому и не опрокинуть слишкомъ подвижного суденышка.

По пути къ селенію, староста между прочимъ, сообщилъ, что въ эту осень въ Крутогоровской рѣчкѣ почти совсѣмъ не было осенняго кижуча и что по вышеназванной рѣчкѣ Кища поднимается вверхъ семга, голецъ и кижучъ (послѣдняго бываетъ, впрочемъ, всегда очень мало).

К. Дитмаръ, проѣзжая Крутогорову въ 1853 году въ сентябрѣ, говоритъ, что это селеніе находится на лѣвомъ берегу одноименной рѣки, приблизительно верстахъ въ 15 отъ моря. Пять домовъ, въ которыхъ живутъ 21 мужчина и 24 женщины, образуетъ все селеніе. Лошадей тутъ совсѣмъ нѣтъ, но зато было 19 коровъ. По переписи, производившейся Окружнымъ Управленіемъ въ 1890 году, въ этомъ селеніи числилось 31 мужчина и 27 женщинъ, всѣхъ ясачныхъ 14 душъ. Въ мой проѣздъ въ 1894 г. было всѣхъ жителей болѣе 50 человѣкъ, въ томъ числѣ 13 душъ ясачныхъ. Домовъ 12, т.-е. на одинъ болѣе, чѣмъ въ этотъ разъ и шесть головъ лошадей. Конечно, приведенныя данныя далеко недостаточны для категорическаго заключенія относительно убыли или прибыли населенія, тѣмъ не менѣе такая рѣзкая разница за такой значительный промежутокъ времени съ 1853 по 1897 гг., выражающаяся въ приведенныхъ цифрахъ домовъ въ селеніи, жителей и скота, не даетъ еще основанія допускать убыль по крайней мѣрѣ въ такихъ размѣрахъ, какъ о томъ имѣютъ обыкновеніе многіе говорить, не считаясь съ имѣющимися фактами.

1853	г.	домовъ	въ	Крутогоровой	5,	жит.	45,	рог.	ск.	19,	лош.	0
1890	„	„	„	„	—	„	58	„	„	—	„	—
1894	„	„	„	„	12	„	58	„	„	80	„	6
1896	„	„	„	„	11	„	—	„	„	83	„	6

Выше мною было упомянуто, что на Камчаткѣ вообще названія вѣтровъ употребляются, такъ сказать, европейскія,

т.-е. остъ, нордъ, вестъ и зюдъ, съ соотвѣтствующими подраздѣленіями. Но, кромѣ этихъ, общеупотребительныхъ, и повсемѣстныхъ, есть названія чисто мѣстныя. Такъ въ Крутогоровой мнѣ назвали SSW — Курильскимъ вѣтромъ или Куриломъ, приносящимъ всегда сырую, ненастную погоду; вѣтеръ между чистымъ остомъ и куриломъ называется камчаткой, такъ же, какъ и остовый. Но различіе между этими двумя камчатскими вѣтрами то, что въ то время какъ первый, соотвѣтствующій приблизительно SW — подобно курилу — бываетъ ненастливый, послѣдній или чистый восточный — всегда сопровождается ясной и теплой погодой.

Изъ Крутогоровскаго селенія переваливаютъ черезъ западный Срединный хребетъ въ долину Камчатки по вершинѣ рѣки Колпаковой въ селеніе Шерома, о чемъ сказано ранѣе. Переѣздъ этотъ на собакахъ совершается въ 2—3 дня, а на коняхъ возможно скорой ѣзды на четвертый или на пятый, даже на шестой день. Такъ этимъ путемъ вели скотъ въ Петропавловскъ 2 августа 1894 года.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Колпакову обыкновенно ѣздили по морской кошкѣ, но теперь этотъ несомнѣнно болѣе короткій и болѣе твердый путь оставленъ, потому что найденъ неудобнымъ. Его неудобство заключается въ томъ, что баты, которые приходилось держать на морской кошкѣ на случай переправы черезъ рѣчки, или уносились моремъ, или разбивались (портились) медвѣдями, отъ чего избавиться не имѣлось никакихъ средствъ. Кромѣ того, устье рѣки Колпаковой, бывшее ранѣе гораздо ближе къ устью р. Крутогоровой, отступило далѣе на югъ, оставивъ вмѣсто прежняго — неудобную для переправы рѣчку. Начиная отъ Крутогоровскаго селенія по направленію къ Облуковиной приходится переѣзжать слѣдующія рѣчки:

1) Крутогорова. Начало свое эта рѣка беретъ въ Западномъ Срединномъ хребтѣ, приблизительно отъ селенія на 120^0 SE, правѣе видимой отсюда въ хребтѣ высокой сопки.

Правобереговый увалъ ея виденъ отъ 278° NW до 140° SO. Устье, какъ замѣчено, ниже селенія приблизительно въ 25 верстахъ. Передъ впаденіемъ въ море рѣка эта, подобно большинству, образуетъ довольно длинную губу или заливъ. Рыба промышляется жителями въ Крутогоровой.

Крашенинниковъ о Крутогоровской рѣкѣ говоритъ только слѣдующее: часть I, стр. 73: „Въ 36 верстахъ отъ Нуккую течетъ рѣчка Тылуса (Крутогорова), надъ которою стоитъ „Та̀хлаатынумъ“ Камчатской острожекъ; а недоѣзжая до ней верстъ за 11 пала въ море небольшая рѣчка Кшуа, которая вершинами изъ болотъ вышла“.

Дитмаръ на стр. 631 говоритъ: въ рѣчникѣ Крутогоровой находилась пестрая смѣсь породъ, свидѣтельствовавшихъ, казалось, о томъ, что рѣка выноситъ свой рѣчникъ изъ болѣе южной части Срединнаго кряжа. Древневулканическія породы встрѣчались рѣже, въ то время какъ чаще появлялись слюдяные и глинистые сланцы, даже мелкозернистые граниты и др. породы, содержащія слюду и роговую обманку.

2) Ша̀дашха, вершина ея оканчивается въ березникѣ, не доходя до хребта; составляетъ, какъ сказано, правый притокъ Крутогоровой. Также рыбная; чавычи, впрочемъ, по ней идетъ мало. Жителями и здѣсь промышляется рыба запорами, которые ставятся обыкновенно въ ея нижнемъ теченіи, вблизи устья. 3) Рѣчушка безъ особаго названія,— беретъ начало въ березникѣ, около тундры. Изливается въ рѣчку На̀танакъ.

4) На̀танакъ, начинается, подобно предыдущимъ, въ березникѣ, устьемъ выходитъ въ губу Крутогоровской рѣки.

5) Половинная,—вершина также въ березникѣ, впадаетъ названный Натанакъ. Всѣ эти рѣчки рыбныя.

6) Шхи́кіунча,—вершина въ березникѣ на тундрѣ, впадаетъ въ рѣку Облуковинскую, значительно ниже селенія.

7) Шхи́кіа, также тундровая рѣчка, впадающая въ Облу-

ковину; передъ впаденіемъ сливается съ вышеназванной Шхикіунча.

8) Шну́умча, тундровая, — притокъ Облуковины. Рыбы бываетъ мало, главнымъ образомъ кижучъ.

9) По̀укъ, — тундровая, устье въ рѣку Облуковину, ниже селенія. Всѣ перечисленныя рѣчки встаютъ обыкновенно въ послѣднихъ числахъ октября и постоянно къ 1 ноября.

16 октября было ясное, довольно холодное утро, когда рѣшено было выѣхать дальше въ Облуковинское селеніе и уже не на собакахъ, а снова на лошадяхъ, въ виду того, что послѣднимъ способомъ можно было разсчитывать добраться въ одинъ день, тогда какъ по безснѣжью, по кочковатой и мокрой тундрѣ, на собакахъ пришлось бы и на этомъ сравнительно короткомъ переѣздѣ въ 25 верстъ, гдѣ-нибудь заночевать, не добравшись до селенія. Раннимъ утромъ, при ясномъ небѣ, еще можно было разглядѣть на горизонтѣ темный массивъ Бѣлой сопки или Ко̀тхлёнга, или (по сѣверно-камчадальски) Фхэ̀алинъ, на 58^0 NO. Въ 9 h. 13 m. a. переправились на батахъ на правый берегъ р. Крутогоровой, въ то время какъ приготовленныя, т.-е. засѣдланныя лошади были переведены тутъ же бродомъ; разстояніе, приблизительно съ версту, отъ селенія до берега рѣки у переправы прошли пѣшкомъ довольно крупнымъ тополевымъ лѣсомъ. Верхами, сперва тропой, идущей тальниками по берегу Крутогоровой, потомъ небольшой, но мокрой тундрой, оканчивающейся невысокими, до 2 саженъ увалами, на рр. Крутогорову и Шадашха, мы выѣхали на берегъ послѣдней рѣчки въ 9 h. 55 m. a. Названный увалъ, которымъ оканчивается тундра, представляетъ, несомнѣнно, древній берегъ Крутогоровской рѣки. Присутствіе ихъ достаточно убѣдительно говоритъ за нѣкогда гораздо бо́льшую величину всѣхъ рѣчекъ, протекающихъ на полуостровѣ. Точное изслѣдованіе этихъ террасъ могло бы раскрыть причины усыханія камчатскихъ рѣкъ, поставивъ это въ зависимость можетъ

быть отъ исчезанія нѣкогда громадныхъ ледниковъ. Теперь на этой тундрѣ, какъ бы остатками водныхъ запасовъ, являются многочисленныя озерки, расположенныя террасами по направленію къ рѣкѣ Крутогоровой. Вышеупомянутый правобереговой увалъ при устьѣ Шàдашхи находится отъ мѣста переправы черезъ эту рѣчку приблизительно въ 100—150 саженяхъ. Онъ, образуя ниже устья Шадашхи правый берегъ Крутогоровой, всюду покрытъ березовымъ лѣсомъ и представляетъ первую, можно сказать, возвышенность на западномъ берегу Камчатки, начиная отъ Большерѣцка. Увалъ этотъ, по словамъ жителей, ровной грядой доходитъ почти до самаго берега моря. Нѣсколько другихъ грядъ виднѣется также не такъ далеко отъ селенія на востокъ. При приближеніи къ этому увалу, онъ представляется окончаніемъ открывающейся отсюда далѣе на сѣверъ, слегка холмистой или волнистой мѣстности, занятой не столь мокрыми тундрами, какъ это было до сихъ поръ. Переправившись черезъ Шадашху, поросшую по берегамъ таловымъ и тополовымъ лѣсомъ, пошли по мокрой тундрѣ, залегающей по правому берегу рѣчки до самаго названнаго увала. Въ 10 h. 5 m. a. поднялись на увалъ и вошли въ березовый лѣсъ. Сухо. Это явленіе, что подъ ногами сухая почва, настолько рѣдко, что на него обращается вниманіе путника, привыкающаго здѣсь брести по напитаннымъ водою, подобно губкѣ, торфянымъ пространствамъ безконечныхъ тундръ. Въ 11 h. 10 m. a. переѣхали рѣчушку безъ названія въ самой ея вершинѣ. Въ 11 h. 45 m. a. рѣчку Натанакъ, имѣющую вершину недалеко отъ дороги. По этой рѣчкѣ растетъ рѣдкій и мелкій тальничекъ. Къ сожалѣнію и на этомъ увалѣ, оказавшемся дѣйствительно холмистой грядой, поросшей березовымъ лѣсомъ, противъ ожиданія, имѣется много хотя и небольшихъ, но также мокрыхъ и кочковатыхъ тундръ, со всѣхъ сторонъ опоясанныхъ березниками. Въ 12 h. 10 m. переѣхали рѣчку Половинную и остановились на ея правомъ берегу дать нѣсколько

отдохнуть лошадямъ. По правой сторонѣ рѣчки и тутъ тянется невысокій, саженъ до десяти увалъ, то подступающій къ самому берегу, то нѣсколько отъ него удаляющійся. По лѣвому берегу также увалъ, но значительно ниже правобереговаго. Въ одномъ мѣстѣ, вблизи перехода черезъ рѣчку, имѣется въ правомъ высокомъ увалѣ обнаженіе, позволяющее видѣть въ немъ слои мелкаго песку, подобно вышеописанному увалу по Шадашхѣ и Крутогоровой.

Въ этихъ песчаныхъ пластахъ встрѣчаются караваями камни, совершенно такого же состава, какъ и упомянутыя сферосидеритовыя включенія по Шàдашхѣ. Здѣсь же виденъ глинистый сланецъ, очень хрупкій, съ такими же включеніями растительныхъ остатковъ, какъ по Крутогоровой, такъ и по Шàдашхѣ.

Въ одномъ изъ взятыхъ отсюда кусковъ хорошо видны отпечатки довольно крупныхъ листьевъ какого-то двухдольнаго растенія и три отпечатка плодовъ.

Въ рѣчкѣ было видно нѣсколько живыхъ маленькихъ пятнистыхъ рыбешекъ, и нѣсколько штукъ уснувшаго кижуча „снёнки". Остановились у этой рѣчки́, потому что здѣсь имѣется для лошадей небольшая поросль хвоща. Въ общемъ, до этой рѣчки, мѣстность оставалась холмистой. Березники начинаютъ видимо преобладать надъ тундрами, отходящими здѣсь на второй планъ, представляясь какъ бы заглохшими и заросшими озерками среди массовыхъ березниковъ; въ то время, какъ до сихъ поръ тундры играли, безспорно, первую роль, а березовые лѣски, наоборотъ, являлись среди нихъ островками, о чемъ говорено было въ свое время. Рѣчки Натанакъ и Половинная—шириною не болѣе двухъ аршинъ, и почти вездѣ поэтому можно черезъ нихъ или перешагнуть или перескочить. Всюду лежитъ тонкій, не прикрывающій даже низкой тундровой травы, снѣжный покровъ. Въ 1 h. 50 m. p. поѣхали дальше. Черезъ полчаса переѣхали въ вершинѣ рѣчку Шхикіунчу. Правый берегъ высокій, по лѣ-

вому залегаетъ небольшая тундра. Еще черезъ полчаса переѣхали рѣчку Шхикіа. Правый берегъ Шхикіа, какъ и всѣхъ предыдущихъ рѣчекъ, возвышенный. По лѣвому берегу двухъ послѣднихъ рѣчекъ — довольно обширная тундра. Насколько можно видѣть издали, въ обнаженіяхъ берегового увала Шхикіа залегаютъ глины и пески. Въ руслѣ той же рѣки обломки какихъ-то сланцевъ. По берегамъ рѣдкій тальникъ.

Тутъ застали двухъ облуковинскихъ камчадаловъ, пріѣхавшихъ сюда, чтобы „замостить" рѣчку. Въ 3 h. 20 m. p. встрѣтилось на пути небольшое (въ нѣсколько саженъ) кругловатое озерко по срединѣ обширной тундры. Отсюда очень хорошо видны хребты. Особенно красивъ видъ на Бѣлую сопку, царственно высящуюся надъ остальными хребтами. Правѣе отъ этого колосса, гдѣ какъ бы прерывается непосредственно къ ней примыкающій хребетъ, представляя какъ бы обширное ея подножіе, проводники указываютъ мѣсто — падь, изъ которой выходитъ вершина рѣки Ичинской. Въ показуемомъ направленіи виднѣется круглая сопочка, которая съ правой стороны, считая отъ нашего пути, огибается главной вершиной Ичи, а слѣва, т.-е. съ сѣверной стороны, второй — меньшей. Сопочка эта называется будто бы Ичинцелли-Тхунжева. Еще правѣе, т.-е. южнѣе, выдѣляется въ хребтѣ острая, какъ сахарная голова, — гора, подъ которой (слѣва) протекаетъ вершина р. Облуковиной. Въ 3 h. 40 m. p. перешли рѣчку Шнуумчу. Въ 4 h. 50 m. переѣхали Пòукъ; рѣчка эта имѣетъ съ лѣвой стороны маленькій притокъ, вливающійся въ Поукъ у мѣста переѣзда черезъ послѣдній и называемый Тивенай; Поукъ по обоимъ берегамъ поросъ тальникомъ. Правый берегъ болѣе возвышенный.

Выйдя на тундру, по которой протекаютъ Поукъ и Тивенай, мы сдѣлали большой объѣздъ, слѣдуя берегомъ Тивенай — вплоть до упомянутаго впаденія его въ Поукъ. По правую сторону послѣдней рѣчки залегаетъ тундра, доходя-

щая до самаго селенія. Съ этой тундры издали виднѣется Облуковинская церковь, выкрашенная въ бѣлый цвѣтъ. Перейдя и эту послѣднюю тундру, почти передъ самыми домами селенія пришлось перебрести еще одну рѣчушку „Кіай", отдѣляющуюся отъ Поука неширокой грядой березника. Въ 5 h. 20 m. p., наконецъ, добрались и до Облуковскаго селенія, сдѣлавъ разстояніе отъ Петропавловска едва на двадцать седьмыя сутки. Облуковинскимъ селеніемъ заканчивается область поселеній такъ называемыхъ низовыхъ камчадаловъ, или тнум-лёнъ, какъ ихъ называютъ жители-острожковъ, находящихся сѣвернѣе Облуковины, именуемые, въ свою очередь, первыми — давнайками. Слѣдующее сѣверное отъ Облуковины селеніе—Ича,—представляетъ какъ бы переходную ступень между тнум-лёнъ и давнайками, но въ виду того, что тамъ еще сохранились разсказы о старинѣ глубокой, что жителей половина на половину говорятъ по-русски и по камчадальски, что склонны болѣе причислить себя къ давнайкамъ, чѣмъ къ болѣе обрусѣвшимъ тнум-лёнъ, мнѣ представляется болѣе цѣлесообразнымъ, не выдѣляя „Ичи" въ какую-то особую группу, что было бы несогласно съ дѣйствительностью, отнести это селеніе къ области давнайскихъ поселеній.

Поэтому, заканчивая Облуковиной первую половину своего пути по Западному берегу Камчатки, я позволяю себѣ нѣсколько долѣе остановиться на этомъ селеніи, которое служило на этотъ разъ и цѣлью нашего путешествія.

Считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о самомъ селеніи и его обитателяхъ. Селеніе Облуковинское, или, просто, „Облуковина", расположено на лѣвомъ берегу одноименной рѣки, верстахъ въ 30—40 отъ ея устья. По общему характеру построекъ, т.-е. домовъ, амбаровъ и пирамидальныхъ рыбныхъ балагановъ, по отсутствію какого-либо плана въ возведеніи построекъ, — селеніе это нисколько не отличается отъ перечисленныхъ выше. Единственное отличіе отъ

другихъ камчадальскихъ острожковъ отъ Большерѣцка, заключается въ церкви, какъ уже объ этомъ было упомянуто. Когда было основано это поселеніе и кѣмъ, мы не находимъ нигдѣ и никакихъ указаній, какъ и для большинства камчадальскихъ поселеній. У Крашенинникова, часть I, стр. 73, мы читаемъ: „въ 24 верстахъ отъ Тылусы слѣдуетъ Шеагачь, знатная рѣчка, которая просто *Оглукоминою* именуется и течетъ изъ станового хребта, изъ подъ горы Схануганъ, т.-е. поршень. Сія рѣчка пала устьемъ въ одну нутреннюю губу съ упомянутаго Тылусу. Въ верху ея отъ устья верстахъ въ 30 находится Камчадальскій острожекъ Такаутъ, въ которомъ проѣзжающіе на Камчатку въ переѣздъ за хребетъ обыкновенно приготовляются".

Дитмаръ на стр. 630 говоритъ: „Мѣстечко Облуковина лежитъ въ 30 верстахъ отъ устья одноименной рѣки на ея лѣвомъ берегу. Въ селеніи 9 домовъ, 32 мужчины, 25 женщинъ, 35 коровъ, 3 лошади и нѣсколько худыхъ огородовъ. Состояніе здоровья, кажется, очень плохо, такъ какъ самъ тойонъ лежитъ боленъ въ ужасныхъ язвахъ, которыми форменно покрытъ весь".

По даннымъ упомянутой переписи населенія 1890 года въ Облуковинѣ числилось 52 мужчины и 39 женщинъ. Въ 1894 году мною со словъ жителей записано общее число населенія въ 150 человѣкъ. Въ настоящее время здѣсь имѣется 19 домовъ, изъ которыхъ четыре принадлежатъ лицамъ духовнаго званія. Всѣхъ жителей насчитывается 118 человѣкъ. Составъ населенія тѣ же камчадалы—тнумъ-лёнъ, какъ и въ пройденныхъ остальныхъ инородческихъ острожкахъ. Кромѣ нихъ, составляющихъ значительное большинство населенія, есть нѣсколько лицъ смѣшаннаго происхожденія (это лица духовнаго званія). Благодаря тому обстоятельству, что въ созданіи послѣднихъ участвовала когда-то русская кровь, всѣ они считаютъ себя среди остального коренного Облуковинскаго населенія людьми привилегированными, за

какихъ почитаются и чистыми камчадалами. По самому положенію своему (духовные) они, не представляя, ничего изъ себя начальственнаго и ничѣмъ собственно не отличаясь отъ камчадаловъ, въ то же время смотрятъ на послѣднихъ, какъ на низшую расу, какъ на дикарей и стараются всегда воспользоваться своимъ измышленнымъ преимуществомъ, относясь къ нимъ какъ-то смѣшно покровительственно. Всѣ они живутъ, можно сказать, въ значительной мѣрѣ на иждивеніи общественниковъ-камчадаловъ, которые поставляютъ своему „пастырю“ духовному со всѣмъ клиромъ дрова, даютъ квартиры, даютъ работниковъ и, вообще, чѣмъ только могутъ работаютъ на нихъ. Населеніе Облуковиной дополняется еще семьей торговца Косыгина.

Такимъ образомъ, все населеніе можно раздѣлить на два класса: аристократовъ, къ которымъ относятся духовные и торговцы, и плебеевъ—камчадаловъ, не могущихъ въ своемъ роду похвалиться ни бабушкой, ни прадѣдушкой, которые были бы также „откуда-то изъ русскихъ, сказываютъ, мѣстъ“. Нами говорилось ранѣе, что какъ селенія западнобереговыхъ камчадаловъ, такъ и сами они чрезвычайно между собою сходны, — настолько, что все относящееся къ какому-либо одному селенію и его жителямъ также вѣрно относится и къ каждому другому. Поэтому-то немногое, что̀ нами записано относительно облуковинцевъ, равно можетъ быть отнесено и къ инородцамъ южнѣе и сѣвернѣе этого селенія. Постепенно увеличивающееся смѣшеніе языковъ: испорченнаго русскаго и камчадальскаго нами также отмѣчено. Говоря о занятіяхъ тнум-лёнъ, мы полагаемъ возможнымъ раздѣлить ихъ на три категоріи, правда, не съ особенной вѣрностью, но для большинства: 1) занятія чисто мужской половины населенія, 2) занятія женской половины и 3) занятія, одинаково раздѣляемыя какъ мужчинами, такъ и женщинами. Къ первой категоріи нужно отнести главнымъ образомъ звѣриный промыселъ, охота за соболями, медвѣдями, нерпами, оле-

нями и т. п., постановка и устройство рыбныхъ запоровъ, устройство нартъ, уходъ за собаками, исправленіе „путей сообщенія“ (какъ мы выше видѣли — устройство примитивныхъ мостовъ по осенямъ черезъ рѣчки), рубка и вывозка лѣса и стройка домовъ и др. надворныхъ строеній, заготовка дровъ, сѣна, отбываніе натуральной повинности — каюрства. Ко второй категоріи—выдѣлка шкуръ и приготовленіе обуви и одежды, заготовка растительныхъ продуктовъ и приготовленіе пищи, уходъ за дѣтьми, присмотръ за домомъ, уходъ за коровами, огородъ. Къ третьей категоріи — уборка добытой рыбы, пластаніе рыбы и вообще заготовка ея въ прокъ. Относительно вообще звѣринаго промысла и охоты мною записано въ Облуковинскомъ селеніи слѣдующее, со словъ мѣстныхъ коренныхъ жителей-промышленниковъ.

Выдра. Выдра промышляется здѣсь главнымъ образомъ по рѣкѣ Облуковиной, какъ въ нижнемъ ея теченіи, такъ и по ея вершинамъ, рѣдко когда по рѣкѣ Коконокъ. Чаще всего промыселъ ведется капканами; случается убивать выдру и изъ ружья, но это бываетъ очень рѣдко, именно случайно. Употребляемые капканы—желѣзные, средней величины, пріобрѣтаются отъ мѣстныхъ камчатскихъ торговцевъ. Промыселъ выдры производится въ теченіе всего года, такъ какъ шкура, т.-е. мѣхъ, нисколько не измѣняется отъ времени года. Тѣмъ не менѣе, въ лѣтнее время выдра промышляется менѣе, чѣмъ въ другія времена, что зависитъ исключительно оттого, что большая часть времени у всего населенія уходитъ на рыбный промыселъ. Для постановки капкана предварительно изслѣдуется берегъ, гдѣ и какъ наичаще выходитъ на берегъ выдра. Въ зависимости отъ мѣстности, капканъ ставится или на самомъ берегу, или же вблизи берега въ водѣ и прикрѣпляется обыкновенно къ ближайшему дереву, или къ кусту, или же къ колу, спеціально для того вколоченному (въ томъ случаѣ, если нѣтъ поблизости ни деревьевъ, ни кустовъ). Никакой приманки не употребляется. Черезъ извѣст-

ный промежутокъ времени, на слѣдующій день или болѣе, капканы осматриваются промышленникомъ. Попавшіеся звѣрки, если еще живы, тутъ же убиваются ударами палки по головѣ и, обыкновенно, на мѣстѣ же съ нихъ снимается шкурка (выпластываются). Снятыя шкурки затѣмъ сушатся или дома, т.-е. въ селеніи, если звѣрь „добывается" вблизи селенія, или же на „становьѣ", въ томъ случаѣ, когда промыселъ ведется вдали отъ селенія „въ лѣсу". Сушка шкурокъ производится на такъ называемыхъ „правилкахъ". Правилки (названіе отъ выраженія „править или „выправлять" шкурку, т.-е. придать извѣстную форму) представляетъ собою доску, постепенно къ одному концу съуживающуюся, различной толщины, но обыкновенно въ срединѣ $^1/_2$ вершка.

Длина правилки зависитъ отъ величины шкурки; послѣдняя натягивается на эту доску съ хвостовой части, отчего шкурка выдры высушенная значительно длиннѣе ея естественной величины.

Цѣна шкурки на мѣстѣ колеблется, по словамъ жителей, отъ 6 до 10 рублей, въ зависимости отъ величины. Необходимо сказать, что эти цѣны считаются „на товаръ", продающійся торговцами въ нѣсколько разъ дороже противъ цѣнъ на него не только въ Россіи, но и во Владивостокѣ.

Относительно образа жизни этихъ животныхъ, играющихъ не послѣднюю роль въ экономическомъ отношеніи въ быту инородцевъ, намъ удалось узнать не многое, потому что жизнь ихъ плохо извѣстна даже самимъ инородцамъ, имѣющимъ и время, и необходимость знать всѣ привычки всякаго промыслового звѣря. Выдры щенятся, „надо полагать" (такъ осторожно выражаются инородцы о томъ, чего не знаютъ достовѣрно) „въ весеннее время".

Доказательствомъ этого можетъ служить случай, когда промышленникъ у добытой въ маѣ мѣсяцѣ выдры, по вскрытіи матки, нашелъ тамъ четыре плода.

Одному жителю случилось поймать въ капканѣ въ іюнѣ

мѣсяцѣ небольшую выдру-щенка, величиною въ 2 четверти, считая вмѣстѣ съ хвостомъ. Щенятся, принося, предположительно, по два, по три и рѣдко по четыре дѣтеныша. Ко времени разрѣшенія выдры-матки уходятъ въ норы, искусно вырываемыя ими въ крутыхъ берегахъ рѣки (подъ ярами); норы выстилаются обыкновенно мелкими гнилушками. Каждая нора всегда идетъ отъ воды нѣсколько наклонно кверху. Ростъ выдры продолжается года четыре; по истеченіи приблизительно этого срока дѣти достигаютъ величины матери („равняются съ маткой").

Промышленниками безошибочно различаются выдры по возрастамъ двухъ и трехъ-годовалыя, — старше называются вообще „взрослыми".

Бѣгаться начинаютъ, какъ предполагаютъ, по достиженіи трехъ лѣтъ. Это предположеніе выводится изъ того, что выдры этого возраста, попадающіяся въ капканы, иногда оказывались беременными. Самецъ выдры живетъ все время отдѣльно, за исключеніемъ періода течки, питаясь, главнымъ образомъ, рыбой; въ зимнее время, вѣроятно, гольцами (*S. callaris*), микижей и кунжей.

Выдры, особенно въ названное время года, дѣлаютъ довольно большіе переходы по сушѣ, направляясь въ отыскиваніи пищи изъ одной рѣчки въ другую. Бѣгаютъ выдры по сушѣ очень быстро, почти съ одинаковой ловкостью, какъ и въ водѣ. Зимой, когда рѣчки покрываются ледяной корой, капканы становятся на такихъ мѣстахъ, гдѣ по рѣкѣ есть полыя мѣста, т.-е. „пòлыньи", или же въ ключахъ, которые обыкновенно не замерзаютъ въ теченіе всей зимы. Наибольшая величина, которой достигаетъ выдра, семь четвертей, считая въ это число и хвостъ. Величина шкурокъ (выправленныхъ) очень часто бываетъ въ ручную сажень, самыя большія бываютъ въ сажень съ четвертью (ручныя). Изъ приведенныхъ размѣровъ можно судить, какъ сильно правилки измѣняютъ величину шкурокъ.

Соболь. Соболь въ настоящее время промышляется съ 15 октября по 1 марта. Соболій промыселъ послѣ рыбнаго можетъ быть сочтенъ, мнѣ кажется, по той доходности, которую онъ даетъ инородцамъ, самымъ главнымъ, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его значеніе не только приравнивается, но даже можетъ быть поставлено ниже охоты на медвѣдей по той важности, какую играютъ послѣдніе звѣри въ домашнемъ обиходѣ инородца, что, надѣюсь, само собой выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія и о чемъ было уже сказано ранѣе. Въ общемъ, промыселъ соболей производится такимъ образомъ.

Съ наступленіемъ срока открытой охоты промышленники въ началѣ промысловаго сезона, пока не выпадетъ глубокій снѣгъ, прекращающій ѣзду на лошадяхъ, выѣзжаютъ въ мѣста, гдѣ водится соболь, или на лошадяхъ (само собой разумѣется, что „верхомъ“), или на собакахъ, что зависитъ прежде всего отъ того, имѣется ли у другого лошадь, или нѣтъ, отъ расчета, скоро ли ожидается снѣгъ и насколько глубокій, можно ли найти въ мѣстахъ охоты кормъ для лошадей и т. д. Всѣ обстоятельства, какъ бы онн ни казались не-промышленнику мелкими и незаслуживающими вниманія, весьма тщательно взвѣшиваются и обсуждаются. Вырѣшивъ этотъ вопросъ, начинаютъ сборы къ отъѣзду.

Съ собою берутъ запасъ провизіи, по расчету на время охоты (сюда входятъ, смотря по состоянію, ржаные сухари, кирпичный чай, юкола, даже сахаръ, масло и соль), такъ называемую „соболью сѣтку“, лыжи, ружье, капканъ, если онъ есть, звѣровую собаку, если таковая также имѣется.

Обыкновенно выѣзжаютъ на 15—20 дней. Кто можетъ взять корму для собакъ на болѣе долгій срокъ, тѣ и остаются въ лѣсу болѣе долгое время. На лошадяхъ изъ опасенія снѣжныхъ заваловъ уѣзжаютъ только до хребтовъ, а „на собакахъ“ ѣдутъ всегда дальше, именно, до предѣла березовыхъ лѣсовъ, глубоко въ самые хребты. Прибывъ на мѣсто

предполагаемой охоты, устраиваютъ такъ называемое „становье“, т.-е. временное жительство въ лѣсу, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ живетъ соболь, что узнается по слѣду. Когда и это устроено, раннимъ утромъ отправляются на лыжахъ на охоту, дождавшись „переноги“. „Переногою“ называется „возможность ясно различать слѣдъ звѣря“. Возможность эта получается въ томъ случаѣ, если за ночь къ утру выпадаетъ свѣжій снѣгъ.

Въ особенности перенога хороша, если снѣгъ шелъ не всю ночь, а только передъ утромъ. „Перехвативъ слѣдъ“ (см. выше), „гонятъ“ его. Благодаря тому обстоятельству, что соболь, бѣгая главнымъ образомъ передъ разсвѣтомъ, тѣмъ не менѣе, успѣваетъ дѣлать очень большіе и запутанные пути, приходится, прежде чѣмъ заставить соболя куданибудь спрятаться, ходить на лыжахъ по слѣду часто цѣлый день до потемокъ, поднимаясь высоко на хребетъ, скатываясь оттуда обратно, снова въ гору и т. д. Нерѣдко случается также, что промышленникъ, совершенно измученный и утомленный продолжительной ходьбой, бываетъ вынужденъ, не догнавъ и не заставъ звѣря, возвратиться ни съ чѣмъ на „станъ“. Чаще, однако, бываетъ, что соболь или самъ по себѣ съ наступленіемъ дня прекращаетъ охоту и куда-либо на день укрывается, или же, чуя за собою погоню, спѣшитъ забиться или среди камней, если это бываетъ въ хребтахъ, или въ дуплистомъ стволѣ дерева, или въ стелящійся кедровникъ, или подъ корень дерева, и, само собой понятно, что разъ соболь куда-либо спрятался, то слѣдъ прекращается у мѣста укрытія, и тогда начинается собственно „промыселъ“. Если соболь спрятался въ камняхъ, то прежде всего („первымъ дѣломъ“) ставятъ вокругъ мѣста, гдѣ расчитываютъ сидитъ соболь, „сѣтку“. Сѣтка (постановка) расчитывается на то, куда долженъ и куда можетъ уйти соболь. Отъ этого расчета очень много зависитъ успѣхъ промысла: „если худо расчитать, то съ тѣмъ только и оста-

нешься", говоритъ промышленникъ: „соболь тогда уйдетъ". Поставивъ сѣтку начинаютъ собирать дрова, бересту, за тѣмъ, чтобы развести огонь. Снѣгъ нѣсколько раскапываютъ и разводятъ огонь въ расщелинахъ камня. Если дымъ не идетъ по трещинамъ въ средину камней, то и соболь не выходитъ. Иной разъ случается, что караулятъ у камня и ночь, и другой день, соболь все сидитъ, не выходитъ; на третью ночь тоже не выходитъ, развѣ только выйдетъ на четвертую ночь. Сильный холодъ, что часто бываетъ въ хребтахъ, невольно принуждаетъ охотника оставить такого соболя („упрямаго"), такъ какъ „найти соболя" случается чаще всего „вдали отъ стана".

Въ томъ случаѣ, когда соболь выбѣгаетъ изъ своего убѣжища, выгнанный дымомъ, то его убиваютъ тутъ же, или палкой, или его въ сѣткѣ хватаетъ собака, или же стрѣляютъ изъ ружья дробью.

Случается, что соболь, когда собака и промышленникъ „зазѣваются", перегрызаетъ ячею сѣтки и убѣгаетъ (ночью). Обыкновенно, если дымъ „хорошо идетъ въ камень" („добрый камень дымъ въ испóдь тянетъ"), соболь скоро выскакиваетъ и становится жертвой. Иной соболь („хитрый") не запутывается въ сѣткѣ, а бросается подъ ея нижнiй конецъ, и тогда убѣгаетъ.

Для означенiя неудачной охоты, т.-е. когда соболь уйдетъ, существуетъ у промышленниковъ выраженiе „отпускать соболя".

Соболя, живущiе обыкновенно въ каменистыхъ мѣстахъ (въ камняхъ), называются „каменщиками". Соболи, заходящiя въ „лѣсину", т.-е. въ дуплистые деревья, называются „добрыми" соболями. На вопросъ, почему же такой соболь называется добрымъ и въ чемъ эта доброта выражается, отвѣчаютъ „такъ-што — добрый соболь — это тотъ, который заходитъ, какъ попало,—тотъ добрый бываетъ"; „нелукавый", иными словами „добрый соболь"—это такой, котораго легко

добыть, потому что онъ прячется въ первое представляющееся ему убѣжище, не разбирая, насколько оно безопасно. „Лукавый“ — синонимъ — хитрый. Какъ выше замѣчено, по словамъ промышленниковъ, соболь самъ охотится въ громадномъ большинствѣ случаевъ ночью передъ разсвѣтомъ, забиваясь по днямъ въ укромные уголки. Но встрѣчаются соболи, бѣгающіе по днямъ, — этотъ родъ соболей извѣстенъ подъ названіемъ „деньщиковъ“, — произведенное отъ день. Такого соболя „деньщика“ застаютъ обыкновенно сидящимъ гдѣ-нибудь на комлѣ дерева. Этихъ соболей промышлять очень трудно по той причинѣ, что они еще до прибытія промышленника вскакиваютъ и заблаговременно убѣгаютъ дальше. Ихъ удается добыть развѣ только тѣмъ изъ охотниковъ, у кого есть лошадь, такъ какъ на лошади по неглубокому, разумѣется, снѣгу можно все-таки гораздо болѣе выѣздить разстоянія и „утомить соболя“, чѣмъ на лыжахъ. „Въ кедровники“ также заходятъ соболи „не лукавые“, напротивъ, „добрые“. Лукавые соболи уходятъ почти всегда въ камни. „Они знаютъ эти каменья еще лучше нашего брата-человѣка, куда взойти и откуда выйти“. Куда бы соболь ни зашелъ, онъ промышляется, какъ сказано, разставляя сѣтку предварительно. „Добывать“ соболя ружьемъ случается чаще въ томъ случаѣ, если собольей сѣтки нѣтъ. Шкурки добытыхъ пушныхъ звѣрей, какъ-то: соболей, выдръ, бѣлыхъ песцовъ (голубыхъ на Камчаткѣ совсѣмъ нѣтъ), лисицъ и отчасти медвѣдей — почти до послѣдней, сбываются мѣстнымъ торговцамъ, вымѣниваясь, главнымъ образомъ, какъ говорилось, на кирпичный чай, черкасскій табакъ, частью на муку, порохъ, свинецъ, матеріи и др. предметы домашняго обихода. Рѣдко-рѣдко у кого-нибудь останется шкурка выдры или лисицы, тогда это идетъ или на подбивку рукавицъ (лисицъ), или на оторочку („опушку“) кухлянки, торбасовъ, рукавицъ и т. п. предметовъ. Такія шкурки, оставляемыя для домашняго употребленія, въ такомъ случаѣ „выдѣлываются“.

Выдѣлка состоитъ и производится слѣдующимъ образомъ: прежде всего шкурка скоблится, со стороны, конечно, мездры, или ножомъ, или „скребкомъ“. „Скребкомъ“ называется орудіе, служащее спеціально для скобленія („выдѣлки“) шкуръ. Скребки бываютъ частью желѣзные, частью каменные. Обыкновенно — округлой формы. Потомъ шкурка мнется руками, чтобы была мягче. Для той же цѣли она намазывается рыбьей икрой (обыкновенно свѣжей), подсушивается и снова мнется руками.

Если намазанная икра держится очень крѣпко, такъ что руками бываетъ невозможно ее отмять, въ такомъ случаѣ шкурка осторожно (помаленьку) отдѣлывается тѣмъ же „скребкомъ“. Иными, кромѣ того, у выдры выдергивается ость, т.-е. длинный и жесткій волосъ, и оставляется только пухъ, отчего такая шкурка пріобрѣтаетъ бархатистый видъ и бо̀льшую мягкость. Иногда шкурка подкрашивается ольховой корой, которая предварительно для этой цѣли заваривается въ какомъ-нибудь сосудѣ (обыкновенно въ деревянномъ корытцѣ) горячей водой, и потомъ шкурка, поливаемая со стороны шерсти этой настоенной водой, содержащей значительное количество дубильнаго вещества, натирается также „по шерсти“ грязью отъ брусово̀го камня. „Брусовой камень“ (обыкновенный точильный камень) добывается вблизи хребтовъ. На такомъ камнѣ обыкновенно натирается какое-нибудь желѣзо. Естественно, что при треніи желѣзо стирается и смѣшивается съ частицами камня (при треніи камень поливается небольшими порціями водой) и образуется, дѣйствительно, грязь съ большимъ содержаніемъ мелкихъ частицъ желѣза. Эти частицы желѣза, очевидно, окисляются въ водѣ, и эти окислы съ дубильнымъ веществомъ ольховой коры обусловливаютъ почернѣніе шкурки.

Послѣ такого чернѣнія шкурка снова сушится и снова мнётся, на этотъ разъ дѣлаясь годной къ употребленію.

Вымачиваніе шкуры въ настоѣ ольховой коры и потомъ

натираніе такою желѣзистою грязью — самый обычный и единственный способъ „чернѣнія шкуръ“ у инородцевъ Камчатки.

Та нечистота и грязь, которая такъ бросается въ глаза всякому проѣзжающему новому человѣку черезъ инородческія селенія, находитъ свое объясненіе вполнѣ достаточное не въ лѣни, которою щедро надѣляютъ это истинно въ потѣ лица добывающее хлѣбъ свой—юколу—населеніе, а напротивъ, въ недостаткѣ свободнаго времени и въ физической невозможности за отсутствіемъ свободныхъ рукъ, при страшной бѣдности, держать какъ домъ, такъ и одежду на себѣ нѣсколько чище. Чтобы не быть голословнымъ въ своемъ заявленіи о крайней матеріальной недостаточности камчатскихъ инородцевъ, я позволю привести, конечно не абсолютно точныя, но приблизительно вѣрныя оффиціальныя данныя о количествѣ добытаго пушного звѣря за 1890 и 1891 года.

Въ 1890 году было добыто всего въ Петропавловскомъ округѣ соболей 1.354, медвѣдей — 1.303, лисицъ — 327 и выдръ—363.

Въ 1891 году въ томъ же округѣ было добыто всего: соболей 1.908, медвѣдей 903, лисицъ 825, выдръ 460.

Принимая эту пушнину по высокой цѣнѣ (въ среднемъ), а именно: соболя по 15 руб., медвѣдя по 10 руб., лисицу по 3 руб. и выдру по 6 руб.—получится общая стоимость добытой пушнины: въ 1890 году въ 36.519 руб. и въ 1891 году въ 42.765 рублей. Беря въ круглой цифрѣ населеніе округа въ 8.000 и считая среднюю семью въ 5 человѣкъ, имѣемъ на семью въ 1890 году — 22 руб. 82 коп. и въ 1891 году — 26 руб. 72 коп. Пусть каждый судитъ самъ, какъ можно обставить жизнь при такой доходности и какую можно требовать чистоту въ одеждѣ. Цифры эти говорятъ съ достаточной убѣдительностью сами за себя, въ особенности, если принимать, что необходимо, во вниманіе, существующія цѣны въ округѣ и въ городѣ на предметы первой необходимости.

Кирпичъ чаю отъ 50 к. и дороже, аршинъ ситцу отъ 30 к. и дороже, и все въ такой же пропорціи. Обычный недостатокъ табаку и чаю въ лѣтнее время по селеніямъ, особенно отдаленнымъ отъ города, называемый жителями „голодовкой"—табачной или чайной, также служитъ лишнимъ доказательствомъ крайней бѣдности камчадала. При проѣздѣ моемъ черезъ сѣверныя селенія округа, именно, черезъ Палланъ и Кинкиль, мнѣ были сообщены жителями слѣдующія цифры годовой добычи пушного звѣря за 1896 г.: въ Палланѣ — соболей 6, лисицъ 23 и медвѣдя 2. Въ Кинкилѣ: соболей 5, лисицъ 7 и выдры 2. Изъ этого числа въ Паланѣ: 6 соболей и 9 лисицъ ушли въ уплату подушной подати или „я́сака", такимъ образомъ для населенія осталось только 14 лисицъ и 2 медвѣдя, что дало всего 62 рубля на 20 домовъ, или по 3 руб. 10 коп. на домъ!!! А въ Кинкилѣ пять соболей внесены въ „ясакъ". Осталось для населенія 7 лисицъ и 2 выдры; считая по 5 р. выдру, получили — 31 р. на 12 домовъ, или 2 руб. 58 коп. на домъ! — „Ужъ какой это у насъ чай будетъ!?" справедливо говоритъ житель Паллана на мой вопросъ, неужели у нихъ нѣтъ даже кирпича чаю? Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія для поддержанія чистоты, стремленіе къ таковой имѣется и выражается въ частомъ мытьѣ пола и въ крашеньѣ печей, дверей, потолковъ и стѣнъ различныхъ цвѣтовъ глинами, о чемъ говорилось выше.

Здѣсь, въ Облуковинскомъ селеніи для этой цѣли добывается бѣлая глина на берегу рѣчки Поука, въ мѣстѣ, извѣстномъ у жителей подъ названіемъ „Хирункля". Желтую глину для окраски стѣнъ берутъ въ нижнемъ теченіи рѣки Облуковины въ мѣстечкѣ, называемомъ Ма̀штанга.

Обычная одежда инородца, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, состоитъ изъ рода широкополой рубашки, сшиваемой изъ выдѣланныхъ оленьихъ шкуръ (ровдугъ), называемой камле́ей, поверхъ которой въ зимнее время года надѣвается

такая же рубашка изъ такихъ же оленьихъ шкуръ, но только съ шерстью (кухлянка), изъ штановъ, приготовляемыхъ также изъ ровдуги и, наконецъ, изъ торбасовъ (родъ сапогъ), различаемыхъ по матеріалу какъ: ка̀масы (зимняя обувь), бродни, кожаные торбаса и дымлёнки или дымлёные торбаса̀. Все отличіе одежды мужской отъ женской состоитъ въ томъ, что камле́и и кухлянки, носимыя женщинами, нѣсколько длиннѣе и еще шире мужскихъ. На головѣ носится женщинами какой-нибудь платокъ или такъ называемый „полуша̀локъ", — мужчинами какой-нибудь — пережившій поколѣнія, картузъ, иногда ходятъ съ непокрытой головой. Въ зимнее время носится мѣховая шапка-малахай и рукавицы. Вліяніе русскихъ сказалось также въ томъ, что почти у каждаго изъ инородцевъ, по крайней мѣрѣ, до Облуковинскаго селенія имѣется платье изъ какой-либо матеріи. Такъ, женщинами шьются, само собой разумѣется, не по парижскимъ картинкамъ, ситцевыя платья, и даже у франтихъ найдется пара тяжеловѣсныхъ ботинокъ и менѣе удобныхъ и менѣе изящныхъ, чѣмъ хорошо сшитыя и хорошо вычерненныя торбаса̀. Но подражаніе модамъ „изъ-за рѣки" беретъ свое, и за̀валь, не нашедшая себѣ сбыта въ Россіи, находитъ сбытъ среди здѣшнихъ инородцевъ, вытѣсняя практичную и удобную по мѣстнымъ условіямъ и болѣе дешевую обувь. Мужчины шьютъ себѣ изъ какой-нибудь „чортовой кожи" брюки, нося „на выпускъ" поверхъ также пріобрѣтаемыхъ (немногими) сапоговъ, и пиджаки, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, „спинджаки" (о покроѣ мы не станемъ говорить). Всѣ эти драгоцѣнности, иногда можно увидѣть даже галстукъ и крахмальную сорочку, лежатъ гдѣ-нибудь далеко въ сундукѣ и спѣшно надѣваются при проѣздѣ какого-либо начальственнаго лица, или въ большой праздникъ. Мнѣ нерѣдко приходилось заставать сцены такого спѣшнаго переодѣванія изъ обычнаго рабочаго костюма въ праздничный, quasi-европейскій, когда, неожиданно пріѣхавъ въ какое-нибудь селеніе, войдешь въ

квартиру, обыкновенно—домъ старосты селенія. Тогда хозяева, узнавъ кто пріѣхалъ, спѣшно за стѣной, нисколько не стѣсняясь вашего присутствія, начинаютъ переодѣваніе, являя послѣ того достойную кисти художника смѣсь всѣхъ цвѣтовъ и всевозможныхъ покроевъ.

Въ Облуковиной жителями также разводятся огороды, какъ въ самомъ селеніи (при домахъ) такъ и въ лѣсу (рѣпища).

Въ огородахъ садятъ картофель преимущественно. Пробуютъ иногда садить и капусту, но она не завивается „въ кочень", давая только листъ. Рѣпа родится всегда хорошо. Земля въ огородахъ „раздѣлывается" какъ женщинами, такъ и мужчинами. Орудіемъ для этого служитъ такъ называемая „капори́лка". Капори́лкой называется палка, загнутая на одномъ концѣ въ видѣ крюка. Рѣпное сѣмя, при посадкѣ, берется женщинами „въ ротъ" и такимъ образомъ, выпрыскивается или „расплевывается" („расплевывать" сѣмя — выраженіе общепринятое). Въ огородахъ на грядахъ разсаживается также и „руками". Если „случится" имѣть сѣмя рѣдьки, то и оно садится. Недостатокъ сѣмянъ, ихъ недоброкачественность, общая жалоба на то, что сѣмянъ „добрыхъ" достать не откуда, еще разъ заставляютъ говорить о желательности особаго сельско-хозяйственнаго надзора, предметомъ котораго было бы какъ наблюденіе за промыслами, такъ и за несложнымъ инородческимъ сельскимъ хозяйствомъ; объ этомъ мною упоминалось выше. Картофель служитъ значительнымъ подспорьемъ въ однообразной пищи камчадала, состоящей, главнымъ образомъ, изъ рыбы.

Здѣсь я приведу нѣсколько „кушаній". Однимъ изъ деликатессовъ являются такъ называемыя „кислыя (рыбьи) головки". Это кушанье приготовляется такимъ образомъ. Отъ свѣжаго кижуча (*S. sanguinoloatus*) отрѣзается голова, распарывается брюхо и вынимается икра. Головки помѣщаются въ какую-нибудь посуду „въ икру" и тамъ держатся пока не

„укиснутъ“. Слишкомъ сильно (шибко) „укисать“ не даютъ, а только лишь въ такой мѣрѣ, чтобы головки не оставались совершенно свѣжими, а были бы съ душкомъ. Когда хотятъ „кислыя головки“ употребить въ пищу, то сперва по вынутіи изъ посуды, хорошенько вымываютъ и тогда подаютъ на столъ; при этомъ нужно сказать, головки эти поѣдаются, не прибѣгая къ помощи ножа, потому что онѣ въ икрѣ становятся достаточно мягкими (не крѣпкими). Вынимаемая въ лѣтнее время изъ рыбы икра (при пластаніи рыбы) большею частью за массою ея выбрасывается, а по зимамъ скармливается (изъ запасовъ) собакамъ.

„Толкуша мясная“. Сперва мясо варится, потомъ толчется въ сельницѣ („кòпхо или ткàтачъ“) вмѣстѣ съ оленьимъ жиромъ или „сдòромъ“ („Сдоръ“ или „вcдоръ“, вѣроятно, отъ слова „сдирать“, означаетъ снятый, содранный, съ оленя жиръ), также съ жиромъ медвѣжьимъ, нерпичьимъ, лахтажьимъ. Потомъ къ этому прибавляются различныя ягоды, напримѣръ, ши́кша, брусника; если же никакой ягоды нѣтъ, то мѣшается съ картофелемъ. Послѣ этого „толкуша“ готова къ употребленію. „Раньше“, говоритъ одинъ изъ жителей Облуковины—Василій Петровъ, — „мать приготовляла „толкушу“ изъ кипрейныхъ высушенныхъ (съ лѣта) листьевъ и измельченныхъ въ порошокъ“ (подобно „прошкѣ“). Эти кушанья не представляютъ вовсе какой-либо особенности Облуковинскаго острожка, а приготовляются также и по другимъ острожкамъ.

Говоря о Колпоковскомъ селеніи, мною упомянуто было нѣсколько игръ, тѣ же игры и здѣсь. Относительно ихъ или „забавъ“ сообщено такъ: „въ бирюльки“ нынче не замѣтно, чтобы играли, но раньше играли.

Дѣти въ лѣтнее время играютъ больше всего по рѣкамъ, потому что взрослые въ то время тоже на рѣкахъ рыбой занимаются. Дѣти, играючи, удятъ рыбу, ставятъ свои „запòрчики“ на „гольчиковъ“, разбѣгиваютъ по уваламъ, дого-

няя другъ друга, рѣзвятся по-своему. Играютъ въ „мячики“. Мячикъ („ме́чикъ“) дѣлается изъ березоваго (мягкаго) нарòста. Играющія становятся „кру́гомъ“ и кто-нибудь изъ нихъ бросаетъ „ме́чикъ“ въ средину. „Мечикъ“ отскакиваетъ, кто-нибудь старается его въ это время поймать и задѣть имъ товарища (т.-е. другого играющаго) и опять бросаетъ и т. д. Игра въ „лахты“: мячикъ подкидывается палкой. Игра соотвѣтствуетъ въ „лапту“. Игра въ „ямки“: на снѣгу выкапываются ямки, каждый играющій имѣющеюся у него длинною палкой-ключкой упирается каждый въ свою ямку. Число ямокъ равняется числу играющихъ безъ одного. У кого на рукахъ мячикъ, тотъ старается „ключкой“ подбросить его такъ, чтобы попасть въ ногу или вообще въ другого играющаго. Если попадетъ, тогда тотъ становится къ ямкѣ. Перескакиваютъ ремень: двое вертятъ ремень, а третій, четвертый и т. д., стараются перескочить черезъ середину раскачиваемаго ремня. „Борятся“ очень рѣдко. Вотъ и всѣ развлеченія дѣтей.

Заканчивая этимъ замѣтки о жителяхъ Облуковинскаго селенія, скажу еще нѣсколько словъ, касающихся мѣстоположенія его. Селеніе, расположенное, какъ сказано, на лѣвомъ берегу р. Облуковиной, находится среди обширной равнины, переходящей вблизи самаго селенія въ мокрыя тундры. Единственною возвышенностью около селенія является небольшая гряда березника, оканчивающаяся безлѣснымъ мыскомъ, извѣстнымъ мѣстнымъ жителямъ подъ названіемъ „Ру́нокля“. Этотъ „Рунокль“ виденъ верстахъ въ двухъ отъ селенія на SW. Слово „рунокль“ не есть, какъ бы казалось, имя собственное, а только нарицательное, означающее, какъ мнѣ представляется на основаніи разспросовъ и наблюденій, вообще всякую возвышенность, оканчивающуюся мысомъ среди равнины. Бѣлая сопка видна изъ селенія на 72^0 NO. Островерхая сопка, у подножія которой находятся истоки Облуковинской рѣки, видна подъ угломъ 106^0 SO. Вышеупоминав-

шаяся рѣчка „Кіай“ начинается двумя вершинами: одна вытекаетъ изъ озера, верстахъ въ пяти отъ селенія, другая—беретъ начало въ тундрѣ.

Рѣчка эта мелкая, но рыбная, по ней идутъ: гольцы, хайко, красная, горбуша и немного кижича. Сама Облуковинская рѣка, по словамъ жителей, начинается въ хребтахъ тремя вершинами, въ разстояніи отъ селенія „трехъ дней ѣзды на собакахъ“ по хорошей дорогѣ, т.-е. приблизительно верстахъ въ 150. Вершины ея близко подходятъ къ вершинамъ рѣки Киргàника, лѣваго притока р. Камчатки, почему ихъ теченія и служатъ переваломъ чрезъ Западный Срединный кряжъ, о чемъ говорилъ еще Крашенинниковъ.

Весьма возможно, что приводимое Крашенинниковымъ названіе горы „Схáнуганъ“, изъ подъ которой будто бы течетъ Облуковина, относится именно къ той „островерхой“ сопкѣ, на которую въ настоящее время указываютъ жители, какъ на находящуюся вблизи истоковъ этой рѣки. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится селеніе, рѣка дѣлаетъ очень много протокъ, берега которыхъ покрыты крупнымъ и густымъ тополовымъ лѣсомъ и тальникомъ. Въ одинъ изъ проѣздовъ черезъ Облуковину, я 13 сентября 1894 г. нашелъ въ рѣкѣ t 6,5° R въ то время какъ t наружнаго воздуха была только 4,2° R. На вопросъ, когда рѣка встаетъ и вскрывается, мнѣ было сообщено, что Облуковинская рѣка замѣчательна среди другихъ рѣкъ западнаго побережья Камчатки тѣмъ, что встаетъ только къ Рождеству, а иногда еще и позже этого времени, въ то время какъ другія рѣки встаютъ уже въ концѣ октября мѣсяца. Вскрывается Облуковина, приблизительно, съ 10 марта и окончательно очищается ото льда къ Благовѣщенію. Въ руслѣ Облуковиной попадается галька слюдяныхъ сланцевъ и др. слюду содержащихъ породъ. На пути въ Ичинскій острожекъ кромѣ рѣки Облуковины приходится переѣзжать рѣчки:

Лéгокъ, небольшая рѣчка, начинающаяся въ тундрѣ и

впадающая въ Облуковину верстахъ въ 20-ти ниже острожка съ правой стороны. Рыба по этой рѣчкѣ идетъ мелкая. Въ верхнемъ ея теченіи растетъ по берегамъ тальникъ и ольховникъ, ниже по теченію лѣсу нѣтъ вовсе.

Кȯконокъ, рѣчка также тундровая, значительно бȯльшая первой. Впадаетъ въ губу Ичи. По берегамъ — густыя заросли таловаго и ольховаго лѣсу. Рыбная. Встаетъ въ ноябрѣ, что зависитъ отъ наступленія холодовъ. Губа рѣки Ичи и Облуковинской близко подходятъ одна къ другой, раздѣляясь промежуткомъ не болѣе четырехъ верстъ.

Кȯкономча и Тцви́вича, обѣ маленькія тундровыя рѣчушки, впадающія въ Ичинскую губу. Рыба идетъ та же, что и въ большія рѣки, кромѣ чавычи.

Шкуткъ. Небольшая тундровая рѣчка. Относительно мѣста впаденія ея, жители не могутъ сказать навѣрное; говорятъ, что или въ Ичинскую губу, или въ самую рѣку.

Кжȯкіо, рѣчка, протекающая уже вблизи Ичинскаго острожка и въ прибрежныхъ тальникахъ рѣки Ичи, наконецъ, сама рѣка Ича.

ГЛАВА V.

Отъ Облуковиной до Ичи.

21-го октября 96 года я, пробывъ въ Облуковинскомъ селеніи четверо сутокъ въ тщетномъ выжиданіи, когда установится зимній путь, несмотря на шедшій ночью дождь вмѣсто ожидавшагося снѣга, рѣшилъ, наконецъ, отправиться въ дальнѣйшій путь на сѣверъ по западному побережью Камчатки; и прежде всего въ ближайшее отъ Облуковины селеніе—острожекъ Ичу.

Выбравшись на нартѣ, запряженной 10-ью собаками, изъ густыхъ тальниковъ и другого лѣса, покрывающаго берега рѣки Облуковиной, на болѣе чистое мѣсто, въ 10 h. 20 m. a., мы перешли на правый берегъ послѣдней протоки Облуковинской рѣки—Ушхкію.

Проѣзжая или, вѣрнѣе, пробѣгая за нартой чрезъ береговыя заросли Облуковиной, можно видѣть, что въ этомъ мѣстѣ очень много сухихъ канавъ, по которымъ, внѣ сомнѣнія, весною течетъ вода, много ручейковъ, рѣчекъ, протокъ; черезъ многіе изъ нихъ устроены мосты по случаю наступающей зимы для удобнѣйшаго черезъ нихъ переѣзда. Мосты эти представляютъ собою двѣ слеги, переброшенныя черезъ данную рѣчку, поперекъ которыхъ или просто наваливаются нарубленныя вмѣстѣ съ вѣтвями деревца тальника и ольховника, или же также слеги, до нѣкоторой степени очищенныя отъ сучковъ (слеги или карбасины). Послѣднее—въ томъ случаѣ, когда замащиваемая рѣчка болѣе значительной ширины и глубины.

Въ глубокія канавки - рытвины просто набрасывается хламникъ: два-три деревца, какъ попало. Здѣсь, среди зарослей тальника и ольхи (*Alnus viridis*), встрѣчаются и толстые стволы тополя. На берегу протоки мы остановились, чтобы подождать двѣ другихъ нарты, оставшіяся гдѣ-то назади и везшія багажъ. Обоняніе поражается запахомъ „снёнки“, валяющейся въ изобиліи по берегамъ.

Собаки съ жадностью набросились на совершенно почти истлѣвшую снёнку - горбуши. На протокѣ - Ушхкіѣ видны остатки рыбной ловушки-запора, которая ставится здѣсь для лова „первой“ чавычи, т.-е поднимающейся по рѣкѣ въ началѣ рыболовнаго сезона.

Въ 10 h. 45 m. a. отъ мѣста остановки поѣхали далѣе въ сѣверномъ направленіи, оставивъ одну нарту, такъ какъ ея каюръ (проводникъ) заявилъ, что ему очень трудно: собаки уже утомились и не везутъ. Поэтому онъ остался ждать

„подмоги“ въ видѣ еще одной лишней нарты, о которой „заказалъ“ въ селеніе.

Мокрой тундры пока не видно, — но вотъ показались и кочки, обыкновенно предвѣстники таковой, хотя это все еще не тундра, а только у́схыгъ или а́шхы́гъ, короче сказать— лугъ, поросшій высокоствольной *Angelica*. Въ 11 h. 50 m. a. добрались до рѣчки Лёгокъ. Въ 11 h. 20 m. a., когда окончилось сухое мѣсто, хотя и кочковатое, и началась ровная, но мокрая, теперь очень слабо подмерзнувшая тундра, я уклонился отъ дороги немного къ востоку, къ виднѣвшемуся среди тундры увалу, покрытому березовымъ лѣсомъ.

Подъ этимъ уваломъ протекаетъ небольшая рѣчка, впадающая въ Лёгокъ. Она не имѣетъ особаго названія, течетъ среди тундры, замѣтная издали только по желтой полосѣ травы, поросшей ея крутые берега. Пройдя черезъ увалъ и вспугнувъ въ березникѣ одного глухаря, скоро скрывшагося въ лѣсу, я спустился съ мыса, которымъ оканчивается увалъ, опять на тундру и пошелъ къ Лёгокъ, къ тому мѣсту, гдѣ остановилась нарта.

Рѣчка Лёгокъ, протекая по ровной поверхности тундры, имѣетъ съ праваго берега увалъ, сплошь одѣтый густымъ березовымъ лѣсомъ. Берега ея поросли тальникомъ и ольховникомъ. Въ то время, какъ мы остановились на лѣвомъ берегу названной рѣчки, задулъ сильный SO-вый вѣтеръ, нагнавшій низкія густыя тучи.

По времени (конецъ октября)—довольно тепло: снѣгу почти совсѣмъ нѣтъ. Лежитъ такъ себѣ маленькими клочками всюду, но не сплошь.

Измаявшіяся собаки лежатъ.

Смотря на нихъ, тяжело дышащихъ, невольно скажешь объ египетскомъ трудѣ самихъ каюрщиковъ бѣжать подлѣ нартъ, ках’ая, и хак’ая, и хуѓая на собакъ, въ то же время ежесекундно слѣдя, чтобы нарта не опрокинулась какимъ-нибудь образомъ среди качекъ, а это, конечно, легко воз-

можно,—и бродя по водѣ, такъ какъ тундры мокрыя, чтобы помочь собакамъ при затаскиваніи нарты на каждую, хотя и малую возвышенность.

Мы остановились, чтобы дать отдохнуть собакамъ, а также подождать отставшихъ проводниковъ. Прошло полтора часа времени, за которые мы успѣли закусить и напиться чаю, а отставшихъ все еще не было.

Дѣлать было нечего, приходилось дожидаться еще. Чтобы чѣмъ-нибудь занять время, вступаю въ разговоръ съ каюрщикомъ. Между прочимъ спрашиваю, сколько будетъ верстъ отъ мѣста нашей остановки до селенія?—Не знаю.—Какъ же такъ не знаете, вѣдь вы, вѣроятно, часто здѣсь бываете?—Да, бываемъ часто... Да, видишь, мы не знаемъ, какія это версты то...—Показываю приблизительно разстояніе, равное одной верстѣ.—А, ну, теперь, говоритъ, понялъ. Такихъ-то „верстъ" будетъ, пожалуй, шесть.

Я не знаю, вѣрно это или нѣтъ, но приблизительно да. Мы шли отъ тальниковъ рѣки Облуковиной 1 h. 40 m.; расчитывая, что дѣлали версты четыре въ часъ, получаемъ около шести верстъ.

Вотъ, наконецъ, послышались вдали голоса и лай собакъ: надо думать, что ѣдутъ. Пріѣхали едва лишь въ 4 h. 15 m. p. Это ужасно! Можно было бы за это время всѣ эти нарты (почти пустыя) перетащить сюда даже совсѣмъ безъ собакъ, силою одного человѣка.

Въ виду наступившаго поздняго времени приходилось волей-неволей остаться на ночь на берегу Лёгокъ, всего въ 6 верстахъ отъ селенія.

Вечеромъ тотъ же каюрщикъ дополнилъ приведенныя ранѣе свѣдѣнія о промысловыхъ звѣряхъ сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о росомахѣ (*Gulo borealis*).

„Росомахъ тоже звѣрь лѣсной, на медвѣдя походитъ, и слѣдъ очень похожъ на слѣдъ маленькаго медвѣженка; а только это не медвѣдь, а особенный звѣрь, значитъ. Да и

прехитрый же это звѣрь: настояще, можно сказать, лукавой! Ужъ какъ не хитрый, ежели случается, что одна убиваетъ даже большого медвѣдя.

Вотъ тоже: если росомахѣ не удается подняться на лѣсину, когда ее преслѣдуютъ собаки, то „онъ“ бросается на спину и защищается отъ собакъ когтями.

Не то что одна, а и двѣ собаки не возьмутъ „его“! Вотъ тоже и тѣмъ опять отмѣнна рòсомаха отъ медвѣдя, что на зиму не ложится въ „берлогъ“, а, напротивъ, всю зиму ходитъ, какъ и лѣто!..“

Щенятся, разсказываетъ далѣе, росомахи весною, предположительно въ мартѣ мѣсяцѣ, въ то время какъ медвѣди въ половинѣ и въ концѣ февраля. Дѣтей бываетъ отъ одного до пяти, хотя, прибавляетъ разсказчикъ, „достовѣрно“ мы этого не знаемъ.

Щенятся обыкновенно въ дуплахъ большихъ деревьевъ. По лѣсу, отыскивая добычу, ходятъ по одной.

Изъ другихъ сообщенiй я могъ отмѣтить только, что главная рѣка или „матерàя“ по-камчадальски называется хи́кихъ, а гряда, покрытая березовымъ лѣсомъ, оканчивающаяся мысомъ на тундрѣ и соотвѣтствующая éдомѣ жителей долины р. Камчатки, называется ки́льхинчь.

Всю ночь и весь слѣдующiй день, 22-го октября, шелъ и продолжаетъ идти снѣгъ и дождь, или, по мѣстному „сля́ча“. За невозможностью выѣхать въ такую погоду продолжаемъ сидѣть безвыходно въ палаткѣ. Коротая въ такихъ обстоятельствахъ медленно тянущееся время въ разговорахъ, стараешься, задавая тѣ или другiе вопросы, какъ-нибудь уяснить себѣ путемъ получающихся на нихъ отвѣтовъ внутреннiй складъ мыслей облуковинцевъ. — Такъ говорятъ о снахъ. „Если, говорятъ, мы видимъ во снѣ много рыбы, или что рыба эта попадаетъ въ запоръ, или просто идетъ только по рѣкѣ, или выбрасывается, какъ снёнка, на берегъ, то это предвѣщаетъ вообще счастье-удачу: — ну,

ужъ непремѣнно что-нибудь добудешь. Такъ и говори тогда, что добудешь чего-нибудь. И это вѣрно бываетъ, глядишь, на охотѣ и добудешь что-нибудь когда.

А вотъ, если мы видимъ, бываетъ, во снѣ, что будто бы ходилъ по горѣ,—ну, знаешь самъ,—тамъ всякія рѣчки—это бродимъ, а съ горы идетъ ненастье, ну, тогда, прямо такъ и говори, что тебѣ удачи не будетъ или что дома случится: тамъ или захвораетъ кто, или помретъ даже, или на охотѣ ничего не добудешь.

Вотъ тоже: ежели попа случится видѣть: если онъ просто въ черной рясѣ, то это значитъ—медвѣдя увидимъ [1]); если попъ ищетъ какую-нибудь книгу, или вообще чего тамъ потерялъ, или если вотъ церковь во снѣ увидишь, ну, тогда то же, выходитъ,—къ несчастью. Ужъ это всегда такъ бываетъ! Сны обыкновенно у насъ сбываются; ну, другой разъ, тоже случится, что и ничего не будетъ!"

Здѣсь, мнѣ кажется, кстати будетъ упомянуть о слѣдующемъ: вчера одинъ проводникъ куда-то затерялъ возлѣ палатки свой ножъ.

Нужно сказать, что всѣ инородцы Камчатки имѣютъ обыкновеніе, начиная съ отроческаго возраста, носить съ собою всегда на поясѣ ножъ, какъ необходимое орудіе при полукочевомъ или чисто кочевомъ образѣ жизни. Это обыкновеніе инородцевъ вошло въ обычай, почти безъ исключенія, и всѣхъ лицъ русскаго происхожденія. Сегодня утромъ и мнѣ долго неудавалось отыскать оброненный мною въ палаткѣ (въ травѣ) перочинный ножъ. Каюръ, видя мои старанія отыскать ножъ на очень небольшомъ пространствѣ, замѣчаетъ, какъ бы про себя: „ну, это ужъ мѣсто, выходитъ, такое несчастливое. Надо полагать (и при этомъ усмѣхается, желая показать этимъ, что онъ самъ не

---

[1]) Бывшій во время составленія этихъ замѣтокъ духовный отецъ облуковинцевъ и цвѣтомъ, и величиною, и силою имѣлъ большое сходство съ медвѣдемъ, такъ что такое совпаденіе становится вполнѣ естественнымъ.

придаетъ тому особаго значенія) оттого, что не дали ничего здѣшнему". Спрашиваю о значеніи этихъ словъ и говорю, что знаю, что далѣе на сѣверъ есть такой обычай бросать въ огонь „здѣшнему", т.-е. духу той мѣстности, нечистому, кусочки юколы. Тогда только проводникъ высказывается опредѣленнѣе и говоритъ, что это и у нихъ „также существуетъ обыкновеніе бросать здѣшнему: „мы, говоритъ, его, огонь то есть, потому уважаемъ" (уважать—въ смыслѣ почитать).

Въ 9 h. 15 m. a. дождь продолжаетъ идти, при томъ мелкій, настоящій осенній. Палатки, наши временныя помѣщенія, разумѣется само собой, совершенно вымокли... Дождь, мелкій какъ туманъ, скрываетъ изъ вида окрестности. Не знаешь, какъ выѣхать въ такую погоду. Тѣмъ не менѣе собираемся выѣзжать, надѣясь на улучшеніе погоды; замащиваютъ рѣчку и, понятно, мокнутъ при этомъ до послѣдней, какъ говорится, нитки. Въ ожиданіи, когда будетъ все готово и нѣсколько улучшится погода, лежишь въ палаткѣ, такъ какъ сидѣть или стоять въ ней изъ-за ея малой величины невозможно, и съ грустью смотришь на обнаженный прибрежный тальникъ, на печально выглядывающія палатки, на спокойно лежащихъ подъ дождемъ испеpемокнувшихъ собакъ, на тонкія нити неперестающаго моросить дождя да на крупныя капли, падающія съ обнаженныхъ деревьевъ, и, отъ невозможности дѣлать что-либо иное, просматриваешь описаніе путешествія Дитмара. Просматривая эту книгу, одну, надо сказать, изъ болѣе полныхъ касающихся Камчатки, и настоящія слабыя замѣтки о той же странѣ, можно видѣть большую разницу въ названіяхъ мѣстностей.

Происходитъ это, какъ мнѣ представляется, оттого, что произношеніе камчадальскаго языка крайне трудно для европейскаго горла, если только не совсѣмъ невозможно.

Такъ напр., Дитмаръ записываетъ камчадальскимъ названіемъ Бѣлую или Ичинскую сопку—Кольхонъ, а я Котхлёнга, при этомъ долженъ еще оговориться, что и это пра-

вописаніе не передаетъ точно произношеніе. У нихъ, т.-е. у Камчадаловъ, слышится въ этомъ имени не чистый звукъ Т, а какой-то смѣшанный: иной разъ *Ш*, иной разъ слышится въ немъ какъ будто **Т**; но ни того, ни другого въ немъ порознь нѣтъ, а оба вмѣстѣ.

Кромѣ того, у нихъ совершенно особенно произносятся во многихъ случаяхъ К и Х: слышно какое-то прищелкиваніе. Происходитъ это, насколько я могъ вслушаться, оттого, что эти звуки образуются въ самой глубинѣ гортани, и при всемъ желаніи—ихъ образовать, мнѣ не удалось воспроизвести яснаго звука на такой же глубинѣ. Ихъ звукъ К напоминаетъ мнѣ болѣе всего звукъ въ карканьѣ вóрона. Благодаря, думаю, такой же глубинѣ образованія звуковъ, очень часто въ камчадальскомъ языкѣ встрѣчается гортанная, двойная согласная, **К**Х и Х**К**; оттого же и Г не чистое, а похожее на Х (въ словѣ Богъ), и часто съ **Н**, какъ, напр., Г**Н** и **НГ**. Звукъ Н очень часто носовой.

Предполагая по мѣрѣ ознакомленія съ камчадальскимъ языкомъ путемъ вопросовъ и записи словъ привести здѣсь нѣкоторыя данныя, которыя, можетъ быть, хотя и очень немного, увеличатъ тѣ отрывочныя свѣдѣнія о немъ, которыя приведены Крашенинниковымъ и болѣе точныя Ерманомъ,—я на этотъ разъ ограничу свои, такъ сказать, лингвистическія выкладки приведеннымъ разсужденіемъ и возвращусь къ сообщаемому проводниками.

Въ предшествующей главѣ мною были приведены нѣкоторыя свѣдѣнія объ Облуковинской рѣкѣ, полученныя отъ жителей одноименнаго селенія и въ селеніи, теперь же мои проводники говорятъ относительно времени ея замерзанія, что ихъ рѣка иногда встаетъ послѣ Дмитріева дня, т.-е. 26 октября, но чаще всего за нѣсколько дней до или послѣ Крещенія, т.-е. 6 января.

Скоро примитивный мостъ чрезъ прибывшій отъ дождя Лёгокъ былъ оконченъ, такъ что сообщеніе съ другимъ бе-

регомъ на нартахъ было открыто, но ѣхать все же оказалось невозможнымъ по причинѣ неперестававшаго идти дождя, почему и было рѣшено въ виду наступившаго поздняго времени провести еще одну ночь въ палаткахъ на берегу той же рѣчки. Послѣ того, какъ всѣ снова забились въ палатку, спасаясь отъ дождя, я слушаю безконечные разсказы словоохотливыхъ каюрщиковъ.

Да проститъ мнѣ благосклонный читатель этихъ записокъ, если таковой найдется, что я передаю здѣсь все мнѣ сообщаемое такъ, какъ оно являлось изъ устъ разсказчика, безъ выдѣленія главнаго отъ второстепеннаго, т.-е. безъ всякой систематизаціи свѣдѣній и даже буквально тѣмъ языкомъ и въ тѣхъ же выраженіяхъ, по скольку я успѣвалъ записывать, слѣдя за разсказомъ.

Спросивъ относительно того, какихъ птицъ они знаютъ и которыя изъ извѣстныхъ имъ прилетаютъ первыми, я услышалъ слѣдующее:

„Нóшколь“ прилетаетъ первый [1]). Будто, когда онъ пролетитъ, то и рѣки проходятъ. Толстый ледъ, въ поясъ, ломается, гдѣ пролетитъ эта уточка [2]).

Если гдѣ сядетъ эта птичка, то кричатъ, предостерегая: дальше оттудова — сейчасъ ледъ изломится! (Это по прежней вѣрѣ, значитъ). Въ это же время на рѣчномъ льду появляется масса маленькихъ червячковъ (такъ много бываетъ этихъ червячковъ, что въ томъ мѣстѣ берегъ отъ нихъ почернѣетъ). Будто, эти червячки пища для Нóшколь. Онъ ихъ, этихъ червячковъ, и поѣдаетъ. Червячки эти, по прежней вѣрѣ (добавляетъ разсказчикъ, опасаясь все еще, чтобы сообщеніе это не было приписано ему и чтобы за это „не было чего худа“), называются „чавычкой“.

---

[1]) Звукъ и здѣсь носовой. Дальше будетъ объяснена принятая авторомъ транскрипція различныхъ звуковъ камчадальскаго языка.

[2]) Уточка, утка соотвѣтствуетъ повсемѣстно на Камчаткѣ понятію птичка, птица.

Изъ этого рода червячковъ дѣлается „букарка крылатая". „Чавычка" эта тогда густо летитъ и налипаетъ къ каждому комельку дерева: это, пора, будто бы „лощаетъ" („мечетъ икру"). У самой воды тогда получается „холодничекъ"— вотъ какъ варится изъ оленьихъ копытковъ или изъ другого чего. Этотъ „холодничекъ" потомъ уходитъ въ воду, а крылышки эти ветхія, вся эта кожуринка остается на деревѣ, а самъ онъ только и уходитъ въ воду простымъ червячкомъ и тамъ на немъ дѣлается крѣпкая „кожухочка, а сверху на ней налипаются камешки мелкіе, и онъ тогда живетъ подъ камнями: онъ тамъ и ходитъ съ кожуринкой. Такъ онъ и зимуетъ, а къ веснѣ у него дѣлаются какъ-то крылышки, и онъ по веснамъ выходитъ изъ рѣки и летитъ густо, такъ же какъ и рыба снизу вверхъ (противъ теченія). Вотъ по „гущинѣ" этихъ-то „уточекъ" мы, по прежней вѣрѣ, и говоримъ, что сей годъ много чавычи будетъ! Вонъ, говоримъ, ишь, у тебя по шеѣ-то „чавыча" ходитъ: такъ то же про между себя это и смѣемся...

Нóшколь—птичка пестренькая съ длиннымъ хвостикомъ, летаетъ, какъ „спица", т.-е. нáполъ, потомъ навéрхъ, опять нáполъ, опять навéрхъ, а кричитъ „горкъ".

Можно полагать, судя по описанію ихъ и разсказамъ, что это одинъ изъ видовъ *Motacilla*; можетъ быть, *M. alba*.— „Всѣ вообще „уточки" (птички) кормятся этими „чавычками", какъ сами, такъ кормятъ и дѣтей своихъ".

Кромѣ **н**óшколь была названа другая птичка „ко**н**кóльчикъ", она же „чавычулька". Второе названіе происходитъ оттого, что въ ея насвистываніи жители Камчатки слышатъ какъ-бы фразу „чавычу вúдѣлъ?" Эта птичка есть *Carpadacus erytrinus*.

Далѣе, все время какъ бы предупреждая, что „это такъ старые люди сказывали", или что „это такъ по старой вѣрѣ", по поводу виднѣющихся на лунѣ пятенъ, что „будто бы въ одной семьѣ жила благочестивая скромная дѣвица. Только разъ

случилось, что ее „изобиждать" стали. Она съ той поры запечалилась сильно и все тужила... Выйдетъ-это за дверь избы-то на дворъ да и печалится, и все-это она лунѣ жалуется: „ты, говоритъ, луна, моя луна, свѣтишь ты, да хоть-бы пожалѣла меня и взяла меня къ себѣ". Луна-это, значитъ, и спустилась на землю и хотѣла взять къ себѣ ту дѣвицу, а она захватилась за кустъ—за дерево. Такъ луна и взяла ее къ себѣ вмѣстѣ съ деревомъ. Оттого и видно теперь на лунѣ дѣвицу съ деревомъ".

Полагая, что сказаній, повѣрій и вообще чего-либо позволяющаго судить о міровоззрѣніи камчадаловъ до сихъ поръ очень мало, я пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы по возможности больше получить свѣдѣній въ этомъ отношеніи, и поэтому записывалъ, повторяю, рѣшительно все, убѣжденный въ томъ, что изъ всего записаннаго можно будетъ кое-что выбрать интересующемуся лицу нужное для какихъ-либо выводовъ относительно этого исчезающаго народца. Старался записывать, по возможности, дословно, сохраняя строй фразы и выраженія.

Поэтому долженъ сказать, что многія кажущіяся и явныя погрѣшности противъ русской рѣчи, проявляющіяся въ этихъ передачахъ инородцевъ — намѣренны, такъ какъ неправильности эти, сами по себѣ, могутъ изслѣдователя навести на какіе-либо дальнѣйшіе выводы и вопросы, подлежащіе болѣе полному и основательному изученію... Вотъ сказаніе о медвѣдѣ: „Почему, мы полагаемъ, раньше никогда шкуры медвѣжьей съ головкой достать невозможно было у нашего брата-камчадала...

Жилъ-былъ, это сказываютъ старые, конечно, люди, а мы нонче ничего этого не знаемъ да и не вѣримъ, Кутхъ со своей женой. Вотъ разъ Кутхъ и говоритъ своей женѣ: „роди ты, жена, мнѣ двухъ дѣтей: одного—человѣка, а другого—медвѣдя". Она такъ и сдѣлала, и родила. Кутхъ-то и испугался. „Уйдемъ, говоритъ, жена, лучше, — оставимъ дѣтей

тутъ". А женѣ-то жалко разставаться: все-таки, вѣдь, дѣти свои, какія-бы они ни были. Взяла она и отрѣзала свои груди и оставила ихъ дѣтямъ для пищи; и такъ оставили дѣтей своихъ.

Медвѣдь и человѣкъ этими грудями, значитъ, стали питаться и выросли. Медвѣдь и говоритъ человѣку, — своему брату, значитъ, — „пойдемъ, говоритъ, братъ, въ лѣсъ". Вотъ пришли они въ лѣсъ, выбрали себѣ подходящее мѣсто у рѣчки рыбной и стали тутъ жить. Медвѣдь и говоритъ человѣку, своему брату: „давай, братъ, тебѣ запасать корму", и сталъ онъ натаскивать брату своему лѣсу и говоритъ: „ну, братъ, ставь себѣ теперь балаганы, да и запасай рыбу къ зимѣ, а я-то ужъ лѣтомъ поѣмъ, съ меня и будетъ того на зиму". И стали они рыбу запасать. Медвѣдь-то ему ловитъ, какъ самый добрый (=хорошій) промышленникъ, а братъ пластаетъ да сушитъ, значитъ. Медвѣдь, извѣстно, — медвѣдь, и все по лѣсу ходитъ — запасается пищей на зиму.

Вотъ какъ зимѣ пора подходить надо, медвѣдь опять и говоритъ человѣку, брату своему, значитъ: „ну, братъ, ставь себѣ какую хабарушку — зимой жить, а я себѣ яму выкопаю, — берлогъ, значитъ".

Выкопалъ себѣ берлогъ, а братъ ему и говоритъ: „я, говоритъ, съ тобой, братъ, лягу". А медвѣдь ему: „только-бы, братъ мой, ты не испугался, я, смотри, на половинѣ зимы поворачиваться стану и кричать сильно буду, ты бы не испугался". А человѣкъ-братъ и говоритъ ему: „ну, да ничего, я какъ нибудь перетерплю, перемогаться стану". Залѣзли они въ берлогъ и стали зиму проводить. Только на половинѣ зимы медвѣдь сталъ на другой бокъ переворачиваться и сильно кричать началъ. Человѣкъ испугался да перемогся — лежатъ себѣ...

Только, знаешь, старые люди, какъ и въ наше время, тоже медвѣдей-то по веснамъ промышляли-это, искали ихъ

по настамъ [1]) по берлогамъ-то. Такъ ужъ намъ про то старые люди разсказываютъ, это по старой ихней вѣрѣ, выходитъ. Ну, хорошо...

Вотъ, пора, стали насты дѣлаться,—медвѣдь и говоритъ брату своему: „ну, говоритъ, братъ, теперь люди меня промышлять станутъ и, навѣрное, меня убьютъ, а тебя—нѣтъ, потому—какъ ты такой же, какъ и они, человѣкъ есть; только я вотъ тебѣ, братъ мой родной, и скажу: какъ убьютъ они меня, такъ и пластать и ѣсть станутъ, а ты не ѣшь, а у нихъ простую [2]) головку мою себѣ возьми!"

И вѣрно... пріѣхали люди, нашли берлогъ. Услышалъ медвѣдь народъ и говоритъ „ну, вотъ теперь меня промышлять станутъ"... Человѣкъ-то изъ берлоги вышелъ...

Глядятъ охотники, такой же человѣкъ передъ ними стоитъ, и говорятъ: „ну, станемъ теперь медвѣдя промышлять"... а тотъ не сталъ его промышлять. Тѣ убили медвѣдя и, какъ и теперь у насъ водится, стали его пластать и кушать—поджаривать, и товарища своего новаго угощать. А тотъ имъ и говоритъ: „нѣтъ, говоритъ, товарищи, не стану я ѣсть ничего и не надо мнѣ ничего, а только отдайте мнѣ простую головку, потому что это—братъ мой родной, человѣческій". Тѣ отдали ему головку... Онъ пошелъ и къ своимъ отцу-матери пришелъ, и изъ головки той сдѣлался другой человѣкъ. Такъ они и стали себѣ потомъ поживать... и долго люди помнили, что медвѣдь—братъ ихній"...

Только что приведенный разсказъ, можетъ быть поставленъ въ нѣкоторую связь съ обыкновеніемъ, имѣвшимъ мѣсто не такъ давно у всѣхъ инородцевъ Камчатки—отрѣзáть у медвѣжьихъ шкуръ голову и лапы. Въ настоящее время, благодаря тому обстоятельству, что медвѣжья шкура безъ головы и безъ когтей берется торговцами съ крайнею неохотою или

---

[1]) Настомъ называется нѣсколько заледенѣвшій и окрѣпнувшій въ весеннее время снѣгъ (обыкновенно въ утренніе часы).

[2]) „Простую" употреблено здѣсь въ значеніи „только", „одну только".

даже и вовсе не берется, обычай этотъ совершенно исчезъ, но, сколько извѣстно, онъ еще существуетъ у чукчей и у инородцевъ по Амуру.

Возможно, что сказаніе это, что медвѣдь—братъ человѣка и что онъ, умирая, такъ сказать, завѣщалъ людямъ не трогать его головы, отрѣзая отъ туловища, не ѣсть ее, а по передачѣ другихъ, просилъ также отрѣзать и лапы, можетъ до нѣкоторой степени служить объясненіемъ этого обычая.

О Кутхѣ, объ этомъ древнемъ божествѣ Камчадаловъ, мы находимъ крайне отрывочныя свѣдѣнія у изслѣдователей Камчатки позднѣе Крашенинникова, и чѣмъ позднѣе, тѣмъ свѣдѣній менѣе и менѣе.

Наиболѣе, какъ замѣчено, даетъ въ этомъ отношеніи, что̀ само собою понятно, Крашенинниковъ, заставшій большую часть камчадаловъ въ язычествѣ, затѣмъ Ерманъ и менѣе ихъ—Дитмаръ.

Объясняется это тѣмъ, что время само сглаживаетъ эти преданія объ языческомъ божествѣ, замѣненномъ новымъ христіанскимъ понятіемъ о Богѣ, а, главное, тѣмъ, что современными пастырями и учителями всѣ подобныя преданія наиусерднѣйшимъ образомъ искореняются изъ памяти инородцевъ, какъ вредныя и противныя духу проповѣдуемаго первыми ученія.

Далѣе я постараюсь сообщить о томъ вліяніи, какимъ пользуется духовенство у камчадаловъ, здѣсь замѣчу только, что это искорененіе ведется настолько энергично, что напуганные всякими ужасами, непонятными складу ихъ міровоззрѣнія, въ родѣ анаѳемы и другихъ жупеловъ, инородцы хотя и знаютъ, но боятся разсказывать что-либо изъ своихъ преданій, „чтобы, пожалуй, чего опять худа намъ не было“.

И можно думать, что протекающее время — послѣднее, когда возможно еще добыть кое-какія отрывочныя свѣдѣнія объ этомъ Кутхѣ и др. божествахъ.

Изъ всѣхъ разсказовъ можно вывести лишь то, что Кутхъ,

какъ вѣрно передаетъ и Крашенинниковъ, представляется камчадалами существомъ очень недалекаго ума „такъ въ родѣ дурачка какого онъ былъ“, оборотнемъ, имѣвшимъ большею частію видъ вороны; отсюда, можетъ быть, и имя, такъ какъ единственный видъ вороны, водящейся на полуостровѣ (черной), называется камчадалами *кýтха*.

Вызванные на разсказы, инородцы передаютъ, посмѣиваясь, о Кутхѣ, характеризуя „его глупый разумъ“: „а вотъ я тоже слыхалъ, какъ старые люди сказывали: видитъ Кутхъ, какъ чайки сидятъ по рѣкѣ... много чаекъ... И думалъ *Кýтхъ*, что это—дѣвки сидятъ, и говоритъ; „возьмите, дѣвки, меня къ себѣ“, да и садился къ нимъ... Только гдѣ сядетъ на рѣкѣ, такъ тамъ и тонетъ... Весь перемокъ и зачалъ сушиться тоже, какъ это нашъ братъ тоже дѣлаетъ...

Только-это возьметъ торбасы вмѣстѣ съ ногой... да такъ и то-ли отрѣжетъ, то-ли какъ отдѣлитъ отъ тулова-то, и сушитъ... Потомъ другую ногу возьметъ и тоже такъ начнетъ сушить. А послѣ того и останется у него, напослѣдокъ, простая туша только. Возьметъ-это, и глаза какъ-то вынетъ и тоже сушить начнетъ... Какъ безъ глазъ-то останется, такъ и начнетъ потомъ впотемкахъ искать чего... Ищетъ-это, и какъ найдетъ, такъ у него и прилѣпляется все что къ своему мѣсту опять. Только глаза-то и не можетъ найти... Вотъ возьметъ ягоду-шишку да и поставитъ ее вмѣсто одного глаза-то, и станетъ видѣть это, все будтобы черно какъ дѣлается... Возьметъ брусницу, и у него передъ глазами все опять красно сдѣлается.

Тоже вотъ говорятъ, что онъ можетъ, значитъ, дать счастливому, значитъ, человѣку всякаго добра много: или мѣховъ, значитъ, разныхъ, или денегъ кучу. И даетъ онъ все „хребтовые [1]) мѣха „гольные“ (т.-е. исклю-

[1]) „Хребтовый“ мѣхъ считается лучшимъ потому, что такой составляется изъ хребтовой части шкурки пушного звѣря, которая бываетъ, по шерсти и гуще, и выше, и цвѣтнѣе.

чительно)... Только не надо оглядываться, а не то, какъ оглянешься, такъ все и пропадетъ вдругъ. И куда что дѣвается: чисто ничего нѣтъ! Ну, и такому человѣку Кутхъ больше никогда и не дастъ ничего. Тоже вотъ и Пильха́чъ... Ѣздитъ онъ на маленькой нарточкѣ, изъ прутиковъ сдѣланной... и полозни́цу (=т.-е. слѣдъ, оставляемый на снѣгу полозьями этой нарточки) видать случается...

Конечно, не часто, а все-таки... И намъ теперь, конечно, не всякому, а случается видѣть полозницу. Только надо ударить по полозницѣ-то не просто, а старые люди только знали, какъ надо говорить... А мы то—что!.. другой разъ и бьешь по полозницѣ-то, а все толку никакого нѣтъ! Хоть сколько по слѣду гони"!

Въ селеніи Мильковскомъ я слышалъ о томъ же духѣ такой разсказъ: „сказываютъ это (да оно, поди, и вправду такъ...), что по лѣсамъ живетъ Пихляхчъ. Самъ-то онъ изъ себя какъ маленькой парнишечка... Нартишка у него тоже маленькая... а запрягаетъ онъ въ нее больше соболей да лисицъ; случается, что и другихъ звѣрей тоже держитъ, а кто опять говоритъ, что куропашекъ (=куропатокъ) гольныхъ [1]) держитъ...

Вотъ если по полозницѣ-то на о́тмашь ударить, такъ будто у него и нарта тогда сломается, и находятъ тогда его на дорогѣ поправляющимъ свою нартишку... И проситъ онъ нартишечку ему починить, обѣщая дорого заплатить, а только чинить ее ему не слѣдъ... Проситъ онъ, будто, тоже бороться съ нимъ: если кто его поборетъ—повалитъ, значитъ,—то онъ платитъ тому дорого. Надо полагать,—это вѣрно, что онъ разныхъ звѣрей запрягаетъ, потому что случается убивать въ лѣсу звѣрей „выѣзжанныхъ", т.-е. съ вытертой шерстью. Ну, такъ и говоримъ тогда, что этого звѣря этотъ самый Пихляхчъ держалъ". Дитмаръ, на стр. 687, говоритъ: „сюда,

---

[1]) „Гольныхъ"=исключительно (повсемѣстн. Камчатка).

въ березовые лѣса, камчадальская фантазія переноситъ ихъ маленькаго карлика-духа, Пихляхчика, который ѣздитъ, будто бы, въ маленькихъ санкахъ, запряженныхъ куропатками, прельщаетъ охотниковъ, задавая имъ едва выполнимыя задачи, но можетъ зато награждать большими богатствами и удачей на охотѣ".

Крашенинниковъ пишетъ, говоря о камчадальскихъ божествахъ: „на другихъ высокихъ горахъ, съ которыхъ снѣгъ никогда не сходитъ, живутъ особливые духи, а главный изъ нихъ Билючей или Пиллячучь называется. Чего ради камчадалы, какъ близъ огнедышущихъ горъ, такъ и подлѣ другихъ высокихъ ходить опасаются. Пиллячучь, по сказкамъ ихъ, ѣздитъ на куропаткахъ или на черныхъ лисицахъ. Ежели кто слѣды его увидитъ, тотъ счастливъ будетъ на промыслахъ во всю жизнь свою; но они часто почитаютъ за оные разныя фигуры на снѣгу, которыя отъ вѣтру дѣлаются на поверхности". Нѣтъ никакихъ данныхъ сказать, какъ это божество или духъ назывался древними камчадалами въ дѣйствительности: однимъ ли изъ приведенныхъ именъ, т.-е. Пильха́чъ, Пихля́хчъ или Пилля́чучь, или же какъ-нибудь иначе, какъ, напр., я слышалъ еще: Пихля́хчичь, Пихлящъ. Можно предполагать, что Крашенинниковъ, заставшій Камчадальскій языкъ въ совершенной чистотѣ, называетъ вѣрнѣе другихъ, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что имъ приводится только два совершенно разныхъ имени, между тѣмъ какъ въ настоящее время можно встрѣтить всѣ эти имена кромѣ „Билючей".

Позднѣйшая фантазія жителей приписываетъ Пихляхчу нѣкоторыя свойства „лѣшаго" (въ чемъ сказывается, очевидно, вліяніе русскихъ переселенцевъ), какъ видно изъ слѣдующаго разсказа, записаннаго въ селеніи Ключевскомъ (на р. Камчаткѣ съ русскимъ населеніемъ). „Лѣтъ тридцать пять или даже сорокъ тому назадъ трое Ключевскихъ жителей отправились въ лѣсъ на соболиный промыселъ. Проходивши весь день, къ вечеру они хотѣли вернуться уже на мѣсто

стана, для чего и пошли въ обратную сторону. Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени они вышли на лыжницу [1]) и, не всматриваясь, пошли по ней, думая, что это ихъ же собственная лыжница; но, пройдя небольшое разстояніе по ней, замѣтили, что она ведетъ совсѣмъ не въ ту сторону, гдѣ долженъ былъ находиться, по ихъ предположенію, станъ. Поэтому они пошли по цѣлому снѣгу, своротя съ лыжницы въ сторону. Дорогою, разговаривая между собою, рѣшили, что встрѣченная ими и введшая ихъ въ заблужденіе лыжница не ихъ, а, вѣроятно, того Харчинскаго камчадала, который, какъ имъ было извѣстно, жилъ здѣсь же въ лѣсу, пріѣхавши сюда также на промыселъ соболей... Вскорѣ они вышли снова на лыжницу и внимательно ее разсмотрѣли, при чемъ пришли къ заключенію, что лыжница эта дѣйствительно не ихъ, такъ какъ ихъ трое, а эта была оставлена, очевидно, однимъ человѣкомъ. Но ихъ поразило особенно то обстоятельство, что человѣкъ этотъ очень небольшого роста, совсѣмъ не похожій на того, про котораго они думали, какъ про охотящагося въ этихъ мѣстахъ. При этомъ они замѣтили также, что и ходитъ-то онъ какъ-то неумѣючи, и совсѣмъ, конечно, не промышленникъ, такъ какъ съ нимъ не было не только необходимой для охоты собольей сѣтки, но не было даже и собаки.—Разсуждая на эту тему и недоумѣвая, кому бы могъ принадлежать такой слѣдъ, они свернули, но и въ третій разъ вышли на него же. Приближался поздній вечеръ... Перспектива остаться на ночь въ лѣсу, далеко отъ стана, ихъ смущала и наполняла въ виду неизвѣстности робостью. Вдругъ у шедшаго впереди промелькнула мысль, и онъ воскликнулъ: „да это—Пихляхчъ!“ и съ этимъ вмѣстѣ по лѣсу раздался страшный смѣхъ, наполнившій гуломъ и громомъ безмолвную тишину лѣса. Тогда охотники, сообразивъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, пошли совсѣмъ въ противопо-

---

[1]) Лыжницей называется слѣдъ на снѣгу, оставленный лыжами.

ложную сторону отъ того мѣста, откуда раздался хохотъ, и, перепуганные, наконецъ, благополучно добрались до стана".

Въ Ключевскомъ же селеніи мнѣ передавали, что этотъ самый Пихлящъ живетъ около моста чрезъ ключевую протоку, ѣздитъ онъ на нартѣ, запряженной собаками и другими звѣрями, и бываетъ одѣтъ постоянно въ красные штаны.

Поздно вечеромъ, ложась спать, какъ бы въ заключеніе, каюрщики говорили относительно заготовки ими рыбы:

„Вотъ теперь рыба... Сей годъ благодать была рыбы-то... Только выйдешь на рѣку-то, залюбуешься, — какъ трава будто, зеленѣетъ только! Дакъ опять въ это самое время о. Павелъ пріѣхалъ... Ну, все-таки мы хоть какъ, а ловили рыбку-то—старались, по ночамъ все больше, можно сказать... а днемъ-то уйдешь на запоръ только: — тамъ опять кто-нибудь скажетъ: „тебя отцу Павлу нужно", ну и идешь... Ужъ какая тамъ рыба! Ну, и идешь... да такъ все лѣтичко-то и проводили"... (продолжительное молчаніе)... „Да и неспособная (неудобная) у насъ рѣка: ужъ чего говорить—въ первый разъ доводится мнѣ сей годъ видѣть; столько было у насъ чавычи, а промышлять—нéкакъ!

Вѣдь, у насъ рѣка весной по всѣмъ тальникамъ разливается, такъ что ее и „запирать" нéкакъ бываетъ!

Запираемъ мы, правда, протоки,—да чего тамъ поймаешь—двѣ рыбы то поймаешь! да что онѣ для селенія-то!..

Ну, на низу промышляемъ сѣтками, да и возимъ оттуда... мѣста-то много возить оттуда домой!

А когда рѣка-то пріобсохнетъ немного, такъ въ эту самую пору опять мушки въ самый разъ...

Вотъ оттого у насъ юколы доброй чавычьей никогда и не бываетъ.

Какъ опять будешь дѣлать!? А по обѣ стороны, и на Крутогоровой, и на Ичѣ, тамъ все юколка бываетъ...

Да какъ опять быть-то... А то же по зимамъ-то, по праздникамъ, особенно, по большимъ, этого народу наѣзжаетъ

въ церковь!.. То же и собакъ покормить надо, да и хозяевамъ-то ихъ — дать то же! Вотъ ты тутъ и припасай рыбки-то!..“

Такъ проводникъ закончилъ свое повѣствованіе о нелегкой задачѣ—заготовить себѣ достаточное количество рыбы на зиму... Въ этомъ немногословномъ простомъ разсказѣ достаточно сказывается вся безпомощность инородца — обезпечить себя рыбой, несмотря на всю „чего... благодать рыбы-то было“, неумѣнье справиться съ „мушками“, поѣдающими юколу, отчего и „юколы, то доброй, т.-е. хорошей, непорченой, у насъ никогда не бываетъ“, и та непонятная зависимость инородца отъ отцевъ Павловъ, требующихъ инородца къ „допросу“, когда тотъ заготовляетъ годовой запасъ пищи, обезпечивающій его существованіе, и которая можетъ быть объяснена единственно „забитостью“, какъ результатъ нашего нераціональнаго, хищническаго владѣнія Камчаткой. Существующій штатъ управленія, состоящій изъ начальника Округа и помощника, представляющихъ собою, такъ называемое, Окружное Управленіе, не можетъ въ этомъ отношеніи помочь инородцамъ, не столько, можетъ быть, даже отъ нежеланія сдѣлать что-либо существенно полезное, сколько отъ незнанія „этого полезнаго“, вслѣдствіе полнаго незнакомства съ состояніемъ развитія и съ бытомъ, и съ дѣйствительнымъ экономическимъ положеніемъ инородцевъ. Если нельзя вмѣнить въ обязанность лицамъ Управленія—изученіе какъ строя общественной жизни инородцевъ, такъ и самой страны, остающихся до настоящаго времени, какъ сказано, вполнѣ неизученными, то возможно было бы присутствіе въ странѣ лица съ единственною цѣлью производства этого изученія и выработки соотвѣтствующихъ мѣръ къ поднятію благосостоянія, мѣръ, основанныхъ не на субъекивныхъ гадательныхъ соображеніяхъ, приближающихся болѣе всего къ безполезнымъ измышленіямъ, а на почвѣ фактическихъ данныхъ.

Сколько извѣстно, съ цѣлью изученія экономическаго

быта инородцевъ было командировано въ Камчатку и по побережью Охотскаго моря особое лицо. Къ сожалѣнію мнѣ не удалось до сего времени видѣть результаты этого изслѣдованія, и тѣмъ не менѣе, болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы это изученіе было полно, по причинѣ сильно быстраго проѣзда изслѣдователя по Камчатскому полуострову сравнительно съ долгимъ пребываніемъ въ одномъ лишь Петропавловскѣ, въ которомъ, какъ мною говорилось, всѣ условія жизни много различны отъ жизни громаднаго большинства населенія Камчатки.

23-го октября. Въ 8 h. 20 m. a. выѣзжаемъ, наконецъ, далѣе. Дождя нѣтъ, но все небо покрыто точно свинцовыми облаками; нѣтъ-нѣтъ да и упадетъ одна крупинка съ неба. Слышенъ вой облуковинскихъ собакъ въ селеніи: такъ близко мы отъ послѣдняго...

За ночь вода въ рѣчкѣ настолько прибыла, что новый мостъ устроенный нами вчера черезъ Лёгокъ былъ унесенъ. Не устраивая моста вторично, мы перенесли нарты въ бродъ, по колѣно въ водѣ.

Провизіи, кромѣ чаю да сухарей, болѣе нѣтъ: вся вышла, такъ какъ надѣялись доѣхать до Ичи рано на другой день, а между тѣмъ пришлось по случаю непредвидѣннаго ненастья провести два дня на Лёгокъ.

Отсюда, т.-е. съ праваго берега рѣчки, мы поѣхали по тундрѣ, по которой протекаетъ Лёгокъ и сама Облуковина, видная отсюда по высокому таловому и тополевому лѣсу, покрывающему ея берега. И по неширокой падушкѣ, представляющей также тундру, черезъ нѣсколько уже минутъ поднялись на небольшую гряду съ большимъ и густымъ березникомъ.

Эта гряда, съ одной стороны, и упомянутый ранѣе мысъ Рунокль, съ другой, могутъ быть разсматриваемы, какъ древніе берега р. Облуковиной.

Одинъ изъ каюрщиковъ, Иванъ, низенькаго роста и бо-

лѣзненнаго вида мужичокъ, сопровождающій на 12-ти собакахъ только одну почтовую суму, отсталъ гдѣ-то. „Онъ и зимой-то“, говорятъ, „также „не бойко“ ѣздитъ: все сзади остается—ужь такой онъ и есть!“

Здѣсь, въ березникѣ, снѣгу значительно больше, по тундрѣ же совсѣмъ почти не было,—на разстояніи получаса крайне медленной (въ это время) ѣзды на собакахъ. Сегодня мы ѣдемъ гораздо лучше, т.-е. быстрѣе, потому что собаки теперь „все-таки *мяты* немного“. Въ 9 h. 15 m. a. выѣхали на такъ называемую „Круглую тундру“. Эта тундра—небольшая и, дѣйствительно, имѣетъ нѣсколько круглое очертаніе, діаметромъ, приблизительно, въ одну версту, что опредѣляется, до нѣкоторой степени, и временемъ, потраченнымъ на ея переѣздъ. Она—мокрая, это видно по массѣ углубленій между кочками, заполненныхъ водою. Снѣгу — еще больше, такъ что онъ почти вполнѣ прикрываетъ собою одѣвающій ее шикшовникъ (*Empetrum nigrum*).

Длинной вереницей торчатъ палки-ты́чки, долженствующія обозначать зимнюю дорогу. Тычки эти идутъ въ SN направленіи. Несмотря на снѣгъ, покрывающій довольно толстымъ слоемъ „Круглую“ тундру, собакамъ идти очень трудно по той причинѣ, что „проломъ доспѣлся“; это значитъ, что мягкій снѣгъ прикрытъ твердой коркой заледенѣвшаго снѣга, которая не можетъ, будучи тонкой, сдержать собаку и проламывается,—отчего у собаки портятся—обдираются до крови—ноги, собственно пальцы.

Черезъ NW уголъ этой тундры открывается далекій видъ па сбѣгающія къ морю гряды березниковъ, а вдали,—видимо, очень большая тундра, и на самомъ горизонтѣ, въ туманѣ, узкая полоса Охотскаго моря. Видъ этотъ чрезъ нѣсколько минутъ снова закрылся березникомъ, окружающимъ тундру. Лѣтняя дорога-тропа идетъ опушкой тундры возлѣ березоваго лѣсу, по ея восточному, такъ сказать, берегу. Она, эта Круглая тундра, представляется какъ бы озеромъ,

залегающимъ въ березникѣ; средина этого озера-тундры сравнительно съ берегами—нѣсколько возвышена—на подобіе опрокинутаго блюдца. Въ 9 h. 38 m. a. переѣхали Круглую тундру, употребивъ на ея прохожденіе 23 минуты, что даетъ, приблизительно, около 1½ верстъ, такъ какъ скорость нашего передвиженія не болѣе трехъ верстъ въ часъ.

За нею дорога тѣмъ же березникомъ пошла тотчасъ же въ долину, видъ на которую открывался, какъ сказано, съ тундры. Ѣдемъ падушкой, ведущей къ рѣчкѣ Кóконокъ и поэтому называющейся „Кóконóинъ-падь“. Въ 10 h. 30 m. a. спустились по названной, довольной узкой, отъ 20 до 50 саженъ, пади, держась SN направленія.

У окончанія пади, которая по мѣрѣ спусканія становится шире и шире, находится мокрая береговая тундра рѣчки Кóконокъ, рѣзко отдѣляющаяся своей растительностью.

Черезъ шесть минутъ переѣхали и эту тундру, и въ 10 h. 36 m. a. остановились на правомъ берегу р. Кóконокъ.

Въ нее, съ лѣвой стороны, вливается рѣчка Кщáнгеныча, или вѣрнѣе Коконокъ, нѣсколько выше обычнаго мѣста „трактоваго“ переѣзда черезъ него, раздѣляется на двѣ вершины: собственно Коконокъ и Кщáнгеныча. По ихъ правому берегу—опять относительно высокія гряды березника. Нужно замѣтить, что по мѣрѣ того, какъ спускались отъ Круглой тундры къ берегу Коконока, снѣгу становилось снова меньше и меньше, и здѣсь, на берегу, едва только „напорошило“, да и то лишь за время, какъ мы сюда ѣхали. На виднѣющихся въ южную сторону увалахъ (по правому берегу) снѣгу совсѣмъ нѣтъ, а на верху ихъ, въ березникѣ, снова виднѣется снѣгъ. Поэтому можно думать, что разность въ толщинѣ выпавшаго снѣгу зависитъ отъ разности высотъ, хотя и незначительной, этихъ поверхностей, а вовсе не отъ какихъ либо другихъ причинъ, хотя возможно, что сказывается и вліяніе лѣса, защищающаго выпавшій снѣгъ отъ дѣйствія лучей солнца, хотя бы и закрытаго тучами. Берега Коконокъ

покрыты, большею частью, тальникомъ, хотя есть и ольховникъ. Въ лѣвомъ берегу видны обнаженія, значительной мощности, пласта торфа, покоящагося, повидимому, на сѣрой глинѣ. Стекавшая въ рѣчку съ тундры вода теперь замерзла въ видѣ большихъ ледяныхъ сталактитовъ. Мы остановились на берегу этой рѣчки съ цѣлью набрать или „снёнки", или добыть свѣжей рыбы, по крайней мѣрѣ, для собакъ, такъ какъ иначе ихъ нечѣмъ было бы кормить. Всюду по опушкамъ березниковъ, по сухимъ мѣстамъ,—высокіе стебли посохшаго медвѣжьяго корня.

Въ короткое время одинъ проводникъ набралъ цѣлую вязку (19 рыбъ) снёнки, а другой закололъ двѣ живыя рыбы, Въ 11 h. 15 m. a. поѣхали дальше, достаточно накормивъ добытой рыбой собакъ и взявъ на запасъ еще нѣсколько рыбъ на ночь. По выѣздѣ начинаетъ снова порошить снѣжокъ. Становится холоднѣе. До гряды березника по правому берегу рѣки залегаетъ также мокрая тундрочка, которую приходится переѣхать.

Въ 11 h. 42 m. a. переѣхали рѣчку Ко́кономчу, представляющую правый притокъ названной Коконокъ.

На берегу Кокономчи необходимо было снова остановиться, чтобы дать отдохнуть собакамъ, изнемогшимъ отъ трудной дороги.

Отсюда, т.-е. съ мѣста остановки, видно мѣсто впаденія этой рѣчки въ Коконокъ. Кокономча—скорѣе ручей, протекающій по рытвинѣ, образовавшійся, можетъ быть, какъ многія тундровыя рѣчки путемъ постепеннаго разлива торфяного пласта, какъ было говорено объ этомъ ранѣе. Лѣсу по берегамъ ея нѣтъ никакого; по обѣ стороны узкими полосами тянутся мокрыя и кочковатыя тундры. Кокономча отдѣляется отъ Коконоки грядой березника. Высота водораздѣльныхъ грядъ, я думаю, не болѣе 150′—200′.

Не будетъ ошибки сказать, что всѣ эти рѣчки съ тундрами по берегамъ представляютъ паралельныя другъ другу

небольшія долины, раздѣленныя грядами, поросшими березовымъ лѣсомъ.

Въ 1 h. 25 m. p. выѣхали съ Кокономчи. Черезъ 20 минутъ поднялись наверхъ гряды, занятой такой же „Круглой" тундрой, какъ вышеупомянутая, съ тою разницей, что эта больше пройденной; путь сюда ведетъ узкой и почти совершенно „сухой" падушкой, только наверху расширяющейся до 20 саженъ.

Дойдя, однако, едва до середины тундры, можно было уже видѣть, что она не „круглая", какъ казалось, а вытянута по хребту гряды на столько, что на западѣ сливается съ горизонтомъ, будучи но сторонамъ ограничена березниками. Трактовыя ты́чки-вѣхи и по ней идутъ съ юга на сѣверъ.

Саженяхъ въ 50-ти отъ этихъ тычекъ, съ западной стороны дороги имѣется небольшое озерко. Тундра мокрая, снѣгу на ней лежитъ меньше, чѣмъ на „круглой", вѣроятно потому, что стаялъ за сегодняшній день настолько, что мѣстами кочки совсѣмъ отъ него свободны; поэтому цвѣтъ ея представляется какимъ-то смѣшеніемъ цвѣтовъ сѣраго, желтаго и бѣлаго. Далеко впереди, за березникомъ, виднѣется еще тундра на столько большая, что кажется,—березники опять начинаютъ играть второстепенную роль, становясь инсулярными.

На этой тундрѣ считается половина разстоянія между Облуковиной и Ичей. Снѣговая вода стекаетъ по тундрѣ широкими поверхностными ручейками.

Въ 2 h. 35 m. p. мы спустились падушкой, ведущей съ верхней тундры на нижнюю, снова въ долину, раздѣляющую двѣ гряды березника. По срединѣ этой долины протекаетъ рѣчка Тцви́вича съ высокими увалами праваго берега. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этихъ уваловъ видны издали обнаженія, повидимому, желтыхъ песковъ съ мелкимъ галешникомъ.

Еще черезъ четверть часа поднялись такой же падушкой вновь на гряду и выѣхали на виднѣвшуюся прежде и упомянутую Большую тундру.

Она также мокрая и кочковатая, почему ее и объѣзжаютъ на лошадяхъ ниже, т.-е. западнѣе, или иначе, ближе къ морю. Обычныя тычки тянутся по ней длинной вереницей въ направленіи NNW.

Переѣхали тундру и въ 3 h. 9 m. p. опять-таки падушкой стали спускаться въ долину, ограниченную двумя грядами, рѣчки Шкдой или Шкуткъ съ возвышеннымъ правымъ берегомъ.

Въ 3 h. 45 m. p. кое-какъ перебрались черезъ незамощенный Шкдой (Шкуткъ) и, пройдя еще нѣсколько саженъ падушкой. ведущей на правобереговую гряду, ровно въ 4 h. p. остановились на ночь, въ виду полнаго изнеможенія собакъ, ускоренно дышащихъ съ хрипомъ въ горлѣ. („Собаки „харча́тъ“ “ — выраженіе, употребляемое на Камчаткѣ повсемѣстно).

Въ берегу Шкутка виденъ не особенно толстый пластъ торфа, въ руслѣ—мелкій камешникъ, по виду очень похожій на рѣчникъ рѣчки Лёгокъ, т.-е. слюдистыя породы.

Быстро была поставлена палатка, и станъ готовъ.

Выпрягши собакъ, сварили чай, и такъ какъ никакой ѣды не было, то, утомленные тяжелымъ переходомъ, всѣ собрались въ палаткѣ, проводя время въ разсказахъ:

„Тоже самое вотъ шикэкашка или мизгирь, ли паукъ што ли по-русски называется“, такъ началъ свои дальнѣйшія сообщенія все тотъ же словоохотливый проводникъ, „не имѣетъ надъ собой ни старшины, ни начальника, а живетъ самъ по себѣ... Вотъ мы про него и говоримъ тоже, какъ намъ старые люди сказывали: давно то было, про то ни мы не знаемъ, да и отцы наши не знаютъ, да и отцы отцевъ нашихъ не знаютъ вѣрно... а только старые люди сказываютъ про то, что былъ по селеніямъ, тоже „прочитно́й“ [1]), и былъ этотъ

---

[1]) „Прочитнымъ“ называется на Камчатскомъ полуостровѣ приказъ, исходящій отъ Начальника Округа и идущій для прочтенія чрезъ всѣ селенія Округа.

прочитной не изъ города отъ начальника, а оттудова откудова-то, изъ-за рѣки, сказываютъ отъ самаго Царя, что-ли, чтобы этихъ самыхъ мизгирей, гдѣ онѣ случатся, убивать... и изъ-за того, что будто Царь устраивалъ у себя-тамъ што-ли, обѣдъ-ли, пиръ-ли какой... Ну, и этотъ самый мизгирь спустился съ потолка на своемъ, значитъ, ремнѣ и прямо имъ въ пищу... Ну, гости поѣли да съ того всѣ и подохли. Вотъ оттуда у насъ и повѣрье, чтобы ихъ убивать, значитъ.

Тоже вотъ и сказки сказываемъ разныя, ужъ, конечно, не русскія, куда намъ!.. а такъ тоже сказываемъ-это. Вотъ къ примѣру про Ивана-царевича:

Жилъ-былъ, значитъ, одинъ старый старичокъ со своей старухой... и вотъ, значитъ, пошелъ старикъ за рѣку за сѣномъ, а у нихъ тамъ, значитъ, все было: и сѣнокосъ, и запорчики тамъ, ну, и балаганчики,—однимъ словомъ, все, какъ слѣдуетъ быть, хозяйство.

Пошелъ онъ-это въ лѣсъ и нашелъ въ лѣсу золотое перо и съ перомъ этимъ нашелъ онъ младенца. Перо же это было не простое, а золотое... и свѣтитъ оно такъ, что ночью тоже еще и посвѣтлѣе, какъ днемъ. Ну, и дѣтей у нихъ, тоже не было. Обрадовался-это старикъ и сѣна не принесъ чисто ничего домой, и показываетъ старухѣ перо удивительное и младенца...

Только ему старуха и говоритъ: — не намъ, говоритъ, такое перо держать!—А перо свѣтитъ ночью, какъ днемъ,— все едино. — Ты, говоритъ, унеси-ка перо это къ царю. Только, однако, изъ-за этого мы младенца лишимся!..—Вотъ онъ взялъ перо это и понесъ его къ царю. Царь, какъ увидѣлъ, такъ сразу и спросилъ старика.

— Здраствуй, царство величество! — Здраствуй, старый старичокъ! Что изволишь приказать?—А вотъ, ваше царство величество, принесъ я перо! — Царь взялъ перо и спрашиваетъ:—ну, если ты это перо нашелъ, такъ не можетъ быть,

чтобы ты еще чего не нашелъ!?—Точно такъ, ваше царство величество,—говоритъ старикъ,—нашелъ я еще подъ древомъ младенца. — Ну, принеси его ко мнѣ! — говоритъ ему царь. Нечего дѣлать—пошелъ старикъ домой и говоритъ старухѣ:—такъ и такъ, велитъ царь принести ему нашего младенца.—Ну, вотъ!—говоритъ старуха,—говорила я тебѣ, такъ оно и случилось!

Взялъ старикъ найденнаго младенца и отнесъ его къ царю. И сталъ онъ образоваться у царя. Ну, хорошо... Долго-ли, коротко-ли, близко-ли, далеко-ли, только сталъ ребеночекъ подрастать, и назвалъ его царь — Иваномъ-царевичемъ. Вотъ прослышалъ царь, что посереди моря самаго живетъ прекрасная дѣвица, и служатъ ей двѣнадцать кобылъ, а тринадцатый богатырь-жеребецъ, и все вокругъ нея — такія чудныя птицы, и такъ онѣ согласно распѣваютъ... А дѣвица эта выйдетъ на крылецъ и все слушаетъ, а жеребецъ-богатырь ее, значитъ, охраняетъ. Ну, хорошо...

Какъ прослышалъ царь объ этой дѣвицѣ, собралъ-это всѣхъ свои члены (што-ли) и думные, и говоритъ имъ:—ну, господа-ребяты, какъ хотите, а нужно достать мнѣ эту дѣвицу: хочу я ее себѣ въ невѣсты взять!—Только ему и говорятъ всѣ, что никого нѣтъ, — только Иванъ-царевичъ можетъ эту дѣвицу достать. И говоритъ царь:—ну вотъ, Иванъ-царевичъ, достань ты середи моря прекрасную дѣвицу, а не достанешь—тутъ тебѣ и голова долой!—Пошелъ Иванъ-царевичъ къ своей теткѣ (у матери-то его, старухи, была сестра, тоже старуха, и такая, что все она знала, и могла все дѣлать) и говоритъ ей:—вотъ такъ и такъ, велитъ царь достать ему середи моря прекрасную дѣвицу, а не достану, такъ и голова мнѣ долой!—Сейчасъ ему старуха говоритъ:—ничего не бойся! и обернула его такой прекрасной птицей, и говоритъ:—теперь ступай къ дѣвицѣ!—Иванъ-царевичъ пошелъ, значитъ, полетѣлъ въ море и прилетаетъ, а дѣвица вышла на крылецъ и все слушаетъ свои птицы прекрасныя,

а Иванъ-царевичъ тоже вдали поетъ. Обернулась царица и говоритъ: — что за чудная птица-прекрасная: лучше всѣхъ птицъ!—и хочетъ ее, значитъ, поймать... а Иванъ-царевичъ все ближе на берегъ, и манитъ, а дѣвица все поймать норовитъ! Ну, такъ Иванъ-царевичъ вышелъ на берегъ, и будто идти не можетъ: все прихрамываетъ... Вышла дѣвица на берегъ и хочетъ-это поймать птицу. Какъ отошла подалѣе отъ берега, такъ царевичъ опять обернулся человѣкомъ и схватилъ дѣвицу. Дѣвица и говоритъ:—ну, Иванъ-царевичъ, умѣлъ хватать, съумѣй и держать!—У Ивана-царевича была лошадка: куда захочетъ онъ, туда на ней и пойдетъ. Взялъ дѣвицу и привезъ ее къ царю. Царь сейчасъ отвелъ ей комнаты и приходитъ къ ней, и говоритъ: — когда мы станемъ свадьбу играть?—А дѣвица ему и говоритъ:—никакъ теперь невозможно: я не совсѣмъ здорова.—И хочетъ Ивана-царевича извести и говоритъ: — вотъ у меня въ морѣ остались двѣнадцать кобылъ и жеребецъ-богатырь, теперь они безъ меня, хозяюшки, подохнутъ. Пусть Иванъ-царевичъ ихъ достанетъ. — Царь, значитъ, во всемъ послушался дѣвицы и говоритъ Ивану-царевичу:—такъ и такъ, достань, говоритъ, двѣнадцать кобылъ и богатыря-жеребца, а не достанешь, тутъ тебѣ и голова прочь! — Дѣлать нечего, — поѣхалъ на своемъ жеребцѣ Иванъ-царевичъ опять къ старухѣ, и та ему и говоритъ:—попроси ты у царя канатовъ, только потолще, самыхъ крѣпкихъ-прекрѣпкихъ; тѣми канатами всего своего коня изобвей: и голову, и ноги, и всего его засмоли, и, какъ пріѣдешь къ морю, сейчасъ жеребецъ-богатырь станетъ съ твоимъ биться, и будетъ грызть-рвать канаты, а твой ему—кожу... и потомъ до того они станутъ биться, что измучатся и лёжкомъ станутъ биться, и тогда ты подойди и распори брюхо богатырю-жеребцу: у него два сердца: одно—ретивое, а другое—доброе. И возьми ты ретивое сердце и брось его въ море и станетъ жеребецъ тебя во всемъ слушаться.—Такъ и сдѣлалъ Иванъ-царевичъ: поѣхалъ къ царю, попро-

силъ у него канатовъ толстыхъ-претолстыхъ и крѣпкихъ-прекрѣпкихъ; всего коня ими обмоталъ и засмолилъ... и какъ подъѣхалъ къ морю, такъ сейчасъ приплыли къ нему двѣнадцать кобылъ и позади ихъ жеребецъ-богатырь, и, какъ вышелъ изъ моря на берегъ, сейчасъ сталъ онъ биться съ конемъ и грызть-рвать ему канаты, а тотъ ему — кожу, а Иванъ-царевичъ спрятался. И какъ они измучились и, лежа, стали биться, выскочилъ Иванъ-царевичъ и распоролъ ему — богатырю грудь и вынулъ ретивое сердце и бросилъ его въ море... и сталъ жеребецъ его во всемъ слушаться, и привелъ онъ его съ кобылами къ царю. Видитъ-это, дѣвица изъ своего комната и дивится... И говоритъ ей опэть царь: — ну, когда же у насъ свадьба? — А дѣвица говоритъ ему и хочетъ Ивана-царевича извести: — вотъ есть, говоритъ, у меня подъ облакомъ сундукъ, и въ немъ мое подвѣнечное платье и твои жениховыя одежды: пусть Иванъ-царевичъ ихъ достанетъ, а безъ того — никакъ невозможно! — Царь и говоритъ ему: — такъ и такъ, достань! а не то тебѣ и голова прочь! Пошелъ Иванъ-царевичъ къ старухѣ, а та и говоритъ ему: — ѣдь, говоритъ, ты прямо за колобкомъ: я тебѣ дамъ. Будетъ онъ самъ собой катиться попередъ и показывать дорогу; и пріѣдешь ты къ дереву, — на немъ гнѣздо, и живетъ тамъ Жаръ-Нагая птица, и ты спрячься... У ней, Жаръ-Нагая птица, въ гнѣздѣ малыя дѣти... и какъ станетъ ей холодно, она полетитъ въ теплую сторону; а ты на то дерево залѣзь и сдѣлай надъ гнѣздомъ „притуй“ (т.-е. прикрытіе или, вообще, всякую защиту отъ непогоды), и дѣти ея накорми, и за то тебѣ Жаръ-Нагая птица всякую службу служить станетъ, и сундукъ этотъ изъ-за облака достанетъ непремѣнно. — Такъ царевичъ и сдѣлалъ; и вотъ ѣдетъ онъ за колобкомъ, долго-ли, коротко-ли, близко-ли, далеко-ли, и пріѣзжаетъ въ лѣсъ, гдѣ Жаръ-Нагая птица живетъ. И спрятался Иванъ-царевичъ за дерево... И сдѣлалось холодно... Ну, хорошо... Вотъ, сдѣлалось холодно, и начала Жаръ-Нагая птица мерзнуть, и пищи ей

нѣтъ никакой. Вотъ и хочетъ она летѣть въ теплыя страны и, какъ прилетитъ къ дѣтямъ своимъ, станетъ ей жалко дѣтей своихъ, и опэть она къ нимъ воротится и не летитъ. Только не можетъ она дольше терпѣть и думаетъ: нечѣмъ мнѣ дѣтей кормить и самой кормиться нечѣмъ; все равно— пропадутъ онѣ при мнѣ да и безъ меня пропадутъ, и думаетъ: лёту мнѣ отсудова до теплаго мѣста трое дни и ворочусь я на четвертый: — будутъ живы дѣти, тогда я накормлю ихъ, а не будутъ, — такъ съизнова улечу въ теплое мѣсто. — А царевичъ-это слушаетъ... И улетѣла Жаръ-Нагая птица, а Иванъ-царевичъ поднялся на дерево и изладилъ надъ дѣтями ея „притуй", и настрѣлялъ имъ въ пищу всякихъ мелкихъ пташечекъ, и накормилъ ихъ. Прилетаетъ на четвертый день Жаръ-Нагая птица, и видитъ, что притуй надъ ея дѣтьми есть, и сыты онѣ, и такъ имъ хорошо, и спрашиваетъ:—что, мои милыя дѣти, здоровы ли вы и кто-это такъ устроилъ?—А онѣ ему и говорятъ;—сдѣлалъ намъ это Иванъ-царевичъ и такъ хорошо заботился объ насъ, какъ и при тебѣ намъ того не было: и сыты мы были и довольны.—Тутъ выходитъ Иванъ-царевичъ, а птица и говоритъ: — вотъ, какъ найду я этого человѣка, такъ всякую службу ему служить буду.—Иванъ-царевичъ и говоритъ:—я этотъ самый человѣкъ и есть, что и притуй устроилъ и дѣтей твоихъ накормилъ... а сослужи ты мнѣ службу: есть подъ облакъ сундукъ у одной дѣвицы, и мнѣ его достать непремѣнно надо, а то я своей головы лишусь. Жаръ-Нагая птица и говоритъ ему: — ну, Иванъ-царевичъ, бери ты сорокъ-сороковъ бочекъ съ мясомъ и со всякой провизіей, и садись на меня, и полечу я туда, и, какъ оглянусь, такъ ты мнѣ въ ротъ и бросай одну бочку, и такъ все время.— Хорошо.—Такъ и сдѣлалъ Иванъ-царевичъ: сѣлъ на птицу эту и полетѣли они. Только какъ оглянется Жаръ-Нагая птица, такъ Иванъ-царевичъ ей въ ротъ цѣлую бочку и броситъ. Достали они изъ подъ облакъ сундукъ и полетѣли на-

задъ... только въ послѣдній разъ, на третій день, оглянулась какъ Жаръ-Нагая птица, а Ивану-царевичу бросать ужъ было нечего. Онъ взялъ отрѣзалъ свою ногу, да и бросилъ ей въ ротъ. Только прилетѣли назадъ—на землю,—видитъ Жаръ-Нагая птица, что Иванъ-царевицъ объ одной ногѣ сталъ, и спрашиваетъ, куда онъ дѣвалъ другую ногу? а Иванъ-царевичъ и говоритъ, что „какъ ты обернулся, а мнѣ бросать было нечего, то я и бросилъ тебѣ свою ногу".—Дуракъ же ты,—говоритъ ему Жаръ-Нагая птица,—полѣзай сейчасъ ко мнѣ въ брюхо и ищи тамъ свою ногу!"—Зашелъ Иванъ-царевичъ къ ней въ брюхо и сталъ тамъ, промежду бочекъ, искать свою ногу, и нашелъ... Пріѣзжаетъ къ царю и приноситъ сундукъ, и видитъ-это дѣвица и хочетъ опэть, въ послѣдній разъ, царевича извести. А царь приходитъ и говоритъ:—ну, прекрасная дѣвица, когда же мы будемъ свадьбу играть? — А она и говоритъ: — завтра, говоритъ, будемъ свадьбу играть; только вели ты Ивану-царевичу моихъ 12 кобылъ выдоить хорошенько, и пусть онъ въ томъ молокѣ вымоется.—Такъ и сказалъ царь Ивану-царевичу, а то, говоритъ, тебѣ и голова прочь!..—Нечего дѣлать,—опэть пошелъ Иванъ-царевичъ къ старухѣ и говоритъ ей все:—такъ и такъ. — А старуха ему и говоритъ: — вотъ, говоритъ, возьми ты этотъ камень и, какъ станешь въ кипяченое молоко опускаться, возьми и положи тотъ камень себѣ въ ротъ, а какъ вынырнешь, такъ еще красивѣе сдѣлаешься!—А царь говоритъ: — ну, говоритъ, Иванъ-царевичъ, смотри же, за ночь выдой кобылъ: што тебѣ это, просто плевое дѣло, пустяшная для тебя самая вещь!—Выдоилъ Иванъ-царевичъ за ночь кобылъ, поутру велѣлъ скипятить молоко, а дѣвица все еще откладываетъ, значитъ, свадьбу. И вотъ, какъ готовъ сдѣлался Иванъ-царевичъ, позвалъ онъ и царя, и всѣхъ, взялъ незамѣтно въ ротъ тотъ камень, да и окунулся, да еще и нырнулъ... да и вынырнулъ еще красивѣе прежняго... Царь тоже думаетъ: дай и я сдѣлаюсь красивѣе прежняго!—

Ну, стой, говоритъ, Иванъ-царевичъ! — Вылѣзъ Иванъ-царевичъ изъ котла, а царь, туды какъ прыгнулъ, такъ сразу и поспѣлъ! А дѣвица и говоритъ Ивану-царевичу: — ну, Иванъ-царевичъ, съумѣлъ ты меня хватать, съумѣлъ и держать. Пойду я за тебя замужъ.—Съиграли они свадьбу, ну и стали себѣ жить да поживать".

Полагая совершенно излишнимъ говорить о томъ, что сказка эта вовсе не камчадальскаго происхожденія, а занесенная русскими и только нѣсколько измѣненная инородцами путемъ различной передачи, сообразно съ представленіемъ инородцевъ объ отношеніи царя къ своимъ „думные и прочіе свои члены".

При всякомъ случаѣ камчадалы—тну́м-лёнъ заявляютъ о своемъ непониманіи русскаго языка, которое сказывается въ массѣ погрѣшностей при составленіи любой, даже самой простой, фразы. Изъ первой же обращенной къ вамъ фразы можно видѣть, что нѣтъ согласованія ни по родамъ, ни по числамъ, ни по падежамъ; особенно много ошибокъ въ первомъ, и тѣмъ не менѣе, эти камчадалы—тну́м-лёнъ или низовые — смѣются надъ русской рѣчью своихъ собратьевъ, — камчадаловъ-да̀внаекъ или верховыхъ, говоря:—мы все-таки вотъ середь русскихъ людей образовались,—все ужъ кое-какъ по-русски разговариваемъ, а вотъ смѣшно бываетъ надъ „да̀внайками": тѣ чисто ничего не понимаютъ, спрашиваешь ихъ, мы бы къ примѣру: „дай-ка мнѣ вонъ „это", чье „это" у тебя?" А давнайка и говоритъ, это къ примѣру, значитъ, „нѣтъ", говоритъ, „не дамъ, — это у меня родителя-отцовскій-тятькинъ!" Да такъ сразу, значитъ, все выпалитъ, какъ по-русски выходитъ одно—все едино: значитъ, что тятька, къ примѣру, или отецъ, или родитель; ну, а онъ, того еще хуже нашего, — камчадалъ, ничего этого понять не можетъ: ну, оттого сразу всѣ три и говоритъ, думаетъ, что это за одно сходитъ. Или, вотъ тоже на Сопочной. Пріѣхалъ какъ-то разъ протоіерей, и ну тамъ—крестить ли, что ли, ма-

леньких, значитъ, ну и пріобщаетъ ихъ и говоритъ „раскрой ротъ и пей!“ Ну, а тотъ, извѣстно, что ничего не понимаетъ и ротъ не раскрываетъ, а отецъ-то его и спрашиваетъ, протоіерея, значитъ: — ужь видитъ, что худа бы чего не было: насмѣлился-это и спрашиваетъ: чего, надо-то? понялъ, значитъ-это.—Тотъ и говоритъ, чтобы онъ, ребенокъ-то, выпилъ. Ну, тотъ ему по-своему и началъ такъ выговаривать „кылчь, кылчь!“ ну, тотъ и выпилъ... Да... вотъ то-то и бѣда... Такъ то мы и образовались, а вотъ языка-то русскаго чисто, вѣдь, не понимаемъ“...

24 октября въ 8 h. 10 m. a. мы выѣхали съ мѣста нашего ночлега на правомъ берегу рѣчки Шкдой, и черезъ березникъ скоро выбрались на очень большую тундру, которую перешли только въ 9 h. 20 m. a., и отсюда направились падушкой къ виднѣвшемуся съ этого мѣста тальнику по р. Ичѣ. Надо замѣтить, что такъ какъ на Большой тундрѣ снѣгу было мало, то, чтобы нѣсколько облегчить трудъ собакъ — тащить нарты по травѣ, пересѣкши тундру, ѣхали опушками березниковъ, окружающихъ эту тундру со всѣхъ сторонъ. Падушка, по которой теперь спускались къ рѣкѣ, становилась чѣмъ ниже, тѣмъ мокрѣе. Тундровыя воды, стекая по ней, образуютъ ручеекъ, направляющійся къ Ичѣ. Въ 10 h. 5 m. a., т.-е. только черезъ часъ пятьдесятъ пять минутъ, должны были уже снова остановиться, чтобы дать отдохнуть совершенно изнемогшимъ собакамъ.

До чего этотъ народецъ робокъ со всякимъ другимъ человѣкомъ „изъ-за рѣки“, котораго, кто бы онъ ни былъ, считаютъ за „начальника“, показываетъ хотя бы то, что каюрщики вмѣсто того, чтобы прямо заявить о необходимости остановиться въ виду того, что собаки далѣе тащить нарту не могутъ, опасаясь, чтобы „начальникъ“ вмѣсто того — не выругалъ ихъ и чтобы „вообще, чего худа имъ не было“, прибѣгаютъ къ такимъ хитросплетеніямъ, что „можетъ быть вы

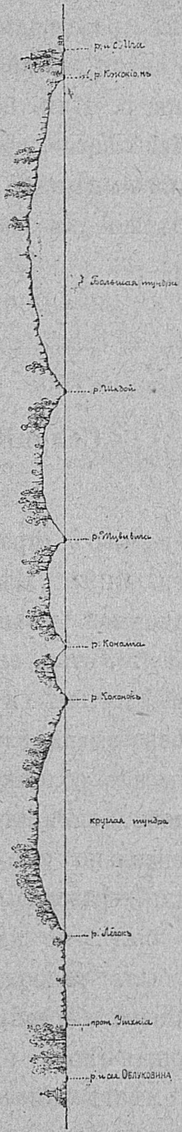
хотите кушать, что здѣсь мѣсто для этого самое удобное, а между тѣмъ и собачки пріотдохнули бы".

Черезъ часъ 35 минутъ остановки поѣхали къ селенію, которое отъ мѣста отдыха находится не болѣе, какъ въ трехъ верстахъ. Въ 12 h. 15 m. p. подъѣхали къ первой Ичинской рѣчкѣ „Кжокіонъ". По падушкѣ мы спустились на небольшую, такъ называемую, „вóдяную" тундрочку, а за ней и къ Кжокіону. Отъ этой рѣчки начинаются тальники и протоки р. Ичи.

Наконецъ, добрались и до самой рѣки, отличающейся отъ другихъ ея протоковъ только болѣе значительной шириной.

Давши знать въ селеніе нѣсколькими выстрѣлами о своемъ прибытіи и, слѣдовательно, о надобности перевоза, скоро мы были услышаны въ селеніи, изъ котораго сперва послышался лай собакъ, а затѣмъ показались и баты съ перевозчиками. Ровно въ 1 h. p. мы были, наконецъ, въ самомъ селеніи Ичѣ, въ которомъ, по словамъ старосты, Евдокима Тескина, всѣхъ жителей 74 человѣка, а всѣхъ жилыхъ домовъ—12.

Изъ селенія падушка, по которой спускаются съ упомянутой Большой тундры къ Ичѣ, откуда виднѣются Ичинскіе тальники, находится приблизительно на 196° SSW.



Фиг. 20. Разрѣзъ поверхности между Облуковиной и Ичей.

Допуская, что переходъ отъ Облуковины до Ичи былъ совершенъ съ равномѣрной скоростью и что, слѣдовательно,

пройденныя пространства пропорціональны потраченному времени, весь этотъ путь можетъ быть представленъ рисункомъ фиг. 20.

Все разстояніе опредѣляется жителями въ 40 верстъ. Какъ видно, во времена Крашенинникова острожекъ, стоявшій на р. Ичѣ, назывался Оа́утъ.

Неизвѣстно, на томъ ли даже приблизительно мѣстѣ находится нынѣшнее поселеніе, по разстоянію отъ устья близко подходящее къ Оа́утъ.

ГЛАВА VI.

Селеніе Ича и путь до Сопочного.

Дитмаръ, проѣзжавшій Ичу въ 50-ыхъ годахъ, пишетъ на стр. 629: „Мѣстечко Ича находится на правомъ берегу одноименной рѣки, которая въ этомъ раздѣляется на три рукава... Устье ея находится въ 20 верстахъ ниже селенія сухимъ путемъ и въ 30 верстахъ рѣкою. Восемь домовъ и церковь выглядѣли готовыми упасть“... „Рѣчникъ Ичи состоитъ изъ обломковъ толстослоистыхъ, темныхъ, глинистыхъ сланцевъ, силикатовъ, трахитовъ и изъ пористой лавы“... Относительно исторіи теперешняго острожка жители его — старики—разсказывали слѣдующее: Первый Ичинскій острожекъ былъ не на этомъ мѣстѣ, а ниже его версты за три. Онъ былъ расположенъ на лѣвобереговомъ высокомъ увалѣ, поросшемъ березникомъ. Какъ увалъ, такъ и рѣка Ича, протекающая подъ нимъ, остались и по настоящее время. Въ томъ мѣстѣ была построена первая Ичинская церковь. То было очень давно... такъ давно, что того не помнили и отцы (передающихъ это) стариковъ. Ближе не опредѣляютъ протекшаго времени. Острожекъ тотъ былъ брошенъ (такъ ду-

маютъ) потому, что его мѣстоположеніе, какъ сказано, на высокомъ увалѣ, было сочтено неудобнымъ для поселенія: съ увала прямо въ рѣку падалъ и скотъ, и малые ребятишки. Церковь сгорѣла вмѣстѣ со священникомъ, который былъ, говорятъ, камчадалъ, по фамиліи Уваровскій. На мѣстѣ бывшей церкви былъ найденъ какъ-то лиственичный крестъ съ мѣдною на немъ иконою; тамъ, гдѣ былъ алтарь, въ настоящее время растетъ толстая талина, и вся площадь, нѣкогда занятая церковью, поросла тальникомъ.

Мѣсто бывшаго перваго Ичинскаго острожка, съ ямами, признаками бывшихъ юртъ, по настоящее время извѣстно подъ названіемъ „Стараго Острога". Противъ него въ Ичинскую рѣку впадаетъ съ праваго ея берега ключъ, начинающійся съ тундръ. Ключъ этотъ—рыбный. По берегу его жителями также замѣчены ямы — юртовища, указывающія на бывшее поселеніе.

„Ужъ примѣтно, — объясняетъ разсказчикъ, — что было множество юртъ. Да и должно быть, что множество народу тамъ жило: ямъ-то этихъ, ямъ!" Это второе мѣстечко называется теперь „Ка́мурами". Мнѣ кажется, что названіе Ичинскаго острожка „Ича" легче всего можно объяснить тѣмъ, что первое поселеніе, какъ сказано, находилось въ березовомъ лѣсу, который по камчадальски называется „ичъ". Когда былъ перенесенъ острожекъ съ того мѣста на настоящее, на правомъ берегу Ичи, никто не знаетъ, говоря, что это было такъ давно, что „и отцы наши того не знали". Значительная давность перенесенія острожка на правый берегъ можетъ быть допущена уже потому, что воспоминанія старѣйшаго Ичинскаго жителя, которому я обязанъ всѣми этими свѣдѣніями, Дея Егорыча Тескина, старика 82 лѣтъ, со всѣми подробностями доходятъ до времени, когда начальниками въ Камчаткѣ были Завойко, Машинъ, Странолюбскій, Шишмаревъ, Шаховъ, Голенищевъ и Станицкій.—Относительно современнаго поселенія не приходится говорить много, такъ оно рѣ-

шительно ничѣмъ не отличается отъ другихъ камчадальскихъ поселеній: ни типомъ построекъ, ни ихъ распланировкой.

Дома, эти маленькіе бревенчатые срубы, въ созданіи которыхъ видна неумѣлая рука, въ которыхъ оконныя отверстія затянуты шумливыми полотнищами изъ рыбьей (хайковой) кожи, разбросаны безъ всякаго плана, какъ и всюду. Тѣ же пирамидальные рыбные балаганы и крохотные амбарушки. Понятно, что съ перенесеніемъ сюда острожка была перенесена и церковь, которая первоначально и была выстроена нѣсколько ниже дома Заева. Послѣ того она была перенесена выше по рѣкѣ, но на новомъ своемъ мѣстѣ была смыта рѣкою. Тамъ и теперь, по тому мѣсту, гдѣ она стояла, протекаетъ Ича. Въ настоящее время церкви въ острожкѣ нѣтъ: она была отсюда перенесена, какъ передаютъ, приблизительно въ 1872 году, въ Облуковнинское селеніе, гдѣ находится и теперь. Жители ичинскаго острожка, не отличаясь отъ другихъ камчадаловъ ни по типу, ни по домашнему обиходу, ни говоромъ, тѣмъ не менѣе, какъ о томъ говорилось, занимаютъ среднее мѣсто между **тну́м-лёнъ** и да́внайками, и могутъ быть отнесены безъ большой погрѣшности, какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ. Они „образуются", какъ „образовались" уже жители Облуковины и другихъ южныхъ острожковъ, т.-е. постепенно утрачиваютъ свой родной языкъ, усвоивая искаженно-русскій, на которомъ понимаютъ лишь самыя повседневныя, обиходныя фразы съ запасомъ словъ развѣ въ нѣсколько сотенъ, справедливо сознаваясь въ своемъ „чистомъ", т.-е. совершенномъ, непониманіи русскаго языка. Многіе изъ Ичинцевъ уже утратили камчадальскій языкъ, но многіе, въ особенности болѣе консервативныя въ этомъ отношеніи, женщины и малолѣтнія дѣти знаютъ и сохраняютъ его.

Какъ извѣстно, первые камчадалы, которыхъ описываетъ Крашенинниковъ, жили въ юртахъ, устройство которыхъ совершенно отмѣнно отъ устройства „дома".—Поэтому естественно, что на камчадальскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ

понятій, какъ-то: окно, печка, труба, косякъ и т. п., которыя въ переживаемое время входятъ безъ измѣненія въ камчадальскую рѣчь, странно измѣняясь камчадальскими окончаніями, напр., „въ печкѣ“ камчадалъ передаетъ „пéчэнк“, „окно“ называетъ „окнуч“. Небезъинтересными кажутся тѣ названія, которыя были даны камчадалами новымъ, навязаннымъ имъ понятіямъ: Такъ печка—хля́тхунчь, что означаетъ собственно „неподвижно сидячее“; труба—чкныч,—соотвѣтствуетъ „высокое и долгое“; матица или матка (поддерживающая потолокъ)—„шóльжон“ означаетъ „лежитъ“; оконныя колоды (косяки)—*т*хжутóколь,—т.-е. „одно стоитъ, другое лежитъ“; подволока, потолокъ—у́т-ы*т*,—дерево.

Занятія Ичинцевъ тѣ же, какъ у остальныхъ камчадаловъ, т.-е. рыболовство и звѣроловство. Огородничество и скотоводство, занятія осѣдлаго населенія, у нихъ—въ зачаточномъ состояніи и являются навязанными извнѣ, почему и развитіе ихъ соотвѣтственное. Въ огородахъ, которые находятся вблизи домовъ, садится, почти исключительно, картофель, который, надо сказать, въ этомъ году уродился онень плохо. Садится также и рѣпа, но послѣдняя, обыкновенно, по прибрежнымъ тальникамъ, на такъ называемыхъ „рѣпищахъ“. Относительно своего огородничества очень интересно ихъ сообщеніе, характеризующее до нѣкоторой степени ихъ представленіе объ этомъ дѣлѣ.—„Садили мы какъ-то, кажется въ третьемъ году, и капусту и еще что-то (по описанію можно было думать, что редиску); сѣмена-то намъ далъ какъ-то начальникъ при проѣздѣ. Посадили это мы, и точно: выросла и капуста да и то-то, редиска што-ли,—ужъ этого сказать „доподлинно“ не умѣемъ... Только какъ мы ничего не знаемъ, куда ихъ дѣвать (научить-то, ишь, насъ не научили, на што-это онѣ пригождаться могутъ...), такъ онѣ у насъ, безъ толку, можно сказать, и пропали... Такъ себѣ, рѣдкіе, держали то-же эту самую капусту въ супъ, пока она была зеленая, значитъ; ну, а потомъ-то, какъ мы не знали, какъ ее на зиму сохранить-то,

такъ она у насъ и пропала... а рѣдиску-то эту самую рѣдкій кто и попробовалъ... Горькая она какая-то въ землѣ-то, что красное-то,—на рѣпу схожее,—а на верху-то трава выросла большая какая-то. Ну, мы и не знали, что съ ней дѣлать, которую ѣсть-то надо: то-ли исподнюю, эту рѣпку самую, то-ли траву-то... Такъ она у насъ и пропала. А вотъ раньше, когда у насъ церковь-то была, и священникъ, отецъ Іона, жилъ, тогда у насъ водились, значитъ, сѣмена брюквы да рѣдьки. Вотъ тѣ для насъ добрыя были (= добрыя, т.-е. идущія въ употребленіе). — Да то и бѣда, что теперь сѣменовъ-то этихъ никто не возитъ да и достать ихъ негдѣ".

Скота у жителей мало: всего могли насчитать 19 головъ рогатаго да 6 лошадей. Въ 50-хъ годахъ Дитмаръ для этого-же селенія приводитъ цифры: 36 г. рогатаго скота и 3 лошади на 57 человѣкъ. Это было во времена Завойко, который, по всѣмъ даннымъ, очень старался объ улучшеніи быта инородцевъ. Къ сожалѣнію, его пребываніе въ странѣ было слишкомъ кратковременнымъ, чтобы инородцы могли уразумѣть всю пользу его мѣропріятій. А такъ какъ съ того времени въ Камчаткѣ никто болѣе объ этомъ не старался, сочтя его попытки безплодными, то и понятенъ современный упадокъ какъ огородничества, такъ и скотоводства.—Вотъ то немного, что̀ можно было сказать объ Ичинскомъ острожкѣ.

Упомянутый выше старикъ, Дей Егорычъ, болѣе другихъ освѣдомленный со „стариной", говорилъ: „чего нонче и народу-то живетъ на Камчаткѣ—пустяки самые, а въ прежнія времена—множество было... И вездѣ-то наши братья-камчадалы жили... и по рѣкамъ, и по ключамъ, гдѣ только рыбка заходитъ... Да и надо полагать, что множество народу жило, по примѣтамъ-то видно: вездѣ-это юрты были. Теперь только ямы-то одни и остались, а юртъ-то этихъ самыхъ и нѣтъ нигдѣ.

Видишь, прежде наши братья по юртамъ-это жили, — дома не такъ давно и строить зачали, ужъ это отъ русскихъ, значитъ, пошло. А отъ старины-то теперь только и осталось,

что двѣ юрты; да и то изъ-за того, што каменныя юрты-то тѣ. Одна-то, значитъ, стоитъ на берегу Лѣвой рѣки нашей. Сложена она изъ плитняку, изъ гольныхъ-это большихъ плитъ. Дверей у ней нѣтъ, а только люкъ однпъ сверху, по старинному, значитъ. Величиной-то она, примѣрно, съ большой домъ: множество, сказывали, народу тамъ жило, да оно и можетъ быть, потому—въ самый разъ—рѣка тамъ „ры́бной!" А народъ-то тогда жилъ, по примѣтамъ, по нашей рѣкѣ отъ самаго устья да и до самыхъ вершинъ! Стоитъ эта юрта на чистомъ мѣстѣ, на увалѣ, подлѣ хребтовъ. Сопка Бѣлая отъ этой юрты ниже приходится, хоть и недалеко... Въ томъ же мѣстѣ, только на другой сторонѣ той же рѣки, есть еще и другая юрта, тоже каменная, а на верху у ей—выросъ теперь лѣсъ... Надо полагать,—юрты тѣ строены еще до русскихъ людей, послѣ потопа, въ древнія времена... Потому,—когда потопъ былъ,—тогда ничего не осталось: все выгладило. Сказывали-это, будто послѣ потопа-то люди ожидали новаго потопа и готовились къ этому, значитъ: затаскивали на сопки лѣсъ: на плоты-это, къ примѣру, па Эльвеликъ, что за Ковраномъ. А отчего-это народъ перевелся, такъ сказывали намъ про то родители наши, что все множество народа, што здѣсь жилъ раньше, вымерло отъ какой-то „оспы".

И въ юртахъ этихъ множество народу покончилось отъ оспы. Такъ тамъ народъ и до сей поры остался... Потому какъ никто туда въ исподь-то не заходилъ,—потому старики намъ того не велѣли".

Дѣйствительно ли остался „до сей поры" умершій въ этихъ юртахъ народъ,—сказать трудно, но что такія каменныя юрты существуютъ, о томъ достаточно единогласнаго свидѣтельства многихъ промышленниковъ, которымъ случалось посѣтить указываемое мѣсто.

Всю „старину", переданную мнѣ словоохотливымъ Деемъ Егорычемъ, я привожу здѣсь почти его подлинными словами и оборотами:

„Хальхинту — самый славный тойонъ и воинъ, старшій или начальствующій надъ всѣми острожками по рѣкѣ Ичѣ. Онъ былъ такой у́далой и ве́рткой, что могъ отвертываться отъ всякихъ стрѣлъ. Многіе къ нему приходили и снизу, и сверху, и изъ Камчатки, а никто не могъ стоять съ нимъ. Вотъ приходятъ къ нему войной...

Онъ ихъ и напоитъ, и накормитъ, потомъ и спрашиваетъ:— ну, на что-же вы пришли ко мнѣ? Ну, стрѣляйте-же теперь!“ — Тѣ и начнутъ его со всѣхъ сторонъ стрѣлять-это изъ луковъ-то, а тотъ со своимъ лукомъ только отмахивается. Потомъ и зачнетъ стрѣлять! Тѣ-это видятъ, что онъ, подпрыгивая, отвертывается,—тоже зачнутъ такъ дѣлать, да гдѣ же имъ! Онъ ихъ и начнетъ спаривать (= стрѣлять сдваивая, парами). Ну, онъ ихъ до того и добьетъ, что только двое останутся; потомъ и говоритъ: „ну, што-же? вы пришли войной—теперь подите домой двое: а то одному скучно будетъ!“ — Это то-же смѣется надъ ними!.. Разъ, онъ, съ версту отсюда, ворону убилъ, пришелъ домой да и сказалъ, что онъ медвѣдя убилъ... Старуха и пошла со своими каменными ножичками пластать этого, будто-бы, медвѣдя... Онѣ пошли и нашли тамъ ворону, и воротились, и сказали ему „вотъ ты какой! не медвѣдя убилъ, а ворону, и обманулъ насъ... Потомъ онъ узналъ, что война идетъ и сказалъ, что война будетъ, и ему не повѣрили... Онъ все зналъ... И его хотѣли войной окружать; онъ узналъ, откуда его хотятъ „скрадывать“ и сзади поползъ, а у него былъ въ рукахъ большой молотъ изъ комля оленьяго рога, и этимъ молотомъ, подкравшись сзади, сразу убилъ человѣка, который ползъ позади всѣхъ, и поползъ тоже за нимъ, и помаленьку началъ всѣхъ убивать, пока ихъ не осталось только двое. Онъ тогда поднялся и говоритъ: „ну, что-же вы? если хотите меня убить, тогда полюднѣе собирайтесь; можетъ быть, тогда вамъ и удастся это, а теперь пойдемте лучше обѣдать. — Разъ онъ пошелъ съ дядей на охоту и убилъ тамъ медвѣдя, и съѣлъ у него лопатку и

жопу. И какъ съѣлъ, такъ и спать легъ, держа въ изголовьѣ комелекъ простой. Дядя ему и говоритъ, что ты, Ха́льхинту, много ѣшь! Если война придетъ, куда ты убѣжишь?!— Дядя не спитъ. Только и слышитъ, что на морѣ—скрипотокъ: байдары съ Палланскаго берега идутъ. Дядя какъ увидалъ, такъ сейчасъ въ батъ садился и закричалъ „гей, Ха́льхинту!“ и не успѣлъ онъ, дядя то-есть, ногу еще въ батъ занести, какъ глядитъ, — племянникъ-то ужъ самъ гребетъ. И увезъ онъ сперва дядю на островъ на рѣкѣ, а самъ назадъ къ войнѣ ушелъ. Сперва пробовалъ, есть-ли у нихъ удалецъ, и увидѣлъ, что есть, и побѣжалъ—пробовать его удачу, и видитъ, что тотъ его догоняетъ. Тогда онъ простой лукъ спустилъ, безъ стрѣлы, а тотъ думалъ, что его стрѣляютъ стрѣлой, и сѣлъ, а Хальхинту взялъ сейчасъ слѣдомъ да стрѣлу и пустилъ, и тотъ не успѣлъ встать еще, какъ стрѣла ему въ муди попала. Тогда Хальхинту оборотился и говоритъ: „Ну, теперь пускай идетъ война!“ и всѣхъ ихъ и поколотилъ! Вотъ ужъ онъ былъ настоящій воецъ! Лукъ онъ держалъ изъ китовой щеки и тетиву держалъ изъ китовой жилы, и обшивалъ ее ровдугой. По веснамъ Ха́льхинту промышлялъ тоже сѣтками чавычу (у насъ тоже конополя-то наша и теперь есть...—крапива; ну, и сѣтки тоже были съиздавна), и была у него маленькая барабара—только одному повернуться... И стали въ него стрѣлять—въ спящаго, подкравшись къ нему, а онъ подскочилъ, когда его стрѣляли у той высоты, сколько позволяла барабарка,—и они попали не въ него, а въ простое мѣсто. Тогда онъ вышелъ изъ барабарки и позѣвываетъ, будто-бы глядя на солнце, и говоритъ: „довольно-же я хорошо поспалъ — до половины дня! Какая-же бы вамъ слава была, еслибы вы меня убили спящаго, все равно какъ-бы мертваго. А вотъ теперь стрѣляйте! Тѣ начали со всѣхъ сторонъ изъ луковъ его палить, а онъ только поскакиваетъ да лукомъ повертываетъ... Тогда онъ и говоритъ „ну, зачѣмъ-же вы и войной шли? Довольно вы пострѣляли, теперь моя очередь!“

И началъ онъ ихъ по два, да по три, да по четыре убивать, и побилъ ихъ всѣхъ.

На устьѣ Ичи есть высокая гора—Ка́къ-ынъ—песчаная. Хальхинту ходилъ тамъ за охотой—за оленями. Онъ добылъ быкъ жирной и въ юрту пришелъ, и узналъ, что война пришолъ. Темнѣть стало. Онъ „пожегъ" сдѣлалъ и въ юрты посадилъ „всдоръ", и на „всдоръ" надѣлъ камлею, какъ будто онъ самъ сидитъ около огнища; кукуль-то это и направилъ (т.-е. кукуль-то и натянулъ на голову), а самъ отошелъ подальше отъ юрты. Потомъ, какъ потемнѣло, войско и подошелъ къ этому юртѣ, и увидали-посмотрѣли въ дыру:—сидитъ Хальхинту будто у огнища; значитъ, они его скараулили. Подкрались, взяли его да и застрѣлили насколько луковъ,—и этотъ „всдоръ" свалили и растянули его, и закричали: „вотъ сколько разъ на него ходили войной, не могли его убить; теперь-то мы изо всѣхъ лучше выискались!—обрадовались. Потомъ они взошли, подняли и увидѣли, что это „всдоръ", ну, и начали разува́ться въ юртѣ и жарить этотъ „всдоръ". А самый проворный самъ не изволитъ и разуваться, а всѣ его разуваютъ. И потомъ высушили у его торбаса,—а самъ воинъ не изволитъ,—потомъ накрошили ему кусокъ,—самъ онъ-это не крошитъ,—и никто не ѣстъ-то, кромѣ него,—и самый жирный кусокъ ему и подали; онъ и съѣлъ, и второй съѣлъ, третій какъ въ ротъ только успѣлъ взять, Хальхинту-то въ это время подбѣжалъ да крикнулъ, да воина-то сразу и хлопнулъ,—тутъ его и растянулъ. Потомъ опять побѣжалъ да крикнулъ, и кто куда побѣжалъ... Онъ такъ и перебилъ всѣхъ, а двоихъ оставилъ и говоритъ: „ну, вотъ теперь пора, что изжарили, ѣшьте до сыта, не думайте ничего,—я васъ теперь ничѣмъ и не пошевелю". Ну, они ночевали, и на утро этимъ „всдоромъ" и мясомъ ихъ же нагрузилъ на дорогу, да съ тѣмъ и отправилъ ихъ. Такъ онъ и состарился: никто его и убить не могъ. Когда Хальхинту умеръ, съ Палланў приходилъ боецъ и всѣхъ

здѣсь ухлопалъ воиновъ, только двоихъ оставилъ у одной старушки и велѣлъ ихъ выкормить, чтобы потомъ съ ними повоевовать, когда они выростутъ проворными („сильными"). Самъ онъ ушелъ на Палланъ и срокъ далъ. Когда ты ихъ, говоритъ, выкормишь, тогда пошли ихъ ко мнѣ. Старушка ушелъ весной съ ребятишками этими къ морю, и нашли онѣ тамъ большого лахтака, и изъ этого лахтака онѣ сдѣлали два ремня; и эти ремни онѣ высушили и сдѣлали ихъ толстыми, чтобы они не измѣнили. И когда они высохли, стали ихъ вязать на молоденькихъ деревахъ,—всякъ свой ремень... Это для того, чтобы они были проворнѣе, чтобы они этими ремнями эти деревья тянули да и загибали, да и ломали. Потомъ дѣти стали все это тянуть да загибать, да ломать эти лѣсины. А ремни привязывали чѣмъ далѣ, тѣмъ къ еще толще лѣсинамъ; наконецъ, и къ такимъ, что въ обхватъ лѣсины были. Они и эти стали ломать, а потомъ и съ корнемъ ворочать.

Когда же эти и никакія лѣсины не стали стоять, и совсѣмъ они стали ихъ ворочать,—тогда ихъ старушка и послала, говоритъ: „подите, попробуйте теперь силу у самыхъ большихъ медвѣдей, которые — самые проворные, а съ маленькими—и вовсе не занимайтесь. Потомъ они и пошли, и стали они ходить, и все не по нихъ... и въ первóй они застали настояще большого медвѣдя, и говорятъ: „вотъ это—большой: должно быть, это—проворный!" Потомъ они его и подкрали. Подкрали близко и испужали... Тотъ, знаешь, сердúтый—сейчасъ и кинулся... Потомъ они взяли, какъ онъ кинулся, — одинъ поймалъ его и потащилъ къ лѣсинѣ да какъ тряхнетъ, такъ и съ „голкомъ"! [1]). Да и говорятъ: „никакой силы въ немъ нѣтъ! Пойдемъ,—поищемъ побольше!" а тотъ оставили. Потомъ они пошли и застали еще побольше того. „Ужо,—говорятъ,—этого попробуемъ!" Стали скрады-

[1]) Убить „съ голкомъ", „съ голку"—выраженіе повсемѣстное на Камчаткѣ соотвѣтствуетъ—убить „наповалъ".

вать, и подкрали его близко, и испужали его... кинулся онъ... и который не хваталъ, тотъ и поймалъ, и какъ будто не почувствовалъ, подтащилъ къ лѣсинѣ, и убилъ, и говоритъ: „да докуда намъ ходить еще!? мы теперь ихъ понесемъ къ бабушкѣ!“ И принесли, всякъ своего медвѣдя, цѣликомъ... Къ бабушкѣ принесли... бабушка у нихъ все убрала и развѣсила. „Ну, на что же васъ я выкормила? Если вы теперь не пойдете туда, все равно—онъ сюда придетъ и убьетъ васъ. У меня теперь пища есть, а вы пойдите!“ и стала снаряжать ихъ. Надѣла на нихъ въ исподь получше парчечки, а сверху надѣла самъ-худенькія, и отправилъ онъ ихъ... Стали они вездѣ это проходить, и всѣ ихъ жалѣютъ, и говорятъ: „бѣдняжки, куда-то на смерть пошли! Лучше бы вы воротились:“ А тѣ и говорятъ „на что же онъ велѣлъ насъ выкормить?“ Такъ пришли они, гдѣ этотъ воинъ. И тамъ сказали: „какіе-то тамъ парнишки пришли грязные!“ Онъ узналъ и говоритъ „а вотъ эти-то, вѣрно и есть! Ну, пускай сюда зайдутъ!“.

А юрта у него большая и въ ней все хорошія бабы: вездѣ, гдѣ онъ народъ нахлопалъ, отобралъ хорошихъ бабъ и себѣ ихъ взялъ... Они зашли, онъ сталъ ихъ угощать: всякая всячина́ имъ поставилъ. „Ну,—говоритъ,—закусывайте!“. Тѣ по одной кусочкѣ съѣли, и довольно. „Ну, почто же,—говоритъ,—вы мало ѣли?“ Довольно,—говорятъ,—мы много не ѣдимъ. „Ну, на что же я васъ велѣлъ выкормить!? Теперь, пора, — побьемтесь, какъ хотите, или лукомъ, или ручка на ручку“. Потомъ тутъ и сказали они: „ты велѣлъ кормить такъ, чтобы мы не имѣли никакія орудія, а только чтобы у насъ сила была“.—„Ну,—говоритъ,—дѣйствительно! Это правда: такъ и велѣлъ кормить. Ну, кто первый по мнѣ!? Обыкновенно—старшій. А у него въ юртѣ—камень большущій... Тутъ старшій хватился съ нимъ и поймалъ его за шею да за ногу. Тотъ богатырь-воинъ и сталъ просить: „ты,—говоритъ,—меня отпусти!“ „Нѣтъ,—говоритъ,—на что же ты

насъ велѣлъ и выкормить! Если бы ты меня,—говоритъ,— поймалъ, то же вѣдь не отпустилъ бы, а младшій-то братъ— еще сильнѣе меня!“—Младшій и говоритъ: „да отпусти ты его: дай мнѣ хоть попробовать, какая тяжесть-то въ немъ!“ А тотъ такъ ужъ объазартился, что не отпустилъ, а объ этотъ камень такъ и хлопнулъ его, что такъ на мелкіе кусочки тотъ и разсыпался“.

Второй разсказъ относится точно такъ же до веденія войны древними камчадалами между собою:

„Вотъ въ прежнія времена-то люди лучше убивали собственныхъ дѣтей, чѣмъ, чтобы дѣти въ чужихъ людяхъ мучились: были у одного семьи три сына; двое изъ нихъ были настоящіе промышленники, а третій все время сидѣлъ въ углу юрты и такой всегда „пропащій“ былъ. Вотъ отецъ и говоритъ старухѣ: „ну, что, старуха, чѣмъ нашему сыну послѣ маяться, давай, лучше, мы его сами убьемъ!“ Да, и правда,—говоритъ старуха,—чѣмъ ему потомъ маяться, лучше его теперь убей! Вотъ, занесъ въ юрту отецъ лукъ и стрѣлы, и стрѣлилъ сына, который все время въ углу сидѣлъ. Какъ стрѣлилъ, такъ простое мѣсто только и попалъ въ юртѣ. Вотъ, обзарился отецъ-то, да и давай его обстрѣливать изъ лука. Стрѣлялъ его въ юртѣ-то, стрѣлялъ, а попасть никакъ не могъ; а тотъ себѣ тамъ подскакиваетъ да всѣ стрѣлы отцовскія себѣ собираетъ. Какъ выстрѣлилъ отецъ всѣ стрѣлы, такъ и лукъ сыну тому отдалъ. „На,—говоритъ,—тебѣ теперь и стрѣлы, потому что какъ я тебя хотѣлъ убить, такъ теперь лучше ты меня убей за то“. Нѣтъ,—говоритъ сынъ,— не за что мнѣ тебя убивать! вѣдь, ты меня хотѣлъ убить, жалѣючи, чтобы потомъ мнѣ худа не было. Ты меня вѣдь жалѣлъ,—оттого убить хотѣлъ. „Вѣрно,—говоритъ отецъ,— правда то!“

Узнали люди, что у него изъ трехъ сыновъ есть одинъ самый удалый, и собралось войско, и пошли къ нему, чтобы его ухлопать. А тотъ сынъ братьямъ своимъ говоритъ, а

самъ-то ужъ давно про то знаетъ, что „война“ идетъ на него. „А что,—говоритъ,—братья, станемте играть, а то на насъ война придетъ, а мы и не умѣемъ! Вы учитесь сами стрѣлять, а у меня учитесь отвертываться да лукомъ повертывать. Вотъ стрѣляйте въ меня!“ Стали оба другіе брата въ него стрѣлять въ юртѣ, а онъ сталъ отвертываться. А войско между тѣмъ ужъ и ихъ домъ облавило. А одинъ воинъ подошелъ къ дому, да въ маленькую дыру и смотритъ, который изъ трехъ братьевъ самый удалый. Какъ научились братья стрѣлять и отвертываться, и лукомъ повертывать,—братъ ихъ взялъ да черезъ ту дыру прямо въ глазъ воина-то, который подсматривалъ-то, и ухлопалъ, а потомъ и говоритъ братьямъ: „ну, братья, теперь пойдемте на дворъ играть!“ Тѣ, какъ вышли, такъ и увидали—войско у нихъ стоитъ. И пока оно дожидалось, пока ухлопанный-то воинъ встанетъ будто бы, они давно ужъ все войско втроемъ ухлопали... Вотъ онъ какой былъ!“

Приведенные разсказы, какъ о томъ можетъ всякій судить, лишены какого бы-то ни было поэтическаго вымысла и не блещутъ ни выраженіями, ни слогомъ, и тѣмъ не менѣе они заслуживаютъ, какъ мнѣ кажется, нѣкотораго интереса въ томъ отношеніи, что ими подтверждаются свѣдѣнія, приведенныя первымъ изслѣдователемъ Камчатки, Крашенинниковымъ, въ главѣ „о военномъ камчатскомъ ополченіи“. Стараясь всегда сохранить собственныя слова и обороты разсказчиковъ, чтобы тѣмъ самымъ дать только сырой матеріалъ для лицъ, интересующихся тою или другою стороною предмета, и уклоняясь отъ дѣланія какихъ-либо выводовъ и заключеній, позволяю себѣ еще разъ оговориться и пожалѣть, что не всегда удавалось записать сообщеніе точно подлинными словами, по не владѣнію искусствомъ стенографированія. Слѣдующія „сказки“ относятся до стариннаго божества—Кутхи.

„Тоже не одинъ Кутхъ-то этотъ самый жилъ: были у

него тоже родные-это. Дочь у него былъ Ши́нянутъ, да другой дочь, Iа́нумхчъ; да сынъ—Джиль-Кутхъ и Эмэмъ-Кутхъ, а сестра-то у него былъ—Шко́мльхчъ, и настояще непобѣдимый этотъ Шко́мльхчъ-то былъ! только сестрой-то этой, можно сказать, Кутхъ и держался. Злые-это духи, недоброжелательные—*К*нашхчъ, Iа*к*нашхчь, да третiй—Чя́чя-*к*нашхчь, напускали на Кутха разныя болѣзни. Пузырьками съ водой выходитъ на человѣкѣ Iа-*к*нашхчь, *К*нашхчь самый выходитъ черными пятнами, а третiй—Чячя-*к*нашхчъ—выходитъ снутри красными пятнами. И такъ его, Кутха, эти *К*нашхчи удѣлаютъ, что мѣстами онъ и ходить не могъ, такъ его и свалятъ... Кутхъ былъ мѣстами умный, а мѣстами какъ бы въ не́умѣ, такъ что и сестру позабылъ. Ну, а какъ свалятъ его болѣзни, такъ онъ сестру свой непобѣдимый и вспомнитъ, и говоритъ: „ахъ, не одинъ я родился на свѣтъ: есть у меня сестра гдѣ-то, хоть бы у ней ухи зазвенѣли да она меня вспомнила". И вѣрно: у ней ухи зазвенятъ,—она и догадается, что ее братъ поминаетъ. Потомъ она срядится въ дорогу: у нея тоже—дорожка къ брату была, да и говоритъ сама къ себѣ: „если я пойду по дорожкѣ, то я встрѣчу всякiя болѣзни, а лучше же я по облачку". Возьметъ посошекъ, и по этому посошку подниметcя на облакъ, и по облачку пойдетъ, а какъ придетъ, оттуда опуститъ посошекъ прямо на то мѣсто, гдѣ у брата юрта стоитъ; и по этому посошку такъ и скатится въ юрту. Зайдетъ къ брату и спроситъ „ну, что братъ, какъ ты?" Онъ и скажетъ: „да что, сестра,—нездоровъ. „Да чѣмъ ты нездоровъ?" Возьметъ тогда сестра разведетъ огонь, пожо́гъ сдѣлаетъ, сядетъ на огонь и начнетъ веселиться [1]... и узнаетъ, какой боль сидитъ въ Кутхѣ. Возьметъ да и сдуетъ, и станетъ опять Кутхъ здоровъ. Вотъ эта-то и есть у него сестра непобѣдимой!"

---

[1]) „Веселиться" употреблено здѣсь въ смыслѣ „шаманить".

„Въ другой сказкѣ, куда Кутхъ ни пойдетъ, что ни сдѣлаетъ, хорошо ли, худо ли, хоть мирится съ кѣмъ, или ссорится, и всему кажется „браво“ [1])... Ходилъ онъ такъ, ходилъ, одно семейству, гдѣ ихъ Иншишинчь, по-русски сказать—Кашель, нашелъ.

Эта семья ужъ не стала никуда ходить, такъ одинарно [2]) въ своей юртѣ живутъ, и совсѣмъ заплевались. Кутхъ зашелъ, и здѣсь ему показалось — браво. Онъ и прижался къ этой семьѣ и тоже: и плюетъ, и кашляетъ.

Посидитъ у этой семьѣ и пойдетъ къ себѣ, и въ своей семьѣ тоже начнетъ плевать и кашлять. Ходилъ, ходилъ такъ, плевалъ, плевалъ: у него въ юртѣ все семейство и захворалъ—тоже.. И не знаетъ потомъ, какъ и вылѣчить ихъ. Тоже опять къ сестрѣ... Сестра и говоритъ, что „ты, поди, самъ вездѣ ходишь, ходишь, да вотъ и накудесилъ. Вездѣ шатаешься только!“ Сѣла на огонь, опять стала веселиться, и говоритъ: „вотъ ты гдѣ былъ!“ А Кутхъ, точно, вспомнилъ и говоритъ: „да, точно, сестра, я тамъ и былъ!“ Ну, сестра опять начнетъ веселиться, да такъ изъ ихъ и Иншишинчь самый выгонитъ.

Разъ случилось тоже, что дочь Кутха, Ши́нянутъ, вездѣ стала шататься пора,—это, жениха искать. Ходила она вездѣ, ходила, и пришла къ Да́лякошкъ, а этотъ самый тоже злой былъ, и всѣхъ свои дѣти держалъ не въ юртѣ, а возлѣ юрты и на вя́зкахъ, какъ мы теперь собакъ держимъ.

Пришла она къ Далякошкъ, а тотъ и говоритъ ей: „знаю я, зачѣмъ ты пришла. Завтра поутру, какъ пойдешь домой, я тебѣ жениха дамъ. Только пока ты въ свою юрту не зайдешь,—не оглядывайся!“ Пошла какъ она домой, далъ онъ ей одного изъ своихъ дѣтей вмѣстѣ съ вязкой. Идетъ она и не оглядывается; только слышитъ, что сзади ея вязка шебарчитъ.

---

[1]) „Бравый“ по западному побережью Камчатки употребляется въ значеніи „красивый, хорошій“.

[2]) „Одинарно“ = „все время, безпрестанно“.

Какъ подошла она къ юртѣ и оглянулась: все равно, думаетъ, я теперь дома. А тотъ ей вмѣстѣ съ вязкой прямо въ ротъ и зашолъ, такъ что ей и дышать не какъ стало. Вышелъ на дворъ Кутхъ и видитъ, что дочь у него лежитъ и совсѣмъ здышать не можетъ,—сейчасъ вспомнилъ свою сестру.—У той ухи зазвенѣли,—она и подумала: вѣрно, кто-нибудь у брата опять нездоровъ, либо онъ самъ, либо кто изъ домашнихъ. И сейчасъ снарядилась съ посошкомъ и пошла... Спустилась она къ нему въ юрту и видитъ, что Шинянутъ лежитъ и здышать совсѣмъ не можетъ. Кутхъ-то занесъ ее, пора, въ юрту. Сестра и спрашиваетъ: „ужъ, вѣрно, ты гдѣ-нибудь шаталась?" Развели огонь, сдѣлали пожогъ, а сестра-то его опять стала веселиться—радоваться и узнала, что племянница была у Далякошкъ, и говоритъ: „вотъ ты гдѣ была, за женихами шаталась да и не послушалась Далякошкъ". Дунула-ли, плюнула-ли сейчасъ, тотъ тамъ изъ нея неизвѣстно куда вдругъ и дѣвался—вышелъ. Вотъ и теперь, когда у кого колотье въ боку сдѣлается, сейчасъ какъ вотъ этотъ наговоръ сдѣлаешь, такъ другому оттого и полегчаетъ.

Вотъ также, былъ у Кутха-то сынъ—Эмэмъ-Кутхъ. Онъ былъ стрѣлецъ и всякую всячину онъ добывалъ лукомъ. И все онъ такъ жилъ, и было у него всего достаточно. И стали товарищи ему завидовать, чтобы какъ-нибудь его извести. И сдѣлали наговоръ ему медвѣдямъ да волкамъ, чтобы они его съѣли. И послѣ того, какъ онъ сталъ потомъ ходить, все ничего добыть не можетъ, и сталъ сохнуть.

Тогда онъ догадался, что это ему люди сдѣлали. Тогда онъ все: и лукъ, и стрѣлы положилъ къ мѣсту и пошелъ такъ. Ходилъ-ходилъ и натолкнулся на медвѣдя.—Тотъ сейчасъ отъ него и пошелъ, а Эмэмъ-Кутхъ и говоритъ: „медвѣдь, медвѣдь, не ходи—подожди!" Медвѣдь остановился и спрашиваетъ: „зачѣмъ ты велишь мнѣ остановиться?" А онъ говоритъ: „съѣшь меня: все равно мнѣ такъ не поправиться

будетъ, и добыть я ничего не могу. А люди такъ сдѣлали, чтобы ты меня съѣлъ. Съѣшь теперь, все равно,—говоритъ,—только жилы и косточки мои не ломай, а ѣшь простое мясо!" —Ну, ладно, —говоритъ медвѣдь, —давай —я тебя съѣмъ!—И сталъ его ѣсть; мясо ѣстъ, а косточки и жилы не ломаетъ, не рветъ, а бережетъ. Только ѣлъ-ѣлъ, наѣлся, а всего не могъ съѣсть: еще мяса осталось.—И пошелъ онъ такъ дальше и видитъ Волка. Волкъ сейчасъ отъ него пошелъ, а Эмэмъ-Кутхъ и кричитъ: „Волкъ, Волкъ, подожди!" Волкъ остановился и говоритъ: „зачѣмъ ты велишь остановиться?" Съѣшь меня!—„Зачѣмъ я тебя буду ѣсть?!"—Да такъ люди сдѣлали. Только мясо ѣшь, а жилы и косточки мои не ломай и не рви!"—Сталъ его Волкъ ѣсть, и такъ чисто все мясо выѣлъ, что осталась простая куренка [1]). И пошелъ онъ куренкой дальше въ лѣсъ, и построилъ тамъ себѣ юрту, и сталъ тамъ жить. Ну, и сдѣлалъ онъ разнаго, тамъ, дерева себѣ тушу, и, какъ войдетъ въ эту тушу, такъ и станетъ опять живымъ. Сталъ онъ такъ по лѣсу ходить, и еще лучше прежняго стрѣлецъ сдѣлался, и началъ поправляться. Какъ поправился, такъ эту старую тушу бросилъ и разбилъ ее на мелкія части.

Вотъ такъ-то онъ и лучше прежняго сдѣлался, а сдѣлала-то это все только зависть человѣческая..." Такъ закончилъ свои разсказы о „настояще старой старинѣ"—Дей Егорычъ.

До крайности убога вся обстановка современнаго намъ Ичинскаго жителя; горькая нужда, непокрытая бѣдность сквозитъ во всемъ, на что ни обратишь своего вниманія, начиная съ жилища. Срубленные „по русски" въ уголъ—крохотные домики, безъ всякаго плана, изъ тонкихъ и кривыхъ бревенъ, за недостаткомъ крупнаго строевого лѣсу,—настолько неплотны, что не только свободно пропу-

---

[1]) Куренка—скелетъ.

скаютъ вѣтеръ: чрезъ полъ, неконопаченные стѣны и углы, но не рѣдко можно бываетъ увидѣть въ зимнія пурги кой-гдѣ заносимый ими въ избу снѣгъ.

Уже не разъ приходилось говорить о томъ, что спеціализаціи труда на Камчаткѣ нѣтъ. Каждый хозяинъ дома является и плотникомъ, и столяромъ, и печникомъ, и т. д., Этимъ достаточно объясняется неприглядность ихъ произведеній; и тѣмъ не менѣе, приходится еще удивляться и достигаемымъ результатамъ, если принять во вниманіе (что необходимо) отсутствіе какихъ-либо инструментовъ, кромѣ топора да ножа, выковываемаго обыкновенно самими-же инородцами, и неимѣніе гвоздей.

Болѣе чѣмъ скромна и пища, состоящая почти исключительно изъ юколы да картофеля (не всегда). Хлѣбъ здѣсь—большая рѣдкость. Начиная съ Ичи хлѣбъ—лакомство, доступное не всякому и не каждый день.—Развлеченій нѣтъ никакихъ, да оно и понятно: тѣ времена, когда лисицы убивались около домовъ, когда и въ соболяхъ не было недостатка, отошли, подобно сказаніямъ о Кутхѣ, въ область преданій.

Тѣ времена вспоминаются стариками, каковъ Дей Егорычъ, какъ потерянный рай.

Несмотря на нѣсколько бо́льшую дороговизну ввозившихся товаровъ, инородецъ имѣлъ возможность пріобрѣтать необходимое.

Тогда былъ и досугъ, и достатокъ у инородца—необходимыя условія всякихъ развлеченій; тогда было основаніе говорить о Камчадалахъ Крашенинникову, что они „на сказки большіе искусственники". Тѣ времена такъ далеки, что какая-либо шутка, выкинутая кѣмъ-либо, всякое проявленіе свободной мысли приводятся, какъ примѣръ чего-то экстраординарнаго, чему доказательствомъ служитъ слѣдующій разсказъ все того же неистощимаго старика Дея:

„Веселый былъ народъ въ прежніе годы! Былъ здѣсь не

такъ ужъ давно это,—только я его не помню и не видѣлъ,— Максимъ Тяпухинъ, удалой онъ былъ. Поплыли это какъ-то народомъ на устье за нерпами... Лежатъ множество нерпъ,— можно было палками-то сколько угодно, нахлопать,—такъ нѣтъ! Такъ, для забавы, и говоритъ Максимъ: „а, ну, давайте, ребята, пробовать: кто изъ насъ спицей [1]) самую большую нерпу заколетъ". Ну, что-же, народъ былъ веселый,—тужить не любилъ,—сейчасъ говорятъ,—давайте!— Сейчасъ скрадомъ подползли къ нерпамъ, вдругъ вскочили, и каждый старался заколоть самую большую нерпу, а Максимъ, желая только поцыганить, добѣжалъ до самаго мыса, увидалъ излощавшую [2]) горбушу и ее заколоолъ спицей и держитъ ее на маутѣ [3]), упирается, будто какъ-бы добылъ ужь очень нерпу проворную: даже зашелъ по поясъ въ бурунъ, и все упирается, будто не можетъ вытащить эту нерпу. Товарищи, видя, что онъ, очевидно, добылъ самую большую, бѣгутъ къ нему на помощь, управившись со своими добытыми, а одинъ такъ даже отпустилъ пойманную имъ нерпу совсѣмъ и со спицей, и съ маутомъ, и тоже бѣжитъ къ Максиму. Вотъ подбѣжалъ, чтобы помочь ему тащить, а Максимъ сталъ незамѣтно, задерживать моутъ, чтобы тотъ не сразу вытащилъ почти совсѣмъ пропащую горбушу. Когда подбѣжали и остальные товарищи, Максимъ сдалъ маутъ, и вотъ вытащили они всѣ, къ своему удивленію, вмѣсто нерпы большую излощавшую горбушу".

Въ заключеніе, позволю себѣ привести еще немногія свѣдѣнія, полученныя мною отъ мѣстныхъ жителей, относительно рѣки Ичи и другихъ, находящихся между Ичей и Со́пошной.

Рѣка Ича беретъ начало въ хребтахъ, составляясь изъ трехъ главныхъ вершинъ, называемыхъ жителями, какъ и

---

[1]) Спица—орудіе нерпичьяго промысла.

[2]) Излощавшая = выметавшая икру.

[3]) „Мау тъ"—ремень, на которомъ удерживается „спица".

вообще по всему полуострову — разсошинами. Лѣвая (по теченію) разсошина называется Ну́лякычахъ и вытекаетъ изъ озера, находящагося вблизи другого, дающаго начало рѣкѣ Кырганику, лѣвому притоку Камчатки.

По названной разсошинѣ можно перевалить черезъ хребетъ на собакахъ въ селеніе Кырганикъ или-же въ Мильково по хорошей дорогѣ на четвертый день. Оба упомянутыя озера находятся такъ близко другъ отъ друга, что изъ одного въ другое можно перенести живую рыбу: приблизительно одна верста. Точнѣе разстояніе не опредѣляется.

Средняя вершина или Кжича́désининъ беретъ начало также изъ большого озера, въ хребтахъ. Можно предполагать, что изъ этого-же озера вытекаетъ въ восточную сторону рѣка Кимитина (также, какъ и Кырганикъ—лѣвый притокъ Камчатки).

Правая (по теченію) называется Ку́ннякуль. Какъ и обѣ предыдущія, течетъ южнѣе Бѣлой сопки, огибаетъ ее въ хребтахъ и тамъ отдѣляется отъ вершины рѣки Харьюзовой обширной тундрой.

Вершина р. Облуковиной подходитъ къ Лѣвой разсошинѣ р. Ичи приблизительно на шесть верстъ.

Первымъ отъ селенія значительнымъ притокомъ Ичи (у ближнихъ хребтовъ) является рѣчка—Тчышка́-чэнъ. Рѣчка рыбная и представляетъ мѣсто лѣтовья Ламутовъ. Вторымъ правымъ притокомъ рѣчка Импункіанъ; по этой—рыбы бываетъ меньше.

Третьимъ правымъ же притокомъ—порядочная (въ смыслѣ величины) и рыбная рѣчка—Ша̀нгунчъ. Въ послѣдней проводятъ осень („осенуютъ") Ичинскіе жители, запасая кижуча.

Еще выше, уже въ самыхъ хребтахъ, но ниже сопки Бѣлой (Ко́тхлёнга) рѣчка Шимъ. По всѣмъ названнымъ рѣчкамъ растетъ въ изобиліи вѣтловый и тополевый лѣсъ— „благодать лѣсу!", но сплавлять лѣсъ оттуда неудобно:— „рѣка, чего говорить,—тѣсно́й, зало́мистой, хламистой!"

Относительно притока Импункіанъ (иные называютъ Импункивъ или Импункихъ) говорили, что онъ въ вершинѣ не замерзаетъ въ теченіе всей зимы да „и вода его шибко для нашего брата-камчадала полéзной, кто, къ примѣру, желудкомъ боленъ,—попробуетъ пить воду изъ его, дѣлается сперва поносъ, а потомъ шибко помогаетъ“.

Куннякуль, или испорченно Кудекиль, также не замерзаетъ зимою, даже не покрываясь заберегами. Вода его „полезна для глазъ“. У кого болятъ глаза,—переднююютъ тамъ и получаютъ исцѣленіе!

Но нужно сказать вмѣстѣ съ Крашенинниковымъ, что „на камчатскихъ сказкахъ основываться опасно!“

Кустарниковый кедровникъ встрѣчается по теченію Ичи только на устьѣ и въ ея вершинахъ, но не по среднему теченію.

Кемчига (*Claytonia* по Дитмару) растетъ въ вершинахъ рѣки Ичи, особенно по критоку Импункіонъ.

Рѣчки, которыя приходится переѣзжать, слѣдуя отъ Ичи къ Сопошной, суть слѣдующія:

1. Разсошина—это свѣтлый ключъ, незамерзающій въ теченіе всей зимы, чѣмъ женщины Ичинскаго острожка пользуются, вытаскивая со дна его уже въ февралѣ мѣсяцѣ длинные бѣлые корни растенія, называемаго жителями Лебяжьимъ корнемъ или и́льханъ. Собираемый въ октябрѣ и ноябрѣ считается самымъ хорошимъ по вкусу.

Корень этотъ парятъ въ котлѣ, закрытомъ мохомъ. Пареный его мѣшаютъ съ жиромъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ рыбьей икрой.

Но въ январѣ мѣсяцѣ, единственномъ въ году, корень этотъ не берутъ потому, что „съ прежнихъ лѣтъ изъ-за чего-то старики запретили“. О лебяжьемъ корнѣ мною говорилось выше, что онъ принадлежитъ, судя по описанію, къ *Nuphar luteum*.

2. Дальняя рѣчка, также ключъ,—беретъ начало тутъ же въ тундрѣ (на ягодникѣ), и вытекаетъ въ рѣку Ичу.

3. Омомкичъ (на тундрѣ). „Потайная рѣчка: мѣстами земля, только, какъ ходишь, такъ будто какъ на валу, такъ это мѣсто все качается, а мѣстами видно, что рѣчка". Раньше путь велъ черезъ эту рѣчку, но теперь его оставили, потому что лошади часто проваливались.

4. Кшха́анъ, тундровая, протекаетъ по самой срединѣ тундры, впадая въ рѣчку Ни́шконъ.

5. Ни́шконъ, — по другую сторону Ичинской тундры (кульхъ),—протекаетъ подъ виднѣющимся изъ селенія уваломъ.

Эта рѣчка поросла по берегамъ тальникомъ. Вершина верстахъ въ пятнадцати выше селенія. Устье въ р. Ичу, близъ моря.

6. Шки́онъ,—незначительная тундровая рѣчушка,—вытекаетъ въ р. Шаичикъ.

7. Ки́ч-жинъ, тундровая, невдалекѣ отъ Шаичика,—притокъ послѣдняго.

8. Ша́йчикъ или Ша́йчика,—вершина доходитъ почти до хребтовъ, начинается въ подножіяхъ ихъ. Лѣсистая: тополь, ветла, тальникъ и ольха.

Впадаетъ въ губу рѣки Ичи.

9. Ты́льпхкионъ, вершина на тундрѣ, устьѣ въ р. Кишунокъ.

10. Кишунокъ, начало на тундрѣ, изливается самостоятельнымъ устьемъ въ море.

11. Ха́мнэчъ, начало на тундрѣ,—впадаетъ въ рѣку Сопочную (ниже одноименнаго острожка и выше лѣтовья).

12. Ми́хнганъ, вершина у дороги, — впадаетъ въ Сопочную около острожка.

Упомянувъ выше о кемчигѣ и о лебяжьемъ корнѣ, не могу пройти молчаніемъ, что по морской кошкѣ Ичинцы собираютъ иногда еще корень растенія, покрывающаго собою побережье кругловатыми пятнами и цвѣтущаго синими (съ голуба) цвѣтами, съ мясистыми яйцевидными листьями. Растеніе это называется, по мѣстному, по́крыльһынъ.

Корень его очень усердно собирается однимъ видомъ полевой мыши—лёлькочь—въ норы въ качествѣ зимняго запаса пищи.

Этими же мышами—лёлькочь собирается другой сортъ мелкихъ корешковъ какой-то травки. Корешки эти называются жителями, „мáшихжа", и подобно тому, какъ пóкрыльгынъ, употребляются ими въ пищу, будучи распарены въ котлѣ, какъ и ильханъ.

Мнѣ приходилось уже ранѣе говорить о томъ, какъ трудно произношеніе Камчадальскаго языка, какъ трудно поэтому записать правильно названіе той или другой рѣчки, той или другой мѣстности. Весьма возможно, что позднѣйшіе изслѣдователи найдутъ приведенныя выше названія несогласными съ истинными, сочтя ихъ по своему искаженными, и дадутъ тѣмъ же мѣстамъ еще какія-либо новыя имена.

Поэтому заранѣе спѣшу сказать, что за точность передачи произношенія не ручаюсь, не ручаюсь тѣмъ болѣе, что, сравнивая свои записи въ первую поѣздку и въ болѣе позднія, я нахожу у себя же значительную разницу, такъ, напр., рѣчка Шки́онъ была записана—Кшкхы́онъ,—Ты́льпхкионъ—Тóльпхкэонъ; Кишунокъ—Кы́ш-ыоно; Дитмаромъ послѣдняя рѣчка записана какъ Ки́шунъ, а рѣка Шаичикъ,—Заи́чикъ (Saitschik).

Мнѣ кажется, что невозможность точно передать произношеніе буквами того или другого алфавита кроется въ томъ, что въ европейскихъ языкахъ нѣтъ соотвѣтствующихъ звуковъ, особенно гортанныхъ двусогласныхъ, какъ кш, кх, хш, гх, хг, кг, гк. Возможно, что этотъ звукъ одинъ, но, благодаря его неуловимости, онъ записывается иной разъ кш, другой—просто к или даже ш и т. д.

Тѣмъ не менѣе, я полагаю, что приведенныя окончательныя названія настолько уже приближаются къ истинѣ, что жители безъ труда узнаютъ тѣ мѣста, о которыхъ говорится. Изъ двухъ названій, приведенныхъ выше—Импункионъ и

Импункивъ, нужно отдать предпочтеніе первому, во-первыхъ, потому, что оно сообщено жителями Ичи, которые, какъ сказано, не вполнѣ утратили родную рѣчь; во-вторыхъ, потому, что эта рѣчка находится въ районѣ Ичинскихъ мѣстъ; въ-третьихъ (главное), потому, что точно такое же окончаніе встрѣчается въ названіяхъ рѣчекъ: Кжóкіонъ, Шкіонъ, Ты́льпхкіонъ и можетъ быть Ни́шкіонъ.

Снѣгъ, шедшій въ день пріѣзда нашего въ селеніе, передъ самымъ острожкомъ перешелъ въ дождь, не перестававшій въ теченіе всего дня и всей ночи. Передъ утромъ слѣдующаго дня небо разъяснѣло, и образовавшіяся отъ дождя лужи нѣсколько подмерзли. Въ виду того, что рѣчки отъ шедшаго дождя значительно прибыли и что всѣ ихъ, по предположенію каюрщиковъ, необходимо было бы замащивать, чтобы переѣхать черезъ нихъ, рѣшено было провести весь день въ селеніи въ разсчетѣ, что если будетъ ясно, а слѣдовательно и холодно, то рѣчки за́ ночь убудутъ, а ледяная корка настолько утолстится, что будетъ сдерживать тяжесть собакъ и нартъ, и ѣзда такимъ образомъ сдѣлается не столь затруднительной.

Послѣ того какъ солнце высоко поднялось надъ горизонтомъ, день сталъ настолько теплымъ, что къ вечеру рѣшительно весь снѣгъ, покрывавшій землю тонкимъ слоемъ, стаялъ.

Вечеромъ, въ 8 h. 30 m. p. захолодало, и снова пошелъ снѣгъ, обѣщавшій улучшеніе пути.

26-го октября въ 7 h. 55 m. a. выѣхали или, вѣрнѣе, выбѣжали, держась за нарты, запряженныя десяткомъ собакъ, въ Сопочный острожекъ. Стояло пасмурное утро.

Ночью дулъ сильный SSW вѣтеръ, наносившій временами (полосами) снѣгъ, котораго выпало ко времени отъѣзда пальца на 2—3. Предстоявшій переѣздъ, по словамъ жителей, равняется пятидесяти двумъ верстамъ. Мнѣ неизвѣстно, кѣмъ и какъ опредѣлялось это разстояніе (какъ и всѣ другія).

Отъ самыхъ домовъ селенія путь идетъ тундрой, покрытой очень большими кочками, заросшими высокой травой. Эта очень большая тундра, не совсѣмъ мокрая, но и не сухая, прорѣзывается нѣсколькими перечисленными выше рѣчками, изъ которыхъ вблизи селенія переѣхали „Разсошину" и „Дальнюю рѣчку".

Въ 8 h. 20 m. a. кочковатое мѣсто было пройдено, и началась совершенно ровная и мокрая собственно тундра, залегающая вплоть до виднѣющагося въ сѣверномъ направленіи увала, тянущагося приблизительно съ востока на западъ и представляющаго собою, повидимому, древній берегъ р. Ичи.

На этой мокрой тундрѣ перешли рѣчку Омомкичъ и въ 9 h. 30 m. a. поднялись на названный увалъ, подъ которымъ протекаетъ Нишконъ, наибольшая изо всѣхъ пройденныхъ рѣчекъ и густо поросшая тальникомъ.

Поднявшись падушкою на увалъ, вошли въ березовый лѣсъ. Въ 11 h. a. переѣхали небольшую рѣчку Кшкіонъ, проходя небольшими мокрыми тундрами, чередовавшимися съ березниками.

Терпѣливый читатель, ибо, вѣрю, нужно быть терпѣливымъ, чтобы просмотрѣть эти записки, какъ, можетъ быть, еще болѣе, чтобы отмѣтить всѣ эти тундры и рѣчки, и еще болѣе, чтобы перешагать и перебродить ихъ, можетъ быть обратилъ свое вниманіе на то обстоятельство, что въ настоящихъ бѣглыхъ замѣткахъ мало фигурируетъ медвѣдей.

Считаю умѣстнымъ сказать, что въ настоящее время встрѣтить медвѣдя на переѣздахъ изъ острожка въ острожекъ случается далеко не всякій разъ, напротивъ, очень рѣдко, такъ что описаніе даже Дитмара въ этомъ отношеніи является уже устарѣвшимъ, не говоря объ Ерманѣ, тѣмъ менѣе о Крашенинниковѣ.

Конечно, и до сихъ поръ медвѣжье населеніе Камчатки преобладаетъ надъ человѣческимъ и до сихъ поръ болѣе

шансовъ встрѣтить и по дорогѣ, и въ лѣсу медвѣдя, нежели человѣка, но съ каждымъ годомъ по мѣрѣ распространенія скорострѣльнаго оружія,—медвѣди уменьшаются въ численности, погибая въ борьбѣ съ человѣкомъ и удаляясь все болѣе и болѣе въ неприступные, или, вѣрнѣе, трудно доступные человѣку хребты.

Единственной причиной, по мнѣнію инородцевъ, быстраго уменьшенія медвѣдей служитъ введеніе скорострѣльнаго оружія—винчестеровъ и берданокъ.

„Прежде,—говорили мнѣ,—когда были только кремневыя ружья, или винтовки, заряжающіяся съ дульной части, да какія-то фузеи, нашъ братъ—камчадалъ стрѣлялъ медвѣдя почти всегда „навѣрняка“, подкрадываясь или подпуская къ себѣ его на разстояніе пятидесяти и даже десяти шаговъ; тѣ капканы, которые изготовлялись самими же камчадалами, вооруженные ножомъ, и которые ставились на медвѣжьихъ тропахъ, убивали медвѣдя также „навѣрняка“, почти разсѣкая звѣря надвое, такъ была велика сила этихъ капкановъ, а теперь всякъ стрѣляетъ медвѣдя, какъ только пуля летитъ, и больше всего звѣря отпускаютъ израненнаго, и много раненыхъ такимъ образомъ гибнетъ безполезно для человѣка, распугивая медвѣдей“.

На опушкѣ тундры, залегающей по берегамъ названной рѣчки Кшкіонъ,—въ березовомъ лѣсу изъ-за наступившихъ сумерекъ, я долженъ былъ провести ночь на 10-ое сентября 94 года, возвращаясь западнымъ берегомъ Камчатки въ Петропавловскъ.

Проѣзжая верхомъ, въ сопровожденіи трехъ проводниковъ, этою тундрой, я увидѣлъ по другую сторону тундры, возлѣ березника, медвѣдя усердно занятаго поѣданіемъ ягоды шикши *(Empetr. nigrum)*. Время приближалось къ закату солнца. Проводники пожелали промышлять этого звѣря, на что мною изъявлено было полнѣйшее согласіе, тѣмъ болѣе, что представлявшійся случай былъ первымъ охоты на медвѣдя. Насъ

раздѣляла отъ медвѣдицы (= матýхи), ибо это была таковая, обширная, саженъ въ 400 шириною, болотистая тундра, по срединѣ которой протекала — Кшкіонъ.

Вѣтеръ былъ отъ медвѣдицы въ нашу сторону, т.-е. благопріятный, такъ какъ въ этомъ случаѣ звѣрь не можетъ „хватить духъ человѣческій", отъ котораго, обыкновенно, уходитъ.

Наблюдая за медвѣдемъ съ этого разстоянія, увидѣли вскорѣ, какъ звѣрь, насладившись ягодой, беззаботно началъ спускаться по тундрѣ къ рѣчкѣ. По предположенію каюрщиковъ, „матуха" непремѣнно пойдетъ вверхъ по рѣчкѣ, чтобы ловить рыбу. Поэтому, быстро связавъ лошадей въ лѣсу, мы, вчетверомъ, пустились бѣжать также къ рѣчкѣ, но выше медвѣдицы. Едва добѣжали и скрылись въ высокой прибрежной травѣ, какъ увидѣли, какъ медвѣдица, неуклюжими прыжками добѣжавъ до рѣчки, направилась, дѣйствительно, вверхъ по ея теченію. Было довольно далеко, когда я хотѣлъ уже открыть пальбу, но проводники уговорили подпустить звѣря возможно ближе, такъ какъ на большое разстояніе у нихъ и ружья-то не возьмутъ; у одного было кремневое, которое онъ тщательно устанавливалъ на „сошки", намѣреваясь „стрѣлить въ убойное мѣсто!" Тѣмъ не менѣе, шаговъ за 50, я уже выстрѣлилъ, не имѣя ни малѣйшаго желанія попасть въ слишкомъ крѣпкія объятія косолапой красавицы. Послѣдняя, пораженная на бѣгу, остановилась на нѣсколько мгновеній отъ неожиданности и, видимо, сообразивъ, повернула назадъ и, прихрамывая, побѣжала внизъ по рѣкѣ. Ничего не оставалось болѣе, какъ посылать вслѣдъ по уходящему звѣрю пули моего винчестера, докуда онѣ летятъ. Проводники были недовольны преждевременностью выстрѣла, но, когда одна изъ пуль свалила красавицу прямо въ рѣку, недовольство смѣнилось радостью, что „теперь жировать будемъ!" Быстро освѣжевали звѣря и, разбивъ палатки и разведя большой огонь, стали „жировать", т.-е. поглощать жирное медвѣжье мясо и въ вареномъ, и въ жареномъ видѣ.

Въ этомъ самомъ березникѣ, извѣстномъ у жителей подъ именемъ „Толстаго березника", мы остановились и на этотъ разъ, въ 11 h. 20 m. a., нѣсколько отдохнуть отъ труднаго пути. „Толстымъ" названъ березникъ, говорятъ, потому, что онъ на этомъ переѣздѣ — самый широкій изъ всѣхъ остальныхъ.

Надо сказать, что все время, какъ только отъ рѣчки Нишкіонъ поднялись на увалъ, шелъ снѣгъ, не перестававшій валить крупными хлопьями ни на минуту; но особенно густой повалилъ, когда остановились...

27-го октября. Воскресенье. — Вчера изъ-за шедшаго снѣга я не могъ ничего записать отъ Кпкіонъ до окончательной остановки на ночь въ густыхъ береговыхъ тальникахъ рѣчки Шаичика; поэтому стараюсь сегодня пополнить недостающее относительно пройденнаго пространства.

Въ 12 h. 50 m. p., напившись чаю, мы, несмотря на валившій крупными хлопьями мокрый и густой снѣгъ, выѣхали съ мѣста остановки въ Толстомъ березникѣ; при этомъ одинъ изъ каюрщиковъ замѣтилъ, что „снѣгъ этотъ ничего!" — такъ какъ извѣстно, что „онъ валитъ крупными хлопьями только передъ тѣмъ, какъ совершенно перестать". „Это—на шабашъ!" заключилъ онъ.

Сперва ѣхали Толстымъ березникомъ. На вѣтвяхъ деревьевъ и кустовъ, на высохшихъ стебляхъ травы, — всюду лежалъ толстымъ слоемъ рыхлый снѣгъ, готовый при малѣйшемъ сотрясеніи или дуновеніи вѣтра свалиться и насыпаться вамъ за шею, въ рукава, всюду, гдѣ только не герметически вы прикрыты одеждой. Но это было бы еще ничего, еслибы только снѣгъ былъ не мокрый. Вся бѣда заключалась именно въ послѣднемъ обстоятельствѣ. Снѣгъ шелъ безпрерывно, облѣплялъ совершенно; комья снѣгу такого же мокраго то и дѣло сваливались сверху, съ суковъ и вѣтвей деревьевъ, и сбоку—съ кустовъ и съ травы, задѣваемыхъ собаками и нартами; шлепаясь, прилипали къ камлеямъ, кухлянкамъ и,

растаивая, размачивали все до послѣдней степени. Сперва я терпѣливо сидѣлъ въ нартѣ, такъ какъ собаки бѣжали по снѣгу не такъ трудно и не было необходимости идти рядомъ съ нартой, сидѣлъ, боясь пошевелиться въ мокромъ, навалившемся и на голову, и на плечи, и на нарту снѣгу.

Однако, это не помогло: камлея промокла, и холодная и грязная, отъ камлеи, влага потекла за шею. Непріятное ощущеніе! Даже торбасы и тѣ размокли, несмотря на неподвижное сидѣніе, и ноги стали мерзнуть. Поневолѣ приходилось подняться, выйти изъ нарты и итти рядомъ съ ней, чтобы немного согрѣться ходьбою. Пройдя такимъ образомъ „Толстый“ березникъ, мы вышли на тундру. Изъ-за шедшаго снѣгу, слѣпившаго глаза, на тундрѣ этой нельзя было ничего видѣть, кромѣ путеводныхъ тычекъ, вблизи которыхъ мы проходили. Собаки вязли въ глубокомъ и мягкомъ снѣгу (=убродъ), грузли и сваливались на бокъ нарты, и слышно было только хлопанье собачьихъ лапъ въ водѣ, скопляющейся подъ снѣгомъ, да нашихъ ногъ, да нартовыхъ полозьевъ. Тундра представлялась ровной снѣжной пеленой. Только рѣдкіе стебельки высокой травы торчали изъ ровной поверхности, скрывавшей подъ собою, можно сказать, цѣлое озеро воды. Этою самою тундрой мы добрались, всѣ исперемокшіе, наконецъ, въ 2 h. 25 m. p. до упомянутаго тальника р. Шаичика, и тутъ, какъ сказано, остановились на ночь. Каковъ былъ сонъ каюрщиковъ, передрогшихъ въ своихъ мокрыхъ и ветхихъ одеждахъ, каждый можетъ судить самъ; достаточно будетъ сказать, что они поднялись еще ночью, развели огонь и занялись сушкой своего платья, развѣсивши его надъ огнемъ. Вечеромъ этого нельзя было сдѣлать потому, что снѣгъ продолжалъ итти.

Къ утру снѣгъ пересталъ, и проводники, согрѣвшись и чаемъ, и у огня, и надѣвъ высушенныя одежды, повеселѣли и долго смѣялись надъ своимъ товарищемъ, пророчившимъ ясную погоду и говорившимъ, что снѣгъ шелъ „на шабашъ!“

„Вотъ и будешь другой разъ знать, какъ снѣгъ „на шабашъ идетъ“, смѣялись они.

Но, вотъ взошло и солнце, и глазамъ представилась прекрасная картина наступающей зимы! Деревья, прикрытыя до тончайшихъ вѣточекъ толстымъ покровомъ мягкаго свѣжаго снѣга, казались какими-то волшебными изваяніями въ своемъ ослѣпительно бѣломъ нарядѣ. И на все вокругъ точно было наброшено какое-то чудное необыкновенно нѣжное покрывало, сотканное нечеловѣческою рукою изъ изящнѣйшихъ снѣжинокъ, сверкавшихъ милліонами разноцвѣтныхъ огоньковъ. Костеръ погасъ. Волшебный лѣсъ точно замеръ: ни звука посторонняго не было слышно; въ воздухѣ царила какая-то необыкновенно торжественная тишина, нарушавшаяся быстрою Шаичикой, точно ропчущей на незванную гостью — зиму, и чернѣющей своими какого-то стального цвѣта струями среди ровной бѣлизны накинутаго на землю покрова! Но долго любоваться представлявшеюся чудною картиною невозможно: до острожка еще много мѣста, необходимо торопиться, тѣмъ болѣе, что небо опять закрывается темными тучами, не предвѣщая ничего хорошаго, а слабое дуновеніе утренняго вѣтерка, едва колебля тонкія вѣтви, сыплетъ съ нихъ массу мягкаго снѣгу, обѣщая на тундрѣ разыграться въ пургу.

Собаки, замѣтивъ приготовленія къ отъѣзду, подняли оглушительный ревъ и вой, выражая этимъ, по словамъ проводниковъ, свою радость.

Около 8 ч. утра мы тронулись въ дальнѣйшій путь, идя на лыжахъ каждый за своей нартой, а одинъ — впереди собакъ, прокладывая путь въ глубокомъ и рыхломъ снѣгу среди густыхъ береговыхъ зарослей тальника и многочисленныхъ ямъ-промоинъ, сдѣланныхъ весенними розливами Шаичика.

Вслѣдствіе того, что путь черезъ рѣчку проходилъ на этотъ разъ ниже того мѣста, гдѣ находится съ праваго ея берега высокій увалъ, мнѣ не удалось внимательнѣе осмо-

трѣть обнаженія, видѣнныя мною въ 94 году, поэтому я привожу то, что говоритъ объ нихъ Дитмаръ.

„Въ берегахъ Шаичики третичная формація снова достигала своего высшаго развитія. Въ правомъ берегу находились два пласта бураго угля, мощностью до 2 футовъ, раздѣленные одинъ отъ другого и подосланные жирною глиною. Ниже пласты скрывались подъ водою. Поверхъ угля лежалъ пластъ, въ 3—4 дюйма толщиною, породы, похожей на сферосидеритъ, очень богатый растительными остатками, совершенно подобный Тигильскому. Черешки и листья тополя и ольхи, также и ольховыя соплодія въ изобиліи находились въ этомъ тонкомъ слоѣ; также встрѣтилось нѣсколько улитокъ (можетъ быть, *Paludina* или *Limnaea*), говорившихъ за прѣсноводное происхожденіе; во всякомъ случаѣ этотъ пластъ былъ совершенно отличенъ отъ раковинныхъ пластовъ (*Pecten*, *Scutella*) около Ваямполки и Коврана. Все это было прикрыто сверху пластомъ рѣчника въ 3 сажени толщиною, въ которомъ главную роль играли базальто-трахитовые остатки. Весь берегъ былъ вышиною около 4—5 саженъ“. Выбравшись изъ тальниковъ, мы пошли по мокрой тундрѣ, закрытой также глубокимъ снѣгомъ.

Тучи надвинулись, и повалилъ опять снѣгъ; вѣтеръ усилился и мелъ цѣлыя облака рыхлаго снѣгу, не позволяя видѣть впереди далѣе нѣсколькихъ шаговъ, что еще болѣе замедляло наше, и безъ того очень медленное, поступательное движеніе. Ровная въ началѣ тундра при приближеніи къ березнику, оказалась кочковатой. Съ нея было далеко видно, какъ только на время прекращался снѣгъ и нѣсколько стихалъ вѣтеръ, теченіе Шаичика, примѣтное по его береговымъ зарослямъ тальника. Небольшой падушкой, ограниченной съ той и съ другой стороны рѣдкимъ березникомъ, мы вышли, въ 9 h. 36 m. a., на большую и кочковатую тундру, называемую Половинной. Отсюда видна была возвышающаяся надъ далекими березниками, ограничивающими горизонтъ въ сѣ-

вѣрномъ направленіи, конусообразная сопка Тхлóай или Тхлóайянъ, стоящая на правомъ берегу рѣки Сопочной, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже одноименнаго острожка (фиг. 21).

Фиг. 21. Видъ на сопку Тхлоайянъ съ Половинной тундры (на N 5°).

Какъ разъ на срединѣ тундры насъ побаловала погода: небо прояснѣло, вѣтеръ улегся, открывъ видъ на обширный

просторъ тундры, на далекіе березники и на упомянутую Тхлóайянъ, и всѣмъ стало вдругъ какъ-то веселѣе. Но не долго продолжалась наша радость.

Вѣтеръ вскорѣ снова нагналъ „полосу", и снова началась снѣжная мятель, или „пурга". Тѣмъ не менѣе наше путешествіе продолжалось, и въ 10 h. 30 m. мы перебрели, наконецъ, Большую Половинную тундру, и тутъ, въ маленькомъ березовомъ лѣсочкѣ, остановились дать отдышаться измучившимся собакамъ и самимъ согрѣться чаемъ. Вблизи мѣста остановки перешли на тундрѣ маленькую рѣчушку Тóльпхкіонъ.

Здѣсь я узналъ, что у жителей Сопочнаго острожка, а за ними и другихъ—сосѣднихъ, существуетъ повѣріе – всякій разъ, проѣзжая мимо, бросить что-либо духу названной выше сопки Тхлоайянъ, во избѣжаніе могущаго быть какого-либо несчастія въ противномъ случаѣ. Разсказывали при этомъ, какъ бы въ подтвержденіе, что какой-то исправникъ, когда ему каюрщики говорили объ этомъ, не только не бросилъ ничего, не повѣривши, но еще и выругалъ ихъ и сопку, будто бы, по пріѣздѣ въ Сопочное селеніе, захворалъ и вылечился только благодаря наговорамъ случившейся въ то время въ селеніи старухи.

Пока пили чай, пурга опять прекратилась, опять разъяснѣло, и снова, какъ только собаки, а съ ними и нарты, снялись, такъ сказать, съ якоря и пошли по безбрежному морю-тундрѣ, вѣтеръ нанесъ тучи снѣгу, скрывшія путь.

Далеко гдѣ-то, въ показавшихся на нѣсколько мгновеній березникахъ, мнѣ указали вершину рѣчки Кишунокъ, къ которой мы держали теперь нашъ курсъ.

При пургѣ слѣпившей глаза, мы преодолѣли и эту тундру, прошли и рѣчку Кишунокъ, поросшую по берегамъ мелкимъ тальникомъ, и еще тундру, залегающую по правому берегу послѣдней рѣчки, поднялись узкой падушкой между березниками на невысокую гряду и опушкой небольшого березоваго

лѣса вышли еще разъ на тундру, занимавшую спину названной гряды.—Это было въ 3 h. 10 m. p.

Отсюда началось настоящее плаваніе по открывшемуся безбрежному простору тундры. Корабли наши—нарты мѣрно покачивались на волнахъ—кочкахъ, ровно закрытыхъ снѣжнымъ слоемъ,—подъ килемъ—полозьями разбивалась, хлюпая, вода, взметывался снѣгъ, подобно пѣнѣ и т. д.,—а сами мы, какъ какіе-то волшебники шли на лыжахъ рядомъ со своими кораблями, такъ какъ спокойно сидѣть, и плыть, не было возможности по той причинѣ, что собаки совершенно выбивались изъ силъ, едва хватавшихъ, чтобы тащить пустыя нарты. Единственнымъ утѣшеніемъ для несчастныхъ тундроплавателей была узкая полоса березника, виднѣвшаяся теперь далеко на горизонтѣ, гдѣ должна была находиться та тихая гавань, къ которой мы стремились. Почти по срединѣ тундры намъ пришлось два раза спускаться въ ложбины, промытыя рѣчками Ха́мнэчъ и, ближайшей къ селенію, Ми́х**нг**анъ.

Послѣ перехода черезъ Ха́мнэчъ и продолжительнаго странствованія по кочкамъ той же тундры, мы вынуждены были, въ сгустившихся сумеркахъ, еще разъ дать роздыхъ собакамъ и хоть немного подсушить исперемокшія одежды, на опушкѣ встрѣченнаго березника. Такъ какъ отъ этого мѣста до селенія было очень близко, то, не смотря на потемки, мы рѣшили сегодня же добраться до него. Только въ 10 h. вечера мы подошли, наконецъ, къ берегу большой Сопочной рѣки, или просто К**и**х, чернѣвшей широкой полосой между снѣжныхъ береговъ и несшей въ обиліи шугу, перейдя вблизи ея упомянутую выше Мих**нг**анъ.—Дождавшись съ противуположнаго берега баты для перевоза, вызванные съ нашей стороны многими выстрѣлами и отчаяннымъ крикомъ, наконецъ были въ селеніи, помѣстившись въ просторномъ, сравнительно съ остальными, домѣ старосты Ильи Иваныча Жиркова.

ГЛАВА VII.

Селенія Сопочное, Морошечное и Бѣлоголовое.

Относительно рѣки и острожка Сопошнаго у Крашенинникова говорится слѣдующее: „Петáай, которая отъ казаковъ Сопошною называется, течетъ изъ подъ высокой горы Ахланъ, т.-е. вытертой, а разстоянія отъ Ичи до ней 32 версты и 300 саженъ. Камчатской острожекъ, которой верстахъ въ 40 отъ устья надъ нею построенъ, именуется Сигиканъ".

Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ мѣстечкѣ приводитъ Дитмаръ, почему я ограничусь немногими словами, какъ бы въ дополненіе къ имѣющемуся.

Сопочное селеніе, или острожекъ, находится въ настоящее время на правомъ высокомъ берегу одноименной рѣки, у подножія невысокой холмистой гряды, наивысшей точкой которой является вышеупомянутая сопочка Тхлоай, покрытой довольно густымъ и крупнымъ березовымъ лѣсомъ. Ранѣе мною говорено было о томъ, что этимъ селеніемъ начинается область верховыхъ камчадаловъ или дáвнаекъ.

Было бы ошибочно думать, тѣмъ не менѣе, увидѣть здѣсь какую-либо рѣзкую и существенную разницу между жителями этого селенія и расположенныхъ южнѣе его.—Тѣ же дома, тѣ же рыбные балаганы и вѣшала, тѣ же нарты и собаки, тотъ же костюмъ, — рѣшительно все то же. Переходъ отъ камчадала Ичинскаго или Апачинскаго острожка къ камчадалу Сопочнаго и болѣе сѣверныхъ—слишкомъ постепененъ, почти не уловимъ. Поэтому, проѣзжая послѣдовательно черезъ селенія, онъ какъ бы ускользаетъ отъ наблюдателя; тѣмъ не менѣе, разница между тѣми и другими, между *т*нýм-лёнъ и дàвнайками существуетъ и заключается главнымъ образомъ, въ говорѣ. Здѣсь взрослое населеніе, если

и понимаетъ по русски, конечно, самыя обыденныя фразы, за исключеніемъ немногихъ женщинъ, то все же говоритъ между собою только по-камчадальски, предпочитая, естественно, родную рѣчь, какова бы она ни была, съ трудомъ понимаемой иностранной-русской.

Дѣти-подростки, тѣ почти всѣ, говорятъ только по-камчадальски, рѣдкое слово понимая по-русски, кромѣ пріобрѣвшихъ право гражданства въ ихъ родномъ языкѣ.

Благодаря тому обстоятельству, что за время двухсотлѣтняго русскаго ига камчадалы, трепещущіе, можно сказать, передъ однимъ именемъ „русскаго", ставшаго синонимомъ „начальника" и вообще „лица власть имѣющаго", утратили многія слова свои, замѣнивъ ихъ соотвѣтствующими (искаженными) русскими,—прислушиваясь къ ихъ непринужденному говору между собою, всякій легко можетъ замѣтить въ ихъ современномъ языкѣ смѣсь камчадальскаго съ русскимъ.

Такъ напр., фраза „можетъ (быть), забыли положить свѣчи" передается камчадаломъ—„мòжэтъ, нáнткхыанъ àжужъ свѣчи".

Выйдя на крыльцо дома и замѣтивъ группу собравшихся мальчиковъ, пугливо посматривающихъ на пріѣхавшаго „русскаго" и о чемъ-то переговаривающихся другъ съ другомъ, я обращаюсь къ одному изъ нихъ съ вопросомъ „какъ тебя зовутъ"? Тотъ, не понявъ предложеннаго вопроса, молчитъ, къ другому—молчитъ. Третій, понявъ вопросъ, спрашиваетъ, указывая на себя—кымма? т.-е. я? и говоритъ далѣе—кымма Коля. Зная, что „ты"—„кы́жа", обращаюсь къ другому—кыжа?—тотъ отвѣчаетъ „кымма Си́доръ", тогда и третій говоритъ „кымма Зàхуръ", желая несомнѣнно сказать, что онъ Захарій. Далѣе спрашиваю, гдѣ ты живешь? Молчитъ.—Гдѣ твой ки́штъ, т.-е. домъ?—показываетъ по направленію своего жилища, также и второй мальчикъ, а третій говоритъ, показывая вдаль,—„хàньчки, т.-е. вверху,

или выше по рѣкѣ.—Это непониманіе русской рѣчи, съ одной стороны, и обидная для русскаго имени забитость населенія съ другой, производятъ то, что при извѣстномъ тонѣ обращенной къ камчадалу рѣчи, послѣдній можетъ на одинъ и тотъ же вопросъ отвѣтить одинъ разъ—да, а другой—нѣтъ, иными словами, что отвѣтъ въ той или другой формѣ можетъ быть вызванъ по желанію спрашивающаго; и это до того, что не будетъ большого преувеличенія сказать, что камчадала можно заставить подписать себѣ или другому смертный приговоръ. Можетъ быть, скажутъ, что подобное утвержденіе голословно, что камчадалъ только послушенъ „власти".

Можно возражать, что это не такъ, но сдѣлать очевиднымъ для лицъ, незнакомыхъ лично съ этимъ населеніемъ путемъ болѣе или менѣе продолжительнаго общенія съ нимъ—нельзя.

Но, какъ наглядное доказательство высказаннаго, приведу здѣсь то, что женщины, желая успокоить расплакавшихся дѣтей, заговорятъ имъ: „нэн, кы́жан а̀ӯачх *т*ха̀ллягын", т.-е. „вотъ, русскій тебя съѣстъ!" Конечно, должно сказать, что подобное мнѣніе о русскихъ, выражающееся въ этой фразѣ, совершенно невѣрное, дикое, позволительное развѣ такой неразвитой инородкѣ, каковою является настоящая камчадалка, мнѣніе не лестное русскому, но оно, во всякомъ случаѣ, имѣло какое-либо основаніе, чтобы быть высказаннымъ ранѣе, и до сего времени мы индифферентнымъ, въ лучшемъ случаѣ, отношеніемъ не могли его еще поколебать.

Приводимый случай показываетъ, какъ страшно, именно страшно, дѣйствуетъ на камчадала одно имя „начальника", доводя до какого-то оцѣпенѣнія мысли, до страшной полной подавленности сознанія.

Въ мартѣ 97 года, я возвращался по западному побережью Камчатки, слѣдуя съ сѣвера, въ Петропавловскъ въ сопровожденіи двухъ камчадаловъ одного изъ болѣе сѣвер-

ныхъ острожковъ. Въ селеніи Напанскомъ, или Нàпанѣ мною была пріобрѣтена шкурка одномѣсячнаго медвѣженка, отвратительно начученленная неумѣлою рукою туземнаго жителя. Въ то время по полуострову было извѣстно, что въ Камчатку ожидается пріѣздъ „большого человѣка", генерала, словомъ лица властнаго, „какого-то Икспидиція", если не самого Царя, то, во всякомъ случаѣ, царскаго родственника. Трепетомъ наполнились сердца аборигеновъ страны: „чего бы худа намъ не было, чтобы новый Начальникъ, Большой человѣкъ, горы скапывать не заставилъ", и въ то же время каждый таилъ въ себѣ слабую надежду, что „можетъ, намъ и лучше будетъ: кабы Царь-то самъ зналъ житье наше, такъ безпремѣнно намъ бы лучше было, потому онъ, какъ Богъ, все по правдѣ, все по правдѣ... потому какъ больше его нѣтъ, и что онъ скажетъ, хоть какому начальнику, такъ оно и будетъ.—И товаръ, можетъ, дешевле будетъ, и дадутъ намъ, что намъ нужно"...

Слухъ прошелъ, что этотъ „самый большой человѣкъ" уже ѣдетъ, что зовутъ его Злюнинымъ или Слюнниковымъ и что не сегодня—завтра онъ долженъ быть въ Сопочномъ острожкѣ. Дрожащими отъ страха, передъ наѣздомъ до толѣ неизвѣстнаго въ Камчаткѣ Слюнникова, старостами задерживались собаки, задерживались обыватели, чтобы быть на готовѣ и днемъ, и ночью вести строгаго начальника. Я ѣхалъ въ тотъ разъ въ крытой нартѣ, такъ наз. повозкѣ, и уже поэтому одному легко могъ быть принятъ за ожидаемаго начальника.

Но повозка тащилась слишкомъ медленно, почему я пересѣлъ на легкую нарту своего спутника-камчадала, чтобы поскорѣе доѣхать до селенія, такъ какъ, несмотря на мартъ мѣсяцъ, при наступившихъ сумеркахъ стало довольно холодно.

Одѣтый въ такъ называемую камлею, добравшись ночью до селенія, я вмѣстѣ съ проводникомъ, очень остроумнымъ и

далеко неробкимъ человѣкомъ, вошелъ въ домъ старосты, который, сосредоточенный всецѣло на ожидаемомъ пріѣздѣ „не то Икспидиція, не то Злюнина: ужъ доподлинно мы этого не знаемъ“, не узналъ меня и, сочтя по одѣянію за такого же камчадала, какъ самъ, тѣмъ болѣе, что въ товарищѣ узналъ своего стараго знакомаго, спросилъ, гдѣ ѣдетъ начальникъ и скоро ли будетъ?

На что спутникъ мой, предупредивъ меня и желая посмѣяться надъ старостой, отвѣчалъ, что начальникъ ѣдетъ сзади въ повозкѣ и черезъ полчаса времени, вѣроятно, будетъ здѣсь. Еще болѣе перепугавшійся староста началъ поспѣшно „одѣваться“, т.-е. напяливать на себя сокровище, употребляемое только въ высокоторжественныхъ случаяхъ, пиджакъ, нацѣпляя на него имѣвшуюся за долголѣтнюю службу медаль. Одѣвшись и дрожащимъ торопливымъ голосомъ распорядившись, чтобы поставили самоваръ для гостя, онъ, дрожа, вышелъ снова къ намъ и, обратившись ко мнѣ, спросилъ: значитъ, при „емъ“ вѣстовой будешь? Я отвѣчалъ утвердительно, желая видѣть, что будетъ дальше. Тогда, нѣсколько успокоившись, староста сталъ спрашивать меня про „моего генерала“, сердитъ ли онъ, что любитъ, и больше или меньше окружного начальника. Я отвѣчалъ, что „онъ“ очень сердитъ, что любитъ пить чай, и что онъ гораздо больше окружного начальника, а спутникъ, зная выдающуюся робость старосты, пріобрѣтенную за время многолѣтней службы, дополнялъ эти сообщенія, что „онъ“ любитъ, какъ всякій начальникъ, почетъ, чтобы его встрѣтить, но ничѣмъ не безпокоить. Вскорѣ слышно было, какъ подъѣхала повозка. Схвативъ имѣвшійся откуда-то фонарь, староста, несмотря на преклонныя лѣта, выбѣжалъ изъ дома къ повозкѣ и, стараясь освѣтить ея внутренность, говорилъ только „Ваше Превосходительство! Ваше Превосходительство!..“ Но отвѣта, какъ и слѣдовало ожидать, не было. Я продолжалъ наблюдать за странной формой испуга. Ѣхавшій

на облучкѣ повозки каюръ-камчадалъ, также желая посмѣяться надъ напраснымъ страхомъ старосты, сказалъ, что „Его Превосходительство отдыхать изволитъ“ и показалъ при этомъ на чучело медвѣженка, валявшееся на подушкѣ въ изголовьѣ нарты, думая этимъ самымъ разсѣять замѣшательство старосты.

Можно счесть за выдумку, но это—фактъ, могущій быть подтвержденнымъ свидѣтельскими показаніями (выражаясь канцелярскимъ слогомъ), что староста, всматриваясь пристально въ чучело, еще болѣе сталъ раскланиваться передъ этимъ новымъ генераломъ, совершенно отличномъ отъ Некрасовскаго, теряясь, что дѣлать. Его успокоили, что теперь дѣлать нечего, что когда этотъ генералъ проснется, то самъ и изволитъ распорядиться. Староста, видимо, потерялъ всякую способность соображенія и удивлялся только, что сравнительно съ ростомъ „ужъ очень ротъ большой“ у прибывшаго генерала. Только когда его растерянный и убитый видъ вызвалъ у всѣхъ присутствовавшихъ взрывъ смѣха, тотъ, такъ сказать, отошелъ и, „насмѣлившись“, пошелъ снова къ генералу и, смѣясь самъ, торжественно принесъ въ рукахъ напугавшаго его медвѣженка.

Пусть каждый дѣлаетъ какіе угодно выводы изъ приведеннаго. Я сообщаю только голые факты, подтверждающіе мой личный выводъ о забитости инородца до болѣзненнаго состоянія.

Въ этой же забитости, мнѣ кажется, возможно видѣть причину той особой формы заболѣванія, въ особенной пугливости, извѣстной подъ именемъ „меряченья“, и которая очень сильно распространена на полуостровѣ.

Слѣдующее можетъ также служить подтвержденіемъ высказаннаго взгляда, характеризуя нѣсколько современнаго камчадала. Но исторія, о которой я хочу говорить, настолько необыкновенна, такъ мало вѣроятно для жителя умственныхъ

центровъ Россіи, что невольно затрудняешься, какъ и съ чего ее начать.

Скажу такъ: мнѣ снился страшный сонъ. Среди необозримыхъ тундръ, на берегу рѣки, заросшей густымъ и высокимъ лѣсомъ тополя, ветлы и тальника, стояло нѣсколько покривившихся, полуразвалившихся лачугъ, съ полураскрытыми непогодою травяными кровлями, съ странно выглядѣвшими на высокихъ стойкахъ-жердяхъ пирамидальными балаганами и другими столь же неприглядными хозяйственными постройками.

Ранними утрами, иногда по ночамъ и поздно вечеромъ, среди этихъ печальныхъ построекъ раздавался протяжный вой сотни и болѣе собачьихъ глотокъ. Иногда можно было видѣть какія-то странныя фигуры, закрытыя съ головою не менѣе страннаго покроя одеждами изъ оленьей шкуры и и рѣдко изъ какой-либо матеріи, качество которой и цвѣтъ отъ времени, и слоя жиру, и др. веществъ невозможно было опредѣлить, пугливо озиравшіяся по сторонамъ, точно боясь, что вотъ-вотъ выскочитъ дикій звѣрь и растерзаетъ ихъ,—выходившія изъ этихъ лачугъ, кто съ ведромъ, кто съ чайникомъ, или еще иной посудкой и направлявшіяся на берегъ рѣки за водою.

Только одна церковь, окрашенная въ бѣлую краску, какъ-то скрашивала собою неприглядную картину камчадальскаго острожка, наводя на мысль, что находишься въ какомъ-то селеніи. Но и церковь, запертая, несмотря на чудный осенній день, на яркое солнечное освѣщеніе, еще болѣе выдѣлявшее ее бѣлизной среди темныхъ закоптѣлыхъ камчадальскихъ жилищъ, казалось, сама недоумѣвала, зачѣмъ она находится здѣсь и для кого. Я находился въ домѣ старосты, это я узнавалъ, но меня поражала необычная обстановка. Тутъ же въ комнатѣ присутствовало одно изъ лицъ камчатской администраціи, сидѣвшее въ полицейской формѣ и строчившее какія-то бумаги. Старосты самого гдѣ-то не было,

а исполнявшій временно его обязанности стоялъ на дрожащихъ ногахъ посреди комнаты, нервно перебирая пальцами, и пугливо посматривалъ по сторонамъ.

Кромѣ этихъ лицъ, въ комнатѣ былъ староста сосѣдняго камчадальскаго острожка и еще нѣсколько мѣстныхъ камчадаловъ. Въ щели перегородки досчатой, отдѣлявшей комнату или „горницу“ отъ сѣней дома и въ неплотно прикрывающихся дверяхъ видны были глаза многихъ любопытныхъ, собравшихся въ сѣняхъ. Все это было событіемъ необыкновеннымъ, выходящимъ изъ ряда, въ такомъ глухомъ селеніи, какъ это,—событіе необыкновенное, которое увеличивалось еще и тѣмъ, что вмѣстѣ съ полицейскимъ чиновникомъ здѣсь же находился и судебный врачъ,—а извѣстно, что гдѣ эти два начала, полиція и медицина, вмѣстѣ, то добраго ждать нечего.

И, въ самомъ дѣлѣ, я видѣлъ, что все это общество собралось здѣсь не даромъ, что въ селеніи случилось что-то неладное.

Только что я хотѣлъ обратиться за разъясненіемъ къ кому-нибудь изъ присутствовавшихъ, какъ передъ мною явилась, точно привидѣніе, сгорбленная годами и сморщенная какъ лимонъ, съ черными быстрыми глазами, невидимая для другихъ, фигура, которая камчадальско-русскимъ говоромъ сообщила слѣдующее:

„Ты удивляешься, зачѣмъ къ намъ наѣхало „начальство“, зачѣмъ такъ много собралось здѣсь народу. Слушай, я тебѣ разскажу все, что случилось. Вотъ, ты не видишь нашего старосты, и никогда не увидишь его болѣе: онъ умеръ, наложивъ на себя руки. Вотъ это-то и собрало здѣсь многолюдное общество, это и заставило наѣхать къ намъ начальство. Это и есть наше несчастіе! Какъ это случилось, я опять-таки все тебѣ разскажу, потому что знаю тебя, знаю, что ты насъ не выдашь, разскажу подробнѣе, чѣмъ это можешь прочитать въ казенныхъ бумагахъ. Ты знаешь насъ,

конечно, не совершенно, но все-таки знаешь подробнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ многіе другіе, которые только думаютъ и говорятъ другимъ изъ личныхъ расчетовъ, что и они также знакомы съ нами, съ нашимъ бытомъ, съ нашими нуждами и съ нашими достатками. Можетъ быть, ты что-нибудь сейчасъ не вспоминаешь, потому что невозможно въ каждый данный моментъ вызвать въ памяти все знаемое; поэтому я какъ бы прочитаю тебѣ то, что ты знаешь уже и только то, что тебѣ скорѣе объяснитъ причины обрушившагося на насъ несчастія.

Мы камчадалы — народъ темный, даже, можно сказать, темнѣе темнаго, если темнымъ назвать массу русскаго простого люда. Темнота эта присуща намъ потому, что мы, во-первыхъ, безграмотны, а поэтому, слѣдовательно, не можемъ, или лишены возможности, хотя бы нѣсколько просвѣтлѣть теоретически, а, во-вторыхъ, потому, что кромѣ своего брата-камчадала, столь же темнаго, столь же забитаго, ничего кромѣ юколы да собакъ не знающаго, никого не видимъ, отъ кого могли бы хоть сколько-нибудь просвѣтлѣть, такъ сказать, практически... Были ли мы столь же темными, а главное, столь же забитыми, столь же безотвѣтными и въ давно минувшія времена, — говорить не стану, потому что ты этого еще не знаешь, а я хочу повторить только тебѣ извѣстное. Но думать этого, не думаю.

Письменности мы не знали, потому и никакихъ древнихъ сказаній о нашемъ происхожденіи не сохранилось. Можетъ быть, остатки нашего исчезающаго языка еще могли бы ученымъ что-нибудь дать для выясненія этого вопроса, но нами никто до сего времени серьезно не интересовался.

Неразвитыми, необразованными дикарями мы, вѣроятно, были, какими остаемся и посейчасъ, не подвинувшись замѣтно впередъ отъ этой стадіи развитія человѣка, и посейчасъ ты еще видишь въ насъ—могиканъ каменнаго вѣка. Но нѣтъ сомнѣнія, что мы были самостоятельными; въ насъ не было этой удручающей насъ самихъ забитости, этой непо-

нятной, болѣзненной робости передъ всякимъ человѣкомъ новымъ, пріѣзжающимъ въ Камчатку откуда-то, какъ мы говоримъ, „изъ-за рѣки“,—ибо мы не имѣемъ болѣе полнаго представленія объ остальномъ мірѣ, зная только свою Камчатку, да и то далеко не всю, а каждый—окрестности обитаемаго пространства. Вѣдь вотъ Петропавловскъ, кажется, и близко, сравнительно, и также на Камчаткѣ, а между тѣмъ далеко не каждый изъ насъ, камчадаловъ, ясно представляетъ себѣ этотъ городъ, о которомъ одинъ изъ нашихъ братьевъ, которому посчастливилось побывать въ Петербургѣ, какъ представителю камчадальскаго племени (хотя оно, если вѣрить Крашенинникову, первому, насъ описавшему,—коряцкаго происхожденія), отзывается такъ скверно, что совѣстно даже и повторять его отзывъ объ этой столицѣ Камчатки послѣ посѣщенія имъ столицы Имперіи.

Ты знаешь, что Крашенинниковъ ни слова не говоритъ о нашей забитости, напротивъ, у него находимъ даже, что мы бунтовали, т.-е. оказывали сопротивленіе, защищались, боролись противъ обидъ и насилій надъ нами. Насъ этотъ же писатель называетъ вѣроломными, но должны же мы были какъ-нибудь бороться съ страшной силой наступавшихъ русскихъ, привлеченныхъ сюда обиліемъ цѣннаго пушного звѣря. Мы были дики, но и наши побѣдители—не лучше! *Vae victis*!—говорили еще древніе мудрецы. Мы были побѣждены, не устоявъ противъ русскихъ, потому что не имѣли огнестрѣльнаго оружія и потому что насъ было не много. Еще до русскихъ, надо думать, насъ уничтожило во множествѣ наводненіе, о которомъ пусть говорятъ геологи. За русскими пришла оспа, оставившая одну десятую часть остававшагося населенія. Съ этими остатками начали по своему, по-русски, поправляться казаки и сборщики ясака. Я не стану говорить о массѣ злоупотребленій, о которыхъ свидѣтельствуетъ безпристрастный изслѣдователь Камчатки прошлаго столѣтія.

Какъ на насъ смотрѣли побѣдители, когда мы были окончательно и навсегда сломлены, тебѣ должно быть понятно, такъ какъ ты знаешь, какъ на насъ смотрятъ до сихъ поръ потомки этихъ покорителей, которые, между нами сказать, усвоили такъ много нашего камчадальскаго, исказивъ удивительнымъ образомъ даже родной языкъ, принявъ въ себя, наконецъ, достаточно и крови нашей, беря себѣ въ гаремы, а потомъ и въ жены нашихъ женщинъ, — что пріѣзжающіе русскіе „изъ-за рѣки" этихъ „камчатскихъ русскихъ" считаютъ за камчадаловъ, не желая признать ихъ за своихъ единоплеменниковъ.

Единственное отличіе „мѣстныхъ русскихъ" отъ насъ— въ говорѣ, все же болѣе приближающемся къ русскому, чѣмъ нашъ, да въ сомнительномъ происхожденіи, а кичливости,— хоть отбавляй!

Тебѣ не разъ приходилось слышать обидный отзывъ этихъ псевдорусскихъ о насъ, выражающійся въ томъ, что „камцадали, ижвѣшно узь не то, што рушкіе люди, — вшё одно, што жвѣри и говорятъ-то такъ, што цишто ницего не поймесъ".

Да, и сейчасъ,—вотъ, прислушайся!"

Я напрягалъ слухъ; до меня ясно доносился теперь голосъ упомянутаго вначалѣ чиновника, производившаго дознаніе по дѣлу смерти старосты. За вопросомъ со стороны власти слѣдовало продолжительное молчаніе, потомъ точно лепетъ испуганнаго ребенка, нѣсколько словъ, и опять молчаніе, а потомъ раздавался сердитый голосъ: „да говори мнѣ по-русски, чортъ тебя возьми, чего ты лаешь-то на своемъ собачьемъ языкѣ!" „Слышалъ?"—точно смѣясь, спросило видѣніе и продолжало далѣе: „да, звѣри мы, и говоримъ мы по-собачьи,—это рѣшено.

Еслибъ намъ говорили это наши камчатскіе русскіе, намъ это не было бы обидно, такъ мы знаемъ, что они сами ничѣмъ существенно отъ насъ не отличаются, да они о насъ

и не отзываются такъ въ глаза, а выражаютъ свое мнѣніе вотъ тебѣ, какъ пріѣзжему, да, если случится, между собою судятъ, также какъ и мы по-своему судимъ о нихъ, считая ихъ такими же „камчадалами", какъ и сами; но когда о нашемъ „звѣрствѣ" заявляетъ лицо, къ которому мы имѣемъ идти за „управой", то... понимаешь самъ, какую мы найдемъ управу при такомъ на насъ взглядѣ. Управа... управа... хорошее это слово,—у насъ „управиться" значитъ „покончить совсѣмъ". Вотъ такъ и съ нами „управились" за двѣсти лѣтъ.

Насъ крестили, да и легко было крестить... Но о св. крещеніи, о причисленіи насъ къ лону православной церкви говорить не буду, хотя ты и во снѣ. Лучше читай объ этомъ въ какихъ-нибудь лѣтописяхъ, ибо въ Камчаткѣ эта исторія существенно не отличалась отъ другихъ странъ, развѣ только еще грубѣе была.

Намъ приписывали какого-то Кутха, какъ главнаго бога,— это неправда. У насъ былъ, какъ и у всякаго народа, одинъ Богъ, Верховное Начало, Нустахчахъ, а Кутхъ и пр. — это то-же, что Водяной, Лѣшій и др. у русскаго человѣка.

Теперь мы всѣ — православные и до того усердные, что попы на насъ ѣздятъ, т.-е. не ѣздятъ, конечно, а какъ тебѣ сказать... ну, да дальше ясно будетъ.

Кому случалось просматривать историческій ходъ человѣческаго развитія, тотъ, конечно, замѣтилъ, что было время, и не такъ давно, когда въ Европѣ и даже у насъ, въ Россіи, было бореніе двухъ, такъ сказать, началъ: власти свѣтской и духовной. Для Европы и для Россіи то время минуло, минуло къ укрѣпленію и процвѣтанію Великой Россіи, но въ Камчаткѣ оно длится до сего времени, тяжело отзываясь на населеніи. Индѣ свѣтская власть боретъ духовную, индѣ духовная побѣждаетъ свѣтскую. Такъ какъ все это бореніе слишкомъ мелко, ничтожно, каррикатурно, то для посторонняго наблюдателя оно выглядитъ очень комичнымъ. Курьезами

анекдотическаго характера можно было бы испестрить не одну десть бумаги, еслибы начать повѣствованіе отъ начала боренія. Вспомни бывшее при тебѣ: побѣда и одолѣніе при помощи весла о. діакономъ въ образѣ нѣкоего адама, украшеннаго аки ризою токмо одѣяломъ, казаковъ камчатской команды; конфискація святыни казакомъ у псаломщика; обращеніе вѣрныхъ и оглашенныхъ въ полицейское управленіе за справками, кто будетъ „снимать грѣхи" и когда; обвиненіе лица свѣтскаго въ предвосхищеніи власти архіерея, желаніе власти духовной сдать церковь со всѣмъ имуществомъ въ вѣдѣніе полицейскаго управленія и т. д.

Они борятся, начальники наши, а намъ достается: поборетъ одинъ,—отъ другого летитъ; тотъ одолѣетъ, — отъ перваго. На комъ сорвать больше злобу и вообще всякое неудовольствіе, какъ не на камчадалѣ? на то они, значитъ, и поставлены надъ нами. А Управа... хорошая пословица есть въ русскомъ языкѣ, очень пригодная для Камчатки: „До Бога — высоко, а до Царя — далеко". Мы видимъ все происходящее вокругъ, мы очень наблюдательны, и всему ищемъ объясненіе, ибо всему есть причина. Мы видимъ многія вещи, привозимыя къ намъ откуда-то издалека, изъ-за рѣки, изъ русскихъ мѣстъ, удивляемся ихъ изяществу, ихъ полезности, и только на основаніи ихъ судимъ, что производящіе ихъ, т.-е. изобрѣтающіе, должны быть умными людьми; такими мы и считаемъ „настоящихъ русскихъ" людей,—а такъ какъ мы умъ и правду отождествляемъ, то и полагаемъ также, что русскій, настоящій русскій человѣкъ изъ-за рѣки, долженъ быть правдивымъ, справедливымъ. И колеблемся, видя многія исключенія. Но мы твердо, непоколебимо вѣримъ, что о нашемъ житьѣ-бытьѣ и о современномъ бореніи нашихъ начальниковъ неизвѣстно самому главному Начальнику надъ всѣми русскими людьми — Царю... Но, это я отклонился въ сторону отъ нашего дѣла. Когда установились на Камчаткѣ два начала, т.-е. когда у насъ стало два начальства, свѣтское

и духовное, точно не знаемъ: это ускользнуло во время нашего собственнаго боренія и нашего порабощенія, но знаемъ, что уже Крашенинниковъ говоритъ о дани попу—красными лисицами, вообще — пушнинкой. Такъ и до сего дня мы отдаемъ Кесарево—кесареви, а попово—попови. Необходимость первой нами сознаегся, потому объ ней мы не говоримъ, къ тому-же она — ничтожно мала въ сравненіи съ поповской. Конечно, попъ — батька — отецъ—священникъ намъ нуженъ, такъ какъ мы, худо ли, хорошо ли, православные такіе же, какъ въ остальной Россіи; тамъ даже гораздо больше суевѣрій, лѣшихъ, домовыхъ и пр. чертовщины, чѣмъ у насъ. Намъ теперь попъ нуженъ: нуженъ, чтобы окрестить, чтобы напутствовать, чтобы отслужить обѣдню... но дань велика. Ты знаешь, чѣмъ пользуется у насъ попъ: мы строимъ ему домъ, какой ему надо, всѣ пристройки, мы даемъ работника изъ своихъ, который, смѣняясь или нѣтъ, живетъ у попа все время, исполняя всѣ работы по дому; мы поставляемъ для попа и для всего клира на все время дрова; мы запасаемъ попу рыбу и т. д., прежде чѣмъ себѣ. Во всемъ, въ чемъ мы только можемъ, мы помогаемъ попу: мы даемъ ему безплатно подводы въ городъ за кладью для него и для церкви, мы веземъ его самого, не говоря о разъѣздахъ по приходу. Мы несемъ ему дань за молебны, за всякую требу; а ты знаешь, какъ дорога намъ каждая копѣечка... Но бѣда въ томъ, что попъ—человѣкъ съ плотью, а не духъ безплотный. И поэтому попы, какъ и другіе люди, бываютъ разные. Обще говорить нечего, про то знаютъ всѣ, кто читаетъ, или кто вращается въ мірѣ, — стану говорить о дѣлѣ. Нашъ попъ, помимо боренія названнаго, борется съ плотію, не только своею, но и съ чужою. И вотъ это-то бореніе и было причиною смерти нашего старосты. Ты, конечно, слышалъ, что у попа есть жена и дѣти, но плоть — сильнѣе долга и обязанностей... Случилось, что попъ завелъ еще жену. А такъ какъ извѣстно, что „въ этомъ мірѣ все—свой плодъ даетъ“,

то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этомъ „случаѣ“ получился плодъ...

Конечно, это мы знали, но смотрѣли какъ на дѣло житейское; только нашъ взглядъ на „попа“ сообразно измѣнился, но мы продолжали видѣть въ немъ „начальника творящаго волю свою“. Долго ли, коротко ли, только однажды попъ нашъ, любящій игры и пляски, хоть и не передъ Богомъ, заявился на вечорку (= вечеринку), которая окончилась погромомъ пастыремъ своего стада, т.-е. всѣхъ присутствовавшихъ; больше всѣхъ досталось старостѣ, начавшаго съ того самаго времени страдать частыми головокруженіями и болью въ боку. Ты знаешь нашего попа: онъ обладаетъ большой силой, онъ хорошій охотникъ за медвѣдями — не даромъ прежній начальникъ называлъ его Немродомъ, желая этимъ именемъ оттѣнить его прилежаніе къ охотѣ, паче церкви.

Послѣ этого погрома, между старостой и пастыремъ установились натянутыя отношенія.

При проѣздѣ чрезъ наше селеніе начальника свѣтскаго староста осмѣлился заявить о погромѣ пастыремъ пасомыхъ и о своемъ членовредительствѣ.

Начальникъ свѣтскій поймался за это происшествіе, дающее возможность одержать, казалось, побѣду надъ духовною властью, и посовѣтовалъ старостѣ написать объ этомъ ему прошеніе. Такъ и было сдѣлано. Бумага пошла, какъ душа грѣшника, по мытарствамъ. Время шло, попъ торжествовалъ, и, какъ султанъ, пользовался ласками многихъ женъ, которыя не могли за слабостію оказать сопротивленіе, а мужья не осмѣливались препятствовать „начальнику творящему свою волю“. Время шло... на прошеніе не было ни привѣта, ни отвѣта. Торжество попа достигло своего апогея. Всякая плоть трепетала передъ этимъ „оригинальнымъ“ духовнымъ отцомъ. Дошло до того, что жители стали тщательно слѣдить изъ оконъ своихъ домовъ за пастырскими движеніями... Едва только покажется пастырь на стогнахъ селенія, едва только

направитъ стопы своя къ какому-либо домику, какъ всѣ жители его бѣгутъ съ великимъ стремленіемъ вонъ, забиваясь въ другіе дома, оставляя въ поспѣшности незакрытыми двери своего дома, словомъ—бросая все „дорогому“ гостю. Однажды нашъ „отецъ“ въ нощи взобрался на чужой балаганъ, питая сладкую надежду найти тамъ жену, конечно, не свою. Наши жены и мы, какъ извѣстно, спимъ въ лѣтнее время, большею частью, по балаганамъ... Вѣроятно, наставникъ добраго житія хотѣлъ поучать ту женщину долго и прилежно, а потому пожелалъ возлечь тутъ-же; но, когда, возлегши, услышалъ умоляющій гласъ: „батюшка, это—я самъ!“ когда, тщательно изслѣдовавъ мощными дланями грудь существа, давшаго голосъ, обнаружилъ свою ошибку,—схватилъ за горло несчастнаго супруга, предусмотрительно помѣстившаго жену въ другое безопасное мѣсто. Дыханіе остановилось, жертва ночная мысленно прощалась съ жизнію, но добрый пастырь еще во-время отнялъ свои пальцы отъ глотки несчастной овцы, или, вѣрнѣе, барана, и, путаясь въ рясѣ, въ той-же тьмѣ осенней нощи сталъ спускаться съ балагана... Но въ волненіи отъ неудавшагося поученія оступился и грузно свалился съ высокаго балагана на мать-сырую землю. Какъ онъ себя чувствовалъ, — неизвѣстно, но, можно думать, что треснулся порядочно, такъ какъ мы слышали, какъ онъ жаловался на боль въ боку, объясняя ее нашему окружному врачу тѣмъ, что свалился съ балагана... Мы слышали это и смѣялись, зная, съ какого балагана онъ свалился и зачѣмъ туда залазилъ...

Все это такъ, но намъ приходилось день ото дня хуже. Что дѣлать, куда спастись, какъ избавиться отъ пастыря, — совершенно не знали.

Наконецъ, рѣшили написать еще разъ прошеніе къ начальнику округа.

Въ немъ нѣтъ риторическихъ красотъ, оно—безграмотно, но въ немъ слышится послѣдній крикъ о помощи погибающаго человѣка.

Мы перечисляли въ этомъ прошеніи всѣ злодѣянія нашего попа, мы обращались къ начальнику какъ къ Высшему Судьѣ, умоляя его, а не прося, только указать мѣсто, гдѣ бы мы могли укрыть въ зимнее время нашихъ женъ и нашихъ дѣтей, готовые покинуть селеніе своему пастырю. Прошеніе мы подписали и приложили печать. Вотъ его теперь читаетъ чиновникъ и врачъ. Прошеніе это не было отправлено — еще откладывали время: думали, — лучше будетъ. Наконецъ, пріѣхалъ слѣдователь, также духовный отецъ, производить слѣдствіе надъ своимъ собратомъ. Это было какъ разъ во время хода рыбы... Того страшнѣе стало... Слѣдователь зоветъ то того, то другого къ отвѣту. Мы дрожимъ. О рыбѣ ужъ забыли совсѣмъ: до рыбы ли тутъ!.. Отцы духовные говорятъ, что худо будетъ жителямъ за возмущеніе противъ своего духовнаго начальства, особенно старостѣ упорствовавшему. Насъ водили въ церковь и читали намъ про каторгу, Сахалинъ и еще что-то. Отецъ слѣдователь былъ „умный“ человѣкъ и такъ устроилъ, что у него на бумагѣ мы всѣ оказались довольны своимъ пастыремъ, и будто староста нашъ одинъ все это сочинилъ на попа. Между тѣмъ, ты слышишь теперь, что мы всѣ подтверждаемъ свои прежнія показанія. Словомъ, староста по бумагамъ остался одинъ, ложно обвинявшій своего священника и за то подлежавшій суду большого чиновника Сахалина, который заставитъ таскать сорокъ сороковъ бочекъ и т. д... (Видишь, до чего мы темны!).

Староста загрустилъ, сталъ задумчивъ, но все говорилъ, что будетъ стоять за правду до конца. Слѣдствіе уже кончилось; староста былъ виновенъ, попъ чистъ, какъ агнецъ, и вдругъ это новое несчастіе! Староста, напуганный грозящими ему жупелами на томъ свѣтѣ и сороками сороковъ бочекъ—на этомъ, совсѣмъ потерялъ голову... Однажды, вечеромъ, онъ сплылъ на бату за версту ниже селенія и, выйдя тамъ изъ бата, прямо, не разбирая дороги, пошелъ въ лѣсъ,— онъ былъ внѣ себя: брелъ черезъ протоки, встрѣчавшіеся на

пути, когда тутъ же рядомъ черезъ протоки лежали толстые стволы тополей, образуя естественные мосты... Онъ долго шелъ такъ... потомъ, выйдя на болѣе чистенькое мѣстечко, гдѣ среди глухого лѣса стояла невысокая тополь, онъ оглянулся вокругъ какими-то странными глазами, быстро взлѣзъ на дерево, растегнулъ на себѣ поясъ, на которомъ носится у насъ ножъ, сдѣлалъ петлю, привязалъ поясъ къ суку и, надѣвъ петлю на шею.. соскочилъ внизъ... Сукъ не выдержалъ тяжести и обломился... Тутъ его и нашли. Написали бумагу... а вотъ теперь наѣхало и начальство... Поздно... Вотъ до чего можно довести насъ теперь только однимъ застращиваніемъ! вотъ до чего мы забиты, робки и безотвѣтны передъ всякимъ начальствомъ!"...

Съ этими словами странная фигурка исчезла, и я видѣлъ передъ собою попрежнему свѣтскаго слѣдователя, задающаго вопросы трепещущему обывателю.

„Убѣжденъ ли ты въ томъ, что староста самъ наложилъ на себя руки, или же, что онъ былъ тутъ ни при чемъ?".

Видимо, совершенно не понимающій предложеннаго вопроса обыватель, готовый отъ страха самъ залѣсть въ петлю, „только бы чего хуже не было", стоитъ съ раскрытымъ ртомъ, нервно перебирая руками, и молчитъ... „Что-жъ ты молчишь?! говори, что знаешь!" продолжаетъ слѣдователь.— Стало быть, точно такъ... вѣрно! — слышится вмѣсто отвѣта дрожащій голосъ камчадала.

„Т.-е., что-же это значитъ: самъ онъ наложилъ на себя руки или какъ?" продолжается испытаніе.

— Точно такъ... Этого мы не моги́мъ знать, какъ это случилось-то. Онъ такъ себѣ сдѣлалъ.

„Т.-е., опять-таки выходитъ, что онъ самъ наложилъ на себя руки, какъ ты думаешь-то?".

— Да, ужь этого мы не моги́мъ знать. Ужь, я объ этомъ не думаю, видишь.

Опять продолжительное молчаніе, нарушаемое только скрипомъ начальническаго пера.

Слышу далѣе. „Вотъ, видишь, статья такая-то. Сводъ законовъ уголовныхъ. Ты за ложное показаніе будешь лишенъ“... и т. д... „и въ тюрьму. Понимаешь?! Я имѣю право требовать; ты долженъ сказать все, что я тебя спрашиваю, ничего не скрывая... Смотри! — ты за ложное показаніе въ тюрьму“... голосъ принимаетъ грозный тонъ.

Несчастный отвѣтчикъ молчитъ, только колѣнки замѣтно дрожатъ да пальцы рукъ сжимаются сильнѣе; въ глазахъ выразилось тупое отчаяніе, безпомощность, какъ будто онъ замеръ на мысли „въ петлю, въ петлю и мнѣ... ничего не осталось больше... а иначе, въ какую-то тюрьму, далеко отъ дома, тамъ гдѣ-то, гдѣ только такіе начальники“... А пытка все продолжается, тонъ становится грознѣе.

„Ну, говори же, что ты знаешь объ этомъ фактѣ! Вѣдь, это фактъ „совершившійся“? „Что ты скрываешь“?

— Точно такъ... Это вѣрно...—Слышится, наконецъ, голосъ вопрошаемаго, какъ изъ могилы, который думаетъ въ это время: „Господи, научи меня, скажи мнѣ, растолкуй, что онъ спрашиваетъ меня, что онъ хочетъ знать отъ меня. Что это такое фактъ? начальникъ ли какой, звѣрь ли какой, другое ли что? Да и не просто фактъ, а еще какой-то совершившійся?! Отвѣтишь худо, и не отвѣтишь худо... Нѣтъ! въ петлю, въ петлю осталось самому лѣзть!..

„Да, что вѣрно-то“? продолжаетъ допытывать неумолимый слѣдователь.

— А, вотъ, что Вы сказываете!..

„Ну, вотъ видишь, теперь-то ты говоришь! Отчего же ты раньше не говорилъ „этого?“

— Точно такъ... Только мы объ этомъ, Ваше Высокоблагородіе, не знаемъ... Видишь,—мы люди темные...

„Тьфу ты! да, вѣдь, не можетъ же быть, чтобы вы не

слыхали, что дѣлается въ сосѣднемъ селеніи! Вѣдь, слышали, что случилось со старостой?!"

— Точно такъ... Слышали...

„Что же вы слышали?"

— Сказываютъ, что померъ.

„Отчего же онъ это померъ?"

— Не можемъ знать.

„Ну, онъ утонулъ, что-ли?"

— Стало быть, утонулъ.

„Ты это вѣрно знаешь?!"

— Точно такъ...

„Такъ по твоему староста утонулъ?"

— Точно такъ... Стало быть, утонулъ, какъ Вы сказываете.

„Да я тебя самъ спрашиваю... я то самъ не знаю; вѣдь, можетъ быть онъ и не утонулъ?"—А, опять, можетъ быть и то... Мы, видишь, люди темные—камчадалы...

„Да, вѣдь, слышалъ же ты что-нибудь, видѣлъ?"—То-то я и сказываю тебѣ, что мы люди темные. Мы, значитъ, боимся сказать не вѣрно. Видишь, мы не знаемъ вѣрно, и боимся, чтобы чего худа не было... видишь, мы люди темные... и т. д... Я все смотрѣлъ, какъ поочередно становились камчадалы посреди комнаты, дрожали, и все отвѣчали „точно такъ... Это вѣрно... какъ Вы сказываете... Мы знать не могимъ... Мы люди темные"... становясь въ тупикѣ, какъ и что отвѣтить на „протоколъ, актъ, фактъ, лишеніе правъ, каторга, тюрьма, злая воля" и тысяча другихъ.

И такъ стало обидно и за слѣдователя, и за инородца, что я проснулся...

Приведенные „случаи" могутъ, полагаю, служить, до нѣкоторой степени, для сужденія, насколько, дѣйствительно, теменъ камчатскій инородецъ, насколько забитъ, и насколько съ его современнымъ состояніемъ знакомы посылаемые въ Камчатку „для поднятія благосостоянія и управленія"—администраторы.

28-го октября. Утромъ ко мнѣ пришолъ ветхій старикъ,

Иванъ Семеновичъ Павлуцкій, камчадалъ Сопочнаго острожка, считающій себѣ болѣе ста лѣтъ, который назвалъ упомянутаго при описаніи Ичинскаго острожка старика, Дея Егоровича Тескина, 82-хъ лѣтъ, мальчикомъ. Воспоминанія этого древняго камчадала доходятъ до времени прихода въ Камчатку батальона, т.-е. до 1811 года.

Онъ передавалъ, что хорошо помнитъ стариковъ подробно ему сообщавшихъ о свирѣпствовавшей въ срединѣ прошлаго столѣтія оспенной эпидеміи въ Камчаткѣ. Къ тому времени относятся и тѣ юрты въ вершинѣ р. Ичи, о которыхъ была рѣчь выше. Тѣ юрты послѣ „оспы" обвалились, но были ли онѣ каменныя, про то не слыхалъ. Все сообщенное мнѣ Павлуцкимъ я изложу въ краткихъ словахъ: „Въ прежнія времена, въ старину, камчадалы жили не такъ, какъ нынче — селеніями, а жили они отдѣльными юртами. Юрты строились большія, такъ что въ одной юртѣ помѣщалось по нѣскольку семей, и все своего рода,—а домовъ, какъ нынче, не было вовсе.

Да дома недавно и начали строить: какъ русскіе на Камчатку приходить стали, такъ и дома строить стали.

И каждый родъ все больше по одной рѣкѣ такъ и селился, юртами — это. И лучше тогда было, лучше жилъ братъ нашъ камчадалъ, а теперь, сколько я живу, сколько я смотрю, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже и хуже становится:—и погода-то измѣняется, и звѣря всякаго, и птицы все меньше и меньше стаетъ. Прежде, еще я хорошо помню, въ лѣсъ за дровами безъ ружья выйти нельзя было: такъ много было и звѣря и птицы. А теперь?!...

Да и духовенство хорошо было, обращалось съ нашими братьями—камчадалами, какъ со своими... а теперь? Что это стало?

Правду, правду говорили намъ старые старики и старухи: придетъ время, придутъ въ Камчатку русскіе люди, и худо вамъ будетъ: сердитые будутъ русскіе люди...

Да было это все такъ... Я это видѣлъ: все такъ. Нѣтъ лучше, все хуже и хуже идетъ. Языкъ мы свой забывать стали и русскаго не выучили. Однако и изъ русскихъ, говорили старики, будутъ иногда хорошіе люди,—добрые, но такіе будутъ рѣдки, очень рѣдки, ибо они будутъ отъ самаго Царя. А въ концѣ-концовъ, только ужъ неизвѣстно, когда и кто изъ камчадаловъ доживетъ до того славнаго времени, будетъ хорошо, и будутъ всѣ приходящіе русскіе — добрые и самъ „**Хи**-мѝh“, т.-е. великій человѣкъ, Царь русскій, придетъ, который происходитъ отъ Бога, и самъ, какъ Богъ, будетъ все знать, и тогда нечего будетъ бояться камчадаламъ, и русскіе не будутъ обижать ихъ и сердиться, а будутъ жить какъ съ братьями своими, — все равно... И будетъ это — правда, потому что Нýстахчахъ (Богъ) все сдѣлалъ одно, по своему произволенію, всѣ созданія и людей, и всѣ травы, и звѣрей, и все одно (т.-е. не дѣлая между созданіями одного рода никакого различія)... Вотъ уже и теперь подтверждается это предсказаніе... и вѣрю я, что придетъ, **Хи**-мѝh, великій человѣкъ, Царь Русскій, потому что уже добрые приходятъ“...

Такъ говорилъ дрожащимъ отъ старости голосомъ Иванъ Семеновичъ, говорилъ увѣренно, точно высказывалъ непреложную истину, и, смотря на эту сгорбленную столѣтіемъ и совсѣмъ высохшую фигуру, которую оживляли, единственно, глубоко запавшіе глаза, сверкавшіе необыкновеннымъ огоньгомъ, пронизывающіе васъ, точно глядятъ сквозь куда-то вдаль,—мнѣ казалось, что онъ видитъ уже грядущаго въ Камчатку **Хи**-мѝh, который прольетъ, наконецъ, свѣтъ и любовь надъ забытой страной.

Относительно упомянутаго обычая бросать что-либо въ даръ сопкѣ Тхлóай, тотъ же Иванъ Семеновичъ говорилъ, что „еще въ древнія времена на этой сопкѣ появилась нечистая сила, ходящая тамъ въ образѣ старика, но чаще — дряхлой старухи. Эта старуха въ прежнее доброе время промышленникамъ за нерпами, бывавшимъ на устьѣ рѣки

вблизи сопки, зачинивала ночью, незамѣтнымъ образомъ, торбаса и вообще все (ло́пать), требующее починки, если при этомъ вмѣстѣ клалось что-либо въ подарокъ, или въ вознагражденіе. Съ того времени сдѣлалось обычаемъ класть что-нибудь „въ гостинецъ" сопкѣ. И плохо тому, кто посмѣется надъ этимъ и не броситъ чего-нибудь старухѣ: она непремѣнно что-нибудь да устроитъ съ тѣмъ человѣкомъ. Боясь козней этой старухи, многіе и по настоящее время держатся этого суевѣрія, бросая что-нибудь Тхло́ай. Бросаютъ ей и съ Половинной тундры, съ которой открывается на нее видъ при поѣздкѣ съ Ичи, и съ тундры у рѣки Хи́-киһэнъ при ѣздѣ съ Морошечной. Самое названіе Тхлоай или Тхлоайянъ, данное сопкѣ, значитъ (будто бы?) на камчадальскомъ языкѣ „старуха". Отсюда, изъ этого обычая и суевѣрія, происходитъ у молодыхъ камчадаловъ (современныхъ) поговорка, когда что-нибудь изъ одежды или изъ обуви, выставленныхъ къ огню для просушиванія, покоробится или подгоритъ при ротозѣйствѣ „ладно у тебя „старуха" зашила!" или „любитъ *этотъ старуха* подшивать" и т. д.

Выше было сказано, что въ общемъ Сопочный острожекъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ камчадальскихъ, лежащихъ южнѣе его. Развѣ только, что еще рѣзче, ярче, выступаетъ убожество обитателей. Здѣсь большая рѣдкость— увидать какой-нибудь верешокъ стекла, зашитый „для смотрѣнія" въ оконныя полотнища изъ медвѣжьихъ кишокъ, изъ рыбьей кожи. Къ названнымъ матеріаламъ, замѣняющимъ въ оконныхъ отверстіяхъ — стекла, здѣсь присоединяется и, можно сказать, играетъ видную роль — оленья шкура, очищенная для большей прозрачности отъ шерсти.

Дитмаръ при проѣздѣ чрезъ это селеніе въ 53 году видѣлъ вмѣсто стеколъ большія прекрасныя слюдяныя пластины, привозившіяся изъ Сибири. Теперь ничего подобнаго нѣтъ. Всюду видишь только кишки да шкуры. Появленіе

оленьихъ шкуръ въ окнахъ обращаетъ на себя вниманіе потому уже, что до Сопочной не встрѣчаешь этого ни въ одномъ острожкѣ. Это роскошество—держать для оконъ столь цѣнный матеріалъ, потребный для шитья обуви и всей одежды, какъ лѣтней, такъ и зимней, находитъ себѣ объясненіе не въ томъ, что отсюда на сѣверъ водится болѣе дикихъ оленей, а въ томъ, что сюда доходятъ постоянныя кочевья коряковъ и ламутовъ.

Собственно, кочевники, преимущественно, ламуты заходятъ на югъ еще далѣе Сопочной, именно до Ичи и даже до Облуковиной, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ кочевали, по разсказамъ, даже въ вершинахъ рѣки Воровской.

Совершенно изолированнымъ пунктомъ кочеванія являются въ настоящее время вершины р. Коловской, куда нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришли съ сѣвера двѣ юрты коряковъ.

Но отъ Сопочной на сѣверъ — кочеванія постоянныя, а не случайныя.

Начиная съ этого острожка, можно въ селеніи не рѣдко застать пріѣхавшихъ или пришедшихъ изъ своихъ юртъ кочевниковъ (ламутовъ или коряковъ) въ гости къ какому-нибудь „пріятелю".

Дитмаръ приводитъ слѣдующія цифровыя данныя для Сопочнаго острожка за 53 годъ: домовъ 10, жителей 66 (м. 30, ж. 36), рогатаго скота 45, лошадей 5. Мною въ 94 году записано, со словъ жителей, домовъ 9, жителей 79 (м. 44, ж. 35), рогат. скота 15, лошадей 5. Въ 96 г.: домовъ 12, лошадей 10, рогатаго скота болѣе 20.

По переписи 97 г. жителей 101 (50 : 51).

Рѣка, на которой расположено селеніе, называется или просто **Ких**, что значитъ, рѣка, или Сýжысын-**ких** (названіе произведенное отъ Сужх, какъ называютъ жители острожекъ на своемъ языкѣ).

Несомнѣнно, что именно Сýжысынъ-**ких**, или теперешняя

Сопочная рѣка называлась ранѣе Петáай, какъ о томъ говоритъ Крашенинниковъ, но въ настоящее время названіе это совершенно забыто.

Вершина ея находится въ тундрѣ у „ближнихъ“ хребтовъ. Рыба поднимается по ней „всякая“, т.-е. тѣ-же виды лососевыхъ, какіе и по другимъ рѣкамъ, перечисленнымъ ранѣе; „только чавыча“, замѣчаютъ жители, „бываетъ сухой“. Въ значительномъ количествѣ поднимается также семга, которая промышляется съ 1-го октября до того времени „пока промыселъ позволяетъ рѣка“, т.-е. до рѣкостава.

Вторая большая рѣка, сливающаяся съ первой, на которой ранѣе, по разсказамъ, находилось селеніе, называется Х**и**-к**и**ћэн, т.-е. Большая рѣка, или „вотъ—рѣка!“ и беретъ начало въ хребтахъ и подножія Бѣлой сопки или Хвэàяинъ [1]).

Возможно, что названія рѣчекъ съ окончаніями кіон или кион, какъ приведенныя выше: кжóкион, тóльпхкион, **и**мпункион,—испорчены, ибо слова кион въ камчадальскомъ языкѣ я не слышалъ, но есть к**и**ћэн, производное отъ коренного к**и**х, и значитъ рѣка, также какъ и к**и**ћэчàх или, записывая иначе, к**и**э́чах (собственно-рѣчушка или рѣчка). Это предположеніе объ испорченности окончанія кіон—тѣмъ вѣроятнѣе, что Ичинцы, сообщившіе мнѣ названія, какъ замѣчено, почти вполнѣ утратили свой языкъ; слѣдовательно, искаженіе правильнаго названія не вызываетъ въ нихъ ничего смѣшного или бросающагося въ глаза, по непониманію значенія слова; кромѣ того звукъ ћ слышится только какъ придыханіе слѣдующей гласной, соотвѣтствуя греческому, напр. ἧρα, и, слѣдовательно, легко могъ быть выпущенъ, какъ въ словѣ Киэ́чахъ, гдѣ онъ едва уловимъ.

Названіе Х**и**-к**и**ћэн очень подходитъ къ приведенному Крашенинниковымъ, и, вѣроятно, что именемъ С**и**гиканъ ошибочно записанъ Х**и**кићэнъ, такъ какъ именно на немъ

[1]) Подробности произношенія буквъ, набранныхъ разными шрифтами, будутъ объяснены въ концѣ книги, въ приложеніи.

находился древній камчадальскій острожекъ, перенесенный, неизвѣстно когда, на Сýжын-кихъ. Надо также полагать, что и высокая гора Ахланъ есть не что иное какъ неправильно записанное названіе Хф-эàлинà или Бѣлой (Ичинской, Сопочной) сопки.

Обѣ названныя рѣки, Сýжын-кихъ и Хикиħэ́нъ, сливаются, какъ сказано, въ одну, верстахъ въ двадцати ниже селенія.

По соединеніи рѣка извѣстна у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Хи-кихъ.

Должно замѣтить, что въ то время, какъ по Сужын-кихý поднимается семга, по Хи-киħену этой рыбы нѣтъ вовсе.

Явленіе это объясняется тѣмъ, что первая—тундровая рѣка, а вторая—горная или хребтовая, и что семга идетъ только по тундровымъ, не заходя въ горныя.

Въ настоящее время, т.-е. въ концѣ октября, многіе изъ жителей Сопочного занимаются ловлей гольцовъ (*Salmo Callaris* по Дитмару) по рѣкѣ Хикиħэну, выше трактовой юрты и лѣтовья. Относительно хода послѣдней рыбы замѣчено здѣсь, какъ и на Ичѣ, что гольцы идутъ по рѣкѣ въ темныя ночи, и держатся на мѣстѣ, если ночи лунныя.

Ходъ кижуча по Сопочной рѣкѣ прекращается въ октябрѣ.

Вотъ то немногое, чѣмъ можно было дополнить описаніе этого острожка, сдѣланное Дитмаромъ.

Здѣсь полагаю умѣстнымъ сказать, что граница сѣвернаго распространенія глухаря (*Tetrao kamtschaticus*; Taczanowski „Faune ornithologique de la Sibérie orientale“), полагаемая Дитмаромъ между Ичей и Сопочной,—не вѣрно; распространеніе глухаря обнимаетъ, по разсказамъ жителей, всю лѣсистую часть полуострова, т.-е. до т. наз. Парапольскаго дола, обширной моховой тундры, отдѣляющей Камчатку отъ Гижигинскаго округа. Мнѣ неоднократно приходилось встрѣчать глухаря въ березовыхъ лѣсахъ сѣвернѣе Тигиля.

29-го октября въ 10 ч. утра я выѣхалъ въ слѣдующій острожекъ—Морошечный (Аннау-а), находящійся въ 16-ти верстахъ отъ Сопочнаго.

Въ 12 h. 45 m. p. остановились на правомъ берегу рѣчки Хэпылъ, протекающей межъ уваловъ, поросшихъ кустарниковымъ кедровникомъ. Эта рѣчка беретъ свое начало въ тундрѣ, недалеко отъ мѣста переѣзда черезъ нее, и вытекаетъ въ Хи-киһэнъ.

Пріятно было послѣ мокрыхъ и необозримыхъ тундръ съ рѣдкими островными березниками—ѣхать, начиная отъ самаго селенія, холмистой мѣстностью, поросшей крупнымъ березовымъ лѣсомъ.

Должно сказать, что до самой рѣки Хикиһэнъ приходится переѣзжать холмистую гряду, представляющую собою, можетъ быть, далеко сбѣгающій и ею оканчивающійся отрогъ горнаго хребта, раздѣляющаго названную рѣку отъ Сўжыын-кихъ.

Почти отъ самыхъ домовъ селенія стали попадаться по пути кусты кедровника, которыми совершенно заросли, образуя непролазную чащу (кедровый сланéцъ), увалы, подъ которыми мы остановились у рѣчки Хэпылъ.

Тутъ же по холмамъ, среди березоваго лѣса, можно видѣть кусты жимолости и не высокія деревца, т. наз. въ Камчаткѣ, харэ́ма или боярышника (*Crathaegus*).

На одной тундрочкѣ-падушкѣ встрѣтилось очень много сухихъ стеблей съ плодовыми коробочками касатика (*Iris*), извѣстнаго у камчадаловъ подъ именемъ кóпь-ёнъ. Между селеніемъ и рѣчкой Хэпилъ пришлось переѣхать три рѣчки ручья, называемыя (отъ селенія): а̀пькахкиэчах, кúтнын-киэчахъ и кэльхын-киэчахъ, что значитъ: пологая рѣчка, средняя и мысовая. Эти названія объясняются тѣмъ, что первая течетъ въ пологихъ или отлогихъ берегахъ, вторая—въ срединѣ между первой и третьей, и послѣдняя, на самомъ дѣлѣ, течетъ къ невысокому мысу-увалу, поросшему

кедровникомъ. Берега Хэпила покрыты небольшимъ лѣсомъ тальника (ивняка). Здѣсь, т.-е. въ этой рѣчкѣ, жители промышляютъ выдръ. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ выводить, что выдры ловятся исключительно, или даже главнымъ образомъ, въ этой рѣчкѣ. Напротивъ,—промыселъ названнаго звѣря производится также и по другимъ рѣкамъ и рѣчкамъ, но, между прочимъ, и здѣсь.

О способахъ веденія этого промысла мною было говорено ранѣе, а потому здѣсь я не стану повторять, такъ какъ они ничѣмъ не отличаются отъ описаннаго. Съ мѣста нашей остановки на берегу Хэпилȧ сопка Тхлоай видна болѣе чѣмъ на половину своей высоты, приблизительно подъ угломъ въ 300^0 NW...

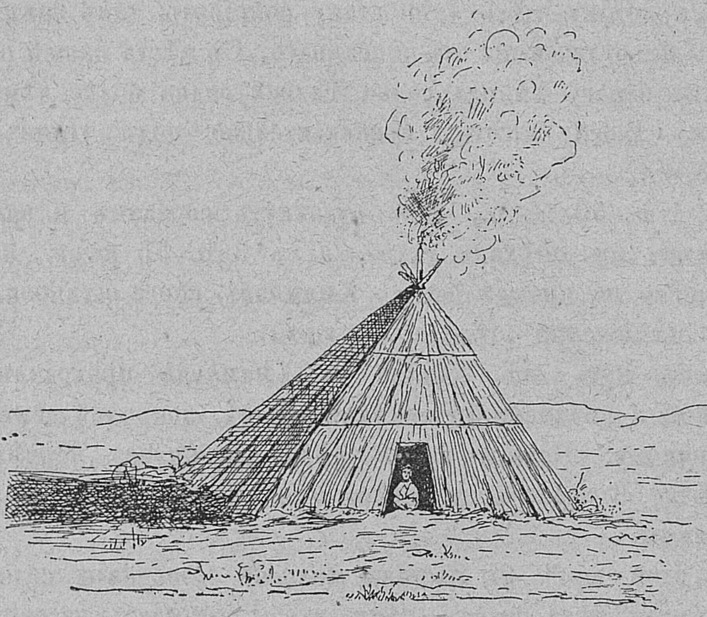
Въ 1 h. 50 m. p., давъ отдохнуть собакамъ и напившись чаю, мы поѣхали далѣе, а въ 3 h. 55 m. p., переправившись на правый берегъ Хикиӈэна́, снова остановились у такъ называемой „трактовой“ юрты.

Нашъ путь отъ Хэпилȧ до Хикиӈенȧ проходилъ по обширной и кочковатой, но сухой тундрѣ, покрытой тѣмъ же кедровникомъ. Передъ самой рѣкой пришлось переѣхать еще рѣчку Коконȧичь, впадающую въ Хикиӈэнъ, нѣсколько ниже юрты.

Въ этой юртѣ мы застали жителей Сопочнаго селенія, пришедшихъ сюда сверху рѣки, чтобы замостить названный Ко́конȧичь. Всѣ эти лица занимались здѣсь промысломъ рыбы—гольцовъ.

Юрта, какъ сказано, находится на правомъ берегу рѣки, среди густого лѣса тальника, и ольхи и представляетъ собою полую четырехгранную пирамиду (фиг. 22), составленную изъ длинныхъ жердей, прикрытыхъ сверху корой ветлы и травой, которыя въ предупрежденіе раскидыванія ихъ вѣтромъ задавлены рядомъ такихъ-же длинныхъ, но болѣе тонкихъ палокъ. Въ центрѣ она вышиною до $2^1/_2$ саженъ, въ то время какъ стороны ея—до двухъ саженъ.

На верху, въ центрѣ, между жердями имѣется небольшое отверстіе для выхода дыма. Входное отверстіе, носящее громкое названіе двери, закрывается на ночь (для теплоты) сколоченной изъ досокъ крышкой. Дверь эта прилегаетъ неплотно, и потому большой теплоты, разумѣется, въ зимнее время ожидать нельзя, если не поддерживать въ юртѣ постояннаго огня, который обыкновенно разводится по срединѣ,



Фиг. 22. Трактовая юрта.

на мѣстѣ, называемомъ очагомъ. По стѣнамъ, во многихъ жердяхъ вколочены деревянные колышки (спицы) для развѣшиванія одежды и др. вещей, а на полу (земляномъ) вдоль стѣнъ—скамьи, или, вѣрнѣе, доски, играющія роль скамей. Въ этой юртѣ мы должны были остаться на ночь за наступившими сумерками. Несмотря на совершенную вентиляцію такой юрты, воздухъ въ ней, особенно по утрамъ, когда всѣ чувства человѣка, въ томъ числѣ и обоняніе, обостряются

послѣ сна, бываетъ, можно сказать, нестерпимымъ, при густотѣ населенія болѣе 10 человѣкъ аборигеновъ съ женами и дѣтьми.

Но каковы бы ни были эти юрты, онѣ во всякомъ случаѣ, при поѣздкахъ, въ особенности въ зимнее время, по Камчаткѣ, являются часто прямо спасительными, такъ какъ въ нихъ все-таки можно укрыться отъ непогоды, чего невозможно на открытой тундрѣ или даже въ лѣсу. Въ виду этого на всѣхъ переѣздахъ между острожками устроены такія юрты, а на большихъ переѣздахъ, какъ предстоящій, даже по двѣ, въ равныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Типъ ихъ устройства различенъ, но ни одна изъ нихъ не можетъ быть названа домомъ, такъ какъ печей или чего-либо похожаго на печи ни въ одной изъ нихъ нѣтъ. Очаги—безъ дымовыхъ трубъ—напоминаютъ юрту кочевниковъ во время топки разъѣдающимъ глаза дымомъ, отъ котораго ищешь спасенія гдѣ-либо въ углу возлѣ самой земли, такъ какъ нагрѣтый дымъ наиболѣе скопляется вверху юрты.

День былъ теплый; шедшій ночью дождь согналъ большую часть выпавшаго ранѣе снѣга, почему и встрѣчались на сегодняшнемъ пути мѣста совершенно свободныя отъ снѣга, и всюду подъ сохранившимся тонкимъ покровомъ его были лужи воды.

Къ вечеру небо разъяснѣло, но было все-таки тепло.—Весь остатокъ времени былъ проведенъ мною въ записываніи камчадальскихъ словъ.

Благодаря трудности произношенія этого языка, по причинѣ присутствія въ немъ звуковъ, не имѣющихъ себѣ соотвѣтствующихъ ни въ русскомъ, ни въ другихъ европейскихъ, приходилось одно и тоже слово переспрашивать по десяти разъ, чтобы записать возможно точнѣе. Это стараніе, и въ особенности, тщетныя усилія съ моей стороны произнести записанное съ ихъ своеобразнымъ акцентомъ и со всѣми прищелкиваніями и придыханіями, вызывало дружный смѣхъ

въ собравшемся многочисленномъ обществѣ камчадаловъ, довольство которыхъ не мало увеличивалось тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ они имѣли возможность попить неимѣвшагося до этого чайку съ сухарями.

Утромъ, 30-го октября, все общество камчадаловъ поднялось очень рано и занялось кто сборами къ отъѣзду со мною, кто на промыселъ рыбы.

Странно и смѣшно было смотрѣть, какъ маленькая дѣвочка, лѣтъ шести, съ серьезнымъ видомъ старалась обуться въ громадные торбасы, вовсе не соотвѣтствовавшіе по своей величинѣ ея дѣтскимъ ножкамъ, ибо въ каждый изъ нихъ совершенно свободно могли бы помѣститься не только обѣ ноги, но и не малая часть ея дѣтскаго туловища.

То обстоятельство, что на промыселъ, каковъ бы онъ ни былъ: рыбы или звѣря, отправляются нерѣдко всей семьей, до малолѣтнихъ дѣтей включительно, обращаетъ на себя вниманіе. Такое временное оставленіе дома всѣми его обитателями на произволъ и проживаніе вдали отъ него, мнѣ кажется, можетъ служить не малымъ доводомъ въ пользу того мнѣнія, что эта народность, т.-е. камчадалы, находятся въ настоящее время на переходной стадіи развитія между осѣдлымъ и кочевымъ.

У Крашенинникова гораздо болѣе доказательствъ подтверждающихъ ту же мысль объ ихъ переходной стадіи развитія.

Въ этомъ именно обстоятельствѣ, въ ихъ неосѣдлости, какъ мнѣ кажется, лежитъ главнымъ образомъ вся ошибка администраціи—приложенія къ камчатскому населенію шаблоннахъ мѣръ къ поднятію благосостоянія; даже неудачу Завойко улучшить скотоводство и пріохотить къ земледѣлію нужно искать въ этомъ. Камчадаловъ хотятъ заставить сдѣлать скачокъ, измѣряющійся столѣтіями, и когда они не скачутъ, ихъ понуждаютъ силою, обвиняя совершенно неосновательно въ лѣни. Сама собою приходитъ на умъ избитая фраза, что природа скачковъ не дѣлаетъ.

Въ 8 h. 15 а. мы выѣхали изъ юрты. Снѣгъ таетъ: очень тепло. Сперва ѣдемъ береговыми тальниками **Хикиђэна**; далѣе мимо высокихъ обнаженій его праваго берега выбрались на довольно широкую падушку, сбѣгающую къ берегу названой рѣки. Упомянутыя обнаженія кажущіяся издали какого-то сѣраго цвѣта, по Дитмару,—мергельный песчаникъ.

Фиг. 23. Общій видъ обнаженія по р. Хикиђену.

Съ нашего пути можно было, во всякомъ случаѣ, ясно видѣть только лишь крупную слоистость обнаженія и ея нарушенность (сбросъ), какъ представлено на рисункѣ фиг. 23. Все обнаженіе, приблизительно, въ высоту 5—8 саженъ.

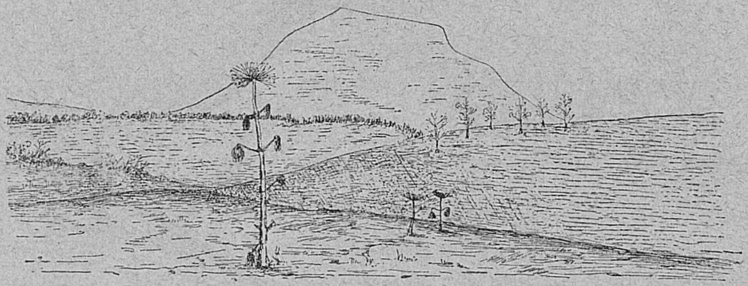
Въ 8 h. 37 а. проѣзжаемъ упомянутой падушкой, общее названіе которыхъ на камчадальскомъ языкѣ — ку́нчь, т.-е. падь.

Она по обѣ стороны опушена березовымъ лѣсомъ и покрыта множествомъ теперь сухихъ стеблей медвѣжьяго корня и невысокими деревцами харэма (*Crathaegus*).

Нѣтъ сомнѣнія, что Дитмаръ упоминаетъ именно объ этой пади, поразившей его величиною стеблей медвѣжьяго корня и красотою его вѣерныхъ листьевъ. Въ настоящее же время листья эти почернѣли, безжизненно повисли по стеблямъ, которые не представляютъ собою ничего красиваго, увѣнчанные на верху большими плодовыми зонтиками, до одного фута въ діаметрѣ.

По-камчадальски медвѣжій корень называется хэ́кумъ; растеніе это употребляется въ лекарство (корень растенія).

Поднявшись по пади на верхъ холмистой гряды, увидѣли далеко теченіе Хикиһэ́на, сливающагося съ Сужынкихомъ выше сопки Тхлоай, которая виднѣлась съ этого мѣста приблизительно на 265° WSW (фиг. 24).



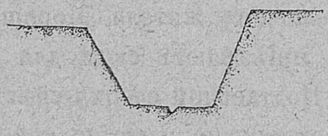
Фиг. 24. Видъ на сопку Тхлоай подъ угломъ 265° WSW.

Черезъ березникъ, въ которомъ вспугнули двухъ глухарей, вышли въ 9 h. 30 m. a. на довольно большую кочковатую тундру. Снѣгу почти совсѣмъ нѣтъ: всѣ кочки наголѣ. Длиннымъ рядомъ виднѣются трактовыя тычки, которыхъ не видно было до сихъ поръ отъ самаго Сопочнаго селенія.

Въ 10 h. 30 m. тянется все та же кочковатая, мѣстами мокрая тундра.

Далеко впереди, на самомъ горизонтѣ, едва чернѣетъ полоса березоваго лѣса, тоже и по сторонамъ нашего пути.

По склонамъ виднѣющихся уваловъ—всюду кедровникъ, густыя заросли котораго какъ бы опушаютъ идущіе далѣе березники.—Ѣдемъ все одной и тою же тундрой... Нѣтъ-нѣтъ да прорвется сквозь тучи солнечный лучъ и освѣтитъ обширный просторъ тундры. Восточную часть неба совершенно закрываютъ тучи, скрывая видъ на Срединный Камчатскій хребетъ.—Направленіе нашего слѣдованія—N.



Фиг. 25. Кунчь.

Вотъ, открылся видъ на давно уже не видѣнный колосъ Х*в*эа̀яинъ (Бѣлая сопка), Камчатскій Mont-Blanc, подъ угломъ 126^0 SE.

Та часть тундры, откуда видна сопка, называется *т*скляхуУажичь, что значитъ мокрая падь, отъ *т*скляхъ (с— не чи-

Фиг. 26. Уважичь.

стое: среднее между с и ш) или *ч*клях—мокрый и у́Уажичь—падь. Въ камчадальскомъ языкѣ есть два слова для обозначенія „пади": приведенное выше кунчь и уажичь (у́*в*ажичь). Различіе между ними, какъ можно было заключить по показываемымъ примѣрамъ, то, что словомъ кунчь—обозначается падь или падушка болѣе узкая и болѣе глубокая (фиг. 25), имѣющая въ то же время, въ большинствѣ случаевъ, въ своей срединѣ

какой-нибудь ручей или рѣчку, то, что называется оврагомъ (лóгомъ въ Сибири), а словомъ у́важичь—болѣе широкая и мелкая и, по большей части, безъ ручья или рѣчки, какъ бы сѣдловина (фиг. 26). Въ „кунчь“ берега падаютъ довольно круто, въ у́важичь—едва замѣтно.

Въ 11 h. 55 a. остановились на 10 минутъ на лѣвомъ берегу рѣчки Кàкэльхнумъ, протекающей вдоль упомянутой гряды березника, въ концѣ пройденной обширной тундры. Рѣчка эта рыбная, почему жители Морошечнаго селенія въ осеннее время года пріѣзжаютъ сюда для лова рыбы. Стало замѣтно холоднѣе. Подтаевшій сверху снѣгъ подмерзъ, отчего собакамъ стало очень трудно идти по той причинѣ, что ноги ихъ проламываютъ тонкую льдистую корку и обшаркиваются до крови. Такое состояніе снѣга обозначается на Камчаткѣ вообще по-русски „проломъ доспѣлся!“.

Съ лѣваго берега Кàкэльхнумъ (и съ мѣста нашей остоновки на немъ) верхушка сопки Тхлоай видна на 232° SW. Рѣчка Какэльхнумъ вполнѣ тундровая даже берега ея безлѣсные, только кой-гдѣ виднѣются рѣдкіе кустики низкорослаго тальника.

Въ 11 h. 20 m. a., переѣхавши рѣчку, направились вблизи ея праваго берега, слѣдуя кочковатымъ склономъ упоминавшейся ранѣе лѣсистой гряды.

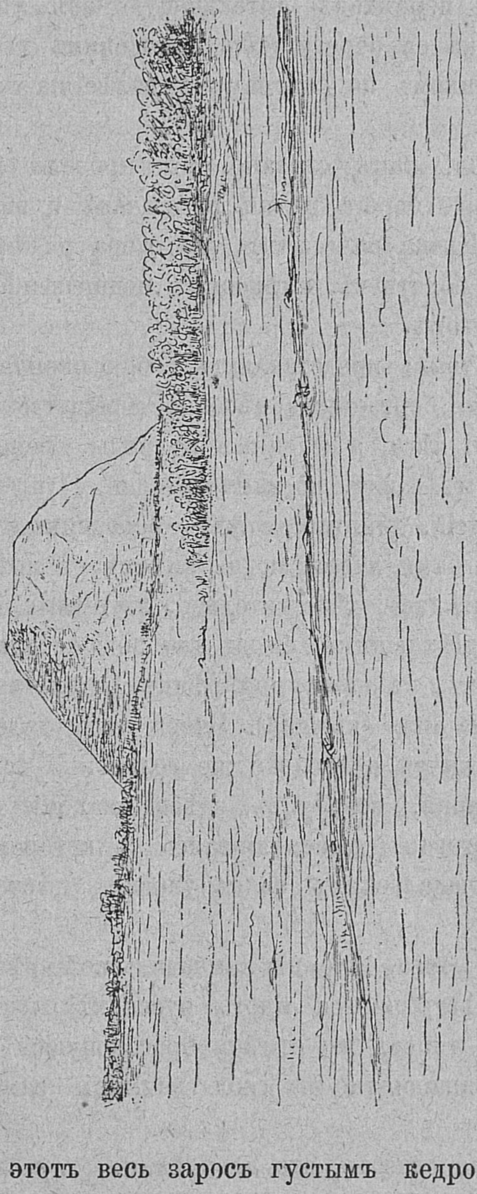
Половина разстоянія между острожками Сопочнымъ и Морошечнымъ считалася жители въ березникѣ противъ той части тундры, которая называется *тсклях-у́важичь*.

Пройдя еще четверть часа, остановились подъ уваломъ, поросшимъ густымъ кедровникомъ. Отсюда сопка Тхлоай видна лучше, чѣмъ съ тундры, на 229° SW (фиг. 27).

Какэльхнумъ протекаетъ въ мѣстѣ нашей остановки въ 150 саженяхъ отъ увала.

Въ 2 h. 15 m. p. поѣхали дальше въ виду той же тундры и вблизи той же гряды съ березникомъ; только въ 3 h. 40 m. p. доѣхали до мыса, которымъ окончилась эта гряда,

и стали подниматься на него, чтобы перейти на другую сторону.



Фиг. 27. Видъ сопки Тхлоай отъ конца тундры съ увала (229° SW).

Мысъ этотъ весь заросъ густымъ кедровникомъ. Черезъ 20 минутъ переѣхали черезъ мысъ и вновь спустились на тундру. Съ этого мѣста видны рѣчка и озеро К*в*ы́вычанъ.

За рѣчкой видно нѣсколько человѣкъ, по всей вѣроятности, жителей Морошечнаго острожка. Въ 4 h. 30 m. p. остановились на ночь, переѣхавъ вытекающую изъ упомянутаго озера рѣчушку, на ея берегу подъ невысокимъ уваломъ, покрытымъ кедровникомъ по склонамъ и далѣе на верху березовымъ лѣсомъ.

31-го октября, какъ сказано, мы провели ночь подъ уваломъ съ праваго берега рѣчки *Кв*ы́вычанъ и вблизи озера того же имени. Рѣчка начинается изъ озера рядомъ маленькихъ озерковъ и болотцевъ, имѣющихъ подпочвенное сообщеніе другъ съ другомъ.

Упомянутый увалъ представляетъ собою окончаніе гряды, занятой большимъ березовымъ лѣсомъ; вслѣдствіе большого протяженія этого лѣса, а съ нимъ и гряды, березникъ называется „Долгимъ“ или, по-камчадальски, Іу́ль-ухтъ (отъ словъ іулях—долгій, длинный и ухт—березникъ, березовый лѣсъ). Видѣнные нами вчера люди, вмѣстѣ съ которыми мы теперь были, оказались, дѣйствительно, жителями Морошечнаго селенія, пріѣхавшими сюда для лова осенней рыбы: кижуча и гольцовъ, въ названной рѣчкѣ Кеы́вычанъ при помощи сѣтки и марика (крючка). Вчера имъ удалось добыть только десять кижучей и столько же гольцовъ.

Мои проводники, встрѣтивъ здѣсь знакомыхъ, начали между собою разговоръ, прислушиваясь къ которому, можно было среди камчадальскихъ словъ уловить нѣсколько русскихъ.

Относительно того, что въ камчадальской рѣчи въ настоящее время встрѣчается много русскихъ словъ, я говорилъ уже ранѣе; теперь же отмѣчу бросающуюся въ глаза, или лучше, обращающую на себя вниманіе замедленность рѣчи вообще.

Вообще нужно сказать, что да̀внайканъ, т.-е. камчадалы, живущіе къ N отъ Ичи, говорятъ еще медленнѣе, растягивая слова, какъ бы на распѣвъ, чѣмъ *т*ну́млён или низовые.

Улавливая въ ихъ рѣчи какое-нибудь русское слово, обращаешься къ нимъ съ вопросомъ, нѣтъ ли на ихъ собственномъ, родномъ языкѣ соотвѣтствующаго слова, но оказывается, что такихъ вопросовъ они не понимаютъ, считая эти русскія слова своими.

Проходя мысленно еще разъ путь отъ Хикиӈэнъ до рѣчки Клы́вычанъ и мѣста нашего ночевья, можно сказать о пройденномъ пути слѣдующее:

Отъ Хикиӈэна̀ мы поднялись сперва на верхъ холмистой мѣстности, тянущейся по правому берегу названной рѣки, покрытой хорошимъ березовымъ лѣсомъ съ подлѣскомъ изъ боярышника (харэ́ма́), жимолости и кедровника. На чистыхъ (луговыхъ) мѣстахъ особенно выдѣлялись высокіе (до 8 футъ) стебли медвѣжьяго корня.

Пересѣкши эту неровную холмистую мѣстность, мы вышли на обширную тундру, кочковатую, мѣстами мокрую, чуть замѣтно понижающуюся къ срединѣ, гдѣ она по причинѣ совершенной мокроты и топкости въ лѣтнее время получаетъ названіе „мокрой“ и „очень мокрой“ (*тс*клях- и хи-*тс*клях), мѣстами покрытую обычными въ тундрахъ такъ наз. о́книщами. Тундра эта прорѣзывается рѣчкою Ка́кэльхнумъ, и нѣсколько далѣе за грядою съ березникомъ — рѣчушкою Клы́вычанъ; она настолько обширна, что сравнительно длинныя гряды попадающіяся по ней представляются на ея (въ общемъ) почти горизонтальной поверхности какъ бы островами.

Подобно грядѣ, подлѣ которой мы проѣзжали отъ Какэльхнумъ до Клывычанъ, представляется гряда занятая упомянутымъ выше Долгимъ березникомъ или Іульухтъ.

По словамъ жителей, послѣдній тянется верстъ на 10, если не болѣе. Миновавъ этотъ березникъ, снова выходишь на тундру, простирающуюся до самого берега р. Морошечной.

Проѣзжая уваломъ, вблизи р. Какэльхнумъ, мы замѣтили тутъ же остатки кочевья коряковъ, представлявшіе собою

высокія стойки, изъ довольно толстыхъ жердей, на которыхъ, изъ жердей же, устроены помосты, служившіе для складыванія всякаго домашняго скарба, а также для развѣшиванія рыбы и мяса при вяленіи. Кромѣ этихъ навѣсовъ и вѣшалъ, здѣсь же виднѣлись два помѣщенія крытыхъ травою, что то вродѣ шелашей, въ которыхъ, по словамъ проводниковъ, хранились одежды или такъ наз. „гарнà" и др. болѣе существенные (дорогіе) хозяйственные предметы.

Въ 8 h. 20 m. a. поѣхали отъ Кʌывычанъ далѣе, оставивъ по правую отъ себя, или по восточную, сторону озеро, занимающее средину тундры.

Поднявшись на увалъ, можно видѣть кольцо березниковъ, замыкающихъ чистое луговое мѣсто. Сравнивая пройденныя пространства тундръ съ пространствами, покрытыми березниками, становишься въ сомнѣніи, что преобладаетъ въ этой мѣстности, эти гряды съ березовыми лѣсами, или тундры. Что же касается до пути, или такъ наз. тракта, то онъ проходитъ, безъ сомнѣнія, большею частью тундрами. Въ 10 h. 10 m. a. переѣхали еще одну маленькую рѣчку Ашира. Неподалеку отъ мѣста переѣзда имѣется и вершина этой рѣчки. Въ 10 h. 15 m. остановились у одной изъ вершинокъ Аширы, чтобы дать отдыхъ собакамъ. До этого мѣста почти все время проѣзжали тундрой, только въ одномъ мѣстѣ—опушкой березника и нѣкоторое разстояніе даже самымъ лѣсомъ. По опушкамъ береговыхъ грядъ, кромѣ зарослей кедровника, видны кустики жимолости (*Lonicera coerulea*) и низкорослаго, кустарниковаго, можжевельника, извѣстнаго по Камчаткѣ повсемѣстно подъ ошибочнымъ именемъ вереска или вéреса. Я забылъ упомянуть ранѣе, что между рр. Хикиɦэнъ и Морошечной находятся, по словамъ проводниковъ, слѣдующія рѣчки: уже извѣстныя Какэльхнумъ, Кʌывычанъ и Ашира—всѣ три тундровыя; изъ нихъ первая и вторая впадаютъ съ лѣвой стороны въ р. Морошечную однимъ устьемъ, сливаясь вмѣстѣ до впаденія. Мѣсто ихъ впаденія находится прибли-

зительно на половинѣ разстоянія между устьемъ Морошечной и одноименнымъ селеніемъ.

Далѣе, — Ку́нчькиланъ, Кы́нман-кiэчахъ (послѣдняя по-русски—Крутая рѣчка, отъ слова кы́нманлях—крутой); затѣмъ ȁпкалька-кiэчахъ или Отлогая рѣчка; всѣ названныя также тундровыя рѣчки и изливаются въ Морошечную однимъ устьемъ съ Какэльхнумъ. Еще дальше—Юнюнг-кiэчахъ или Китовая рѣчка, лѣвый притокъ Морошечной.

Тундра, по срединѣ которой находится названное выше озеро Клы́вычанъ, невольно наводитъ на мысль о занимавшемъ эту тундру нѣкогда гораздо бо́льшемъ водномъ бассейнѣ, чѣмъ современное озерко: тундра имѣетъ столь же рѣзко очерченные, замѣтные даже издали, берега, какъ и всякій водоемъ. Характеръ растительности, покрывающей тундру и ея кочковатые берега—мысы, совершенно различенъ.

Въ 11 h. 36 m. a. поѣхали съ мѣста остановки по большой тундрѣ, залегающей, какъ сказано, до самой рѣки Морошечной.

Отсюда виднѣется и самое селеніе, расположенное подъ высокимъ уваломъ, находящимся на правомъ берегу рѣки, и чернѣющая издали полоса оголеннаго тальника, по рѣчкѣ Кы́лльнгитъ, впадающей въ Морошечную же, верстахъ въ двухъ выше селенія. На горизонтѣ впереди виденъ невысокій хребетъ, на половинѣ пути между Морошечной и Бѣлоголовой, извѣстный подъ именемъ Со́пканкъ.

Въ 2 h. 55 m. p. остановились на берегу рѣки Морошечной въ ожиданіи батовъ изъ селенія.

1 ноября. Рѣка Морошечная, по-камчадальски Аннауанких, беретъ начало въ ближайшихъ къ селенію хребтахъ, представляющихъ какъ бы предгорія Бѣлой сопки, далеко не доходя до послѣдней.

Устье ея находится довольно близко отъ такъ наз. Бѣлоголовскаго мыса и отдѣляется отъ слѣдующей значительной

рѣки Бѣлоголовой небольшими горами, наивысшая изъ которыхъ называется *Кпбаяйянъ*.

Скалистыя обнаженія этихъ горъ и образуютъ упомянутый мысъ.

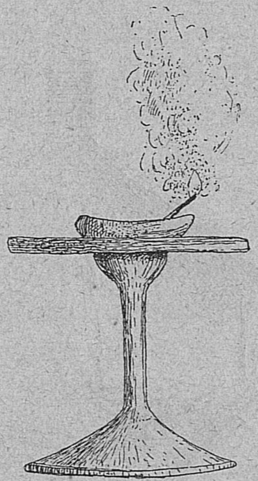
Надо замѣтить, что горы эти поднимаются западнѣе „тракта“ отъ Морошечной въ Бѣлоголовую; по тракту же встрѣчаются очень небольшія горки, называемыя, какъ сказано ранѣе, Сóпканкъ.

Относительно самаго селенія къ приводимому о немъ Дитмаромъ можно добавить немногое. Морошечное селеніе, или Аннауà, располагается по правому высокому берегу одноименной рѣки, саженяхъ въ ста отъ увала, до 500′ высотою, поросшаго небольшимъ березовымъ лѣсомъ и извѣстнаго у мѣстныхъ жителей подъ именемъ ýхталь, что будто бы означаетъ „нехорошій, кривой березникъ“. Въ береговыхъ обнаженіяхъ видны пески и песчаники. Въ 53 году въ селеніи было 13 домовъ, жителей 74, лошадей 7 и рогатаго скота 30 головъ. Въ настоящее время всѣхъ домовъ 14, изъ нихъ двѣ земляныхъ юрты. Жителей 122. Въ 94 году жителей было около 120 ч., лошадей—6 и рогатаго скота 40 головъ.

Дома разбросаны по селенію безъ всякаго плана, ни при одномъ изъ нихъ нѣтъ никакой ограды: каждый стоитъ самъ по себѣ, можно сказать, на полной свободѣ. Крыты они травою, оконныя отверстія затянуты лоскутами, спитыми или изъ рыбьей кожи (хайковой) или изъ медвѣжьихъ кишекъ, или оленьими, очищенными отъ шерсти, шкурами.

Большинство этихъ жалкихъ домовъ представляетъ собою четырехъугольные срубы съ отверстіями для оконъ и для одной двери. Также обыкновенно, что при входѣ въ домъ нѣтъ крыльца. Двери прикрываются неплотно, неплотно вставлены и оконныя рамы, собственно жалкое подобіе рамъ, неплотно привязываются и названныя полотнищи, замѣняющія собою стекла. Въ рѣдкомъ домѣ можно увидѣть раму

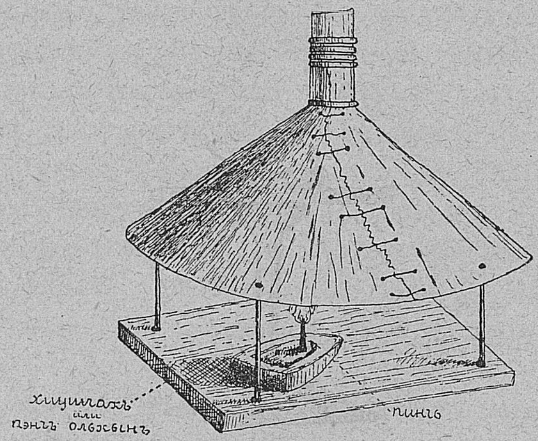
со стеклами. Стѣны не проконопачиваются; при стройкѣ бревна кладутся только на мохъ; часто тѣ и послѣднiй бываютъ сыры, отчего, понятно, дома и холодны, и сыры, и угарны. Печи, какъ и всюду, кладутся на деревянныхъ „опечкахъ“ изъ самодѣльнаго необожженнаго кирпича. Вышеописанные пирамидальные балаганы, столь характерные для камчадальскаго острожка, и небольшiе амбарчики дополняютъ неприглядный видъ селенiя.



Фиг. 28. Переносный жирникъ.

Освѣщенiе этихъ жилищъ, обычно, производится нерпичьимъ или медвѣжьимъ жиромъ. Для этого на деревянной подставкѣ, имѣющей форму напоминающую собою подсвѣчникъ, сдѣланный неискуссной рукой туземнаго жителя, ставится или каменная, или жестяная посудка, замѣняемыя нерѣдко половиной раковины, выбрасываемой моремъ (изъ рода *Unio*), въ которую и наливается жиръ. Въ жиръ опускается, въ качествѣ фитиля, или какой-нибудь лоскутокъ, или мохъ. Это такъ называемые жирники „переносные“ (фиг. 28). Но бываютъ и постоянные, т.-е. укрѣпленные на одномъ опредѣлен-

номъ мѣстѣ. Послѣдніе устраиваются такимъ образомъ (фиг. 29): въ избранномъ, удобномъ для того, мѣстѣ, въ потолкѣ (подволокѣ) продѣлывается отверстіе, въ которое вставляется деревянная трубка, выходящая на чердачное (подъ крышей) помѣщеніе верхнимъ концомъ, а нижній остается въ комнатѣ (обыкновенно гдѣ-нибудь вблизи печного отверстія). Къ этому нижнему концу привязывается берестяный колпакъ, раструбомъ внизъ. Къ этому раструбу подвѣшивается на четырехъ коротенькихъ веревочкахъ изъ крапивы (прядева) или изъ сухо-



Фиг. 29. Жирникъ постоянный.

жилій оленя дощечка, на которую ставится собственно „жирникъ“. Труба эта и берестяный раструбъ надъ жирникомъ служатъ для вывода образующихся при горѣніи газовъ и сажи (чадъ), и называются камчадалами „пáнгыръ-óнъ“, а самый жирникъ „пи́нчь“, подставка (дощечка)—хи́ушчах или пэнчь-бльхын (въ с. Напанѣ). Вслѣдствіе недостаточной тяги жирники эти даютъ очень мало свѣта и очень много копоти, которая при дыханіи осаждается въ дыхательныхъ путяхъ обитателей, отзываясь, несомнѣнно, крайне неблагопріятно на здоровьи.

Что касается до самихъ жителей, то должно замѣтить слѣдующее, обычное по всѣмъ острожкамъ явленіе: пріѣзжаетъ какой-нибудь новый человѣкъ въ селеніе и чуть-ли не все наличное населеніе его является къ вамъ на квартиру, сгорая, вѣроятно, любопытствомъ, посмотрѣть, а можетъ быть, и послушать пріѣхавшаго изъ города (?) русскаго—а́ӯачхъ.

Взрослые, если вы ничего не возражаете противъ того, обыкновенно усаживаются по скамьямъ возлѣ стѣнъ, или стоятъ у двери занимаемой вами комнаты-горницы, а избытокъ, а также подростки, ютятся гдѣ-нибудь въ сѣняхъ, наводняютъ кухню, спальню и весь домъ. Даже дѣти и женщины, того и гляди, гдѣ-нибудь покажутся въ щеляхъ двери и неплотной досчатой перегородки. Къ этому присутствованію привыкаешь скоро, но не такъ скоро свыкаешься съ ихъ совершеннымъ молчаніемъ. Всѣ сидятъ, смотря сосредоточенно или на носки, довольно надо сказать широкіе, своихъ торбасовъ, или на невидимую постороннему точку въ пространствѣ, или, наконецъ, на васъ, слѣдя за малѣйшими вашими движеніями, сидятъ упорно, я хотѣлъ бы сказать,—сидятъ даже трудно, такъ какъ отъ собирающейся толпы въ натопленной по случаю вашего пріѣзда избѣ и безъ того жарко. Потъ съ иныхъ присутствующихъ льется, что называется, градомъ, но они все сидятъ, точно изваянія, жадные услышать отъ васъ какое-нибудь слово. Въ шутку или серьезно оно будетъ сказано, одинаково, оно будетъ запомнено аборигенами, и долго послѣ вашего отъѣзда будутъ говорить о васъ, о значеніи сказаннаго вами; каждая вещь которая при васъ имѣется, будетъ замѣчена, даже платья и пуговицъ не оставятъ безъ вниманія. Но попробуйте съ ними говорить и вы увидите, что они почти ровно ничего не понимаютъ по-русски. Эта первая и коренная причина, почему такъ трудно добиться точныхъ свѣдѣній о томъ или другомъ интересующемъ васъ предметѣ.

Всѣ отвѣты ихъ, касающіеся даже географіи района ихъ

селенія, неопредѣленны, а иногда прямо разнорѣчивы, и только потому, что они, какъ вы сами скоро убѣдитесь въ томъ, или вовсе не поняли, или поняли превратно предложенный вопросъ, но не потому, что они не знаютъ ближайшихъ окрестностей.

Мнѣ кажется, большая ошибка утверждать, что камчадалы „говорятъ по-русски". Правда, и здѣсь многіе изъ взрослыхъ знаютъ много разговорныхъ, наичаще встрѣчающихся, словъ, и на нѣкоторые вопросы дадутъ даже отвѣты, но все это касается самыхъ обиходныхъ фразъ, какъ напр. „какъ здоровы?" и т. д., не болѣе. Приведу слѣдующее, чтобы показать степень ихъ знакомства съ русскимъ языкомъ.

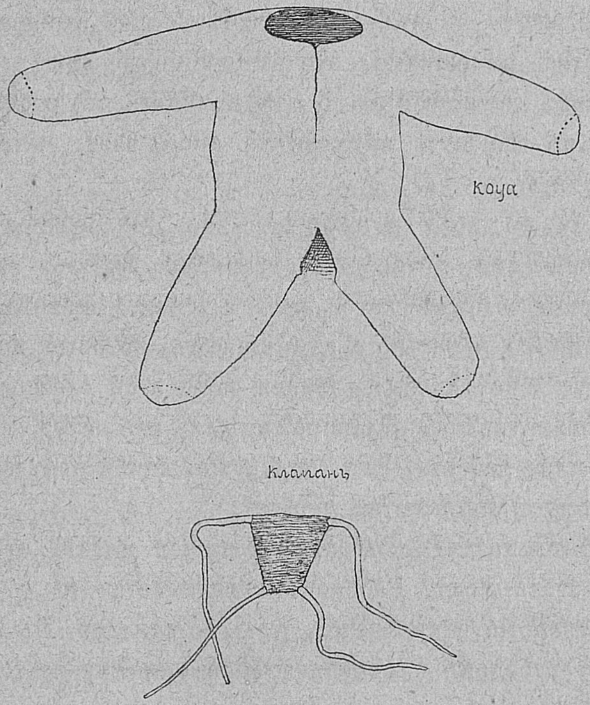
Въ углу занимаемой мною квартиры сидитъ, не произнося ни звука, съ ребенкомъ на рукахъ женщина, а въ другомъ углу одинъ изъ непремѣнныхъ гостей—мужчина, такъ какъ оставить васъ въ комнатѣ одного считается неудобнымъ, неприличнымъ, какъ бы негостепріимствомъ, хотя они сами, видимо, такимъ сидѣніемъ, отрывающимъ ихъ отъ дѣла, очень тяготятся и рады бы не сидѣть.

Спрашиваю, обращаясь къ женщинѣ „чей это ребенокъ?" Женщина упорно молчитъ, а гость, или молчаливый собесѣдникъ, пѣвучимъ голосомъ, ужасно, до тошноты, растягивая слова, говоритъ—„а эээтоо лоожиится!" Не понявъ отвѣта, обращаюсь тогда къ нему „что ложится или кто ложится?"—А эээтоо маальчиикъ лоожиится!—„Что ты говоришь, какой мальчикъ ложится?"—Даа, этоо, поо наашеемуу знаачитъ, маальчикъ лоожиится, спаать хоочетъ!—Смотрю на него, видимо, удивленно, а онъ продолжаетъ пѣть:—иизвиинитее, ужь мыы, виидиишь, не поонимааемъ, аа яя дуумаалъ... и т. д.

Между собою жители Морошечной говорятъ безъ исключенія по-камчадальски, хотя и здѣсь языкъ этотъ не совершенно чистъ, такъ какъ въ немъ слышатся многія русскія

слова, для которыхъ у инородцевъ не было, очевидно, соотвѣтствующихъ въ своемъ родномъ языкѣ.

Камчадалки носятъ грудныхъ дѣтей за спиной, закрѣпляя ихъ для удобства себѣ за плечи. Это обыкновеніе общее и не составляетъ какой-нибудь особенности Морошечнаго острожка. Особыхъ какихъ-либо носилокъ для этой цѣли не



Фиг. 30. Костюмъ камчадальскаго ребенка.

имѣется: ребенокъ са́дится или въ платокъ (большой), если таковой имѣется, или въ какую-нибудь камлею, парку, кухлянку и т. д. По рожденіи ребенокъ завертывается, въ первые дни, въ какую-нибудь тряпку (мягкую) или изъ матеріи (това́рное), или, такъ какъ послѣдней часто не бываетъ, въ лоскутъ оленьей шкуры и тому подобное. Черезъ недѣлю или дней черезъ пять, когда ребенокъ нѣсколько, какъ они говорятъ, окрѣпнетъ, такъ какъ первое время послѣ рожденія онъ бы-

ваетъ „жи́докъ“, его кладутъ въ такъ назыв. *ко́*уа, что соотвѣтствуетъ корякцимъ хоньба́мъ. Это костюмъ, напоминающій костюмъ водолаза (фиг. 30). Тутъ рубашка и штаны вмѣстѣ. При этомъ надо замѣтить, что штаны на концахъ своихъ не имѣютъ отверстій для ступней, а кончаются слѣпо, будучи плотно зашиты. Имѣется только отверстіе для головы, отъ котораго идетъ разрѣзъ до начала штановъ. Послѣ того, какъ ребенка вложатъ въ эти *ко́*уа, разрѣзъ ихъ зашивается или завязывается ремешками. Но зашиваніе не такъ употребительно, какъ завязываніе, по той причинѣ, что ребенка, хотя и рѣдко, но все-таки приходится иной разъ вынимать изъ этого одѣянія.

Никому не ново и неудивительно, что ребенокъ отправляетъ извѣстныя, потребныя организму, функціи выдѣленія. Это свойство человѣческаго, какъ и всякаго животнаго организма, отлично извѣстно и камчадаламъ, которые предвидѣли это при устройствѣ *ко́*уа. Задняя часть этой одежды поэтому совершенно открыта. Клапаномъ для нее служитъ особый лоскутъ или матеріи, или опять же какой-нибудь шкуры, къ которому пришиваются завязки.

На этотъ лоскутъ-подстилку кладется мягкій, отобранный для этой цѣли мохъ. Ребенокъ задѣлывается въ *ко́*уа и клапанное отверстіе закрывается этою подстилкой. Въ мохъ этой подстилки ребенокъ и отправляетъ изъ организма то, что ему не потребно.

Въ сплошныхъ *ко*уа ребенокъ ползаетъ до двухъ лѣтъ, послѣ чего ему шьются *ко́*уа отдѣльно отъ парченки, или камлейченки, а, кто можетъ, и рубашки.

Еще одна особенность камчадаловъ, обращающая на себя вниманіе путешественника, заключается въ томъ, что они всѣ, если и имѣютъ какую-нибудь самодѣльную мебель: двѣ-три скамьи, одинъ-два стула, что то замѣняющее собою кровать (конечно, все это грубой аляповатой работы: лучшаго и нельзя требовать за неимѣніемъ инструментовъ, о чемъ

упоминалось), то вся эта „мебель“ предоставляется въ распоряженіе рѣдкихъ гостей, какъ-то: прикащиковъ или коголибо изъ лицъ мѣстной администраціи, словомъ „русскихъ“, а сами предпочитаютъ пользоваться поломъ. На полу они и сидятъ, и обѣдаютъ, т.-е. уничтожаютъ юколу, завтракаютъ, ужинаютъ и пьютъ чай, если послѣдній случится. Сидятъ различно, или вытянувъ ноги, или подогнувъ ихъ подъ себя, нога на ногу. Что чаще, какое положеніе изъ этихъ двухъ— рѣшить невозможно. Точно также и спятъ камчадалы на полу, подстилая подъ себя оленьи шкуры (постели), одну и рѣдко двѣ. Тѣ же шкуры служатъ имъ часто и одѣялами. Спятъ всѣ „вповалку“ дѣти и взрослые, мущины и женщины одной семьи, но бываетъ, что и разныхъ семей. Приведенныя особенности камчадаловъ, именно: носить дѣтей за спиной, сидѣть, спать и принимать пищу на полу, очень напоминаютъ японцевъ. Случайно ли заключающееся въ этомъ сходство межъ двумя народностями, стоящими почти на крайнихъ противуположныхъ ступеняхъ прогресса, или же оно основывается на общности происхожденія, можетъ, конечно, показать только основательное изученіе камчадаловъ, какъ народности, во всѣхъ отношеніяхъ, включая сюда, разумѣется, главнымъ образомъ, языкъ.

Видную статью въ поддержаніи существованія Морошечныхъ камчадаловъ составляетъ нерпичій промыселъ, производимый ими на устьѣ ихъ рѣки. Промыселъ этотъ ведется, главнымъ образомъ, сѣтками.

Такъ называемыя „нерпичьи“ сѣтки вяжутся изъ ремней, выкраиваемыхъ изъ нерпичьей же или скотской шкуры, хотя часто за неимѣніемъ другого матеріала, онѣ приготовляются также и изъ крапивнаго прядева.

Служащіе для этой цѣли ремни выкраиваются шириною въ палецъ, и немного тоньше. Вся сѣтка бываетъ длиною отъ 4 до 5 саженъ; при этомъ ячеи отъ „устья“ или „рта“ сѣтки, имѣющаго обыкновенно въ ширину до трехъ саженъ,

дѣлаются по мѣрѣ съуживанія сѣтки и приближенія къ такъ наз. „кулю“ меньшихъ размѣровъ.

Такъ, въ „кулѣ“, т.-е. въ самой узкой и задней части ячеи дѣлаются шириною въ двѣ четверти, на протяженіи приблизительно одной сажени; на второй сажени—въ три, на третьей — въ четыре и на послѣдней — въ пять четвертей.

Количества ложащихся на устьѣ р. Морошечной нерпъ (ложатся по отмелямъ или „ла̀йдамъ“) жители числомъ не опредѣляютъ, но говорятъ неопредѣленно, что „нерпы ложатся на лежбищахъ во множествѣ“. Эти „лежбища“ (главныя) находятся въ самой рѣкѣ, чѣмъ и пользуются жители при постановкѣ сѣтей.

Приготовившись къ промыслу, жители крайне осторожно сплываютъ на батахъ вдоль берега внизъ по теченію рѣки; причемъ главный успѣхъ промысла зависитъ отъ того, замѣтятъ нерпы или нѣтъ плывущихъ промышленниковъ, почему на это и обращается все вниманіе охотниковъ, такъ какъ иначе спугнутый звѣрь быстро уходитъ съ лежбищъ обратно въ море.

Когда удастся пройти мимо нерпъ незамѣченными и обойти ихъ такъ, что онѣ останутся выше по теченію, промышленники останавливаются въ удобномъ мѣстѣ, чтобы поставить сѣти. Такимъ мѣстомъ бываетъ обыкновенно то, гдѣ всѣ протоки соединяются въ одну рѣку. Раннимъ утромъ, на другой день, начинаютъ устанавливать черезъ рѣку сѣтки, укрѣпляя ихъ къ кольямъ, вколачиваемымъ съ этою цѣлію, какъ можно крѣпче, веревками и ремнями. Послѣ того, какъ вся рѣка будетъ перегорожена сѣтками, которыхъ для этого употребляютъ отъ 17—18 и даже до 20, двое или трое промышленниковъ уходятъ на батахъ вверхъ по рѣкѣ къ тому мѣсту, гдѣ лежатъ нерпы съ цѣлью испугать и согнать ихъ съ лежбищъ, а прочіе остаются въ это время у сѣтокъ на паромахъ (сдвоенныхъ батахъ) для большей устойчивости при промыслѣ.

Вспугнутый звѣрь сходитъ съ лайдъ и внизъ по рѣкѣ сплываетъ къ морю, гдѣ на своемъ пути и задерживается сѣтками [1]).

Тогда промышленники подплываютъ, какъ сказано, на паромахъ къ сѣткамъ, приподнимаютъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ запутались звѣри, убивая ихъ въ водѣ особыми деревянными молотками, сдѣланными для этой спеціальной цѣли, и только тогда достаютъ добытыхъ звѣрей. Въ промысловой сезонъ (все-равно—каждогодно) случается убивать отъ ста до двухсотъ нерпъ.

Кромѣ нерпъ въ рѣку Морошечную заходятъ бѣлухи (*Delphinopterus leucas*) и даже, только очень рѣдко, сивучи (*Phoca leonina*). Послѣдніе звѣри попадаютъ крайне рѣдко: одинъ-два, не болѣе, да и то не каждый годъ; бѣлухи же запутываются чаще: въ этомъ году поймали двухъ бѣлухъ.

„Можно бы на нашемъ устьѣ",—говоритъ сторожилъ Морошечнаго селенія Слободчиковъ—„жить однимъ только морскимъ промысломъ, еслибы имъ больше заниматься, имѣть получше и побольше сѣти, лодки да соли для засолки мяса, которое иначе безполезно пропадаетъ въ большемъ количествѣ".

Сюда, на устье, приходятъ жители селенія Бѣлоголовскаго и даже Харьюзовскаго для промысла нерпъ, потому что послѣднія заходятъ въ устья одноименныхъ рѣкъ почему-то не въ такомъ „множествѣ".

„Спицами" здѣсь нерпъ не промышляютъ, какъ сѣвернѣе, но зато промышляютъ кромѣ сѣтокъ и ружьями.

Мясо нерпы идетъ въ пищу жителямъ, шкура — на необходимые въ хозяйствѣ ремни (на упряжь собакъ, на сборку нарты и т. п.), на подбивку лыжъ, вымѣнивается у коряковъ или ламутовъ на оленьи шкуры или на что-либо другое; жиръ—въ пищу и для освѣщенія; желудокъ,—какъ

---

[1]) Ячеи сѣтей дѣлаются крупными потому, что иначе было бы трудно удержать сѣти на быстромъ теченіи рѣки.

посуда для содержанія жира, крови, и—какъ поплавки для сѣтокъ.

Относительно другихъ промысловъ, какъ-то медвѣжьяго, собольяго, лисьяго и др. мнѣ было сообщено жителями, что промысла эти по сравненію съ прошлыми годами стали плоше.

На уменьшеніе звѣря, особенно будто бы, повліяли ламуты, кочующіе въ вершинахъ рѣкъ, почему (будто бы) весь промыселъ—въ ихъ рукахъ. Я ничего теперь не скажу, насколько справедливо это обвиненіе кочевыхъ инородцевъ камчадалами въ томъ, что они послужили и продолжаютъ служить главной причиной ухудшенія промысловъ,—надѣясь, что при описаніи жизни камчатскихъ кочевниковъ и взаимныхъ отношеній между тѣми и другими вопросъ этотъ достаточно выяснится; здѣсь же, какъ бы дополненіемъ къ сообщенію о промыслахъ приведу разсказъ того же старожила, показывающій довольно ясно, имѣютъ ли основаніе камчадалы быть недовольными кочевниками. По словамъ старика, старосты и другихъ жителей Морошечной пушной промыселъ въ настоящее время далеко недостаточенъ, чтобы обезпечивать собою камчадала настолько, чтобы послѣдній могъ проживать безъ нужды имъ однимъ. Такъ напр., за прошлую зиму на все селеніе было добыто не болѣе семи соболей, двадцати лисицъ и четырехъ медвѣдей, проданныхъ по цѣнамъ: соболь—15 р., лисица—5 р. и медвѣдь—15 р.

Считая на товаръ, по существующимъ цѣнамъ, это даетъ; если принять, что вся пушнина продана торговцамъ и что на нее взятъ только товаръ (на самомъ дѣлѣ часть ея ушла на уплату ясака и др. земскихъ сборовъ) — всего 265 рублей.

Въ селеніи, какъ сказано, 14 домовъ и, слѣдовательно, 14 хозяйствъ; такимъ образомъ, на одно хозяйство приходится денегъ, пріобрѣтенныхъ отъ продажи добытой пушнины, только по 19 рублей. Сумма, о чемъ всякій можетъ

самъ судить, далеко не достаточная не только чтобы позволить себѣ какой-нибудь комфо́ртъ въ домѣ, но и на пріобрѣтеніе хотя бы такого продукта, какъ кирпичный чай, въ количествѣ обезпечивающемъ годовой расходъ на семью человѣкъ въ восемь, а также равно недостаточная для пріобрѣтенія матеріи на одежду въ годовой пропорціи. Нѣкоторымъ подспорьемъ поэтому служитъ жителямъ острожка сбытъ торговцамъ на товаръ такъ называемаго „бархла́“. Подъ этимъ общимъ названіемъ „барахла́“ понимаются на Камчаткѣ продукты оленеводства, пріобрѣтаемые за разные услуги, а также за дачу „случающагося“ иногда чайку, табачку, нерпичьихъ лахтажьихъ шкуръ, ремней отъ кочевниковъ.

Пріобрѣтаемыя оленьи шкуры (постели—шкуры рослыхъ оленей, пыжики—молодыхъ, выпоротки—утробныхъ)—жительницами выдѣлываются дома (выдѣлка шкуръ и у камчадаловъ, какъ и у самихъ кочевниковъ, производится исключительно женщинами) такъ называемыми „а́утами“, которые бываютъ или желѣзные, или каменные, и выдѣланныя сбываются проѣзжающимъ черезъ острожки торговцамъ.

Жалобы на полную недостаточность пушного промысла слышатся съ Ичи, хотя и сами жители Ичи и другихъ острожковъ называютъ вершины этой рѣки—мѣстностью самой „звѣровой“ (=„настоя́ще звѣровыя мѣста и обширныя мѣста!“). Этимъ ухудшеніемъ промысловъ оправдывается та сквозящая во всей ихъ обстановкѣ и въ одеждахъ, если не абсолютная нищета, то, во всякомъ случаѣ, достаточная бѣдность.

Развести скотъ въ такомъ количествѣ, чтобы возможно было постоянно питаться скотскимъ мясомъ,—говорятъ,—невозможно: этого не позволяютъ семейныя силы: рабочихъ рукъ нѣтъ. Полагаю, со своей стороны, что разведенію скота препятствуетъ помимо недостатка рабочихъ рукъ, главнымъ образомъ, неумѣніе и незнаніе ухода за скотомъ.

Было бы излишне описывать здѣсь другіе промысла и за-

нятія жителей: они рѣшительно ничѣмъ не личаются отъ таковыхъ по другимъ острожкамъ; но объ одномъ, не существующемъ южнѣе Морошечной, упомянуть должно, именно о сборѣ кемчи́ги.

Занятіе это производится, главнымъ образомъ, женской половиной населенія и соотвѣтствуетъ вполнѣ сбору сараны, который также ведется здѣсь на ряду съ первымъ. Сборъ кемчиги производится въ осеннее время года (такъ староста со своей женой только что вернулся передъ моимъ пріѣздомъ въ селеніе съ этого промысла). Для сбора ея отправляются обыкновенно на нѣсколько дней, забирая съ собою необходимую посуду, въ мокрыя тундры.

Отыскиваютъ кемчигу по тѣмъ признакамъ, которые оставляютъ мыши, собирающія ее въ свои запасные магазины—а́тнучи. На томъ мѣстѣ, гдѣ находится такой мышиный запасный магазинъ атнучъ, трава,—говорятъ,—какъ бы чисто скошена или срѣзана, такъ что мѣсто вблизи атнуча бываетъ обыкновенно совершенно чистымъ: такъ выстригаетъ, или, вѣрнѣе, выгрызаетъ траву полевая мышь, называемая камчадалами въ отличіе отъ другого вида—меньшихъ размѣровъ—лэлькочь, употребляющая траву на выстилку своего гнѣзда.

Кромѣ того, тамъ, гдѣ находится такой амбаръ или складъ кемчиги, тамъ имѣется въ общей ровной поверхности тундры небольшое возвышеніе.

Женщины, вооруженныя палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ ходятъ по тундрѣ, постоянно тыкая въ землю этимъ посохомъ, имѣющимъ особое названіе, и по легкости проникновенія его въ землю и по самому звуку, производимому этимъ посохомъ, узнаютъ, есть ли въ данномъ мѣстѣ запасъ кемчиги. Сравнивая способъ собиранія сараны съ таковымъ же—кемчиги, видно ихъ совершенное сходство, находящее свое объясненіе въ томъ, что какъ сарана, такъ и кемчига собираются одними и тѣми же видами полевыхъ мышей въ

однѣ и тѣ же помѣщенія—áтнучи. Я не видѣлъ самого растенія, а потому привожу здѣсь описаніе его, какъ слышалъ отъ мѣстныхъ жителей, упомянувъ, что Эрманъ на стр. 199 не соглашается съ тѣмъ, что это есть *Polygonum viviparum*, а что Дитмаромъ кемчига называется *Claytonia*.

Растеніе это не болѣе одной четверти вышиною—поднимается отъ земли прямостоячимъ травянистымъ стебелькомъ, несущимъ на своей верхушкѣ только одинъ бѣлый цвѣтокъ, величиною съ „рубашечную перламутровую пуговицу“.

Цвѣтокъ имѣетъ или три, или шесть лепестковъ. Листья линейные, величиною отъ 1 до $1^{1}/_{2}$ вершковъ. Расположеніе листьевъ на стеблѣ не могло быть выяснено мною посредствомъ разспросовъ. Каждое растеніе имѣетъ въ землѣ только по одному клубню. Клубни эти видомъ своимъ мнѣ напоминаютъ чрезвычайно мелкую картофель,—нѣсколько округлой или продолговатой формы, часто съ выростами, какіе бываютъ и на картофелинахъ. Они одѣты корковымъ слоемъ, толщиною до полмиллиметра, приблизительно.

Корка цвѣта сѣро-желтоватаго, очень похожаго на цвѣтъ картофеля.

На вкусъ клубни эти пріятны, весьма мучнисты и весьма сладковаты.

Идутъ въ пищу въ супъ, въ толкушу, въ жаркое и поджаренные на салѣ или на маслѣ, отдѣльно, составляютъ особое блюдо. Величиною они, въ среднемъ, до двухъ сантиметровъ.

Какой-либо скорлуповатой структуры, о которой говорятъ Эрманъ и Дитмаръ, равно какъ и вкуса каштановъ я не могъ замѣтить при всемъ желаніи.

Растетъ кемчига исключительно по мокрымъ тундрамъ. Какъ на южную границу ея распространенія указываютъ на рѣку Импунклонъ, лѣвый притокъ Ичи, вблизи хребтовъ, о чемъ мною говорилось при описаніи Ичинскаго острожка.

Относительно огородничества должно сказать, что въ ого-

родахъ Морошечнаго острожка жителями разводится, какъ и по другимъ камчатскимъ селеніямъ, главнымъ образомъ, картофель и рѣпа.

Въ 96 году картофель уродился очень плохо по причинѣ рано выпавшаго инея (до 6-го августа), поморозившаго картофель въ цвѣту; также плохо родилась и рѣпа. Другихъ овощей не садятъ. Огороды находятся тутъ же въ селеніи, вблизи домовъ.

Выше было упомянуто о томъ, что селеніе это находится на правомъ берегу рѣки недалеко отъ высокаго увала, на сухомъ и ровномъ мѣстѣ. Мѣсто это, однако, ровно и сухо только въ са́момъ селеніи, такъ какъ сейчасъ же за домами начинаются кочки.

Не знаю, чѣмъ былъ введенъ въ ошибку Д и т м а р ъ, говорящій о прекрасномъ лугѣ окружающемъ названный острожокъ. Надо думать, что слѣдуя отъ Бѣлоголовой къ Морошечной по вышеупомянутому увалу, Д и т м а р ъ, подъѣхавъ къ тому мѣсту, гдѣ дорога спускается къ селенію съ увала, увидѣлъ за рѣкой въ южной сторонѣ громадную равнину, которую издали и принялъ за прекрасный лугъ, и которая на самомъ дѣлѣ представляетъ собою громадную и мокрую тундру, простирающуюся почти до самого Хи́кић̆энъ и даже далѣе на югъ, почти до самаго Сопочного острожка (такъ рѣчки Аплька-, Ки́ттнын-, Кэ́льхын-кіэчахъ и Хэпилъ протекаютъ, какъ видѣли, также по мокрымъ тундрамъ).

Слѣдуя селеніями западнаго побережья Камчатки, отъ Большерѣцка до Морошечной, всякому человѣку станетъ очевиднымъ, какъ незамѣтно камчадальскій языкъ становится все ходячѣе и ходячѣе, если такъ можно выразиться, постепенно замѣняя собою русской, и какъ послѣдній пріобрѣтаетъ все больше и больше неправильностей.

Если нельзя провести рѣзкой границы между камчадалами низовыми и верховыми, т.-е. между *т*ну́мле́нъ и да́внайканъ, въ отношеніи ихъ быта, то все же легко уловить различіе

между ними въ преобладанiи того или другого языка. И въ этомъ послѣднемъ отношенiи, дѣйствительно, Ича, какъ о томъ говорилось ранѣе, представляетъ промежуточную или переходную ступень отъ говора, преимущественно на камчатско-русскомъ языкѣ къ говору на камчадальскомъ. Но если миновать Ичинскiй острожекъ, то разница въ говорѣ Облуковинскихъ камчадаловъ и Сопошновскихъ становится рѣзкой: такъ какъ въ первомъ говорятъ по-русски (ломано), не зная почти совершенно камчадальскаго языка,—въ послѣднемъ—по камчадальски, не зная русскаго.

На Ичѣ всѣ жители говорятъ на странной смѣси обоихъ языковъ, какъ дѣти, такъ и взрослые. Слышимый русскiй—безъ всякаго согласованiя словъ, безъ соблюденiя какихъ-либо правилъ русскаго языка. Литературный русскiй языкъ, нужно сказать, жителямъ Камчатки непонятенъ полностью. Въ селенiи Сопочномъ на русско-камчадальскомъ языкѣ говорятъ только взрослые мужчины да немногiя женщины, и то „по нуждѣ", т.-е. только съ проѣзжающими русскими.

Дѣти говорятъ по-камчадальски, не понимая по-русски, или въ лучшемъ случаѣ понимая только нѣсколько словъ. Здѣсь на Морошечной русскiй языкъ понимается еще менѣе и еще труднѣе; на русско-камчадальскомъ говорятъ мало; изъ женщинъ—рѣдкiя; изъ дѣтей—никто. Между собою какъ въ Сопочной, такъ и въ Морошечной, всѣ говорятъ по-камчадальски.

1-го и 2-го ноября, почти не переставая, шелъ мокрый снѣгъ, нагоняемый ненастнымъ SSW вѣтромъ, по мѣстному „кури́ломъ". Эта непогода задерживала меня въ селенiи. Приходилось вооружиться терпѣнiемъ въ ожиданiи лучшей погоды, которая дала бы возможность поѣхать далѣе въ Бѣлоголовскiй острожекъ.

Впрочемъ, на скуку жаловаться не приходилось, напротивъ можно было жалѣть, что такъ кратковременно остаешься по селенiямъ, чтобы возможно было подробнѣе ознакомиться съ

населеніемъ и его исчезающимъ языкомъ. Переспрашивая по нѣсколько разъ, я тщательно все время старался записывать слова и выраженія камчадальскаго языка, чтобы добытыми свѣдѣніями хотя бы крошечку увеличить—приведенное Эрманомъ и Крашенинниковымъ; питая въ то же время затаенную надежду на то, что, можетъ быть, собранные, такъ сказать, остатки языка могутъ пролить свѣтъ ученому специалисту на спорное происхожденіе камчадаловъ. Ввиду того, что до сего времени мною собрано слишкомъ мало словъ и выраженій, я позволю себѣ привести все по окончаніи описанія поѣздки по камчадальскимъ селеніямъ.

Выше говорилось, что къ сѣверу отъ Сопочнаго острожка начинается мѣсто постоянныхъ кочевокъ ламутовъ и коряковъ, которые въ томъ случаѣ, если юрты ставятся вблизи острожка, очень часто приходятъ въ послѣдній въ гости къ своимъ знакомымъ („пріятелямъ“). Такихъ гостей я засталъ на этотъ разъ въ Морошечной, то были два коряка — Ту́ликъ и Яма́й**нг**ы**н**ъ, пріѣхавшіе сюда изъ своей юрты, которая, по словамъ жителей, какъ и табунъ оленей находится верстахъ въ десяти отъ селенія по рѣкѣ Кы́ль**нг**итъ. Воспользовавшись случаемъ, чтобы ближе ознакомиться съ упряжью оленей и съ устройствомъ коряцкаго экипажа санокъ, я отправился къ тому мѣсту, гдѣ были оставлены коряками олени. Пришлось переправиться на бату черезъ рѣку и пройти съ полверсты по тундрѣ, на которой паслись, привязанные къ ремнямъ, олени. Каждый корякъ пріѣхалъ на своихъ оленяхъ и на своихъ санкахъ, называемыхъ по коряцки ча́**нг**а.

Олени значительно меньше дикихъ, пестрой масти, безрогіе, или, точнѣе, съ отпиленными рогами, такъ что послѣднихъ (*ялла*ћынъ) остались только комли. Только теперь я узналъ, что у выложенныхъ („холощеныхъ“) оленей — рога также спадаютъ, какъ и у остальныхъ, съ тою лишь разницею, что спадываніе или „сбрасываніе“ происходитъ недѣли

на двѣ позднѣе, чѣмъ у оленей. Такимъ образомъ положеніе, приводимое Бобрецкимъ въ его „Основахъ зоологіи“, что выложенные олени роговъ не сбрасываютъ — не вѣрно. Для ѣзды всегда употребляются только выложенные олени, а не быки, въ предупрежденіе возможныхъ несчастныхъ случаевъ во время течки оленей.

Безъ хорошо исполненнаго рисунка или безъ модели трудно передать словами устройство **ча́нга** и всей не хитрой упряжи оленей. Поэтому я ограничусь лишь немногими словами. Лѣвый полозъ санокъ (**ча́нга**) бываетъ всегда немного короче праваго; къ лѣвому же привязываются ремни, которые петлями, сдѣланными на ихъ свободныхъ концахъ, надѣваются на оленей и при посредствѣ которыхъ везется оленями **ча́нга**. Такимъ образомъ, эти ремни соотвѣтствуютъ постромкамъ пристяжныхъ. Корякъ сидитъ на **чанги** верхомъ, имѣя въ рукахъ два ремня, идущіе отдѣльно отъ каждаго оленя и замѣняющіе собою возжи. На голову оленя (какъ-то за нижней челюстью и подъ ушами) надѣвается ремень-узда. Съ лѣвой стороны головы оленя къ этому ремню прикрѣпляется кость съ вырѣзанными по краю зубьями, которая служитъ ѣздоку для управленія оленями; натягивая ремень, имѣющійся въ рукахъ, ѣздокъ причиняетъ этими зубьями боль животному и такимъ образомъ заставляетъ или остановиться, или измѣнить направленіе. При ѣздокѣ всегда имѣется прутъ, также съ косточкой на концѣ, служащій, какъ бичъ, для понужденія оленей.

Олени въ упряжкѣ идутъ относительно **ча́нга** по лѣвой сторонѣ. При этомъ лѣвый олень идетъ совсѣмъ стороной, а правый, хотя и стороною, но все-таки довольно близко отъ закругленной передней части лѣваго полоза, почему послѣдній и дѣлается короче праваго (чтобы олень при бѣгѣ не ударялся ногами объ эту „головку“ лѣваго полоза).

„Тоже вотъ коряки: забавный народъ — эти коряки“, разсказывалъ Слободчиковъ, когда я возвратился обратно въ

селеніе, проводивъ глазами „пріятелей", быстро унесшихся по обширной кочковатой поверхности тундры къ себѣ домой въ юрту.

„По зимамъ, въ среднемъ зимнемъ мѣсяцѣ, по-русски— въ январѣ, бываетъ у нихъ праздникъ большой, на который съѣзжаются всѣ коряки и ламуты изъ ближайшихъ юртъ. Къ одной юртѣ привязывается или хорошій лахтажій ремень, или олень: розно это тоже бываетъ: кто тоже побогаче, тотъ и даетъ, значитъ, что-нибудь получше, а кто бѣднѣе—похуже. Коряки отъѣзжаютъ отъ этой юрты, въ которой устраиваютъ праздникъ на своихъ праздничныхъ („бѣговыхъ") санкахъ, самыхъ что есть маленькихъ да легонькихъ, не больше, поди, какъ фунтовъ 10 — 15, на тундру: это, значитъ, чтобы другъ друга обѣжать, въ бѣги играютъ; и собирается на эту забаву, другой разъ, санокъ пятнадцать. Всѣ въ рядъ встанутъ, чтобы всѣ ровно, значитъ, были, и по знаку всѣ въ одинъ разъ гонятъ оленей къ этой юртѣ. Тотъ, который первымъ доѣдетъ до ремня или до оленя, получаетъ ихъ себѣ въ награду. Отставшій болѣе всѣхъ другихъ подъѣзжаетъ къ юртѣ медленно и, подъѣзжая, „отпускаетъ" своихъ оленей (т.-е. не правитъ, давая имъ свободу идти), даже не привязываетъ ихъ, а самъ снимаетъ съ себя сейчасъ же парку, оставаясь только въ торбасахъ да въ штанахъ, а голое тѣло натираетъ еще снѣгомъ и подходитъ такъ къ юртѣ, изъ которой выходитъ на встрѣчу ему бывшій тамъ человѣкъ, тоже голый до пояса и также натертый снѣгомъ. Натираются они снѣгомъ для того, чтобы руки ихъ скользили по тѣлу, когда они другъ друга схватить стараются. Оба эти человѣка сходятся, и тутъ у нихъ начинается борьба". Принимаются бороться до трехъ разъ. Если одинъ изъ нихъ всѣ три раза броситъ (повалитъ) своего противника, то болѣе уже не борятся, а мѣсто побѣжденнаго заступаетъ другой и т. д.

Кромѣ борьбы есть у коряковъ еще одна игра, состоящая

въ томъ, что нѣсколько человѣкъ (обыкновенно человѣкъ восемь) крѣпко берутся за большую лахтажью шкуру, стоя. На эту шкуру становится одинъ человѣкъ, и вотъ его начинаютъ подбрасывать на шкурѣ; подбрасываютъ, встряхивая шкуру и стараясь, чтобы тотъ, не устоявши, упалъ; искусство же его состоитъ въ томъ, чтобы удержаться, стоя, на этой шкурѣ.

Часто случается, что человѣкъ, подскакивая, слетаетъ со шкуры на землю, тогда его замѣняетъ другой. Эти забавы-игры продолжаются весь январь.

„Вотъ тоже въ похоронахъ совсѣмъ отмѣнный народъ-коряки". Когда въ какой-нибудь юртѣ умретъ человѣкъ, то объ этомъ оповѣщаются прочія юрты, находящіяся по близости. Изъ нихъ пріѣзжаютъ на проводы покойника гости, или въ тотъ же день, или на другой день. Въ томъ пологу́, гдѣ умершій, всю ночь горитъ огонь—жирникъ, и обыкновенно никто въ юртѣ въ эту ночь не спитъ: въ эту ночъ въ юртѣ какъ бы праздникъ: ѣдятъ, чаюютъ цѣлую ночь. На другой день покойника одѣваютъ во все бѣлое.

Вся одежда дѣлается для него изъ совершенно бѣлыхъ оленьихъ шкуръ, даже торбасы (ка́масы)—совершенно бѣлые. (Бѣлый цвѣтъ—цвѣтъ печали, траура). Затѣмъ къ юртѣ приводятъ нарту оленей, которыхъ держалъ покойникъ; съ нимъ собираютъ, какъ бы въ дорогу: табакерку, ножъ, ружье, словомъ, все, чѣмъ пользовался покойный при жизни. Когда сборы окончены, его кладутъ на нарту и отвозятъ въ березникъ, въ которомъ за это время устраивается пожогъ (костеръ), т.-е. складывается изъ березоваго лѣсу большой костеръ, на которомъ долженъ быть сожженъ трупъ. Къ тому же мѣсту привозятъ четырехъ оленей умершаго, которыхъ убиваютъ на проводинахъ хозяина. Вся процессія отъ юрты отправляется послѣ того въ лѣсъ; разводится огонь, олени въ это время убиваются, а трупъ вмѣстѣ съ санками, ножомъ, табакеркой и т. п. поднимается на костеръ.

Пока трупъ сгораетъ, собравшіеся, освѣжевавъ (выпла-ставъ) оленей, поѣдаютъ только ихъ кости, мясо же все достается случившемуся тутъ постороннему человѣку—гостю. При этомъ всѣ или отворачиваются отъ костра и какъ бы сильно плачутъ-рыдаютъ, или же вдругъ всѣ начинаютъ смѣяться, радуясь, что ихъ человѣкъ уходитъ къ Великому Духу. Когда трупъ совершенно сгоритъ, всѣ по дорогѣ возвращаются обратно къ юртѣ, но при этомъ ѣдущій позади заметаетъ слѣдъ или снѣгомъ, если зимой, или мохомъ, землей и т. д., если случится хоронить лѣтомъ. Затѣмъ еще разъ, по другой дорогѣ, возвращаются къ мѣсту сожженія и снова къ юртѣ, заметая слѣдъ и на этотъ разъ, и только въ третій, отъѣзжая отъ юрты, возвращаются въ нее, оставляя слѣдъ. Дѣлается это такъ для того, будто бы, чтобы не могъ покойникъ вернуться въ юрту по слѣду, и чтобы онъ не принесъ съ собой въ юрту какой-нибудь боли. Ламуты, какъ крещеные, своихъ покойниковъ не сожигаютъ, а зарываютъ въ землю.

3 ноября. Сегодня рано утромъ—тепло: съ крышъ домовъ и другихъ построекъ каплетъ, всюду по селенію вокругъ домовъ стоятъ большія лужи воды; тѣмъ не менѣе всюду лежитъ тонкимъ слоемъ снѣгъ, еще не успѣвшій окончательно стаять за теплое время. Вчера цѣлый день шелъ мокрый снѣгъ, такъ называемый по Камчаткѣ „сляча“. По выходѣ солнца дувшій до этого SW вѣтеръ стихъ, и стало нѣсколько холоднѣе, что дало мнѣ возможность въ 9 h. 12 m. a. оставить гостепріимный домъ старосты Морошечнаго селенія и отправиться въ слѣдующее Бѣлоголовское или, по-камчадальски, Мильхъ.

Быстро проѣхали разстояніе отъ селенія до упомянутаго выше нѣсколько разъ увала „ухталь“, а въ 9 h. 25 m. a. мы были уже на верху его. Высота „ухталя“ приблизительно 400′—500′. Отсюда открывается далекій видъ на тундру, залегающую на югъ отъ селенія и на березники, но

сегодня по причинѣ тумана *das ganze Fernsicht wurde uns benommen*, какъ пишетъ Дитмаръ. И, дѣйствительно, все окутано густымъ туманомъ (туманъ этотъ наносится въ это время года, какъ передаютъ мѣстные жители, съ моря), такъ что далѣе какъ на сто саженъ вокругъ ничего не видно. Мы ѣдемъ, придерживаясь NO направленія. Не долгое время путь идетъ здѣсь по ровному (на верху) увалу, поросшему березовымъ лѣсомъ и кустами кедровника, но потомъ скоро выходитъ на обширную, вначалѣ кочковатую, потомъ ровную, но зато мокрую тундру, у дальняго конца которой имѣется небольшое озерко.

Ровной, можно сказать, горизонтальной, поверхностью тянется эта тундра съ рѣзко очерченными краями, такъ что озерко представляется остаткомъ нѣкогда бо́льшого озера, напоминая своимъ видомъ названное ранѣе озерко и тундру Клы́вычанъ.

Съ западной стороны, въ туманѣ, виднѣется полоса березоваго лѣса.

Въ 10 h. 40 m. a. мы выѣхали съ тундры въ березникъ, очень красивый крупный лѣсъ съ кустарниковымъ кедровникомъ и съ можжевельникомъ, неправильно называемымъ жителями Камчатки—верескомъ или ве́ресомъ. Задулъ NNW-й вѣтеръ, еще болѣе похолодѣло. Тучи разсѣиваются, открывая голубое небо; туманъ разошелся. На вѣтвяхъ деревьевъ—полустаявшій снѣгъ.

Солнечные лучи, преломляясь въ льдистыхъ сосулькахъ, сверкаютъ тысячами радужныхъ огоньковъ, превращая весь лѣсъ въ какой-то необыкновенный,—волшебный. По временамъ наносится вѣтромъ полоса тумана, на нѣсколько минутъ скрываетъ видъ на лѣсъ и на всѣ окрестности, и опять все ярко сверкаетъ на солнцѣ. Благодаря подмерзшему снѣгу ѣдемъ сегодня много скорѣе, чѣмъ до этого: собаки свободно и быстро бѣгутъ, а не тянутъ черезъ силу.

Въ 12 h. 40 m. p. остановились на берегу маленькаго

тундроваго ручейка, бѣгущаго въ ONO направленіи и называемаго по-камчадальски Кшэжуа (ш произносится мягко, какъ въ словѣ *schön*). Пройденную мѣстность до этого ручейка можно было бы назвать волнистой, какъ часто выражается Дитмаръ, при описаніи западнаго берега Камчатки, еслибы эти возвышенности имѣли какую-нибудь правильность въ своемъ расположеніи и по виду хотя бы нѣсколько напоминали волны, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Всѣ замѣчаемыя здѣсь неровности поверхности представляютъ собою ясные слѣды нѣкогда бывшихъ тутъ водъ. Возвышенности являются на ровной поверхности тундры то совершенно изолированными, какъ бы островками, то онѣ сбѣгаютъ къ тундрѣ многочисленными мысками, то отдѣляются другъ отъ друга болѣе или менѣе узкими ложбинами, по которымъ стекаетъ какой-нибудь ручеекъ, то онѣ являются грядами болѣе или менѣе значительной протяженности и ширины, и тогда только имѣютъ почти всегда одно и тоже направленіе отъ востока къ западу.

Кромѣ того, мѣстность пройденная отъ Морошечнаго селенія до Кшэжуа отличается отъ пройденной до селенія еще и тѣмъ, что здѣсь березники чаще и являются господствующими надъ тундрами. По ихъ опушкамъ—густыя заросли кедровника. Слѣды бывшихъ нѣкогда водъ, въ видѣ падушекъ, долинъ, ложбинъ и т. д. очень многочисленны, что наблюдается также и при приближеніи къ горамъ, которыя здѣсь находятся, поднимаясь невысокимъ хребтомъ на половинѣ разстоянія между сс. Морошечнымъ и Бѣлоголовскимъ (упомянутый ранѣе Сóпканкъ съ вершиною—сопкой Кпóайянъ).

Черезъ часъ двадцать минутъ послѣ обильнаго чаепитія мы поѣхали дальше. Стало вновь тепло; снѣгъ къ солнечной сторонѣ—притаеваетъ; на небѣ показалась радуга. Отъ мѣста остановки у ключа, вблизи опушки березника, началась одна сплошная тундра, представляющая собою массу матеріала для изученія образованія этихъ западно-бережныхъ, а

съ ними вмѣстѣ, можетъ быть, и вообще тундровыхъ пространствъ Камчатскаго полуострова.

Въ 4 h. p. переѣхали небольшую рѣчку *Кö*пъёнъ, протекающую по тундрѣ, въ узкой, но глубокой, съ отвѣсными берегами, рытвинѣ, и берущую свое начало тутъ же на тундрѣ, изливающуюся съ правой стороны въ р. Морошечную, въ нѣсколькихъ верстахъ выше селенія. По этой рѣчкѣ поднимается въ лѣтнее время, по словамъ проводниковъ, красная рыба и кижучъ; поднимаются ли по ней гольцы—неизвѣстно.

Названіе рѣчки происходитъ отъ растущаго по ея берегамъ ириса (касатика), называемаго по-камчадальски *к*опъёнъ или *кó*пьёнъ, какъ о томъ уже было упомянуто выше.

Въ 5 h. 35 m. p. мы остановились на ночь, свернувъ съ тундры къ опушкѣ близъ стоящаго березника. За все это время мы проѣхали березниками, собственно ихъ опушками, только вблизи первой остановки у ключа да передъ остановкою на ночлегъ, не теряя изъ виду тундры, достаточно обширной, какъ въ длину, такъ и въ ширину. Выѣхавъ на болѣе возвышенную часть ея (такихъ возвышенностей, какъ было замѣчено, очень много), глазамъ представляется большая равнина. Я говорю—равнина, хотя открывающееся пространство неровно. Вѣрнѣе было бы назвать эту тундру бугристой, если бы имѣющіяся по ней возвышенія по своей величинѣ не превосходили того, что принято называть буграми; во всякомъ случаѣ названіе волнистой къ этой тундрѣ не подходитъ точно также, какъ и названіе холмистой, такъ какъ для холмовъ—возвышенія ея слишкомъ обширны по протяженію. Мнѣ неизвѣстно выраженіе, для опредѣленія характера подобной поверхности, почему я и останавливаюсь на выраженіи „бугристой“. Но, въ общемъ, это, во всякамъ случаѣ, равнина, такъ какъ разность ея высокихъ и низкихъ точекъ, принимая во вниманіе протяженіе (отъ нѣсколькихъ десят-

ковъ до нѣсколькихъ сотенъ саженъ), крайне незначительна, предположительно не болѣе 5—10 саженъ.

На горизонтѣ кой-гдѣ виднѣются небольшіе березники, островками стоящіе на тундрѣ. Большая часть ея, если смотрѣть съ одной изъ такихъ возвышенностей, какъ замѣчено выше, представляется мелко-кочковатой, буквально усѣянной кочками. Въ иныхъ мѣстахъ проходятъ по ней неправильной сѣтью, или можно сказать, бороздятъ ее углубленія, то болѣе узкія ложбины, то болѣе или менѣе широкія, которыя можно сравнить съ долинами, то обширныя съ горизонтальной донной поверхностью—котловины, имѣющія однако въ какомъ-нибудь мѣстѣ соединеніе или съ одной изъ упомянутыхъ долинъ или съ одной изъ ложбинъ.

Если глядѣть сверху и издали, и долины, и эти котловины обращаютъ на себя вниманіе, во-первыхъ, своей совершенно ровной горизонтальной поверхностью, уже однимъ этимъ рѣзко отличаясь отъ остальной кочковатой тундры; во-вторыхъ, онѣ отличаются и своимъ какимъ-то желтоватымъ цвѣтомъ отъ грязнобураго цвѣта кочковатой части тундры, что зависитъ отъ различной на тѣхъ и на другихъ растительности.

Помимо этого, всѣ эти углубленія бросаются въ глаза своими рѣзкими краями, замѣтными уже съ большого разстоянія отъ полого сбѣгающихъ, какъ бы, береговъ-тундры. Но еще болѣе существеннымъ различіемъ для нихъ является мокрота.

Всѣ онѣ—такъ называемыя „мокрыя" тундры, въ то время какъ кочковатыя мѣста — болѣе или менѣе сухи, и называются ягодниками, потому что кочки покрыты ягодными растеніями, главнымъ образомъ, шикши, голубики и брусники. По срединѣ, или ближе къ которому-нибудь краю-берегу, въ этихъ углубленіяхъ почти всегда можно найти или чуть замѣтный ручеекъ, рѣчку или какое-нибудь озерко, окница и т. д., словомъ — воду, въ формѣ того или другого

бассейна. Это обстоятельство очень характерно для тундры этой, да и, вообще, какъ мнѣ кажется, для всѣхъ камчатскихъ тундръ. Не могу не упомянуть также и о томъ, что издали эти низины кажутся обманчиво сходными съ рѣками и озерами, но высохшими и заросшими болотными растеніями. Когда я спрашивалъ каюрщиковъ, указывая имъ на совершенно ровную (горизонтальную) поверхность, на рѣзкую границу между мокрой тундрой и возвышенными сухими частями, на эти какъ бы берега, чтобы узнать впечатлѣніе, производимое всѣмъ этимъ на нихъ,—они говорили: „видно, что тутъ вода раньше была“.

Конечно, такое предположеніе или догадка каюрщиковъ не можетъ служить для геолога какимъ-нибудь доказательствомъ того, что нѣкогда вся эта мѣстность была покрыта моремъ, или только представляла озеро, и если я привожу его, то единственно съ тою цѣлью, чтобы показать, что видъ этой тундры, дѣйствительно, наводить на мысль о нѣкогда бывшемъ здѣсь водномъ бассейнѣ. Истоки всѣхъ котловинъ— озеръ и долинъ, и ложбинъ—рѣкъ и рѣчекъ имѣютъ, сколько можно было замѣтить, скатъ къ ближайшей рѣкѣ. Цѣлый рядъ вопросовъ невольно возникаетъ въ головѣ, назойливо требующихъ разрѣшенія, и не могущихъ быть разрѣшенными безъ многосторонняго изслѣдованія, требующаго спеціальныхъ знаній: не была ли вся западно-береговая полоса Камчатки до самаго Срединнаго кряжа горъ дномъ отступившаго моря? Не происходитъ ли и въ переживаемое время поднятія этой полосы? Всѣ эти наносы гальки, глинъ, песковъ—какими водами отложены? и т. д.

Вблизи мѣста нашей остановки, въ одной изъ ложбинъ, иначе сказать, на ровной поверхности мокрой тундры-рѣки, попалась сперва одна, а потомъ двѣ-три, и, наконецъ, цѣлая группа очень большихъ кочекъ, діаметромъ отъ одной до пяти саженъ, называемыхъ но западному побережью полуострова кучи-гурами, происхожденіе которыхъ, мнѣ неизвѣстно на

какомъ основаніи, Дитмаръ приписываетъ дѣйствію вулканизма. Здѣсь, на тундрѣ, до самыхъ хребтовъ, на сколько можно судить по встрѣчающимся кой-гдѣ обнаженіямъ, ничто не указываетъ на проявленіе вулканическихъ силъ, а между тѣмъ кучи-гуръ, о которыхъ идетъ рѣчь, также много, какъ и около Тигиля. Камчадалы называютъ ихъ на своемъ языкѣ ма́йюлэнъ, отличая отъ мелкихъ кочекъ, усѣивающихъ сухія тундры и называемыхъ ши́мконъ.

Видъ этихъ ма́йюлэнъ вызываетъ въ моей памяти громадные куски торфа, встрѣченные мною на устьѣ рѣки Кихчиха, тамъ же на тундрѣ, и на берегу рѣки Удуу. Можно полагать, судя по внѣшнему сходству тѣхъ и другихъ, что и эти кучи-гуры не что иное, какъ такіе же куски торфа, занесенные сюда съ весенними льдами моремъ, если оно достигало до этого мѣста, или же бывшими рѣками. Подтвержденіемъ мнѣнія, что кучи-гуры на пройденной тундрѣ занесенные куски торфа, можетъ служить отчасти и то обстоятельство, что они встрѣчаются только въ низинахъ, по которымъ текла вода, а не на возвышенностяхъ, оставшихся при данномъ стояніи водъ свободными отъ заноса на нихъ чего бы то ни было при посредствѣ льдовъ или только теченія.

Во всякомъ случаѣ, кучи-гуры нуждаются въ изслѣдованіи, чтобы говорить съ достаточнымъ основаніемъ о томъ или другомъ пути ихъ происхожденія.

Вскорѣ послѣ остановки пошелъ снѣгъ, заставившій насъ собраться въ палатку. На этотъ разъ мнѣ не удалось отъ сопровождавшихъ меня каюрщиковъ услышать что-нибудь новое, что можно было бы записать. Никакихъ разсказовъ о старинѣ, никакихъ преданій, по ихъ словамъ, не сохранилось въ ихъ памяти. При всемъ стараніи добиться какихъ-нибудь интересныхъ свѣдѣній о томъ или другомъ, я могъ только убѣдиться еще одинъ лишній разъ въ томъ, что ими медленно, но вѣрно забывается родной камчадальскій языкъ и плохо, какъ-то машинально, усвоивается камчатско-русскій,

который еще болѣе искажается на камчадальскій ладъ, и изъ русскаго языка получается, Богъ знаетъ какой, только не русскій и не камчадальскій.

Записывая слова, я узналъ, что приведенное выше названіе русскаго „а́уачх“ есть только дѣтское выраженіе, дѣйствительное же „*тт*эхъ“. На вопросъ почему же дѣти называютъ русскихъ—а́уачх, мнѣ сказали „какъ же имъ иначе сказать?! Такъ, значитъ, слово это „а́уачх“—имъ ловко приходится,—вотъ они такъ и говорятъ“.

Ночью, на слѣдующій день, 4-го ноября, пошелъ мокрый снѣгъ вмѣстѣ съ дождемъ — „сля́ча“; стало настолько тепло, что снѣгъ державшійся на сучьяхъ и вѣтвяхъ деревьевъ весь стаялъ, падая на землю крупными каплями. Къ утру небо прояснѣло, хотя все еще было тепло. Подождавъ немного времени, не сдѣлается ли холоднѣе, мы выѣхали съ мѣста въ 8 h. 20 m. a.

Путь отсюда снова пошелъ тою же тундрой-рѣкой, казавшейся безконечной: такъ долго приходится по ней ѣхать.

Здѣсь протекаетъ небольшая рѣчка Мшӧлхчь, которую пришлось переѣхать.

Долгое время нигдѣ вокругъ не было видно ни одного кустика, и вблизи, и вдали глазу представлялись все тѣ же возвышенности, покрытыя кочками, а между ними, т.-е. возвышенностями, змѣилась въ NO направленіи все та же рѣка тундра.

Мѣстами на тундрѣ попадались небольшія озерки, почти круглыя съ обрывистыми берегами; мѣстами ручейки, которые, видимо, всѣ стекали здѣсь въ упомянутую рѣчку Мшӧлхчь, впадающую въ рѣку Бѣлоголовскую, ниже одноименнаго острожка; попалось также и нѣсколько кучи-гуръ или ма́йюлэнъ.

Кажется, нѣтъ болѣе удобнаго (по обилію матеріала) мѣста для изученія образованія тундръ, какъ именно эта, залегающая между Морошечнымъ и Бѣлоголовскимъ острожками.

Только въ 11 h. 35 m. a. мы оставили по лѣвую (западную) сторону тундру-рѣку, измѣнившую первоначальное (NO) направленіе въ сѣверное, въ то время какъ мы держались перваго, и въѣхали въ крупный березовый лѣсъ. Этимъ лѣсомъ грядой, въ которомъ, между прочимъ, я замѣтилъ нѣсколько кустовъ черемухи, мы ѣхали до 12 h. 40 m. a., когда кочковатой падушкой, межъ увалами, густо поросшими кедровникомъ, стали спускаться къ широкой (до двухъ верстъ) долинѣ рѣки Бѣлоголовой. Почти на срединѣ этой долины виднѣлось издали нѣсколько домиковъ и балагановъ селенія, въ которое мы пріѣхали въ 1 h. 20 m. p.

Подъѣзжая къ мѣсту перевоза черезъ рѣку, мы проѣхали мимо стоявшей тутъ коряцкой юрты, изъ которой при нашемъ проѣздѣ вылѣзли три или четыре коряцкихъ женщины; у одной изъ нихъ была хорошо замѣтна татуировка лица, въ видѣ лучей расходящихся по лбу отъ переносья.

Принимая во вниманіе, что весь путь отъ Морошечнаго до Бѣлоголовскаго нами былъ совершенъ въ двѣнадцать часовъ, не считая остановокъ, и въ среднемъ скорость передвиженія = 5 верстамъ, разстояніе между названными селеніями опредѣлится въ шестьдесятъ верстъ, что согласуется съ показаніемъ жителей, но нѣсколько расходится съ числомъ, приводимымъ Дитмаромъ, въ 50 верстъ.

Чѣмъ больше селеній проѣзжаешь по западному берегу Камчатки, тѣмъ въ болѣе краткихъ словахъ приходится описывать каждое изъ нихъ въ отдѣльности: до того схожи они между собою не только видомъ своихъ жалкихъ домишекъ, балагановъ, но, въ большинствѣ, и расположеніемъ, даже можно сказать, характеромъ мѣстоположенія; самое же главное, что всѣ ихъ дѣлаетъ такъ похожими другъ на друга,— одинаковой составъ населенія съ одними и тѣми же занятіями—рыбо- и звѣроловствомъ.

Все различіе, какъ о томъ не разъ говорилось, заклю-

чается въ преобладаніи русскаго языка на югъ отъ Ичи и камчадальскаго на сѣверъ отъ того же острожка.

Вотъ почему и о Бѣлоголовскомъ можно сказать только нѣсколько словъ.

Оно расположено на правомъ берегу рѣки того же имени, какъ бы затерянное среди обширной тундры, занимающей долину рѣки, въ мѣстности лишенной вовсе древесной растительности. Вокругъ него, даже по берегамъ рѣки, нѣтъ обычнаго тальника (ивняка), одѣвающаго выше рѣку, который даетъ возможность издали судить о присутствіи рѣки.

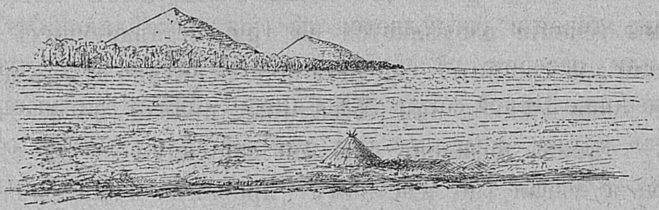
Бѣлоголовская рѣка, по словамъ мѣстныхъ жителей, въ верхнемъ теченіи раздѣляется на три составляющихъ ее вершины, или „разсошины". Средняя беретъ начало отъ „утеса" (?), немного ниже Бѣлой сопки (Хвэáлинъ), правая (по мѣстному—лѣвая) — также недалеко отъ той же сопки съ ея сѣверной стороны, а лѣвая (по мѣстному—правая)—очень близко подходитъ къ вершинамъ рѣки Морошечной.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится селеніе, правый берегъ рѣки образуетъ высокій, до пяти саженъ, яръ, сложенный (по Дитмару) изъ песчаниковъ и глинъ. Въ руслѣ рѣки, по даннымъ того же изслѣдователя, попадаются изрѣдка куски базальта, но болѣе всего тѣ же песчаники и глинистые сланцы. Открывающійся изъ селенія, видъ не представляетъ ничего живописнаго, напротивъ, наводитъ какое-то уныніе своею безжизненностью.

Далеко, въ южную сторону, изъ-за березника виднѣется вершина Бѣлой Сопки, называемой по-коряцки Алянңгэй, что значитъ—Снѣжная гора; вершина упомянутой выше сопки *Кп*óайянъ—виднѣется на горизонтѣ въ направленіи 290^{0} WNW; отсюда сопка эта представляется почти совершеннымъ конусомъ; немного сѣвернѣе Кпóайянъ—виднѣется еще гора, кажущаяся значительно ниже первой,—извѣстная подъ именемъ Кэ́чиланъ (фиг. 31). Только по правому берегу, въ верстѣ отъ селенія, тянется параллельно теченію рѣки увалъ,

переходящей далѣе въ хребтообразную гору, до 1000′ высотою, высшая точка которой видна подъ ∠16° NNO. Гора эта называется Кóтхонъ; она покрыта зарослями кедровника и березовымъ лѣсомъ. Такъ называемаго Бѣлоголовскаго Мыса (по камчадальски — *Т*кэйнгэнъ) не видно: онъ закрывается видимымъ окончаніемъ Кó*т*хона и, по указанію жителей, долженъ находиться приблизительно на 346° NNW.

Одиноко стоящая за рѣкою упомянутая ранѣе кочевая коряцкая юрта очень мало помогаетъ оживленію мертвой пустыни.



Фиг. 31. Видъ изъ сел. Бѣлоголовскаго на сопки Кпдайянъ и Кэчиланъ. На переднемъ планѣ кочевая коряцкая юрта.

День 5-го ноября я долженъ былъ провести въ селеніи потому, что, кромѣ двухъ стариковъ, взрослыхъ „каюрныхъ" мужчинъ въ Бѣлоголовой не было: всѣ они уплыли на батахъ на устье своей рѣки для промысла нерпъ, и сопровождать меня, или „каюрить", до слѣдующаго, Харьюзовскаго, острожка приходилось, по этому случаю, волей не волей тѣмъ же Морошечнымъ камчадаламъ, утомившіяся собаки которыхъ нуждались въ дневномъ роздыхѣ.

Ранѣе мною говорилось о томъ, какъ тяжело „каюрство", эта такъ называемая натуральная повинность инородца, или отбываніе обязательнаго провоза отъ селенія до селенія или казенныхъ бумагъ, или служащихъ лицъ администраціи. Условія, при которыхъ это совершается въ населенныхъ частяхъ Сибири и Европейской Россіи, слишкомъ разнятся отъ камчатскихъ, и вслѣдствіе этого, если оно тамъ не предста-

вляетъ собою особенной тяжести, то здѣсь оно крайне тяжело и неблагопріятно для благосостоянія инородца, вынужденнаго лѣтомъ или зимою совершать переѣзды отъ 30 до 100 верстъ, а иногда, какъ въ данномъ случаѣ, и болѣе, когда каюрщики, довезши „казну“ (будетъ то № исходящаго журнала или человѣкъ) до ближайшаго селенія, не застанутъ въ немъ взрослыхъ мужчинъ („уѣхали за нерпами“ или, въ лѣсъ „за охотой“), затрачивая при неблагопріятныхъ условіяхъ погоды недѣлю и болѣе времени.

Полагаю, что теперь, когда всюду вырабатываются административныя правила на основаніи изученія быта того населенія, къ которому онѣ должны быть приложены, и эта „натуральная“, но не естественная и не раціональная, повинность будетъ измѣнена сообразно быту камчатскаго населенія, если только мѣстная администрація не станетъ ограничиваться выпусканіемъ многихъ номеровъ, полагая въ этомъ лишь свою миссію пребыванія на полуостровѣ. Упомянувъ о каюрствѣ, о его тяжести, мнѣ припоминается случай, который можно привести здѣсь. По возвращеніи изъ поѣздки по округу, въ 1894 году, я, разсказывая о полученныхъ мною путевыхъ впечатлѣніяхъ бывшему начальнику округа, между прочимъ, упомянулъ о встрѣчающихся въ берегахъ р. Тигиля окаменѣлыхъ деревьяхъ. Ничего новаго, никакого открытія въ этомъ не было, такъ какъ еще Эрманъ (въ 29 году) собралъ научныя данныя объ этихъ находкахъ, тѣмъ не менѣе это сообщеніе послужило поводомъ къ составленію „полетучей“ о доставленіи въ Петропавловскъ окаменѣлостей. Понятно само собою, что коллекціи, какія бы то ни было, собранныя такимъ образомъ, очень мало и даже вовсе не имѣютъ научнаго значенія, тогда какъ доставка—собранныхъ предметовъ и самой полетучей — одинаково тяжела для инородца, какъ и какой-нибудь болѣе дѣльной бумаги. Тонкій и наблюдательный умъ названнаго выше ученаго, пробывшаго въ Камчаткѣ только два мѣсяца и трудъ котораго о Камчаткѣ, благодаря полной

объективности и научности изложенія, является, какъ мнѣ кажется, въ настоящее время лучшимъ изъ всѣхъ, имѣющихся объ этой странѣ,—подмѣтилъ много промаховъ мѣстной администраціи; на тѣ же указываетъ и Дитмаръ.

Нельзя не сказать, что все подмѣченное названными учеными, къ сожалѣнію, продолжаетъ существовать и по настоящее время, и было бы желательно, чтобы описанія Эрмана и Дитмара пользовались со стороны мѣстныхъ управителей бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ то было до сего времени.

Die Camtschadalen durch Generationen schlecht und rücktsichlos von den Beamten behandelt, sind jetzt ein sehr eingeschüchtertes Völkchen, voller Misstrauen und Vorsicht gegen jeden Russen—говоритъ справедливо Дитмаръ на стр. 361, и далѣе на стр. 619: Die zu sehr unter der Vorsorge der hier regierenden Gewalten befindlich gewesenen Oertlichkeiten sind alle verarmt und haben oft eine verkommene und kranke Bevölkerung, während die übersehenen und vergessenen Orte in Blüthe stehen.

Въ настоящихъ бѣглыхъ путевыхъ замѣткахъ, касающихся общаго описанія Камчатки, я вовсе не намѣренъ разбирать вопросы административнаго устройства страны и экономическаго положенія инородцевъ, такъ какъ такой разборъ составилъ бы самъ по себѣ обширную статью спеціальнаго изслѣдованія.

Весь день пребыванія въ Бѣлоголовой былъ много употребленъ на записываніе трудныхъ для произношенія камчадальскихъ словъ.

Немногія свѣдѣнія, полученныя отъ жителей, касались хода рыбы, ихъ я и привожу здѣсь.

Самой первой поднимается по Бѣлоголовской рѣкѣ небольшая рыбка съ жесткой чешуей, величиною съ „гольчика“ [1]), т.-е. приблизительно, въ 3—4· дюйма.

---

[1]) Гольчиками называется по Камчаткѣ рыбья молодь вообще, а не только рода *Salvelinus*

Рыбка эта называется камчадалами ха́ачь, по-русски тѣ же камчадалы называютъ ее „ко́рюха“. Дитмаръ говоритъ о „каюркѣ“, какъ о первой рыбѣ входящей въ эту рѣку вмѣстѣ съ чавычей, но рыбка, о которой идетъ рѣчь, вовсе не каюрка, которую здѣсь также знаютъ, но о которой говорятъ, что она вовсе не заходитъ въ ихъ рѣку. Мнѣ часто приходилось слышать о каюркѣ, но ни разу не удавалось ее видѣть, поэтому вопросъ о томъ, что за рыба каюрка, оставляю нерѣшеннымъ. Что же касается до ха́ачь, которую я видѣлъ по нижнему теченію Камчатки, то это—*Gasterosteus*, массою входящій въ названную рѣку и извѣстный у камчатскихъ русскихъ подъ именемъ ха́хельчи (можетъ быть, испорченное камчадальское слово ха́ачь), и можно предполагать, что „корюха“ есть невѣрно дошедшее названіе „ко́люхи“ или „колюшки“. Ха́ачь входитъ вмѣстѣ съ чавычей въ рѣку, но у селенія держится не болѣе двухъ-трехъ ночей, послѣ чего сплываетъ обратно въ море. Ловится „корюха“ (ха́ачь или ка́ачь) мелкой цилиндрической сѣткой, натянутой на обручи, и называемый чиручемъ. Сѣтка эта ставится вблизи берега, при чемъ дѣлается небольшая плотина изъ тонкихъ прутьевъ и небольшія аты́ры, чтобы рыба не проходила стороною. Что такое атыры было сказано при описаніи рыбнаго запора. Такого рода запоръ съ чиручемъ называется „березнико́мъ“, а по-камчадальски ильх-у́нк. Общеизвѣстное на полуостровѣ названіе „березникъ“ неправильно, такъ какъ происходитъ отъ слова „берегъ“, т.-е. прибрежный, или „бережникъ“. О замѣнѣ въ говорѣ ж—з и обратно было сообщено ранѣе.

Наибольшая изъ камчатскихъ рыбъ—чавыча (*S. orientalis* или *Oncorhynchus chawycha*) входитъ въ рѣку приблизительно къ 20-му мая, къ этому же времени подходитъ „густо“ и каачь; ранѣе сказаннаго срока чавыча, правда, идетъ, но въ очень небольшомъ количествѣ. До 9-й мая видѣть чавычу въ рѣкѣ никому не приходилось. Рѣка вскрывается между 5 и 9 мая, и срокъ вскрытія рѣки можно считать началомъ

хода чавычи въ рѣку, который продолжается, постоянно ослабѣвая, до августа; при этомъ жители обращаютъ вниманіе на то обстоятельство, что чавыча, идущая въ лѣтніе мѣсяцы т.-е. въ іюлѣ и въ августѣ—„худая", т.-е. не жирная („совсѣмъ покраснѣетъ"). Промышляется чавыча такъ назыв. „черезовыми запорами", т. е. чрезъ всю рѣку. Число ловушекъ (мордъ) въ запорѣ достигаетъ двѣнадцати и зависитъ, съ одной стороны, отъ ширины рѣки, а съ другой,—отъ имѣющихся въ селеніи рабочихъ рукъ. Вслѣдъ за чавычей идетъ хайко *(Oncorh. kaico)*; въ наибольшемъ количествѣ („густо") идетъ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Хайко, идущій вмѣстѣ съ чавычей (ранній), бываетъ жирный, а потомъ сухой. Эта рыба идетъ до августа. Горбуша входитъ въ рѣку еще позднѣе хайка, начиная съ августа. Послѣдняя рыба (горбуша) бываетъ не каждый годъ. Случается, что она совсѣмъ не заходитъ въ рѣку, или, вѣрнѣе, заходитъ въ очень маломъ количествѣ. Кижучъ идетъ вмѣстѣ съ горбушей и обыкновенно, въ количествѣ недостаточномъ, чтобы заготовить на зиму, но иной годъ бываетъ, что кижучъ входитъ въ изобиліи. Въ августѣ же мѣсяцѣ за кижучемъ идетъ—голецъ. Гольцовъ бываетъ обыкновенно мало, такъ что ихъ нельзя запасти въ достаточномъ количествѣ. Въ рѣкѣ изъ рыбъ живетъ постоянно микйжа, но очень не много; кунжа поднимается по рѣкѣ съ августа мѣсяца. Семга изрѣдка попадаетъ съ сентября. Вотъ все, что мнѣ было сообщено о ходѣ рыбы. Нерпы жителями промышляются по лайдамъ (отмелямъ) на устьѣ рѣки сѣтками и ружьемъ, Звѣря бываетъ всегда много, но такъ какъ сѣтокъ въ селеніи мало, то и звѣря добывается мало.

Всѣхъ домовъ, маленькихъ и неприглядныхъ лачугъ, въ селеніи только пять и шестая земляная юрта. Бѣдность построекъ достаточно можетъ оправдываться тѣмъ обстоятельствомъ, что строевой (тополовый) лѣсъ приходится возить на собакахъ или сплавлять по рѣкѣ верстъ за семьдесятъ отъ острожка.

До устья рѣки считается прямою дорогою верстъ сорокъ, а рѣкою пятьдесятъ.

Подобно тому безотрадному впечатлѣнію, какое производитъ уже издали видъ этого острожка, безотрадна и убога внутренняя обстановка каждаго хозяйства.

И здѣсь, какъ и въ Морошечномъ, Сопочномъ и др., жители питаются, сидя на полу вокругъ постилаемой какой-нибудь грязной шкуры, почернѣвшей отъ времени и на которую бросается завтракъ—юкола; шкура замѣняетъ собою доску—столъ по другимъ острожкамъ. Семья усаживается, какъ попало, вокругъ этого импровизированнаго стола и съ ножомъ въ рукахъ принимается за ѣду. Этимъ ножомъ юкола немного оскабливается съ наружной и внутренней сторонъ, причемъ кожа не снимается, или только очень рѣдко; и тогда поѣдается, можно сказать, въ сухомятку. Иной разъ подспорьемъ къ этому кушанью служатъ ломти рѣпы, которая бросается тутъ же на шкуру. Куски отрѣзываются у самыхъ губъ, и рѣдко раньше. Юкола предварительно нѣсколько мягчится, для чего ее бьютъ имѣющимися въ хозяйствѣ каменными пестами (спэ́) на плоскомъ камнѣ, называемомъ бо́льт'омъ. Этими пестами толкутся также толку́ши (ши́лкшилк), каши и т. д. въ выдолбленной изъ березоваго нароста чашкѣ полушаровой формы, называемой *к*ёпух. Камень, изъ котораго сдѣланы эти орудія, брался ранѣе, какъ говорятъ, на устьѣ рѣки. Онъ совершенно чернаго цвѣта, очень плотный и твердый съ раковистымъ изломомъ съ мелкими блестящими кристалликами; по виду—базальтъ, о нахожденіи котораго въ этой мѣстности говоритъ Дитмаръ на стр. 620 и 621.

Однообразіе дневного пребыванія въ острожкѣ было нарушено появленіемъ въ избѣ коряковъ, пришедшихъ сюда изъ зарѣчной юрты. Это были: старухи—Виттытъ, ея дочь—Лёкко съ двумя дѣтьми: мальчикомъ четырехъ лѣтъ Та́ппыһынэнъ и дѣвочкой одного года *И*ока́ваy. Костюмъ ихъ обычный корядкій: кухлянка на голое тѣло, кожаные штаны и торбасы,

вотъ и весь нарядъ! Дѣти одѣты въ описанные ранѣе хоньбы, изъ подъ клапановъ которыхъ виднѣется подложенный туда мохъ, высыпающійся при всякомъ движеніи дѣтей. На лбу у обѣихъ женщинъ имѣется сказанная татуировка въ видѣ пяти линій, расходящихся отъ переносья. Волосы женщинъ заплетены въ двѣ косы, на концахъ которыхъ у молодой—Лӧкко цвѣтныя бусы, также и у дѣвочки—*Иока́ваy*. Въ ушахъ у всѣхъ троихъ серьги изъ тѣхъ же бусъ (корольковъ); только у мальчика въ ушахъ нѣтъ ничего. Семья эта пришла, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, чтобы, такъ сказать, засвидѣтельствовать свое почтеніе за хозяина юрты, Ины́лэу, моего знакомаго, бывшаго теперь въ отсутствіи вмѣстѣ съ табуномъ, поручившаго имъ, въ случаѣ моего проѣзда черезъ селеніе, передать мнѣ лисью шкуру, какъ бы въ вознагражденіе за данные ему мною когда-то патроны. Онѣ такъ настаивали на томъ, что бы я не отказался и взялъ этотъ подарокъ, что пришлось согласиться и принять его. Чтобы въ свою очередь чѣмъ нибудь отплатить имъ за это, я далъ для передачи Ины́лэу полсотни винчестерныхъ патроновъ, старухѣ Виттытъ (его матери) и Лӧкко (его женѣ) по гребню, коробку иголокъ и нѣсколько листового табаку. Сверхъ всего далъ имъ лекарства, такъ какъ обѣ женщины оказались въ чесоткѣ; и въ заключеніи напоилъ ихъ чаемъ.

Нельзя передать того удовольствія, какое изобразилось на лицахъ моихъ гостей, много разъ повторявшихъ свое „пачи́ва", что должно означать—спасибо.

При наступавшихъ сумеркахъ гостьи отправились восвояси. Надо сказать, что коряки для жителей этого острожка, такъ и для другихъ,—весьма желанные сосѣди, такъ какъ отъ нихъ селянами пріобрѣтаются за бездѣлицу—теплая одежда, мясо и др. продукты оленеводства. Такъ, напр., сегодня возвратился отъ коряковъ сынъ старосты, Назаръ, привезшій и мяса, и постелей, т.-е. оленьихъ шкуръ.

Весь день, съ самаго утра, съ небольшими промежут-

ками, наносится южнымъ вѣтромъ снѣгъ. Къ вечеру стало замѣтно холоднѣе; снѣгъ пошелъ сухой. По рѣкѣ—шуга; на дняхъ ожидается рѣкоставъ. Вѣтеръ еще болѣе усилился, предположительно до 8 балловъ, и нѣсколько склонился къ востоку.

Замѣтивъ, какъ жителями перевертывается ведущая на балаганъ лѣстница—бревно съ вырубленными углубленіями вмѣсто ступенекъ, мнѣ припомнилось, что это дѣлается по всѣмъ острожкамъ въ предупрежденіе того, чтобы по „лѣстницѣ", несмотря на значительную, крутизну, не поднялись на балаганы собаки, похищающія юколу. Объ этомъ упоминаетъ также и Эрманъ.

Утромъ 6 ноября, погода нѣсколько лучше, хотя по вчерашнему проносятся тучи, разрѣшаясь мелкимъ и сухимъ снѣгомъ. По рѣкѣ идетъ почти сплошная шуга; жители ожидаютъ, что ночью рѣка встанетъ. Надѣясь на улучшеніе погоды, мы выѣхали въ Харьюзовское селеніе только въ 9 часовъ. Переѣздъ отъ Бѣлоголовскаго до названнаго селенія одинъ изъ самыхъ короткихъ по западному побережью Камчатки,—измѣряется 25—27 верстами.

Отъ домовъ селенія путь ведетъ прежде всего кочковатой тундрой, — долиной рѣки Бѣлоголовой, до упомянутаго выше увала, до котораго мы доѣхали только черезъ двадцать минутъ, почему разстояніе до него можно считать около 2-хъ верстъ.

По склону увала рѣзко выдѣлялись изъ снѣга темнозеленыя густыя заросли кедроваго сланца, а далѣе по горѣ чернѣлъ крупный березовый лѣсъ. Мы поднялись на увалъ небольшой падушкой, занятой мокрой тундрочкой, и по послѣдней вышли на мѣстность, если не гористую, то во всякомъ случаѣ, можно сказать, высоко-холмистую. Здѣсь еще раза два пришлось спуститься въ прорѣзывающія мѣстность падушки, также занятыя мокрыми тундрами, и подняться снова, послѣ чего вышли къ небольшой рѣчкѣ Па́ужвакрѣ, лѣвымъ

берегомъ которой слѣдовали нѣсколько времени, а затѣмъ перешли на ея правый берегъ. Эта рѣчка составляетъ правый притокъ Бѣлоголовой, и въ мѣстѣ переѣзда черезъ нее прижимается къ увалу, саженъ до четырехъ вышиною, въ обнаженіяхъ котораго видна какая то осадочная порода грязножелтоватаго и сѣраго цвѣта; этимъ уваломъ оканчивается находящаяся неподалеку гора. Па́ужвакрой мы шли до самыхъ ея вершинокъ, которыя также перешли въ падушкахъ, залегающихъ въ крупномъ березовомъ лѣсу.

Одной изъ такихъ падушекъ мы стали постепенно подниматься вверхъ.

Путь и тутъ лежалъ или самымъ лѣсомъ или лощиной между березниками. Наконецъ, мы достигли, видимо, водораздѣла между системами рр. Харьюзовской и Бѣлоголовской; послѣ чего стали спускаться, слѣдуя внизъ по теченію ручейка Ильчъ. На берегу его остановились ровно въ двѣнадцать часовъ,—пройдя только половину разстоянія до Харьюзовскаго селенія.

Въ 1 h. 20 m. р. пошли дальше, продолжая все еще слѣдовать ручейкомъ Ильч'емъ, замѣтно увеличивавшемся и становившемся уже небольшой рѣчкой, которая изливается еще въ бо́льшую Альчъ, впадающую въ рѣку Харьюзову, верстахъ въ пятнадцати ниже селенія. На Альчъ вышли въ 4 h. 45 m. р., спустившись до этого на обширную долину р. Харьюзовой, занятую мокрою тундрой, на которой можно замѣтить нѣсколько террасъ, соотвѣтствующихъ очевидно различнымъ уровнямъ древней рѣки. Альчъ представляетъ собою рѣчку до двухъ саженъ шириною съ берегами, поросшими высокимъ ивнякомъ. Такъ какъ эта рѣчка еще не встала, то ее пришлось переѣхать на батахъ, которые съ этою цѣлью имѣлись на ея берегахъ.

Спаромливаніе двухъ батовъ, постановка на паромъ нартъ, собакъ и т. д. отняли много лишняго времени; почему мы только въ 6 h. р. подъѣхали тундрою же къ лѣвому берегу

Харьюзовой, въ томъ мѣстѣ, гдѣ обѣ, образующія ее, рѣки— Плэ́ханъ и Ту́лэханъ — уже слились въ одну большую рѣку и гдѣ въ 1894 г. находилось прежнее Харьюзовское селеніе, перенесенное съ того времени вслѣдствіе ежегодно повторявшихся наводненій на ея правый берегъ. Здѣсь пришлось ожидать, когда изъ селенія пришли, наконецъ, вызванные съ нашей стороны выстрѣлами, люди на батахъ, чтобы перевести насъ въ селеніе, куда мы и прибыли въ 7 h. р.

ГЛАВА VIII.

Отъ сел. Харьюзоваго до Тигиля.

Относительно рѣки Харьюзовой и одноименнаго острожка у Крашенинникова помѣщены слѣдующія свѣдѣнія: „Отъ Петаая въ 50 верстахъ слѣдуетъ Морошечная, потомъ Бѣлоголовая и Тулаганъ, котора: отъ казаковъ Харьюзовою называется. Отъ Морошечной до Бѣлоголовой — 29, отъ Бѣлоголовой до Тулагана—26 верстъ.

По всѣмъ объявленнымъ рѣкамъ есть дорога на рѣку Камчатку, однако же по онымъ кромѣ дальней нужды не ѣздятъ. На рѣкѣ Тулаганѣ, которая прочихъ знатнѣе и больше, въ трехъ мѣстахъ острожки находятся: 1) Са́схалыкъ или Ки́вринъ верстахъ въ 30-ти отъ устья, 2) которому имени не показано, въ 26 верстахъ отъ перваго, а 3) Гунтынъ-Макайлонъ въ 26 верстахъ отъ второго. Сей острогъ по тойену Брюмкѣ называется и Брюмкинымъ“.

Трактъ въ долину р. Камчатки, о которомъ говоритъ Крашенинниковъ, велъ сперва вверхъ по теченію правой вершины р. Харьюзовой, или Тулэханъ, по-русски Тихо́й, далѣе, черезъ хребетъ въ вершину р. Крестовой (?), — слѣдуя внизъ по теченію которой, выходилъ на Камчатку.

Въ настоящее время трактъ этотъ совершенно оставленъ жителями, хотя еще Дитмаръ говоритъ о немъ, какъ объ одномъ изъ удобныхъ переваловъ въ Камчатку.

Въ 1853 году въ Харьюзовскомъ селенiи по Дитмару, было 19 домовъ, одна часовня, съ 143 жителями о. п., рогатаго скота 40 и лошадей 15 штукъ.

Въ проѣздъ осенью 1894 года черезъ это селенiе, мною было записано со словъ жителей 23 дома, одна часовня и 249 чел. жителей; кромѣ того, еще семь домовъ находились на прежнемъ мѣстѣ, т.-е. на лѣвомъ берегу.

Въ 1896 г. на старомъ мѣстѣ жительства оставалось только два дома; всѣ остальные перенесены, какъ сказано, на правый возвышенный берегъ. Теперь (1896 г.) всѣхъ домовъ въ селенiи 30, одна часовня и жителей болѣе 250 ч. (по переписи 1897 г.—271 ч. о. п.); рогатаго скота, приблизительно, 40 головъ и лошадей 16. Мѣстоположенiе острожка очень живописно. Въ полуверстѣ разстоянiя отъ домовъ круто поднимается невысокiй хребетъ, до 1000′ высотою, покрытый отъ подножiя до видимыхъ вершинъ густымъ березовымъ лѣсомъ. Во многихъ мѣстахъ, невдалекѣ отъ селенiя, видны скалистыя обнаженiя, особенно многочисленныя въ томъ мѣстѣ, гдѣ скрывается изъ вида Ту́лэханъ, прижавшiйся къ самымъ утесамъ. Названный хребетъ имѣетъ повидимому направленiе, приблизительно NS, являясь, вѣроятно, параллельнымъ Срединному кряжу Камчатскаго хребта.

Въ южную сторону Харьюзовскiй хребетъ оканчивается, по словамъ жителей у рѣчки Иншулъ, впадающей въ Ту́лэханъ, верстахъ въ трехъ выше селенiя. На западѣ хребетъ переходитъ въ равнину у рѣчки Лухль, впадающей въ р. Харьюзовскую ниже селенiя, вблизи ея устья.

Названное селенiе одно изъ самыхъ многолюдныхъ на всемъ полуостровѣ.

Причину бо́льшей населенности и сравнительно бо́льшей

обезпеченности въ матеріальномъ отношеніи его жителей противъ другихъ острожковъ Дитмаръ объясняетъ тѣмъ, что hier waren nähmlich niemals gewaltsame Versetzungen der Bevölkerung vorgekommen, und die Leute lebten seit der ältesten Zeit an dem Ort ihrer eigenen praktischen Wahl.— Sie waren zu ihrem Glück von den Regierenden übersehen, ja vielleicht vergessen worden.— Вслѣдствіе сказаннаго многолюдства, оно, подобно Облуковинскому, является торговымъ пунктомъ по западному побережью Камчатки, и поэтому здѣсь живетъ одинъ при ащикъ изъ мѣстныхъ камчадаловъ, ведущій свои торговыя записи при помощи только одних черточекъ, такъ какъ онъ неграмотенъ. Нечего говорить, что и здѣсь дома разбросаны безъ всякаго опредѣленнаго заранѣе плана. Благодаря обилію лѣса по рѣкамъ, главнымъ образомъ, тополоваго и ветловаго, изъ котораго возводятся постройки и который добывается верстахъ въ 40 отъ селенія, въ верховьяхъ Плэханъ и Тулэханъ, все селеніе, въ общемъ, производитъ благопріятное впечатлѣніе.

Вокругъ нѣсколькихъ домиковъ имѣются даже ограды, такъ напр., вокругъ дома старосты Трапезникова.

Большинство оконъ затянуты здѣсь оленьими шкурами, замѣняющими собою стекла. Для того, чтобы получить возможность видѣть изъ избы, что совершается на дворѣ, — въ одномъ изъ оконъ продѣлывается нарочно небольшое отверстіе, въ которое вшивается маленькій обломокъ стекла. Жители-камчадалы и здѣсь, какъ всюду по Камчаткѣ, производятъ тяжелое впечатлѣніе своей крайней запуганностью, обидной для русскаго имени забитостью и крайней молчаливостью. Эта запуганность выражается даже въ томъ, что женщины и дѣти, видя незнакомое лицо какого-либо „русскаго“ или „начальника“ въѣзжающимъ въ селеніе, случайно находившіяся въ это время на дворѣ, стремительно бросаются по домамъ и тамъ, удовлетворяя своему любопытству, стараются посмотрѣть на васъ чрезъ свищевыя отверстія оконныхъ оленьихъ шкуръ.

Занятія жителей, обезпечивающія ихъ существованіе, какъ всюду по Камчаткѣ, составляютъ—рыболовство и звѣроловство.

Породы рыбъ и послѣдовательность ихъ захода въ рѣку тѣ же, что и въ предъидущемъ селеніи. Промыселъ рыбы ведется, главнымъ образомъ, при помощи тѣхъ же рыбныхъ запоровъ, которыми перегораживается въ удобномъ мѣстѣ рѣка. Число поставляемыхъ ловушекъ, или собственно запоровъ, колеблется отъ 50 до 100, смотря по ходу рыбы. Что касается до соболинаго промысла, то онъ ведется точно такимъ же способомъ, какъ то было показано при описаніи Облуковинскаго селенія, т.-е. раздѣляется на осенній и зимній. Изъ домовъ выѣзжаютъ въ намѣченныя мѣста обыкновенно съ 1 октября, чтобы по прибытіи на мѣсто заблаговременно дать отдыхъ лошадямъ; собственно промыселъ начинается съ 15 октября, и о началѣ его даютъ знать имѣющимъ пребываніе въ ихъ районѣ кочевникамъ.

Выѣзжаютъ чаще всего, составляя партіи или группы человѣка по два, по три и болѣе, и рѣдко по одиночкѣ. Замѣтивъ свѣжій слѣдъ (см. о переногѣ), отпускаютъ звѣровую собаку, и ѣдутъ по слѣду („гонятъ слѣдъ“) до тѣхъ поръ, пока собака, найдя соболя, не выпугнетъ его, чему стукомъ и всякимъ шумомъ содѣйствуютъ и сами промышленники.

Соболь, выпугнутый изъ своего убѣжища, обыкновенно, выбѣгая, вскакиваетъ на первую лѣсину, о чемъ собака даетъ знать промышленникамъ особеннымъ лаемъ, легко отличимымъ отъ лая на медвѣдя или на другого звѣря. Тогда промышленникъ, въ случаѣ, если онъ отсталъ на лошади отъ собаки, подъѣзжаетъ и убиваетъ соболя дробью или пулей.

Если еще позволяетъ время, то закрѣпивъ добычу къ сѣдлу, продолжаютъ охоту на другого соболя и т. д., послѣ чего возвращаются на станъ, и здѣсь снимаютъ шкурки съ

добытыхъ звѣрковъ („выпластываютъ"). Случается иной разъ, что собака ловитъ соболя на бѣгу.

Осенній промыселъ продолжается здѣсь приблизительно до 30 октября, т.-е. до того времени, пока еще снѣгъ не настолько глубокъ, чтобы невозможно было ѣздить верхомъ. Съ выпаденіемъ глубокаго снѣга начинается зимній промыселъ „на собакахъ". Оставивши „ѣзжалыхъ", т.-е. упряжныхъ, собакъ на стану, берутъ съ собою звѣровую собаку, соболиную сѣтку, топоръ и ружье и отправляются также по слѣду на охоту. Главное искусство зимняго промысла состоитъ въ томъ, чтобы хорошо („съ расчетомъ") поставить соболиную сѣтку, т.-е. такъ, чтобы соболь не могъ уйти изъ убѣжища, миновавъ сѣтку. За зиму 1893—1894 г. со словъ жителей, въ Харьюзовскомъ селеніи было добыто 50 соболей, а въ зиму 1892—1893 г. даже 100, считая промышленниковъ среднимъ числомъ въ 50 человѣкъ.

Принимая среднюю цѣну (даже выше) соболя для того времени (до 1896—1897) въ 15 р., имѣемъ даже въ обильный пушниною 1892—1893 годъ только 30 рублей на семью, и тѣ на товаръ по камчатскимъ цѣнамъ! Мнѣ кажется, что рядъ голыхъ, но точныхъ чиселъ, касающихся количества упромышленнаго звѣря и суммы полученной отъ продажи этой пушнины мѣстнымъ торговцамъ, а также — числа лицъ, на которое пришлось раздѣлить полученную сумму, гораздо нагляднѣе и краснорѣчивѣе можетъ показать, что въ крайней бѣдности и въ ежегодныхъ голодовкахъ чайной и табачной, не говоря о мучной, виноваты не инородцы, какъ то краснорѣчиво, но не обоснованно, доказывается рапортами разныхъ чиновъ der hiesigen Behörde.

Не малымъ подспорьемъ къ обезпеченію труднаго существованія жителямъ служитъ такъ называемый морской промыселъ, т.-е. промыселъ, главнымъ образомъ, нерпъ, ложащихся по лайдамъ въ общемъ устьѣ рѣкъ Харьюзовой и Бѣлоголовой.

Этотъ промыселъ такъ важенъ и такъ постояненъ, что у харьюзовцевъ на правомъ берегу устья рѣки имѣется нѣсколько балагановъ съ юртою, такъ называемое лѣтовье, называемое „Чклинъ“.

Прежде чѣмъ оставить Харьюзовское селеніе, я позволю себѣ привести замѣчаніе Дитмара, касающееся р. Харьюзовой, стр. 620: Im Geröll des Flusses fand sich im Ganzen nur sehr spärlich poröses, vulkanisches Gestein, und dieses stammte wohl aus dem oberen Laufe der Chariusowa (vielleicht von Tepana), nach den sehr abgerundeten und abgeschliffenen Bruchstücken zu urtheilen. Am meisten lagen hier Trümmer von Kieseln, kieselreichen, feldspathhaltigen Gesteinen, derben, dunklen Schiefern und Basalten.

7-го ноября было ясное и теплое утро, хотя снѣгъ нисколько не таялъ; поэтому мы выѣхали изъ селенія только въ 9 h. 20 m. a., надѣясь въ тотъ же день доѣхать до Коврана, такъ какъ разстояніе между названными селеніями опредѣлялось только въ 37 верстъ. Выѣхавши за дома селенія, въ теченіи нѣсколькихъ минутъ мы держались NW направленія, огибая выдавшійся въ эту сторону лѣсистый мысъ упомянутаго выше хребта, у подножія котораго, какъ сказано, расположено селеніе. Мѣсто — кочковатое, поросшее березовымъ кустарникомъ: вѣроятно, стоявшій здѣсь ранѣе крупный березовый лѣсъ былъ вырубленъ жителями на дрова.

Подъѣзжая къ окончанію мыса, отъ котораго путь мѣняетъ первоначальное направленіе, ведя почти прямо на N, можно видѣть въ 248^0 SW названную выше гору *К*отхонъ, находящуюся вблизи Бѣлоголовскаго острожка. Обогнувъ мысъ, мы поѣхали на сѣверъ, имѣя по правую, или по восточную, сторону постепенно понижающійся Харьюзовскій хребетъ, тянущійся параллельно нашему пути въ разстояніи отъ послѣдняго отъ нѣсколькихъ десятковъ саженъ до одной версты.

Здѣсь мѣстность бугристая, мѣстами кочковатая, также поросшая курстарникомъ. Слѣдуя ею, въ 9 h. 55 m. а., мы спустились подъ крутой, но невысокій увалъ, подъ которымъ протекаетъ рѣчка Нóнэмчанъ.

Черезъ четверть часа спустились подъ другой болѣе пологій увалъ, и внизу его переѣхали еще небольшую рѣчку Кы́хыншáэнъ, берега которой поросли невысокимъ кустарникомъ ивняка (тальника) и деревцами ольхи (*Alnus viridis*).

Переѣхавши послѣднюю рѣчку, впадающую вмѣстѣ съ первой въ Харьюзовскую ниже селенія, мы поднялись на противоположный увалъ съ густыми зарослями кедровника, покрытаго по склонамъ и на верху березовымъ лѣсомъ, шиповникомъ, жимолостью и многочисленными стеблями какого то зонтичнаго, до 70 и болѣе сантиметровъ вышиною, называемаго по-камчадальски *кóбомъ*.

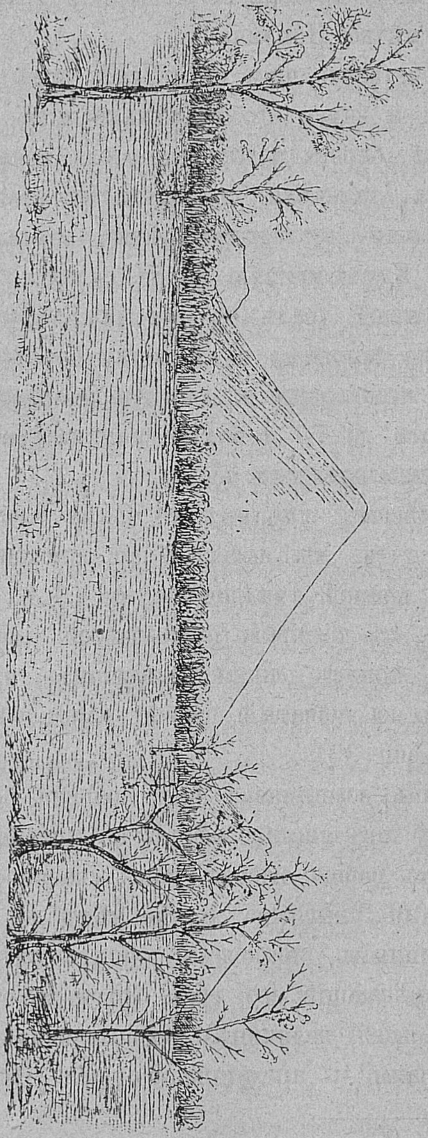
Этимъ лѣсомъ, идущимъ не болѣе какъ на одну версту по нашему пути, мы выѣхали по котловинѣ, пересѣкаемой по срединѣ мокрой тундрочкой, въ 10 h. 20 m. а., на чистое мѣсто, съ котораго открывается прелестный видъ на правильный конусъ сопки Эльвэликъ, приблизительно на 10^0 NNO, и на зубчатый гребень горы, нѣсколько восточнѣе Эльвэлика (фиг. 32).

Послѣдній, возвышаясь надъ полосой березника, по правую сторону того чистаго мѣста, по которому мы проѣзжали, представляетъ собою отсюда, какъ сказано, правильный конусъ до 2500′ [1]) высотою. Болѣе чѣмъ до половины онъ покрытъ сплошнымъ покровомъ чистаго снѣгу. Только ниже виднѣется одѣвающій его лѣсъ. Видъ на эту гору, изолированно (по своей величинѣ) возвышающуюся надъ окрестными тундрами и представляющуюся изъ Коврана, точно

[1]) Сопка Эльвеликъ, или Элюэликъ, имѣетъ высоту всего 727′ по моему непосредственному измѣренію и производитъ впечатлѣніе значительно болѣе высокой, благодаря своему изолированному положенію.

К. Б.

также какъ и отъ Харьюзовой почти совершенно правильнымъ конусомъ со склонами въ 26^0 и 27^0, настолько



Фиг. 32. Видъ на Эльвэликъ съ рч. Ќыхкишаэнъ (NO 10° O). Справа за лѣсомъ виденъ зубчатый гребень хребта Иррунгэй.

сильное впечатлѣніе произвелъ на Дитмара, что онъ счелъ нужнымъ сказать нѣсколько болѣе словъ объ этой горѣ при-

ведшей его въ очарованіе. Такъ, на стр. 617 „Reise und Aufenthalt in Kamtschatka“ говорится: „aus dem Rande eines dieser Thäler... erhebt sich ein ganz ausserordentlich schöner, kolossaler Kegelberg, ein prachtvolles Bild... Dieser nackte, schlanke und schneelose Spitzkegel erhebt sich über die zahlreichen bewaldeten Kegelberge und alle übrigen Erhebungen des ganzen Gebirgstockes, so wie über die Vegetationsgrenze. Es ist der Elleuleken, der nach Gestalt und Höhe auffalend an den Millischauer des Böhmischen Mittelgebirges erinnert. Wie dieser trägt er auch den Charakter echt basaltischer Erhebungen... Die entschieden basaltische Gestalt des schönen Kegelberges...“

Въ настоящее время я не считаю себя достаточно компетентнымъ для того, чтобы издали уже только по виду судить съ такою увѣренностью о строеніи этой горы, полагая, что только образцы, выколотые непосредственно отъ обнаженій, могутъ категорически свидѣтельствовать о строеніи, и поэтому ограничусь лишь слѣдующимъ [1]. Какъ выше сказано, Эльвэликъ имѣетъ видъ конуса со склонами въ 26° и въ 27° только отъ Коврана и отъ Харьюзовой, но съ половины пути между названными селеніями правильный конусообразный видъ его совершенно измѣняется.

Съ мѣста, откуда онъ виденъ приблизительно на NO 70° 0, Эльвэликъ, представляется скорѣе неправильно очерченнымъ полукругомъ. Имѣя въ виду, что съ половины Эльвеликъ кажется наиболѣе широкимъ, можно съ нѣкоторою вѣроятностью допустить, что онъ имѣетъ длинную ось на S 160° O, и, въ дѣйствительности, есть не конусъ, а скорѣе шатеръ или кровля съ притупленными углами.

Изъ сказаннаго становится достаточно очевиднымъ, насколько должно быть осторожнымъ со своими заключеніями

---

[1]) Сопка сложена изъ кислыхъ породъ, близкихъ къ трахиту, даже липариту. *К. Б.*

не только о строеніи, но даже и о формѣ данной горы, хребта или сопки-вулкана.

Въ лѣтнее время, кромѣ того, уже издали невооруженнымъ глазомъ видно, что кустарниковая растительность доходитъ до вершины этой сопки, что подтверждается словами одного кочевника-ламута, Гаврилы, съ которымъ мнѣ пришлось однажды проѣзжать по этой мѣстности и который былъ на ея вершинѣ,—что тамъ встрѣчается кедровый сланецъ, но очень мало, и выступаетъ на поверхность какой то камень—большими плитами.

Считаю не лишеннымъ нѣкоторой доли интереса сказать, что на вершинѣ Эльвэлика [1]) во время оно спасались жители отъ потопа: такое повѣріе сохранилось среди мѣстныхъ жителей-камчадаловъ. Спрашивая ихъ, откуда они могли знать о какомъ то потопѣ, когда теперь нѣтъ никакихъ очевидныхъ слѣдовъ потопа, мнѣ говорили жители, что нѣкоторыми изъ нихъ былъ виденъ на вершинѣ, о которой идетъ рѣчь, плотъ или, вѣрнѣе, остатки нѣкогда бывшаго плота изъ лиственичныхъ бревенъ. Насколько это справедливо, я не берусь рѣшать, но долженъ сказать, что повѣріе (преданіе) о бывшемъ потопѣ и о нахожденіи лиственичныхъ плотовъ — существуетъ почти повсемѣстно на Камчаткѣ, а какъ на мѣста нахожденія этихъ плотовъ указывается, кромѣ Эльвэлика, на Харчинскій хребетъ (Тимàска) и не называемый точнѣе— хр. Козыревскій.

Къ сожалѣнію мнѣ лично не удалось побывать ни на одномъ изъ указываемыхъ мѣстъ, чтобы убѣдиться воочію въ нахожденіи спасительныхъ плотовъ. И тѣмъ не менѣе, допуская наибольшую длительность сохраненія лиственицы (на открытомъ мѣстѣ) приблизительно въ 200 лѣтъ,—время, къ которому могло бы относиться преданіе о бывшемъ потопѣ,— опредѣлится началомъ прошлаго столѣтія.

---

[1]) „Эльвэликъ“ или „Эльвалэкъ“—значитъ по-камчадальски—ухо.

Это допущеніе становится до нѣкоторой степени вѣроятнымъ, такъ какъ къ этому же времени, а именно къ 1737 году, относится и необыкновенное наводненіе, о которомъ передаетъ Крашенинниковъ на стр. 171 ч. II въ слѣдующихъ словахъ:

„Октября 6 числа помянутаго 1737 году по полуночи въ третьемъ часу началось трясеніе, и съ четверть часа продолжалось волнами такъ сильно, что многія камчатскія юрты обвалились и балаганы попадали. Между тѣмъ учинился на морѣ ужасный шумъ и волненіе, и вдругъ взлилось на берега воды въ вышину сажени на три, которая ни мало не стоявъ, сбѣжала въ море и удалилась отъ береговъ на знатное разстояніе. Потомъ вторично земля всколебалась, воды прибыло противъ прежняго, но при отлитіи столь далеко она сбѣжала, что моря видѣть невозможно было. Въ то время усмотрѣли въ проливѣ на днѣ морскомъ между первымъ и вторымъ Курильскимъ островомъ каменныя горы, которыя до того никогда не виданы, хотя трясеніе и наводненіе случалось и прежде. Съ четверть часа послѣ того спустя, послѣдовали валы ужаснаго и несравненнаго трясенія, а притомъ взлилось воды на берегъ въ вышину саженъ на тридцать, которая по прежнему ни мало не стоявъ сбѣжала въ море, и скоро стала въ берегахъ своихъ, колыбаясь чрезъ долгое время, иногда берега понимая, иногда убѣгая въ море. Предъ каждымъ трясеніемъ слышенъ былъ подъ землею страшный шумъ и стенаніе. Отъ сего наводненія тамошніе жители совсѣмъ раззорились, а многіе бѣдственно скончали животъ свой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—луга—холмами, и поля морскими заливами сдѣлались“.

Давая здѣсь мѣсто также и тому сообщенію нѣкоторыхъ изъ жителей, что плоты эти только заготовлялись на случай могущаго повториться потопа, можно думать, что вполнѣ вѣроятно нахожденіе остатковъ плотовъ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія не довѣрять простымъ разсказамъ инород-

цевъ изъ совершенно различныхъ мѣстностей или обвинять ихъ въ вымыслѣ подобной сказки [1]).

Въ 10 h. 35 m. a. мы переѣхали рѣчушку Ама́нчь, протекающую по срединѣ вышеназванной тундры, съ которой открывался видъ на Эльвэликъ.

По тундрамъ западнаго побережья Камчатки, по словамъ проводниковъ, водится родъ полевой мыши нѣсколько бо́льшей величины, чѣмъ упомянутый ранѣе рыжій лэлькочъ, такъ называемый чэ́нканкачъ, отличный отъ перваго еще и тѣмъ, что имѣетъ очень короткій хвостъ: „безъ малаго-што—безхвостый". Я совершенно забылъ упомянуть при описаніи пути отъ Бѣлоголовскаго въ Харьюзовскій острожекъ о томъ, что на ближайшей къ послѣднему половинѣ, среди березника очень часто встрѣчались невысокія деревца черемухи, извѣстной у жителей подъ камчадальскимъ названіемъ „кэ́льмэнъ". Встрѣча здѣсь черемухи заслуживаетъ упоминанія потому, что это дерево не пользуется на полуостровѣ широкимъ распространеніемъ, за исключеніемъ долины рѣки Камчатки. По западному берегу я встрѣчалъ ее, кромѣ названной мѣстности, еще только по р. Тигилю, а по восточному, помимо Камчатки, только по р. Авачѣ. Но ни въ одномъ изъ названныхъ районовъ это деревцо не достигаетъ той величины и толщины, какъ по р. Камчаткѣ.

Въ 11 h. 7 m. a. мы спустились, проѣхавши раздѣляющую рѣчки гряду березника, въ узкую долину рѣчки Кы́лайянъ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣчка прижимается къ высокому правобереговому увалу. По берегамъ Кылайянъ растетъ невысокій тальникъ.

Въ названномъ увалѣ мѣстами видны обнаженія слагающей его породы, закрытыя въ большей части снѣгомъ.

Переѣхавъ рѣчку по мосту изъ деревцовъ, тутъ же нарубленныхъ, на правый берегъ, мы остановились въ 11 h. 12 m. a., чтобы дать отдыхъ утомленнымъ собакамъ.

---

[1]) Никакихъ остатковъ плотовъ на вершинѣ сопки нѣтъ. *К. Б.*

Въ мѣстѣ нашей остановки увалъ имѣетъ направленіе, приблизительно, съ SO на NW, каковому соотвѣтствуетъ и теченіе рѣчки, вышиною въ мѣстѣ наибольшаго обнаженія— осыпи до 20 саженъ. Подниматься здѣсь на осыпь — чрезвычайно трудно, такъ какъ крутизна склона ея достигаетъ 70^0.

Взобравшись наверхъ стороною, можно было подойти къ верхней части обнаженія; при этомъ можно было видѣть, что увалъ состоитъ изъ сцементированныхъ мелкозернистыхъ песковъ сѣраго цвѣта. Очень ясно замѣтна слоистость.

Слои идутъ почти совершенно горизонтально. Всматриваясь ближе, можно было видѣть, какъ влага, проникшая въ породу въ теплое время года, теперь, при замерзаніи, расширяясь, такъ сказать, расщепляла породу множествомъ чрезвычайно тонкихъ трещинъ, медленно разрыхляя.

Всѣ куски, которые удалось здѣсь отбить, были настолько некрѣпки, что свободно разламывались руками, будучи до $1''$ толщиною. Повидимому все обнаженіе содержитъ массу двухстворчатыхъ раковинъ различной величины. Положеніе раковинъ крайне различно, и, мнѣ кажется, здѣсь нельзя говорить, что эти слои отлагались на днѣ какого-нибудь тихаго бассейна, какъ прудъ или озеро, какъ предполагаетъ Эрманъ относительно устьтигильскихъ отложеній только на основаніи положенія раковинъ. При расколѣ породы часто попадаются обломки, похожіе на *Modiola*. Одинъ изъ экземпляровъ раковинъ былъ найденъ раскрытымъ, и пространство между створками заполнено тѣмъ же пескомъ, который образуетъ и весь увалъ. Въ выбитыхъ кускахъ замѣтна иногда тонкая различной окраски полосатость, обусловленная проникновеніемъ въ породу желѣзныхъ окисловъ.

Крутизна обнаженія, мерзлота почвы, снѣгъ, закрывавшій отъ наблюденія дальнѣйшія обнаженія, не позволили выбить даже ни одного экземпляра, настолько хорошо сохранившагося, чтобы послѣдній могъ служить для выводовъ объ этихъ несчастныхъ отложеніяхъ.

Въ 12 h. 15 m. p. послѣ чаепитія отправились въ дальнѣйшій путь. У мѣста нашей остановки нами было встрѣчено многочисленное общество харьюзовскихъ камчадаловъ, отправившихся къ устью рѣки для промысла нерпъ.

По мѣрѣ того, какъ мы слѣдовали внизъ по теченію правымъ берегомъ названной рѣчки Кылайянъ, упомянутый увалъ становился все ниже и ниже, приблизительно до 5 саженъ; такой же высоты достигаетъ и видный отсюда лѣвобереговой увалъ. Долина, ограниченная этими увалами, представлявшими нѣкогда, безъ сомнѣнія, берега того же Кы́лайяна, занята мокрой тундрой, по которой то тамъ, то здѣсь попадаются рѣдкіе и низкіе кусты тальника. По уваламъ виднѣется кедровый сланецъ и березникъ.

Долина-тундра покрыта, главнымъ образомъ, однимъ видомъ какого-то растенія, колоски котораго всюду торчатъ изъ подъ снѣжнаго покрова. Многочисленные ключики, текущіе изъ-подъ правобереговаго увала къ рѣкѣ, пересѣкаютъ нашъ путь.

Въ 12 h. 22 m. p., т.-е. въ разстояніи отъ мѣста остановки на Кы́лайянѣ не болѣе какъ въ $1^1/_2$ — 2 верстахъ, увалъ, вблизи котораго шелъ нашъ путь, понижаясь болѣе и болѣе, сошелъ, какъ говорится, на нѣтъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ не широкая долина Кы́лайяна превратилась сразу въ широкую тундру, покрытую ранѣе упоминавшимися уже кучигурами, или по мѣстному, ма̀йюлэнъ.

Съ этого мѣста виднѣется вдали полоса прибрежнаго тальника рѣки Харьюзовой, а еще далѣе, за тальникомъ, ограничивая горизонтъ, гряда горъ, залегающая между Бѣлоголовскимъ и Харьюзовскимъ острожками.

Въ 12 h. 40 m. p. мы переѣхали, пересѣкающую тундру, рѣчку Ты́ж-айянъ, составляющую, какъ и всѣ упомянутые ключики—правый притокъ Харьюзовой; направленіе нашего пути съ мѣста остановки NW, съ небольшимъ отклоненіемъ

къ N-у, и поэтому теченіе Ты́жайяна, пересѣкшаго нашъ путь почти подъ 90^0, приблизительно—NO-SW.

Ровно черезъ часъ времени переѣхали вторую послѣ Ты́жайянъ, болѣе значительную, рѣчку Лухль. Берега ея поросли густымъ лѣсомъ тальника, который позволяетъ видѣть издали направленіе ея теченія и мѣсто впаденія въ Харьюзовскую рѣчку.

Вправо отъ пути теперь видны были значительныя обнаженія въ увалахъ, тянувшихся по правому же берегу Лухль. Я забылъ упомянуть, что съ самаго начала тундры, по окончаніи увала Кылайяна, открывается далекій видъ на островъ „Ачаванчь“. Разспросныя свѣдѣнія мѣстныхъ жителей относительно этого острова и другого „Сханчь“ — сводятся къ слѣдующему.

Первый и бо́льшій „Ачаванчь“ находится верстахъ въ 15 отъ устья Харьюзовской рѣки, сливающейся, какъ было ранѣе говорено, въ одно съ р. Бѣлоголовской.

Островъ этотъ имѣетъ приблизительно въ окружности полторы версты, и очень удобенъ для приставанія къ нему въ байдарѣ, благодаря мелкому песку, одѣвающему его съ моря.

Никакого лѣсу или кустарнику на немъ не растетъ, но зато имѣется въ большомъ количествѣ выкидной лѣсъ, какъ выносимый рѣками, такъ и съ моря. Во многихъ мѣстахъ Ачаванчь покрытъ высокой травой.

Кромѣ того, на немъ имѣются ключи съ прѣсной водою. Жители камчадалы ходятъ на него въ байдарѣ, принадлежащей Харьюзовскому обществу, и сдѣланной самими же харьюзовцами изъ лахтажьихъ шкуръ (крупный видъ нерпы). Отправляются на островъ для промысла нерпъ, имѣющихъ тамъ свои постоянныя лежбища, а также и для сбора яицъ чайки (*Larus cachinans*), во множествѣ несущейся на немъ. Что касается до второго, или Сханчь, то онъ значительно меньше Ачаванчь,—находится еще дальше въ морѣ и представляетъ собою голый камень, уходящій утесами подъ водную поверх-

ность, что не позволяетъ пристать къ нему даже въ незначительную зыбь, не говоря уже о штормѣ.

Прѣсной воды, а также и выкидного лѣсу тамъ нѣтъ вовсе. Поэтому, когда случается идти на него жителямъ, то они берутъ съ собою и дровъ, и воды съ Ачаванчь.

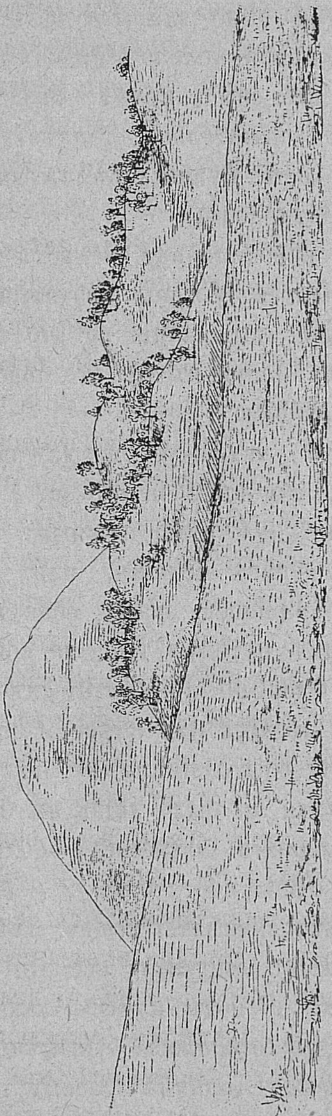
Бываетъ, разсказываютъ, что застигнутые на немъ непогодою, жители вынуждены бываютъ жить дня по три въ ожиданіи, когда утихнувшее море позволитъ имъ спустить байдару на воду и отправиться на материковый берегъ. На Сханчь ходятъ исключительно только для сбора яицъ ары, такъ какъ нерпы и лахтаки тамъ вовсе не ложатся (по причинѣ неимѣнія пастбищныхъ мѣстъ).

Послѣ 20-ти минутной остановки въ тальникахъ рѣчки Лухль, поѣхали и далѣе, и въ 2 h. 45 m. p. добрались до маленькой рѣчки Лы́лужичь, протекающей, мѣстами скрытно, по мокрой тундрѣ. У этой рѣчки считается половина разстоянія между острожками Харьюзовскимъ и Ковраномъ.

По тундрѣ, со словъ проводника, по веснамъ кладутъ яйца гуси.

Переѣхавъ рѣчку Лухль, вблизи ея послѣдняго къ устью увала, мы вышли снова на тундру — долину р. Харьюзовой, гдѣ и измѣнили вскорѣ направленіе NW-ое на NO-ое. Долгое время (слѣдуя тундрой) виднѣется на горизонтѣ между мысомъ Тхэ́**нг**энъ (Бѣлоголовскій), съ лѣвой, и низкимъ мысомъ, поросшимъ березовымъ лѣсомъ (Харьюзовскій), съ правой сторонъ, островъ Ачаванчь. Отъ рѣчки Лы́лужичь, Эльвэликъ не кажется болѣе конусомъ, а какъ говорилось,—неправильно, очерченнымъ полукругомъ, виднѣясь на NO 70° O. (фиг. 33). Въ 3 h. 5 m. p. переѣхали вершинку также праваго притока р. Харьюзовой,—маленькой рѣчушки тутъ же скрывающейся подъ почвой, *К*ы́нхшлэ́нъ. Съ долины Харьюзовской мы поднялись на ея правобереговой увалъ, занятый какъ и сама долина,—мокрою тундрой, дающею начало нѣсколькимъ вершинкамъ р. Кы́нхшлэнъ.

Слѣдуя одной изъ этихъ вершинокъ, въ 3 h. 45 m. p. мы должны были уже остановиться на ночь у подножія на-



Фиг. 33. Видъ съ тундры отъ рч. Лылужичъ на сопку Эльвэликъ. Направо лѣсистые холмы.

званной холмистой гряды, среди зарослей кедровника и негустого березоваго лѣса, одѣвающаго холмы, такъ какъ со-

баки по причинѣ плохого пути по малоснѣжью совершенно выбились изъ силъ.

Утромъ, на другой день, 8-го ноября, проснувшись, мы увидѣли, что все небо было закрыто безъ малѣйшаго просвѣта однообразной сѣрой пеленой низкихъ облаковъ, сѣявшихъ на землю мелкій снѣгъ крупу. Вмѣстѣ съ этимъ уже рано утромъ стало значительно теплѣе, чѣмъ наканунѣ; тепло до того, что днемъ нужно было ожидать дождь, если бы снѣгъ продолжалъ идти долѣе.

Предположеніе проводниковъ, что вотъ вотъ снѣгъ перестанетъ, не оправдалось. Снѣгъ продолжалъ идти мелкій, превращаясь по мѣрѣ выжиданія во что то среднее между снѣгомъ и дождемъ, именно въ то, что повсюду на Камчаткѣ принято называть „сля́чею".

Потерявъ всякую надежду на улучшеніе погоды, не смотря на „слячу", мы въ 8 h. 35 m. a. отправились въ путь „искать Ковранъ". Считаю нужнымъ сказать здѣсь, что начиная съ Морошечнаго селенія, или, по времени, съ 1-го ноября, мнѣ пришлось ѣхать, если не зимнимъ, то и не совсѣмъ „осеннимъ путемъ, т.-е. не совсѣмъ „по голу́"; такъ земля сперва была не прикрыта снѣгомъ только койгдѣ, потомъ такихъ голыхъ отъ снѣгу мѣстъ совсѣмъ не попадалось, хотя слой снѣгу нигдѣ не былъ до сихъ поръ глубже одного фута, и то было лишь въ березникахъ, куда снѣгъ сносился бывшими вѣтрами, — большею же частью снѣжный покровъ былъ не глубже 2 — 3 вершковъ, такъ что трава по тундрамъ виднѣлась всюду. Точно также и вода (по мокрымъ тундрамъ) выступала все это время, „хлюпая" подъ лапами собакъ и подъ ногами каюрщиковъ. — Такъ было и вчера, когда пришлось буквально брести по водѣ, едва прикрытой сверху тонкимъ слоемъ рыхлаго снѣгу, — мокрой тундрочки—долины упомянутой рѣчки Лы́лужичь.

Съ мѣста ночлега, на одной изъ вершинокъ Лылужичь, мы слѣдовали ею же, измѣнивъ направленіе въ чистый N.

По берегамъ—мелкій ольховникъ (*Alnus viridis*).—Отлогой падушкой—поднялись на верхъ невысокаго увала, покрытаго какъ и всѣ вообще возвышенности, березовымъ лѣсомъ, и отсюда увидѣли опять такую же долину тундру, по срединѣ которой протекаетъ одна изъ многочисленныхъ вершинокъ рѣчки Рангтоваэмъ.

Мнѣ не удалось добиться значенія этого названія; но не подлежитъ сомнѣнію, что приведенное названіе — коряцкаго происхожденія. Весьма возможно, что такъ была окрещена рѣчка кочевниками-коряками, имѣвшими когда-нибудь здѣсь свое стойбище: — на это указываетъ окончаніе ва́эмъ, что значитъ — рѣка, а „ранг" очень похожа на корень слова „раранг'а (по русски—юрта). Дѣло только въ томъ, что коряки-кочевники называютъ юрту — *яянга*,—рара́нга же названіе юрты осѣдлыхъ коряковъ.

Какъ бы оно не было, мы стали спускаться въ долину этой рѣчки въ 9 h. 5 m. a. падушкой, обрамленной съ обѣихъ сторонъ березниками, и, сохраняя то же N-ое направленіе.

Рангтоваэмъ течетъ приблизительно на SW и изливается въ Харьюзовскую рѣку, вблизи ея устья, немного выше такъ называемаго лѣтовья Харьюзовскихъ камчадаловъ. Всѣ падушки, въ которыхъ, по словамъ проводниковъ, протекаютъ вершинки названной рѣчки, имѣютъ въ общемъ направленіе съ NO-а на SW.

Въ 9 h 17 m. a. мы спустились внизъ и здѣсь пошли на N 20° NO. Путь указывается рядомъ тычекъ. И эта падушка занята, большею частію, мокрой тундрой; кой-гдѣ виднѣется тотъ же низкорослый ольховникъ.

Держась теченія названнаго истока Рангтоваэмъ, мы поднялись, видимо на возвышенность служащую водораздѣломъ между системами р.р. Харьюзовой и Коврана.

Путь N 30° NO. Погода еще болѣе ухудшилась. Снѣгъ, падая, облѣплялъ, промачивая, надѣтую сверхъ кухлянки кожаную рубаху—камлею.

Несмотря на возмутительно скверную погоду, мы продолжали нашъ путь падушками одного и того же характера, между березниками, пересѣкая невысокія гряды, раздѣляющія названныя падушки одна отъ другой.

Спустившись съ упомянутаго водораздѣла, мы пошли по теченію небольшой рѣчки, впадающей въ Ковранъ съ лѣваго берега. Направленіе N 20° NO.

Въ 11 h. 45 m. a. мы увидѣли чрезъ тумано-образный снѣгъ, наконецъ, неширокую долину Коврана, ограниченную съ праваго берега—цѣпью горъ. Еще черезъ четверть часа добрались и до долины, на которую пришлось спуститься съ невысокаго, до 10 футъ, увала, представляющаго несомнѣнно древній лѣвый берегъ Коврана. Отъ мѣста спуска въ долину мы поѣхали къ виднѣвшемуся на NW селенію, слѣдуя теченію Ковранской рѣки, — въ которое селеніе и прибыли въ 12 h. 30 m. p., остановившись въ домѣ старосты, Назара Причина, бывалаго и хорошаго промышленника и знатока мѣстности, далеко вокругъ своего селенія.

Относительно Ковранскаго острожка у Крашенинникова мы находимъ только нѣсколько словъ, именно, что „отъ Тулагана верстахъ въ 16 течетъ Ковранъ-рѣка, надъ которою въ семи верстахъ отъ устья есть острожекъ Ковранъ же называемой". Нѣсколько болѣе свѣдѣній приводитъ Дитмаръ, который на стр. 616 говоритъ: „der am linken Ufer gelegene Ort hat 9 Häuser, die von 24 Männern und 40 Weibern bewohnt werden, — 25 Kühe und 16 Pferde waren in ihrem allgemeinen Besitz. Er macht mit seinen sehr schlechten Gärten einen etwas traurigen und heruntergekommenen Eindruck".

Мнѣ приходилось уже ранѣе неоднократно говорить о томъ, что всѣ камчадальскія селенія и даже такъ называемыя русскія, т.-е. такія, гдѣ населеніе русско-камчадальское, крайне схожи между собою и видомъ и качествомъ построекъ. Единственное отличіе, замѣченное мною и представляющее,

какъ кажется, характерную особенность чисто камчадальскаго острожка заключается въ остропирамидальныхъ рыбныхъ балаганахъ, о которыхъ также говорилось ранѣе.

Вотъ почему, я полагаю, каждый путешественникъ при прохожденіи камчатскихъ селеній ограничивается только упоминаніемъ о числѣ домовъ, количествѣ населенія и домашняго скота.

Начавшаяся вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ острожекъ— пурга, т.-е. снѣжная метель, не позволила однако въ тотъ же день пересчитать дома и заграфить еще разъ что нибудь о самомъ мѣстоположеніи Ковранскаго острожка.

Поэтому, рѣшивъ переночевать въ немъ, я занялся вечеромъ разспросами старосты и другихъ относительно, такъ сказать, окрестной геогра́фіи.

Немногое полученное мною въ этомъ отношеніи сводится къ слѣдующему: Вершины рѣки Тигиля очень близко подходятъ къ вершинамъ рѣки Крестовской (?), составляющей лѣвый притокъ Камчатки, и также къ вершинамъ р. Ту́лэханъ, которая выше селенія Харьюзовскаго раздѣляется на двѣ главныхъ вершины или „разсошины", — изъ нихъ правая — „**Н**ыльхъ" беретъ начало у хребта *К*тэпа**нг**эй, а лѣвая, собственно Ту́лэханъ, подходитъ къ Тигильскимъ,— вблизи сопки Ва**нн**а́у**нг**эй.

Послѣдняя, по словамъ жителей, очень высокая сопка, находится на самой рединѣ Камчатскаго Срединнаго хребта. Къ этой же сопкѣ близко подходитъ, будто бы, и вершина рѣки Козыревской.

Считаю умѣстнымъ замѣтить, что корякское названіе сопки—означаетъ въ переводѣ на русскій—сѣрную гору. Отъ кочевниковъ-коряковъ, имѣющихъ тамъ свои стойбища, мнѣ приходилось также неоднократно слышать, что на этой сопкѣ они берутъ необходимую для добыванія огня—горючую сѣру.

Неперестававшій идти снѣгъ заставилъ меня провести

день, 9-го ноября, въ Ковранѣ. Снѣгъ шелъ настолько густой, что видѣть что-либо дальше какихъ-нибудь ста саженъ было рѣшительно невозможно; къ тому-же, то обстоятельство, что снѣгъ шелъ мокрый и поэтому очень мягкій, вынуждало по необходимости сидѣть въ избѣ. Коротая время, я замѣтилъ, какъ изъ-подъ полу показывался одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ видовъ полевыхъ мышей на Камчаткѣ, извѣстный у западнобереговыхъ камчадаловъ (да̀внайканъ) подъ именемъ лэ́лькочъ. Не многаго труда стоило поймать довѣрчиваго звѣрка, который, будучи тотчасъ же мною посаженъ на часовую цѣпочку, уже черезъ нѣсколько часовъ принимался грызть кусокъ рѣпы или картофеля прямо изъ рукъ, нисколько не пугаясь присутствія людей. Пойманный экземпляръ самецъ имѣлъ въ длину, отъ кончика носа до конца хвоста, нѣсколько въ вытянутомъ состояніи, 11. 5 сантиметра. Длина хвоста=2.0 сант. Такимъ образомъ длина хвоста составляла почти $^1/_5$ длины тѣла. Длина шерсти на спинѣ до 6 mm. Верхняя часть головы и спина—краснобураго цвѣта, очень напоминающаго цвѣтъ лисьей шерсти. Этотъ цвѣтъ спины постепенно переходитъ въ свѣтложелтовато-сѣрый на брюшкѣ. Ушная раковина очень мало выдается изъ шерсти; ширина ея отъ затылочнаго прикрѣпленія до кончика=8 mm. Сзади она покрыта рѣдкими и мягкими свѣтлыми волосками. Кончикъ ушной раковины съ внутренней поверхности покрытъ короткими красноватыми (какъ шерсть на спинѣ) волосками. Ширина барабанной перепонки приблизительно 6 mm. Верхніе рѣзцы длиною до 1.5 mm., нижніе до 5 mm., кверху нѣсколько расходятся. Хвостикъ покрытъ короткими бурыми (сверху) волосками; на концѣ имѣетъ какъ бы кисточку изъ болѣе длинныхъ и болѣе жесткихъ волосковъ. На переднихъ лапкахъ по четыре пальца, вооруженныхъ короткими, до 1 mm., тонкими коготками бѣлаго цвѣта, совершенно закрытыми бѣлаго же цвѣта шерстинками; на заднихъ лапкахъ по пяти пальцевъ, болѣе длинныхъ, и съ такими же бѣлыми когот-

ками. Самые длинные волоски усиковъ до 2,5 сант., съ каждой стороны числомъ до пятнадцати.

Ясно замѣтить въ коренномъ зубѣ три отдѣльныхъ, составляющихъ его, части или зуба мнѣ не удалось,—настолько плотно они прилегаютъ одинъ къ другому, но можно было хорошо сосчитать одиннадцать петель или изгибовъ эмали и, не производя расчлененія, казалось, что имѣется 11 отдѣльныхъ зубковъ. Описанный Эрманомъ тэгу́льчичъ (Reise um die Erde, 3 B., S., 257) еловскихъ жителей ближе всего подходитъ къ названному виду лә́лькочъ. Къ сказанному названнымъ ученымъ относительно образа жизни тэгу́льчича или лә́лькоча я добавлю еще слѣдующее, переданное мнѣ жителями Ковранскаго острожка. На Камчатскомъ полуостровѣ лә́лькочъ живетъ періодически, появляясь всегда со стороны моря; откуда онъ приходитъ и куда исчезаетъ съ Камчатки, достовѣрно никто не знаетъ, но на основаніи прежнихъ разсказовъ „старыхъ людей" предполагаютъ, что лэлькочъ живетъ на какомъ-то островѣ, находящемся среди моря. Бѣжать оттуда мышей побуждаетъ голодъ, появляющійся вслѣдствіе того, что мыши, живя тамъ, поѣдаютъ всѣ злаки и въ концѣ концовъ не находятъ уже для себя достаточно пищи. Если бы эти мыши жили и на Камчаткѣ болѣе продолжительное время, чѣмъ обыкновенно, то, дополняютъ разсказчики, и здѣсь для нихъ наступилъ бы голодъ, такъ какъ онѣ истребили бы всѣ травы, подгрызая ихъ корни. Мнѣ передавали за фактъ, что иногда на берегу моря случается видѣть только что приплывшихъ или, вѣрнѣе, перенесенныхъ моремъ мышей, еще не обсохшихъ отъ морской воды. Говорятъ, что въ прибойной пѣнѣ волнъ иногда находятъ что-то въ родѣ гнѣзда изъ травы, и что будто бы эта пѣна, обволакивающая такое гнѣздо, способствуетъ его пловучести и, гонимая вѣтромъ, помогаетъ мышамъ скорѣе добраться до твердой земли. Ранѣе не разъ уже говорилось о томъ, что полевыми мышами производятся зимніе запасы съѣдобныхъ корневищъ сараны и клубней кем-

чиги. Поэтому само собою становится понятнымъ, что съ исчезаніемъ въ извѣстный годъ мышей не бываетъ и этихъ запасовъ, и тогда камчатскимъ женщинамъ приходится довольствоваться только тѣми количествами сараны и кемчиги, которыя онѣ заготовятъ весною непосредственнымъ выкапываніемъ этихъ продуктовъ.

Въ запасныхъ магазинахъ мышей (áтнучахъ) обыкновенно находятъ сарану, кемчигу и другіе коренья. Въ большинствѣ случаевъ всѣ эти запасы бываютъ тщательно разсортированы, очищены отъ постороннихъ примѣсей, но иногда все бываетъ перемѣшано вмѣстѣ. Количество запасовъ бываетъ различно: иногда набирается полная „бабья“ ноша, т.-е. пуда полтора, иногда же только нѣсколько горстей. Въ томъ случаѣ, если въ теченіе зимы мыши не съѣдаютъ всего запаса, то тогда, будто бы, онѣ не собираютъ и на будущее лѣто: „тогда мышонки тоже не заботятся“, а проводятъ время „гуляючи.“

Разговоръ о мышахъ незамѣтно перешелъ на огородничество, о которомъ я скажу также нѣсколько словъ. Въ Ковранѣ, какъ и во всѣхъ предыдущихъ острожкахъ, жителями „разводятся“ огороды, въ которыхъ садятся: картофель, рѣпа и только. Большая часть сообщеній объ успѣхахъ огородничества отрицательнаго свойства, что̀ подтверждается до нѣкоторой степени и результатами, полученными за истекшее лѣто: урожай, какъ рѣпы, такъ и картофеля былъ плохъ, вслѣдствіе рано павшаго, именно, въ концѣ іюля, инея; этотъ иней сопровождался настолько сильнымъ утреннимъ морозомъ, что озерки, находящіяся вблизи острожка, покрылись ледяной коркой настолько прочной, что по ней почти свободно могли ходить дѣти.

Опытовъ съ посѣвомъ ячменя или другихъ хлѣбныхъ злаковъ никогда и никѣмъ не производилось, равнымъ образомъ не производилось и метеорологическихъ наблюденій.

Мнѣ думается, что прежде чѣмъ рѣшать вопросъ въ ту или другую сторону о пригодности Камчатки для земледѣлія,

или только огородничества, необходимо произвести въ теченіе ряда годовъ систематическія наблюденія, и не въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, какъ, напр., въ настоящее время только на Петропавловскомъ маякѣ, а въ нѣсколькихъ, наиболѣе по всѣмъ даннымъ различающимся другъ отъ друга; таковыми пунктами, по моему мнѣнію, на Камчаткѣ могли бы быть, не считая Петропавловска, климатическія условія котораго наиболѣе выяснены, по западному побережью: сс. Явино, Большерѣцкъ, Облуковина, Харьюзова, Тигиль и Палланъ; по средней линіи полуострова, начиная съ сѣвера: сс. Озерновское, Еловское, Ключевское, Толбачинское, Мильково, Малка и Апача, и по восточному берегу: Петропавловскъ, р. Семячикъ, Усть-Камчатскъ, Карага. Содержаніе даже всѣхъ перечисленныхъ станцій врядъ-ли бы вызвало большіе расходы при имѣніи самопишущихъ аппаратовъ, и, можно думать, что одно лицо изъ центральной станціи, каковой должны быть, по наибольшему интересу, или с. Ключевское, или Толбачикъ, могло бы при трехъ-разовомъ объѣздѣ всѣхъ станцій въ годъ, при помощи трехъ или четырехъ помощниковъ, свободно производить всѣ необходимыя наблюденія.

Время въ разговорахъ прошло незамѣтно. Наступилъ вечеръ; между тѣмъ небо разъяснѣло и снѣгъ переcталъ. Выйдя изъ избы, можно было любоваться вполнѣ зимней картиной.

Почти полная луна ярко освѣщала и разбросанныя хижины острожка, и горы, тянувшіяся по правому берегу рѣки; а вдали, прямо на югъ, виднѣлась правильная коническая вершина знакомаго уже Эльвэлика.

10-го ноября. Переставшій съ вечера снѣгъ сегодня утромъ пошелъ снова, и такимъ образомъ пришлось и еще одинъ день провести въ селеніи.

Ковранское селеніе (острожекъ) или, просто, Ковранъ, какъ было выше замѣчено, расположено на лѣвомъ берегу одноименной рѣки, правый берегъ которой почти до самаго

ея устья въ море образуютъ едва не отвѣсныя кручи какой-то осадочной породы, сѣрожелтаго цвѣта, съ ясно замѣтной слоистостью (по Дитмару—мергельный песчаникъ). Эта порода во многихъ мѣстахъ, благодаря постояннымъ размывамъ отъ дождей и отъ таянія снѣговъ на верху, образовала очень красивыя, то конусообразныя, то столбчатые или пирамидальные выступы. Всѣхъ домиковъ въ селеніи двѣнадцать, кромѣ того, имѣется убогая часовенька. Жителей, по переписи 97 года, 113 чел. о. п. Было бы совершенно излишнимъ и здѣсь перечислять занятія жителей: они тѣ же, какъ и въ други хъострожкахъ: рыбо- и звѣроловство; подспорьемъ, очень, впрочемъ, слабымъ, служитъ, какъ сказано, огородничество и, кромѣ того, скотоводство, если только можно назвать скотоводствомъ содержаніе одной-двухъ штукъ рогатаго скота, доставляющихъ инородцу больше заботы о заготовкѣ сѣна, чѣмъ выгоды.

Совершенное незнакомство съ уходомъ за скотомъ производитъ то, что при имѣніи скота у инородца большую часть года не бываетъ ни молока, ни масла, ни другихъ молочныхъ продуктовъ, не говоря уже о мясѣ. Несравненно больше пользы, въ смыслѣ обезпеченія звѣропромышленности, и несравненно меньше заботъ доставляютъ жителямъ лошади, находящія лѣтомъ кормъ всюду, какъ въ лѣсу, такъ и въ селеніи или вокругъ его, зимою же добывающія себѣ скудную пищу на чистыхъ тундровыхъ пространствахъ, на такъ называемыхъ „выдувкахъ“, т.-е. на такихъ мѣстахъ, гдѣ снѣгъ, благодаря ихъ открытому положенію, сносится или „выдувается“ вѣтрами иногда до такой степени, что тундра и среди зимы является едва прикрытой снѣгомъ, который въ такомъ случаѣ пріобрѣтаетъ почти ледяную плотность. На такихъ „выдувкахъ“ въ теченіе всей зимы пасутся нетребовательныя камчатскія лошади, находя единственную защиту отъ холода въ своей мохнатой шерсти, которою онѣ покры-

ваются къ зимѣ, подтверждая тѣмъ самымъ еще разъ приспособляемость видовъ къ окружающей обстановкѣ.

Обыкновенно зимнимъ мѣстопребываніемъ Ковранскихъ лошадей является тундровое пространство вблизи морского берега или „кошки". Крайне рѣдко, одинъ разъ въ нѣсколько лѣтъ, случается, что послѣ очень сильныхъ и продолжительныхъ вѣтровъ снѣгъ становится на-столько твердымъ, что, даже привычныя къ тому, животныя не могутъ пробить его копытами, чтобы достать себѣ пищи. „Когда снѣгъ настояще заубоитъ", тогда жителямъ приходится отвозить на тундру сѣна, которое тамъ всегда разбрасывается, и тогда собирается лошадьми.

Этимъ и ограничиваются всѣ заботы жителей о лошадяхъ. Весьма возможно, что благодаря именно полному незнакомству съ уходомъ, какъ за рогатымъ скотомъ, такъ и за лошадьми, послѣднія въ удобныхъ для ихъ зимняго пропитанія мѣстахъ, предоставленныя самимъ себѣ, въ теченіе лѣтъ совершенно одичали и породили существованіе, по словамъ мѣстныхъ жителей, табуна дикихъ или, вѣрнѣе, одичавшихъ лошадей. Точно указать на мѣсто пастбищъ табуна нельзя, потому уже, что лошади постоянно переходятъ съ одного мѣста на другое, но въ общемъ, жители указываютъ на окрестности селенія Козыревскаго (отъ Крахча до Козловаго мыса), въ долинѣ рѣки Камчатки, какъ на постоянное пребываніе табуна, численностью приблизительно до трехсотъ головъ.

Видѣть лично въ лѣсу этихъ лошадей мнѣ не приходилось, но нѣтъ сомнѣнія, что лошади эти Якутскаго происхожденія, завезенныя въ Камчатку вмѣстѣ съ первыми русскими переселенцами, какъ на то указываетъ Эрманъ на стр. 215.

Здѣсь, пожалуй, будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ вообще о той роли, какую играютъ въ экономической жизни камчатскаго населенія какъ рогатый скотъ, такъ и лошади, въ настоящее время.

Считаю нужнымъ сказать также, что при своихъ поѣздкахъ по Камчаткѣ я не обращалъ особеннаго вниманія на скотоводство, поэтому и не располагаю точными цифрами, которыя однѣ могли бы служить подтвержденіемъ высказываемой мысли. Сперва о рогатомъ скотѣ, численность котораго (по даннымъ мѣстной администраціи) равняется приблизительно 2000 головъ. Далеко не только не въ каждомъ хозяйствѣ, но и не въ каждомъ селеніи Камчатскаго полуострова имѣется рогатый скотъ. Наибольшая плотность рогатаго населенія, при бѣгломъ осмотрѣ селеній, наблюдается въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ населеніе русскаго происхожденія: такимъ образомъ, ближайшія къ Петропавловску селенія, затѣмъ: Верхне-Камчатскъ, Мильково, Большерѣцкъ, Ключевское и Тигильское.

Изъ камчадальскихъ наибольшимъ количествомъ скота владѣютъ западнобереговые до с. Облуковинскаго, т.-е. такъ назыв. низовые камчадалы или *тну́млёнъ* наиболѣе обрусѣвшіе и наиболѣе смѣшавшіеся съ русскими выходцами, о чемъ было говорено выше.

Острожки сѣвернѣе Облуковины, т.-е. сѣвернѣе области низовыхъ камчадаловъ, поселенія верховыхъ камчадаловъ или да̀внайканъ имѣютъ наименьшее количество скота; что же касается до области распространенія „осѣдлыхъ“ коряковъ, на сѣверъ отъ с. Аманинскаго, по западному побережью, и па сѣверъ отъ Еловскаго, по восточному, то тамъ наибольшая часть хозяйствъ вовсе не имѣетъ скота, и встрѣчаются острожки, въ которыхъ нѣтъ ни одной головы, такъ, напр., можно указать на сс. Укинское и Карагинское

Что касается до слабаго развитія скотоводства по камчадальскимъ селеніямъ долины р. Камчатки, то причина этого, по моему мнѣнію, заключается въ особенности условій положеній этихъ селеній, затерянныхъ среди густого хвойнаго лѣса, скрывающаго въ лѣтнюю пору медвѣдей и волковъ даже вблизи домовъ. Обративъ вниманіе на указанное обсто-

ятельство, что наибольшаго развитія скотоводство достигаетъ въ пунктахъ съ населеніемъ русскимъ, слабѣе съ населеніемъ болѣе или менѣе обрусѣвшимъ, еще слабѣе съ необрусѣвшимъ камчадальскимъ, и почти вовсе отсутствуетъ, гдѣ населеніе коряцкое, мнѣ кажется, становится вполнѣ понятной зависимость степени развитія скотоводства отъ состава населенія, и болѣе безпристрастное, болѣе внимательное разсмотрѣніе этой несомнѣнной и рѣзкой зависимости будетъ служить лишнимъ подкрѣпленіемъ высказаннаго мною выше мнѣнія о переходной ступени развитія инородческаго камчадальскаго населенія изъ кочевыхъ въ осѣдлые, и коряцкаго въ полукочевые. Правильное (раціональное) занятіе скотоводствомъ требуетъ осѣдлости.

Мнѣ представляется неоспоримой истиной, не требующей доказательствъ, что домовитость, хозяйственность суть непремѣнные признаки осѣдлости; гдѣ нѣтъ послѣдней, тамъ нѣтъ и названныхъ признаковъ, и ихъ не только требовать и предписывать камчатскимъ инородцамъ нельзя, какъ это между тѣмъ практикуется, на что мною выше также обращалось вниманіе, но ихъ нельзя даже и ожидать отъ населенія полукочевой формы общежитія. Я особенно останавливаюсь на этой переходной стадіи развитія камчатскихъ инородцевъ, совершенно ошибочно окрещенныхъ въ оффиціальныхъ бумагахъ осѣдлыми, чтобы еще разъ сказать, что шаблонныя мѣры къ поднятію благосостоянія тѣхъ же инородцевъ, заключающіяся въ общемъ въ приказаніи, требованіи и понужденіи, на Камчаткѣ не могутъ достичь намѣченной цѣли.

Полуосѣдлый селянинъ Камчатки, временно живущій своимъ домомъ — „своимъ хозяйствомъ“ только въ рѣдкихъ случаяхъ сознаетъ (смутно) полезность имѣть при домѣ скотъ, доставляющій, хотя и не всегда, столь питательные продукты, какъ молоко, творогъ, масло и даже мясо, и только въ такихъ случаяхъ камчадалами и мѣстными русскими держится скотъ не въ силу предписаній властей.

Чтобы извлекать наибольшую пользу изъ чего бы то ни было, необходимымъ условіемъ является полное обладаніе этимъ „чѣмъ бы то ни было“. Въ данномъ случаѣ—необходимымъ условіемъ успѣшности занятія скотоводствомъ является знаніе раціональнаго ухода за скотомъ и знаніе изготовленія молочныхъ продуктовъ. Эти послѣднія условія вполнѣ отсутствуютъ въ массѣ камчатскаго населенія, какъ русскаго, такъ и инородческаго.

Скотъ въ Камчаткѣ, повсемѣстно, даже въ лучшихъ хозяйствахъ, не пользуется никакимъ уходомъ, если не считать таковымъ подбрасываніе, и то довольно въ умѣренномъ количествѣ, корму, каковымъ служитъ исключительно сѣно.

Помѣщенія для скота, такъ называемыя, по мѣстному, ста́и, представляютъ собою, гдѣ крытые, а гдѣ и не крытые срубы, съ температурой наружнаго воздуха. О какомъ-либо племенномъ подборѣ и вообще объ улучшеніи породы скота жители не имѣютъ и самаго туманнаго представленія. Результатомъ такого „хозяйства“ является то, что молокомъ жители пользуются только въ то время, когда коровою кормится теленокъ, что бываетъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, можно сказать, почти исключительно, въ лѣтнее время. Въ зимнее время встрѣтить дойную корову можно далеко не въ каждомъ хозяйствѣ. Изъ молочныхъ продуктовъ наибольшимъ распространеніемъ среди населенія пользуются „пѣнки“, снимаемыя съ варенаго молока и сохраняемыя въ мерзломъ видѣ зимою, и масло. „Пѣнки“ вмѣстѣ съ какою-либо ягодою, или сами по себѣ, представляютъ одно изъ лучшихъ кушаній жителей, почему и предлагаются „русскимъ гостямъ“ при проѣздѣ ихъ чрезъ камчатскія селенія.

Въ настоящихъ краткихъ путевыхъ замѣткахъ о Камчаткѣ, не имѣющихъ спеціальнаго характера, я не задавался цѣлью разобрать вопросъ о мѣстномъ скотоводствѣ болѣе обстоятельно, и если затронулъ его, то единственно имѣя въ виду показать, что недостаточное его развитіе въ Камчаткѣ,

несмотря на всѣ благопріятствующія обстоятельства въ отношеніи почвы и климата, о чемъ говоритъ Эрманъ на стр. 344, зависитъ исключительно отъ переживаемой инородцами стадіи культуры.

Никакія принудительныя мѣры не помогутъ инородцу въ его невѣжествѣ.

Единственною, по моему разумѣнію, мѣрою къ поднятію этого благосостоянія было бы наученіе камчатскихъ жителей примѣрами, т.-е. та же мѣра, которая примѣняется при воспитаніи дѣтей. Устройство спеціальнаго сельско-хозяйственнаго надзора съ одною, хотя бы, образцовою фермою, въ мѣстѣ для того наиболѣе подходящемъ, было бы несравненно полезнѣе нераціональнаго устройства такъ называемыхъ запасныхъ юкольныхъ магазиновъ, писанія приказовъ, лишающихъ права распоряжаться своимъ скотомъ, разсыланія казаковъ по селеніямъ съ цѣлями „побужденія“ и т. д. Я не только не утверждаю, напротивъ того, даже убѣжденъ, что въ годъ или въ два не будетъ замѣтнаго преуспѣянія въ хозяйствѣ камчатскихъ жителей при введеніи названнаго устройства, за то съ каждымъ годомъ будутъ болѣе и болѣе увеличиваться наши до сего времени слишкомъ скудныя свѣдѣнія объ этой странѣ.

Кратковременное пребываніе спеціалистовъ ученыхъ не можетъ дать полнаго изслѣдованія страны ни въ одномъ отношеніи, и поэтому я полагаю, что постоянное пребываніе здѣсь лица или лицъ съ цѣлями изученія, что имѣетъ и что только и можетъ имѣть цѣлью сельскохозяйственный и промысловый надзоръ, принесли бы въ теченіе лѣтъ цѣнныя свѣдѣнія, и можетъ быть, даже всестороннія о Камчаткѣ, на основаніи которыхъ и издали можно было бы предрѣшать многіе вопросы, какъ о скотоводствѣ, огородничествѣ, такъ и хлѣбопашествѣ, рыбо- и звѣроловствахъ. Однако, я уклонился въ сторону,—возвращаюсь къ предмету изложенія.

Нисколько не меньшая, если только не бо̀льшая, польза

признается за лошадью; да оно и понятно, если вспомнить, что мѣстные жители—звѣроловы. Лошадь является не только желательнымъ, но часто и незамѣнимымъ животнымъ, для разъѣздовъ по лѣсу „за охотой", и не столько въ лѣтнюю пору, сколько осенью, во время такъ называемаго осенняго соболинаго промысла съ собакой, о которомъ была рѣчь выше.

Начиная съ октября мѣсяца и по декабрь, а въ иные года и до послѣднихъ чиселъ послѣдняго мѣсяца, состоянiе снѣга, недостаточно глубокаго, чтобы можно охотиться на соболя (промышлять) съ помощью сѣтки, и недостаточно мелкаго, чтобы соболя могла преслѣдовать собака, дѣлаетъ необходимымъ преслѣдованiе этого цѣннаго пушного звѣрка верхомъ на лошади. Соболь преслѣдуется по слѣду, пока утомленный погоней, не остановится гдѣ-нибудь въ виду охотника, которымъ и убивается изъ ружья. Во время осеннихъ разъѣздовъ, „осенȯвки", поистинѣ, неизбалованная жителями лошадь вынуждена бываетъ питаться подножнымъ кормомъ, обыкновенно хвощемъ (*Equisetum hiemale*), выбиваемымъ копытами изъ подъ снѣгу. Разъ, снѣгъ „перевали́лъ", т.-е. выпалъ на столько глубокiй, что затрудняетъ и дѣлаетъ (по медлительности) вовсе безполезной для охоты ѣзду на лошади, промышленники „выѣзжаютъ изъ лѣсу" въ свои селенiя, и тогда начинается „зимнiй" промыселъ „на собакахъ" и „съ сѣткой".

Въ другихъ мѣстахъ полуострова уходъ за лошадями ничѣмъ существенно не отличается отъ ухода за ними, проявляемаго ковранскими камчадалами. Вотъ не многое, но главное, о скотоводствѣ въ Камчаткѣ.

Въ заключенiи позволю себѣ сказать, что большая часть лошадей на полуостровѣ гнѣдой, нерѣдко бѣлой масти, вороной же вовсе нѣтъ.

Кромѣ того, приблизительно, у трехъ четвертей всѣхъ животныхъ, которыхъ числится, по оффицiальнымъ даннымъ,

около 800 штукъ, характерными признаками являются черная полоса (ремень), проходящая отъ затылка по всему хребту и замѣтная въ хвостѣ, затѣмъ черныя съ бѣлыми яблоками пятна, занимающія область лопатокъ и черныя же, иногда совершенно параллельныя, полосы на ногахъ.

Въ добавленіе къ сказанному о занятіяхъ западноберего-выхъ камчадаловъ, вообще, и звѣроловствѣ, въ частности, я сообщу здѣсь свѣдѣнія, полученныя мною въ Ковранѣ о, такъ называемомъ, морскомъ („нерпичьемъ") промыслѣ, о той роли, какую играетъ этотъ промыселъ въ экономической жизни инородцевъ. О способахъ производства промысла было сообщено при описаніи прежде пройденныхъ острожковъ, главнымъ образомъ, Морошечнаго.

Поэтому я ограничусь лишь небольшими дополненіями.

Морской промыселъ, подъ которымъ понимается промыселъ вообще различныхъ морскихъ звѣрей, какъ-то: нерпъ (тюленей) разныхъ видовъ, лахтаковъ, сивучей и бѣлухъ, составляетъ для приморскихъ жителей существенно важную статью въ дѣлѣ обезпеченія ихъ существованія. Не только мясо и жиръ добытыхъ животныхъ идутъ въ пищу, разнообразя постоянное питаніе рыбой; жиръ идетъ также на освѣщеніе, но самая главная польза, получаемая отъ этого промысла— это шкуры и ремни. Бытовыя и экономическія условія жизни инородца сложились такимъ образомъ, что ни одно хозяйство, каково бы оно ни было, не можетъ обойтись безъ шкуръ и ремней.

Нерпичья шкура идетъ на „подшивку", „подклейку" или „подволоку" лыжъ.

Какъ извѣстно, лыжи это необходимое и ничѣмъ незамѣнимое орудіе хожденія промышленника. Безъ лыжъ не только невозможно ѣхать или идти въ лѣсъ для звѣринаго промысла, но часто бываетъ нельзя привести дровъ, сѣна изъ ближайшихъ окрестностей селенія. Чтобы придать бòльшую каткость лыжамъ, ихъ подклеиваютъ снизу нерпичьей шку-

рой такимъ образомъ, чтобы направленіе шерсти приходилось съ передняго конца лыжи къ заднему, чѣмъ достигается возможность быстро скатываться съ горъ и въ то же время свободно подниматься на значительныя крутизны. Вся собачья упряжь выдѣлывается изъ ремней, также и всѣ скрѣпленія нарты. Нерпичьи шкуры идутъ также и на приготовленіе обуви—торбасовъ; однимъ словомъ, находятъ примѣненіе во всемъ домашнеиъ обиходѣ инородца. Существуетъ четыре рода промысла нерпъ, именно: „отгòномъ" или „гоньбой", „ружьемъ", „сѣтями" и „спицей". Относительно промысла сѣтями, было сказано въ замѣткахъ о Морошечномъ острожкѣ.

Что касается до промысла „отгономъ", то таковой со словъ жителей Воровского селенія производится такимъ образомъ. Зная заранѣе мѣста выхода нерпъ на устьевыхъ отмеляхъ („лайдахъ") и зная до мельчайшихъ подробностей всѣ рукава дельты рѣки, промышленники, вооруженные дубинками для убиванія звѣря („дрыгалками"), а также и спицами, сплываютъ въ батахъ къ лежбищамъ нерпъ.

Нужно сказать, что „отгономъ" нерпы промышляются, начиная съ августа мѣсяца, когда идетъ мелкая рыба и до октября; съ послѣдняго же мѣсяца нерпы промышляются большею частью „ружьемъ".

Останавливаютъ баты, обыкновенно, гдѣ-нибудь выше лежбищъ, принимая во вниманіе направленіе вѣтра, „чтобы звѣрь духу человѣческаго не хватилъ" и чтобы нерпы не замѣтили прибытія охотниковъ, вообще, ни слухомъ, ни зрѣніемъ.

Относительно нерпъ замѣчу, что онѣ заходятъ въ погонѣ за рыбою довольно далеко вверхъ по рѣкамъ. Такъ мнѣ передавали за достовѣрное, что нерпы идутъ по рѣкѣ Камчаткѣ выше сел. Ключевскаго (150 верстъ отъ устья), верстъ на пятьдесятъ по р. Тигилю, а по Воровской и Напаной до одноименныхъ острожковъ.

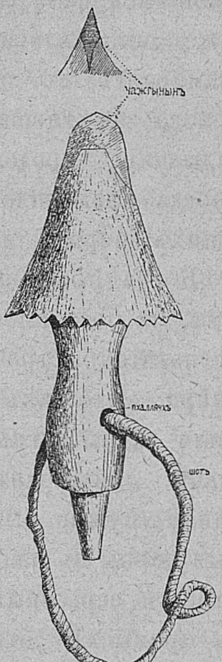
Послѣ того какъ удастся пристать къ берегу незамѣчен-

ными со стороны лежащихъ на лайдѣ нерпъ, когда „снаро́вили вѣтеръ“, то, стараясь не производить ни малѣйшаго шума, выходятъ изъ батовъ и начинаютъ „скра̀дывать“ звѣря, т.-е. приближаться къ нему или ползкомъ, лежа на брюхѣ, по травѣ или даже по совершенно чистому (открытому) морскому берегу, или же „бродко̀мъ“ вдоль берега. При малѣйшемъ движеніи со стороны нерпъ, при выраженіи хотя бы одною изъ нихъ подозрѣнія къ двигающимся фигурамъ промышленниковъ, вся партія тотчасъ же останавливается въ дальнѣйшемъ движеніи, какъ бы замираетъ въ принятой позѣ и остается такъ до тѣхъ поръ, пока замѣтившая нерпа снова не „успокоится“,—тогда „скрадываніе“ продолжается. Мнѣ передавали за истину, что иногда промышленникамъ удается вползать въ средину лежащихъ нерпъ, настолько искусно ведется это „скрадываніе“. Когда промышленники достаточно близко подошли къ нерпамъ, то по данному передовымъ промышленникомъ знаку, вся партія быстро вскакиваетъ на ноги и начинаетъ „убой“ звѣря,—кто какъ можетъ. Какъ было сказано, нерпъ бьютъ или „дрыгалками“ или первой, попавшейся модъ руку палкой, или колятъ „спицами“. При этомъ, передаютъ охотники, нужно быть очень осторожнымъ, такъ какъ преслѣдуемыя нерпы въ ожесточеніи бросаются на человѣка и могутъ нанести серьезныя поврежденія своими острыми зубами. Въ промыслѣ „отгономъ“, какъ и во всѣхъ другихъ способахъ его, участвуютъ какъ мужчины, такъ и женщины.

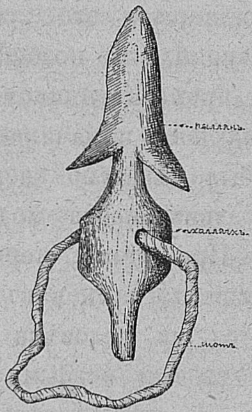
Прежде чѣмъ говорить о промыслѣ „спицей“, скажу нѣсколько словъ объ устройствѣ самаго орудія промысла. Подъ „спицей“ понимается орудіе мѣстнаго изготовленія, служащее, не столько для убиванія, сколько для задержанія „нерпы“ и „лахтака“.

Въ зависимости отъ различной степени эластичности, по словамъ жителей, шкуръ названныхъ животныхъ, спицы различаются по своему устройству, какъ „нерпичьи“ и „лахтажьи“.

Приводимый, худо исполненный рисунокъ той и другой спицы, полагаю, все-таки нагляднѣе объяснитъ ихъ различіе. Самая существенная часть орудія, собственно спи́ца, выдѣлывается обыкновенно изъ оленьяго рога. Величина колеблется отъ 9,5 до 12 сантиметр. въ длину. Общее названіе „лахта́жьей“ или „лахта́жной“ (даже „лахта́шной“) спицы на камчадальскомъ языкѣ есть кы́р-уылюкъ.



Фиг. 34. Лахтажья спица.



Фиг. 35. Нерпичья спица.

Она представляетъ собою кусокъ плотной кости вырѣзанной съ помощью ножа въ формѣ фиг. 34.

Самая оконечность, нѣсколько сплюснутая, покрывается для приданія бо́льшей остроты и прочности желѣзной или мѣдной пластинкой.

Это металлическое остріе называется „ча́жһынынъ“. Въ нижней трети спицы, имѣющей утолщеніе, продѣлывается

отверстіе „пхáллячхъ“, служащее для вдѣванія сухожильной петли „шóтъ“.

Отъ острія (чáжℏынынъ) спица имѣетъ форму коническую. По окружности основанія этого конуса вырѣзываются зубы.

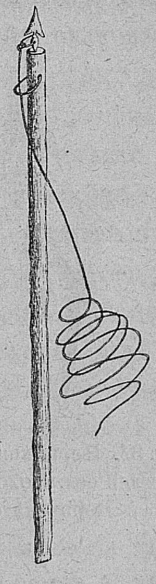
„Нерпичья“ спица (фиг. 35) всегда меньше „лахтажьей“, дѣлается также изъ кости, и болѣе просто, чѣмъ послѣдняя. Верхняя ея часть имѣетъ видъ копья; иногда и здѣсь, на концѣ, дѣлается желѣзное остріе (чáжℏынынъ). Общее названіе этой спицы „э́мыкъ“.

Вмѣсто зубчатыхъ вырѣзовъ лахтажьей спицы, у „эмыкъ“ имѣются только два зуба „пы́ллянъ“, такой же „шотъ“ и „пхáллячхъ“.

Спица, для приданія ей при метаніи надлежащей силы и скорости полета, укрѣпляется своимъ нижнимъ тонкимъ цилиндрическимъ концомъ въ особой палкѣ, аршинъ до двухъ съ половиной длиною и въ діаметрѣ приблизительно въ четыре сант., называемой „тэ́кыръ-пойянъ“, или просто „тэ́кыръ“. Послѣдній у низовыхъ камчадаловъ называется „хы́тхумъ“ (фиг. 36).

Для вкладыванія спицы въ центрѣ оконечности „тэ́кыр'а“ имѣется соотвѣтствующее углубленіе.

Къ вышеназванной петлѣ „шотъ“ прикрѣпляется длинный ремень, сплетаемый обыкновенно изъ китовыхъ сухожилій, который называется „э́лнгай“ или „мáутъ“ (низовыхъ камчадаловъ). Мáутъ бываетъ длиною обыкновенно отъ 10—20 ручныхъ саженъ. Приготовленный изъ сухожилій, понятно само собою, отличается бóльшей прочностью, а потому и цѣнностью, чѣмъ сдѣланный изъ лахтажьей шкуры и представляющій, поэтому, ничто иное какъ ремень названной выше длины.



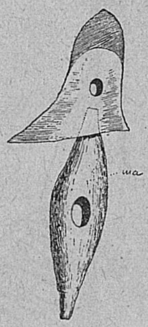
Фиг. 36. Общій видъ спицы.

Въ отличіе отъ послѣдняго сухожильный маутъ называется „ши́тльинъ-э́л**нг**ай", а тотъ—просто „э́л**нг**ай".

Необходимо упомянуть, что вблизи того же конца тэ́кыр'а или хы́тхум'а, въ который вкладывается спица, имѣется въ палкѣ сквозное отверстіе, въ которое продѣвается ремень, съ петлей на одномъ концѣ и съ деревяннымъ или костянымъ кляпомъ на другомъ.

Когда „спица" вставлена, то маутъ направляютъ по длинѣ тэкыр'а и при помощи только что сказаннаго ремня прикрѣпляютъ его (маутъ) къ древку, что можно видѣть на чертежѣ. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы послѣ того, какъ орудіе брошено, и „спица" отдѣлилась отъ древка, чтобы послѣднее, ставши свободнымъ, не было бы потеряно для промышленника.

Узкая петля, черезъ которую пропускается „э́л**нг**ай", благодаря спицѣ, препятствуетъ древку отдѣлиться отъ эл**нг**а'я. Нѣсколько иного устройства нерпичьи спицы употребляются, какъ я видѣлъ, жителями Коловского и Воровского острожковъ. Тамъ „спица" состоитъ изъ двухъ частей: рукоятки или основанія (ша́) и оконечности (острія) (фиг. 37).



Фиг. 37. Нерпичья спица жителей сел. Коловскаго и Воровскаго.

Остріе имѣетъ такую же ланцетообразную или копьевидную форму, какъ и у вышеописанной. Разница заключается въ томъ, что у Коловской спицы имѣется только одинъ зубецъ, а не два, какъ у Ковранской. Посредствомъ особаго ремешка „па", вставленное въ углубленіе „хытхум'а", прикрѣпляется къ послѣднему, а самое остріе спицы соединяется посредствомъ ременной петли „шотъ" съ „маутомъ". При дѣйствіи этою спицею въ тѣлѣ животнаго остается только остріе, которое подъ кожею принимаетъ поперечное положеніе и вслѣдствіе этого держитъ звѣря, будто бы, крѣпче, чѣмъ цѣльная спица.

„Спицами“ какъ лахтаки, такъ и нерпы, промышляются съ августа мѣсяца и до октября. Такимъ образомъ періодъ промысла „отгономъ“ и „спицами“ совпадаетъ. Мною было уже сказано, что при „отгонѣ“ звѣрь убивается, чѣмъ, кто и какъ то́лько можетъ; въ дѣлѣ участвуютъ и „спицы“. Все искусство, какъ замѣчено, состоитъ въ „скрадываніи“ звѣря. Такъ что можно было бы соединить два названные способа въ одинъ, если бы „спицами“ не добывался звѣрь при условіяхъ отличныхъ отъ—„отгона“.

Вооруженный тою или другою спицею промышленникъ отправляется къ морю, и, замѣтивъ показывающихся вблизи берега изъ воды животныхъ, занятыхъ наполненіемъ своихъ желудковъ, начинаетъ „скрадывать“, т.-е. старается по чистому морскому берегу доползти незамѣченнымъ до воды, или вѣрнѣе, не возбудивши въ нерпахъ ни малѣйшаго подозрѣнія къ своей фигурѣ.

Во время прибоя, когда громадныя волны крутыми гребнями съ оглушительными раскатами накатываются на берегъ и, разбиваясь въ бѣлоснѣжную пѣну, взбѣгаютъ далеко по берегу „лизуно́мъ“, обдавая брызгами промышленника, съ ногъ до головы, тогда будто бы, легче вести „скрадываніе“.

Въ такомъ случаѣ промышленникъ скорѣе успѣваетъ добраться до воды и войти въ послѣднюю, выдерживая напоръ прибрежнаго буруна, стоя по поясъ въ холодной водѣ и зорко слѣдя за движеніемъ довѣрчивыхъ нерпъ. Въ лѣвой рукѣ держится правильно сложенный, какъ складываются на судахъ концы, — элнгай, а въ правой вся спица, т.-е. собственно спица и метательное древко (хы́тхумъ, тэ́кыръ). Попасть спицей въ нерпу, даже въ десяти шагахъ, вовсе не такъ легко, какъ это можетъ казаться съ перваго раза. Нужна многолѣтняя практика метанія этого орудія, чтобы попасть въ неподвижный предметъ, тѣмъ болѣе въ такое подвижное животное, какъ нерпа, и въ такой подвижной средѣ, каковой является волнующееся море.

Замѣчу такъ же, что орудіе бросается не прямо въ звѣря, а вверхъ („съ навѣсу") съ чрезвычайно тонкимъ разсчетомъ на долженствующую быть описанной древкомъ кривую полета. Такимъ метаніемъ „сверху" достигается, по словамъ промышленниковъ, наибольшая сила удара. При ударѣ происходитъ то, что спица, прорѣзывая кожу, проникаетъ въ слой жира и задерживается тамъ своими зубцами. Древко отъ полученнаго толчка соскакиваетъ и, удерживаясь на маутѣ, плаваетъ на поверхности моря. Раненый звѣрь уходитъ въ глубь, натягивая, естественно, все болѣе и болѣе ремень, конецъ котораго остается въ рукахъ промышленника. Говорятъ, что удержать „заќлотую" нерпу, тѣмъ болѣе лахтака требуетъ, кромѣ достаточной силы, еще въ большей мѣрѣ извѣстной снаровки постепенно „сдавать" маутъ.

Бываютъ случаи, какъ уже и сказано, что промышленникъ бываетъ вынужденъ отпустить „добытую" нерпу вмѣстѣ со спицей и съ маутомъ. Передаютъ, что кожа лахтака настолько крѣпка и упруга, что скорѣе можетъ произойти разрывъ самой спицы, чѣмъ, чтобы спица высвободилась изъ звѣря; кожа же нерпы значительно слабѣе, почему бываетъ, что лахтажья спица, какъ неимѣющая большихъ „зубьевъ", очень часто выдергивается изъ тѣла нерпы, и раненый звѣрь уходитъ („отпускается").

„Ружьемъ" морской промыселъ ведется въ весеннее время года и въ октябрѣ мѣсяцѣ. Тогда промышленники на батахъ выѣзжаютъ въ море и стрѣляютъ звѣря „на водѣ" или же „на льдинахъ" (по веснамъ).

Нужно сказать, что Ковранскіе камчадалы по веснамъ ѣздятъ къ морю на собакахъ (для промысла) и что тогда нерѣдко случается, какъ мнѣ разсказывали сами жители, что промышленники вмѣстѣ съ нартой и съ собаками носятся вѣтромъ по морю на какой-нибудь льдинѣ, если такъ называемый „припо́й" или „припайный ледъ", на которомъ остановились охотники, неожиданно отдѣлится отъ берега. Раз-

сказами о весьма трагическихъ положеніяхъ охотниковъ на такихъ льдинахъ, или даже на батахъ, унесенныхъ въ открытое море на столь значительное разстояніе отъ береговъ, что изъ вида скрывался Срединный Камчатскій хребетъ, можно бы было заполнить не одинъ листъ бумаги. Всѣ подобные „случаи", передаваемые тономъ полнѣйшаго равнодушія къ ихъ трагизму, доказываютъ одно лишь, что инородцы не обезпечены средствами передвиженія по морю даже вблизи береговъ. И было бы, мнѣ кажется, мѣрой болѣе полезной, нежели нѣсколько дестей „приказовъ", снабдить этихъ приморскихъ жителей, способныхъ въ байдарахъ совершать путь отъ Паллана до Тигиля, морскими вельботами, или хотя бы японскими шампунками, во всякомъ случаѣ, болѣе надежными въ отношеніи мореходденія и болѣе удобными для промысла, чѣмъ валкіе, малоустойчивые на волнѣ баты.

Только незнакомствомъ мѣстной администраціи съ бытомъ управляемаго населенія и съ естественными условіями страны и можно объяснить, что въ настоящее время прежніе мореходы-камчадалы, о чемъ сохранились лишь смутныя преданія (походы байдарами съ Паллана до Ичи и южнѣе) вынуждены и зимой, и лѣтомъ вести сообщенія между прибрежными селеніями на собакахъ, на лошадяхъ, даже пѣшкомъ, — портя грузы и непроизводительно тратя массу времени на переѣзды и губя здоровье, въ то время какъ море, по меньшей мѣрѣ, въ теченіи восьми мѣсяцевъ дозволяетъ свободное сообщеніе по побережью Камчатки.

Возможность подобнаго сообщенія доказывается партіями охотниковъ, отправляющихся каждый годъ изъ Петропавловска, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, на шлюпкахъ въ море для промысла медвѣдей и горныхъ барановъ. Путешествіе Дитмара на вельботѣ, совершенное отъ Петропавловска до Усть-Камчатскаго селенія, партіи промышленниковъ, ходившихъ изъ Петропавловска до Кроноцкаго мыса, до Чажмы и до Ло-

патки, плаваніе Палланцевъ на байдарахъ до Тигиля, все это подтверждаетъ возможность улучшить и ускорить не только сообщеніе между острожками Камчатскаго побережья, но, главнымъ образомъ,—возможность развитія въ Камчаткѣ морскихъ промысловъ на пользу жителей этой страны.

Выше было сказано, въ замѣткѣ объ островкѣ „Сханчь", что на названномъ островкѣ нѣтъ лежбищъ ни нерпъ, ни лахтаковъ, но бываютъ, иногда, единичными экземплярами сивучи, избирающіе для своихъ лежбищъ, вообще, мѣста утесистыя, мало доступныя человѣку, — какъ названный ранѣе Ухтолонскій мысъ, или по мѣстному — Ухтолонскій Амбонъ (по-камчадальски — Оклянгэй), гдѣ сивучи ложатся „тысячами".

Сивучи промышляются жителями, главнымъ образомъ, ради его вкуснаго мяса, совершенно отличнаго отъ мяса нерпы, но очень рѣдко по причинѣ трудности этой охоты. Разсказываютъ, что камчадаламъ случилось быть очевидцами борьбы сивуча-самца (сѣкача́) съ большимъ медвѣдемъ, изъ которой сивучъ вышелъ полнымъ побѣдителемъ, далеко отбросивъ отъ себя смѣлаго медвѣдя, который, получивъ неожиданный афронтъ, постыдно бѣжалъ, боязливо оглядываясь назадъ на своего побѣдителя.

Изъ другихъ сообщеній Ковранскихъ жителей заслуживаетъ вниманія нахожденіе однимъ изъ нихъ обнаженій каменнаго угля, верстахъ въ 10—15 отъ Коврана вверхъ по одноименной рѣкѣ. Упомяну также и о томъ, что будто бы, среди кочевниковъ (коряковъ и ламутовъ) существуетъ относительно Бѣлой Сопки (Хфэа́линъ) повѣріе такого рода.

Сопка эта, напоминающая по виду потухшій вулканъ, колоссъ камчатскихъ горъ, покрыта на вершинѣ въ теченіе круглаго года снѣжнымъ и, вѣроятно, ледянымъ покровомъ. Но бываютъ года, когда вблизи ея вершины, то съ той, то съ другой стороны, показывается черное пятно: „камень вытаеваетъ". Съ которой стороны появляется такое вытаевшее

пятно, оттуда должно ожидать какое-нибудь „повѣтріе“ (эпидемію). Конечно, ставить въ какую-либо причинную зависимость появленіе „талыхъ мѣстъ“ на сопкѣ съ развитіемъ эпидеміи среди населенія — не имѣетъ подъ собою достаточнаго основанія, тѣмъ не менѣе въ 1896 году имѣло мѣсто подобное совпаденіе. На вершинѣ сопки появилось (лѣтомъ) „пятно“, обращенное въ южную сторону, и осенью среди населенія Камчатки распространилась эпидемія инфлюэнцы (съ юга).

Очень возможно, что появленіе „талыхъ мѣстъ“ на названной сопкѣ зависитъ отъ періодически усиливающейся вулканической дѣятельности ея, выражающейся въ выдѣленіи горячихъ газовъ или паровъ, по незначительности выдѣленія незамѣтныхъ для наблюдателя.

Такое объясненіе таянія снѣгового покрова на высотѣ болѣе 16000′ (по Эрману) [1]) мнѣ кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что жители передаютъ, что по подножію Бѣлой Сопки находятся круглыя отверстія, изъ которыхъ „теплота идетъ“. Изъ послѣдняго можно предполагать, что камчатскій Mont Blanc еще не окончательно прекратилъ свою дѣятельность.

Жителями никакого объясненія сказанному явленію не дается: „такъ што мы этого не знаемъ, откудова эти каменья; можетъ, отъ лѣта, думаемъ“.

11 ноября снѣгъ пересталъ идти, покрывъ все вокругъ нѣжнымъ пушистымъ зимнимъ ковромъ.

Въ виду того, что бо̀льшая часть пути отъ Коврана до Утхолоки можетъ быть пройдена по морскому берегу на лошадяхъ, а также и того, что тащиться на собакахъ по глубокому и рыхлому снѣгу — трудно и потребуетъ много времени, рѣшено было ѣхать верхами на лошадяхъ.

---

[1]) По измѣреніямъ моимъ и Лелякина Бѣлая сопка имѣетъ высоту не болѣе 10000—12000 футовъ. *К. Б.*

По небу проносились, гонимыя высокими воздушными теченіями, тучи свинцоваго цвѣта, но безъ снѣга.

Нѣтъ-нѣтъ, да и проглянетъ сквозь тучи клочекъ небесной синевы.

День обѣщаетъ быть хорошимъ: нѣтъ ни дождя, ни снѣгу, ни пурги, ни большого мороза, которые стали такъ обыкновенны за послѣдніе дни.

Рѣзко вырисовывается на фонѣ неба упомянутый нѣсколько разъ выше Эльвэликъ, возвышающійся надъ ближайшими къ селенію и окружающими его невысокими горами болѣе чѣмъ половиной своей высоты.

Изъ селенія вершина Эльвэлика видна прямо на югъ. Эта сопка отсюда имѣетъ видъ почти правильнаго конуса (восточный склонъ 26^0, западный 27^0).

Въ 9 h. 45 m. а. мы были на лошадяхъ, выѣзжая шагомъ изъ Коврана къ устью одноименной рѣки, чтобы оттуда, какъ сказано, слѣдовать морскимъ берегомъ. Направленіе пути до устья—306^0WNW.

Рѣка Ковранъ, лѣвымъ берегомъ которой мы ѣхали, приблизительно саженъ пяти шириною и не глубокая, такъ что уже съ лошади можно было хорошо видѣть дно ея, покрытое изжелта бѣлыми пятнами шуги, которая во время вставанія рѣки, говорятъ, всегда примерзаетъ къ доннымъ камнямъ.

Выше мною упоминался высокій увалъ, тянущійся по правому берегу рѣки до самаго моря. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣка прижимается къ этому увалу, а въ нѣкоторыхъ немного отступаетъ отъ него.

Рѣка не закрылась, но большіе заберегн и густая шуга указываютъ на то, что еще день-два и Ковранъ встанетъ. Уже во многихъ мѣстахъ шуга образовала, задержавшись и примерзнувъ къ камнямъ, какъ бы ледяные островки, въ иныхъ—мостики.

Ровно черезъ часъ медленной ѣзды (лошади бредутъ въ

снѣгу выше колѣна) мы проѣхали мимо устьевъ небольшихъ рѣчушекъ: справа—Инпаваэмъ, слѣва—Лёбхаваэмъ и Кни́пхваэмъ.

Въ 11 h. 16 m. a. проѣхали „лѣтовье", находящееся на лѣвомъ берегу рѣки, нѣсколько ниже устья небольшого праваго притока Коврана — Ча̀чамчнанъ. Лѣтовье состоитъ изъ нѣсколькихъ балагановъ и вѣшаловъ для сушки добываемой по лѣтамъ рыбы. По берегамъ названной рѣчки — Чачамчнанъ, какъ и по Коврану, растетъ мелкій тальникъ. Перейдя еще одну маленькую рѣчушку—Пи́лялянъ, мы увидѣли открывшійся изъ за холмовъ знакомый Бѣлоголовскій мысъ, извѣстный у камчадаловъ подъ именемъ *К*хэ́**нг**ынъ, что уже приведено было ранѣе. Долженъ сказать, что записанное мною камчадальское названіе мыса не вполнѣ точно передаетъ его (произношеніе крайне трудно).

Тучи разогналъ вѣтеръ, выглянуло солнце и вдругъ залило всѣ окрестности ослѣпительнымъ блескомъ, и безжизненный до того снѣжный покровъ тундры—долины Коврана—точно разомъ ожилъ, засверкавъ безчисленными цвѣтными огоньками—снѣжинками. Казалось, на лошадей и то сказалось животворное дѣйствіе солнца: онѣ приподняли головы и, правда, мало, но все-таки прибавили шагу, тѣмъ болѣе, что невдалекѣ виднѣлся и станъ,—юрта промышленниковъ за „морскимъ звѣремъ".

Только въ 12 h. 40 m. p. пріѣхали, или, точнѣе, дотащились до названнаго „стана". Я говорю дотащились на томъ основаніи, что разстояніе отъ острожка до моря или до „стана" опредѣляется жителями всего лишь въ восемь верстъ, на прохожденіе которыхъ нами было употреблено почти три часа (безъ пяти минутъ). Впрочемъ такой медленной скоростью можно было еще оставаться довольнымъ, такъ „собачники", т.-е. люди выѣхавшіе одновременно съ нами на собакахъ, подвигались значительно медленнѣе нашего, и теперь едва виднѣлись вдали на ровной поверхности тундры.

Вслѣдствіе того обстоятельства, что вода (въ морѣ) въ это время дня—прибылая, что дѣлаетъ невозможной ѣзду по берегу, потому что въ большей своей части берегъ здѣсь образуется отвѣсными каменными обнаженіями, на которыя нельзя подняться въ случаѣ прилива,—мы должны были провести въ этой юртѣ остатокъ дня и ночь, чтобы на разсвѣтѣ лишь двинуться въ путь.

Какъ сказано, юрта, о которой идетъ рѣчь, находится въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ моря и саженяхъ въ 150 къ югу отъ устья р. Коврана.

По нашемъ пріѣздѣ, въ ней находились только мальчикъ, лѣтъ семи и двѣ дѣвочки-подростка, лѣтъ по 12-ти. Никого изъ взрослыхъ не было, такъ какъ всѣ они были въ морѣ на батахъ на охотѣ за нерпами.

Дѣвочки были усердно заняты поддерживаніемъ огня на очагѣ по срединѣ юрты, чтобы дать обогрѣться промышленникамъ, когда они вернутся съ охоты.

Отъ юрты при ясномъ небѣ видны: сопка Эльвеликъ на 162°SSO, сопка Ǩпоайянъ 218SSW, мысъ Ǩхэнгынъ (его оконечность) на 237°WSW, высшая точка того же мыса на 232°WSW и островъ Ачаванчь (средняя линія) на 250° WSW.

Поздно вечеромъ, когда уже совершенно потемнѣло, вернулись охотники, отыскавъ съ моря юрту, благодаря разведенному въ ней огню, сослужившему имъ службу маяка.

12 ноября. Раннее утро: еще нѣтъ пяти часовъ, а уже осѣдлываются лошади, чтобы мы могли по убылой водѣ (въ отливъ) заблаговременно пройти морскимъ берегомъ къ Утхолокѣ.

Прежде чѣмъ покинуть гостепріимный кровъ, скажу нѣсколько словъ еще, какъ объ этой юртѣ, такъ и о той жизни, которую ведутъ здѣсь промышленники, живо напоминая собою и всей обстановкой то доброе старое время, когда жили пещерные человѣки, названные троглодитами.

Юрта современныхъ „троглодитовъ“ уже тѣмъ существенно отличается отъ естественныхъ жилищъ прежнихъ,— что она сдѣлана руками, значитъ, приложена нѣкоторая доля „строительнаго“ искусства. Представляетъ она собою, если такъ будетъ удобопонятно сказать,—травяную крышу— бѣднаго деревенскаго дома, поставленную не на срубъ, а прямо на землю.

Крыша эта — на два ската; обѣ открытыя стороны задѣланы травой, закрѣпленной при помощи жердей. Эти задѣлки образуютъ стѣны: переднюю и заднюю.

Задняя — глухая, въ передней же имѣется узкое и низкое четырехугольное отверстіе, прикрываемое двумя досками, сколоченными вмѣстѣ,—„дверью“, придѣланною на деревянныхъ петляхъ. О плотности, съ которою притворяется эта „дверь“, говорить излишне, принимая во вниманіе, что даже въ „домахъ“ бываютъ щели по пальцу и шире.

По серединѣ крыши—отверстіе, служащее для выхода дыма отъ очага, устраиваемаго, какъ сказано, въ центрѣ юрты. Надъ очагомъ укрѣпляется при помощи кольевъ палка. На эту палку (поперéчину) подвѣшиваются своеобразные крючья, на которые въ свою очередь, надѣваются чайники и котлы.

Пола нѣтъ. Земля, трава и всякій мусоръ замѣняютъ полъ. Вся площадь, прикрываемая такою крышей, не болѣе пяти квадратныхъ саженъ. И здѣсь-то, вчера вечеромъ, собрались болѣе двадцати человѣкъ.

По приходѣ промышленниковъ упомянутыя выше дѣвочки,—которыхъ въ такихъ случаяхъ называютъ стряпками, — бѣгутъ за водой, раздуваютъ или разводятъ заново огонь (дрова рубятся кѣмъ нибудь постарше). Дымъ совершенно разъѣдаетъ глаза. Для меня не то удивительно, что масса населенія Камчатки страдаетъ глазными болѣзнями, но удивительно то и мало понятно, что находятся еще люди, у которыхъ глаза остаются здоровыми.

Какую громадную привычку нужно къ этому ужасному ѣдкому дыму. Вотъ гдѣ можно наблюдать, воочію, приспособляемость организма къ окружающей средѣ. Не привыкшему, свѣжему человѣку нѣтъ никакой возможности смотрѣть въ этой атмосферѣ.

Глазамъ становится больно, слезы текутъ, буквально, ручьемъ, даже дыханіе и то затрудняется. Невольно забиваешься носомъ въ самый уголъ этого палаццо, но и тамъ, въ концѣ концовъ, не выдерживаешь, и тамъ нѣтъ спасенія, и выбѣгаешь на чистый воздухъ, чтобы нѣсколько отдышаться и освѣжить глаза. Но на воздухѣ холодно, и какъ ни скверно въ юртѣ, чрезъ нѣкоторое время все-таки опять забираешься туда, крѣпко зажмуривая глаза и засунувъ носъ въ куклянку, чтобы, такъ сказать, до нѣкоторой степени, отфильтрировать черезъ шерсть ѣдкій дымъ. Чайники скипѣли, оставалось только положить туда чаю, какъ вдругъ происшествіе, никого, впрочемъ, не смутившее: такъ оно обыкновенно въ этой бродячей обстановкѣ. Поперечная палка (также „тага́нъ") перегорѣла, и всѣ чайники и котелки полетѣли, разлившись, въ огонь, заливъ костеръ и разведя еще бо́льшій дымъ. Поправка дѣло одной минуты; и опять кипяченіе. Наконецъ, все готово. Подается столъ. О столѣ-доскѣ мною говорилось раньше. На такой столъ ставится въ длинный рядъ посуда: чашки, кружки, жестяныя (изъ подъ пороху) банки и др., однимъ словомъ, кто чѣмъ богатъ.

Начинается чаепитіе.

Сплевывается тутъ же. (Плеваніе на полъ обычно, значитъ, не у однихъ только камчатскихъ русскихъ). Такъ и боишься, что вотъ-вотъ кто-нибудь по неосторожности вмѣсто пола плюнетъ вамъ въ чашку или на одежду!

Послѣ чаепитія готовится ужинъ. Варится „свѣжина": всѣ довольны: убили болѣе десяти звѣрей. Послѣ кушанья начинается „выпластываніе" добытыхъ звѣрей, т.-е. снятіе шкуръ, и затѣмъ дѣлежъ (пайки).

Всѣ участники получаютъ поровну. Кстати сказать, что на этотъ разъ на промыслѣ участвовали, кромѣ мужчинъ, двѣ дѣвицы, лѣтъ по двадцати. Костюмъ тотъ же, что и на мужчинахъ: такая же кожаная рубаха (камлея), такіе же кожаные штаны, развѣ, можетъ быть, особаго покроя,—такіе же торбасà на ногахъ, и такая же шапка на головѣ. Въ ихъ разговорѣ, совершенно свободномъ, непринужденномъ, также часто слышится слово „браво", въ смыслѣ—хорошо, красиво, ловко. Онѣ также плюютъ на сторону, закладываютъ зá губу „лемешúну" (молотый табакъ съ березовой корой). Словомъ, молодцы—достойныя товарки и подруги троглодитовъ.

На ужинъ было употреблено мясо нерпы, лахтака и др. звѣрей.

Мясо этихъ животныхъ темнаго, почти чернаго цвѣта, съ какимъ-то особеннымъ запахомъ.

Поѣдается съ видимымъ аппетитомъ, и берется, конечно, изъ общаго котла чаще всего руками, но также и самодѣльными ложками, сдѣланными довольно искусно, если принять во вниманіе, что кромѣ ножа для этого не имѣется другого инструмента.

Не меньшимъ почетомъ, какъ кушанье, пользуется и свѣжій (еще не совсѣмъ остывшій) жиръ. Свѣжій нерпúчій жиръ на вкусъ не непріятенъ, и во всякомъ случаѣ можетъ быть употребляемъ въ пищу безъ содраганій внутреннихъ, о которыхъ говоритъ Крашенинниковъ въ статьѣ о камчадальскихъ кушаньяхъ.

Не разъ приходилось видѣть, какъ пластины или куски юколы, для приданія имъ бóльшаго вкуса, обмакивались въ старый, прогорклый, вонючій жиръ, налитый въ грязное деревянное корыто. Вотъ это кушанье, дѣйствительно, даже у неособенно брезгливаго человѣка, вызываетъ „содраганія внутреннія".

Чтобы дополнить эти замѣтки о жизни въ промысловой юртѣ, нельзя не упомянуть, что мокрая одежда развѣшивается

по стѣнамъ, гдѣ и какъ только можно: платье, торбасы, чажи (мѣховыя чулки), штаны, кухлянки и такъ далѣе, и все это чаще надъ очагомъ, какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ навѣшиваются чайники и котелки. Одежда часто переворачивается кѣмъ-нибудь изъ хозяевъ, безъ всякой осторожности, тутъ же, грязь и паразиты, въ силу естественнаго закона притяженія къ центру земли, падаютъ внизъ, но, надо думать, только въ огонь, а не въ чай или въ пищу. Но, довольно объ этой юртѣ, а съ ней и о томъ комфортѣ, какимъ приходится пользоваться, совершая путь по Камчаткѣ, человѣку недостаточно обезпеченному, чтобы отказаться отъ такого комфорта.

Кони готовы, чай и завтракъ изъ „свѣжины́“ приняты внутрь, и въ 5 h. 15 m. a. мы отправились съ мѣста.

Сперва путь идетъ ровнымъ и низкимъ берегомъ до устья рѣки Коврана, прижавшагося къ высокому, до 100 футовъ утесу, которымъ окончился упомянутый ранѣе увалъ (праваго берега Коврана). Устье въ томъ мѣстѣ, гдѣ его приходится перебрести, неглубоко (самое глубокое,—полагаю, не болѣе трехъ четвертей), такъ что вьюки нисколько не были подмочены. Широкія за́береги. Отсюда не далеко до устья названнаго выше притока Коврана, Лэ́львуча. Перейдя черезъ рѣку, мы пошли далѣе по морскому берегу, почти все время вблизи отвѣсныхъ каменныхъ обнаженій, идущихъ до самаго устья р. Утхолоки.

Только мѣстами эта каменная стѣна прорѣзывается небольшими стекающими въ море тундровыми рѣчушками. Все время можно совершенно ясно видѣть водное происхожденіе этихъ обнаженій. Пласты, правильно смѣняющіеся, заключаютъ въ себѣ массу различныхъ раковинъ. Наклонъ пластовъ замѣтенъ на глазъ, онъ идетъ къ сѣверу (опредѣлить точнѣе не было возможности за неимѣніемъ клинометра). Вся эта стѣна разлома на всемъ протяженіи, приблизительно, одинаковой высоты (до 300 футовъ).

Въ иныхъ мѣстахъ, вслѣдствіе обваловъ, безпрепятственный путь по берегу преграждается каменными глыбами; такія мѣста извѣстны на Камчаткѣ (повсемѣстно) подъ именемъ непропусковъ, и ихъ приходится обходить, поднимаясь по болѣе или менѣе удобнымъ для того рытвинамъ на верхъ, и вновь спускаясь, по обходѣ, къ морю. Не беру на себя смѣлости опредѣлять на глазъ встрѣчающіяся въ обнаженіяхъ окаменѣлости, въ которыхъ Дитмаръ находилъ виды *Pecten* (стр. 615). Было бы чрезвычайно интересно прослѣдить сказанныя обнаженія, тянущіяся, какъ замѣчено, почти не прерываясь, отъ Коврана до Утхолоки, что составляетъ около сорока верстъ, обнаженія, столь рѣзко отличающіяся отъ упомянутыхъ ранѣе Крутогоровскихъ, заключающихъ въ себѣ одни лишь растительные остатки. Проѣзжая верхомъ мимо первыхъ, можно было замѣтить одно лишь, что пласты становятся рыхлѣе по направленію къ сѣверу, иначе сказать, чѣмъ моложе, такъ какъ налегаютъ на нижніе,—мѣстами вслѣдствіе трещиноватости даже самое напластованіе становится неяснымъ. Кромѣ того можно было видѣть рѣзкую синевато-зеленую окраску одного изъ пластовъ.

Нельзя, мнѣ кажется, не упомянуть и о тѣхъ береговыхъ террасахъ, которыя невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе всякаго путника, ибо, поднимаясь отъ морского берега и спускаясь къ нему, приходится проходить этими террасами, точно ступеньками гигантской лѣстницы. Особенно хорошо видны террасы, о которыхъ идетъ рѣчь, при устьѣ рѣчки Хвѐтливаѐмъ. Не свидѣтельствуютъ ли эти террасы впадающихъ здѣсь рѣчекъ о поднятіи западнаго побережья Камчатки? Разрѣзъ, напр., вблизи устья названной рѣчушки Хвэтливаэмъ, представляетъ какъ бы двѣ сходящіяся книзу лѣстницы. Принимая во вниманіе, что разрѣзы большинства, по крайней мѣрѣ, западнобереговыхъ Камчатскихъ рѣкъ представляютъ собою подобную же картину, возникаетъ не невозможное допущеніе, что въ отдаленныя

времена всѣ воды Камчатки, стекавшія въ море со Срединнаго хребта, занимали бо́льшую площадь (по ширинѣ) и современемъ, по мѣрѣ поднятія поверхности, углубляли свое русло, становясь въ то же время менѣе водообильными. Отчего зависитъ наблюдаемое усыханіе и можетъ ли быть поставлено въ связь съ отступаніемъ ледниковъ, которое несомнѣнно, вопросъ этотъ мною пока оставляется открытымъ.

Въ 10 h. 15 m. a. мы дошли до устья рѣчки Ко́льхчина, по глубоко прорытому оврагу (пади) котораго поднялись на верхъ, оставивъ путь морскимъ берегомъ. Отъ устья Ко́льхчина упомянутая выше нѣсколько разъ сопка *Кп*ба́йянъ видна на 216°, мысъ р. Коврана 208°, мысъ *Кх*э́**нг**ынъ или Бѣлоголовскій 223°, мысъ Утхолокскій 336°, устье р. Утхолоки 353° N (безъ поправки на склоненіе). Поднявшись на верхъ, занятый обширными тундровыми площадями, и дойдя до ближайшаго березника, остановились въ 10 h. 45 m. a., чтобы дать отдохнуть лошадямъ.

Въ 12 h. 35 m. p. отправились далѣе, слѣдуя по обширной, какихъ уже давно не встрѣчалось, тундрѣ. Отсюда можно было увидѣть въ послѣдній разъ вершину Эльвэлика̀, которая, показавшись, тотчасъ же и скрылась за березовымъ лѣсомъ. Уже въ сумеркахъ пришлось перейти черезъ рѣчушку Ка́лькальваэмъ, отъ которой нашъ путь пошелъ сплошной мокрой тундрой, одѣтой снѣговымъ покровомъ, въ которомъ лошади брели по колѣна, и подъ которымъ все еще слышалась незамерзшая вода, не смотря на наступившіе холода. Въ 5 h. 15 m. p., въ потемкахъ, мы добрались, наконецъ, и до Утхолокскаго острожка.

13 ноября. Проведя ночь въ Утхолокѣ, на другой день, въ 10 h. 15 m. a., я выѣхалъ въ предпослѣднее передъ Тигилемъ камчадальское селеніе—Напану. Относительно Утхолоки могу сказать только то, что какое-то грустное и тяжелое впечатлѣніе оставляетъ въ васъ этотъ острожекъ, какъ бы схоронившійся въ безлѣсной мѣстности, среди обширныхъ

тундръ, залегающихъ вокругъ него, и среди которыхъ рѣдко-рѣдко можно увидѣть небольшіе островки-березники. Отсутствіе хорошаго строевого лѣсу сказывается здѣсь въ убогости всѣхъ построекъ. Какъ-то жалко выглядятъ маленькія покосившіяся, не то отъ ветхости не то отъ незавиднаго искусства стройки, одиннадцать лачугъ и маленькая, выдѣляющаяся своею новизною межъ нихъ, часовенька. Она стоитъ посреди острожка и, кажется, удивлена сама, для кого и для чего она тутъ находится. Недоумѣніе въ ея маленькой фигуркѣ. Острожекъ расположенъ на правомъ берегу извилистой тундровой рѣки того же имени, верстахъ въ пятнадцати (по прямому направленію) отъ берега моря, и вблизи довольно высокаго увала, приблизительно въ двѣсти футовъ (съ праваго берега рѣки). Благодаря послѣднему обстоятельству, при переѣздѣ изъ Напаной въ Утхолоку, видъ на послѣднюю открывается сразу.

По словамъ жителей, въ 94 г., считалось всего населенія около семидесяти человѣкъ, рогатаго скота было 15 головъ и лошадей двадцать. По переписи 90 г. было: жителей 71 ч., по Дитмару 58 человѣкъ (въ 53 году). По переписи 97 г.— 91 человѣкъ обоего пола. Слѣдующія слова Дитмара, приводимыя имъ при описаніи Утхолоки, какъ справедливо, по моему мнѣнію, характеризующія „осѣдлаго“ камчадала, послужатъ подтвержденіемъ высказаннаго мною выше о переходной ступени развитія общежитія камчатскаго инородца (стр. 612): Der Ort hat Alles was zu einer sehr ausgiebigen Viehzucht nöthig ist, und ebenso gedeihen hier die Gartenfrüchte vortrefflich, und dennoch ist Alles dies eine den Leuten nur aufgedrungene Beschäftigung. Es ist durchgehend bei allen hiesiegen Völkern und hat sich auch auf die Russen, die längere Zeit hier gelebt haben, übertragen, dass ihnen das Herumnomadisiren, das Fischen und Jagen lieber ist als das Begründen einer angenehmen und behaglichen Häuslichkeit. Nichts geschieht für den Comfort des Lebens

oder für die äussere Ausschmückung des Wohnorts. Eine Jurte im Walde zu bauen um in deren Umgebung Wurzeln und Beeren zu sammeln, ist beliebter als zu Hause einen guten Garten zu pflegen und in stinkenden Balagans zu wohnen ist erwünschter als sein Haus bei gewonnbringender Vieh- und Pferdezucht wohnlich einzuviehten.

Камчадалами въ настоящее время Утхолока называется Окальхъ, каковое названіе напоминаетъ приводимое Крашенинниковымъ для той же рѣки Окола-ваэмъ, относительно которой этотъ изслѣдователь говоритъ, что „надъ этою рѣкою бывало прежде камчатское поселеніе, токмо оное нынѣ опустѣло". Занятія жителей тѣ же, что и описанныхъ до сего времени острожковъ.

Благодаря отдаленности отъ главныхъ торговыхъ пунктовъ полуострова, по словамъ жителей, въ 94 году существовали слѣдующія среднія цѣны на товары: кирпичъ чаю 1 р. 30 к.—1 р. 50 к., одинъ фунтъ сахару 40 к.—50 к., одинъ фунтъ табаку черкасскаго—одинъ рубль; 1 арш. ситцу—35 и 40 к., 1 арш. дрели—60 коп.; платки головные бумажные 80 к.—1 рубль; топоры—4 р.—5 р.; кулекъ бѣлой японской муки—7 р. 50 к.; мѣдь (дѣланная) фунтъ—1 р. 50 к.; Пушнина принималась по цѣнамъ: лучшая шкура большого медвѣдя—12 рубл., лисица 5 р., соболь—15 рублей, нерпа—1 рубль и волкъ—3 рубля. На сколько пушной промыселъ обезпечиваетъ (хотя можетъ быть и не всегда такъ) инородцевъ могутъ служить цифры добычи за зиму 94 года; по словамъ жителей, соболей было добыто всего пять штукъ, лисицъ—тридцать; числа медвѣдей не сказано, но, вообще, „немного". Немаловажнымъ подспорьемъ поэтому и здѣсь является, какъ и на Ковранѣ и въ другихъ острожкахъ, упомянутый, такъ называемый, морской промыселъ. О послѣднемъ мною было говорено выше и потому я не стану повторять описанія способовъ его веденія, упомяну лишь, что на Утхолокскомъ мысу (по мѣстному русскому—Утхолокскій Амбонъ или, по-

камчадальски—Оклянгэй)—находятся богатыя лежбища сивучей (*Phoca leonina*). Промыселъ этого звѣря систематически не ведется; число добываемыхъ ежегодно сивучей измѣряется только единицами.

Объясняется это тою трудностью, съ которою бываетъ сопряжена охота за сивучами, избирающими мѣстомъ своихъ лежбищъ недоступные для человѣка съ моря и трудно доступные съ суши утесы и камни названнаго мыса.

Мясо сивуча, какъ и другихъ видовъ ластоногихъ, идетъ въ пищу; шкура — на ремни и на подошвы къ торбасамъ, изъ пищепровода дѣлаются лучшія бродни (безъ шва), совершенно не пропускающія воды; почему бродни изъ сивучьяго „горлá" или, просто, „горлòвыя" бродни, цѣнятся жителями дороже обыкновенныхъ кожаныхъ.

Разсказы жителей объ ихъ житьѣ-бытьѣ, ихъ жалобы на дороговизну привозимыхъ товаровъ, не прибавляли ничего новаго къ сообщенному ранѣе, почему я ихъ также не привожу здѣсь. Спрошенные мною, какія рѣчки приходится проѣзжать на пути отъ Утхолоки въ Ковранъ, жители мнѣ назвали слѣдующія, начиная отъ Коврана:

1) Ковранъ, 2) Лы́львучъ, 3) Вàвангъ, 4) Тнòнхльномъ, 5) Валэнъ, 6) Кайя́чи-ваэмъ, 7) Хвэ́тливаэмъ, 8) *Ко́льхчинъ*, 9) Ка́лькэльваэмъ, 10) Кыльхолёй (притокъ Утхолоки) и, наконецъ, 11) сама р. Утхолока, или по-камчадальски, Окалянкыхъ.

Вершина послѣдней находится въ падяхъ горной цѣпи, извѣстной подъ названіемъ Медвѣжьго Камня, или, по-мѣстному,—Кыёнгэй.

Другая вершина Утхолокской рѣки (лѣвая) беретъ начало вблизи хребта Иррунгэй и носитъ названіе—Кы́лимшъ.

Далѣе къ сѣверу по направленію къ Напанскому острожку, идутъ рѣчки: 1) Пухль, берущая начало въ тундрѣ и впадающая въ р. Квачену, 2) Ты́жмэнчъ, впадаетъ также въ Квачэну, 3) Квачена или Ква́чэнъ; 4) Ква́чэнмы́мчъ, 5) Сна́-

тальнаваемъ, 6) Черная рѣчка, 7) Лäитъ, и 8) рѣка Напана.

Приведенныя свѣдѣнія — единственныя, которыми можно было воспользоваться изъ всѣхъ разсказовъ камчадаловъ, я дополню еще замѣчаніемъ, что изъ Ухтолокскаго острожка жители ѣздятъ на устье р. Тигиля прямымъ путемъ („на́прямь") — „тундрой". Этотъ переѣздъ при скорой ѣздѣ можетъ быть совершенъ въ три дня, при болѣе медленной—въ четыре (туда и обратно).

Съ самаго ранняго утра все небо было закрыто облаками, а ко времени выѣзда изъ Утхолоки—пошелъ снѣгъ; но, несмотря на это, было рѣшено ѣхать.

Въ теченіе первыхъ трехъ четвертей часа пути—направленіе, котораго мы держались, было крайне извилисто: то подвигались прямо на востокъ, то на сѣверо-востокъ, то сворачивали немного къ югу, пока не выбрались, въ 11 часовъ, на ровную поверхность громадной тундры.

Путь, указываемый по ней—тычками-вѣхами, идетъ, насколько можно видѣть вдаль, на 80° ONO, скрываясь въ ближайшемъ березовомъ лѣсочкѣ, покрывающемъ небольшую возвышенность; чрезъ послѣднюю—путь идетъ падушкой.

Уже съ первыхъ шаговъ по тундрѣ передовому каюру пришлось надѣть лыжи, чтобы, продѣлывая дорогу, предварительно, нѣсколько облегчить трудъ собакамъ, вынужденнымъ тащить нарту по глубокому и рыхлому снѣгу („убро̀дъ").

Погода—самая скверная: все время, не переставая, валитъ снѣгъ, затрудняя тѣмъ наше поступательное движеніе болѣе и болѣе.

Въ 1 h. 30 m. p. проводники, утомленные прокладываніемъ дороги въ глубокомъ снѣгу, поддерживаніемъ нартъ, бредя рядомъ съ ними, принуждены были остановиться на берегу маленькаго ключика, впадающаго тутъ же въ другой, прорѣзывающій дно пади, по которой лежалъ нашъ путь.

Собаки, уставшія не менѣе, если не болѣе, проводниковъ, тотчасъ же свернулись клубкомъ и залегли въ снѣгъ, довольныя даннымъ имъ отдыхомъ. За три часа безостановочнаго движенія впередъ нами было пройдено до мѣста отдыха не болѣе трехъ — трехъ съ половиною верстъ. Вотъ скорость передвиженія на собакахъ по такъ называемому „убро̀ду".

Напившись чаю и нѣсколько отдохнувъ отъ утомительно-тяжелой ходьбы по глубокому снѣгу, мы поѣхали далѣе въ 3 h. p.

За время остановки снѣгъ повалилъ еще болѣе густой, крупными хлопьями, и притомъ началъ при паденіи таять (сля́ча).

На этотъ разъ пришлось надѣть лыжи и брести (даже на лыжахъ) въ снѣгу отъ самаго мѣста остановки. Все время наблюдая за своими проводниками, смотря на ихъ изумительную выносливость брести по снѣгу, на ихъ ловкость, необходимую для проводничества при ѣздѣ на собакахъ, я болѣе и болѣе приходилъ къ тому заключенію, что обвиненіе камчадаловъ въ лѣни, какъ какой то характерной особенности этого племени, и желаніе объяснить этимъ послѣднимъ „свойствомъ"—лѣнью—всю ихъ скверную домашнюю обстановку — является голословнымъ, безусловно ошибочнымъ, высказаннымъ послѣ минутнаго поверхностнаго взгляда на эту обстановку, не мало не вдумываясь въ тѣ дѣйствительныя причины, которыя обусловливаютъ ихъ „лѣнивую" обстановку. Мнѣ кажется, что даже сравнивать камчатскаго инородца съ русскимъ крестьяниномъ, проводить между ними какую-нибудь параллель, совершенно невозможно, потому что положеніе этихъ народностей на пути культуры различно: одни—осѣдлые, другіе—бродячіе или полубродячіе, но никакъ не осѣдлые.

Если и случается, что инородецъ сидитъ дома и „занимается" или разговоромъ съ вами, который кажется ему обя-

зательнымъ („чтобы Начальству скучно не было, пока собачекъ перепрягаютъ"; такъ объясняютъ сами инородцы эту также „натуральную" повинность — развлекать начальство разговорами), или выдѣлываніемъ копыла, или даже только рѣзьбой оштола (см. устройство нарты) въ то время, какъ въ неплотно прикрывающіяся двери избушки врывается холодный вѣтеръ, а въ полураскрытую крышу его грязной лачуги-дома набивается снѣгъ, то вовсе не потому, что ему „лѣнь", что ему труднѣе поправка названныхъ недочетовъ въ хозяйствѣ, кажущихся человѣку осѣдлому (значитъ, болѣе или менѣе цивилизованному) — первой важности, а потому только, что копылъ и рѣзной, а не грубо отесанный, оштолъ для инородца, являются именно предметами первой необходимости; благоустройство же „дома",—о которомъ надо сказать, у инородца—нѣтъ яснаго представленія,—второй.

Если спросить мѣстныхъ доморощенныхъ мудрецовъ-администраторовъ, жадныхъ къ составленію всевозможныхъ проектовъ, обезпечивающихъ благосостояніе камчатскихъ жителей и не знакомыхъ даже поверхностно съ послѣдними, почему тѣ же требованія, которыя предъявляются ими къ камчадаламъ, не предъявляются къ корякамъ, и вы получите отвѣтъ, что коряки-кочевники, что они и русскаго языка то не понимаютъ. Вопросъ затронутый—столь сложенъ, что изложить его подробно во время ѣзды на нартѣ невозможно, поэтому я его и оставляю на этомъ мѣстѣ, замѣтивъ лишній разъ, что жить въ Камчаткѣ и быть лѣнтяемъ, т.-е. лежебокомъ, нельзя, въ силу непреодолимыхъ естественныхъ условій, вынуждающихъ жителя снискивать себѣ насущный кусокъ непрестанной и тяжелой борьбой съ природой Камчатки.

Протащившись еще два часа упомянутой выше падушкой, мы въ 5 h. p. вечера остановились на другой сторонѣ невысокой гряды, поросшей березовымъ лѣсомъ, — измученные тяжелой ходьбой не менѣе, чѣмъ наши безотвѣтныя собаки.

14 ноября. Холодное утро. Тучи нѣсколько разсѣялись,

позволяя клочками видѣть синеву неба. Скажу еще немного словъ о вчерашнемъ пути.

Это было истинное мученіе. Лучшую долю избралъ шедшій на лыжахъ впереди собакъ — прокладывать дорогу, собственно, только нѣсколько осадить снѣгъ, чтобы собаки не совсѣмъ тонули въ рыхломъ снѣгу, — но и тому было очень трудно идти по колѣно въ снѣгу, но горшее выпало на долю моего проводника. Шедшія впереди собаки, по готовой лыжницѣ, но безъ хозяина, поминутно останавливались, и, чтобы подвинуться впередъ второй нартѣ, мой проводникъ также, буквально, поминутно, шагавшій на лыжахъ рядомъ съ нартой, долженъ былъ доходить до первой нарты, сдвинуть ее съ мѣста, покричать на собакъ, чтобы своимъ неустаннымъ хик'аньемъ и хак'аньемъ побудить ихъ на нѣсколько секундъ къ дальнѣйшему ходу, потомъ, — вернуться къ своей нартѣ, продѣлать то же самое съ ней, и опять, и опять то же. За два часа мучительной ходьбы (до потемокъ) мы прошли такимъ образомъ не болѣе двухъ верстъ. Люди обливались потомъ и собаки не могли идти далѣе.

Мѣсто нашего ночлега находилось на берегу маленькаго ручейка, теперь совершенно скрытаго подъ снѣгомъ, сбѣгающаго въ рѣчку Пухль, притокъ Квачены, названія той и другой были приведены выше.

По склонамъ пади — кустарниковый кедровникъ, единственный видъ кедра, растущій на Камчаткѣ,—почти совсѣмъ занесенный снѣгомъ, и крупный березовый лѣсъ...

Въ 9 h. 52 m. a. утра—снова побрели въ путь-дорогу, сперва спускаясь тою же падью, въ которой ночевали, и держа курсъ приблизительно на востокъ.

Березовый лѣсъ простирался не далеко: едва пересѣкли гряду, какъ окончился и лѣсъ, и мы снова вышли на открытый просторъ тундры.

Въ 11 h. a. перешли рѣчку Пухль. Немного не дойдя до этой рѣчки, можно было съ округлой возвышенности, на-

блюдать перекочевыванье коряковъ. На человѣка, видящаго это явленіе изъ жизни номадовъ въ первый разъ, производитъ представляющаяся картина странное впечатлѣніе.

Прежде всего, конечно, замѣчается табунъ оленей, рѣзко выдѣляющійся темнымъ цвѣтомъ шерсти на бѣломъ фонѣ снѣгового покрова тундры. То по одиночкѣ, то тѣсно сплоченными группами передвигаются олени, погоняемые криками пастуховъ-коряковъ. Впереди табуна длинною вереницею тянется обозъ упряжныхъ оленей, перевозящихъ юрту, все несложное юртовое хозяйство и малолѣтнихъ дѣтей съ ихъ матерями.

Далеко-далеко разносится по тундрѣ монотонная пѣсня — не пѣсня коряковъ.

За ближайшею возвышенностью кочевники скрылись, и мы вновь остались единственными существами, нарушавшими мертвенную тишину необозримой тундры.

Въ 12 h. 20 m. p. должны мы были остановиться на правомъ берегу рѣчушки Тажмачэнъ, лѣваго притока Ква́чэна. Все время тянется тундра и тундра, — и конца нѣтъ этой равнинѣ. Куда ни посмотришь, всюду видишь слегка волнистую поверхность чистой, подъ снѣгомъ тундры; развѣ только кой-гдѣ мелькнутъ нѣсколько кустиковъ кедровника или тальника, гдѣ-нибудь на берегу скрытой рѣчушки. Далеко впереди, на самомъ горизонтѣ, виднѣется рядъ возвышенностей, одѣтыхъ березовымъ лѣсомъ.

Мѣстами тундра размыта снѣговыми весенними водами и водами, нѣкогда покрывавшими все западнобереговое пространство Камчатки—въ овраги, балки. Я не знаю, имѣется ли какое-либо спеціальное названіе для этихъ размывовъ.

Почти прямо на сѣверѣ видна обособленная горная мѣстность мыса Тигильскаго Амбона, или, по-камчадальски, А'нтома, — на западѣ — такая же — упомянутаго выше — О'кля**нг**эй.

Эти обѣ мѣстности, изолированныя другъ отъ друга, также

изолированы и отъ главнаго Срединнаго Камчатскаго хребта— обширными тундровыми площадями.

Пройдя послѣ остановки еще полтора часа мы вынуждены были остановиться на сегодня окончательно на ночлегъ, на правомъ берегу Кваченой, невдалекѣ отъ возвышенности „Хулу́уна", такъ какъ собаки совершенно отказывались продолжать дальнѣйшій путь.

Мѣсто, послужившее намъ невольно ночлегомъ, оказалось для таковаго, особенно въ зимнее время, крайне неудобнымъ по причинѣ недостатка въ топливѣ. Растетъ, правда, по ея берегамъ тальникъ, но и тотъ представляетъ изъ себя рѣдкій и низкорослый, притомъ еще и тонкоствольный кустарникъ, такъ что приходится съ трудомъ набирать достаточное количество дровъ для варки чая и пищи.

Въ берегахъ Кваченой, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, видны каменистыя, почти совсѣмъ закрытыя снѣгомъ, обнаженія.

Квачена течетъ, въ главномъ, съ востока на западъ, имѣя началомъ тундру, у березника, извѣстнаго подъ именемъ Амы́лђылана.

На другой день, т.-е. 15 ноября, выѣхали уже въ 7 h. 25 m. утра, въ ясную и холодную погоду.

Несмотря на довольно сильные холода, стоявшіе нѣсколько дней передъ этимъ, Квачена покрыта льдомъ лишь мѣстами, оставаясь полой (полыньи и пропа̀рины). Приходится предварительно испробовать крѣпость льда, а затѣмъ уже ѣхать на нартахъ.

Замѣтивъ на льду свѣжій слѣдъ выдры, каюрщики сообщили, что этотъ звѣрекъ водится въ Кваченой. Разговаривая относительно сивучей и ихъ лежбищъ на Утхолокскомъ мысу (О'клянгэй), я узналъ, между прочимъ, что съ одной изъ высокихъ горъ той мѣстности въ ясный день можно видѣть за моремъ („за рѣкой") двѣ горы, не равной вышины. Проводники предполагаютъ, что виднѣющіяся горы принадлежатъ Ямскимъ островамъ, о которыхъ они слышали отъ проѣзжаю-

щихъ черезъ ихъ острожекъ русскихъ, какъ о находящихся въ замѣченномъ ими направленіи.

Путь отъ Кваченой сначала ведетъ на ONO.

Въ 7 h. 57 m. a. переѣхали рѣчку Кв̀ачэнмумчъ, текущую нѣсколькими рукавами, въ берегахъ, поросшихъ жалкими кустами тальника. Спускъ къ этой рѣчкѣ—крутой.

По сторонамъ виднѣются невысокіе холмы. Чрезвычайно ясно видны слѣды бывшихъ размывовъ всей этой мѣстности. И видъ этихъ холмовъ, особенно сглаженныхъ, округленныхъ, какъ только можетъ сгладить и округлить вода, и эти многочисленныя рѣчушки со многими береговыми террасами.

Въ общемъ, поверхность тундры представляется ровной, поросшей крошечными кустиками одного вида *Salix*, *Potentilla fruticosa* (извѣстной у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ тундроваго чая), *Myrtillus Vaccinium*, *Empetrum* и *Ledum*. Вотъ главные представители тундровой растительности.

Надо еще разъ сказать, что эта растительность одѣваетъ только кочковатыя или сухія тундры, тундры же мокрыя одѣты иными растеніями.

Объ этихъ двухъ родахъ камчатскихъ тундръ, мнѣ приходилось говорить ранѣе.

Переваливъ черезъ гряду холмовъ Ктэ́лламанъ, что означаетъ въ переводѣ на русскій языкъ собственно — перевалъ (такъ какъ холмы эти находятся на пути между Утхолой и Напаной), мы ровно въ 11 часовъ дня остановились на отдыхъ, на Напанской или на восточной сторонѣ ихъ.

Гряда Ктэ́лламанъ имѣетъ, повидимому, направленіе съ юга на сѣверъ, слабо понижаясь къ сѣверной оконечности.

Мнѣ казалось, что восточный склонъ гряды нѣсколько отложе западнаго.

Возвышенность „Ктэлламанъ“ собственно образуютъ двѣ параллельныхъ гряды, раздѣленныхъ другъ отъ друга довольно обширной равниной (долиной).

Вторая или восточная гряда точно такъ же, какъ и первая или западная, имѣетъ восточный склонъ отложе.

Кромѣ того, обѣ гряды прорѣзаны поперечными падями съ востока на западъ. Эти закругленныя отдѣльности въ грядахъ имѣютъ видъ низкихъ сопокъ.

Отдѣльные холмы или „Сопочки“ Ктэлламана поросли березовымъ лѣсомъ *(B. Ermani)*, среди котораго пріютилась путевая или „трактовая“ Напано-Утхолокская юрта.

На Ктэлламанѣ встрѣчаются также густыя поросли ольховника *(Alnus viridis et incana)*, котораго уже долгое время не попадалось на нашемъ пути.

Отъ названной возвышенности началось вновь странствованіе по безконечнымъ тундрамъ, которыми въ 4 часа добрались до Черной рѣчки, нѣсколько выше переѣзда черезъ которую виднѣлся кедровникъ и березникъ, что дѣлаетъ Черную рѣчку удобнымъ мѣстомъ для остановокъ, но мы неустанно на этотъ разъ продолжали путь дальше, пока, уже въ сгустившихся сумеркахъ, не остановились въ пять часовъ окончательно на ночь среди необозримой тундры, у опушки большой заросли кедровника, единственной—на далекое разстояніе, сколько можно было отсюда видѣть.

Въ отношеніи дровъ, т.-е. топлива,—мѣсто хорошее, но за то здѣсь нѣтъ рѣчки, и чтобы выпить чаю, приходилось довольствоваться для того снѣговой водой. Какъ бы въ вознагражденіе за это неимѣніе проточной воды, проводниками былъ разведенъ богатѣйшій костеръ, заслуживающій быть внесеннымъ на скрижали камчатской исторіи за свою отличную живописность среди тундры въ темную, но звѣздную ночь.

Костеръ нашъ на далекое разстояніе вокругъ освѣщалъ какимъ то бѣглымъ, красноватымъ свѣтомъ безлюдную пустыню и, казалось, хотя нѣсколько оживлялъ ее. Даже собаки при видѣ весело сверкающаго огня и цѣлыхъ споповъ искръ, высоко поднимавшихся въ воздухѣ,

повертывали къ кострищу свои усталыя головы и, какъ будто, любовались, и какъ люди, этимъ единственнымъ въ своемъ родѣ и необыкновеннымъ на тундрѣ зрѣлищемъ. Пламя поднималось иной разъ, когда вдругъ яркимъ огнемъ вспыхивала хвоя смолистаго кедровника, на высоту болѣе трехъ саженъ. Далеко долженъ былъ бы быть видѣнъ нашъ „пожóгъ", если бы въ какой-нибудь точкѣ необозримой и мертвой снѣжной пустыни-тундры имѣлось какое-нибудь живое существо. Но, кромѣ насъ самихъ и нашихъ собакъ, на тундрѣ не было никого, и любовались чудной картиной только мы сами, подбрасывая, по временамъ, въ огонь все болѣе и болѣе кедровнику. Ни одной тучки не было видно на темномъ небѣ: окончательно выяснѣло и сдѣлалось замѣтно холоднѣе. Едва отойдешь на нѣсколько шаговъ отъ кострища какъ начинаешь мерзнуть, между тѣмъ какъ около—не возможно вынести жаръ.

Перспектива провести еще одну морозную ночь среди открытаго простора тундры, непосредственно на снѣгу, способствовала какъ то дольше сидѣть у костра, повертываясь то и дѣло къ нему спиною и вести съ проводниками душеспасительныя разсужденія.

Такъ разсматривая небо усѣянное звѣздами, мнѣ каюрщики сообщили, что они въ пургу или въ темную, безлунную, но звѣздную ночь отыскиваютъ путь или мѣсто стана, въ своихъ частыхъ блужданіяхъ по морю—тундрѣ, руководясь созвѣздіями—Большой Медвѣдицы (Кэ́ын—медвѣдь), Оріона (Кэнчх), Плеядъ (а́ашх — вши) и Венерой, которую они за ея выдающійся блескъ называютъ „Атхлах", что значитъ „свѣтлая, блестящая".

Пока мы поглощены были тундровой астрономіей, задулъ восточный вѣтеръ, принудившій одного изъ проводниковъ, предполагавшаго было расположиться спать внѣ палатки, подъ открытымъ небомъ, залѣзть на ночь въ палатку, по примѣру остальныхъ.

„Что, должно быть, не очень-то тепло тебѣ было ночевать вчера безъ палатки?“ — спросилъ я его по этому поводу. „Весь я даже исперепотѣлъ, такой-то жаръ былъ! — отвѣчалъ онъ и продолжалъ далѣе, какъ бы поясняя; — да и какъ не быть жару, когда ноги въ одѣяло засунешь да еще парчёнку на себя надѣнешь — поневолѣ жарко станетъ. Ужъ я потомъ, передъ утромъ, парчёнку-то снялъ, такъ, лишь, пурга этотъ самый шибко много снѣгу подъ рубашку набилъ, — оттого нонче я и хочу въ палатку зайти, а не то штобы отъ холоду“.

Такая выносливость стоитъ упоминанія, особенно, если самому видѣть ту „парчёнку“ и то одѣяло, о которыхъ онъ говорилъ съ такимъ уваженіемъ. Нѣсколько рѣдкихъ шерстинокъ, уцѣлѣвшихъ кой-гдѣ на „парчёнкѣ“, свидѣтельствовали о ея „животномъ“ происхожденіи, и можетъ быть, дѣйствительно эта „парчёнка“ служила когда-либо защитой отъ холода, бывъ сшитой изъ оленьей шкуры, но теперь отъ многолѣтняго и безпрестаннаго ношенія шерсть вытерлась и „парчёнка“ представляла кожаную дырявую долгополую рубаху.

Выносливость инородца къ холоду стоитъ упоминанія еще и потому, что оправдываетъ его, на мой взглядъ, въ томъ, что „домъ“ его со щелями, съ неплотнопритворяющимися дверями и съ оконными отверстіями, затянутыми дырявыми полотнищами изъ оленьихъ и рыбьихъ кожъ или изъ медвѣжьихъ кишекъ.

16 ноября. Начавшійся ночью вѣтеръ къ утру значительно усилился, взметая по тундрѣ вихри мелкаго снѣгу. Начинается пурга. По небу проносятся быстро, точно куда-то спѣша, рѣдкія и низкія облака, чрезъ которыя вдали виднѣется хребетъ Ктэпангэй (по-русски Бараній хребетъ).

Несмотря на начавшуюся пургу, мы выѣхали съ мѣста рано утромъ съ твердымъ намѣреніемъ добраться до Напанскаго острожка.

Едва мы отъѣхали на нѣсколько десятковъ саженъ отъ

стана, какъ снѣжный вихорь скрылъ изъ глазъ спасительный кедровникъ, и мы очутились снова среди необъятной безжизненной пустыни тундры съ неправильно волнистой поверхностью, и началось вновь странствованіе при пургѣ, слѣпившей глаза.

Благодаря вѣтру снѣгъ на тундрѣ сдѣлался крѣпкимъ („заубо̀ило"), что значительно облегчало ѣзду, такъ какъ собаки не вязли болѣе въ снѣгу и не нужно было идти на лыжахъ, прокладывая предварительно путь для собакъ. И всетаки скорость нашего движенія не увеличилась, такъ какъ сильный встрѣчный вѣтеръ оказывалъ для поступательнаго движенія впередъ такое же, если не большее, препятствіе, какъ и глубокій и рыхлый снѣгъ (убро̀дъ).

Крайняя медленность, съ которою мы подвигались, еще болѣе, казалось, расширяла, увеличивала и безъ того обширныя тундровыя пространства. Безъ мѣры въ ширь и въ даль залегла, раскинулась Напано-Утхолокская тундра: отъ самаго селенія Напаны и до Утхолоки отъ самаго берега непривѣтливаго холоднаго Охотскаго моря и до синѣющихъ цѣпей Срединнаго Камчатскаго кряжа на востокѣ тянется эта равнина холмистая, какъ зыбь океана.

Проѣзжая ею верхомъ на лошади въ первый разъ, въ концѣ августа мѣсяца, я поражался ея просторомъ.

Спустишься въ небольшую котловину, и вдругъ горизонтъ съузится до сотни саженъ, выберешься на холмикъ, и оттуда, насколько хватитъ глазъ человѣческій, видишь, какъ на десятки верстъ идетъ все та же волнистая поверхность, покрытая растительнымъ ковромъ какого-то бурокоричневаго цвѣта, среди котораго то тамъ, то здѣсь выдѣляются то желтыя, то красныя, какъ киноварь, то зеленыя пятна. Тундра—безлѣсна, какъ говорилось уже неоднократно, лишь изрѣдка гдѣ-нибудь на вершинѣ холма увидишь кедровый сланéцъ да еще рѣже встрѣтишь березовый лѣсокъ, стоящій какъ островъ, среди этого своеобразнаго моря-тундры.

И съ удовольствіемъ останавливается глазъ на такомъ лѣсочкѣ.

Характерную окраску тундрѣ придаетъ кустарникъ ягодныхъ растеній: голубики, брусники и шикши (*Empetrum nigrum*), потомъ болиголовъ (*Ledum*), карликовая березка и тундровый стелющійся видъ *Salix*.

Точно покинутыя жителями юртовыя стойбища выглядятъ разбросанныя всюду по этой тундрѣ группами кучи-гуры, каждую изъ которыхъ можно сравнить съ опрокинутымъ блюдцемъ, при томъ съ выбитымъ дномъ и до краевъ наполненнымъ пескомъ съ мелкимъ мергельнымъ щебнемъ, потому что всѣ онѣ съ боковъ одѣты слоемъ растительности, въ то время какъ плоская вершинка ихъ обнажена дѣйствіемъ сильныхъ вѣтровъ. Всѣ эти кучи-гуры почти круглы и стоятъ отдѣльно другъ отъ друга, не соединяясь между собою какими-нибудь перешейками. Кажется вѣрно то, что въ рединѣ такой группы кучи-гуръ находятся всегда наиболѣе крупныя и возвышенныя, а къ перефиріи уменьшаются въ величинѣ и понижаются. Высота наиболѣе крупныхъ, на сколько можно опредѣлить на глазъ, доходитъ до одной сажени, въ діаметрѣ же до четырехъ-пяти саженъ. Распада и какъ бы вспучиванія незамѣтно.

Въ осеннее время года мертвая тишина, царящая въ тундрахъ, нарушается крикомъ гусей, куропатокъ и другихъ пернатыхъ, но теперь тундра безжизненна.

Съ трудомъ подвигаясь впередъ противъ вѣтра и бьющаго въ лицо снѣга, мы добрались въ часъ сорокъ пять минутъ до жиденькаго березоваго лѣсочка, у опушки котораго остановились, чтобы еще разъ дать отдохнуть собакамъ, несмотря на то, что отъ этого мѣста до Напанскаго острожка оставалось, какъ говорили проводники, не болѣе шести съ половиною верстъ.

Неперестававшая пурга ускорила наступленіе сумерекъ, но такъ какъ отсюда путь шелъ мелкими перелѣсками, то

мы рѣшили продолжать путь, и въ 8 час. вечера, наконецъ, были въ Напаной, потерпѣвъ до нѣкоторой степени, аварію при переѣздѣ черезъ рѣку Напану. Передовой каюръ не замѣтивъ въ темнотѣ вѣхъ, указывавшихъ путь черезъ рѣку, незадолго передъ этимъ покрывшуюся тонкой ледяной корой, въѣхалъ въ полынью, и нарта стала медленно погружаться въ воду, продавливая своей тяжестью тонкій слой снѣга, закрывавшаго собою полынью.

Пока были приложены усилія вытащить ее изъ воды, вещи подмокли и въ числѣ ихъ болѣе сотни фотографическихъ снимковъ и нѣсколько дюжинъ чистыхъ пластинокъ.

Въ моей потерѣ, о которой я очень сожалѣлъ, какъ о даромъ потраченномъ времени и трудѣ, меня тотчасъ же утѣшилъ каюръ, заявившій, что „эта потеря еще, слава Богу, ничего, такъ какъ могли не только вовсе потерять всѣ вещи, и собакъ, но даже и сами утонуть".

Съ такою постановкою дѣла и съ такимъ заявленіемъ нельзя было, конечно, не согласиться, потому что мы, дѣйствительно, могли утонуть и сами; поэтому пришлось помириться съ потерей снимковъ и быть довольнымъ, что самъ, хотя и мокрый, но всетаки „благополучно" добрался до человѣческаго жилья послѣ четырехъ-дневнаго скитанія по безжизненнымъ тундрамъ.

Напанскій острожекъ, или просто Напана, есть крайній сѣверный пунктъ области верховыхъ камчадаловъ. Онъ расположенъ на правомъ возвышенномъ берегу одноименной рѣки, верстахъ въ 25 отъ второго русскаго поселенія западнаго побережья Камчатки—Тигиля и въ такомъ же разстояніи отъ мѣста впаденія Напаной въ рѣку Тигиль,—лѣвый притокъ котораго составляетъ Напана.

Десять разбросанныхъ, какъ вездѣ по Камчаткѣ, безъ всякаго опредѣленнаго плана, жалкихъ лачугъ образуютъ все поселеніе.

Изъ нихъ — три бревенчатыхъ дома и семь юртъ, обло-

женпыхъ снаружи для большей теплоты дерномъ. Эти юрты представляютъ собою квадратныя, такъ сказать, одномѣстныя помѣщенія, сдѣланныя изъ стоймя поставленныхъ горбылей.

Полъ земляной, покрытый для чистоты — травой. Посрединѣ такого жилья—юрты находится миніатюрная печка изъ необожженнаго самодѣльнаго кирпича.

Оконныя отверстія очень малы и затянуты, по обыкновенію, вмѣсто стекольной рамы, полотнищами изъ медвѣжьихъ кишекъ. Полагаю, что эта рѣзко бьющая въ глаза бѣдность, выражающаяся въ стройкѣ жилищъ, можетъ быть достаточно объяснена со стороны напанскихъ камчадаловъ тѣмъ обстоятельствомъ, что строевой лѣсъ (березовый) приходится возить издалека отъ селенія и только на собакахъ.

Можетъ быть также, что не безъ вліянія на бѣдность напанцевъ остается и близкое сосѣдство „русскаго", притомъ чисто казачьяго поселенія, какъ Тигиль. Необходимо замѣтить, что и на Камчаткѣ можно наблюдать гибельное вліяніе, оказываемое культурной націей (русскими) на инордцевъ.

Чѣмъ ближе и чѣмъ чаще, такъ сказать, полнѣе соприкосновеніе послѣднихъ съ „русскими" пришельцами, тѣмъ бѣднѣе, больнѣе и развращеннѣе инородецъ. Абсолютно честный, добродушнѣйшій народецъ, не знающій ни пьянства, ни разврата, становится безчестнымъ, отбрасывая завѣты своихъ предковъ въ этомъ отношеніи, какъ устарѣвшій хламъ, при видѣ примѣра повседневной подлости культуртрегеровъ „изъ-за рѣки"; добродушіе исчезаетъ также, и всѣ лучшія качества человѣческой души глохнуть въ чаду спирта и разврата, въ которомъ ихъ топитъ прогрессирующее человѣчество. Короче сказать, чѣмъ ближе къ русскимъ, тѣмъ инородцы во всѣхъ отношеніяхъ хуже; чѣмъ дальше, тѣмъ лучше.

Въ селеніи, кромѣ юртъ, можно видѣть обнесенные плетнемъ огороды, въ которыхъ садится рѣпа и картофель, потомъ такъ называемыя стаи, т.-е. пригоны для скота, и не-

избѣжную и неотъемлемую принадлежность всякаго камчатскаго хозяйства—рыбные балаганы и вѣшала.

Всѣхъ жителей считается около шестидесяти человѣкъ (по переписи 97 г.—66 ч. о. п.).

Разговорный языкъ, несмотря на упомянутую близость Тигиля, у напанцевъ (между собою) камчадальскій,—очень рѣдко можно услышать русскую фразу.

Прислушиваясь къ ихъ разговору, я могъ, не будучи вполнѣ знакомымъ съ камчадальскимъ языкомъ, все-таки замѣтить нѣкоторую разницу въ говорѣ напанцевъ сравнительно съ говоромъ жителей болѣе южныхъ острожковъ.

Это обратило на себя мое вниманіе, почему я старался разъяснить себѣ это явленіе, прося объ этомъ старосту селенія, напанскаго камчадала, старика лѣтъ 60-ти.

Онъ сообщилъ мнѣ по этому поводу слѣдующее: на его еще памяти было время, когда Напанскіе, Седанкинскіе и Аманинскіе камчадалы говорили нарѣчіемъ, общимъ тремъ названнымъ острожкамъ, но отличнымъ отъ нарѣчія зȁвнайканъ (давнáекъ) или верховыхъ. Съ теченіемъ времени Аманинцы вслѣдствіе бóльшаго сближенія съ тигильскими русскими, вслѣдствіе браковъ съ послѣдними, совершенно утратили свой камчадальскій языкъ, и въ настоящее время всѣ говорятъ исключительно по-русски. Жители Напаны, беря себѣ въ жены камчадалокъ южныхъ острожковъ, подъ вліяніемъ этихъ женщинъ, какъ наиболѣе консервативныхъ въ дѣлѣ сохраненія языка, усвоили себѣ очень много словъ нарѣчія камчадаловъ южнѣе Напаны, т.-е. общаго Утхолокскимъ, Харьюзовскимъ, Ковранскимъ и т. д.

Наиболѣе же чистымъ прежнее нарѣчіе, которое въ отличіе отъ давнайскаго или верхового можно было бы назвать сѣвернымъ, сохранилось, будто бы, среди седанкинскихъ камчадаловъ, хотя и они, имѣя дѣло чаще всего съ бродячими коряками, ввели въ свой языкъ много чисто коряцкихъ словъ. О примѣси русскаго языка мною говорилось выше.

Въ концѣ я постараюсь привести замѣченную мною разницу въ словахъ.

Несмотря на то, что вслѣдствіе пурги, мнѣ пришлось пробыть въ Напаной болѣе двухъ сутокъ, все же свѣдѣнія, полученныя мною отъ жителей, въ общемъ были столь мало интересны, что записать изъ ихъ сообщеній было рѣшительно нечего, кромѣ, развѣ, того, что лѣвая вершина р. Напаны, называемая коряками, а за ними и остальными жителями Клэ́паваемъ (отъ испорченнаго русскаго слова—хлѣбъ), начинается очень близко отъ истока р. Харьюзовой Быстрой или Ту́лэхэнъ, настолько близко, что легко можно перетащить батъ изъ одной рѣки въ другую.

Рѣчка, о которой идетъ рѣчь, получила свое названіе, будто бы, по той причинѣ, что когда-то корякамъ, кочевавшимъ по ней, удалось завести себѣ туда „хлѣбъ".

Въ лѣтнее время мнѣ не пришлось проѣхать на лошадяхъ изъ Напаной въ Тигиль, поэтому относительно лѣтняго „пути" я также ограничусь лишь словами жителей, а именно, что „лѣтняя (прямая) дорога отъ Напаной въ Тигиль—болотистая. Даже среди березовыхъ лѣсовъ, и тутъ встрѣчаются топи.

Лошади на этомъ „пути" не только вязнутъ „по брюхо", но часто заваливаются, т.-е. ложатся на бокъ, не будучи въ состояніи идти по вязкому грунту.

Это уже не мокрая тундра, а форменное болото. Сколько я могъ понять, жители говорятъ о тундрѣ въ томъ случаѣ, если ея подпочвой служитъ торфъ, о болотѣ же, когда вмѣстилище жидкой грязи затянуто сверху лишь тонкимъ слоемъ растительности; почему, будто бы, опредѣлить издали болото нельзя.

Въ этихъ знаменитыхъ Напанскихъ болотахъ (трясинахъ, бадаранахъ) нерѣдко гибнутъ коровы. Такъ лѣтомъ этого года въ нихъ утонули двѣ скотины.

По болотистымъ мѣстамъ вблизи острожка растетъ очень

много растенія, называемаго жителями óмегомъ. Скотъ, поѣдая это растеніе, отравляется и гибнетъ. Мнѣ кажется, что приведенное названіе растенія не вѣрно; корневище, которое мнѣ показывали, могло принадлежать вёху (*Cicuta virosa*), но не омегу (*Conium maculatum*). Жители противъ отравленія скота этимъ растеніемъ примѣняютъ прогорклый нерпичій или иной жиръ съ солью, который дается отравившемуся животному; при этомъ животное проваживается. Отъ такого средства у скотины открывается поносъ, выводящій изъ кишечника проглоченный ядъ. Жители утверждаютъ, что ихъ способъ леченія помогаетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда проглоченные куски были мелки; если же крупны, то не помогаетъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ куски остаются въ кишечникѣ.

Про занятія сказать рѣшительно нечего: они тѣ же, т.-е. рыбо- и звѣроловство. На пушной промыселъ, на его оскудѣніе, замѣчаемое за послѣдніе годы, и здѣсь, даже еще болѣе, чѣмъ по другимъ острожкамъ, слышатся жалобы. И неудивительно: за осенній промыселъ напанскими камчадалами былъ добытъ всего лишь одинъ соболь (въ Ктэпангскихъ хребтахъ).

Самый большой домъ въ Напаной принадлежитъ упомянутому выше старостѣ Арефьеву; состоитъ изъ двухъ половинъ и изъ просторной пристройки сѣней. Домъ этотъ построенъ изъ разныхъ породъ деревьевъ: тутъ есть и береза, и тополь, и ветла.

До сихъ поръ мною не было отмѣчено, что во многихъ домахъ камчадальскихъ острожковъ можно увидѣть самодѣльныя или же пріобрѣтенныя (покупныя) скрипки и гармоніи, свидѣтельствующія о склонности камчадаловъ къ музыкѣ. Доморощенными музыкантами разыгрываются на этихъ инструментахъ русскія пѣсни, и обыкновенные камчатскіе танцы: восьмерка, вальсъ-козакъ, ванька-гарунъ, косая, русская и тому подобныя. Я слышалъ, что у камчадаловъ очень много

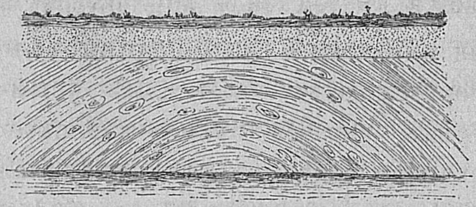
своихъ чисто камчадальскихъ пѣсенъ, но самому мнѣ не приходилось ихъ слышать нигдѣ.

Оканчивая этимъ замѣтки о Напанскомъ острожкѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ—объ области верховыхъ камчадаловъ, хотя Напанцы, какъ сказано, и отдѣляютъ себя отъ послѣднихъ,—позволю себѣ сказать, что, вообще, камчадалы—народъ весьма способный, воспріимчивый и переимчивый. Разъ имъ разсказанное, показанное, сообщенное ими не забывается, но твердо запоминается, по своему перерабатывается и, смотря по пригодности, употребляется въ томъ или другомъ случаѣ.

Въ описаніи Камчатки Крашенинниковымъ (на стр. 25) о Напанѣ говорится слѣдующее: „отъ устья Ешхлина до устья Тигиля рѣки, которой прямое коряцкое имя Мырымратъ, нѣтъ никакихъ знатныхъ рѣкъ, выключая Кы́гынъ, которая пала въ Тигиль съ сѣверной, не доѣзжая верстъ за пять до ея устья, и отъ казаковъ по имѣющемуся вверху ея острожку Напана, Напаною называется. Впрочемъ не токмо Коряцкихъ острожковъ по ней довольно, но по отъѣздѣ моемъ съ Камчатки заведено и россійское поселеніе, токмо въ которомъ мѣстѣ, доподлинно мнѣ не извѣстно“. Оставляя безъ вниманія ошибку, что Напана есть лѣвый, а не правый притокъ Тигиля, мнѣ кажется въ приведенномъ свѣдѣніи важнымъ то указаніе, что по Тигилю и его притокамъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія имѣли свои юртовища коряки, но не камчадалы. Этимъ, можетъ быть, возможно было бы объяснить и ту замѣченную мною разницу въ языкѣ, подтвержденную самими жителями,—съ языкомъ южныхъ камчадаловъ. Можетъ быть и Напанцы, и Седанкинцы (Ешхлинцы—Крашенинникова), и Аманинцы—окамчадалившіеся въ теченіе столѣтія сидячіе коряки. Это же указаніе можетъ до нѣкоторой степени служить объясненіемъ значительно большаго распространенія на югъ коряцкихъ названій, чѣмъ идетъ ихъ кочеваніе туда въ настоящее время, на что обращалось мною вниманіе при названіяхъ соотвѣтствующихъ рѣчекъ.

По причинѣ сказаннаго неудобства сообщенія съ Тигилемъ въ лѣтнее время сухимъ путемъ жители предпочитаютъ, въ случаѣ надобности, сообщеніе водою, несмотря на то, что послѣднее въ три раза болѣе перваго.

Плывя по Напаной, можно видѣть мѣстами значительныя толщи песчаниковыхъ обнаженій по ея правому берегу, въ среднемъ теченіи отъ устья до острожка, а выше, по лѣвому берегу, версты за двѣ до селенія, обнаженія (фиг. 38) мергель-



Фиг. 38. Обнаженія по р. Напанѣ, ниже селенія.

наго песчаника, съ конкреціями сферической формы, въ видѣ антиклинальной складки, верхняя часть которой, какъ бы, горизонтально срѣзана и прикрыта пластомъ мелкой гальки съ пескомъ, окрашеннымъ, безъ сомнѣнія, окислами желѣза въ кирпично-красный цвѣтъ.

Сама Напана расположена на мергельномъ песчаникѣ, прикрытомъ только почвеннымъ слоемъ. Въ этихъ мергеляхъ жителями часто находятся мелкія двустворчатыя раковины.

Видъ на селеніе, съ зарѣчной болѣе возвышенной стороны, безотрадно унылый. Мѣстность далеко вокругъ совершенно безлѣсная—равнинная. Только на 186^0 S виднѣется вдали одна изъ вершинъ хребта Ктэпангэй, какъ разъ у оконечности небольшой возвышенности (гряды), вытянутой приблизительно съ юга на 354^0N мысомъ, подъ которымъ протекаетъ Напанская рѣка.

Въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга видны (недалеко) низенькія сопочки, въ SW сторонѣ, называемыя:

Схи́жайянъ (166° SSW), Льхькы́жайянъ (150° SW) и Клухчинъ (152° SW).

19-го ноября въ 8 h. 45 a. m. всѣ вещи были вновь сложены и готовы къ отправкѣ въ конечный пунктъ моего путешествія, въ Тигиль. День солнечный.

Все покрыто свѣжевыпавшимъ снѣжнымъ ковромъ, сверкавшимъ безчисленными милліонами разноцвѣтныхъ искръ. Деревья также покрыты снѣгомъ. Подъ его тяжестью, павшаго при полномъ безвѣтріи, нагнулись вѣтви, сучья и даже стволы кустарниковъ ольхи и тальника (черноталъ).

Отъ селенія путь идетъ сперва почти на востокъ, даже иногда уклоняется нѣсколько къ югу.

Медленно поднимаясь на водораздѣльную возвышенность между р.р. Напаной и Тигилемъ, мы выѣхали на виднѣвшійся изъ селенія увалъ, съ котораго открылся видъ на теченіе Напаны, дѣлающей вблизи селенія большіе изгибы.

Берега ея, виднѣвшіеся съ этого увала, круты и достаточно высоки, достигая пяти саженъ. Въ береговыхъ обнаженіяхъ издали хорошо замѣтна слоистость образующихъ ихъ породъ.

Вправо отъ хребта Ктэ́па**нг**эй виднѣется гряда холмовъ, называемая жителями „Сѣдломъ" (196° SW); кромѣ того, были видны слѣдующіе возвышенные пункты: сѣверная оконечность Тигильскаго мыса или Амбона (Антома) на 296° NW, средина Напанскаго острожка на 280° NW, южная оконечность Тигильскаго же мыса на 277° W, невысокій хребетъ Байдара на 209° SW и Медвѣжій хребетъ, упоминавшійся ранѣе, на 223° SW.

Въ 1 h. p. мы остановились на берегу маленькой рѣчки, берущей тутъ же свое начало (въ тундрѣ) и стекающей въ Тигиль съ лѣвой его стороны.

Рѣчка эта называется Шарыповой.

Падушка, въ которой мы остановились, поросла небольшимъ кустарникомъ ольхи. Задолго до остановки можно

было впереди видѣть небольшую отлогую сопочку „Шарыповскую“, у подножія которой (со стороны къ Напанѣ) считается половина разстоянія между селеніями. Рѣчка Шарыпова начинается на Тигильской сторонѣ одноименной сопочки.

Передъ Шарыповской рѣчкой нами была пройдена рѣчка „Кэльхын“, называемая русскими „Крутой“, потому что въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее переѣзжаютъ, она имѣетъ крутой берегъ.

Въ обнаженіяхъ этого берега ясно виды слои осадочной породы, вѣроятно, также мергельнаго песчаника, имѣющаго въ этой мѣстности обширную площадь залеганія.

Въ одномъ мѣстѣ, на склонѣ, поросшемъ мелкимъ березовымъ лѣсомъ, выступаетъ на дневную поверхность другая порода темнаго цвѣта въ столбчатыхъ отдѣльностяхъ.

Спустившись на небольшое разстояніе по Шарыповской падушкѣ, открывается глазамъ высокій увалъ, покрытый лѣсомъ, оканчивающійся такъ наз. Красной сопкой, подъ которой расположено Тигильское селеніе. Красная сопка изъ Шарыповской пади видна, приблизительно, на 100° OSO.

Изъ-за вершины помянутаго увала, тянущагося ровной линіей, виднѣлся на 80° ONO снѣгомъ покрытый хребетъ.

Опредѣлить на глазъ разстояніе до Красной сопки отсюда можно было приблизительно въ пять верстъ, едва ли болѣе.

Виднѣлась широкая долина р. Тигиля, теченіе котораго можно было прослѣдить издали по черной лентѣ тальника, одѣвающаго берега и многочисленные острова этой рѣки.

Тамъ, гдѣ Шарыповская рѣчка вытекаетъ изъ пади на долину Тигиля, лѣвый ея берегъ представляетъ высокій откосъ съ обнаженіями образующей его породы.

Слѣдуя далѣе по теченію Шарыповской рѣчки, мы выѣхали на названную долину, покрытую сплошь крупными кучигурами, затѣмъ спустились на самый Тигиль и небольшое разстояніе ѣхали по льду рѣки, послѣ чего перешли на ея правый берегъ.

Пересѣкши узкую полосу земли, выѣхали на узкое же,

но длинное озеро, протянувшееся параллельно теченію Тигиля и залегающее возлѣ гряды Красной сопки, которымъ и ѣхали до самаго Тигиля. Озеро это есть, по всей вѣроятности обособившійся рукавъ или главное, но старое русло Тигиля.

Въ 4 h. р., наконецъ, пріѣхали въ селеніе, пробывъ въ пути отъ Напаны шесть часовъ и пройдя разстояніе въ 21 версту.

Эта медленная скорость $= 3^1/_2$ верстамъ показываетъ, какое вліяніе имѣетъ на скорость передвиженія на собакахъ глубокій снѣгъ (убродъ) при всѣхъ прочихъ благопріятныхъ условіяхъ.

О Тигильскомъ селеніи достаточно много сказано Дитма'ромъ и, въ особенности, Эрманомъ, что дѣлаетъ совершенно излишнимъ описаніе его мною. На этомъ я закончу свои путевыя замѣтки по западному берегу Камчатки и позволю себѣ привести здѣсь всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось собрать о камчадальскомъ языкѣ, также и записанныя мною камчадальскія слова, параллельно съ такими же Эрмана и Крашенинникова, чтобы нагляднѣе представить разницу въ тѣхъ и другихъ для сужденія, зависитъ ли это отъ неточной записи одного и того же слова, или же отъ измѣненія языка за полтораста лѣтъ, протекшихъ со времени посѣщенія Камчатки Крашенинниковымъ и за 70 лѣтъ— Эрманомъ.

ГЛАВА IX.

Замѣтки о Камчадальскомъ языкѣ.

Считаю необходимымъ оговориться съ самаго начала, что я, не будучи знакомъ съ филологіей, не только въ ея полномъ объемѣ, но даже и съ основами этой науки, естественно не бралъ на себя непосильной задачи всесторонне и подробно изучить камчадальскій языкъ, а ограничивался единственно и исключительно записью камчадальскихъ словъ, соотвѣтствующихъ имъ русскихъ, причемъ путемъ многократныхъ повтореній одного и того же слова старался передать его настолько правильно, чтобы мною произнесенное слово понималось жителями.

Правда, что мнѣ не всегда удавалось произнести какое-нибудь слово точно такъ, какъ я его слышалъ въ устахъ природнаго камчадала. Иногда такія попытки, несмотря на всѣ старанія, приложенныя къ тому съ моей стороны, не увѣнчивались успѣхомъ, и мое произношеніе, какъ неправильное, возбуждало только смѣхъ въ инородцахъ, но, въ общемъ, произношеніе мнѣ удавалось, точно такъ же, какъ и записываніе. При послѣднемъ приходилось вводить особые знаки надъ той или другой буквой, которые придавали для меня европейскимъ звукамъ тотъ особый характеръ, который мое ухо улавливало въ звукахъ камчадальскаго языка. Помимо словъ, мною предлагались иногда вопросы, на которые я получалъ несложные отвѣты, также мною записывавшіеся. Вопросы, иногда предлагавшіеся камчадаламъ, имѣли цѣлью уяснить измѣненіе словъ въ окончаніяхъ, соотвѣтствующихъ числамъ и падежамъ языковъ европейскихъ, глагольнымъ измѣненіямъ по числамъ и по временамъ и т. д.

Поэтому въ приводимыхъ очень краткихъ свѣдѣніяхъ

нельзя видѣть какой-либо грамматики камчадальскаго языка; всѣ онѣ—не болѣе какъ сырой матеріалъ, необработанный ни въ одномъ отношеніи по незнанію этого дѣла, собранный (попутно) за время поѣздокъ по камчадальскимъ селеніямъ.

Ранѣе я имѣлъ случай говорить о томъ, что въ настоящее время на Камчатскомъ полуостровѣ камчадальскій языкъ можно слышать только среди камчадаловъ, начиная отъ Ичинскаго острожка (по западному побережью) на сѣверъ до селенія Напанскаго и Седанкинскаго включительно.

Отдѣльныя слова, записанныя въ острожкахъ южнѣе Ичи, мною отмѣчались названіемъ того острожка, въ которомъ записывались, потому что я считалъ ихъ недостаточно правильными или искаженными (благодаря полной потерѣ въ тѣхъ острожкахъ родного языка), какъ искажаются камчадалами и тѣ русскія слова, которыя съ пріобрѣтеніемъ камчадалами новыхъ понятій отъ русскихъ, вошли въ камчадальскій языкъ и пріобрѣли въ немъ право гражданства.

Какъ Крашенинниковъ, такъ и Эрманъ старались, на сколько возможно, приблизиться къ выясненію вопроса о происхожденіи камчадаловъ на основаніи ихъ языка.

Болѣе этимъ вопросомъ занимался Крашенинниковъ, но и онъ не пришелъ ни къ какому положительному заключенію.

Названный изслѣдователь дѣлитъ существовавшій при немъ камчадальскій языкъ на три главныхъ нарѣчія: южное, сѣверное и нарѣчіе камчадаловъ, жившихъ по острожкамъ отъ Воровской рѣки почти до Тигиля.

„Камчадаловъ по разности языка можно раздѣлить на два народа, на сѣверной и южной. Сѣверный народъ, которой имѣетъ свои жилища по рѣкѣ Камчаткѣ съ вершины до устья и по берегу Восточнаго Океана отъ устья Уки рѣки на югъ до устья Налачевой, за столповой по справедливости почестся можетъ: ибо онъ и поступками въ раз-

сужденіи другихъ лучше, и нравами не столь суровъ, и въ языкѣ нигдѣ почти никакой не имѣетъ отмѣны. Напротивъ того, у прочихъ въ каждомъ острогѣ особливое нарѣчіе примѣчается. Южный народъ по Восточному морю отъ Налачевой до Курильской лопатки, а по Пенжинскому отъ Лопатки на сѣверъ до рѣки Харіузовой имѣетъ свои жилища". Такъ раздѣляетъ камчадаловъ Крашенинниковъ. Данныя, собранныя Эрманомъ, относятся исключительно къ языку камчадаловъ долины р. Камчатки и отчасти къ языку Седанкинцевъ, при этомъ Эрманъ замѣчаетъ, что выраженія Седанкинцевъ и жителей долины Камчатки совершенно различны.

Мои записи ограничиваются однимъ западнымъ берегомъ полуострова и вовсе не касаются Камчатки и Седанки.

Я не могъ замѣтить, чтобы нарѣчія западнобереговыхъ камчадаловъ мѣнялись съ каждымъ острожкомъ; напротивъ, мнѣ кажется, что въ настоящее время нарѣчіе всѣхъ западнобереговыхъ камчадаловъ, сохранившихъ языкъ свой, одно. Если приведенное Крашенинниковымъ замѣчаніе объ этихъ различіяхъ справедливо, то оно можетъ быть объяснено тою обособленностью, изолированностью отдѣльныхъ поселеній, въ которыхъ жили первые обитатели Камчатки.

Не безъинтереснымъ является то, что можетъ быть подмѣчено въ переживаемое время въ говорѣ жителей Камчатки русскаго происхожденія. Первые русскіе, появившіеся на полуостровѣ, и первые переселенцы прошлаго столѣтія, распредѣлившись по Камчаткѣ въ нѣсколькихъ далекихъ другъ отъ друга пунктахъ, съ теченіемъ времени пріобрѣли каждые особый говоръ. Разница въ говорѣ настолько значительна, что, безъ труда, по одному разговору можно опредѣлить, изъ какого селенія находится передъ вами субъектъ. Наименьшая разница въ говорѣ замѣтна между жителями такъ наз. русскихъ селеній по рѣкѣ Камчаткѣ, наибольшая между послѣдними и западнобереговыми. Можетъ быть, это же самое

замѣчено было и Крашенинниковымъ въ языкѣ камчадаловъ. Останавливаясь на этомъ явленіи, я нахожу единственную объяснительную причину его въ затруднительности путей сообщенія. Мною уже не разъ отмѣчалось, что камчадалы, какъ и русскіе, живутъ жизнью изолированной; сообщенія одного острожка съ другимъ случайны, тѣмъ болѣе, вѣроятно, это имѣло мѣсто въ прежнія времена, когда жителямъ одного острожка не только нечего было искать въ другомъ, но и должно было даже опасаться туда ѣхать по причинѣ враждебныхъ другъ къ другу отношеній, о чемъ свидѣтельствуетъ Крашенинниковъ.

Сообщеніе, какъ извѣстно, вызывается и поддерживается потребностью въ обмѣнѣ. Обмѣна нѣтъ и теперь, и еще менѣе онъ могъ быть столѣтіе—два тому назадъ.

Между тѣмъ, отсутствіе путей сообщенія, трата времени и другія лишенія, сопряженныя съ такими поѣздками не оправдывали любопытства взглянуть на сосѣдей, или повидаться съ знакомыми, тѣмъ болѣе что такое любопытство при непріязненныхъ отношеніяхъ могло кончиться не всегда благополучно. Какъ часто можно подмѣтить характерный, такъ сказать, родовой говоръ въ отдѣльныхъ семьяхъ, хотя бы Россіи, точно также здѣсь въ отдѣльныхъ селеніяхъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, можно полагать, что наиболѣе сохранившійся чистымъ, менѣе подвергшійся измѣненіямъ отъ вліянія иныхъ племенъ и народовъ, камчадальскій языкъ остался у западнобереговыхъ камчадаловъ (въ средней части береговой полосы). На югѣ онъ долженъ былъ измѣниться отъ вліяній аинцевъ, о чемъ мы находимъ указанія у Шренка, говорящаго въ своемъ произведеніи „Объ инородцахъ Амурскаго Края“ на стр. 31 т. I, словами Стеллера слѣдующее: „Ительмены острова Шумшу и южной оконечности Камчатки не устояли противъ смѣшенія съ Аинами отдаленныхъ острововъ; съ давнихъ поръ они вступали съ ними въ брачные союзы, и такъ какъ, съ одной стороны,

сами часто переходили съ материка на ближайшій островъ или наоборотъ, а, съ другой стороны, и Аины, „бродившіе, какъ говоритъ Стеллеръ, по морю также, какъ Татары по суху“, постоянно пріѣзжали въ Камчатку, то на всемъ югѣ полуострова образовалось смѣшенное племя Ительменовъ и Аиновъ, которое по внѣшности и по языку отличалось отъ жившихъ сѣвернѣе камчадаловъ. Поэтому неудивительно, что русскіе сначала приняли жителей южной Камчатки за одинъ и тотъ же народъ съ жителями островов, Аинами, и обозначали ихъ тѣмъ же именемъ Курильцевъ.

Эго названіе въ формѣ прилагательнаго они перенесли и на нѣкоторыя мѣстности южной Камчатки, чему служатъ доказательствомъ имена: Курильское озеро, Курильскій острогъ, Курильская Лопатка и т. п.“

Нѣтъ сомнѣнія, что въ наиболѣе выгодныхъ условіяхъ въ смыслѣ возможности изученія камчадальскаго языка находился Крашенинниковъ, заставшій еще всѣхъ инородцевъ Камчатки говорившими на собственныхъ языкахъ или нарѣчіяхъ, такъ что безъ переводчика нельзя было обойтись; теперь большинство камчадаловъ свой языкъ утратило, и говорить о нарѣчіяхъ едва ли возможно.

Повсемѣстно, въ настоящее время, камчадалы называютъ себя Камчадалами, объясняя это тѣмъ, что „такъ начальство называетъ, ну, оттого и мы себя такъ называемъ“. Только въ одномъ, именно въ Морошечномъ селеніи, мнѣ удалось услышать слово „и́тэнмэнъ“, какъ соотвѣтствующее коренному (истинному) названію камчадаловъ.

У Крашенинникова, на стр. 3, ч. 3, находимъ „Камчадалы, какъ сѣверные, такъ и южные, называютъ себя и́тельмень, житель, а въ женскомъ родѣ—и́тельма, которое названіе происходитъ отъ глагола ителахса живу, какъ пишетъ господинъ Стеллеръ. Кима ителахса значитъ я живу, а менъ-человѣка; ма ителахсанъ, гдѣ онъ живетъ? Корни сихъ словъ,

по его же объявленію, остались въ языкѣ камчадаловъ, которые живутъ между рѣками Немтикомъ и Морошечной".

Откуда произошло слово Камчадалъ, Камчатка, рѣшить безусловно вѣрно, мнѣ кажется, нельзя за неимѣніемъ достаточныхъ для того данныхъ. Изъ двухъ объясненій, съ одной стороны,—Крашенинникова, съ другой—г. Маргаритова (Камчатка, Изд. Приамур. Отд. И. Р. Г. Общ.), по моему, гораздо вѣроятнѣе—первое, т.-е. что названіе „Камчатка", а отсюда и „Камчадалъ", происходитъ отъ коряцкаго слова Хончала или Кончата, такъ какъ и въ настоящее время коряки всю мѣстность по долинѣ рѣки Камчатки называютъ „Ко́нчатъ", измѣняя послѣднее въ „кончáтокъ" для обозначенія мѣста дѣйствія (творительный мѣста).

Что русскіе о Камчаткѣ, какъ о странѣ, въ которой водятся соболи и бобры морскіе (Кончáтокъ) узнали отъ коряковъ, о томъ имѣются историческія данныя. Если къ этому прибавить, что въ словѣ кȯнчат, кончáток звукъ н неясный, полуносовой, а звукъ о, какъ не имѣющій на себѣ ударенія, легко могъ быть принятъ за а, то для людей неразборчивыхъ на точную передачу звуковъ въ чужихъ языкахъ, а первые русскіе пришельцы, конечно, были именно такими людьми,—слово „Кончȧток", т.-е. въ странѣ „Ко́нчáт'а" легко могло быть принято за Камчаток, скоро передѣланное на русскій ладъ въ „Камчатка".

Въ какомъ бы мѣстѣ полуострова ни произошла первая высадка русскихъ, отовсюду глазамъ представляется картина изломанной линіи Камчатскаго хребта съ многочисленными отдѣлами, его покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ и съ отдѣльными вершинами-сопками, картина столь величественная и столь отличная отъ степныхъ пространствъ Дона, что врядъ ли сравненіе Камчатки съ шероховатой дыней „комовкой" могло дать имя горной странѣ, какъ объясняетъ это г. Маргаритовъ. По моему разумѣнію, съ такимъ же основаніемъ можно было бы производить названіе Камчатки отъ того обстоятель-

ства, что въ XVII столѣтіи въ эту страну „приходили люди, а платье на нихъ было камчатое“, какъ гласитъ надпись на Камчаткѣ на одной изъ картъ Историческаго Атласа Россіи, вышедшаго въ концѣ девяностыхъ годовъ (имя составителя мною позабыто).

Селеніе Сопочное.

пурга, хуя́ляжин (-whя́льхьяжин-)

Звукъ ху не точно передаетъ слышимый въ словѣ. Какъ мнѣ кажется, такого нѣтъ въ европейскихъ языкахъ, и ближе всего, его можно передать англійскимъ wh, напр., what, which, съ тѣмъ однако различіемъ, что h слышится яснѣе. По русски я записываю этотъ звукъ черезъ англійское wh.

дождь, чwhжин.
чу́хчух (Крашенинн. А и В)
tschuguschd (Erman S.)

Приводя параллельно слова, собранныя Крашенинниковымъ и Эрманомъ, я при именахъ послѣднихъ буквами обозначаю рядъ, изъ котораго выписаны мною слова. Крашенинниковъ обозначаетъ буквою А—нарѣчіе сѣверныхъ камчадаловъ; Б—нарѣчіе южныхъ, В—нарѣчіе живущихъ отъ Воровской рѣки на сѣверъ почти до Тигиля.

По Эрману — S — седанкинскіе камчад.
— J — еловскіе камчадалы.

нѣтъ, *к*ам-шин,

Согласныя, набранныя курсивомъ, выговариваются съ прищелкиваніемъ въ звукѣ.

алыкъ, ша́ш*к*ан,
ошейникъ, *к*оль-умъ,
кляпъ, му́м-*к*уль,
оштолъ, о́штол или пруди́ло,

вязка собачья, хэ́жим,

чихать, а́гхан-*кл***и**н,

дай пить воды, *ко́ть*ль**и**: *ты́*ляс*ки*чэ́н,

(дословно: дай воды: жажду).

Звука л (въ словѣ wħя́ляжин-пурга) нѣтъ въ европейскихъ языкахъ. Онъ звучитъ такъ, какъ еслибы мягкое европейское l находилось рядомъ съ мягкимъ нѣмецкимъ ch въ окончаніи напр. zärtlich, freundlich и т. д. По русски звукъ этотъ передается точнѣе всего сопоставленіемъ льхъ. Такъ какъ въ камчадальскомъ языкѣ это не сложный, а, вѣрнѣе, простой звукъ, то я его буду писать иногда курсивнымъ *l*.

Звуковъ к — два: одинъ соотвѣтствуетъ русскому, другой болѣе глубокій, если можно такъ выразиться, въ которомъ ясно слышно прищелкиваніе; послѣдній записывается курсивомъ.

Долгія гласныя изображаются жирнымъ шрифтомъ. Т — два: т и *т* краткое.

вода, и́

іи, Крашенинн. Б и В.

і, Эрманъ S.

рѣка, ки́х,

киг	Краш.	А и В.
кыга		Б.

Знакъ удивленія при видѣ чего-либо большого — *хи́*, можетъ быть, соотвѣтствуетъ русскому — вотъ! у!

пора (время!), хочешь спать, ха́льчь, *к*ны́хшихчь,

(полагаю значен. отвѣта неправильнымъ, вѣроятнѣе, это значитъ: время! спи!)

нѣтъ, не хочу, *ка́*м-*тски*чэ́н (не есмь)

засыпать (*тскижки*чэ́н)

спать, ты́чкажикъ	Краш.	А
нуикушку		В

gnûgtschitsch, Эрманъ I.

пора, вставай! хальчь, *кы́ж-кли́хчь*,
дождь идетъ, ичжин,
(дождь ?) itschujitsch Эрманъ I.
озеро кольх,
ку́лхуа, Краш. В.
крутобереговое озеро, кы́нманлях ко́льх,
тундра, кульх,
березникъ, ухт,
и́чу Краш.
тальникъ, ли́лян,
че́чим, Краш.
досталъ, ка́**н**гльхэн,
гдѣ, ма?
гдѣ есть, ма-шин,
пришолъ, *кӧльх-ин* (*кӧl̆и́н*),

Здѣсь ö звукъ соотв. нѣмецкому ое напр., Moewe (чайка).

гдѣ живетъ, мà шу́н-ши́н,
я живу, кымма шу́н-**ш**кичэ́н,

Кромѣ чистыхъ звуковъ И и Ы, различныхъ еще по долготѣ, есть звукъ среднiй, котораго передать я не нахожу возможнымъ, и потому можетъ быть, что при записи встрѣтятся ошибки и вмѣсто него будетъ или чистое И и Ы или даже Э. Такъ напр., рѣка можетъ быть очень легко записана, какъ: ких, кых и, пожалуй, даже кэх.

Ш есть звукъ представляющiй какъ бы переходъ отъ С къ Ш, что-то среднее между этими двумя, почему иной разъ записываешь его чрезъ С или Ш, иной разъ чрезъ то и другое вмѣстѣ, напр., въ глагольномъ окончанiи **с**кичэ́н.

здѣсь, тэ́а,
третьяго дня, *ко́ля***нк**

Н — звукъ носовой.

сегодня, сегодня } Сопочные камчадалы утратили.
вчера, вчера }

четвертаго дня, хэ́-*колянк*.
я пришолъ третьяго дня, *кымма ко́lкичэ́н ко́лянк*,
достань свѣчи, *кы́lэхчэк свѣчѝ*,
гдѣ (суть) свѣчи, мà шин свѣчи,
въ сумкѣ, шу́мэнк,
можетъ быть, забыли положить свѣчи, мòжэтъ, на́нт*к*хыан-
 а́жуж свѣчи,
я нашолъ на дорогѣ ножъ, *кымма тски́кичэ́н* тхо́жэнк
 wһа́льчь
ножъ, wһа́льчь,
 wals Erm. S.

У лучше всего передаетъ русскій звукъ Л́, произносимый картавящими людьми, когда онъ слышится не какъ л, а какъ в. и какъ краткое у, но на самомъ дѣлѣ представляетъ звукъ ясно отличимый отъ того и другого. Этотъ картавый Л, существующій въ камчадальскомъ языкѣ, я буду поэтому записывать черезъ **Л**.

Такъ, слова: ложка, волна, слово — картавящими произносятся какъ **в**ошка, **у**òшка, во**у**нà, во**в**на, св**о**во, с**у**ово,

Такой же звукъ и въ камчадальскихъ словахъ: х**л**а́льчь, к**л**ы́вычан, х**л**эа́lин и др.

я нашолъ, *кы́мма тски́*нгнэн,
ты , *кы́жа тски́*чигнэн,
онъ , е́нне *тски́*чигнэн,
ты пришолъ, *кыжа кö́льхьчь* (*кö́l*чь),
онъ пришолъ, е́нне *коl*чь,
ты живешь, *кы́жа* шу́нщ,
онъ живетъ, е́нне шу́нщ,
вотъ русскій пришолъ, нух, а́уачх *кö́льх*-инъ (*кöl*-ин),
сиди въ углу, кля́ульхчь у́глучэнк,

Нѣтъ сомнѣнія, что нахожденіе или пребываніе гдѣ-либо (твор. мѣста) передается въ камчадальскомъ языкѣ чрезъ окончаніе **энк**, напр., въ сумкѣ, шу́мэнк, въ углу, у́глучэнк,

на дорогѣ, *тхо̀ж-энк*, въ калаусѣ, кала̀ушэнк, въ домѣ, ки́штэнк, и т. д. Нужно замѣтить, что звукъ э въ этомъ окончанiи не ясный и легко смѣшивается съ А.

домъ, кишт,
кистъ, } юрта Краш. А и В
кишит, } Б.
смирно, смирно,
окно, о̀кнуч,
ранѣе, давече, *кля́нк*,
давече Павлу дали, *клянк* Павел ны́нкильчэн,
давно бы сюда прiѣхать, давно бы *тко́льхкичэн* сюда
если теперь спроситъ, скажи: ѣсть хочу, нэн нльхи́ньхилю́хан, *кля́хчик*: *тну́аскичэн*,
теперь, нэн,
спроситъ, нльхи́ньхилю́хан,
скажи, *кля́хчик*,
хочу ѣсть (голоденъ), *тну́аскичэн*,
возьми, кльхын, или *клих*,
какъ прiятно? прiятно ли? (о пищѣ) вкусно ли? ласт чэужлях,
очень прiятно, хи-чэ́ужляхъ,
большой, плох, (о не ясное между а и е)
большая тундра, плох *кульх*,
куда-нибудь, ма́нки,

Для обозначенiя направленiя (куда?) прибавляется окончанiе ки. Это вѣрно, потому что:

гдѣ — ма? куда? ма̀нки?
домъ, кишт, домой, кишт(эн)ки,
Морошечное, Аннауа, въ Морошечное, Аннауки.

Вѣроятно н требуетъ благозвучiе:

переѣхать, а́нтакаш,
переѣхать тундру, антакаш ку́льх,
подальше, та́лькащ,

поближе, *тмалькащ* или, *кòтlкащ*,
на, возьми блюдце, *тлэ́*, блюдце *клих*!
довольно, будетъ, *кэ́чиль*,
на, возьми: я пересталъ, *тлэ́*, *клих*: *тльх*-**и**ны**нг**-кичэн,
(*тl***и**ны**нг**ичэн).
не смѣйся, жа́кль *кнэ́жахль* ка́к,
на что (зачѣмъ) ты его просмѣеваешь? э**н**кнэ́ш льхин
и́шижи́н?
почему, зачѣмъ, э**н**кнэ́ш,
льхин (*l*-ин), можетъ быть, значитъ „его" (навѣрное
узнать я не могъ)
смѣешься, **и**шиж**и**н,
тыжiишик (смѣюсь) Краш. А.

Корень слова — ишиж
ыжiиж (Краш.)

дай, ко*l*,
отдать; *кжильх*,
отдай мнѣ, *кы́*ма**н**ки *кжильм*,
товарищъ, ипльх,
вовсе нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, ò**н**ка,
нигдѣ совершенно нѣтъ, о́**н**кашэ**н**к,
есть, чхиж**и**н, или ч**и**ж-к**и**н,
Морошечное (селенiе), Аннау**а**,
жители Морошечной, Аннау-лён (-лян)
Бѣлоголовское (селенiе), Мильх,
жители Бѣлоголовскаго, Мильх-лён (-лян)
Харьюзовское селенiе, Плэ́хэн,
жители Харьюзовскаго, Плэ́хэн-лён (лян)
Утхолока, Окальх,
жители Утхолоки, Окалл**я**н (лён),
Напана, Нòпно,
Напанцы, Нòпнол**е**н, (лян)
Тигиль, Шàмжат,
Тигильцы, Ша́мжатл**е**н (лян),

Ича (селеніе), Шич,
ичинцы, шѝчален,
Ковранъ, Король,
ковранцы, короллен,
Облуковина, Нэ́н,
облуковинцы, нэ́нлён,
низовые жители, *т*нумлён

Въ окончаніи лён, соотвѣтствующ. русскому люди, жители звукъ ё не ясный и легко смѣшивается съ я.

Верховые жители, дàвнайкан,
я поѣду въ Морошечное, *кы́*мма *т*схэ́жаль Аннауки.

Буква *т* — приставляется къ глаголу, сколько можно было подмѣтить, въ первомъ лицѣ.

Поѣду (я) домой, *т*схэ́жаль ки́штэнки,
можетъ быть, чажи вымокли? лусшь, пàмьяу тхàныhын,

Звукъ h соотвѣтств. г малороссійскому.

Чажи сгорѣли, пàмьяу квàкэнан,
можетъ быть, чажи горятъ? лусшь, пàмьяу квàжин?

квàкэнан и квàжин означаетъ, собственно, *морщиться на огнѣ* (говоря о кожѣ), а не *горѣть (огнемъ)*; пàмьяу это число множественное.

глубоко, хлэ́омлё (звукъ л—картавый).
мелкій, ȍмлёх (звук ё неясный ё/я)
сухой, кыжылях (лёх/лях). Кыжгелà, Краш. В.
очень мокрая тундра, хи-*т*склях *кульх*,

Видимо окончаніе лёх-лях приставляется для образован. прилагательнаго.

ворона, *клàкльх*,
варёное, пàхпаль и пахпан,
я ѣлъ варёное, *кы́*мма пàхпаль *т*нукъ,
поставь нà полъ (-внизъ), *т*ну́м-ки *кты́*льх!
почему смѣешься? энквэ́ш *к*нэ́жахщ?

пора, закрой дверь, ха̀льчь, *к*шопх нуч!
проситъ, анстыжн**ы**н,
рукавицы, л**ы**ль,
достань, *к*ы́лэхчк**и**н (также *к*ы́лэ́хчэк)
мой, *к*ымман,
твой, *к*н**ы**н,
другой, ку́лэ и ку́лэч (коряцк. ку́ллю)
хочешь пить? **и**ла̀шь?
хочу пить, *т***и**лашь,
(см. выше *т*ы́ля**с**кичэн)
ailetsch (пить) Erm. J.
можетъ быть, ты хочешь уже спать, лусшь, *к*ыжа *к*ат *т***с**ки́жэч?
спать, *т***с**ки́жэк,
тычкажик, Краш. А.
гаснуть, о́**н**кажэн,

Повидимому о́**н**кажэн — глагольная форма отъ о́**н**ка (совсѣмъ нѣтъ), въ значенiи перестать быть (не быть, не стать).

уже свѣча гаснетъ, *к*ат свѣч о́**н**кажэн,
угаси, *к*н**е**йкальх!
пора, погаси свѣчи, ха̀льч, свѣчи, кн**е**йкальх!
течетъ, бѣжитъ, хши́ж**и**н,
котелъ течетъ, ку́кэч хши́ж**и**н,
котелъ, ку́кэч,
kukez, Erm. S.
бѣжитъ черезъ край, кипитъ ключомъ, и́**п**ж**и**н,
плыветъ (по рѣкѣ), х**л**ы́ж**и**н,
запоръ (рыбный) плыветъ уже, т.-е., уносится теченiемъ, *кт*ка̀пыж х**л**ы́ж**и**н *к*ат,
запоръ (рыбный), *кт*ка̀пыж,
крутой, обрывистый, кы́нманлях,
укусили, нупа̀лкучэн,

медвѣжій корень (растеніе), *э*кум,

э выговаривается съ легкимъ придыханіемъ соотвѣтств. греческому ͑.

перевалился, **п**ха̀мыналь**х**,

кедровникъ, спто**н**,

су́тун, Крашенинн. (сланѐцъ),

вы не видали глухаря? *к*ам ку́нхша и́льчка̀к ны́льхэн?

глухарь, кунхт,

видѣли, ны́льчкын,

ѐлчкуикъ (не вижу) Краш. В.

я вижу, *к*ымма *т*-и́ль**ч**кичэн,

тыллчкужик } Краш. А.

тылчкуйжча } Краш. В.

ты видишь, *к*ыжа *т*-и́льч*к*ыж,

(я) видѣлъ, *т*-и́льч*к*ын,

мокрый, *т***с**клях, (чка̀лага Краш. В.)

падь, кунчь,

мясо, тхальтхаль; taltal, Erm. J.

вѣрно, правда, лыхь **и**,

есть, да, е́бхы,

кипитъ, кэ́уйжин,

жила (сухожиліе), шикль,

холодно, хи́лькак,

лке́лага, Краш. В. (студеной)

на озеро, кльхо̀**н**кы (кльхо́**н**ки),

(отъ слова кольх—озеро).

высокій, а̀шлах,

да̀шелу, Краш. А.

вымочитъ, н**а**нтхаляльчь**я**н,

вымокло, н**а**нтхал**е**н,

я въ рѣчкѣ вымокъ, *к*ы́мма ки́эчхэ**н**к *т*ханыкичэн,

чрезъ какэльхнумъ (назв. рѣчки) нѣтъ моста: вотъ я и вымокъ, ка̀кэльхнок кам мосталькак, нун, *т*ха̀нықичэн,

лучше вечеромъ „сдорную“ (изъ „сдора“—оленьяго сала) толкушу сдѣлай, накорми толкушей, лу́чше́ ве́черо́м кши́лхкэлч кы́тхынкшкэх, ши́лкшилк кли́нумк,
содранное оленье сало, „сдоръ“, кы́тхын,
накорми, кхли́нумк,
сдѣлай толкушу, кши́лхкэлч,
сдѣлай, кшкэх,
добрый, тэ́нглях или чи́нглях,
по березнику, у́хтал,
поищи, кы́нтхжух,
далеко, мэчэк,
далеко стоитъ, мэчэк пткинэн,
чей? кэн,
чей (есть), кэн? кэн-шин, кэатэну и кэнтин,
его, эннэн-шин,
скажи, какъ тебя зовутъ? [скажи, чье (какое имя есть)]? кля́хчик, кэкэн хэйлян-шин?
человѣкъ, кча̀мжаль,
ушка̀мжа, Краш. Б и В.
ksàmsan, Erm. S.
люди, кча̀мжанлян,
застать, ны́нхкичэн,
рыба, и́нчиль,
уже супъ поспѣлъ, кат, и́льхк и́шижин,
свѣтлѣе топи, куисжх,
тебя ищетъ, кы́жан ны́нхтпжин,
меня ищешь—ближе сяду, кы́мман ны́нхтпжин—тмаль мльча̀ульх,
Василій, пора, достань голову (рыбью): хочу ѣсть, Василій, хальч, кэ́нпх хэ́улич: тхша́шкичэн,
по утру (раннему), ымкольк,
по утру (позднему), а̀жужк,
завтра, а̀жужк,
ажушк, Краш. В.

утро, е́мколалю, Краш. В.
дай *хоть* твой, *коl хэк кн***ы**н,
пора, обуться, хальч, к**у**макичэн,
сушиться, а̀**н**кажиж,
станетъ мерзнуть, *тк***и**тэтк*ж***о**лль,
долгій, длинный, **і**улях,
долгій березникъ, **і**ульухт,
ухо, э́львалэк,
и́люд, и́лла, Краш. А и В.
въ долгомъ березникѣ, **і**улъу́хтэ**н**к,
ѣдетъ, *тс*ч**а**лажкичэн,
старикъ, хэ́качь,
кемчига (растен. *Claytonia* по Дитмару) льклэ́м,
сарана, **эу**хкын (звук **эу** нераздѣльный),
морошка, шнын,
шіе, Краш. Камч.
голубика (голубель), лы́**н**гуль,
ни́нгул (голубица) Краш. Камч.
брусника, **ч**льхон,
ча̀хача, Краш. Камч.
княженика, **і**анум,
я́анун, Краш. Камч.

Селеніе Морошечное.

селеніе, а̀тнум,
а̀тын, а̀тынум, (острогъ) Краш. А и В.
поклонись, **ч**люхч,
уже убили, *кат* кхл**э**ман,
хочу обуться: дай торбасы, а̀чам ко̀макич: *коml* шхун,
торбасы, шхун,
шхун, Краш. В. schun, Erm. S.
обуться, ко̀макич.

Звукъ ȍ въ словѣ комакич слышится, несмотря на удареніе, очень не ясно, поэтому можетъ быть записанъ какъ у, что и было сдѣлано въ словѣ кумакичэн выше.

Нѣтъ сомнѣнія, что и кȍмакич, и кӳмакичэн — суть глагольныя формы одного и того же корня.

подальше! посторонись! эк*кл*ыхч!
пора, разуюсь: мокры (торбасы), хальч, мэ́хльчин: хичкак—шин.

Слово хальч употребл. въ значеніи пора, время, въ смыслѣ понужденія, соотв. русск. ну; оно произносится быстро и неясно, какъ халч, хач и даже ач.

Въ словѣ хи-чкак (мокрые) нельзя не узнать записаннаго выше хи*т*склях—очень мокрый. Вторая транскрипція его чрезъ *т*ск вызвана тѣмъ, что звук *ч* трудно передать: онъ не соотвѣтствуетъ русскому: въ немъ слышатся и *т*с и ц.

одинъ, *к*нын (различ. отъ кнын, твой, произношеніемъ)
кóнинг, Краш. В.
два, каш,
кааж, Краш. А.
каасъ, Б
касса, В.
три чок,
чоок, чоок, чоук, Краш. А. Б и В.
четыре, чак,
чаак, Краш. А. Б и В.
пять, пять и т. д. по русски.
неровное мѣсто, покрытое ямами, называется keймель, вѣрнѣе это передается французск. произн. keuillemoelle.
я не хочу, *к*ымма һэ́йньч,
пестъ (каменный), спэ́,
пойди за водой, ач *клйк*ылхч,
курья—тихая протока рѣки, уам,

теперь, **и***х*-о,

теперь я поѣду: пора, собирайся, нэ́н *т*схэ́жалькичэн,

хальч, *к*жи́льх*к*жуж,

пусть, пора, собираются, хальч, хэ́нк *к*жи́лх*к*жэун,

торопится (?), минк ку́нчэхуиншун,

Сомнѣваюсь въ значеніи послѣдней фразы: старикъ, который ее произнесъ, добавилъ: „если сказать коротко, то только кунчэху-ин-шун". Минк выпущено. Что такое это минк, я добиться не могъ, не смотря на всѣ старанія, приложенныя къ тому съ моей стороны.

отецъ, **и**шх,

ишх, Краш. В.

мать, лэхшх,

ла́хшха, Краш. В.

сынъ, *п*-эч,

пе́ечь, пе́ачь, пача̀, Краш. А. Б. и В.

pez, Erm. S.

дочь, м**и**мш*х*-ин *п*-эч.

Звукъ **и** во многихъ словахъ не соотвѣтствуетъ русскому, а стоитъ между И и Ы, напр., въ словѣ м**и**мш*х*-ин. Также, встрѣчается не чистый звукъ а (а, э и даже о). Вообще, можно сказать, что гласныя въ камчадальскомъ языкѣ не ясны. Дальше я буду неясные звуки обозначать иногда двумя буквами, раздѣленными наклонной чертой.

дочь, чи́депечь, Краш. А.

бабушка, митх м**и**мш*х*-ин,

дѣдушка, митх и́хль-ин,

старуха, *т*хлочх или тхло́ай,

братъ, ши́лятумх,

сестра, лы́лихль,

ли́лихлчь, Краш. В.

внучка, ку́млюн,

отцы, и́шх-эн (звукъ э въ окончанiи (эн) множ. числа— очень не ясенъ; можетъ быть, легко записанъ чрезъ и).
матери, лэ́хшх-ин,
сыновья, дѣти, *п*-эн,

Въ словѣ *п*-э́ч—сынъ, при образованiи множ. числа звукъ Ч, видимо, опускается.

гдѣ дѣти? мэ́чэн *п*-**э**н?
бабушки, ми́т*х*эн,
дѣдушки, ми́т*х*эн,
сестры, лы́лихлэн,
внучки, ку́млэн,
гусь, к**ш**а**ш**,
гуси, к**ш**ын,
гусь, ксу́де, Краш. Камч.
chas, Erm. S.
много гусей, и́һныль кшын,
орелъ, **с**лэч,
сячь, Краш. Камч.

Звукъ **с** промежуточный между с и ш, также и **ш**.

орлы, **с**лэн,
мышь (красн. полевая), лэ́ль*к*оч,
мыши, лэ́ль*к*ын,
медвѣдь, у́**н**-аль,
медвѣди, у́**н**-аль (будто бы не измѣняется).
волкъ, һáиһны (сходство съ коряцк.)
волки, һàиһн**ы**н,
голова, *кт*хын,
ктхын. Краш. В.
головы, *кт*хын,
рука, х*к*эч,
hkez, Erm. S.
хкачь, Краш. В.

руки, *хкэн*,
нога, *кт*хан,
ноги, *кт*хэн,
катхе́ин, Краш. А.
день, *кльхаль* (э),
кулха̀лла, Краш. В.
дни, *кльхэ́ль*,
ночь, *кы́*нку (ы), kunk, Erm. J.
ку́нку, Краш. В.
ночи, *кы́*нкун,
собака, *кёшх*,
kos, Erm. S. и J.
топоръ, кошх,
ко́ашу, Краш. А и В.
koas, Erm. S. и J.
каменныя стрѣлки, кальхъ (вѣрнѣе) kâl,
калхъ, Краш. В.
kach, Erm. J.,
каменные скребки, клъхонман, (вѣрнѣе), kl-ӧнман,

Одинъ старикъ, камчадалъ Морошечнаго острожка, спрошенный мною относительно счета на камчадальскомъ языкѣ, отвѣчалъ, что „мы теперь только и знаемъ, что:

одинъ, *кнын у́пк*оль,
два, *каш у́пк*оль,
три, чок *у́пк*оль,
четыре, чак *у́пк*оль,

а остальной счетъ—весь по-русски". Что собственно означаетъ *у́пк*оль, мнѣ узнать не удалось.

возьми (вѣроятнѣе,—взялъ) твои рукавицы, кнын лыль *кльхын*,
гдѣ сестры, мэ́чэн лы́лихлэн,
я ѣсть хочу, *кт*хше́жкичэн,
шкапъ, шкап,

въ шкапу, шка̀па**н**к,
замолчи, *к*э́йльчк**а**сш,
другой, *к*ýлэ-*к*э́,
что говоришь? а**н**ка *к*ля́хч**э**к?
не знаю, пи́льхэк-ми́льчин,
знаю, хэ́як*т*-и́счэн,
не знаю, х**э**кэк *т*-и́счэн,
поѣду на рѣчку, *т*схэ́жалькич**э**н ки́йча**н**ки (кэ**й**ча**н**ки), кэ́йча**н**ки (вѣроятно вѣрнѣе) **к**ийча̀**н**ки—отъ киһ-рѣка, ки́һ-чах—рѣчка.

Гласная въ словѣ киһ—рѣка здѣсь снова слышится не ясно, легко смѣшивается съ э.

уѣхалъ на рѣчку, схэ́жы**ы**н кэ́йча̀**н**ки,
куда уѣхалъ, ма̀**н**ки схóжы**ы**н?
спрашиваетъ, нльньхиньхл**у**жэн,
сколько, лальк?
сколько ты добылъ, ла̀льк *тl*эм-чи**нг**ы́н?

Звукъ **нг** чрезвычайно труденъ для произношенія, также и **гн**. Въ этихъ звукахъ носовое н и г сливаются вмѣстѣ: въ первомъ **нг** яснѣе слышится **н**, во второмъ **гн**—г и потомъ **н**.

сколько ты добылъ лисицъ? ла̀льк *к*ыжа *к*хлэ́мчи**нг**ы́н (*кl*э́мчи**нг**ы́н) *т*сжэ́лэн?
одну лисицу добылъ, *к*нын *т*сжаль кымма *тl*э́мкэч**а**н,
лисица, *т*сж**а**ль (*т*с/ш**а**ль),
чашіай (Краш. Камч.).
зима, х**а**н**кулэ,
зимой, ха́**н**кулэ́,
сколько онъ добылъ, éнн**е** л**а**льк х*l*э́мчи**нгы**н?
сколько мы добыли, м**у**жа л**а**льк х*l*э́мкэч**а**н?

Корень слова убить, добыть очень труденъ для произношенія, поэтому и записывается различно, какъ воспринимаетъ ухо: *l*эм, х*l*эм, *к*х*l*эм.

Знакъ *l* приближается къ льхь, но не вполнѣ послѣднему соотвѣтствуетъ.

заблудился, *т*ма*ч*акичан.

Глагольное окончаніе иногда слышится какъ кичан, иногда какъ кичэн, что часто встрѣчается и въ записи.

трубка (табачная), *к*а̀нша, khansa, Erm. S.

Относительно этого слова Эрманъ замѣчаетъ, что это—монгольское слово употребительно по всему сѣверу Азіи. Я не сомнѣваюсь, что *к*а̀нша—не камчадальское, а заимствованное извнѣ, такъ какъ камчадалы не курили вовсе, поэтому и понятія о такой трубкѣ у нихъ не было.

(камасные) торбасы, пы́нжа*ч*хлэн,
чилхенъ, Краш. А.

дѣвочка, э́кочх,
дѣвка чи́хуачучь } Краш. А.
хучи́чу } Б.
ekoz, Erm. S.

волосы, *к*уймэн,
ку́біинъ } Краш. Б.
ку́йба } В.
koben, Erm. S.

грудь, хла̀йятум,

языкъ, льчэль,
ды́чилъ, ни́чилъ, ече́лла, Краш. А. Б и В.

подбородокъ, *к*ымкöч,
кы́мкычь, Краш. В.

камень, уатч,

плечо, *т*на̀нг,
тено́дъ, та̀ннунг, тыны́нга, Краш. А. Б и В.

спина, *к*аач, (между а/э)
карогъ, ча̀ега, ки́гачь, Краш. А. Б и В.

шапка, пэ́халь (коряц. пэ́люк),
па̀халъ, Краш. В.

парка, кэ*у*ачь,
веревка, **х**óшхт, (*о*шхт),
ушхтъ, Краш. В.
листъ, пы́ллян,
пеллаа̀кела, Краш. В.
корень, **у**нх,
трава, шиш,
шишчь, Краш. А.

Отличается отъ шиш—иголка только произношеніемъ: въ значеніи трава — первый звукъ произносится не ясно съ полузакрытымъ ртомъ, соотвѣтствуя болѣе нѣмецк schön.

голодный, *п*-**и**люл**я**н,
сытый, *т*чи́лик,
чи́хлихъ, Краш. В.
пить мухоморъ, *т*эак п**а**шкичэн,
пьяный съ мухомора, хылпа̀шкичамъ, Краш. В.
что дѣлаешь? а**н**ка̀ ш*к*жэн?
сучу нитки, *т*схэ́тлэск (-лэс/шк) или *т*схэ́тляскичэн,
скоблю (шкуру), *т*плишк (с/ш), или *т*пли́шкичэн (скичэн),
будетъ, довольно, *к*эчи́ль,

Записываніе камчадальскихъ словъ и выраженій крайне трудно, по двумъ причинамъ: главная, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ, что спрашиваемые, жители камчадальскихъ острожковъ, какъ было ранѣе замѣчено, весьма мало понимаютъ по русски. Отчего, само собой, крайне затруднительно получить отвѣтъ на заданный имъ по русски вопросъ. Очень часто отвѣты получаются неимѣющіе никакой связи съ вопросомъ, особенно, если дѣло касается понятій. Вторая причина въ томъ, что въ камчадальскомъ языкѣ имѣется нѣсколько звуковъ не только трудно передаваемыхъ европейскими, но и иногда и трудно уловимыхъ ухомъ.

человѣкъ, *к*ча̀мжа̀**н**ль,
ушка̀мжа, Краш. В. и Б.

мужъ, *ка̀мжа̀н*,
    ка̀мжан, Краш. В.
жена, **ычь**, **нгынгычь**, Краш. Б.
мальчикъ, нэни*к*ичх,
    (младенецъ) на̀нача, Краш. В.
палецъ, **люхлючь**,
ноготь, *ку́хку́х*,
    kuut, Erm. J.
ротъ, ка/ышх,
    cheksch, Erm. J.
уши, э́льлалэн,
губы, кэльхлюн,
    ке́шха, Краш. В.
лицо, хлэн,
    uän, Erm. J.
брюхо, *кы́льтк*,
    ка̀лтки, Краш. В.
    kailit Erm. J.
дрова, **уын**, ün, uut, Erm. S & J.
дерево, **у**, u, Erm. S.
гора, **ныйнгэ**. (сходство съ коряцк.)
падушка, падь, ку́ньчэчх,
вершина, *чка̀*льхын,
мѣсяцъ, я́яльhын (сходство съ коряцк.)
    лаа̀клгынъ, Краш. В.
    jeelge, Erm. S.
небо, *кышхча*,
облако, **ныжан**, мы́йжа, Краш. В.

Н очень трудно уловим. носовой звукъ.

Птица, у́ткэн—испорченное русское утка. Послѣднее повсемѣстно на Камчаткѣ употребляется въ значеніи общаго понятія—птица.

Птица (въ с. Напанѣ), hа̀льhан (одинъ корень съ коряцкимъ).

лебедь, мэ́шхумэс/ш,
мàшамъ, Краш. Камч.
meschumes, Erm. S.
вострохвостъ, кы́нпльч,
селезень (сѣрая утка), ћэ́ттаaулэ,
куропатка, рэунэ, (сход. съ коряцк.),
reunel, Erm. S.
чирокъ, пы́жхлкуч (пы́жwћкуч),
пе́шукун, Краш. Камч. птица,
олень, оленя (ћы́люх — Напана, Седанка),
кровь, мльхи́м,
mechim, Erm. S.
кость, ктхэ́м,
chktamon, Erm. S.
чайникъ, ёкыёк,
чайка ёкыёк,
jakjak, Erm. S.

Одинаковое обозначеніе для чайки и чайника можетъ быть объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что понятіе чайникъ было заимствовано камчадалами отъ русскихъ. Очевидно, что вначалѣ камчадалы не могли различить на русскомъ языкѣ чайка — чайникъ; вѣроятно, имъ слышалось, что русскіе называютъ одинаково, какъ птицу, такъ и сосудъ для варки чая; поэтому и на своемъ языкѣ дали чайнику имя чайки.

ложка, кспич,
kspiz, kaizp. Erm. S. & J.
бато́м идемъ, ны́льхшушкичэн,
грести, кты́имихч,
скоро греби, ско́ро ктэ́имэжхч,
чажъ (мѣховой чулокъ), па́мьянъ,
паймадъ, пайманъ, Краш. В. А. и Б.
сказка, àмгаль (звук мг — носовой простой).

камчадалъ, **и**тэнмэн,
iténemen, Erm. J.
русскій, *т*тэхч,
tatautsch, Erm. J.
чортъ, *т*кăна,
ка́на, ткана, Краш. А. Б. и В.
kon, Erm. J.

Селеніе Бѣлоголовское.

царь, *к*лечи-э́рим,
[*к*лёчи будто бы то же, что ля́чи — солнце; э́рим — бо́льшій (староста въ селеніи)].
царь, kuletsch-érim, Erm. J.
солнце, лячи,
лачь, Краш. В.
latse, kuletsch, Erm. S. & J.
крестъ. ны́никэчь,
они, **и**тх,
и́тха Краш. В.
радуга, тэ́*к*ом,
шапка, пэ́**н**кым,
земля, шимт,
шемтъ, семтъ, Краш. А В и Б.
земля-почва, к*т*хым,
дымъ, **нга̀**чаж**нга̂**чаж,
нра̀чаж **нра̀**чажъ, Краш. В.
сухое мѣсто, у́с/шх,
дорога, к*т*хож, (о/а),
море, кэ́эх,
ке́я́га, Краш. А. и В.
смѣются, кнэ́жэхтши/эн,
прощайте пока, и́ны тэ**н**кчин,
кто пришолъ? кэ́ ке́и*l*-ин?

горитъ, пылаетъ (о печкѣ), óкратжэн,
горитъ (жирникъ), лю́жин,
жиръ, хàмльх,
костеръ, пожóгъ, уэрэт,
хорошенько затопи, мэль-хýйшк,

Очевидно, что топи — кýйшх и — хýйшк, — одно и тоже. Изъ разности въ записи можно заключить о трудности произношенія.

ушолъ, ушла, *иl*-и́н,
куда ушла Анна? мàнки *иl*-и́н, Анна?
спать, ны́кшижу (ы/и),
нýйкушку, Краш. В.
gnûgtschitsch, Erm. J.
пора, спи! хальч, *к*ны́кшишх! (звукъ ы походитъ даже на у!),
открыть, мэнх-ачэн,
холодный, лькл*э́*х,
я живу въ Бѣлоголовой, кымма Мильхк *т*шýнскичэн,
третьяго дня (я) жилъ въ Бѣлоголовой, *к*óлянг Мильхк *т*шýйлькас/ш,
живу (постоянно), *т*шýйльхжкичэн, или, *т*шýйльхжужк,
долго стану (буду) жить, нура *т*шýйлькжаль,
ничего не говорю, *к*àманк *каl*юк,
собака нюхтитъ (обоняетъ), кошх ни́шх*к*ижэн,
мойся, чле́хч,
пора, молись, хальч, хт*э́*кёхч,
пора, встать, хальч, *к*т*э́*кэнч,
заносило, ки́нтхэльин,
я ѣду тоже (также) въ Морошечную, кымма *т*схэжис/шклэм Аннауки,
трое поѣдутъ въ Харьюзову, чок Пл*э́*ханки *т*сх*э́*жисчэн,
пора, достань, хальч, *к*и́кэ/ильхч,
давно (уже) воды достали, ка*т* и ки́льхкичэн,

жирная чавыча, **нг**тэ́ррэокайн **ч**у**ч**у,
гдѣ была (былъ)? ма *l*кас/ш?
тамъ (я) былъ (была), **х**у*тl*акс/ш,
я дома былъ, кымма **к**и́штэнк *тl*кас/ш,
я былъ на Морошечной, кымма Анна**у**ак *тl*кас/ш,
я нигдѣ былъ (не былъ нигдѣ), камма *тl*кэк,
я хожу, кымма *тl*я́лэжк,
онъ ходитъ, е́нн**е** *тl*я́лэжич,
итти, тла̀ламъ, Краш. В.
вы ходите, тужа *l*я́лэжщ,
я сижу, кымма *тl*ёжк,
ты сидишь, кыжа *l*ёжщ,
онъ сидитъ, ённ*е* *тl*ёжщ,
мы сидимъ, мужа *тl*ёжк,
вы сидите, тужа *тl*ёжж,
я ѣмъ, кымма *т***н**ужк,
ты ѣшь, кыжа *к***н**ýхч,
онъ ѣстъ, е́нн*е* **н**ýжч,
мы ѣдимъ, мужа **н**ужк,
вы тоже ѣдите, тужа *к***н**ушх-лэм,
отчего вы не ѣдите? а**н**ка̀н *к*ам **н**ýкэк тужа шишх?
пора, (я) также буду ѣсть, хальч, лэм *т***н**ý*к*жаль,
пора, ѣшь! хальч, *к***н**ýжх,
ѣсть, knicht, Erm. S.
ѣшь, knucht, Erm. J.
пестъ, спэ́,
пестомъ, (твор. instr.), сп**э**ль,
полевая мышь (изв. видъ), чэ**н**ка**н**кач,
береза бѣлая (прѣснецъ), кы́льх,
жимолость, лёльхт,
черемуха, кэ́льмэн,
ка̀тхамъ, Краш. Камч. раст.
кусокъ, а̀нс/шх,
кусочекъ, а̀нсхчах,

ремень, лыль,
ремешокъ, лы́льчах,

Окончаніе чах для образ. именъ уменьшительныхъ.

Селеніе Утхолока.

понесу, мсжу́кичэн,
закрой дверь, *к*шопчх нучь,
лыжи, лэ́нга̀н (франц. linguane),
медвѣдь (самецъ), я́ншалан,
напарился, *к*лю́льхч,
одѣнешься, кэ́нхшчихч,
влѣзть въ кукуль (зайти въ кукуль), кшча̀хч,
чуманъ (берест. посуда), мумх,
только бы не задавило, только бы *т*кни́ка/эк,
плеяды (созвѣзд.), а̀ашх (вши),
оріонъ, кэ́нчх,
большая медвѣдица (созвѣзд.), крын,
Венера (свѣтлая), а̀тхлах,

Селеніе Напана.

переволока, перевалъ, к*т*э́ллячхан,
право, вѣрно, конечно, э́пх (см. выше э́бхы),
внизъ по рѣкѣ, и́анки, (по водѣ),
вверхъ по рѣкѣ, ха̀ньчьки,
медвѣдь, эканкль,
gakank, Erm. S.
кайнга, Краш. Камч. звѣри,
старикъ, экач,
пестъ, спэ (прежде назывался *т*кнын),
малина, э́чхалькл́эжим (э́чхалькwэ́жим),
смородина (красная), мро́ротым,
смородина (ягода), мро́ротан,

шиповникъ (плодъ его), кэ́наупх,
(я) отдамъ (буду давать), *тж*ы́ля*l*эн,
я даю, *тж*ы́ляжин,
(ты) дашь, жы́ляжhымн,
даетъ, жы́ляжhымны,
даемъ, *тж*ы́ляжин,
даете. *тж*ы́ля*l*ин,
даютъ, *тж*ы́ляжны,
(я) давалъ, *тж*ы́льчhын,
пора, стану наливать, хальч, млин*к*ш*к*ун,
пора, станемъ пить (чай), хальч, манча̀яксшуж,
пить, мы́нhы́лкжу́к,
би́гыликъ, Краш. А.
ailetsch, Erm. J.
пить (воду), *т*ы́ляск,
почему смѣешься? анкнэ́ш *к*ны́жищ?
(хочу) брать, взять, *т*ляск, *т*ля́скичэн,
болитъ, э́нкшхыжин,
болванъ (деревян. на подобіе человѣка), ко́лкоч,
капканъ, ловушка (для мышей лэ́лькоч), ка̀нэ*l*льхон,
что ты говоришь, анкас/ш кы́жа кэ́рвэйльхайтыщг
хорошо, кэ́чик,
я буду сидѣть, кымма *тl*о́кжолк,
дожидался, *т*кжу́кжукичэн,
щенокъ ѣсть хочетъ, хэ́ммэчх кша̀жыын,
сука, сучка, су́ключь,
еще, тэ́ут,
также, лэм,
чашка, шенжахч
крутой подъемъ, ку́тажи́ч (Еловка),
ночь, *тl*хынглэ,
льху́югуна, Краш. В.
темно, *т*хунк (х/к),
не темни, и́н*т*ху́ын кэк,

варена рыба, э́раэр,
идетъ снѣгъ, па̀нгужин,
облако, я́ян,
облако, ны́жһоль, (с. Утхолока),
шестъ, и́ллэуһэнын,
illeiminai, Erm. J.
весло, тэ́ймэнэн,
на байдарѣ, тэ́вэнанк (а/э),
нашъ, мы́жхын (ы/у),
свѣтлѣе, а̀тхчак,
а̀ттыгъ, Краш. Б.
нагрудникъ (у кухлянки), пэ́хэхэчь, и э́нвэч (въ с. Седанка),
корзинка (травян.), тэ́нэикаль,
корзинка (мягкая), *тl*е́кыпк (плетенушка),

кажется, одного корня съ „плести": мягкія корзинки (травяная) плетутся.

убей, *кl*эмх,
идетъ снѣгъ, шо̀тхощ,
подожду, *кж*о́алячан,
вытрись, *кl*хахч,
вычешись, *к*ы́м*т*хлахч (*к*хы́м*т*хлахч),
гребень, тхы́мтх,
горитъ (о печкѣ), кы́рратжин,
камлейка (одежда), ка̀марэч,
kamarez, Erm. S.
налей, *к*линхшх,
выпью, мы́льчэн,
горячій, хка̀лэх,
kekal, Erm. J.
теплый, о̀млах,
но́мла, Краш. А.
прибавь, ки́ныһырх,

прибавь, *члямх* (с. Морошечное),
чего ждете? **а́нка̀** *кжу́жин*?
холодный, *лклях* (**лы***кл***я**х,
лке́лага, Краш. В.
тепло, омк,
холодъ, **лыкак** (лка̀к),
высокій, а̀шлах и **кы́лнганлях**
кы́ягылла, Краш. В дашелу, А.
высота, а̀ш-*аш*, и **кы́лнганк**,
широкій, а̀нтьlях, и ко́*т*лах,
рѣка широкая, ко́тлахъ **киһ**,
узкій, *ч***н**у́лах,
тѣсный, ку́**н**лах,
рѣка узкая, ку́**н**лах-**киһ**,
ширина, кот-кот,
сколько шириной? мэ́нькэмтль ко́тыһран?
не узкій, кам ку́нькин,
не широкій, кам ко́тляlкан,
если бы да такъ (дивья бы! по-мѣстному), кны́нт,
протока, **кл**эч (кwэч),
за дровами, **ну**люжин,
потерялась, мэч*к*эжһ**у**н,
долго, н**у**ра,
скоро, ны́*ч*халк,
явился, шхлэ́һын,
пришолъ, кёйl-һын,
проворный-сильный, кэ**у**лах,
хрупкій, ка̀**у**лах,
крѣпкій, *к*тлах,
жидкій, ху́lклах,
черствый, и́тумлах,

На основаніи приведенныхъ выше словъ можно полагать, что 1) окончаніе *лах* (а неясно, можно смѣшать съ я, ё,

благодаря тому, что *л* мягче русскаго и тверже европейскаго *l*)—служитъ для образованія *прилагательныхъ* (въ большой части), напр. хкалах, омлах, *лк*лах, котлах, ку**н**лах, *ч***н**улах и т. д. 2) имена *существительныя* иногда получались чрезъ *удвоеніе корня*, напр. коткот, тхальтхаль, пахпах, аш-аш, т*l*им-т*l*им, чух-чух, ёк**ы**ёк, кух-кух и т. д. колкол, кыхкыч (Крашенинн. громъ), 3) буква *к* на концѣ корня—для образованія *нарѣчія*: *т*хунк, о́мк, кэ́чик, атхчак, цыльк.

нашолъ, *ч*ки́чи**нг**ын (*т*ски́чи*т*ын),
потерялъ, мэ́тлын,
кто, кэ́,
чей, кэн,
мой, кымман,
твой, кн**ы**н,
его, е́ннан,
нашъ, му́жан,
вашъ, тужан,
ихъ, *т*хыин,
имя, хэ́йлан,
какъ твое имя? кэ́ кн**ы**н хэйлан?
ты кто? кыжа кэ́-ш**и**ч или кыжа-кэ́?
закрылъ, шо́пчын,
уже закрылъ, ка*т* шомчӑн,

Окончаніе прошедшаго очень не ясно: ын, ин, ан, эн.

онъ, она кашляетъ, е́нне ȁшкш**а**н (ȁшкшэн),
кашляю, ȁшкс/шкэч**а**н,
ты кашляешь? кыжа ȁшкщ?
сильно, пы́льк,
сильно кашляю, пы́льк ȁшк**с**кэч**а**н,
пересталъ, *l*хы́ль**нг**ы*ы*н,
началъ, у́жуун (у́жыын),
пахнущій, кшкын,

пахнетъ, кшкыжыын,
убродно, ȁпшк,
очень убродно, хэ́ ȁпшк (хи́-ȁпшк),
кашель, ȁшат,
кашлять, ȁшкщ,
я (есмь), кымма *т*шик или
„ *т*скичэн,
ты (еси), кыжа шитч,
онъ (есть), е́нн*е* шитч,
мы (есмы), му́жа *т*скичэн,
вы (есте), тужа шишх,
они, онѣ (суть), итх шһын,
скамейка, посидѣнка, *l*янум,
на скамейкѣ, *l*янок,
садись, *кl*я́ульхч, (*кl*я́ульчх)!
я сяду, кы́мма *кl*я́улялььк,

Очевидно въ „скамейкѣ“ корень тотъ же, какъ и „сидѣть“ *l*я.

я сижу, кы́мма *тl*ожк, или *тl*ожкичэн,
ты сидишь, кыжа *l*ощ,
ты тонешь, кыжа *кl*ощ,
выйди, *к*ыпчх,
довольно скоблить (шкуру)! кэ́чиль плэ́*l*кэ́ш,
шкура (оленья), шап,
я плету, кымма хтлöжк, или
„ хтлöскэчäн,
ты плетешь, кыжа хтлöщ.
ты сучишь нитки, кыжа *т*схэ́тлэщ,
полъ, шимт,
на полу, шимтэнк,
я молчу, кымма *т*ыльчэшк, или
„ *т*ы́льчэшкичэн,
ты молчишь, кыжа и́льчэщ

онъ молчитъ, е́нно и́льчэщ,
мы молчимъ, мужа ны́льчэшк,
вы молчите, тужа и́льчэшк,
они, онѣ молчатъ, итх и́льчэшчэн,
мы разговариваемъ, мужа кэ́рвэйльха̀йтэшк,
они, онѣ разговариваютъ, итх кэ́рвэйльха̀йтысчэн,
о чемъ станемъ говорить? а̀нка̀шик ха̀нтлючан?
то и, оттого и, потому и, камх,
молча, и́шынк,
помолчите, *к*ы́шынкжижх,
я ѣмъ толкушу, кымма ши́лкэшк,
ты ѣшь толкушу, кыжа ши́лкэщ (эшч),
онъ, она ѣдятъ толкушу, е́нне шилькэщ (эшч),
мы ѣдимъ толкушу, мужа ши́лкэшк,
вы ѣдите толкушу, тужа ши́лькэшк (эшх),
они, онѣ ѣдятъ толкушу, итх ши́лкэшһын,
постой, поговоримъ! инкэку́нмихч, мы́нкэ́рвэйльха̀йткэ,
о чемъ, а̀нкаяк,
сейчасъ скажу, энки млакэчан,
деревянный пестъ, шэ́тка,
много, канхт,
маленькій, у́люлях,
ня́нюкала, Краш. В,
большой, п*л*ох,
пелла̀га, Краш. В.
довольно сучить нитки, кэ́чиль схэ́тлэшкэш,
хорошій, кэ́чилах,
добрый, тэ́нглах,
что хочешь сказать? а*н*ка̀ш ла̀ащһныы,
что-нибудь, а̀нкачх,
скажу, *т*лаалькэчан,
я позѣвываю, кымма тха̀нткэчан,
насытился, *т*мэ́шукичэн,
слабый настъ, чиръ ка̀*т*умч,

станемъ собираться въ дорогу, мы́нкжилькkжук,
собирайтесь! *кжи́льккжужх*,
тебѣ, *кна̀***н**кэ,
мало пилъ, ха̀кэ и́льч,
пускай живетъ, ха̀н-ш**у**ншин,
звѣзда, **гн**э́жичх,
gnesi, Erm S.
ежéнгынъ, а̀гажинъ, Крашт. А. В.

Селеніе Харьюзовское.

высыпи, *кин*шх,
прощай, тэ́**нка̀**,
сопли, лэ́а**нк**,
мухоморъ, хпэ́**н**,
корень, упшх,
скоро, ны́чхальк,

Сел. Аманинское.

пурга, х**ля́**лачкын,
два, ка̀шхан,
мало, ча̀ханк,
много, **ны́нг**эль,

Сел. Седанка.

юкола, нóжан,
вода, **и**,
ружье, чэ́т.
гдѣ, маш.
я, *кма*,
ты, *кжа*,
онъ, она, **на**.
мы, мужа,
вы, тужа,
они, онѣ и́*т*а.

Сел. Напана (1894 г.).

кедровые орѣхи, ку́нхэль,
шишки кедров., кун,
кедровникъ, с/штон,
глаза, люl,
е́ледъ, ле́лла, Краш. А и В.
lülld Erm. S.
носъ, кэкан, каяка̀н, Краш. В.
kakan, Erm. S.
кончикъ поса, но́нльхэн,
ротъ, каш,
cheksch, Erm. J.
зубы, кпын,
kepun & kippen, Erm. S. & J.
женщина, нимшх (мимшх),
wims, Erm. S.
мужчина-человѣкъ, ча̀мжаль,
мужчина, ихль,
ребра, хто́рэл,
богъ, ну́стахчах,
dnustarschutscha, Erm. J.
лѣто, ла̀мl,
огонь, хы́мхль.
соболь, *ml*им-*ml*им,
кымхым, Краш. Камч. звѣри.
грудь, ма̀lяв,

Утхолока (1894 г.).

песецъ, ши́пук,
шиппока́, Краш. Камч. звѣри,
заяцъ, ми́нльч,
міишчичь, Краш. Камч. зв.,
котелъ, ку́кэч,

варить, ку́кэхч,
рыба (свѣжая), инч,
фитиль, по́мхлян,
тамъ, **у**кэн,
ковшикъ, а̀ннош,
почему молчишь? а**н**ка̀ш и́льчижи**ч**,
понимаешь, и́льхшижин,
пора, ложись, а́ч, кэ́льчхэч,
я хочу, кымма *т*сча́шкич**э**н,
чашка, хтнух,
морошка, ши́ннжэн,
шiiе, Краш. раст.

Ковранъ (1894 г.).

не нужно, хэй, или, жэк,
балаганъ, мым,
дневать, о́лхтасён,
солнце, ла̀чча,
мѣсяцъ, я́йлыhын,
звѣзды, э́**нг**ижич,
облака, я́ян,
ходить, *кl*яля**ш**к,
бѣгомъ, скоро, схы́лажо́жахч,
пѣшкомъ, *кl*я́лан,
бато̀мъ (посредств. бата), хту́ль,
батъ, хтым,
тахтымъ Краш. Б.
хорошая погода, жан,
погода устанавливается, (улучшается), жан мэ́лэужи́н,
плыть батомъ, хту́ль мынху́йка**с**,

Харьюзова (1894 г.).

поперечный, хо̀нва**у**шнуп,
рѣка прибываетъ, к**и**х а̀hажэн,

дождь, **чухчух**,
снѣгъ идетъ, *т*хàжу**у**н, (-ы**ы**н),
повѣсь, хàнкажих,
вѣтеръ, **с**пàлаж**а**н,
шапелъ, Краш. А.
рано, óмкалых,
àмколчелъ, Краш. В.
завтра, òмкалк,
ды́мколану, Краш. А.
вчера, àченьчк,
àшенгъ, Краш. В.
вѣсится, тэ́нэж**и**н,
штаны, кó**у**а,
ку́е, кóау, кòа, Краш. А. Б. В.
вѣрно, лы́хь-**и**,
не хочу, *к*àм**с**кичэн,
хочу, à**с**кэч**а**н,

С. Бѣлоголовское (1896—1897 г.).

большой, хэплöх (хи́плах),
товарищъ, и́пльх,
вчера, áчиньчк,
ашенгъ, Краш. В.
вóронъ, хи́акльх,
ворóна, клáкльха, или, ку́**т**ха,
вдвоемъ сидитъ, *к***н**ы́пи*р*яин,
рѣдко, отдѣльно, *l*м**а**н**а**н**г**,
часто, и́hэналь,
(мы) разговариваемъ, кэ́рwэйльхàйтыжhын,
тосковать, *к*у́*l*-и́*к*нэн,
пора, вставай, хàлч, *к*чэхч,
рѣжь, кы́ж**а**хтльхч,
ступай, тà*l***и**,

крапива, ка̀жан,
горитъ, кра̀тыж*h*ын,
когда поѣдетъ? и́та схэ́жыжhын,
слышать-понимать, и́люхшхыжhын,
куда идетъ? ма̀нки ижhын,
въ гости, э́тхальнуки,
сидѣть, *кло́*кжуки,
не смирный, шальной (о дѣтяхъ), хи́тэльвэнглях,
завтра проднюй! а́жужк ко́льтхч,
ѣсть хочетъ, кжхащ,
проворный-сильный, кэ́улах,
короткій, и́кумлах,
горница, хокок,
проходи въ горницу, *к*пэ́жкажч хо̀коки,

хорошо сдѣлай, *к*эчик *к*хли́нмитых, одинъ (самъ по себѣ) пріѣхалъ, хýнач*l* *к*ёй*l*-ин,	с. Сопочное

(я) вижу, *т*-и́льчкисчэн,

ты́ллчкужик, ты́лчкуйжча,	Краш. А. В.

(я) видѣлъ, *т*-и́льчичэн,
(я) не видѣлъ, *к*ам и́льч-кäк,
холодный (очень), хи́льклах,
каткій, и́*l*лях,
тепло, омк,
онъ видѣлъ, е́ннē и́льчижын,
мы видѣли, му́жа ны́льчкижын,
вы видѣли, тужа и́льч*к*ыжх,
еще чашку выпью, тэ́ут ча́шка мы́лэн,
не съѣстъ, хэнч *т*ха́нтхаллы,
проѣзжай, проходи, *к*пэ́жкэжхч,
такъ, также, кнан,
очень не каткій (о дорогѣ), хи и́тэмлях (см. выше черствый),

вдвоемъ сидѣть, *к*нёйпе́ряин,
не узнаю, *к*ам хли́нпик,
вершина, *ч*ка́льхын,
втроемъ, чо́шхын,
ты видишь, кыжа и́льч*к*ыщ,
ты видѣлъ, кыжа и́льч*к*ын,
ты видѣлъ этого человѣка, кыжа и́льч*к*ын *т*ын *к*чам-
жальх,
(я) не видѣлъ этого человѣка, *к*ам тын *к*чамжальх
(кымма) и́льчкын,
женщина, нымшх,
карауль, (если) придетъ, х*к*чёльх,- *к*olхкильх,
караулитъ, х*к*чольхкэж,
потомъ я увижу, кштэ́кх кы́мма *т*-ы́льч*к*аlин,
работай, *к*лэ́таткаш (*к*wэ́таткаш),
я работаю, кымма *т*вэ́татыжк,
ты работаешь, кыжа вэ́татыщ,
онъ, товарищъ, работаетъ, е́нно и́пльхэ, вэ́татыж*h*ын,
мы также работаемъ, му́жа-лэ́м нвэ́татыжк,
вы также работаете, ту́жа-лэ́м вэ́татэжх,
онѣ (они) всѣ работаютъ, итх мыl вэ́татыжhын,
тѣ всѣ работаютъ, нwэ́н (нлэн) мыl вэ́татыжhын,
я тоже работалъ, кымма-лэм, *т*вэ́таткыж,
ты тоже работалъ, кыжа-лэм вэ́таткыж,
онъ тоже работалъ, е́нне-лэ́м вэ́таткжhын,
мы тоже работали, мужа лэ́м нвэ́таткаж,
вы тоже работали, ту́жа лэ́м вэ́таткжужх,
всѣ ли работали? мыl вэ́таткжhын,
я тоже буду работать, кымма лэм *т*вэ́таткжальк,
стану ли я работать? хушх кымма лэ́м *т*вэ́таткжальк?
ты тоже работай! лэ́м кыжа *к*вэ́таткаж!
ты тоже будешь работать, кыжа лэ́м вэ́таткжаl,
онъ тоже будетъ работать, е́нне лэ́м вэ́таткжальч,
е́нне лэм вэ́таткжахын,

(Та и другая форма: вэ́таткжальч и вэ́таткжахын употребляются одинаково).

мы тоже будемъ работать, му́жалэм нвэ́таткжальк,
вы тоже будете работать, ту́жа лэм вэ́таткжальшх,
они (онѣ) будутъ работать, и́тх вэ́таткжальчэн, или и́тх вэ́таткжахын,
я вижу, кымма *т*-и́льчкыжк, или кымма *т*ы́льчк-исчэн,
ты видишь, кыжа и́льчкышч, или кыжа и́льчкыжын,
мы тоже видимъ, мужа лэм ны́льчкыжк,
вы тоже видите, тужа лэм и́льчкыжх,
я тоже видѣлъ, кымма лэ́м *т*ы́льч*к*ын
ты тоже видѣлъ, кыжа лэм и́льчкын,
онъ тоже видѣлъ, е́ннё-лэ́м и́льч*к*ынын, или имт-лэм и́льч*к*ынын,
они, онѣ видѣли, итх ны́льч*к*ынын,
я тоже буду смотрѣть (видѣть), кымма лэм *т*ыльч*к*ыкжальк,
у нихъ, *т*хын,
до сюда у нихъ, нух*т*ха́лян *т*хын,
порядочно (-дивно!—по мѣстному) добыли, ми́ши *кl*э́мнкнан,
много добыли, и́hнэль *кl*э́мн*к*на́н,
(они) добыли, н*кlя́*мàнгнэн,
добылъ, *кlя́*мнган,
рѣдкій, э̀ллах,
рѣдкій, отдѣльный, *l*мàнанг,
вмѣстѣ, о̀макан (сход. съ коряцк.),
лучше вмѣстѣ будемъ ходить, эу́шк о́макан мыньт*l*ялэжк,
лучше вмѣстѣ будемъ ѣсть, эушк о́макан мы́нну*к*ажк (вдвоемъ),
лучше вмѣстѣ станемъ ѣсть (говоря о многихъ), эу́шк о́макан мы́нну́*к*жужх,
лучше вмѣстѣ станемъ пить, эушк о́макан мы́нhылькжужх,
вмѣстѣ пойдемъ (вдвоемъ), о́макан мны*l*к,

вмѣстѣ пойдемъ (о многихъ), óмакан мны́лькжужх (мны́*l*кжужх),

вмѣстѣ станемъ пить (вдвоемъ), óмакан мы́нћылък,

вмѣстѣ (вдвоемъ) поѣдемъ, óмакан мы́нсхэжик,

вмѣстѣ поѣдемъ (многіе), òмакан мы́нсхэжижх,

можетъ быть, сходимъ, луш, мнэ́н*l*шк (к/х),

мы сходимъ (двое), мужа мнэн*l*к,

(я) буду разговаривать, *мк*э́рвэйльхэ́*тк*жукичэн,

молчи, *к*ы́йльчькаж (ж/с/ш),

(*к*и́льчкаж/с/ш),

молчите, *к*ы́льчкжужх,

куйжижичь, } Краш. А. Б.

кыйсуши́хчь, }

(я) буду разговаривать (другая форма см. выше), *мк*э́рвэйль ха́й*тк*жукишхэнын,

снѣгъ, *к*ы́лал,

колаалъ, Краш. В. Б.

братъ, ши́лятумх,

старшій (передній), *к*льхóнчан,

меньшій, шàлан,

что говоришь? анкà *l*ожин?

это (то) что? ты́н анкà?

поясъ, шит (schütt перед. м, б. вѣрнѣе),

(ты) пойдешь? и́*l*яшч?

почему? àнканкит?

почему не хочешь? àнканкит кам ши́чь?

такъ, ха́т,

такъ тоже, ха́т-лэм,

не зачѣмъ, кам анкнэ́жх.

ты пойди за чаемъ, кы́жа кчайлнэлхч,

чай, хкàлах шишь,

Хкàлах шиш означаетъ дословно горячая трава. Такъ будто бы чай назывался камчадалами прежде, теперь же всѣми инородцами Камчатки называется по-русски чай (цай).

табакъ, нычьк,
горькій табакъ, а̀мчьлах-ны́чьк,
фунтъ, нэтэннгакэшх,
вѣсы, нэ́тэннгакнан,
повѣсь, кэ́нтэннгах,
виситъ, тэ́нгэжин,
спица (деревянн. гвоздь), у́тхэп,
на спицѣ повѣсь! у́тхэпэнк кэнтэннгах!
кухлянка, кöхч,
тутъ, ху́рэт,
подъ, снизу, чхкманк,
подъ, снизу, чхкэ́ннгэкаманг,
то, другое, ну,
то возьми! ну кlих!
вотъ тамъ кухлянка виситъ. Что подъ ней виситъ, то и возьми! Ху́рэт нун кöхч тэ́нгэжин. Чкэ́ннгэкаманг ну тэ́нгэжин, ну и кlих! (Союзъ и потерянъ).

Дословно: тамъ вотъ (теперь) кухлянка виситъ. Подъ (ней) другое виситъ, то (другое) и возьми!

умеръ (о человѣкѣ и о животн. одинаково), ки́шхкнын,
(онъ) говоритъ, (что) собаченка пропала, lожкын, кшхой ки́шхкнын,
сказываетъ, lя́жчэннгэн,
скажи, кля́кэнан, кля́хчик,
(вы) говорите! кля́кжужхнэн,
подальше! клэхч! (вѣроятно,—подвинься!)
уйди! э́кнэнк клэ́хч!
подвинься далѣе, талькашч клэ́хч,
подвинься ближе, кѐтlкашч клэ́хч,
тутъ садись! нун кля́ульхч,
ужь пріѣхалъ, кат э́һынгын,
за рѣкой, ша̀лэнкэ (по ту сторону),
переѣхалъ, а̀нтагын,

уже уѣхалъ, *кат* схэ́жыћын,
на эту сторону, тэ́нкаманг,
ушолъ (пѣшкомъ, по землѣ), и́*l*хын,
не знаю, хэ́как*ты́*счэн, или, кам хэк и́*l*як*ты́*счэн,
знаю, хэк*ты́*счэн,
уронилъ, бросилъ, пнулъ, ты́нкучэн,
бросилъ (рукою), *т*кы́льчэн,
мы пнули (лягнули), нкэ́пълькучэн,
я самъ, *к*мы́льхун,
ты самъ, *к*ы́льхун,
онъ самъ, нwэнк (нлэнк),
мы сами, мжы́льхун,
вы сами, *т*жы́льхун,
ты пнулъ (лягнулъ), *к*ы́жа кэ́пль*к*учэн,
нора, а̀ширым (а̀ширам),
берлога, ноч,
дупло, лоолъ*к*,
Ирина толкушу дѣлаетъ, Марія спитъ, Ари́на ши́лкшэшин, Марья—ны́кшэжин,
огниво, кэ́шхт,
семга, мы́льарэк,
красная рыба, кшуш,
кши́вышъ, Краш. Камч. рыбы.
горбуша, кэуч,
коауа̀чи, Краш. рыбы.
не усталъ, *кам* кэ́никэк,
я тебя, русскаго, съѣмъ, кы́жан, а́уачхäт, *т*ха̀лля*h*ын,
вотъ (я) тебя съѣмъ, *камкэ кы́жан т*ха̀лля*h*ын,
вотъ я тебя, ребенка, съѣмъ, *к*а̀м*кэ*, нэ́нэкэчьхэт, *т*ха̀лляћын *к*ы́жан,
я разсердился, *т*ка̀мкичэн,
тотъ осердился, ну ка̀мћын,
уже, вотъ, *к*а̀м*кэ*,
ну, да хунь*l*э́кх,

нука, я съѣмъ, минш, *мт*хàльчэн,
попробую, м*та*̀уанчан,
сюда принеси, ко*тl* *к*э́т*l*чэк,
мнѣ, кы́мманкэ,
пора, станемъ спать, хальч, *м*нэ́льч*к*жужх,
на дворѣ, ы́жаанчак,
пурга, ты́жыын,
наши на дворѣ, му́жаан шин ы́жаанчак,
не смѣйтесь! *к*нэ́жальхкак *к*шишх,
говорю—не смѣйтесь, и́мт*l* *к*нэ́жальхкак*к*шишх,
очень не катко, хии́тэмк-шин,
не каткій, хи и́тэмлях,
клейкій, хи э́тэмлях,
клей, нгòнгым,
угасла, кóн*к*нгын,
угаси, *к*нгòнг*к*éй*l*х,
подавился, кòнг*к*нган,
давится, òнhыжин,
пропалъ, поспѣлъ, ки́жакнын, или, ки́шх*к*нын,
подалъ, *т*шэ́лк*к*жуин,
дастъ, джэ́ляхэн,
тамъ дастъ, ху́н джэ́ляхэн,
сумки (переметн.), кòрэмт,
остановись! *к*у́нмэхч!
что-то кричитъ позади (тамъ сзади), àн*к*нэш кэ́ляжин ху́кэнэ́,
скачетъ, тшхо́ткнэн,
заяцъ скачетъ, ми́нх*l* тшхлётк*н*эн,
такъ лисицы выходили (исходили, находили), так *т*сшалэн *к*жэ́жукнэн,
ты сними бересты! ы́нкшхчах кыжа *к*àх*l*чик!
береста, ы́нкшх,
берестoчка, ы́нкшхчах,
что-то увидѣли, àнкà ны́льч*к*инэн,
зайца, что ли, ми́нх*l*я àнкà-ль.

Можно думать, что оконч. вин. пад. ми́нхl-я — русское, т.-е. что камчадальское слово ми́нхl—заяцъ измѣняется здѣсь по русски (неправильно), подобно тому, какъ русское слово въ сумкѣ измѣняется въ шумэнк. Точно также и а̀нка̀-ль— русск. вопросительн. частица—ль.

мягкій, э́льтляхъ,

снялъ мягкія бересточки, э́льтляхэн ы́нкшхэнч э́хльчнгэн.

Изъ словъ эльтляхэн ы́нкшхэнч видно, что и прилагательныя измѣн. во множ. ч. подобно существ., т.-е. чрезъ прибавленье **эн** (по общему правилу образован. множ. числа).

шкура, ха̀нтх,

ударилъ, *т*у́жильчэн,

далеко, мэ́чэк,

сырой, шалäх,

достаточно будетъ, ны́лкl, или, *ля́lк*инг**э**н,

наливать, клы́нжкжунэн,

дѣлается подкопь, т.-е.—снѣгъ прилипаетъ къ полозьямъ нарты, ка̀нш*к*нан,

мечетъ икру (рыба) лощаетъ, ка̀**у**кнун,

поверху ледъ (есть), рѣчка (т.-е. вода) внизу (подъ), *к*а̀нжужха *к*о́льчхш**у**м-ш**и**н, ки́һһэчх—чашк ш**и**н,

поверху, сверху, ка̀нжужха,

ледъ, ко̀льчхшум,

рѣчка, ки́һһэчх,

ки́гыгачь, Краш. В.

внизу, подъ, чашк,

теперь горитъ, и́х-**о** нэ́нт ха̀йж**и**н, или, **и**х-о́ ла̀жч**а**н,

холодно! хи́лклах-шин!

дрова рубитъ, у́люиж**и**н,

чуманъ (посуда берест.), му́мхöй,

выворочу, *мт*лэчэн,

сидитъ, хло́ж**ы**н,

пахнетъ кислой (рыбой), хл**а̀**льчэшч, (wha̍льчэшч),

запахло кислой: выпачкался, хлальжакнан: скажыын,
дрова, уын,
ребро, тòрэл,
голова, чэ́кол,
шея, хэ́йтэн,
позвоночникъ, ти́нгрил,
грудина, wһàйятан,
задокъ (ссѣкъ), хумх,
легкое (осердіе), ршё,
брюшина, *п*нàн*к*,
кишки, ши́һаш,
сы́хшидъ, Краш. Б.
дѣт. членъ мужской, кàлк,
калкà, Краш. В.
мошонка (яйца), ш*ка*н,
копыто, эйпын,
лытки, чи́льхшин,
рогъ, *м*тан,
подальше, нэ́нымк,
только не украдите, че́реках только *к*шишх,
положи, ну́н*к*ажу,
половина, клàншат,
оленья шкура, шап,

Сел. Ковранъ (1897 г.).

остываетъ, кшэ́нижин,
кедровка (птица), ка́кач,
ка́кау, Краш. Камч. птицы,
крохаль, тыльтыль,
селезень (кряква), ха́тауаль,
чирокъ, пы́жлыкэч (пы́жwһыкэч),
море, кыхъ,
рѣка, киһ,

русскій, тэ́хч,
камчадалъ, и́тэнмэн,
нарта, санки, шхы́ншхын, }
нарта, нарта, }
оштолъ, о̀шхтлэлан, }
варжина, чэ́пнынг, } См. устройство нарты.
полозъ, шхлэн, }
кинаръ, о̀нполнэн, }
копылъ, нгшо́н, }
заморозить, а̀нкэтаваж,
сдѣлается холодно, *ка́клэахэн*,
будутъ выходитъ на ледъ (о нерпахъ), и́питкжаэнъ (ипиткжахэн),
мытни́къ (ледъ), чи́жичим,
сдѣлается, ншкчан,
лежать, отдыхать (о нерпахъ), шолккжахэн,
будутъ только выныривать, т.-е. только показывать голову (о нерпахъ), мэ́лэткжахэн,
показываютъ голову, мэ́лэткжужин,
устанутъ, кэ́наһэн,
голова болитъ, *к*тхын э́нкшхэжин,
я мерзну, *тк*э́тэтжкичэн,
я дрожу, *тл*ы́вэтжскичэн,
до того замерзъ, что дрожу, *тк*э́тэтжскичэн, — тэ́лвы хлы́вытки,
сырой, *т*склэх,
сухой, кы́жһиллах,
ремень спрашиваетъ, лы*l* *l*я́ньхлöжужнэн,
дверь, нуч,
затвори, *к*шопх,
сходить, *l*я́лякэж,
повредишь, кэ́рина*l*ин,
простываетъ, кшэ́нишкишхын, или, кшэ́нижин,
аттолъ (часть рыбн. запора), то̀ткш,

прибылъ (о водѣ), ка̀һһакнан,
плавежной аттолъ, ши́ншинч,
кукушка кукуетъ (-кричитъ), кә́кук кә́ляжин,
никто снизу (рѣки) не пріѣхалъ, *к*ам ианки кә́ схýжкәк,
никто снизу (рѣки) не говоритъ, кам кә́ ианки ла̀как,
товарищъ, ип*l*,
на товарища } (и/э) ип*l*анкә,
съ товарищемъ }
собака сердится на товарища, кöшх хә́каншч ип*l*анкә,
я сержусь на товарица, кымма хә́каншинъ эп*l*анкә,
брусъ, лóхлаль (лȣлаль, wówһаль),
точили, чи́ншякжычән,
пора, собирайтесь, хальч, *к*жи́льх*к*жýжх!
пропащій, кә́шх*к*нән,
кы́чикинъ, Краш. Б. (мертвой),
отпустили, *к*ы́н*к*шыин,
легкій, эмшулах,
тяжелый, кы́жлах,
быстрый, плэхэн, } Названія рѣкъ, составляющихъ
тихій, тýлэхэн, } р. Харьюзовскую.

Значеніе плэхэн—быстрый—не видно; плэхэн (или плöхен) есть множ. число отъ прилагательнаго плэх (плох), что значитъ большой. Также и тулэхэн —множ. число отъ прилаг. тулах (значеніе послѣдняго мнѣ неизвѣстно).

Не рѣдко одно и тоже слово встрѣчается записаннымъ нѣсколько разъ, въ разное время и въ разныхъ острожкахъ. Это дѣлалось мною въ томъ предположеніи, что можетъ быть окажутся какія-либо измѣненія. Различное правописаніе одинаковыхъ словъ обусловлено, какъ говорилось, крайнею трудностью ихъ произношенія. Полагаю, мало преувеличеннымъ сказать, что въ камчадальскомъ языкѣ нѣтъ гласныхъ, или, можетъ быть, ихъ гласныя на столько неясны, что врядъ ли возможно передать европейскими. Сколько я могъ наблюдать,

это зависитъ, какъ равно и прищелкиванье и придыханье въ звукахъ отъ образованія ихъ всѣхъ на бо́льшей глубинѣ (въ гортани), чѣмъ у европейца. Губы при образованіи звуковъ у камчадала, въ противуположность европейцу, участвуютъ мало.

Отсюда неясность звуковъ камчадальскаго языка и неподражаемая способность камчадаловъ своимъ горломъ передавать звуки птицъ и звѣрей (карканье воро́ны, клекотъ орла и т. д.).

Неудивительно поэтому, если одно и то же слово различными лицами будетъ записано совершенно различно и каждый будетъ настаивать на правильности своей транскрипціи.

Напр. и́*т*-млах (черствый, затвердѣлый, некаткій) можетъ быть передано, какъ ы́тымлах, и́тимлях, э́тэмлэх, ы́тымлох, ы́тэмляхъ и т. д.

Сел. Воровское.

Слова, которыя можно встрѣтить въ обыденномъ разговорѣ по-русски:

щенокъ, ха́мимачъ,
приярое мѣсто на рѣкѣ, шхи́та**нг**ъ,
мышь полевая красная, лёлькочъ,
мышь полевая—востроноска, чи́мо*к*очъ,
чай, ту́коохчь,
тарелка, шу́румэчь,
салфетка, фля́йдачхь,
пластанная рыба, качама́съ,
выходъ рѣки, у́нкшужачь,
устье рѣки, а́ахчь,
песокъ, ха́гнумъ,
повернись, кулякаму,
съ песка къ рѣкѣ, да́нумкашэчь,

рѣка на низу (нижнее теченіе), хвы́ангъ,
сельница, *тк-катачъ* или *кы́пхуй*,
пестъ—шэтка, шпэ;

Слова камчадальскія, извѣстныя только знающимъ языкъ:

икра, нэ́нгыль, нгалгыль,
рыба, нута, инчанъ,
торбасы, пхунъ,
стельки, чуни, (слышалъ также и на Сахалинѣ)
кипрей, нино,
штаны, коа,
крохаль, ты́льталяль,
селезень т.-е. кряковая утка, хы́жаль,
гоголь, ну́кукай,
косатый крохаль, мы́жаталь,
чирокъ, пы́жучкха,
куликъ, ту́яка,
че́рнеть, каншхъ,
ворона, кутха,
сорока, хва́кэкинай,
куликъ-травникъ, таутау,
домъ, киштъ,
сѣни, чи́накъ,
береза, ичъ,
листвень, ко́жуумъ,
ветла, кытхли,
тополь, хли́умчъ,
тальникъ, ча́чамъ,
ольховникъ, *кшкжинъ*,
куклянка, каучъ,
пей, *кыльхчь*!
ѣшь, кнухчь!
мизинецъ, ша́лькилькачъ,
указательный пал., пкочь,

большой палецъ, тынъ-качъ,
перст. палецъ, *т*хукачь,
палецъ, флючь и лю́хлюмчь,
что такое? а**н**ка?
что это такое (есть)?, а**н**ка шихы́нъ?
медвѣ̆дь, кашъ и мшхўны**нг**ъ,
олень, ару́акытхъ,
чайка, ёкоёкъ,
мартышка, шича,
лебедь, мэшхунъ,
куропатка, рэунучхъ,
голова, тхышхъ,
волосы, киба, *к*ы́манъ,
борода, л**ю**ль,
глаза, л**ы**ль,
ягода, л**и**ль,
ремень, л**ы**хь,
рѣ̆сницы, св**а**на,
носъ, кэ́канъ,
ротъ, кышхъ,
языкъ, лэч**и**ль,
зубы, *к*пынъ,
руки, *к*ычь,
хвостъ, нушхъ,
ноги, *кт*ханъ,
брюхо, *к*альктъ,
членъ муж. *к*ы́ль*к*атъ,

Привожу также слова сообщенныя мнѣ жителями селенія Колпаковскаго, въ которомъ уже можно найти нѣсколько человѣкъ, еще знающихъ этотъ исчезающій языкъ.

Сел. Колпаковское.

гагара, ёай,
жиръ, ха́мхль,
россомаха, *к*тми**нг**ъ,
лисица, тцшаль,
китъ, **юнюнг**ъ,
кутагаржикъ (растеніе), шко́**у**,
медвѣжій корень, х**и**ку,
сладкая трава, и́ньч*к*о**у**,
трава, ш**и́**шъ,
одинъ, кну,
два, кашхъ,
огонь, панчъ,
дрова, **у**а,
рыба, э́нчичхъ, (= кинжучь),
хайко, ка́кхоа,
горбуша, к**о**уча,
чавыча, ч**у**чу,
гольцы, **х**в**ы**тликачь,
мѣсто сліянія рѣки съ губой, кы́ич**гн**ыль,
мышь востроноска, лелькочь,
песецъ, ши́пука,
чажи (= мѣховые чулки), п**а**мья,
иду искать (= мышь), ту́ль*к*альну*ки*,—сарану, т**ы́**ш*ки*-чэнъ,
куда идешь? би́нкэ **и**счъ?
я, *к*ы́мма; ты, *к***ы́**жа,
кислая рыба, х**ы**льёль,
мелкая мошка, и́мкоичь,
большая муха (паутъ?), *к*у́мшля,
камень, уа́чъ,
мерзлый, кы́сты**нг**жычь,
сынъ, пачь, *

дочь, шу́инъ, *
море, кэ́хчи, *
медвѣ́дь, капъ, *
кто рубитъ, ка́ȳмэншинъ, *
нога, тхангъ, *
глазъ, лёнгъ, *
щеки, пы́лха, *
уши, и́лгулунгъ, *
подбородокъ, кы́пкичъ, *
поцѣлуй, *къ*ы́аȳ, *
хочу спать, тхны́кляжкичэнъ, *
время, пойдемъ вмѣстѣ, ха́лчь, хны́хльумкъ.

Слова отмѣченныя звѣздочкой записаны въ 94 году при первомъ проѣздѣ чрезъ инородческія селенія, когда ухо не могло уловить чуждой рѣчи.

Сел. Крутогоровое.

Слова записанныя въ Крутогоровой и употребляемыя крутогоровцами въ обыденной рѣчи:

большой, ћо́птъ,
маленькій, у́люляхъ,
ножъ, фа́льчь,
запоръ для рыбы, *тк*а́пажа,
колпакъ или пэуль, пэ́улэмчъ,

Случайно бывшій въ Крутогоровой камчадалъ Бѣлоголовскаго селенія—сообщилъ слѣдующія слова:

ружье, чэтъ,
нерпа, кыли́лянъ,
китъ, хы́тыу́тъ,

(вѣроятно, спрошенный не понялъ вопроса, такъ какъ этимъ именемъ называютъ особый видъ нерпы—школьника)

щенокъ, хә́ммәчхъ,
турсукъ, лёбхумъ,
русскій, а́**у**ачхъ,

этимъ камчадалы желаютъ успокоить разревѣвшихся ребятишекъ; стращаютъ, говоря:

а́**у**ачх'ынъ ә́*х*ынжинъ, русскій тебя возьметъ,
сладкая трава, на корню, **и́нг**ынъ,
ребенокъ, мә́лячхъ,
мужикъ, лы́хлхь,
кипрей, приготовленный въ пластинкахъ, ә́льпхъ,
дверь, н**у**чь,
одногодовалый медвѣдь, *т*хи́*к*ашъ,
снѣгъ, *к*о́лӧль,
Бѣлая сопка, (названіе горы) ф*х*әа́линъ,
ремень, лы́хь,
„но́рки“ (т.-е. ноздри), *к*на́шинъ,
усы, л**у́ы**ль,
волосы, *к*ъ**и́**мәнъ,
уши, **и**ль,
шея, *х***и́**тангъ.

БИБЛИО
ИНСТИТУТ. КРАСН. ПРОФЕС
№

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Сокращенія:

бол.—болото.
бух.—бухта.
верш.—вершина.
возв.—возвышенность.
вулк.—вулканъ.
г.—городъ.
гор. кл.—горячіе ключи.
зал.—заливъ.
кл.—ключъ.
лѣт.—лѣтовье.
мѣстн.—мѣстность.
о.—островъ.
остр.—острожекъ.
оз.—озеро.
окр.—округъ.
пос.—поселокъ.
прот.—протока.
р.—рѣка.
руч.—ручей.
рч.—рѣчка.
сел.—селеніе.
соп.—сопка.
тунд.—тундра.
ув.—увалъ.
хр.—хребетъ.
юр.—юрта.

А.

Аакъ камень 70.
Авача р. 5, 6, 7, 10, 11, 14, 15, 16, 17, 19, 30, 42, 141, 390.
Авача сел. 4, 5, 7, 29, 61, 111.
Авачинская бух. 4.
Авачинская соп. 4, 5, 10, 12.
Авачинская тунд. 121.
Агдаачъ рч. 451.
Алянгей соп. (Бѣлая) 369.
Альчъ р. 378.
Аманчъ рч. 390.
Аманинское сел. 406.
Амбонъ мысъ 420.
Амчигачева рч. 122, 123, 125, 127.
Амчигачевская тунд. 122.
Амылгыланъ березникъ 439.
Аннау-а остр. (Морошечный) 326, 334, 336, 340.
Аннауанкихъ р. (Морошечная) 339.
Анпожъ рч. 154.
Апача р. (Апачинская) 44, 67, 69, 105, 110.
Апача сел. (Апачинское) 4, 17, 36, 42, 43, 53, 56, 60, 61, 66, 67, 69, 70, 72, 79, 82, 84, 96, 109, 110, 113, 115, 403.
Апачинскіе гор. кл. 19.
Апачинская соп. 71, 139.
Апачинскій остр. 300.
Апька рч. 354.

Апча соп. 125, 134.
Апчанъ рч. 68, 69, 82, 94.
Апчанъ хр. 82, 94, 139.
Асача мѣстн. 13, 14.
Ахланъ гора 300, 325.
Ачаванчь о. 393, 394, 424.
Ашира рч. 338.

Б.

Бааню р. 57, 69.
Байдара хр. 453.
Балаганчикъ рч. 68, 80, 82, 83.
Балаганчикъ хр. 82, 83, 90.
Банная р. 56, 57, 69,
Банные гор. кл. 19.
Безымянный хр. 92.
Ближній Кохаичъ рч. 44.
Ближняя Половинная рч. 194.
Ближній Чирельчикъ рч. 51, 52.
Богородское оз. 140.
Большая рѣка 35, 69, 123.
Большая Авачинская бух. 5.
Большая Половинная тун. 298.
Большая Тополовая р. 34.
Большая тундра 177, 255, 364, 265.
Большерѣцкъ сел. (Большерѣцкое) 35, 61, 69, 109, 110, 112, 113, 114, 115, 116, 118, 120, 122, 126, 127, 185, 210, 214, 354, 403, 406.
Брюмкина р. 168, 174, 175, 177, 178, 180, 181, 182, 184.
Брюмкинъ остр. 379.
Быстрая р. 118, 119, 120, 144, 152.
Быстрая Роговая р. 116.
Бѣлая соп. (Хвэалинъ) 195, 196, 198, 212, 271, 285, 325, 369, 420, 421.
Бѣлоголовый мысъ (Бѣлоголовскій) 339, 370, 423, 430.
Бѣлоголовская р. 339, 340, 354, 367, 368, 369, 372, 377, 378, 379, 383, 393.
Бѣлоголовое сел. (Бѣлоголовскій остр.) 62, 300, 349, 355, 360, 362, 368, 369, 370, 372, 377, 384, 390, 392.
Бѣлое оз. 193.
Бѣлые Камешки рч. 134.

В.

Вàвангъ рч. 433.
Валэнъ рч. 433.
Ваннàунгэй соп. 399.
Вацкажацъ хр. 33, 35, 36, 37.
Верхне-Камчатскъ сел. 406.
Верхній Острожекъ пос. 178.
Вершинная р. 19.
Вершинное оз. 19.
Вершинскіе гор. кл. 19.
Вилючинская бух. 140.
Владивостокъ г. 217.
Воровская губа 181.
Воровская р. 154, 167, 168, 170, 172, 174, 177, 181, 194, 323, 412, 457.
Воровское сел. 110, 142, 152, 153, 154, 155, 161, 167, 168, 169, 170, 174, 177, 180, 203, 412, 416.
Восточный Камчатскій хр. 126.
Высокая Ганальская тунд. 167.

Г.

Гаванка р. 30.
Ганальскіе Востряки хр. 16, 18, 119.
Ганальское сел. 144.
Гижига 173.
Гижигинскій окр. 325.
Голыгинскіе гор. кл. 19.
Гольцовка рч. 114.
Гольцовскій хр. 69, 71.
Горѣлое мѣстн. 34.
Гремучка руч. 33.
Грунчина прот. 118, 127.
Гунтынъ-Макайлонъ остр. 379.

Д.

Далякошкъ 202.
Дальняя рч. 286, 290.
Дальній Кохаичъ рч. 44.
Дальняя Половинная рч. 194.
Дальній Чирельчикъ рч. 52.
Данилина рч. 69.
Двухъ-юртенная р. 19.
Двухъ-юртенскіе гор. кл. 19.
Дмитріевская рч. 41, 44.
Домашній хр. 71.
Дымримецъ руч. 30.

Е.

Еловка р. 19.
Еловское сел. 403, 406.
Ешхлинъ р. 451.

Ж.

Жупановая р. 141.

З.

Западнобережная Камчатская тунд. 120.
Западный Камчатскій хр. 71, 125, 126, 167.
Западный Срединный хр. 144, 207, 230.
Зеркало гора 33, 35, 41.
Зубья хр. 113.

И.

Ильчъ руч. 378.
Импунклонъ р. 353.
Импункіанъ рч. 285, 286.
Инпаваэмъ рч. 423.
Иншулъ рч. 380.
Ипилька р. 69, 94.
Ипилька хр. 94, 113, 114, 139.
Ипукыгъ хр. 33, 36, 41, 43, 44, 50, 58,
Иррунгэй хр. 386, 433.
Иткъ рч. 154, 162.
Ича р. (Ичинская) 212, 231, 249, 255, 264, 265, 266, 267, 284, 285, 286, 287, 290, 320, 322, 323, 325, 353, 355.
Ича сел. 213, 265, 266, 283, 289, 300, 336, 351, 355, 369, 419.
Ичинская губа 231.
Ичинская соп. 195, 325.
Ичинская тунд. 287.
Ичинскій остр. (Ича) 230, 231, 266, 267, 270, 286, 300, 320, 353, 457.
Ичинцелли-Тхунжева соп. 212.

I.

Іуль-ухтъ (Долгій березникъ) 336, 337.

К.

Кавачэнь р. 438.
Кайячи-ваэмъ рч. 433.
Калькэльваэмъ рч. 430, 433.
Ка́келъхнумъ рч. 334, 337, 338, 339.
Калахтырка сел. 61.
Калахтырская тунд. 122, 141.
Камсхила руч. 72.
Ка́муры мѣстн. 267.
Камчатка р. 18, 46, 179, 180, 230, 235, 247, 285, 379, 390, 399, 405, 406, 412, 458, 461.
Камчатская вершина 16, 18.
Карага (Карагинское) сел. 403, 406.
Каримчина р. 67, 68, 69, 80, 82, 83, 84, 92, 94, 95, 96, 97, 98, 105, 160, 107, 109.
Каримчинская соп. 95, 100, 107.
Каримчинскіе гор. кл. 72, 105.
Каримчинскій хр. 90.
Кважуха рч. 167.
Квасчикъ рч. 181.
Квачена р. 433, 437, 439, 440.
Квачэнмумчъ рч. 440, 443.
Квичальмо рч. 180.
Квичана рч. 180.
Квывычанъ оз. 335, 336.
Квывычанъ рч. 335, 336.
Кеншина падь 179.
Кжича́ининъ р. 285.
Кжмичъ рч. 149.
Кжокіо рч. 231.
Кжокіонъ р. 265.
Кжучъ рч. (Собачья).
Киврипъ остр. (Са́схалыкъ) 379.
Кимитина р. 285.
Кинжаэчъ руч. 167.
Кинкиль р. 172.
Кинкиль сел. 225.
Кирганикъ р. 230.
Киреунскіе гор. кл. 19.
Китнынъ рч. 354.
Кихчикъ остр. 130.
Кихчикъ р. 125, 136, 137, 138, 139, 181, 366.
Кихчикъ сел. (Кихчинское) 133, 136, 137, 144, 145, 149, 150.
Кичау хр. 91, 92.
Кичеванъ хр. 181.
Ки́ч-жинъ рч. 287.
Кишунокъ рч. 287, 298.

Кіай рч. 213, 230.
Клухчинъ соп. 453.
Клы́вычанъ оз. 339, 361.
Клы́вычанъ р. 337, 338.
Клывычанъ тунд. 361.
Ключевское сел. 151, 247, 249, 403, 406, 412.
Клэпаваемъ рч. (Напана) 449.
Книпхваемъ рч. 423.
Ковранское сел. (Ковранъ) 62, 384, 385, 394, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 420, 422, 432, 433, 448.
Ковранъ р. 172, 397, 398, 421, 422, 42', 424, 428, 429, 430, 433.
Кодомочъ рч. 149.
Козловый мысъ 405.
Козыревскій хр. 388.
Козыревская р. 399.
Козыревское сел. 405.
Кожгумкъ соп. 167, 194.
Кожевинское оз. 140.
Козельская соп. 4.
Ко́кона́ичь рч. 327.
Ко́кононинъ падь 253.
Ко́конокъ рч. 194, 231, 253, 254, 265.
Ко́кономча рч. 231, 254, 255.
Коктунга соп. 181.
Коловская р. (Колъ) 149, 152, 154, 323.
Колпакова р. (Колпаковская) 176, 177, 178, 179, 181, 182, 183, 184, 187, 188, 194, 205, 207.
Колпакова сел. (Колпаковское) 168, 170, 172, 174, 177, 179, 180, 184, 187, 201, 228.
Колпаковская губа 180, 189.
Колпаковскій зал. 176.
Колъ сел. (Коловское) 137, 143, 144, 145, 149, 152, 416.
Ко́льчина рч. (Кольхчина) 430, 433.
Кономча рч. 265.
Ко́нтунга рч. 168, 181.
Копъёнъ рч. 363.
Коряки сел. (Коряцкое) 14, 15, 16, 29, 30, 34, 35, 48, 66, 167, 451.
Коряцкая р. 14, 17, 30, 32, 33, 37, 42.
Коряцкая соп. (Стрѣлочная) 4, 5, 8, 10, 12, 17, 19, 20, 29, 31, 109.
Коряцкая юр. 31.
Коряцкій хр. 15, 16.
Косогорная рч. 54.
Косогоръ возв. 53, 54.
Косой спускъ рч. 135.
Костууныча рч. (Половинная вторая) 168, 181.
Ко́тхлёнгъ соп. (Бѣлая) 198, 209, 237, 285.
Котъ-котъ яръ 112.
Ко́тхонъ гора 370, 384.
Кохаичъ р. (Кокоичъ) 44, 69.
Кпо́айянъ соп. 340, 362, 369, 370, 424, 430.
Красная рч. 122, 123, 127, 131.
Красная соп. 454, 455.
Красный хр. 56.
Крахча 405.
Крестовая р. (Крестовская) 379, 399.
Кроноки 13.
Кроноцкій мысъ 419.
Круглая тундра 252, 253, 255, 265.
Крутогорова р. (Крутогоровская) 181, 194, 198, 201, 204, 206, 207, 209, 210, 211, 249.
Крутогоровское сел. 180, 190, 198, 199, 201, 206, 207, 208.
Ктэлламанъ гр. 440, 441.
Ктэпангэй хр. 399, 400, 443, 452, 453.
Кужахтка р. 168.
Кужахтля рч. 181.
Кужахтно рч. 181.
Куннякуль рч. 285, 286.
Кунчъ рч. (р. Пущинская) 179, 182, 189, 191.
Кунчь падь 179.
Кунчькиланъ рч. 339.
Курейка р. 96, 97, 98.
Курильская лопатка 45', 460.
Курильское оз. 70, 88, 460.
Курильскій о. 389.
Курильскій остр. 460.
Кушклема ув. 188.
Кхэнгынъ мысъ 424, 430.
Кшкіонъ рч. 290, 291, 293.
Кшуа рч. 194, 195, 196, 197, 208.
Кшукъ рч. 194, 195.
Кшха̀анъ рч. 207.

Кшэжуа 362.
Кща̀нгеныча рч. 253.
Кыгынъ р. 451.
Кыгъ-ёонъ гора 134.
Кылаайянъ р. 390, 392, 393.
Кылаайянъ ув. 393.
Кылимшъ р. 433.
Кыльнгитъ р. 356.
Кыльхолӧй рч. 433.
Кынхшлэнъ рч. 394.
Кынман-кіэчахъ р. (Крутая) 339.
Кырганикъ р. 285.
Кырганикъ сел. 285.
Кыхыншаэнъ рч. 385, 386.
Кышъ-ёонъ хр. 125, 137.
Кэльхюп-кіэчах рч. 354, 454.
Кэчиланъ соп. 369, 370.

Л.

Лебхаваэмъ рч. 423.
Лёгокъ рч. 233, 238, 251, 256, 265.
Лёитъ р. 434.
Лопатка 184, 419, 458.
Луковая тундрочка 33, 34.
Лумтэскъ рч. 152.
Лухль рч. 380, 393, 394.
Лылужичъ рч. 394, 395, 396.
Лыльвучъ рч. 433.
Лѣвая Авача р. 18.
Лѣвая Каримчина р. 68, 100, 107.
Лѣвая Опала р. 90, 92.
Лѣтникъ прот. 120.
Льхькыжайянъ соп. 453.
Лэльвуча рч. 428.

М.

Малая Авачинская губа („Ковшъ") 4.
Маленькая Мухичная рч. (Мухинчикъ) 134.
Маленькій хр. 57, 58, 82.
Малка сел. 403.
Малкинскіе гор. кл. 19.
Малкинское сел. 116.
Мастожокъ рч. 180.
Ма̀штангъ мѣстн. 225.
Маячная тун. 122, 140, 141.
Маячное оз. 140.
Медвѣжій Камень горы (Кыёнгэй) 433.
Медвѣжій хр. 453.
Мильково сел. (Мильковское) 46, 47, 246, 285, 403, 406.
Мильхъ сел. (Бѣлоголовое) 360.
Миронова рч. 82.
Митага рч. 122, 123, 124, 125, 127.
Михнганъ рч. 287, 299.
Мишенная гора 5, 6.
Мокрая тунд. 35.
Мопаковая прот. 114, 115.
Морошечная р. 322, 337, 338, 340, 348, 349, 352, 354, 355, 356, 363, 369, 379, 461.
Морошечное сел. 62, 300, 334, 336, 340, 344, 345, 350, 360, 362, 396, 460.
Морошечный остр. (Аннау-а) 326, 334, 336, 354, 367, 368, 375, 411, 412.
Мостовая прот. 115, 117, 118, 127.
Моховая бух. 5.
Мутновская соп. (Поворотная) 91.
Мухина рч. 136.
Мухинчикъ рч. (Маленькая Мухичная) 135.
Мырымратъ р. 451.
Мшолхчъ рч. 367.
Мысовая рч. 141, 142, 143.

Н.

Налачева р. 437, 450.
Налычевскіе гор. кл. 19.
Напана р. 412, 434, 446, 449, 452, 453.
Напанскій остр. 433, 443, 445, 446, 451, 453.
Напанское сел. (Напана) 62, 303, 342, 430, 431, 440, 444, 448, 449, 450, 454, 454, 457.
Напано-Утхолокская тунд. 444.
Напано-Утхолокская юр. 441.
Напанскія болота 449.
На̀танакъ рч. 208, 210, 211.
Начика р. (Начикинская) 17, 33, 35, 36, 37, 38, 41, 42, 43, 44, 49, 50, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 60, 61, 69, 79, 80, 119.

Начика сел. (Начикинское) 17, 29, 33, 34, 35, 36, 37, 39, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 53, 58, 59, 67, 71, 116, 127, 167.
Начикинская юр. 31.
Начикинскіе гор. кл. 19, 39, 40.
Начикинское оз. 64.
Начилова рч. (Начиловая) 119, 120, 121, 127.
Начиловская тунд. 120, 121.
Николаевская р. 7.
Николаевскъ г. 12.
Никольская гора 4.
Нишкіонъ рч. (Нишконъ) 290, 293.
Ныльхъ рч. 399.
Нокочъ рч. 142, 143.
Нȯнэмчапъ рч. 385.
Нуккую 208.
Нулякычахъ рч. 285.
Нѣмтикъ рч. 144, 146, 148.

О.

Оȧутъ остр. 266.
Облуковина сел. (Облуковинское), 3, 4, 143, 155, 207, 209, 2.3, 214, 215, 216, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 255, 265, 268, 381, 382, 403, 406.
Облуковинская р. (Облуковина) 208, 209, 212, 229, 230, 231, 232, 234, 238, 251, 265, 285, 323.
Обѣщанный хр. 42, 53.
Озерная р. 69, 70.
Озерновское с. 403.
Оклянгэй мѣстп. 438.
Окола р. 432.
Ольховая р. 33, 34, 35.
Ольховый хр. 30.
Омомкичъ рч. 287, 290.
Опала р. 90, 91, 92.
Опальскій хр. 89.
Опальная соп. 69, 71, 82, 83, 84, 85, 86, 88, 91, 92, 93, 94, 135.
Осередечная 1-ая рч. 84, 85.
Осередечная 2-ая рч. 84, 85.
Отлогая рч. 339.
Охманка рч. 45.
Охотское море 92, 142, 167, 251, 225, 444.
Охотскъ г. 173, 178.

П.

Палланъ сел. 225, 275, 403, 419.
Парапольскій долъ 325.
Паратунка р. 7, 11, 67, 141.
Паратунка сел. 61.
Паратунская тун. 141.
Паратунскіе гор. кл. 19.
Паратунскій хр. 67, 69.
Паренчиновая прот. 115.
Паужвакра рч. 377, 378.
Пенжинское 458.
Перевозная рч. 50.
Перевозная падушка руч. 45.
Петáай р. 324, 379.
Петропавловскъ г. 3, 4, 5, 7, 12, 16, 61, 67, 72, 112, 115, 116, 132, 141, 151, 156, 163, 171, 183, 187, 207, 213, 291, 302, 309, 371, 403, 406, 419.
Печечная рч. 80.
Пилялапъ рч. 423.
Пинечева р. 19.
Писечъ яръ 111, 112.
Плэханъ р. 379, 381.
Поворотная соп. (Мутновская) 91.
Половинная Первая рч. 181.
Половинная р. (Половинская) 141, 143, 195, 208, 210, 211.
Половинная тунд. 296, 322.
Половинный хр. 30.
Полосатый хр. 91.
Поперечная прот. 118, 127.
Поперечная р. 33, 34, 81, 82.
Поперечный хр. 33, 36.
Порожная рч. 95.
Пóукъ рч. 209, 212, 213, 225.
Правая Авача р. 18.
Правая Карымчина р. 68, 72 105, 107, 112.
Правая Опала р. 88, 89, 91, 92.
Правая Паратунка р. 67.
Правая Толмачева р. 90.
Пункшуа р. 167, 194.
Пухль, р. 433, 437.
Пущино сел. 179.
Пущинская р. (Кунчъ) 179, 182, 189, 191.

Р.

Разсошина кл. 286, 290.
Раковая бух. 140.
Рангтоваэмъ рч. 397.
Рунокль мысъ 251.
Рунокль мѣстн. 229.

С.

Самангъ о. 70.
Сарайная гора 18.
Сарайная рч. 69.
Сарайный хр. 19.
Сарайная бух. 140.
Сасхалыкъ остр. 379.
Седанка 458.
Седанкинское сел. 62, 457.
Семидэкъ хр. 36.
Семячикъ р. 403.
Сердце Алаидъ камень 70.
Сигнальная гора 4.
Сигнальный мысъ 4.
Сишканъ остр. 300.
Снатальнаваемъ р. 434.
Собачья рч. (Кжучъ). 134.
Соленое оз. 140.
Сможна Кынтова зал. 152.
Соможная р. 153, 154.
Сопканкъ хр. 339, 340, 362.
Сопочная р. (Сопошная) 284, 286, 287. 297, 299, 300, 323, 324, 325.
Сопочное сел. (Сопошное) 62, 266, 298, 300, 325, 327, 332, 355.
Сопочный остр. (Сопошный) 289, 298, 300, 303, 320, 322, 323, 326, 334, 354, 356, 375.
Спухчакъ истокъ (Спухчанахчакъ) 70.
Срединный Камчатскій хр. 120, 137, 138, 181, 182, 207, 333, 365, 380, 399, 419, 430, 439, 444.
Средняя Авача р. 18.
Средняя Опала р. 92.
Старый Острогъ сел. 7, 12, 14, 16, 20, 37. 267,
Степанова падь 112.
Стрѣлочная соп. (Коряцкая) 4, 5, 10.
Сужыынкихъ р. (Сопочная) 323, 325, 332.
Сухая Тополовая р. 30, 34.
Сханyганъ гора 214, 230.
Сханчь о 393, 394.
Схыжайянъ соп. 453.
Сишканъ р. 324.
Сѣданскіе (Седанкинскіе) гор. кл. 19
Сѣроглазка сел. 5, 61.
Сѣроглазочная бух. 5.

Т.

Тажмаачъ рч. 153
Тажмачэнъ рч. 438.
Такаутъ остр. 214.
Тарьинская тунд. 122.
Тахлаатынумъ остр. 208.
Терентьевка р. 42.
Тивенай руч. 212.
Тигиль мѣстн. 171.
Тигиль оз. 455.
Тигиль р. 172, 371, 390, 399, 412, 434, 446, 451, 453, 454, 455.
Тигиль сел. (Тигильское) 115, 151, 366, 379, 403, 406, 419, 420, 430, 446, 447, 448, 449, 452, 453, 454, 455, 457.
Тигильскій Амбонъ мысъ (Антома) 438, 453.
Тимановская падь 18.
Тимановская р. 18.
Тимановскіе гор. кл. 19.
Тнóнхльномъ рч. 433.
Тойонская рч. (Тойенская) 42, 55, 109.
Тойонская тун. 55.
Толбачинское сел. 403.
Толмачева р. 68, 84, 85, 86, 88, 91, 92.
Толмачевскій хр. 83, 85, 86, 91.
Толмачевскія сопки 83, 88, 90, 93, 94, 95.
Толстый березникъ мѣстн. 293, 294.
Тольпхкіонъ рч. 298.
Тополевая юр. 35.
Тополевая рч. 30, 31, 32, 33.
Тополевая соп. 31.
Тополевый хр. 30, 31.
Тулаганъ р 379, 398.
Тýлэханъ р. 379, 380, 381, 399.
Тундровая рч. 69.
Турбакъ рч. (Тушбакангъ) 126, 127.

Тхлдай соп. (Тхлдаянъ) 297, 298, 300, 321, 322, 327, 332, 334, 335.
Тхэнгэнъ мысъ (Бѣлоголовскій) 335, 394.
Тцвивича рч. 231, 255, 265.
Тчышка́-чэнъ рч. 285.
Тыжмэнчъ р. 433.
Тыж-айянъ рч. 392, 393.
Тылуса рч. 208, 214.
Тыльпхкионъ рч. 287.

У.

Удуу рч. 154, 366.
Удушъ рч. 69.
Уздецъ рч. 37, 43, 59, 60
Узкое мѣсто 32, 33.
Ука р. 457.
Укинское сел. 406.
Укшохъ рч. 140, 141.
Унтова рч. 168, 177, 181.
Упткаякъ мѣстн. 178.
Усанамъ рч. 56, 57.
Усть-Камчатскъ сел. 403, 419.
Утка р. (Уткинская) 70, 72, 127, 131.
Утка сел. 67, 118, 122, 126, 127, 132, 135, 137.
Утшкіа прот. 232, 265
Утхла 440.
Утхолока р. 421, 424, 428, 429, 431, 432, 433, 444 (Окалянкых).
Утхолокскій мысъ (Утхолокскій Амбонъ) 420, 430, 432, 439.
Утхолокскій остр. 430, 434.
Утшэла рч. (Уцшалъ) 144.
Утшэлкъ рч. 139, 154.
Ухинскіе гор. кл. 19.
Ухулъ-кикъ яръ 111.

Ф.

Фхэалинъ (Бѣлая) соп. 209.

Х.

Хадутинская соп. (Хадутка) 88.
Халзанъ р. 57, 59, 60.
Халзанъ хр. 33, 36, 43, 56, 58, 59, 69, 113.
Хайкова прот. 54.
Хамнэчъ рч. 287, 299.
Харчинскій хр. (Тима́ска) 388.
Харьюзовскій остр. 370, 390, 394, 399.
Харьюзовская р. (Харьюзова) 172, 285, 378, 379, 383, 384, 385, 386, 387, 392, 393, 394, 397, 4.8.
Харьюзова Быстрая р. 449.
Харьюзовское сел. 62, 171, 349, 377, 378, 379, 380, 383, 384, 399, 403.
Харьюзовскій хр. 380, 384.
Хвэа́яинъ соп. (Бѣлая) 324, 333.
Хвэтливаэмъ рч. 429, 433.
Хикихэнъ р. 322, 324, 325, 326, 327, 331, 332, 337, 339, 354.
Хирункль мѣстн. 225.
Хламовитка р. 10.
Хомучина рч. 133, 134.
Хребтикъ хр. 82, 83.
Хребтичная рч 41, 44.
Хребтовая рч. 68.
Хребты 152.
Хулугуна возв. 439.
Хуторъ сел. 11, 12.
Хэпылъ рч. 326, 327, 354.

Ч.

Чаёчканъ падь 55.
Чажма 419.
Чачамчнанъ рч. 423.
Черная рѣчка 434, 441.
Чжакчъ мѣстн. 182.
Чклинъ лѣт. 384.
Чунухта рч. 181.

Ш.

Ша̀дашха рч. 204, 205, 208, 209, 210, 211.
Шаичикъ р. 287, 293, 294, 295, 296.
Ша̀нгунчъ рч. 285.
Шанопадь падь 179.
Шарыповская соп. 454.
Шарыповская рч, 453, 454.
Шарыповская падь 454.
Шеагачь рч. 214.
Шеромы сел. 179, 207.
Шику рч. 68, 79, 80.
Шику хр. 90.

Шимъ рч. 285.
Широкая падь 82.
Шиткошангъ рч. 131.
Шкионъ рч. 287.
Шкуткъ р. (Шхдой) 231, 256, 264, 265.
Шнуумча р. 209, 212.
Шумшу о. 459.
Шхдой р. (Шкуткъ) 231, 256, 264, 265.
Шхикіа рч. 208, 212.
Шхикіунча рч. 208, 211.
Шхȯача рч. 154.

Щ.

Щȧахча рч. 198.
Щокочъ рч. 41, 44.
Щокочъ хр. 41.

Э.

Эльвеликъ гора 271, 385, 386, 387, 388, 390, 394, 395, 403, 422, 424, 430.

Ю.

Юнюнъ-кіэчахъ р. (Китовая рѣчка) 339.

Я.

Явино сел. 403.
Явинскіе гор. кл. 19.
Ягодная тунд. 122, 441.
Якана соп. (Яконо) 181, 194.
Ямскіе острова 439.
Японское мѣстн. 112, 113.

ож.

241-248
272, 278,
461